

ISSN 2074-0239

2021

2 (64)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

Филология и культура. Philology and Culture

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в
национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Дайбер Томас – профессор Гиссенского университета (Германия).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Карлсон Чарльз Фредерик – профессор Вашингтонского университета (США).

Киклевич Александр – профессор Варминско-Мазурского университета в г. Ольштын (Польша).

Куипер Конрад – член консультативного совета Европейского фразеологического общества «Еврофраз».

Куссе Хольгер – профессор, зав. кафедрой славистики технического университета г. Дрездена (Германия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Юлай Шамильоглу – профессор Висконсинского университета (США).

Онер Мустафа – профессор, директор Института социально-гуманитарных знаний Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – доцент, научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Хотинец Вера Юрьевна – профессор, зав. кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, зав. кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», профессор кафедры образовательных технологий и информационных систем в филологии.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р пед. наук, доц., ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Арсентьева Елена Фридриховна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Аюпова Роза Алляметдиновна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Бакиров Марсель Хаernasович, д-р филол. наук, проф., вед. науч. сотр. Республиканского центра развития традиционной культуры Республики Татарстан.

Богоявленская Юлия Валерьевна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, проф., директор Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Бревева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Галиуллин Камиль Рахимович, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Закамулина Миляуша Нурулловна, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой иностранных языков, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет».

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, проф., и.о. зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доц., глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, проф., профессор кафедры методики преподавания литературы ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Карасик Ольга Борисовна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Косова Вера Алексеевна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доц. доц., глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р филол. наук, директор Высшей школы русской и зарубежной филологии Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Нефедова Лилия Амирянновна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет».

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, проф. ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения.

Садыкова Анда Гумеровна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, проф. зав. кафедрой образовательных технологий и информационных систем в филологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУВО «Тюменский государственный университет», декан социально-педагогического факультета Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал).

Фаттахова Наиля Нурийхановна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, проф., ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, проф., директор Высшей школы татаристики и тюркологии им.Г.Тукая ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, проф. ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры».

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес редакции: 420021, г.Казань, ул.Татарстан, д.2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать»: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Заболотская А.* Особенности художественного перевода повести Л. Н. Толстого «Семейное счастье». 7
- Заболотская А., Сигал Н.* Сравнительный анализ перевода реалий в повести Л. Н. Толстого «Детство» на английский язык. 12
- Калинин К.* Роль грамматического параллелизма в построении текста древнерусской ораторской прозы. 18
- Кутимская А.* Синонимические отношения в немецкой терминологии банковского дела. 23
- Лю Фанфан* Реализация категории интенсивности в суффиксальных прилагательных. 30
- Сафиуллина Г., Тарасова Ф.* К дискуссии о типологии современной татарской лексикографии. . . 35
- Тайдонова С.* Способы определения эндемичности томских реалионимов. 45
- Юсупов А., Мухаметова И.* Функциональный потенциал религиозной лексики в татарском языке. 51

Литературоведение

- Алексеева Г.* «Анатомия нищеты» Джона Кенворти и «Так что же нам делать?» Льва Толстого. . 57
- Аманова Г.* О ранних переводах Л. Н. Толстого в Корею. 63
- Андреева В.* Образ эпической героини в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». 68
- Ахметгараева Г., Гайнуллина Г.* Образ женщины в творчестве Р. Хариса. 76
- Бекметов Р.* Центр по изучению наследия Льва Толстого в Казанском федеральном университете. 82
- Бекметов Р., Казем Нежад Дахкаи Седиге* Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в переводе на персидский язык: о стратегии Казара Симоняна. 94
- Болдырева О., Арашаева Б.* Рассказ Л. Н. Толстого «Косточка» в переводе на калмыцкий язык. . 103
- Габидуллина Ф., Насипов И., Шабакеев Р.* Нравственно-религиозные ценности в прозе Фаузии Байрамовой. 109
- Галимуллина А., Галимуллин Ф.* Культурные коды в поэзии Р. Хариса. 116
- Гилязов Т., Сайфулина Ф.* Литературная критика Р. Хариса: проблематика и жанровое своеобразие. 122
- Крылов В., Баландин А.* Оппозиция «Л. Н. Толстой – К. Н. Леонтьев» в интерпретации литературной критики А. К. Закржевского. 130
- Маслова А., Земцова Д.* Взаимодействие природных и бытовых образов в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». 137
- Очков В., Гуличева Е., Очкова Н.* Лев Толстой и математика. 146
- Паикуров А.* Феномен Льва Толстого в исследовательской интерпретации В. Н. Азбукина (из материалов лекционного курса по истории русской литературы последней трети XIX века). . 155
- Полтавец Е.* Гендерные стереотипы в читательской и исследовательской рецепции героинь Л. Н. Толстого. 159
- Прокончук Ю.* Л. Н. Толстой и П. П. Николаев о социально-политических проблемах XX века. . 170
- Сайфулина Ф., Юсупова Н.* Интеллектуальная тенденция в поэзии Р. Хариса. 176
- Саянова А.* Образ Хаджи-Мурата в повести Л. Н. Толстого: проблема личности. 182
- Султанбеков Ф., Саянова А.* Случай как событие в романах Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф. Ф. Тютчева «На скалах и долинах Дагестана». 187
- Файзуллина Р.* Трансгендерность как один из аспектов трансгуманизма в романе Д. Уинтерсон «Целую, твой Франкенштейн: история одной любви». 194

Фернандес Буэно А. «Записки сумасшедшего»: сравнительно-композиционный анализ одноименных произведений Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого и его использование в иностранной аудитории.	201
Хабутдинова М. Идеино-художественное своеобразие драматической поэмы Р. Хариса «Идегей».	207
Хуббитдинова Н. Художественная функция мотива охоты в башкирском эпосе (на примере произведений «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу»).	214
Шафранская Э. Л. Н. Толстой и Н. Н. Каразин: литературное взаимовлияние.	219
Юнусов И. Этноним «татарин» в поэтике Л. Н. Толстого.	225
Юсупова Н., Гайнуллина Г. Роль фольклорной символики в гражданской лирике Р. Хариса.	234

ПЕДАГОГИКА

Гуторова Г. Метапредметные компетенции и оценка уровня их сформированности у обучающихся основной школы.	239
Каюмова Г., Мингазова Л. Свообразие изучения поэмы Рената Хариса «Любовные сны Габдуллы Тукая» на уроках литературы в школе.	246
Мифтахова А. Шкала оценивания дизайна цифровых образовательных ресурсов для детей.	252
Нугманова Ф., Кулькова М. Разработка и применение кейс-технологии, ориентированной на развитие метапредметных навыков старшеклассников на уроке английского языка.	258
Свирина Л., Ашрапова А. Проблема выбора синонима при вербализации коммуникативной интенции (на материале английского языка).	264

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

- Zabolotskaya, A.* Features of literary translation of the novel “Family Happiness” by Leo Tolstoy. 7
- Zabolotskaya, A., Sigal, N.* Comparative analysis of realia translation into the English language in the novel “Childhood” by Leo Tolstoy. 12
- Kalinin, K.* The role of grammatical parallelism in text construction of Old Russian oratorical prose. 18
- Kutimskaya, A.* Synonymic relations in German banking terminology. 23
- Liu Fangfang* Implementation of the intensity category in suffixal adjectives. 30
- Safiullina, G., Tarasova, F.* Discussing the typology of contemporary Tatar lexicography. 35
- Taydonova, S.* Ways to determine the endemicy of Tomsk realonyms. 45
- Yusupov, A., Mukhametova, I.* Functional potential of religious vocabulary in the Tatar language. 51

Literary Studies

- Alekseeva, G.* “The Anatomy of Misery” by J. C. Kenworthy and “What Should We Do?” by Leo Tolstoy. 57
- Amanova, G.* On Leo Tolstoy’s early translations in Korea. 63
- Andreeva, V.* The image of the epic heroine in the novel “Resurrection” by Leo Tolstoy. 68
- Akhmetgaraeva, G., Гайнуллина Г.* The image of a woman in the works by R. Kharis 76
- Bekmetov, R.* The center for Leo Tolstoy’s heritage studies in Kazan Federal University 82
- Bekmetov, R., Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh* Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina” translated into Persian: On Kazar Simonyan’s strategy. 94
- Boldyreva, O., Arashaeva, B.* Leo Tolstoy’s story “The Bone” translated into the Kalmyk language. 103
- Gabidullina, A. Nasipov, I., Shabakaev, R.* Moral and religious values in Fauzia Bayramova’s prose. 109
- Galimullina, A., Galimullin, F.* Cultural codes in the poetry of R. Kharis. 116
- Gilazov, T., Saifulina, F.* R. Haris’s literary criticism: Problematics and genre originality. 122
- Krylov, V., Balandin, A.* The opposition “Leo Tolstoy – Konstantin Leontiev” in the interpretation of A. Zakrzhevsky’s literary criticism 130
- Maslova, A., Zemtsova, D.* B Interaction of natural and everyday images in Leo Tolstoy’s novel “Resurrection”. 137
- Ochkov, V., Gulicheva, E., Ochkova, N.* Leo Tolstoy and mathematics. 146
- Pashkurov, A.* The phenomenon of Leo Tolstoy in V. Azbukin’s research interpretation (based on the lecture course on the history of Russian literature of the late nineteenth century). 155
- Poltavets, E.* Gender stereotypes in the reading and research reception of Leo Tolstoy’s heroines. 159
- Prokopchuk, Yu.* Leo Tolstoy and Pyotr Nikolaev on social and political problems of the twentieth century. 170
- Sayfulina, F., Yusupova, N.* Intellectual trend in the poetry of R. Kharis. 176
- Sayapova, A.* The image of Khadgy-Murat in Leo Tolstoy’s story: A personality problem. 182
- Sultanbekov, F., Sayapova, A.* A happening as an event in Leo Tolstoy’s novels “Anna Karenina” and Fyodor Tyutchev’s “On the Rocks and Valleys of Dagestan”. 187
- Faizullina, R.* Transgenderism as an aspect of transhumanism in J. Winterson’s novel “Frankissstein: A Love Story”. 194
- Fernández Bueno A.* “The Diary of a Madman”: Comparative compositional analysis of Nikolai Gogol’s and Leo Tolstoy’s homonymous stories and their use in the lessons with foreign students. 201
- Khabutdinova, M.* Ideological and artistic originality of r. kharis’s dramatic poem “Idegey”. 207
- Khubbitdinova, N.* The artistic function of the hunting motif in Bashkir epic (based on “Ural-Batyr”, “Akbuza”, “Zayatulyak and Khyuhylu”). 214
- Shafranskaya, E.* Leo Tolstoy and Nikolai Karazin: Literary interaction. 219
- Yunusov, I.* Ethnonym “a Tatar” in Leo Tolstoy’s poetics. 225
- Yusupova, N., Gainullina, G.* The role of folklore symbols in the civil lyrical poetry of R. Kharis. 234

PEDAGOGY

- Gutorova, G.* Metasubject competencies and assessment of their development level in secondary school students. 239

Kayumova, G., Mingazova, L. Specific features of studying Renat Kharis’s poem “Gabdulla Tukay’s Love Dreams” in school literature lessons	246
Miftakhova, A. Evaluation scale for the design of digital educational resources for children.	252
Nugmanova, F., Kulkova, M. Design and implementation of the case study focused on the development of metasubject skills of high school students in the English lesson.	258
Svirina, L., Ashrapova, A. The problem of choosing a synonym when verbalizing one’s communicative intention (based on the English language).	264

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-7-11
УДК 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ
Л. Н. ТОЛСТОГО «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТИЕ»

© Альбина Заболотская

FEATURES OF LITERARY TRANSLATION OF THE NOVEL
“FAMILY HAPPINESS” BY LEO TOLSTOY

Albina Zabolotskaya

The article studies the features and the techniques of conveying culture-bound words in Leo Tolstoy's novel “Family Happiness”, translated into English by Aylmer and Louise Maude. Such lexical units, also known as realia, do not usually have lexical equivalents in other languages, implying objects or phenomena of material culture, ethnic and national characteristics, customs, rituals; consequently, they require a special approach while translating into other languages. We classify culture-bound words, found in the novel, according to their semantics. These words denote: proper names; everyday objects and routines (places, clothes and headdress, food products, types of activities, distance units, forms of addressing people); religion (religious morality, types of worship and items necessary for conducting church rituals according to the Orthodox calendar); elements of state and administrative system. Based on the analysis, the article identifies the main methods of translating realia into the English language, which include transcription and transliteration in the case of proper names, descriptive translation and selection of a functional analogue with such types of lexical and semantic transformations as generalization and specialization in all other cases.

Keywords: literary text, translation techniques, equivalent, realia, connotative meaning.

В статье рассматриваются особенности художественного перевода на английский язык повести Л. Н. Толстого «Семейное счастье», выполненного Луизой и Эйлмером Мод. В частности, изучаются способы передачи культурно-специфических слов – языковых реалий в повести Л. Н. Толстого. Не имеющие соответствий в переводимом языке, эти единицы тем не менее значимы, поскольку передают национальное своеобразие. На основе семантики мы выделяем в повести следующие группы реалий: ономастические (антропонимы и топонимы); бытовые, имеющие отношение к повседневной жизни и рутинным видам деятельности; религиозные, определяющие мораль, виды богослужения и предметы, необходимые для проведения церковных обрядов по православному календарю; реалии, связанные с государственным управлением и административным устройством. На основе проведенного анализа можно сказать, что к основным способам передачи реалий данной повести на английский язык относятся транскрипция и транслитерация при переводе имен собственных, примерный перевод с подбором функционального аналога и с использованием таких видов переводческих трансформаций, как генерализация, конкретизация и метонимический перенос наименования, описательный перевод – во всех остальных случаях.

Ключевые слова: художественный текст, способы перевода, эквивалент, реалия, коннотативное значение.

Творчество Л. Н. Толстого известно зарубежным читателям во многом благодаря переводам. Одними из тех, кто переводил его произведения на английский язык, были Луиза и Эйлмер Мод, долгое время прожившие в Москве и лично знавшие писателя. Переводы произведений Л. Н. Толстого, сделанные супругами Мод, по-

лучили признание не только современников, но и лично Льва Николаевича. Луиза и Эйлмер Мод известны не только тем, что создали высококачественные переводы произведений Л. Н. Толстого, но и тем, что активно развивали общественный интерес к его творчеству за рубежом.

Вопрос интерпретации культурно-специфических слов значим при переводе любого художественного произведения, поскольку именно реалии отражают своеобразие и колорит культуры, описываемой в исходном произведении [Кунина, Мошкович В. В., Мошкович В. М., с. 166]. В данной статье рассматриваются способы перевода реалий из повести Л. Н. Толстого «Семейное счастье», представленной на английском языке Луизой и Эйлмером Мод. Впервые повесть Л. Н. Толстого была напечатана в журнале «Русский вестник» в 1859 году. Предполагают, что материалом для повести отчасти стала история отношений Л. Н. Толстого и Валерии Арсеньевой, которую писатель даже видел своей женой. Отношения прервались с отъездом Толстого за границу в 1857 году [Лев Толстой и его современники, с. 32]. В основе сюжета – история любви молодой девушки и ее опекуна, друга покойного отца. Последовательно описываются начало зарождения чувств, женитьба, первые годы супружеской жизни и рождение детей. Повествование ведется от первого лица (героини романа), что нехарактерно для произведений Л. Н. Толстого. И хотя сам писатель был разочарован своим произведением, тем не менее ему удалось удивительно тонко и психологически достоверно передать трансформацию чувств главной героини – от девичьей влюбленности до качественно иного чувства любви к детям и к отцу своих детей.

Проблема перевода безэквивалентной лексики, существующая с момента возникновения науки о переводе, остается значимой и для современного переводоведения. Вопрос об определении реалий и способах их перевода неоднократно рассматривался отечественными исследователями в области теории и практики перевода (например, в работах М. Л. Алексеевой, Л. С. Бархударова, Е. М. Верещагина, В. С. Виноградова, С. И. Влахова, В. Н. Комиссарова, В. Г. Костомарова, С. П. Флорина и др.).

Согласно распространенному определению, под реалиями понимаются слова и словосочетания, которые обозначают объекты и явления, характерные для жизни одного народа и передающие национальное своеобразие, и поэтому они требуют особых подходов при переводе [Влахов, Флорин, с. 47].

При более общем подходе в теории и практике художественного перевода выделяются следующие группы реалий: бытовые, этнографические и мифологические, природные, общественно-политические, ономастические, ассоциативные. Рассматривая случаи перевода реалий в повести Л. Н. Толстого «Семейное счастье», мы

взяли за основу классификацию В. С. Виноградова [Виноградов, с. 172]. Классификация удобна тем, что позволяет тематически сгруппировать и проанализировать имеющиеся реалии. В повести можно выделить следующие группы: 1) ономастические реалии, к которым относятся имена собственные (антропонимы и топонимы); 2) бытовые реалии, имеющие отношение к описанию быта, предметам и явлениям повседневной жизни и рутинным видам деятельности людей определенной эпохи; 3) реалии, отражающие государственное управление и административное устройство, характерные для периода, описываемого в произведении; 4) религиозные реалии, определяющие различные виды православного богослужения и предметы, необходимые для проведения традиционных церковных обрядов.

Первая выделенная нами группа представлена ономастическими реалиями. Термин «ономастические реалии» является общепризнанным для имен собственных, рассматриваемых при переводе как знаковая подсистема с большей степенью связи с социокультурным контекстом по сравнению с нарицательными существительными. Обычно имена собственные переводятся с помощью таких способов, как транскрипция и транслитерация. Переводческая транскрипция помогает воссоздать исходную лексическую единицу с помощью фонем принимающего языка, тогда как транслитерация по буквам воссоздает исходную лексическую единицу. Более частотным является сочетание переводческой транскрипции с некоторыми элементами транслитерации. Примерами ономастических реалий в тексте выступают прежде всего антропонимы *Машечка* – *Mashechka*, *Сергей Михайлыч* – *Sergey Mikhaylych*, *Катя* – *Katya*, *Соня* – *Sonya*, *Марьюшка* – *Maryushka*, *Николашка* – *Nikolashka*, переведенные указанным способом. Имя собственное «Семен» является единственным, которому дается английское соответствие «Simon», являющееся современным вариантом имени Симон, распространенного в германских и романских языках и восходящего, как и русский вариант, к древнееврейскому имени Шиман, что позволило использовать именно этот вариант.

Бытовые реалии, отраженные в тексте, представляют самую многочисленную группу (порядка 43 слов и словосочетаний). Эта группа реалий относится в основном к описанию сельской жизни героини. Большая часть слов переведена с помощью приблизительного перевода, а именно – подбором функционального аналога, что позволяет передать предметное содержание, но, как правило, с утратой присущего реалии колорита: *стакан с чаем* (*cup of tea*), *в передней* (*in*

the hall), *шуба* (*a fur coat*), *крендельки* (*cracknels*), *холстинковая блуза с открытыми рукавами* (*a gingham blouse with loose sleeves*), *ставешки в окнах* (*the windows shuttered*), *и свяслами на кушаках* (*straw bands in their belts*), *за три версты* (*two miles away*), *садилась в линейку* (*got into the carriage*), *полосушки* (*mats*), *убранство и порядок дома* (*the management of the house*).

Подбор функционального аналога прежде всего позволяет донести до читателя смысл контекста. В предложении «*приходил просить тесину*» малопонятное «тесина» заменено на *boards*, хотя при этом национальное своеобразие, присутствующее данной лексической единице, утрачивается. Перевод слова «диванная» сочетанием *morning room* несколько смещает смысловые акценты целевого использования данной комнаты, поскольку диванной комнатой во времена Льва Толстого называли комнату с диваном (или диванами), предназначенную для бесед, отдыха и домашних занятий, тогда как *morning room* это гостиная, освещаемая утренним солнцем.

При подборе функциональных аналогов для бытовых реалий из повести Л. Н. Толстого применяются такие виды переводческих трансформаций, как генерализация, конкретизация и метонимический перенос наименования.

Перевод слова «приданое» сочетанием *wedding clothes* является примером конкретизации, поскольку одежда была частью приданого, но само понятие, обозначаемое исходным словом, шире. Приданое – это имущество, которое родители передают дочери при ее вступлении в брак. Семантика переведенного словосочетания (*wedding clothes*) является смысловой частью, входящей в состав значения исходного слова.

К генерализации относятся следующие примеры: *и свяслами на кушаках* – *straw bands in their belts*, *в чепце* – *wearing a cap*, *полосушки* – *mats*, *ставешки в окнах* – *shuttered windows*.

Метонимический перенос наименования наблюдается в следующем предложении: «*мужик с сохой беззвучно прокладывал все шире и шире черную полосу*» [Толстой, с. 105]. – «*a peasant was noiselessly ploughing a black strip which grew wider and wider*» [Tolstoy]. Вместо называния орудия действия (сохи) использовано слово, обозначающее процесс с применением этого орудия труда (*ploughing*). Метонимический перенос наименования, указывающий на связь предмета и производимого им действия, делает английское предложение более понятным для читателя.

Слово «самовар» переведено с помощью транслитерации как *samovar*. Происходит это, видимо, вследствие того, что слово это было заимствовано из русского языка и со временем во-

шло в основной словарный фонд английского языка.

В отдельных случаях переводчики используют описательный перевод: *наша другая деревня* – *property of ours*, *задавались пиры на весь околоток* – *an entertainment was regularly provided for the whole neighborhood*.

Можно также отметить случай контекстуального перевода, когда слово «сарай» переводится словом *orchard*, обозначающим фруктовый сад. У Толстого герои собирают вишни в «сараях». По контексту понятно, что сарай – это небольшой садик, вероятно, огороженный и со входной калиткой: «*Сарай был заперт, и садовников никого не было*» [Толстой, с. 86]. – «*The orchard was locked, and no gardener to be seen...*» [Tolstoy].

Другую достаточно многочисленную группу реалий в романе составляют слова и сочетания религиозного характера. К религиозной лексике исследователи относят лексические единицы, обозначающие религиозную мораль, виды богослужения и предметы, необходимые для проведения церковных обрядов по православному календарю. Ввиду сложности перевода реалий этой группы, переводчикам часто приходится обращаться к описательному переводу, при котором средствами переводимого языка дается описание исходного слова. Переводчики прибегают к этому способу при передаче религиозных реалий, встречающихся в повести Льва Толстого: *сквозь царские двери* – *through the central door of the altar-screen*, *я крестила детей наших дворовых* – *... stood godmother to so many of the servants children*, *выходил в ризе, сделанной из покровца гроба моего отца* – *came out, wearing a cope made of the pall that had covered my father's coffin*, *служились молебны с водосвятием* – *there was a religious service in the house and holy water was sprinkled*.

Кроме описательного перевода, при переводе религиозных реалий в повести «Семейное счастье» используется, как и в случае перевода бытовых реалий, приблизительный перевод с частой родо-видовой заменой. Перевод русского глагола «говеть» в предложении «*Я решила говеть с этого дня*» английским *to fast* («*I resolved to begin fasting on that day*») включает лишь часть исходного значения, поскольку значение слова «говеть» шире и предполагает не только пост, но и посещение церковных служб, подготовку к исповеди и причастию. Отсутствие эквивалентов в переводимом языке приводит к изменению стилистики высказывания, как, например, замена сочетания «сложенные персты» со словами поэтического стиля речи на нейтральное *folded fingers*; английский глагол *to marry* не раскрывает

суть священного ритуала венчания, означающего церковное благословление брака у православных.

Наблюдаются также отдельные случаи опущения тех понятий, которые могут быть незнакомы англоязычному читателю: *всходить на две поросшие травой ступени паперти* – *mounting the two grass-grown steps up to the building* («паперть» переводится как ступеньки, ведущие к зданию самой церкви); *над иконостасом* – *on the screen*; *на Фоминой – а week later* (Фомина неделя – неделя после Пасхи, когда Церковь вспоминает явление Воскресшего Иисуса апостолу Фоме).

Можно отметить случай замены реалии. Так, например, такие характерные для православия церковные службы, как обедня и всенощная, переведены словом *the Mass*. Слово «месса», являясь частичным синонимом слова «обедня» и обозначая литургию, тем не менее отсылает нас к основной литургической службе, проводимой в латинском обряде Римско-католической церкви. Соотношение всенощной с английским вариантом произошло, скорее всего, на основе значимости этих типов богослужения, поскольку всенощная – это торжественное богослужение, проводимое в канун воскресных дней и значимых для православной церкви праздников.

Приведенные примеры доказывают сложность перевода религиозных реалий. Приблизительный перевод с подбором функционального аналога, объяснение дают возможность передавать смысловое значение лексических единиц, тогда как коннотативное значение в ряде случаев остается затемненным. Нейтрализация при переводческой трансформации также изменяет стилистику высказывания. Так, например, в тексте Л. Н. Толстого прослеживается отчетливая взаимосвязь описываемой церковной жизни с душевным состоянием героини перед ее главным объяснением со своим избранником. Описываемое богослужение подчеркивает торжественность и значимость душевных переживаний героини в их эволюции («... все это было теперь велико и свято в моих глазах и казалось мне полным глубокого значения» [Толстой, с. 93–94], «Я чувствовала себя теперь равною ему» [Толстой, с. 96]). Соответственно, каждая из реалий, которую использует автор, особенно стилистически маркированная, участвует в создании общей экспрессивности. Понятно, что невозможно достичь полного тождества текстов оригинала и перевода из-за различий в культуре, особенностях словарного состава и грамматического строя каждого языка. Тем не менее переводческая эквивалентность, то есть соответствие переведенного текста

оригиналу, оказывается возможна за счет использования переводчиками слов с синонимичным значением, подбора определенных структур, аналогичных структурам исходного текста или предполагающих отношения синтаксического варьирования, а также сохранения конечной цели коммуникации и подхода к ее описанию.

При переводе слов, обозначающих социальный статус или должность человека, широко использовался гипонимический перевод, являющийся разновидностью генерализации и заключающийся в том, что при переводе происходит замена видового понятия на более широкое родовое понятие: *молодая крестьянская* (молодая замужняя крестьянка) – *a young peasant woman*; *дворянские дела* – *some public business*; *крестьяне, дворовые* (крепостные крестьяне, слуги, которые находятся в услужении у дворян и живут в их городском или деревенском домах) – *servants*; *бедные дворянки и странницы* – *poor and pious maiden ladies*; *мужики* – *laborers, peasants*; *господин* – *a man*; *госпожа* – *a woman*.

Как и при переводе других групп реалий, переводчиками осуществлялся подбор функционального аналога: *лакей* – *footman*; *исправник* (глава полиции в уезде Российской империи) – *inspector*; *барышня* – *young lady*; *старого века барыня* – *old-fashioned lady*. Присутствует также единичный случай опущения: *брать* <свечи> у *старого старосты* – *take from the man who kept them*.

Стилистические окрашенные термины родства, такие как «матушка», «мамаша», «мать», «папаша» переводятся нейтральными *mother, father*, поскольку в данном случае возможности словообразовательных средств в русском языке шире, чем в английском.

В произведении нами отмечены всего две фразеологические единицы – «белыми нитками шитое» и «мальчики бегают в глазах». Устойчивое сочетание «белыми нитками шитое», означающее что-то неловко и неумело скрытое («но зато явилось, белыми нитками шитое, кокетство простоты» [Толстой, с. 80]), переведено описательно с использованием единицы, эксплицирующей значение единицы исходной: «*but a very obvious form of affectation took its place – an affectation of simplicity*» [Tolstoy]. Л. Н. Толстой дважды использует сочетания, восходящие к единице «мальчики бегают в глазах». В первом случае, когда говорит о чувстве неловкости, возникающем между героями, из-за которого они не могут прямо смотреть в глаза друг другу («*у нас как будто мальчики бегали в глазах, и неловко было смотреть друг на друга*» [Толстой, с. 128]). Во втором случае несколько видоизмененная

структура («и через год мальчики даже перестали бегать в глазах») использована, чтобы подчеркнуть растущее отчуждение между супругами. В английском варианте в обоих случаях использован описательный перевод («we were uneasy and shrank from looking at one another», «each could look at the other without confusion» [Tolstoy]), помогающий донести до читателя смысл контекста, в котором используются устойчивые сочетания.

Таким образом, культурно-специфические слова, часто осложненные сопутствующим коннотативным значением, характерны для повести Л. Н. Толстого. При переводе имен собственных, а также реалий, заимствованных из русского и вошедших в основной словарный фонд английского языка, использована транскрипция в сочетании с транслитерацией. Во всех остальных случаях осуществлен приблизительный перевод с подбором функционального аналога и родовидовой заменой исходной единицы, а также описательный и контекстуальный перевод. При этом выбор того или иного метода зависит от контекста. Вынужденная нейтрализация при переводе, связанная с отсутствием эквивалента в переводимом языке и приводящая к затемнению или утрате коннотативного значения, является оправданной, поскольку позволяет сохранить смысл высказывания.

Список литературы

Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978. 172 с.

Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.

Кунина Н. Е., Мошкович В. В., Мошкович В. М. К вопросу о проблемных аспектах перевода: проблема

перевода реалий в художественных произведениях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 9. С. 165–170.

Лев Толстой и его современники. Энциклопедия / Под общей редакцией Н. И. Бурнашевой. М.: Парад, 2008. 512 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 14 томах. Т. 3. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 69–146.

Tolstoy L. Family happiness. URL: https://www.bookfrom.net/leo-tolstoy/33561-family_happiness.html (дата обращения: 15.04.2021).

References

Kunina, N. E., Moshkovich, V. V., Moshkovich, V. M. (2017). *K voprosu o problemnykh aspektakh perevoda: problema perevoda realii v khudozhestvennykh proizvedeniyakh* [Problematic Aspects of Translation: The Problem of Translating Realia in Fiction]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, No. 9, pp. 165–170. (In Russian)

Lev Tolstoy i ego sovremenniki. *Entsiklopediia* (2008) [Leo Tolstoy and His Contemporaries. *Encyclopedia*]. Pod obshechei redaktsiei N. I. Burnashevoi. 512 p. Moscow, Parad. (In Russian)

Tolstoy, L. N. (1952). *Sobranie sochinenii: V 14 tomakh* [Collected Works: In 14 volumes]. Vol. 3. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, pp. 69–146. (In Russian)

Tolstoy, L. *Family Happiness*. URL: https://www.bookfrom.net/leo-tolstoy/33561-family_happiness.html (accessed: 15.04.2021). (In English)

Vinogradov, V. S. (1978). *Leksicheskie voprosy perevoda khudozhestvennoi prozy* [Lexical Issues of Fiction Translation]. 172 p. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Vlakhov, S. I., Florin, S. P. (1980). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. 343 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Заболотская Альбина Равилевна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alzab_19@mail.ru

Zabolotskaya Albina Ravilevna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alzab_19@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-12-17
УДК 821.161.1 + 821.111

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

© Альбина Заболотская, Наталья Сигал

COMPARATIVE ANALYSIS OF REALIA TRANSLATION INTO THE ENGLISH LANGUAGE IN THE NOVEL “CHILDHOOD” BY LEO TOLSTOY

Albina Zabolotskaya, Natalya Sigal

Realia, denoting culture-specific objects and phenomena, are included in the structure of the language picture of the world and constitute an integral part of literary text. However, the principles of their translation have not been sufficiently studied to date. The realia that function in the considered work of Leo Tolstoy have not been the object of special study so far. The purpose of our paper is to analyze and compare the possible methods of translating realia, related to different thematic groups in the novel “Childhood” by Leo Tolstoy. The analysis is carried out using a continuous sampling method based on the translation by Aylmer Maude (1858–1938) and Louise Maude (1855–1939), as well as the translation made by Rosemary Edmonds (1905–1998). The article identifies the main ways of conveying realia in this novel into the English language by the mentioned translators. The research results reveal the cases of complete coincidence of the choice of a word in the translated language, partial coincidence, when Aylmer and Louise Maude use the generalization technique to translate the original unit, while Rosemary Edmonds prefers the lexical addition technique in parallel with generalization. We also study the cases of absolutely different choice of lexical units in the translation of realia.

Keywords: Tolstoy, realia, literary text, translation techniques, equivalent.

Реалии, обозначающие объекты и явления, характерные для образа жизни одного народа и отсутствующие в жизни другого, входят в структуру языковой картины мира и являются неотъемлемой частью художественного текста. Однако до настоящего времени недостаточно изучены принципы их перевода. Реалии, представленные в рассматриваемом произведении Л. Н. Толстого, до сих пор не были объектом специального изучения. Цель работы – проанализировать и сопоставить возможные способы перевода относящихся к разным тематическим группам реалий, представленных в повести Л. Н. Толстого «Детство». Анализ осуществляется методом сплошной выборки на основе перевода, выполненного Эйлером Мод (1858–1938) и Луизой Мод (1855–1939), а также перевода Розмари Эдмондс (1905–1998). Отмечены основные способы передачи реалий в этой повести указанными переводчиками. При переводе наблюдаются случаи полного совпадения выбора слова в переводимом языке, частичного совпадения в тех случаях, когда Эйлер и Луиза Мод используют прием генерализации для перевода исходной единицы, а Розмари Эдмондс параллельно с генерализацией обращается к приему лексического добавления. Отмечены также случаи полного несовпадения перевода реалий.

Ключевые слова: Толстой, реалии, художественный текст, способы перевода, эквивалент.

Реалии, передающие национальное своеобразие и колорит, а также непосредственно участвующие в создании языковой картины мира автора, требуют особого подхода при переводе.

Актуальность данной работы заключается в том, что до настоящего времени недостаточно изучены принципы перевода реалий, представленных в художественном тексте. А между тем ошибочный выбор переводческой стратегии может привести к искажению смысла, заложенного

автором. Обращение к разным переводам одного и того же художественного произведения помогает определить целесообразность выбранной переводческой стратегии, а также установить, насколько полно она раскрывает значение исходной лексической единицы.

Цель данной работы – проанализировать и сопоставить способы перевода относящихся к разным тематическим группам реалий, представленных в повести Л. Н. Толстого «Детство».

Анализ осуществляется методом сплошной выборки на основе перевода, выполненного Эйлером Мод (1858–1938) и Луизой Мод (1855–1939), а также перевода Розмари Эдмондс (1905–1998).

Луиза и Эйлер Мод, переведившие труды Л. Н. Толстого на английский язык, достаточно долго прожили в Москве, лично знали писателя и разбирались в особенностях русской жизни. После своего переезда в Англию поддерживали переписку со Львом Николаевичем. Известно, что в большей степени Луиза Мод работала над художественными произведениями Л. Н. Толстого, тогда как Эйлер Мод занимался философскими трудами и написал биографию писателя, получившую его одобрение. В Англии переводчики выпустили к столетию писателя собрание сочинений Л. Н. Толстого в 21 томе в своем переводе в издательстве Оксфордского университета (1928–1937 гг.). Супруги дожили до издания последнего тома в 1937 году. Эйлер Мод скончался в 1938 году, Луиза на год пережила его. Собрание сочинений в переводе Эйлера и Луизы Мод было достаточно высоко оценено их современниками.

Розмари Эдмондс родилась в Лондоне, выросла в Англии, изучала английский, русский, французский, итальянский и старославянский языки в университетах Англии, Франции и Италии. Во время второй мировой войны была переводчиком генерала де Голля в штаб-квартире «Сражающейся Франции» в Лондоне, а после освобождения – в Париже. Впоследствии издательство «Penguin Books» заказало ей серию переводов. Розмари Эдмондс известна своими переводами романов «Анна Каренина», «Война и мир», «Воскресение», рассказов писателя, а также трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность».

Впервые повесть «Детство» автобиографической трилогии Л. Н. Толстого была напечатана в журнале «Современник» в 1852 году. В основе сюжета – события жизни и переживания десятилетнего мальчика. С удивительным психологизмом раскрыты чувства ребенка. Описание жизни семьи и в деревне, и в городе сопровождается упоминанием реалий, относящихся к разным тематическим группам.

Отечественные исследователи в области теории и практики перевода неоднократно обращались к вопросу определения реалий и рассматривали способы их перевода (см. например, работы Г. В. Чернова, А. Е. Супруна, Вл. Россельса, А. Д. Швейцера, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, А. А. Брагина, Л. С. Бархударова, С. И. Влахова, С. П. Флорина и др.).

Вслед за С. И. Влаховым и С. П. Флориным мы понимаем под реалиями слова и словосоче-

тания, обозначающие объекты, характерные для жизни одного народа, не имеющие эквивалентов в других языках и требующие особых подходов при переводе [Влахов, Флорин, с. 47].

Сопоставление и анализ переведенных реалий в повести Л. Н. Толстого «Детство» позволили выявить определенные группы реалий со сходной семантикой. Прежде всего, выделяются реалии, относящиеся к именам собственным. Многочисленную группу представляют слова и словосочетания, обозначающие место обитания, одежду и головные уборы, продукты питания, виды деятельности, денежные единицы, единицы измерения расстояния, национальные праздники, обращения к людям, характерные для описываемого Л. Н. Толстым исторического периода. Выделяются также слова, имеющие ярко выраженную религиозную семантику и связанные с православной религией, а также реалии, раскрывающие государственно-административное устройство и особенности общественной жизни.

Ономастические реалии, как правило, не представляют особых сложностей для перевода. Для того чтобы передать звучание имен собственных приблизительно к тому, как они произносятся в исходном языке, в переводческой практике выработан принцип практической транскрипции личных имен с элементами транслитерации. Именно этот способ используют переводчики для передачи имен собственных: Карл Иванович – *Karl Ivanych*, Марья Ивановна – *Marya*, Люба – *Lyuba*, Володя – *Volodya*, Наталья Савишна – *Natalya Savishna*, Хабаровка – *Khabarovka*.

Наблюдаются отдельные случаи расхождения у переводчиков при переводе имен собственных указанным способом, как например, в случае передачи имени *Наталья Николаевна*: *Natalya Nikolavna* у Э. Мод и Л. Мод и *Natalya Nikolaevna* у Р. Эдмондс. Вариативность звучания обуславливает выбор каждого переводчика. Имя собственное *Серезжа* Мод переводят как *Serezha*, тогда как Эдмондс выбирает вариант, который более точно передает русское звучание, – *Seriozha*. Э. Мод и Л. Мод использовали также прием транспозиции, при котором для имен собственных, имеющих различные формы в разных языках, но общую этимологию, используется форма, существующая в переводимом языке в качестве эквивалента: *Яков Михайлов* – *Jacob Mikhaylov*, *Петр Александрыч* – *Peter Alexandrych*. Р. Эдмондс оставляет приближенные русскому варианту формы – *Yakov Mihailov* и *Piotr Alexandrych*.

При передаче имен собственных с уменьшительно-ласкательными суффиксами переводчики

дают либо приближенное к русскому имени фонетическое соответствие (*Кирюшка – Kiryushka*), либо переводят нейтрально (*Любочка и Каменька – Lyuba and Katya, Володенька – Volodya*).

Бытовые реалии, достаточно часто встречаются в тексте. При этом наблюдается большое количество совпадений при их переводе. Поскольку перевод Эйлмера и Луизы Мод был сделан раньше, можно предположить, что Розамунд Эдмондс опиралась именно на него.

Слова *самовар, квас, кутья* переведены с помощью транслитерации как *samovar, kvas (kvass у Эдмондс), kutya*. Происходит это вследствие того, что указанные слова входят в группу распространенных реалий, являющихся яркой иллюстрацией национального русского колорита. Переводчики дополняют транслитерацию комментирующим переводом для слова *кутья*: «*Kutya is a dish made of rice, sugar, raisins and such things, placed on a table in church at services for the dead*» [Tolstoy, 2000, p. 97] (перевод Мод); «*Rice boiled with raisins and sugar, and partaken of by the mourners at an Eastern Orthodox funeral*» [Tolstoy, 1964, p. 99] (перевод Эдмондс). Транслитерация с комментирующим переводом выбрана и для слова *бешимет – beshmet*.

В основном же, при переводе реалий этой группы использован подбор функционального аналога, при котором в переводимом языке отбирается соответствующая синонимическая единица, которая выполняет ту же функцию, что и в исходном языке: *гумно – threshing-floor; в затрапезке (от затрапезный – будничной, повседневный, заношенный [Ожегов, с. 207]) – in her coarse linen dress; девичья – maids' room; обшитом плерезами – trimmed with weepers (weepers – ‘траурная повязка или лента’; ‘креп на рукаве или шляпе’ [Multitrans Dictionary Online]); избушка сторожа – watchman's hut; ходила в коротком холстинковом платьице – she wore a short gingham frock; брочка – trap; кушак – girdle; молчалка – dishcloth; подрясник – cassock; верстовые столбы – mile-posts; телега – one-horse cart; буфетчик – butler.*

При подборе функциональных аналогов для бытовых реалий из повести Л. Н. Толстого применяется такой вид переводческой трансформации, как генерализация. К примерам генерализации можно отнести переводы следующих слов и словосочетаний: *село* переведено словом *estate* (“a large area of land in the country that is owned by a family or an organization and is often used for growing crops or raising animals” [Cambridge Dictionary Online]); *в армяке – in a coat; в чепце – in a cap*; лексемы *снопы, копны* у Эдмондс переведены словом *sheaves* (у Мод *bundles of rye бо-*

лее точно передает значение исходного слова снопы); армяник (длинная охотничья плеть с короткой рукояткой [Ожегов, с. 29]) – whip (a piece of leather or rope that is fastened to a stick, used for hitting animals or people [Cambridge Dictionary Online]); в синих бекешах (мужское пальто в талию со сборками [Ожегов, с. 42]) – in blue overcoats; в синем салоне (широкое женское пальто особого фасона, распространенного в мещанско-купеческой среде во второй половине XIX в. [Там же, с. 638]) – in a blue coat.

В ряде случаев переводчики используют разные способы и приемы для перевода одних и тех же бытовых реалий. Можно отметить группы слов, при переводе которых Э. Мод и Л. Мод используют генерализацию, тогда как Р. Эдмондс предпочтение отдает уточняющему переводу, при котором эквивалентное соответствие дополняется одним или несколькими поясняющими словами непосредственно в тексте. Таблица иллюстрирует подобные случаи.

Оригинал	Эйлер и Луиза Мод	Розмари Эдмондс
...протягивая обеими руками <i>дратвы</i> [Толстой, с. 15] (толстая просмоленная или навошенная нитка для шитья обуви, кожаных изделий [Ожегов, с. 165]) (здесь и далее разрядка наша – А. З., Н. С.)	...and pulling <i>the threads</i> through with both hands [Tolstoy, 2000, p. 19]	...pulling <i>the waxed thread</i> through with both hands [Tolstoy, 1964, p. 24]
<i>поярковая шляпа</i> [Толстой, с. 23]; в черной <i>поярковой</i> шляпе черепеником [Толстой, с. 40] (поярок – шерсть первой стрижки от ягненка [Ожегов, с. 529])	<i>felt hat</i> [Tolstoy, 2000, p. 27]; conical black <i>felt-hat</i> [Tolstoy, 2000, p. 45]	<i>felt hat</i> made of <i>lamb's wool</i> [Tolstoy, 1964, 32]; conical black <i>lamb's-wool hat</i> [Tolstoy, 1964, p. 49]
в голубой <i>цавейке</i> [Толстой, с. 8] (верхняя рас-	in a blue <i>gown</i> [Tolstoy, 2000, p. 12]	a <i>short blue jacket</i> [Tolstoy, 1964, p. 18]

пашная короткая кофта [Ожегов, с. 249])		
с ю р т у к [Толстой, с. 14]	с о а t [Tolstoy, 2000, p. 18]	f r o c k - c o a t [Tolstoy, 1964, p. 23]

Уточняющий перевод представляется целесообразным и оправданным, поскольку позволяет более полно донести значение исходного слова.

Есть также случаи, когда переводчики выбирают разные слова в переводимом языке, для того чтобы передать одну и ту же реалию. Так, например, для перевода сочетания *заслонка в печи* предложены *the door of the stove* (Мод), *shutter of the stove* (Эдмондс). На наш взгляд, *shutter* более точно указывает назначение данного предмета. Слово *дворецкий* передается сложным словом *house-steward* (Мод) и *majordomo* (Эдмондс). В обоих случаях значение переведенных слов в целом соответствует значению исходного слова, но при этом *majordomo* выделяется в тексте из-за своего явного иноязычного происхождения.

При переводе слов, относящихся к охотничьей тематике, Э. Мод и Л. Мод используют генерализацию, тогда как Р. Эдмондс подбирает в языке перевода слова с более узким значением (Ср.: *выжлятник* (в псовой охоте: охотник, ведающий гончими [Ожегов, с. 105]) – *dog-keeper* (Мод), *kennel-man* (Эдмондс); *доезжачий* (старший псарь на охоте [Там же, с. 157]) – *huntsman* (Мод), *whipper-in* (Эдмондс)).

В повести достаточно много упоминаний разных видов верхней одежды как женской, так и мужской, требующей своего разграничения при переводе. Подобный случай представлен в таблице.

Оригинал	Эйлер и Луиза Мод	Розмари Эдмондс
...дворовые мужчины, в сюртуках, кафтанах, рубашках, без шапок, женщины в за-трапезах, полосатых платках... [Толстой, с. 40]	Domestic serfs bare-headed, in peasant coats, overcoats, or shirtsleeves, women in coarse linen dresses with striped kerchiefs on their heads [Tolstoy, 2000, p. 44]	Men-servants bare-headed in peasant-coats, tunics or shirt-sleeves women in coarse linen dresses with striped kerchiefs on their heads [Tolstoy, 1964, p. 48]

Переводы практически совпадают, кроме слова *кафтан*, переведенное Р. Эдмондс как *tu-*

nic, которое имеет в английском языке достаточно широкую семантику и может обозначать: 1) a piece of clothing that fits loosely over a person's body, reaches to the waist or knees, and often has no sleeves [Cambridge Dictionary Online]; 2) a piece of women's clothing like a tunic, that reaches to the hips (where the legs join the body) and is worn over trousers or a skirt [Oxford Learner's Dictionaries]. Такая широкая семантика слова в переводимом языке может привести к затруднениям у читателя при восстановлении контекстуального значения слова. К аналогичным случаям можно отнести перевод слова *пристяжная* (лошадь). Э. Мод и Л. Мод переводят словом *side-horse*, которое в современном английском языке имеет значение «гимнастический конь» [Multitran Dictionary Online]. Поэтому перевод, предложенный Р. Эдмондс, *trace horse* представляется нам более удачным.

В ряде случаев перевод реалии требует пояснительного перевода, как, например, в предложении *С тех пор Наташка сделалась Натальей Савишной и надела чепец* [Толстой, с. 37]. Сочетание *надела чепец* во времена Л. Н. Толстого означало и изменение социального статуса женщины, а именно ее замужество. Головной убор замужней женщины полностью должен был закрывать волосы. Переводчики поясняют этот момент: "... and wore a cap like a married woman" [Tolstoy, 2000, с. 41], [Tolstoy, 1964, с. 45].

Таким образом, для перевода бытовых реалий переводчики чаще всего используют подбор функционального аналога с сопутствующей генерализацией. Для Р. Эдмондс характерно использование уточняющего перевода. При переводе реалий, имеющих яркую национальную окраску, был использован комментирующий перевод.

Жизнь человека во времена Л. Н. Толстого была неразрывно связана с церковным календарем, поэтому неудивительно, что группа реалий, имеющих отношение к православной религии, присутствует в каждом его произведении. Эту группу, пожалуй, можно назвать самой сложной для перевода, поскольку из-за разницы, обусловленной менталитетом, не всегда представляется возможным подобрать в переводимом языке лексическую единицу, которая бы наиболее полно передавала смысл исходной единицы и вместе с тем была доступной для понимания читателя.

При переводе этой группы реалий переводчики также используют подбор функционального аналога, как правило, с сопутствующей генерализацией: *протопоп* – *priest*, *дьячок* – *chanter*, *венчик* – *frontlet* (с комментирующим переводом у Р. Эдмондс: "a ribbon of satin or paper with pictures showing the Saviour, the Mother of God

and St John which is laid upon the brow of the corpse in the Orthodox rite” [Tolstoy, 1964, 93]; *позвали к панихиде – we were called to the service; вериги – chains.*

Можно отметить следующие расхождения в переводах.

Оригинал	Эйлер и Луиза Мод	Розмари Эдмондс
образок моего ангела [Толстой, с. 3]	the little picture of my patron-saint [Tolstoy, 2000, p. 7]	little ikon of my patron-saint [Tolstoy, 1964, p. 13]

Транскрибированное *ikon*, на наш взгляд, представляется более удачным по сравнению с описательным переводом *picture*, поскольку подчеркивает религиозную принадлежность данного слова.

Оригинал	Эйлер и Луиза Мод	Розмари Эдмондс
первые звуки молебна [Толстой, с. 49]	the first sounds of the service [Tolstoy, 2000, p. 54]	the first sounds of the <i>Te Deum</i> [Tolstoy, 1964, p. 58]

Э. Мод и Л. Мод переводят этот тип богослужения, используя генерализацию. *Te Deum* в переводе Р. Эдмондс отсылает нас к старинному христианскому гимну на латыни. В русском православном богослужении этот же текст известен как «Тебе Бога хвалим». И хотя распевы этого текста у католиков и православных разные, читателю, знакомому с католической традицией, смысл будет понятен. Но при этом не совсем корректно вставлять название гимна на латыни, поскольку богослужение в православии ведется на старославянском языке.

Оригинал	Эйлер и Луиза Мод	Розмари Эдмондс
юродивый [Толстой, с. 17]	simpleton’ (в названии главы), the saintly fool (в самой главе) [Tolstoy, 2000, p. 21]	God’s fool (в названии главы), the saintly fool (в самой главе) [Tolstoy, 1964, p. 26]

Значение слова *юродивый* в православии не соответствует значению английского слова *simpleton* (простак, простофиля [Multitrans Dictionary Online]). В Русской православной церкви почитают 36 юродивых. В православии юродивые – это также особый слой странствующих монахов и религиозных подвижников. Поэтому перевод *the saintly fool* или *God’s fool* будет более корректным.

Как и при переводе других групп реалий, переводчиками осуществлялся подбор функционального аналога при переводе реалий, обозначающих государственно-административное устройство и общественную жизнь: *крепостной – serf; сударь – sir; господин – master; госпожа – mistress; барыня – lady; барышня – young lady*. В большинстве случаев выбор слова в переводимом языке совпадает. Но наблюдаются и случаи несовпадения. Слово *жандарм*, например, Э. Мод и Л. Мод переводят как *constable*, Р. Эдмондс – *gendarme*. Замена реалии на реалию языка перевода является допустимым приемом, тем не менее, следует отметить, что это может привести к подмене колорита реалии и ее несоответствию общему контексту. Перевод *gendarme* кажется логичным, поскольку русское слово было заимствовано из французского языка.

В итоге переводчики корректно и обдуманно подходят к переводу различных по своей тематике реалий, передающих национальное своеобразие и колорит русской жизни и достаточно часто встречающихся в повести Л. Н. Толстого. Для перевода имен собственных и реалий, скорее всего известных читателю, используется транскрипция и транслитерация. Во всех остальных случаях перевод осуществлен подбором функционального аналога с сопутствующей в ряде случаев генерализацией значения исходной единицы, а также с помощью комментирующего перевода в тех случаях, когда подбор функционального аналога, описательный перевод или транскрипция в сочетании с транслитерацией не раскрывают значение исходной единицы. При этом наблюдаются случаи полного совпадения выбора слова в переводимом языке, частичного совпадения в тех случаях, когда Эйлер и Луиза Мод используют прием генерализации для перевода исходной единицы, а Розмари Эдмондс параллельно с генерализацией обращается к приему лексического добавления. Отмечены также случаи полного несовпадения перевода реалий. В любом случае, выбор того или иного метода определяется конкретной речевой ситуацией.

Список литературы

- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
 Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 10-е стереотип. / Под ред. д-ра филолог. наук проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. Энциклопедия, 1973. 846 с.
 Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 14 томах. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. 412 с.

Cambridge Dictionary Online // URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/estate> (02.06.2021)

Multitran Dictionary Online // URL: <https://www.multitran.com/ru> (02.06.2021) (In Russian, English)

Oxford Learner's Dictionaries // URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (02.06.2021) (In English)

Tolstoy L.N. *Childhood, Boyhood, Youth* / Translated by Louise and Aylmer Maude. Great Britain, Worldsworth Editions Limited Cumberland House, 2000. 356 p. // URL: https://archive.org/details/isbn_9781840221237/mode/2up (02.06.2021)

Tolstoy L.N. *Childhood, Boyhood, Youth* / Translated by Rosemary Edmonds. London, Penguin Books Ltd, 1964. 320 p. // URL: <https://archive.org/details/childhoodboyhood00leot/page/n321/mode/2up> (02.06.2021)

References

Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/estate> (accessed: 02.06.2021). (In English)

Multitran Dictionary Online. URL: <https://www.multitran.com/ru> (accessed: 09.06.2021). (In Russian, in English)

Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (09.06.2021). (In English)

Ozhegov, S. I. (1973). *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 846 p. Izd. 10-e stereotip. Pod red. d-ra filolog. nauk prof. N. Yu. Shvedovoi. Moscow, Sov. Entsiklopediia. (In Russian)

Tolstoy, L. N. (1951). *Sobranie sochinenii: V 14 tomakh* [Collected Works: In 14 Volumes]. Vol. 1. 412 p. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

Tolstoy, L. N. (2000). *Childhood, Boyhood, Youth*. Translated by Louise and Aylmer Maude. 356 p. Great Britain, Worldsworth Editions Limited Cumberland House, URL: https://archive.org/details/isbn_9781840221237/mode/2up (accessed: 02.06.2021). (In English)

Tolstoy, L. N. (1964). *Childhood, Boyhood, Youth*. Translated by Rosemary Edmonds. 320 p. London, Penguin Books Ltd. URL: <https://archive.org/details/childhoodboyhood00leot/page/n321/mode/2up> (accessed: 02.06.2021). (In English)

Vlakhov, S. I., Florin, S. P. (1980). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. 343 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)

The article was submitted on 07.06.2021
Поступила в редакцию 07.06.2021

Заболотская Альбина Равилевна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alzab_19@mail.ru

Сигал Наталья Германовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sigaln@mail.ru

Zabolotskaya Albina Ravilevna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alzab_19@mail.ru

Sigal Natalya Germanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sigaln@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-18-22
УДК 811.161.1

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ПОСТРОЕНИИ ТЕКСТА ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЫ

© Константин Калинин

THE ROLE OF GRAMMATIC PARALLELISM IN TEXT CONSTRUCTION OF OLD RUSSIAN ORATORICAL PROSE

Konstantin Kalinin

The article considers the role of grammatical parallelism in text organization. Grammatical parallelism is defined as a technique that formalizes the structural and semantic correlation of constructions, implemented through the unity of grammatical forms and syntactic functions of related units and supported by repetitions of various linguistic units. For the analysis, we used the texts of Old Russian oratorical prose of the 11th – 16th centuries. At the level of organization of syntactic structures, we identified the following ways of including grammatical parallelism in the space of the text: the construction of homogeneous members of a sentence, the chain of predicative units (a period), the complex syntactic whole and the text as a whole. At the level of organization of text composition, we determined the role that the use of grammatical parallelism plays in the design of word series. Words, falling into similar positions of constructions, form a chain of linguistic units that allows the author of the text to express his/her thoughts, expand the ideological and thematic space of the text, and allows the reader to correctly understand the author's standpoint. The uniformity of adjacent structures, on the one hand, simplifies the construction of the text; on the other hand, it enhances emotionality and allows you to influence the reader or listener. The possibilities of grammatical parallelism in text organization are shown based on various monuments of Old Russian oratorical prose.

Keywords: grammatical parallelism, text organization, Old Russian oratorical prose, syntactic units, word series.

В статье рассматривается вопрос о роли грамматического параллелизма в организации текста. Грамматический параллелизм определяется как приём, оформляющий структурную и семантическую соотнесенность конструкций. Он реализуется через единство грамматических форм и синтаксических функций соотносимых единиц и поддерживается повторами различных языковых единиц. Для анализа были привлечены тексты древнерусской ораторской прозы XI–XVI вв. На уровне организации синтаксических структур были выявлены следующие способы включения грамматического параллелизма в пространство текста: построение однородных членов предложения, цепи предикативных единиц (периода), сложного синтаксического целого и текста в целом. На уровне организации композиции текста определена роль употребления грамматического параллелизма в оформлении словесных рядов. Попадающие в сходные позиции конструкций слова образуют цепь языковых единиц, позволяющую автору текста выразить свою мысль, развернуть идейно-тематическое пространство текста, а читателю – правильно понять позицию автора. Однотипность смежных конструкций, с одной стороны, упрощает построение текста, а с другой – усиливает его эмоциональность и позволяет оказывать воздействие на читателя или слушателя. На материале различных памятников древнерусской ораторской прозы раскрываются возможности грамматического параллелизма в организации текста.

Ключевые слова: грамматический параллелизм, организация текста, древнерусская ораторская проза, синтаксические единицы, словесный ряд.

Изучение текста как высшей языковой единицы, составленной из единиц языка других уровней, требует выяснения принципов и приемов их соединения. Среди других мы выделяем грамматический параллелизм, на наш взгляд, яв-

ляющийся важнейшим принципом текстообразования, характерным для словесных произведений различных стилей и эпох в истории развития русского литературного языка.

Определяющими характеристиками конструкции грамматического параллелизма, на наш взгляд, являются следующие:

а) структурная однородность соотносимых фрагментов конструкции;

б) семантическая соотнесенность соотносимых фрагментов конструкции;

в) единство грамматических форм и синтаксических функций соотносимых слов и сочетаний слов;

г) повторы как организующий принцип конструкции приема: лексические, грамматические, реже – фонетические [Калинин, с. 18].

Отметим, что сама суть употребления грамматического параллелизма, в целом, основана на повторении смежных фрагментов текста. Роль повтора в организации художественного текста многократно отмечается исследователями. Так, Ю. П. Папаян пишет об этом следующее: «Повторение играет важную роль при создании соотносительных связей в тексте. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить звуковую инструментовку, рифмы, омонимы, паронимы, синонимы, фигуры речи. В тексте можно обнаружить повторение звуков, морфем, корней, слов, конструкций, смыслов. Повторение информативно, оно говорит о простом правиле: если нечто повторяется, а значит, подчеркивается, выделяется, следовательно, это важно для передачи информации» [Папаян, с. 66]. Это положение в полной мере относится к употреблению грамматического параллелизма.

Конструкции грамматического параллелизма не существуют изолированно от других элементов композиции текста. Они включаются в текстовое пространство, соединяясь и переплетаясь с языковыми единицами различных уровней. Также отметим, что вариации и несовпадения структуры частей грамматического параллелизма не только не нарушают общего впечатления от соотнесенности фрагментов текста, но и позволяют выразить авторскую позицию и усилить выразительность словесного произведения.

Для исследования нами были выбраны тексты древнерусской ораторской прозы XI–XVI вв. Это определяется тем, что указанный прием называется исследователями как характерный для памятников этого жанра (И. П. Еремин, Н. С. Демкова, Н. В. Николенкова, Л. И. Сазонова, Л. Н. Точилина и др.).

Рассмотрим возможные формы включения конструкций грамматического параллелизма в языковое пространство текста. На уровне синтаксической организации текста можно выделить четыре способа их включения.

1. Первый способ заключается в том, что смежные конструкции грамматического параллелизма представляют собой ряд распространенных однородных членов предложения. Каждый член этого ряда с зависимыми словами составляет структурную единицу конструкции. Параллелизм достигается с помощью подбора подобных зависимых слов и их расположения в тексте. Приведем два примера из текста «Поучения» Владимира Мономаха (XII в.): а) ... *покры ма (1) от соньма лукаваго и (2) от множества дѣлающихъ неправду*; б) ... *научиса по евангельскому словеси (1) очима управленье (2) языку удержанье (3) уму смѣренье (4) тѣлу порабощенье (5) гнѣву погубленье* [Камчатнов, с. 328–329].

В первом примере конструкция грамматического параллелизма организуется внутри одного предложения (предикативной единицы) с помощью распространения однородных дополнений *соньма* и *множества*, зависящих от глагола-сказуемого *покры*. Каждое из дополнений распространяется определением, стоящим в постпозиции. При этом в первом случае оно согласованное и выражено одиночным прилагательным, а во втором – несогласованное и выражено словосочетанием. Таким образом, грамматический параллелизм создается единством синтаксических функций соотносимых языковых элементов при небольшом расхождении конструкций. Вставка во второй части конструкции не нарушает общего принципа употребления приема и служит авторской задаче.

Грамматический параллелизм во втором примере также основан на распространении пяти дополнений, зависящих от глагола-сказуемого *научиса*: *управленье – удержанье – смѣренье – порабощенье – погубленье*. Ряд однородных членов предложения представляют также слова одной лексико-тематической группы, которую в контексте анализируемого памятника можно назвать как «необходимые для христианина качества души». Каждое из выбранных дополнений, в свою очередь, распространено дополнением, называющим, к чему следует приложить каждое из названных качеств: *очима – языку – уму – тѣлу – гнѣву*. Почти все слова этого ряда так или иначе указывают на человека. Важно, что они называют не части тела, а поступки. В этом контексте слово *гнѣвъ* не выпадает из общего ряда. В двух приведенных примерах ряды конструкций грамматического параллелизма связаны между собой перечислительными отношениями, они могли быть легко продолжены автором. Это обстоятельство также определяет прием как средство организации текста.

2. Второй способ связан с организацией предикативных единиц с помощью грамматического параллелизма. В этом случае центром каждой части приема является сказуемое, чаще всего выраженное глагольной формой. При однотипном расположении зависимых от нее слов формируется прием грамматического параллелизма. Покажем это на двух примерах из текста «Моления Даниила Заточника» (XIII в.): а) (1) ... *очима бо плачюцца со мною а (2) сердцемъ смеют ми сѧ*; б) (1) ... *гусли бо строатся персты а (2) тѣло основаетса жилами (3) дубъ крѣпокъ множествомъ коренна (4) тако и градъ нашъ твою дръжавою* [Там же, с. 543]. В первом примере сказуемое с показателем возвратности *сѧ* распространено обстоятельством, выраженным формой творительного падежа с орудийным значением и расположенным в препозиции, и дополнением, выраженным местоимением *язь*. Между предикативными конструкциями формируется семантика противопоставления. В отрывке используются следующие средства выражения указанного значения: союз *а*, антонимы *плачюцца – смеют сѧ* и контекстные антонимы *очима – сердцемъ*, выражающие противопоставление внешнего и внутреннего, видимого и невидимого.

Структурной особенностью второго примера является неполнота последней конструкции, заключающаяся в пропуске предиката, который может быть восстановлен с учетом контекста (*строатся, основаетса* или *крѣпокъ*). Это можно объяснить тем, что в этой фразе прямо выражена авторская идея, которая раскрывается через первые три части отрывка. Между ними формируется семантика сравнения, подкрепленная употреблением союза *так*. Этот пример показывает возможности грамматического параллелизма в реализации принципа цепочечного нанизывания предикативных единиц, о котором было сказано выше. Такие построения могут быть соотнесены с понятием периода в синтаксисе современного русского языка.

3. С помощью грамматического параллелизма может быть построена более крупная единица организации текста – сложное синтаксическое целое. По определению Н. С. Валгиной, оно представляет собой структурно-семантическое единство нескольких относительно самостоятельных предложений. Параллелизм, по указанию исследователя, является одним из средств связи в сложном синтаксическом целом [Валгина, с. 391–392].

Примером такого построения в тексте древнерусской ораторской прозы является отрывок из «Слова некоего христороубца, ревнителя по пра-

вой вере» (XIII–XIV вв.): ... *так* и мы братие (1) *възненавидимъ диявола (2) а Христа възлюбимъ (3) во иже крестихомса и (4) во нь облекохомса (5) и его хлѣбъ ѣмы (6) и его чашию пьемъ (7) и здрави бываемъ (8) и живи есмы о немъ* [Камчатнов, с. 352]. В этом отрывке текста представлено восемь конструкций, которые попарно являются параллельными друг другу. При этом между первой и второй реализуется семантика противопоставления (*дияволъ – Христость*), а последующие усиливают развертывание темы о Христе. Это семантическое единство подчеркивается использованием в пяти частях анафорических местоимений, стоящих в одних позициях соседних частей конструкции: *иже – нь – его – его – о немъ*. Эти части конструкций попарно реализуют семантику повторения мысли, поддержанную контекстными синонимами: *крестихомса – облекохомса, хлѣбъ – чашию, здрави – живи*. Первая пара отсылает читателя к апостольскому определению крещения: *Все вы, во Христа крестившиися, во Христа облеклись* (Послание к галатам св. ап. Павла III, 27) [Святое Евангелие..., с. 367], а вторая – к двум составляющим причастия. Можно утверждать, что грамматический параллелизм в этом отрывке является определяющим приемом его структурной организации и семантического объединения элементов текста.

4. Наконец, анализ широкого круга текстов древнерусской ораторской прозы не позволил найти памятник, все конструкции которого были бы построены с помощью грамматического параллелизма. Однако полагаем, что для некоторых из них этот прием становится системным для всего текста и поддерживает общую идею текста. Приведем пример. На наш взгляд, грамматический параллелизм является приемом текстообразования в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI в.) [Камчатнов, с. 483]. Большинство конструкций, построенных с его помощью, реализует семантику противопоставления. В этом тексте найдено более ста случаев употребления приема. В этом же тексте нами была найдена самая большая конструкция грамматического параллелизма, состоящая из тридцати четырех частей, построенных по одной структурной и семантической схеме.

Таким образом, проведенный анализ позволил выяснить роль грамматического параллелизма в организации синтаксических структур текста.

Отметим также возможности употребления грамматического параллелизма в контексте композиционного построения текста. По В. В. Виноградову, композиция текста определяется как

«система динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого» [Виноградов, с. 49]. Такое понимание принципа организации текста находит продолжение в других исследованиях. В частности, следует отметить работы А. И. Горшкова, Ю. М. Папяна, Н. В. Пилипенко, М. М. Шитьковой в области изучения словесных рядов текста художественной прозы в синхронии и диахронии.

Важно отметить, что словесный ряд может представлять собой не только цепь слов, но и любых языковых элементов, которые, по определению А. И. Горшкова, «могут вместиться в слова или составиться из слов» [Горшков, с. 55]. В этом контексте конструкция грамматического параллелизма, состоящая как минимум из двух элементов (однотипно построенных сочетаний слов), позволяет рассматривать ее как словесный ряд в линейной (синтагматической) перспективе текста. С другой стороны, в такой конструкции формируются ряды соотнесенных между собой слов и выражений из смежных фрагментов текста, которые сходны в структурном и семантическом построении. Это определяется самой сутью приема грамматического параллелизма. Такие словесные ряды формируют парадигматическую перспективу текстового пространства.

Особое значение грамматического параллелизма для построения древнерусского текста можно объяснить тем, что этот прием является характерным для важнейшего принципа организации текста древнерусской книжности – цепочечного нанизывания предикативных единиц [Ринберг]. Это и определяет его значение в контексте организации структурно-семантического единства текста.

Рассмотрим отрывок текста «Слова на Собор 318 святых отцов» Кирилла Туровского (XII в.) в контексте сказанного о роли грамматического параллелизма в свете теории словесных рядов текста. Предложенный фрагмент представляет собой развернутое риторическое обращение к оппоненту: *Слыши, Арию, (1) безглавый звѣрю, (2) нечистый душе, (3) оканьный человекче, (4) новый Каине, (5) второй Иудо, (6) плътяный дѣмоне, (7) прельстьный змью, (8) церковный вѣгми вѣдоми тати, (9) необратный разбойниче, (10) нераскаемый грѣшьниче, (11) неукротимый на Христова овчата волче, (12) безбоязньный святыя вѣры разорителю и (13) хотящимъся спасти пакостьниче, (14) Божий враже и (15) сыну погибѣли* [Еремин, с. 435].

В анализируемом отрывке, построенном с помощью грамматического параллелизма, представлена цепь из пятнадцати однотипных конструкций, каждая из которых разворачивается во-

круг оценочного имени существительного в звательном падеже. Они и составляют первый словесный ряд фрагмента: *звѣрю – душе – человекче – Каине – Иудо – дѣмоне – змью – тати – разбойниче – грѣшьниче – волче – разорителю – пакостьниче – враже – сыну*. Весь ряд относится к герою, обращение к которому вынесено как обобщающее слово ко всем конструкциям: *Арию*. Выбор именно этих слов для обращения к персонажу определяет отношение к нему и позволяет дать авторскую оценку. Неудивительно, что большинство слов самостоятельно выражают негативную семантику. Даже нейтральные слова *душе – человекче – сыну* в контексте получают отрицательное значение через их определение с помощью прилагательных *нечистый* и *оканьный*, слово *сыну* входит в библейский фразеологизм *сыну погибѣли*.

Выделенный словесный ряд распадается на другие, связанные тематически и по значению. Один из них состоит из личных библейских имен *Каине – Иудо*. Автор выбирает имена одних из самых отрицательных персонажей библейской истории: Каина, первого убийцы в мире, и Иуды, предавшего Иисуса Христа на крестную смерть. Исключительность действий Ария подчеркивается определениями *новый Каине* и *второй Иудо*.

Другой словесный ряд обращений характеризует персонажа как преступника: *тати – разбойниче – грѣшьниче – разорителю – пакостьниче*. Эти слова являются контекстными синонимами. Их употребление в небольшом фрагменте текста дополняет и раскрывает семантику друг друга. Кроме того, выбранные характеристики Ария также отсылают читателя к библейским текстам. Например, *Тать не приходитъ, развѣ да оукрадетъ и оубіетъ и погоубитъ* (Евангелие от Иоанна X, 10) [Святое Евангелие, с. 412].

Наконец, ряд слов, обращенных к Арию, отсылает читателя к тем определениям, которые дают тексты Священного Писания дьяволу: *звѣрю – волче – дѣмоне – змью – враже*. Часть из них обозначает животное. Такой выбор ключевых слов дает ясное представление об авторском отношении к описываемому персонажу.

Каждое из слов этого ряда распространяется определениями, которые дополняют и усиливают эмоциональное впечатление читателя или слушателя. В анализируемом отрывке выделяется следующий ряд имен прилагательных, выражающий в личности Ария идею об абсолютном зле и необратимости этих качеств: *безглавый – нечистый – оканьный – прельстьный – необратный – нераскаемый – неукротимый – безбоязньный*. Каждое из этих слов определяет уже

названный ранее ряд обращений к Арию и подчеркивает авторскую идею в тексте.

Таким образом, проведенный анализ отрывка текста, построенного с помощью грамматического параллелизма, показывает, что выделение словесного ряда, состоящего из слов, находящихся в одинаковой позиции в смежных конструкциях текста, позволяет автору разворачивать свою идею, а читателю – понять ее.

Подводя итоги, полагаем, что с помощью предложенного исследования нам удалось показать роль использования грамматического параллелизма на синтаксическом и композиционном уровнях организации текста.

Список литературы

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1978. 439 с.

Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 329 с.

Горшков А. И. Композиция художественного текста как объект лингвистического исследования // Литературный язык и литература (статьи по истории и теории литературного языка). М.: Изд-во Литературного института имени А. М. Горького, 2007. С. 55–63.

Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XV. М.–Л.: Наука, 1958. С. 331–348.

Калинин К. А. Построение словесных рядов древнерусского текста на основе грамматического параллелизма // Слово в зеркале истории языка. Вып. 1. Набережные Челны: НГПУ, 2020. С. 18–20.

Камчатнов А. М. Хрестоматия по истории русского литературного языка. Памятники X–XIV веков по рукописям X–XVII веков. М.: Академика, 2012. 623 с.

Папаян Ю. М. Отбор и организация языкового материала (к проблеме категорий стилистики текста) // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. № 2. М., 2005. С. 60–74.

Ринберг В. Л. Конструкции связного текста в истории русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Москва, 1981. 31 с.

Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на русском и славянском языках. СПб.: Синодальная типография, 1914. 464 с.

References

Gorshkov, A. I. (2007). *Kompozitsiia khudozhestvennogo teksta kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Composition of a Literary Text as an Object of Linguistic Research]. *Literaturnyi iazyk i literatura (stat'i po istorii i teorii literaturnogo iazyka)*. Pp. 55–63. Moscow, izd-vo Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo. (In Russian)

Eremin, I. P. (1958). *Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo* [Literary Heritage of Kirill Turovsky]. *TODRL*. Moscow, Leningrad, No. 15, pp. 331–348. (In Russian)

Kalinin, K. A. (2020). *Postroenie slovesnykh riadov drevnerusskogo teksta na osnove grammaticheskogo parallelizma* [Construction of Verbal Series of the Old Russian Text Based on Grammatical Parallelism]. *Slovo v zerkale istorii iazyka*. No. 1, pp. 18–20. Naberezhnye Chelny, NGPU. (In Russian)

Kamchatnov, A. M. (2012). *Khrestomatiia po istorii russkogo literaturnogo iazyka. Pamiatniki X–XIV vekov po rukopisiam X–XVII vekov* [Reader on the History of the Russian Literary Language. Monuments of the 10th–14th Centuries According to the Manuscripts of the 10th–17th Centuries]. 623 p. Moscow, Akademika. (In Russian)

Papian, Yu. M. (2005). *Otbor i organizatsiya iazykovogo materiala (k probleme kategoriy stilistiki teksta)* [Selection and Organization of Linguistic Material (on the categories of text stylistics)]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo*. Moscow, No. 2, pp. 60–74. (In Russian)

Rinberg, V. L. (1981). *Konstruktii svyaznogo teksta v istorii russkogo iazyka: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Constructions of a Coherent Text in the History of the Russian Language: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 31 p. (In Russian)

Sviatoe Evangelie Gospoda nashego Iisusa Khrista na ruskom i slavianskom iazykakh (1914) [The Holy Gospel of our Lord Jesus Christ in the Russian and Slavic languages]. 464 p. St. Petersburg, Sinodal'naia tipografiia. (In Russian)

Valgina, N. S. (1978). *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of the Modern Russian Language]. 339 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the Theory of Artistic Speech]. 329 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

The article was submitted on 21.03.2021

Поступила в редакцию 21.03.2021

Калинин Константин Андреевич,
аспирант,
Московский педагогический
государственный университет,
119991, Россия, Москва,
Малая Пироговская, 1, строение 1.
filologkalinin@mail.ru

Kalinin Konstantin Andreevich,
graduate student,
Moscow Pedagogical State University,

1 Malaia Pirogovskaia Str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
filologkalinin@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-23-29
УДК 811.112.2

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БАНКОВСКОГО ДЕЛА

© Алина Кутимская

SYNONYMIC RELATIONS IN GERMAN BANKING TERMINOLOGY

Alina Kutimskaya

The article analyzes synonymic relations in German banking terminology. German banking system, as one of the basic sectors in modern economy, has its own terminology, which needs to be studied and investigated. We analyze the usage of banking terms, the problem of choosing and using synonyms correctly. For this terminology, the same nomination methods as for the common literary language are used. The definition and the order of synonymic relations in the German banking terminology can lay the foundation for its systemization and standardization. The use of terminological units and the choice of the right synonym are important for effective communication. The article makes an attempt to comprehensively analyze the ways of enriching banking terminology through borrowings, eponyms, abbreviations, polysemic terms and metaphors, and synonymic relations between them. We present time periods of borrowing terms in the banking terminology and suggest a principle for creating synonymic rows, fixing the place of every language item as a reflection of a term's semantic specificity. We attempt to comprehensively analyze German synonymic relations based on the principles of historicism, systematicity and anthropocentrism. The article describes semantic, syntactic and pragmatic features of banking terminology.

Keywords: term, terminology studies, banking terminology, synonymy, semantic relations.

В статье исследуются синонимические отношения в терминологии банковского дела на примере немецкого языка. Банковская система Германии как один из основных секторов современной экономики обладает определенным терминологическим аппаратом, нуждающимся в рассмотрении и изучении. Анализируется использование терминов банковского дела: проблема выбора и верного использования синонимов. Для данной терминосистемы характерны те же способы номинации, что и для общелитературного языка. Определение и упорядочение взаимодействия синонимов в немецкой банковской терминологии могут стать основой для ее систематизации и стандартизации. Обращение к терминологическим единицам и выбор нужного синонима являются важными условиями эффективной коммуникации. В статье предпринята попытка комплексного исследования способов пополнения терминологического фонда банковского дела заимствованиями, эпонимами, аббревиациями, многозначными терминами, метафорами и синонимическими отношениями между ними. Приведена периодизация заимствованных терминов банковского дела. Описан принцип построения синонимических рядов, определяющий место каждой языковой единицы, как отражение смысловой специфики термина. Предпринята попытка комплексного анализа синонимических отношений немецкого языка банковского дела с учетом принципов историзма, системности и антропоцентризма. Описаны семантические, синтаксические и прагматические особенности терминов.

Ключевые слова: термин, терминоведение, банковская терминология, синонимия, семантические отношения.

Одной из основных сфер деятельности человека является обращение с материальными ценностями. Банковское дело относится к таким сферам. Выбор нужного термина может стать определяющим в принятии важных финансовых и политических решений. За каждым из этих решений стоит человек, языковая личность, существующая в языковом пространстве и являющаяся носителем языкового сознания [Караулов, с. 3]. Для про-

ведения успешной работы на финансовом рынке, бирже, составления платежных документов, контрактов, договоров, транспортных и рекламных документов и т. д. необходимо знание соответствия термина и выражаемого им понятия, а также максимально точное определение границ семантического объема термина [Кутимская, с. 97].

Происходящие в мире глобализационные и интеграционные процессы обусловили потреб-

ность изучения терминосистемы немецкой экономической науки, так как экономика Германии относится к наиболее развитым в мире. Знание немецкой банковской терминологии, описание истории ее формирования, владение терминологическими единицами, находящимися в отношении синонимии, знание особенностей функционирования синонимов в дискурсе, выбор нужного синонима для адекватной и успешной коммуникации требуются не только лингвистам, преподавателям и переводчикам, но и банкирам, экономистам и представителям других смежных профессий. Для достижения эффективной коммуникации всегда требуется выбор нужного термина, максимально точного и нейтрального, который может помочь в принятии жизненно важных решений как для отдельных граждан, так и на уровне государств. Поэтому дальнейшее изучение синонимических связей в терминологических системах, в частности в немецкой банковской терминологии, представляется одной из важных и актуальных задач.

Изучению языка банковского дела посвящено много работ различной лингвистической направленности. Проблеме выбора терминов и их синонимов, использования синонимов в терминологической системе экономической науки и языка банковского дела как ее подсистеме посвящен ряд работ на материале немецкого (см.: [Зарипова], [Кербер], [Майтова]), английского (см.: [Финикова], [Семенова], [Левина]) и русского [Плаксин] языков, в которых с разной степенью результативности проведен анализ как структурно-семантических особенностей банковской терминологии, так и деривационно-прагматических и социокультурных ее аспектов. Рассматриваются проблемы перевода и использования терминов банковского дела в языковой практике и межкультурной коммуникации. Одним из путей решения проблем взаимодействия языковых единиц в терминологии является комплексное изучение синонимии терминологических единиц в сфере банковской экономики.

Общеизвестно, что термин, в отличие от обычной языковой единицы, и называет, и определяет понятие. Таким образом, он выполняет две функции: номинативную и дефинитивную. Здесь часто возникает несоответствие между бурно развивающимся техническим и научным прогрессом, требующим новых номинаций в связи с появлением новых терминов, и терминологической системой, не успевающей создавать эти термины. Одновременно терминосистема выполняет общие требования, предъявляемые к терминам: точность, однозначность, краткость, простота, независимость от контекста. Поэтому происходит добав-

ление новых или изменение смыслов существующих терминов. Например, синонимический ряд, используемый для наименования самой банковской системы: *Bankenmarkt, Bankenwelt, Bankwesen, Bankgewerbe, Bankensektor, Bankensystem, Bankenindustrie*. В данном синонимическом ряду сосуществуют не только термины, описывающие банк как рынок, мир, индустрию, систему (*Bankenmarkt, Bankenwelt, Bankenindustrie, Bankensystem*), но и сектор экономики (*Bankensektor*) и достаточно устаревшие терминологические единицы, связанные с определенной областью деятельности (*Bankgewerbe*) [Bankinformatik]. Терминосистема банковского дела является открытой, что способствует постоянному образованию новых терминологических единиц, связанных с банковским делом как частью экономической науки, в свою очередь постоянно пополняющей терминологический аппарат новыми единицами. По мнению В. А. Татарина, изменение семантических границ терминологических единиц, возникновение новых значений являются закономерными в терминосистеме, так как объективная действительность отражается в постоянно прогрессирующем процессе познания. Определенный объем термина сможет отражать только понятие, которое будет «консервировано» [Татарин, с. 8]. Но в таком случае не будет учтен характер терминологии, способной к созданию новых терминов в результате развития экономической науки и ее банковского сектора. Таким образом, современное языкознание приходит к выводу об отрицании «идеального термина» и о развитии современной терминологии согласно законам и процессам развития естественного языка, в его статике и динамике.

Выбор нужного термина из одного ряда синонимов базируется на основополагающем принципе системной ориентации, считающем систему терминов совокупностью элементов. Данные элементы находятся друг с другом в разнородных, многогранных и часто противоречивых отношениях. Выявляя и описывая синонимии в терминологических системах, мы исходим из понимания термина как языкового знака, вступающего в синонимические отношения, в основе которых заложена асимметрия формы и содержания языковой единицы, суть которой, по мнению В. М. Хантаковой, состоит в том, что одно и то же содержание имеет для своего выражения несколько форм [Хантакова, с. 27]. Речь здесь идет о месте каждой языковой единицы в ряду синонимов. Это определенное место отражает смысловую специфику термина. Таким образом, язык банковской сферы отражает основное свойство синонимии – существование нескольких означающих для одного означаемого.

Использование синонимов является необходимым для взаимопонимания профессионалов и их клиентов, при этом точность выражаемой мысли также является обязательной. Выбор и предпочтение той или иной лексической единицы связаны с принципом рациональности, одним из основных в синонимии. Например, сотрудники банков стараются не использовать такие термины, как *Schuldner*, *schuldig sein*, *Schulden*, пробуждающие неприятные чувства у клиентов. Вместо них используются нейтральные термины *Zahlungspflichtiger* или *Kreditnehmer*, *Verbindlichkeiten* вместо *Schulden*, *zahlungspflichtig* вместо *schuldig*.

Термины функционируют по законам общелитературного языка. Поэтому синонимические отношения могут быть как между единицами общелитературного языка, так и заимствованиями, эпонимами, аббревиациями, многозначными терминами, метафорами.

Обратимся к примерам терминологических единиц, которым свойственна многозначность. Так, примером многозначности термина может служить лексическая единица *Wertpapier*, которая определяется словарем Duden как *Wertschrift*, то есть как ‘*документ, подтверждающий доходы, связанные с получением дивидендов или процентов*’. В следующем примере Корпус современного немецкого языка описывает значительные доходы, полученные от реализации ценных бумаг: *Dort seien in erheblichem Umfang Gewinne auf Wertschriften realisiert worden* [Wertschrift]. Здесь можно пронаблюдать расширение семантического объема термина в одной и той же сфере его употребления.

Рассмотрим следующий контекст, в котором использована данная терминологическая единица именно в вышеуказанном значении:

Doch er brach die Arbeiten ab, denn er erkannte, dass die Börse keineswegs das Herz des Kapitalismus ist, sondern nur ein Nebenkriegsschauplatz. Ein Handelsplatz eben, wo Wertpapiere, Firmenanteile und Rohstoffe ihren Besitzer wechseln, wo Angebot und Nachfrage den Preis bestimmen. Auf den ersten Blick sind die Börsianer die reinsten Schmarotzer [Rubrik Börse].

В этом фрагменте речь идет о финансовом рынке и облигациях, продающихся и покупающихся на бирже. Торговая площадка сравнивается с местом сражения маклеров, паразитирующих и зарабатывающих на ценных бумагах.

Однако если обратиться к Корпусу современного немецкого языка, то выявляется, что данная терминологическая единица получает свое уточнение, связанное с тем, где, в какой области она имеет ценность: *Börse-Urkunde, die ein*

bestimmtes Vermögensrecht verbrieft, dessen Geltendmachung an den Besitz der Urkunde gebunden ist [Wertpapier].

В приведенном фрагменте речь идет об облигации, где терминологическая единица получает смысловое уточнение, а именно как «фондовая ценность, ценная бумага».

Небольшой смысловой оттенок у рассматриваемого термина проявляется в следующем употреблении: речь здесь идет о законодательстве, где решающей при подаче заявления является стоимость ценной бумаги на 31 декабря года подачи заявления. То есть здесь может быть не только биржевая облигация, но акция и сертификат: *Maßgebend ist der Wert im Zeitpunkt der Antragstellung, bei Wertpapieren der Kurswert am 31. Dezember des Jahres vor der Antragstellung* [Там же].

В этом случае речь идет об использовании данной терминологической единицы в связи с изменением курса валют, способным в дальнейшем влиять на изменение курсов ценных бумаг.

С появлением какого-либо открытия или явления у человека возникает потребность в их наименовании, при этом часто происходит процесс переосмысления значения общелитературного слова и добавления к нему нового лексического значения. Новое явление часто ассоциируется с уже существующим на основе имеющихся в подсознании каждого человека типичных признаков различных явлений или каких-либо процессов, происходит опора на уже существующие ассоциации или метафорический перенос. «Метафора предстает как феномен, имеющий двойную сущность, – с одной стороны, как языковой знак с соответствующим содержанием, с другой стороны, как коммуникативная единица. В роли коммуникативной единицы она служит средством познания внеязыковой действительности, отражает специфику духовного своеобразия носителей языка и функционирует в роли одного из элементов лаконичного изобразительного выражения, претендующего на достижение адекватного понимания» [Хахалова, с. 11–12].

Явление метафоризации существует в языке банковской сферы так же, как и в других терминосистемах. Рассмотрим группу эпонимных терминов-заимствований, подвергшихся метафоризации, например, термин *Kaizen* (япон. «улучшение»), обозначающий процесс непрерывного улучшения производства. Он используется для обозначения повышения качества производственных процессов во всех сферах деятельности, в том числе и банковской: *Einführung von KVP-Kaizen Methoden. Erfolgt die Einführung der KVP Kaizen Methode im Unternehmen ohne jegliche Koordination*

und ausreichend geschultes Personal, so kann sie schlichtweg nicht zum gewünschten Ziel führen [Ververbesserungsprozess]. Здесь также используется аббревиация *KVP*, обозначающая *Kontinuierlicher Verbesserungsprozess* – ‘введение постоянного процесса улучшения’, или Кайдзен-структур. Японская философия Кайдзен основывается на непрерывном улучшении не только процессов производства, но и всех аспектов жизни.

Доминантой синонимического ряда *Kaizen*, *KVP*, *kontinuierlicher Verbesserungsprozess* мы считаем языковую единицу *Kaizen*. Dudenlexikon определяет ее как: *aus Japan stammendes, auf einer Philosophie der ewigen Veränderung beruhendes Konzept der Unternehmensführung, das darin besteht, einen kontinuierlichen Verbesserungsprozess in Gang zu halten* [Там же]. Этот термин заимствован из Японии и базируется на философии постоянного изменения, а также отображает процесс непрерывного развития. Процесс постоянного улучшения – *kontinuierlicher Verbesserungsprozess* [Kaizen] – описательный термин, используемый для предотвращения тавтологии. Все лексические единицы синонимического ряда *Kaizen*, *KVP*, *kontinuierlicher Verbesserungsprozess* используются в банковской терминологии. Но японский эпонимный термин *Kaizen* является здесь наиболее точным и однозначным по сравнению с немецким описательным термином *kontinuierlicher Verbesserungsprozess*, а также наиболее употребительным. Корпус современного немецкого языка дает 44 примера для этой дефиниции, тогда как для немецкого описательного термина в корпусе не было зарегистрировано ни одного примера. Термин *KVP*, являющийся аббревиатурой, можно считать синонимом в данном ряду, так как он является описательным, находится на периферии синонимического ряда и используется в банковской терминологии.

Синонимические отношения в общелитературном языке возможны не только между отдельными словами, но и между отдельными значениями многозначных слов [Степанова, Чернышева, с. 195]. В качестве примера можно привести следующий синонимический ряд: *Garantieservice* – *Garantiekundendienst* – *Kundendienst im Rahmen der Garantieverpflichtungen* – ‘гарантийное обслуживание’.

Поскольку в немецкой банковской терминологии существует целый ряд терминологических многозначных синонимов, при анализе синонимических отношений между терминами важно учитывать однозначность или многозначность терминов. Семантические связи многозначных терминов отличаются от семантических связей однозначных, а значит, и связи, возникающие

между терминами, обнаруживающими тенденцию к многозначности, будут отличаться от тех, которые существуют между однозначными терминами.

Еще одним фундаментальным и универсальным свойством термина, заимствованным им из естественного языка, является вариативность. Термин может варьироваться как в плане выражения, так и с точки зрения плана содержания [Карцевский, с. 41]. Мы опираемся на следующую дефиницию вариативности, определяющую ее как «общность понятийного содержания, обусловленную определением (толкованием или объяснением) одного из них, а понятийное содержание остальных терминов может быть объяснено преобразованиями (трансформациями) языковой структуры этих терминов как производных от того, который имеет определение (толкование или объяснение)» [Шелов, с. 12]. Типологически как вариант терминов языка банковского дела можно выделить аббревиационные термины. Считается, что аббревиатуры отличаются от обычных слов в их семантике, так как они являются единицами вторичной номинации. Значение же аббревиатурного знака есть та информация об обозначаемом предмете, которую он несет [Могилевский, с. 5–7]. В аббревиатурах существуют все признаки языкового знака [Ярмашевич, с. 108]: двусторонняя природа (так как есть и означаемое, и означающее), форма, с помощью которой происходит реализация значения. Аббревиатуры всегда обозначают какой-либо фрагмент действительности. Стоит отметить, что аббревиатуры образуются и существуют на базе полных наименований, например: *GmbH* – *Gesellschaft mit begrenzter Haftung* (‘общество с ограниченной ответственностью’); *MWst* – *Mehrwertsteuer* (‘налог на добавленную стоимость – НДС’); *Ust* – *Umsatzsteuer* (‘налог с оборота’); *IHK* – *Industrie und Handelskammer* (‘торгово-промышленная палата’); *IMF* – *Internationaler Währungsfond* (‘международный валютный фонд’). Эти наименования не имеют синонимов, в данном случае сами аббревиатуры являются синонимами.

К основным источникам синонимии в языке банковской сферы исследователи также относят заимствования. На зарождение, становление и развитие этой терминосистемы повлияло поэтапное развитие банковского дела, начиная со средневекового периода зарождения банковской терминологии, времен создания и развития банков в Германии, вплоть до второй мировой войны, а затем и послевоенного периода восстановления банков по настоящее время, постоянное развитие и изменения терминологической систе-

мы банковской сферы. Была предложена следующая классификация заимствований, которые участвуют в пополнении синонимических рядов в терминологии: материальные заимствования, калькированные термины и гибридные образования [Гринеv, с. 62].

Обособление специальной терминологии, отделение ее от общеупотребительного языка для нужд профессионалов делает ее недоступной для неспециалистов. Этот процесс поддерживается в обществе как так называемая пуристическая деятельность, но использование терминологических единиц, принятое в профессиональной среде, часто может быть оправданным и необходимым. Термины, созданные на основе национального языка или диалекта, могут быть недостаточно однозначными и точными, например: австрийский синоним *Ablebungsschutz* общеупотребительного немецкого термина *Versicherungssumme* ('страховая сумма') обозначает *Versicherungssumme, die im Todesfall an die Begünstigten im Rahmen einer Ablebensversicherung ausbezahlt wird* [Messina Chiara, с. 317]. Таким образом, термин *Versicherungssumme*, употребляемый во всех немецкоязычных странах, является здесь доминантой синонимического ряда и более однозначным, так как страховая сумма может использоваться не только в случае смерти страхователя согласно австрийской дефиниции этого термина. Еще одним примером может являться немецкий термин *Fälligkeit* ('срок исполнения обязательств по выплатам'). Его австрийский вариант *Abreifung* означает *Fälligkeit von Versicherungen, Polizzen und Finanzprodukten* [Там же, с. 319], то есть в австрийском варианте срок исполнения ограничивается только страховками, полисами и финансовыми продуктами, тогда как немецкий охватывает все финансовые обязательства.

Заимствованные термины обладают точным значением, но в большинстве случаев они немотивированны. У представителей языковой общности, которые пользуются заимствованным словом, не возникает отчуждения по отношению к тому или иному иностранному слову. Одним из основных требований, предъявляемых к таким терминам, является стилистическая нейтральность: *Investitionen* [англ.] – *Anlagen* [нем.]; *Branche* [англ.] – *Wirtschaftszweig* [нем.].

Заимствованные термины, характеризующиеся краткостью и активностью в словообразовании, более удобны для коммуникации. Поэтому, несмотря на достаточно активную пуристическую деятельность лингвистов Германии, они проникают и широко распространяются в терминологии банковского дела. Например, языковые единицы *Accounting*, *Import*, *Call Center*, заимст-

вованные из английского языка, используются повсеместно и не требуют перевода.

Калькированные термины заимствуют только значение или структуру лексической единицы, оставляя без внимания ее материальную форму. Немецкий язык часто заимствовал термины. Первоначально это были терминологические единицы, заимствованные из латинского языка, затем – итальянского, французского, в настоящее время в связи с глобализационными процессами языком-донором преимущественно является английский. Это: а) *словообразовательное или структурно-семантическое калькирование*, при котором заимствуется структура иноязычной лексемы. Для создания в немецком языке слова-кальки из другого языка заимствуется только принцип реализации данного понятия, то есть только этимологическая структура соответствующего иноязычного слова, материалом же словообразования служат чисто немецкие морфемы. Например, *Verladekosten und Fracht* – точная калька английского экономического термина *cost and freight* – *стоимость и фрахт* ('условие поставки, цена которого включает расходы по фрахту до места назначения'); б) *семантическое калькирование* передает в языке-реципиенте только значение заимствованного слова. Например, немецкое слово *Verschmelzung* в результате заимствования из английской экономической терминологии термина *Fusion* получает узкоспециальное значение «*слияние, объединение (предприятий)*»; в) *гибридные образования* – это термины, одна часть лексемы у которых заимствуется, а другая переводится или существует в языке. Наиболее распространенная модель – двукомпонентная, определяющим является заимствованное слово, а немецкое – определяемым: *bill of lading* [англ.] – *See-Schiffsfrachtbrief* [нем.] – 'товарно-транспортная накладная на принятие груза к перевозке морем'

Проведенное нами исследование позволяет подвести некоторые итоги изучения синонимических отношений в немецкой банковской терминологии. До настоящего времени они не были исследованы комплексно. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на материале языка немецкого банковского дела проведено многоаспектное освещение проблемы терминологической синонимии. Современными исследователями проведен лишь фрагментарный анализ синонимических отношений в данной терминосистеме, не учитывающий принципов историзма, системности и антропоцентризма. В статье предпринята попытка описания основных закономерностей возникновения и использования синонимических отношений терминосистемы банков-

ского дела с учетом данных принципов, это может стать основой для дальнейшего упорядочения и стандартизации данной терминосистемы. Описаны семантические особенности терминов: сюда входят содержание термина и его значение; синтаксические – это форма и строение термина; прагматические – это применение и функционирование термина. Анализ семантических связей в терминологии немецкого банковского дела позволяет прийти к некоторым выводам. Терминологические единицы существуют как неотъемлемая часть общелитературного языка и могут образовывать синонимические ряды с заимствованиями, эпонимами, аббревиациями, многозначными терминами, метафорами. Немецкая банковская терминология характеризуется максимальной точностью, нейтральностью, а также интернациональностью и общераспространенностью.

Список литературы

- Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
- Заринова А. Н. Экономическая терминология в немецком, русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2004. 24 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. 264 с.
- Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. II. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
- Кербер Е. В. Особенности синонимии в немецкой экономической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Белгород, 2011. 23 с.
- Кутимская А. Ю. Семантические аспекты взаимодействия языковых единиц в немецкой экономической терминологии // *Magister Dixit*. 2013. № 4. 413 с.
- Левина В. А. Структурно-семантические особенности американской банковской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2013. 19 с.
- Майтова А. В. Когнитивные основания метафорической номинации предметно-специального языка «Банковское дело» в русском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Саратов, 2008. 24 с.
- Могилевский Р. И. Аббревиация как лингвистическое явление: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Тбилиси, 1966. 32 с.
- Плаксин В. А. Предметно-терминологическая сфера «банковская деятельность»: деривационно-прагматические и социокультурные аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Ставрополь, 2010. 23 с.
- Семенова И. Б. Сопоставительный анализ переводческих эквивалентов англоязычных терминов в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2012. 27 с.
- Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1962. 310 с.
- Татаринев В. А. Теория терминоведения. М.: Московский лицей, 1996. 311 с.
- Финикова И. В. Принципы формирования современной немецкоязычной терминологии банковского кредитования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2012. 25 с.
- Хантакова В. М. Теория синонимии: опыт интегрального анализа: монография. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2006. 211 с.
- Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 292 с.
- Шелов С. Д. Еще раз об определении понятия термина // *Лингвистика*. Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 795–799.
- Ярмашевич М. А. Особенности образования и функционирования аббревиатур в различных стилях и жанрах речи: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 195 с.
- Rubrik Börse // *Die Zeit* 26.02.1998, Börse.
- Bankeninformatik // *Deutscher Wortschatz*. URL: http://corpora.unileipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawl_2011&word=Bankeninformatik (дата обращения: 13.02.2021).
- Kaizen // *Digitales Duden Wörterbuch*. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kaizen> (дата обращения: 03.11.2020).
- Messina Chiara. *Die österreichischen Wirtschaftssprachen. Terminologie und diatopische Variation*. Berlin: Frank & Timme, 2015. 378 S.
- Verbesserungsprozess // *Deutscher Wortschatz*. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawl-public_2018&word=kontinuierlicher+Verbesserungsprozess (дата обращения: 03.11.2020).
- Wertschrift // *Digitales Duden Wörterbuch*. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Wertschrift> (дата обращения: 13.12.2021).
- Wertpapier // *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <http://www.dwds.de/?qu=wertpapier> (дата обращения: 13.02.2021).

References

- Bankeninformatik. Wortschatz Universität Leipzig* [Banking IT. The University of Leipzig Dictionary]. Official website. URL: http://corpora.unileipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawl_2011&word=Bankeninformatik (accessed: 13.02.2021). (In German)
- Finikova, I. V. (2012). *Printsipy formirovaniia sovremennoi nemetskoiazыchnoi terminologii bankovskogo kreditovaniia: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Principles of the Formation of Modern German-language Terminology of Bank Lending: Ph.D. Thesis Abstract]. 25 p. Moscow. (In Russian)
- Grinev, S. V. (1993). *Vvedenie v terminovedenie*. [Introduction to Terminology Studies]. 309 p. Moscow, Moskovskii litsei. (In Russian)
- Iarmashevich, M. A. (2002). *Osobennosti obrazovaniia i funktsionirovaniia abbreviatur v razlichnykh stiliakh i zhanrakh rechi: monografiia*. [Features of the Formation and Functioning of Abbreviations

in Various Styles and Genres of Speech: A Monograph]. 195 p. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russian)

Kaizen. *Digitales Duden Wörterbuch* [Digitales Duden Dictionary]. Official website. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kaizen> (accessed: 03.11.2020). (In German)

Karaulov, Iu. N. (2010). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. 264 p. Moscow, LKI, URSS Editorial. (In Russian)

Kartsevskii, S. I. (2004). *Iz lingvisticheskogo naslediiia*. T. II [From the Linguistic Heritage]. 296 p. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Kerber, E. V. (2011). *Osobennosti sinonimii v nemetskoj ekonomicheskoi terminologii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of Synonymy in German Economic Terminology: Ph.D. Thesis Abstract]. 23 p. Belgorod. (In Russian)

Khantakova, V. M. (2006). *Teoriia sinonimii: opyt integral'nogo analiza: monografiia*. [Synonymy Theory: Experience of Integral Analysis: A Monograph]. 211 p. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet. (In Russian)

Khakhalova, S. A. (2011). *Metafora v aspektakh iazyka, myshleniia i kul'tury: monografiia*. [Metaphor in the Aspects of Language, Thinking and Culture: A Monograph]. 292 p. 2-e izd., ispr. i dop. Irkutsk, IGLU. (In Russian)

Kutimskaia, A. Iu. (2013). *Semanticheskie aspekty vzaimodeistviia iazykovykh edinits v nemetskoj ekonomicheskoi terminologii*. [Semantic Aspects of the Interaction of Linguistic Units in German Economic Terminology]. *Magister Dixit*, No. 4, 413 p. (In Russian)

Levina, V. A. (2013). *Strukturno-semanticheskie osobennosti amerikanskoi bankovskoi terminologii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. [Structural and Semantic Features of American Banking Terminology: Ph.D. Thesis Abstract]. 19 p. Moscow. (In Russian)

Maitova, A. V. (2008). *Kognitivnye osnovaniia metaforicheskoi nominatsii predmetno-spetsial'nogo iazyka "Bankovskoe delo" v russkom i nemetskom iazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive Foundations of the Metaphorical Nomination of the Subject-Specific "Banking" Language in Russian and German]. 24 p. Saratov. (In Russian)

Messina Chiara (2015). *Die österreichischen Wirtschaftssprachen. Terminologie und diatopische Variation* [The Austrian Business Languages. Terminology and Diatopic Variation]. 378 p. Berlin, Frank & Timme. (In German)

Mogilevskii, R. I. (1966). *Abbreviatsiia kak lingvisticheskoe iavlenie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Abbreviation as a Linguistic Phenomenon: Ph.D. Thesis Abstract]. 32 p. Tbilisi, AN Gruz. SSR. In-t iazykoznaniiia. (In Russian)

Plaksin, V. A. (2010). *Predmetno-terminologicheskaiia sfera "bankovskaia deiatel'nost'": derivatsionno-pragmaticheskie i sotsiokul'turnye aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Subject-terminological Sphere "Banking": Derivational-Pragmatic and Socio-Cultural Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. 23 p. Stavropol'. (In Russian)

Rubrik Börse [Exchange Section]. *Die Zeit* 26.02.1998, Börse. (In German)

Semenova, I. B. (2012). *Sopostavitel'nyi analiz perevodcheskikh ekvivalentov angloiazychnykh terminov v iazyke i rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Comparative Analysis of Translation Equivalents of English Terms in Language and Speech: Ph.D. Thesis Abstract]. 27 p. Moscow. (In Russian)

Shelov, S. D. (2010). *Eshche raz ob opredelenii poniatiiia termina* [The Definition of "Term" Revisited]. *Lingvistika. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo*, No. 4 (2), pp. 795–799. (In Russian)

Stepanova, M. D., Chernysheva, I. I. (1962). *Leksikologiia sovremennogo nemetskogo iazyka*. [Lexicology of Modern German]. 310 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

Tatarinov, V. A. (1996) *Teoriia terminovedeniia*. [Theory of Terminology]. 311 p. Moscow, Moskovskii litsei. (In Russian)

Wertschrift. Digitales Duden Wörterbuch [Digitales Duden Dictionary]. Official website. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Wertschrift> (accessed: 13.12.2021). (In German)

Verbesserungsprozess. Wortschatz Universität Leipzig [Improvement Process. The University of Leipzig Dictionary]. Official website. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawl-public_2018&word=kontinuierlicher+Verbesserungsprozess (accessed: 03.11.2020). (In German)

Wertpapier. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Digital Dictionary of the German Language]. Official website. URL: <http://www.dwds.de/?qu=wertpapier> (accessed: 13.02.2021). (In German)

Zaripova, A. N. (2004). *Ekonomicheskaiia terminologiia v nemetskom, russkom i tatarskom iazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Economic Terminology in the German, Russian and Tatar Languages: Ph.D. Thesis Abstract]. 24 p. Kazan'. (In Russian)

The article was submitted on 30.04.2021

Поступила в редакцию 30.04.2021

Кутимская Алина Юрьевна,
аспирант,
Иркутский Государственный Университет,
664047, Россия, Иркутск,
Карла Либкнехта, 159.
kalinka@inbox.ru

Kutimskaya Alina Yurievna,
graduate student,
Irkutsk State University,
159 Karl Libcknecht Str.,
Irkutsk, 664047, Russian Federation.
kalinka@inbox.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

© Лю Фанфан

IMPLEMENTATION OF THE INTENSITY CATEGORY IN SUFFIXAL ADJECTIVES

Liu Fangfang

The article analyzes categorial-derivational and semantic features of adjectives with the suffixes -оват-, -охоньк-, -ошеньк- -ейш-/-айш-, -ат-, -аст-, -ист-, which are used to express the semantics of 'intensity' and are considered as a means of realizing the intensity category in the modern Russian language. The relevance of the study is determined by the importance of the meaning 'intensity' in the Russian-speaking national community and the insufficient understanding of the role that the word-formation plays in realizing the attributive function of the intensity category. Based on the analysis, the article draws a conclusion that in Russian the intensity category is realized by means of two derivational categories: modificational and mutational. In derivatives of the modification category, the intensity is presented in a pure form, not complicated by additional components; while in the mutational category, the intensity of derivatives appears in conjunction with the meaning of objectivity. The modificational category is a direct and more vivid means of expressing the intensity category in Russian than the corresponding mutational category. Moreover, both categories have large semantic information and developed formal structures, which reflect a high degree of their importance in the linguistic consciousness of Russian speakers. The practical significance of the work is the systematization of a significant number of linguistic means, used to express the category of intensity. The article is intended for persons specializing in the field of word formation of the Russian language: derivatologists, young researchers, teachers of philological faculties.

Keywords: word formation category; category of intensity; adjective; type of word formation; suffix.

В статье дается анализ категориально-derivационных и семантических особенностей прилагательных с суффиксами -оват-, -охоньк-, -ошеньк- -ейш-/-айш-, -ат-, -аст-, -ист-, которые обладают словообразовательной семантикой «интенсивность» и рассматриваются как средство реализации категории интенсивности признака в современном русском языке. Актуальность исследования определяется важностью для русскоязычного национального сообщества значения «интенсивность» и недостаточным осмыслением проблемы словообразовательного воплощения категории интенсивности признака в русском языке. Сделан вывод о том, что ее выражение реализуется двумя словообразовательными категориями: модификационной и мутационной. У производных модификационной категории значение интенсивности представлено в чистом виде, не осложнённом добавочными компонентами, тогда как в семантике дериватов мутационной категории значение интенсивного внешнего признака выступает в соединении со значением предметности. Модификационная категория является непосредственным и более ярким средством в русском языке, чем соответствующая мутационная категория. При этом обе категории имеют большой семантический объём и развитую формальную структуру, что отражает высокую степень их значимости в языковом сознании носителей русского языка. Практическая значимость работы заключается в систематизации значительного количества средств выражения категории интенсивности. Статья предназначена для лиц, специализирующихся в области словообразования русского языка, – аспирантов, магистрантов и преподавателей филологических факультетов

Ключевые слова: словообразовательная категория, категория интенсивности, имя прилагательное, словообразовательный тип, суффикс.

Категория интенсивности – это широкая семантико-функциональная категория, представленная во многих языках, в том числе в русском. Категория интенсивности находит выражение с

помощью средств разных уровней языка: лексического, грамматического и словообразовательного. В современном языкознании понятие «интенсивность» нередко встречается в трудах, по-

священных различным семантическим категориям: экспрессивности, степени, меры, качества, эмоциональности, субъективной оценки, поскольку эти категории и средства их выражения имеют тесную взаимосвязь (Ш. Балли, Е. В. Бельская, А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, В. А. Косова, И. В. Ревенко, Е. Н. Сергеева, И. И. Туранский, Е. И. Шейгал и др.). Однако семантическая категория интенсивности и, в частности, словообразовательные средства её выражения относятся к числу наименее изученных.

Актуальность исследования определяется, прежде всего, важностью для русскоязычного национального сообщества значения «интенсивность», что подтверждается наличием в русском языке целой системы разнообразных средств его выражения: по словам Ю. Д. Апресяна, «... богатство выражений смысла 'х' тем больше, чем он важнее для данного языка» [Апресян, с. 65]. При этом специальные работы, в которых рассматривались бы языковые средства выражения категории интенсивности в русском языке в целом, равно как и словообразовательные средства её реализации в частности, отсутствуют. Кроме того, к числу неразрешённых относится проблема установления средств реализации категории интенсивности в границах имени прилагательного русского языка.

Объектом данного исследования являются суффиксальные прилагательные с суффиксами *-оват*¹, *-охоньк-*, *-ошеньк-*, *-ейш/-айш-*, *-ат-*, *-аст-*, *-ист-*, *-оват*², которые участвуют в реализации категории интенсивности в современном русском языке.

Цель исследования заключается в выявлении деривационных, системно-структурных и семантических свойств исследуемых прилагательных.

В работе использованы описательный метод, методы семантического и классификационного анализа. Для разработки соотношения исследуемых словообразовательных типов (далее – СТ) применён полевой подход.

Оценивая состояние изученности категории интенсивности в русистике, Е. В. Бельская отмечает, что «уже в 70-е гг. определяются и чётко прослеживаются ведущие направления в осмыслении интенсивности, формирующиеся в рамках основных разделов языкознания: грамматическое, лексикологическое и стилистическое» [Бельская, с. 203]. Как видим, словообразование в качестве отдельной области реализации в русском языке категории интенсивности учёным не рассматривается. Однако, по данным многих источников по словообразованию (см.: [Балалыкина], [Богородицкий], [Бондарко], [Виноградов],

[Земская, Китайгородская, Ширяев], [Митев] и др.), значение интенсивности присуще многим производным словам русского языка, оно является основным (значение СТ) или дополнительным (значение словообразовательного подтипа) компонентом деривационной семантики. Сема «интенсивность» представлена в этом качестве в значениях практически всех основных частей речи, прежде всего с признаковой семантикой: глагола, имени прилагательного, имени существительного, наречия.

Русские имена прилагательные располагают целым рядом деривационных средств выражения категории интенсивности. Анализ их мотивационной базы позволяет признать существование в русском языке словообразовательной категории (далее – СК) интенсивности признака, выделенной на суперординатном уровне категоризации, которая реализуется двумя СК базового уровня: с модификационной и мутационной семантикой.

В число средств выражения модификационной категории интенсивности в современном русском языке входят СТ производных прилагательных с суффиксами *-оват-*, *-охоньк-*, *-ошеньк-*, *-ейш/-айш-* (наряду с целым рядом префиксов: *раз-*, *наи-*, *супер-*, *сверх-*, *пере-*, *архи-*, *экстра-*, *гипер-*, *мега-*).

Анализ производных на *-оватый* показывает, что по семантике и характеру мотивирующей базы прилагательные с суффиксом *-оват-* делятся на два словообразовательных типа: СТ отадекватных прилагательных с суффиксом *-оват*¹, обладающих модификационным словообразовательным значением (далее – СЗ) «неполнота качества, слабая степень интенсивности признака» (128 слов – *плоховатый*, *розоватый*, *суховатый* и др.); отсубстантивный СТ с суффиксом *-оват*² с мутационным СЗ «в той или иной степени обладающий тем, что названо производящей основой» (61 слово – *мор иноватый*, *упловатый*, *скуловатый* и т. п.) и отсубстантивный СТ с суффиксом *-оват*³ с мутационным СЗ «несколько похожий на то / того, что / кто назван(о) производящей основой» (45 слов – *мешковатый*, *ме ве коватый*, *упловатый* и др.). Установлено, что по количеству производных лексем доминирует СТ с модификационным значением. В качестве производящей базы СТ с суффиксом *-оват*¹ используются прилагательные 11 лексико-семантических групп (далее – ЛСГ), обозначающих состояние, качество, внешний вид человека, признак по вкусу, цвету, форме предмета и др.

Рассмотрим и сравним суффиксы прилагательных *-охоньк-* и *-ошеньк-* в качестве средств выражения СК интенсивности признака. По дан-

ным Обратных словарей русского языка (далее – ОСРЯ), к группе слов с суффиксом *-охоньк-/-ёхоньк-* относится 54 слова: *ивёхонький, полнёхонький* и др., а с суффиксом *-ошеньк-/-ёшеньк-* – 46 слов: *белёшенький, малёшенький* и др. [ОСРЯ, 1974], [ОСРЯ, 2007]. Другими словами, СТ с суффиксом *-охоньк-* обладает большей продуктивностью в сравнении с суффиксом *-ошеньк-*.

По данным Национального корпуса русского языка, нам удалось составить представление о регулярности дериватов СТ с суффиксами *-охоньк-/-ошеньк-*. Прилагательные на *-охонький*, представлены в текстах НКРЯ 876 раз, а прилагательные на *-ошенький* – 115 раз [НКРЯ]. Итак, более частотными в русском языке оказались прилагательные на *-охонький*. Мотивационную базу производных на *-охонький /-ошенький* составляют прилагательные 9 ЛСГ. Функционируя преимущественно в разговорной речи и художественной литературе, прилагательные на *-охонький / -ошенький* не выходят из речевого оборота: так, если к текстам XIX века относится 31,3% от общего количества зафиксированных в НКРЯ употреблений, то на тексты XX века приходится 53,5% употреблений; 14% таких дериватов зафиксировано в текстах недавно начавшегося XXI века.

Суффиксы *-ейш-/-айш-* следует признать не только словоизменительными, но и словообразующими, входящими в число продуктивных средств реализации в русском языке модификационной СК интенсивности признака: *бли айший, высочайший, обрейший* и др. Прилагательные с суффиксами *-ейш-/-айш-* представляют собой СТ со значением «высшая или чрезмерная степень проявления признака». По нашим подсчетам, в обратных словарях современного русского языка зафиксированы 190 прилагательных с суффиксами *-ейш-/-айш-* [ОСРЯ, 1974], [ОСРЯ, 2007]. На основе анализа лексической семантики прилагательных с суффиксами *-ейш-/-айш-* можно сделать заключение о том, что прилагательные на *-ейший / -айший* имеют обширную мотивационную базу, обозначая внешний вид, состояние предмета или человека, общую оценку и характер человека. Некоторые производные мотивированы лишь переносными значениями производящих, прямые значения которых не совместимы с семантикой меры, в том числе интенсивности, например, *ивой – ивейший*. Стоит отметить, что наиболее склонны к становлению самостоятельных лексических дериватов формы превосходной степени имен прилагательных, мотивирующие основы которых обладают высокой частотностью. По данным словообразовательного словаря А. Н. Тихонова выявлены 154 произ-

водящих слова прилагательных на *-ейший/-айший* [Тихонов]. 94 единицы (61%) занимают выше 3 000-ого места в рейтинге 20 тыс. наиболее употребительных слов, составленном О. Н. Ляшевской на основе НКРЯ [Ляшевская].

Таким образом, в состав модификационной СК включаются две семантические субкатегории: прилагательные с суффиксами *-охоньк-, -ошеньк-, -ейш-/-айш-*, выражающие высокую степень интенсивности признака, и производные с суффиксом *-оват¹* со значением слабой степени интенсивности признака. СТ с суффиксом *-оват¹* имеет обширную мотивирующую базу, является стилистически нейтральным и по количеству производных доминирует над СТ с суффиксами *-ейш-/-айш-, -охоньк-* и *-ошеньк-*. Сделаем заключение о ядерном, доминирующем статусе СТ с суффиксом *-оват¹* в составе модификационной СК интенсивности признака, а рассмотренный нами СТ с суффиксами *-охоньк-, -ошеньк-* относится к периферийной зоне данной категории, СТ с суффиксами *-ейш-/-айш-* – к её приядерной зоне (см. рис. 1).

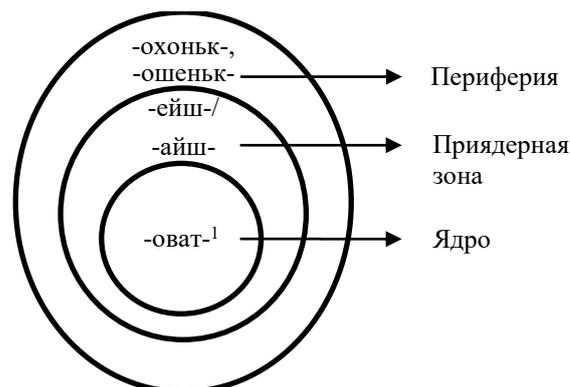

Рис. 1 Состав модификационной СК интенсивности признака

Переходим к рассмотрению мутационной СК «интенсивно проявляющийся внешний признак по наличию чего-л.» на примере отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-ат-, -аст-, -ист-, -оват²*.

Производные прилагательные с суффиксами *-ат-, -аст-, -ист-* выражают мутационное СЗ «имеющий, содержащий (в большой степени) то, что названо мотивирующим словом». Сравнение количественных показателей лексического воплощения потенциала СТ с суффиксами *-ат-* (12 слов – *мор атый, носатый, языкатый* и др.), *-аст-* (35 слов – *голенастый, екастый, носастый* и др.), *-ист-* (99 слов – *костистый, илистый, землистый* и др.) позволяет утверждать, что СТ с суффиксом *-ист-* как средство реализации СК интенсивности признака имеет в этом ряду самую высокую продуктивность.

Учитывая сходство семантико-мотивационных и стилистических особенностей производных на *-атый* и *-астый* (преимущественно разговорная окраска, стилистическая сниженность), можно утверждать, что на данном участке деривационно-семантического пространства доминирует СТ с суффиксом *-аст*, обладающий свойством регулярности.

По нашим наблюдениям, мотивационные основы у прилагательных на *-истый* характеризуются гетерогенностью и обширностью лексической семантики: это пять ЛСГ существительных: природные особенности окружающей среды (*илистый*, *косогористый*, *камышистый* и т. д.), характеристики телосложения и внешности живого существа (*мясистый*, *когтистый*, *лапистый* и др.), внешние признаки растений и их плодов (*уплистый*, *зернистый*, *колосистый* и т. д.), внешний вид и структура предмета (*пористый*, *елистый*, *ячеистый* и др.), характеристика веществ по составу (*крахмалистый*, *кремнезёмистый*, *кронистый* и др.). Дериваты с двумя другими суффиксами характеризуются семантической однородностью, мотивируясь соматизмами: *зубатый*, *зобатый*, *мор атый*; *ушастый*, *горластый*, *гру астый* и др.

Анализ словообразовательных и лексико-семантических особенностей отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-оват*⁻² (61 слово) показал, что производные данного СТ можно отнести к 3 ЛСГ (признаки внешности человека, признаки предмета по внешнему виду, признаки предмета по составу, структуре): *пры еватый*, *ыроватый*, *иловатый* и т. д.

Таким образом, в составе обозначенной мутационной СК выделяются две семантические субкатегории: прилагательные на *-атый*, *-астый*, *-истый*, выражающие высокую степень интенсивности признака, и производные на *-оватый* со значением слабой степени интенсивности признака; семантика дериватов, образованных по отсубстантивно-суффиксальным типам мутационного словообразования, более обширная. Прилагательные в составе этой СК, включающие в свою семантику значение предметности, менее явно и отчётливо выражают категорию интенсивности в русском языке, чем их аналоги в сфере модификационного словообразования. СТ с суффиксом *-аст* характеризуется базовой, заложенной на морфемном уровне семантикой интенсивности, а также деривационной регулярностью и относительной однородностью мотивационной базы (соматизмы), включается в ядро мутационной СК интенсивности признака. Обладающий денотативно ограниченной мотивационной базой, невысокой продук-

тивностью и незначительной функциональной активностью, СТ с суффиксом *-ат* можно отнести к периферийной зоне анализируемой СК. Обширное, но семантически разреженное приядерное пространство этой категории формируется в современном русском языке путём реализации СТ с суффиксами *-ист* и *-оват*⁻² (см. рис. 2).

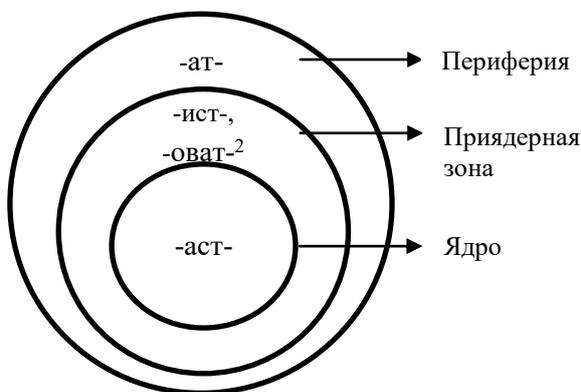

Рис. 2 Состав мутационной СК интенсивности признака

Итак, категория интенсивности признака является частным случаем реализации в русском языке семантической категории интенсивности. СК интенсивности признака носит в русском языке характер гиперкатегории, которая реализуется двумя СК базового уровня категоризации: у производных модификационной СК значение интенсивности представлено в чистом виде, не осложнённом добавочными компонентами, тогда как в семантике дериватов мутационной СК значение интенсивного внешнего признака выступает в соединении со значением предметности, то есть выражено менее ярко. Модификационная СК является непосредственным и более ярким средством выражения категории интенсивности признака в современном русском языке, чем соответствующая мутационная категория. При этом обе категории имеют большой семантический объём и развитую формальную структуру, что отражает высокую степень их значимости в языковом сознании носителей русского языка.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1.: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
- Балалыкина Э. А. Русское адъективное словообразование на балто-славянском фоне. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. 272 с.
- Бельская Е. В. Проблемы интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Том-

ского государственного университета, 2004. № 282. С. 202–210.

Богоро и цкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. 356 с.

Бон а рко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 256 с.

Виногра о в В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. Ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Ляшевская О. Н. Новый частотный словарь русской лексики (на основе Национального корпуса русского языка) // О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 05.04.2021)

Митев Д. К выработке модели сопоставительной характеристики словообразовательных систем болгарского и русского языков // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2006. С. 94–139.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html> (дата обращения: 05.04.2021)

Обратный словарь русского языка: около 125000 слов / Гл. ред. М. В. Лазова; АН СССР. М.: Сов. энциклопедия, 1974. 944 с.

Обратный словарь русского языка (Около 100 000 слов) / сост. И. М. Карпешин, Т. Н. Совчина. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 768 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: АСТ; Астрель, 2008. Т. 1. – 860 с.; Т. 2. – 941 с.

References

Apresian, I. D. (2009). *Issledovaniia po semantike i leksikografii. T. 1.: Paradigmatika* [Studies in Semantics and Lexicography]. 568 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Balalykina, E. A. (2007). *Russkoe ad"ektivnoe slovoobrazovanie na balto-slavianskom fone* [Word Formation of Russian Adjectives against the Balto-Slavic Background]. 272 p. Kazan, izd. Kazan. un-ta. (In Russian)

Bel'skaia, E. V. (2004). *Problemy intensivnosti v sovremennoi otechestvennoi leksikologii* [Problems of the Intensity in Modern Russian Lexicology]. Tomsk, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 282, pp. 202–210. (In Russian)

Bogoroditskii, V. A. (1935). *Obshchii kurs russkoi grammatiki* [General Course of Russian Grammar]. 356 p. Moscow, Sotsekiz. (In Russian)

Bondarko, A. V. (1999). *Osnovy funktsional'noi grammatiki: Iazykovaia interpretatsiia idei vremeni* [Foundations of Functional Grammar: Linguistic Interpretation of the Idea of Time]. 256 p. St. Petersburg, izd. S.-Peterb. un-ta. (In Russian)

Liashevskaiia, O. N. (2009). *Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki (na osnove Natsional'nogo korpusa russkogo iazyka)* [New Frequency Dictionary of Russian Vocabulary (based on the National Corpus of the Russian language)]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed: 05.04.2021). (In Russian)

Mitev, D. (2006). *K vyrobotke modeli sopostavitel'noi kharakteristiki slovoobrazovatel'nykh sistem bolgarskogo i russkogo iazykov* [Development of a Model of Comparative Characteristics of Word-Formation Systems in the Bulgarian and Russian Languages]. *Aspekty kontrastivnogo opisaniia russkogo i bolgarskogo iazykov*. Pp. 94–139. Shumen, izd. "Episkop Konstantin Preslavski". (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html> (accessed: 05.04.2021). (In Russian)

Obratnyi slovar' russkogo iazyka (1974) [Reverse Dictionary of the Russian Language]. 944 p. Sov. Entsiklopediia. (In Russian)

Obratnyi slovar' russkogo iazyka (Okolo 100 000 slov) (2007) [Reverse Dictionary of the Russian Language]. 768 p. Moscow, Vostok – Zapad. (In Russian)

Tikhonov, A. N. (2008). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo iazyka: v 2-kh t* [Word-formation Dictionary of the Russian Language in Two Volumes]. V. 1– 860 p., V. 2 – 941 p. Moscow, Astrel. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language. (Grammatical Studies of the Word)]. 720 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Zemskaiia, E. A., Kitaigorodskaiia, M. V., Shiriaev, E. N. (1981). *Ruskaia Razgovornaia rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech: General Questions. Word Formation. Syntax]. 276 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 20.04.2021
Поступила в редакцию 20.04.2021

Лю Фанфан,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
dafangkazan@gmail.com

Liu Fangfang,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
dafangkazan@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-35-44
УДК 81.373.47; 811.512.145 + 811.11-112

К ДИСКУССИИ О ТИПОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

© Гульшат Сафиуллина, Фануза Тарасова

DISCUSSING THE TYPOLOGY OF CONTEMPORARY TATAR LEXICOGRAPHY

Gulshat Safiulina, Fanuza Tarasova

The article considers the typology of modern Tatar dictionaries, taking into account modern innovative changes in the theory and practice of dictionary studies that occurred in the early 21st century. Our research is based on Tatar dictionaries, published in the period from 2001 to 2019 and placed on the site of the Tatzet project of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The Tatar dictionaries to be described are subsumed into three groups according to the input language: Tatar, Russian and English. The article addresses the issue of dictionary typology, the problem that has been repeatedly discussed by such scientists as D. Geerarts, L. Zgusta, S. Landau, Al-Kasimi, R. S. Gazizov, F. A. Ganiev, L. T. Makhmutova, M. Z. Zakiev, F. S. Safiullina, A. A. Timerkhanov, A. Sh. Yusupova, K. R. Galiullin, R. N. Karimullina and others. We conducted a detailed analysis of the criteria for the typology of dictionaries, based on the communicative model of lexicography of an anthropocentric nature, the model is built on the interactions of the Compiler, the Text of the dictionary and the User of the dictionaries of the Tatzet project: the Tatar language: a large electronic collection developed by the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art and the Institute of Applied Semiotics of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The article identifies the aspects of typology necessary for compiling a dictionary, and directions for further work on processing the Tatar lexicography typology in the 21st century.

Keywords: typology, Tatar lexicography, English, dictionary, dictionary user.

В статье рассматривается типология современных татарских словарей с учетом современных инновационных изменений в теории и практике словарного дела, произошедших в начале 21 века. Наше исследование проведено на материале татарских словарей, изданных в период с 2001 по 2019 год и размещенных на площадке проекта Tatzet Академии наук Республики Татарстан. Описываемые нами татарские словари поделены на три группы согласно входному языку: татарскому, русскому и английскому. В статье рассматривается вопрос типологии словарей, неоднократно обсуждаемый такими учеными, как Д. Герартс, Л. Згуста, С. Ландау, Аль-Касими, Т. А. Себеок, П. Н. Денисов, В. В. Дубичинский, Р. С. Газизов, М. Ногман, Ф. А. Ганиев, Л. Т. Махмутова, М. З. Закиев, Ф. С. Сафиуллина, А. А. Тимерханов, А. Ш. Юсупова, К. Р. Галиуллин, Р. Н. Каримуллина. Проводится детальный анализ критериев типологии словарей с точки зрения коммуникативной модели лексикографии антропоцентричного характера, построенной на взаимодействии составителя, текста словаря и пользователя словаря, на материале словарей проекта Tatzet: Татарский язык: большой электронный свод, разработанный Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова и Институтом прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан. Отмечаются аспекты типологии, необходимые при построении словаря, и направления дальнейшей работы по изучению данного понятия татарской лексикографии 21 века.

Ключевые слова: типология, татарская лексикография, английский, словарь, пользователь словаря.

*Словарь - вселенная, расположенная
в алфавитном порядке
Анатоль Франс*

Татарская лексикография насчитывает многовековую историю. Роль и значимость татарского этноса в российской истории послужили

причиной создания многочисленных русско-татарских и татарско-русских словарей, призванных соответствовать коммуникативным потребностям народа в его языковых контактах, во всем спектре торгово-экономических отношений, по-

литических, научных и учебных контактов на протяжении многих веков.

С развитием эры новых технологий лексикографическая практика татарского словарного дела обогатилась новыми возможностями как качественного, так и количественного характера. К качественным изменениям мы относим применение инновационных технологий, использование корпусов языков при составлении словарей, возможность создания онлайн-словарей, мультимедальность словарных статей электронных словарей и т. д. Количественные изменения выражаются в приращении языков, компонентов двуязычных татарских словарей, качественные – в формировании школы англо-татарской и татарско-английской лексикографии со своими традициями, основополагающими идеями и фундаментальными работами. Глобализация и плодотворное международное сотрудничество привели к созданию ряда татарских словарей с компонентом английский язык. В эру общения в сети интернет закономерно возникновение новых отраслей практической лексикографии татарского языка. В первую очередь это касается онлайн-словарей. Новые типы словарей, появившиеся на рубеже 20-21 веков, были изучены по отдельности, но не получили должного систематического рассмотрения.

Типология занимается выделением определенных категорий, образцов словарей и их описанием. В работах М. Ногмана (1969), Л. В. Щербы (1974), Х. Касареса (1958), Я. Малкиля (1967), П. Н. Денисова (1978), Аль-Касими (1983), Д. Герартса (1984), В. В. Морковкина (1990), В. М. Лейчика (1992), К. Р. Галиуллина (1995), С. Ландау (2001), Ф. С. Сафиуллиной (1999, 2002), Х. Йонга и Дж. Пенга (2007), А. Ш. Юсуповой (2008, 2020), В. В. Дубичинского (2009), О. М. Карповой (2010), К. Р. Галиуллина, Д. А. Мартянова, Е. А. Горобец (2015), Р. Н. Каримуллиной (2011, 2016) и Г. Н. Каримуллиной (2016), Р. С. Нурмухаметовой (2020) описаны классификации словарей. Они основаны на различных категориальных признаках. Наиболее известной в отечественной лексикографии, основополагающей для российской лингвистики, является классификация Л. В. Щербы.

П. Н. Денисов считает, что классификация словарей – «практическое систематизированное описание словарей и их жанров, сложившихся исторически в той или иной стране», которое выделяется в лингвистической, психологической, социологической и семиотической системах координат [Денисов, с. 26].

Теоретическую базу нашего исследования составляют работы по татарской лексикографии

в синхроническом и диахроническом аспектах М. Ногмана [Ногман], Ф. С. Сафиуллиной [Сафиуллина], К. Р. Галиуллина, Р. Н. Каримуллиной, Г. Н. Каримуллиной [Галиуллин, Р. Н. Каримуллина, Г. Н. Каримуллина], А. А. Тимерханова [Тимерханов, 2014], [Тимерханов, 2015], Р. С. Нурмухаметовой [Нурмухаметова]; работы Х. Йонга и Дж. Пенга [Yong, Peng], описывающие актуальные процессы с точки зрения коммуникативной функции лексикографии; ставшие фундаментальными для разработки типологии работы С. Ландау [Landau], Д. Герартса [Geeraerts], Л. Згусты [Zgusta] и Аль-Касими [Al Kasimi]; исследование А. Ш. Юсуповой по представлению лексики татарского языка в словарях [Юсупова, 2008], [Юсупова, 2020].

Многие выдающиеся татарские лексикографы, такие как Р. С. Газизов, Ф. А. Ганиев, Л. Т. Махмутова, Э. М. Ахунзянов, Ф. С. Фасеев, Ф. М. Газизова, М. Г. Гимадеев, Г. С. Амиров, Ф. И. Тагирова, Э. И. Сабирова являются талантливыми практиками, заложившими фундамент национальной лексикографии. Труды этих ученых предоставили богатейший материал для исследования лексикографирования татарского языка. Объектом данного исследования является типология современных татарских словарей. Предметом изучения послужили словари татарского языка, размещенные на площадке TATZET, Татарский язык: большой электронный свод, разработанный Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова и Институтом прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан.

Цель статьи – пробное построение типологической классификации словарей, размещенных в базе Tatzet с учетом современных мировых тенденций словарного дела.

Научная новизна определяется предметом исследования, типология татарских словарей 21 века, включая онлайн-словари, до настоящего времени не была исследована и систематизирована. Актуальность данного исследования бесспорна, так как в 21 веке татарская лексикография вышла на качественно новый уровень, ознаменованный формированием школы татарско-английской и англо-татарской двуязычной лексикографии и созданием большого числа двуязычных онлайн-словарей.

В вопросах тюркской лексикографии основополагающим трудом является монография советского ученого А. А. Юлдашева «Принципы составления тюркско-русских словарей». Академик М. З. Закиев, Ф. С. Сафиуллина в своих исследованиях неоднократно обращались к теме татар-

ской двуязычной лексикографии, раскрыв ее в полном объеме

А. А. Юлдашев в своей работе значительное внимание уделяет составлению словника и подчеркивает, что при составлении словарей современных тюрских языков лексикографы сталкиваются со следующими вопросами: 1) границами лексики литературного языка и национального языка как семантическими, так и хронологическими; 4) активным и пассивным запасом слов; 5) номенклатурой и ономастикой; 6) фонетическими вариантами слова; 7) служебными словами; 8) словообразовательными формами; 9) формами залога; 10) сложными словами и фразеологией; 11) корневыми морфемами; 12) изолированными формами падежей, причастий и деепричастий, бытующими в качестве самостоятельных лексических единиц; 13) омонимами, в том числе словами, возникающими по конверсии; 14) аббревиатурой [Юлдашев, с. 59–60]

Ф. С. Сафиуллина в своей фундаментальной работе подразделяет словари на два типа: 1) энциклопедические и 2) лингвистические. В энциклопедических словарях содержится информация о предметах, явлениях, известных личностях и событиях. В лингвистических словарях освещается прямое и переносное значение слова, приводится употребление слова в составе фразеологических единиц [Сафиуллина, с. 88].

М. Ногман в исследовании рукописных русско-татарских словарей 17-18 веков типологизировал словари по способу построения следующим образом: тематические словари и словари, выстроенные в алфавитном порядке [Ногман, с. 42]. Выдающийся специалист по диахронической лексикографии рассмотрел также словари на предмет диалектальной принадлежности, насыщенности заимствованиями, такими как арабизмы, фарсизмы, русизмы. [Там же, с. 74–88]

Проблема классификации словарей всегда была сложной задачей для лексикографов. Например, В. М. Лейчик считает, что «понятие словаря многоаспектно, и во множество словарей как лексикографических изданий попадают практически разнородные произведения, в ряде случаев почти не имеющие общих признаков» [Лейчик, с. 40].

Начнем обзор классификаций словарей и их особенностей с классической типологии Л. В. Щербы, которая базируется на 6 парах словарей: словарь академического типа – словарь справочник; энциклопедический словарь – общий словарь; тезаурус обычный – толковый / переводной словарь; обычный (толковый / переводной) – словарь идеологический (идеографический); толковый словарь – переводной сло-

варь; неисторический словарь – исторический словарь [Щерба].

Типология Я. Малкиля выгодно отличается тем, что она основана не только на теоретических данных, но также на детальном описании сотен работ, таким образом, теория подкреплена фактическими данными [Malkiel].

Другая типологическая классификация была создана Томасом А. Себеком, американским семиотиком и лингвистом венгерского происхождения. Его типология была сконструирована из набора 17 черт, которые могут быть поделены на 3 подгруппы: 1) способ отбора языка-источника, характеристика самого языка источника; 2) синтагматическая репрезентация, парадигматическая организация и структура ссылок на базе бинарной оппозиции между формой и значением; 3) определение словаря как типа. Т. А. Себек предложил 17 определяющих черт, но большинство из них связаны с внутренними лексикографическими отношениями между компонентами словаря, то есть описывают взаимосвязи между словарными статьями [Sebeok]. Типология Т. А. Себека, по мнению Х. Йонга и Дж. Пенга, может рассматриваться только как продолжение одного из аспектов типологических исследований Малкиля, а именно как классификация презентации лексикографической разработки [Yong, Peng].

Л. Згуста в 1971 году предлагает следующую классификацию словарей, основанную на таких критериях, как 1) временной промежуток: диахронические и синхронические словари; 2) степень вовлеченности: общие и специальные словари; 3) репрезентация языка: одноязычный и двуязычный словарь; 4) цели словарей; 5) размер словаря: большой, средний и маленький. Нововведением Л. Згусты было то, что впервые цель словаря была использована как один из параметров классификации [Zgusta]

С. Ландау в 1989 году в книге «Dictionaries. The Art and Craft of Lexicography» привел обстоятельный обзор факторов, которые могут играть роль в формировании классификации словаря. Были выделены следующие параметры: 1) число языков; 2) способ финансирования; 3) возраст пользователей; 4) размер словаря; 5) спектр тем; 6) спектр языков; 7) объем значения лексической единицы; 8) язык рынка реализации словаря; 9) периодизация лексики словаря; 10) выбранный лингвистический подход; 11) способ доступа [Landau]. Способ финансирования является непонятным критерием для определения словаря. Помимо того, для лексикографии является также несущественным объем лексической единицы.

Д. Герартс рассматривал построение классификации через призму основ лексикографии и разработал комплекс характеристик, включающих также макроструктуру и микроструктуру словаря. В своей работе «Dictionary Classification. The Foundation of lexicography» он частично использовал типологию А. Рея, утверждая, что процесс составления словарей реализуется через серию выборов, которые лексикографы сознательно и неосознанно совершают [Geeraerts, с. 41].

Аль-Касими в 1983 году разработал следующую классификацию словарей, основанную на принципе дихотомии в соответствии с их 1) целевой аудиторией: словари для носителей исходного языка и словари для носителей целевого языка; 2) целью: словари для производства речи и словари для понимания; 3) регистром: словари литературного языка и словари разговорного языка; 4) пользовательской аудиторией: словари для человека-пользователя и словари для машинного перевода; 5) содержанием: исторические словари и описательные словари; 6) информативным уровнем: лексические словари и энциклопедические словари; 7) областью применения: общие словари и специальные словари [Al Kasimi]

В 1995 году К. Р. Галиуллин, будучи первопроходцем во внедрении ЭВМ в татарское языкознание и в расширении возможностей обработки, организации, хранения, поиска лексикографической информации при помощи компьютерных технологий, в результате проведенного передового для той эпохи исследования расширил типологические характеристики словарей, «ориентированных на бумажную лексикографию», и выделил следующие типы лингвария: морфемарий, словарь / вокабулярий / глоссарий и фраземарий согласно объекту описания языковых справочников [Галиуллин, 1995, с. 15, 10]

В. В. Дубичинский, обобщая известные классификации, предложил выделять 9 типов словарей, по которым можно было бы анализировать и классифицировать лексикографические произведения в учебных и других практических целях: 1) в зависимости от количества описываемых языков; 2) по охвату лексики; 3) по объему; 4) по оформлению и детализации информации; 5) в зависимости от функциональной направленности; 6) согласно порядку подачи лексического материала; 7) с культурологической точки зрения; 8) смешанные или комплексные словари (толково-сочетаемостные, толково-переводные и т. п.); 9) учебные словари (страноведческие, фразеологические и т. п.) [Дубичинский, с.39–40].

Р. С. Нурмухаметова, М. Р. Саттарова, Г. И. Миннебаева в своем исследовании татарских переводных словарей, изданных в 2000–2017 годах, на материале 78 словарей выделили следующие направления: 1) русско-татарские словари: а) традиционные русско-татарские словари, охватывающие лексику всех областей жизнедеятельности людей и общества; б) отраслевые и терминологические русско-татарские словари; 2) татарско-русские словари: а) традиционные словари для широких слоев общества; б) отраслевые и тематические словари; в) иллюстрированные словари для детей; 3) двунаправленные словари татарско-русские и русско-татарские; 4) этно-культурные словари; 5) татарские словари с компонентом иностранного языка; 6) фразеологические словари [Нурмухаметова, Саттарова, Миннебаева]

В своем диссертационном исследовании, посвященном основным тенденциям развития лексики татарского литературного языка первой половины XX века на основе материала татарско-русских словарей, Р. С. Нурмухаметова приходит к выводам о значимости словарей, фиксации окружающей реальности и ее изменений в словарях, изменений содержательно-смыслового потенциала в связи с изменением формы государственности. Ученый утверждает, что в первой половине XX века словарный состав татарского языка обогатился за счет двух источников: использования внутренних (суффиксация, калькирование, диалектизмы, сужение и расширение значений слов) и внешних ресурсов (заимствования). Р. С. Нурмухаметова описывает основные тенденции развития лексики татарского литературного языка первой половины XX века и в последующих учебно-методических трудах, изданных в соавторстве с профессором Р. Р. Замалетдиновым, подчеркивает значимость изучения словарного состава языка [Нурмухаметова, 2005, с.26–27], [Нурмөхәммәтова, Нурмөхәммәтов].

М. И. Махмутов в предисловии к третьему изданию «Школьного русско-татарского словаря» указывает, что словари всех типов активно взаимодействуют и что в процесс составления словаря одного типа лексикограф активно вовлекает словари других типов для более развернутой подачи достоверной и полной информации [Махмутов, с. 5].

В 2008 году А. Ш. Юсупова подытожила фундаментальное исследование в области татарской лексикографии и обозначила типы словарей, поделив их по объему на краткие, средние и большие [Юсупова, 2008, с.110], и подчеркнула роль тематического словаря, определив его как «словарь, в основу которого положена темати-

ческая классификация лексики, отражающая классификацию предметов и явлений реальной действительности» [Там же, с. 111]. О значимости тематического типа словаря в изучении языка и повышении культуры речи писали также Ф. С. Сафиуллина и К. Р. Галиуллин в предисловии к тематическому русско-татарскому словарю [Сафиуллина, Галиуллин, с. 3]

Прежде чем приступить к созданию типологии словарей лексикографы должны ответить на вопрос, для чего нужна типологическая классификация словарей. Постараемся ответить на следующие основополагающие вопросы: 1) должна ли типология внести вклад в становление лексикографии как академической дисциплины, которая, как правило, включает типологию в свой научный аппарат; 2) должна ли типология разместить все словари различных типов на соответствующих им местах; 3) должна ли типология разъяснять графические функции каждого типа словарей; 4) должна ли типология стать практическим руководством для лингвистов, издателей, пользователей и библиотекарей.

Что касается первого вопроса, мы знаем, что теоретическое описание словарей не может считаться завершенным без продуманной классификации и типологии. По второму вопросу можно отметить, что особое внимание в типологии должно быть уделено тем характеристикам, которые отличают данный тип словаря от других. Этот акцент на специфических особенностях, а не на общих чертах поможет повысить интерес к изучению теоретических и практических аспектов лексикографии. При обозначении функции словаря лексикографы лучше понимают его цели и делают правильные лексикографические выборы. Помимо этого, в результате уточнения информации о словаре лексикографическая коммуникация поднимется на новый уровень. Типология как практическое руководство будет способствовать тому, что издатели будут принимать решения в соответствии с их публикационной политикой, пользователи словарей будут правильно выбирать словари, библиотекари – каталогизировать определённые типы словарей.

Рассмотрим особенности, которыми должна обладать типология словарей 21 века: 1. быть незавершенной, так как дизайны словарей постоянно претерпевают эволюцию в результате динамичного изучения теоретических и практических вопросов лексикографии. Существующие типы словарей будут дополняться инновационными типами словарей. Типология должна предвидеть потенциальные типы словарей и включать их в свою теоретическую матрицу; 2. учитывать цели составителей, корпус словаря и

ожидания пользователей в рамках единой теоретической базы; 3. освещать отличительные характеристики типа словаря; 4. избегать наложения типов словарей.

В свете вышесказанного мы предлагаем выстроить типологию словарей на базе модели коммуникативной лексикографии. Эта модель состоит из трех составляющих: лексикографа, словаря и пользователя.

Самым существенным недостатком типологий 20 века было то, что лексикографическая коммуникация не принималась в расчёт. Это не говорит нам об отсутствии антропоцентрического подхода к предыдущим типологиям, а лишь свидетельствует о том, что в век компьютерных технологий антропоцентрический подход является краеугольным в словарной парадигме.

Помимо этого, как справедливо утверждают Д. А. Мартьянов, К. Р. Галиуллин, Е. А. Горобец, самой «перспективной формой существования словаря является интернет-версия», подчеркивая такое преимущество, как массовый открытый доступ к онлайн-справочникам [Мартьянов, с. 5].

В современной татарской лексикографии выделяются также следующие типы словарей: словарь с интернет-компонентом, конкорданс, инверсионный словарь, словарь частотности [Галиуллин, Гизатуллина]

Рассмотрим подробно три аспекта составления словарей: аспект составителя, аспект текста словаря и аспект пользователя. К аспекту составителей мы относим: 1) формулировку общей политики словаря; 2) описание цели проекта. Эти два момента будут определять общую природу словаря и задавать тон лексикографической коммуникации. Задачей лексикографа является объективное и точное описание лексикона языка.

Формулировка общей политики словаря, как нам кажется, соотносится с аспектом текста, а цель проекта коррелирует с аспектом пользователя.

Обратимся к рассмотрению аспекта текста. Данный аспект включает в себя: 1) диахронический или синхронический подход к составлению словника (двуязычные словари, как правило, синхронические, так как обслуживают практические цели); 2) прескриптивный или дескриптивный подход (по сравнению с прескриптивными словарями прошлого современные словари ориентируются на дескриптивный подход); 3) активность или пассивность. Как правило, последний критерий применим к двуязычным словарям. Предыдущие типологические изыскания не проводили различий между словарями активно-пассивного типа, но это очень важный момент,

особенно с позиции пользователя двуязычного словаря.

Большинство традиционных двуязычных словарей предназначалось для декодирующих целей, для того чтобы помочь пользователю найти правильное и точное понимание так называемых трудных слов в процессе чтения текстов на иностранном языке. Потребность в словаре активного типа реализовалась в кодировании информации в таких видах лингвистической деятельности, как письмо, говорение, перевод. Для любой языковой пары, например, английского и татарского языков, существуют четыре вида словарей: 1) активный словарь для перевода с родного языка на иностранный (татарско-английский для носителей татарского языка; 2) активный англо-татарский словарь для носителей английского языка); 3) пассивный словарь для перевода с иностранного языка на родной (англо-татарский для носителей татарского языка) и 4) татарско-английский для носителей английского языка.

К аспекту текста словаря мы относим также разделение словарей на общие и специальные. Словари могут быть дифференцированы согласно цели, которой они служат: словарь общего предназначения разрабатывается для широкой публики, отвечает общей цели консультации относительно значения, правописания, произношения искомого слова. В общих словарях стараются охватить как можно больше общей лексики языка-источника. Словарь специального назначения составляется в соответствии с потребностями особых групп пользователей. В соответствии с разными аспектами словарь может быть нескольких типов. Рассмотрим подробнее: 1) цель: терминологический или аспектный словарь; 2) стиль: академический и дидактический двуязычный словарь; 3) контекст словаря: идейный, межличностный и текстуальный; 4) поле словаря – объем информации, лексическая плотность и охват тем; 5) объем информации: лингвистические и энциклопедические двуязычные словари. Энциклопедические двуязычные словари всё ещё очень редки. На сегодняшний день не существует ни одного англо-татарского или татарско-английского двуязычного энциклопедического словаря. Если лексикографы будут расширять функции словаря, то есть возможность дальнейшего развития энциклопедических двуязычных словарей; 6) регистр словаря на уровне национального языка или региональных диалектов; 7) предметный охват: словари общей и специальной лексики; 8) модус или способ обработки лексикографической информации; 9) презентация (алфавитная, гнездовая, иллюстративная);

10) направление (однаправленные и двунаправленные словари); 11) метод определения (переводческий эквивалент или описательное пояснение); 12) оформление (печатные и мультимедийные издания); 13) содержание. В коммуникативном аспекте лексикографии содержание относится к взаимодействию между составителем и пользователем.

К аспекту пользователей мы относим: 1) языковую компетенцию, так как лексикографам приходится решать, предназначены ли словари для носителей языка-источника или для носителей языка-цели, к какому подтипу они относятся, если ситуация требует уточнения. Различные пользовательские группы и подгруппы будут генерировать различные типы отношений между составителем и пользователем, что в свою очередь приведет к принятию определенных решений при составлении словарей; 2) возраст пользователей; 3) применение межкультурной графической коммуникации в процессе составления словарей, к примеру, язык IPA при подаче фонетической транскрипции.

Рассмотрим в качестве практического материала несколько словарей проекта Tatzet Академии наук Республики Татарстан, осуществляемого под руководством К. Р. Галиуллина и Р. Т. Сафарова. В фонд словарей входят языковые справочники, разработанные под эгидой Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. В базу проекта, размещенную на сайт АН РТ, собрано 42 источника, поделенные на три группы согласно входному языку – татарскому, русскому, английскому. В первую группу, входной язык татарский, включено двадцать словарей, например «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» / 'Толковый словарь татарского языка' (2015-2018); «Татарско-русско-латинский толковый словарь ихтионимов» (2019); «Орфоэпический словарь татарского языка» (2019); «Татарско-русский словарь биологических терминов» (1996-2001 (7 сл.)) и другие.

В группу словарей со входным русским языком авторами проекта включены девять словарей, среди них «Русско-татарский словарь актуальной лексики» (2014), «Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов» (2018); «Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов» (2016) и иные словари.

Третья группа, входной язык – английский, насчитывает три словаря «Англо-татарский словарь (латиница)» / English-Tatar dictionary (2019); «Англо-татарский словарь (кириллица)» / English-Tatar dictionary (2018); «Англо-русско-

татарский словарь компьютерных терминов» (2015).

В своей монографии, посвященной двуязычной лексикографии татарского языка XIX века, А. Ш. Юсупова, выдающийся специалист по татарской лексикографии, проводит подробнейший анализ всех изданных в этой области работ таких авторов, как А.Троянский, С. Кукляшев, Л. Будагова, Н. Остроумов, К. Насыри и др., учитывая предпосылки создания словаря, социальные и культурные факторы эпохи XIX века, тщательным образом изучает словарные пласты заимствований [Юсупова, 2008].

В рамках нашего исследования культурно-историческая справка отсутствует, поскольку мы являемся свидетелями данной эпохи, а также вынуждены ограничиться сжатой информацией ввиду соответствия требованиям, предъявляемым к объему публикаций. Тем не менее, краткая характеристика предоставляет возможность типологизировать словари.

В качестве иллюстративного примера мы рассмотрим согласно аспектам по одному словарю из каждой подгруппы, наиболее полно отражающему коммуникативную антропоцентрическую направленность лексикографии 21 века.

Татар теленең анлатмалы сүзлеге (2015-2018 (4 т.)) [Татар теленең...]

К аспекту составителей относится общая политика формирования словаря: к лексике литературного татарского языка добавить неологизмы, а также цель проекта – сохранить фонд литературного татарского языка. Обратимся к рассмотрению аспекта текст: 1) диахронический; 2) дескриптивный; 3) пассивный; 4) общий; 5) академический; 6) контекст словаря: идейный; 7) поле словаря – максимальный объем информации, лексическая плотность и охват тем; 8) лингвистический; 9) национальный язык с учетом региональных диалектов; 10) словарь общей лексики; 11) электронная обработка лексикографической информации; 12) алфавитная презентация; 13) однонаправленный словарь; 14) метод определения толкования на входном языке; 15) печатное издание); 16) 43 000 слов и 8700 идиом. К аспекту пользователей мы относим: 1) высокую языковую компетенцию; 2) школьники и взрослые пользователи; 3) применение межкультурной графической коммуникации IPA отсутствует.

Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов (2016) [Русско-татарский толковый словарь...]

К аспекту составителей мы относим: 1) формулировку общей политики словаря – описание новых лингвистических терминов;

2) возрождение татарского терминологического языка. Обратимся к рассмотрению аспекта текст: 1) синхронический; 2) прескриптивный; 3) активный; 4) специальный словарь; 5) дидактический; 6) контекст словаря текстуальный; 7) поле словаря – выборочный объем информации, лексическая плотность и охват тем; 8) лингвистический; 9) регистр словаря на уровне национального языка; 10) предметный охват: специальная лексика; 11) электронная обработка лексикографической информации; 12) презентация алфавитная; 13) однонаправленный словарь; 14) метод определения переводческого эквивалента; 15) печатное издание; 16) 2250 единиц. К аспекту пользователей мы относим: 1) высокую языковую компетенцию; 2) студенты вузов и широкий круг пользователей; 3) применение межкультурной графической коммуникации IPA отсутствует.

Англо-русско-татарский словарь компьютерных терминов (2015) [Англо-русско-татарский словарь...]

К аспекту составителей мы относим: 1) введение новых терминов и понятий; 2) фиксация неологизмов татарского языка.

Обратимся к рассмотрению аспекта текст. Данный аспект включает в себя: 1) синхронический корпус словаря; 2) прескриптивный; 3) активный; 4) специальный словарь; 5) дидактический; 6) контекст словаря: идейный и текстуальный; 7) поле словаря – краткий объем информации, лексическая плотность и охват тем; 8) лингвистический; 9) регистр словаря на уровне национального языка; 10) предметный охват: словарь специальной лексики; 11) электронный способ обработки лексикографической информации; 12) презентация алфавитная; 13) однонаправленный словарь; 14) метод определения переводческого эквивалента; 15) печатное издание; 16) 500 единиц.

К аспекту пользователей мы относим: 1) средняя языковая компетенция; 2) старший школьный возраст; 3) применение межкультурной графической коммуникации в процессе составления словарей, к примеру, язык IPA при подаче фонетической транскрипции.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу, что современная типология словарей базируется на антропоцентрическом подходе, в истории словарного дела произошел кардинальный поворот, и текст, и замысел словаря ориентируются на профиль пользователя, среди черт которого наиболее существенными, по нашему мнению, являются языковая компетенция, возраст и профессия. Коммуникативная теория лексикографии базируется на взаимодей-

ствующих составляющих: составитель, текст словаря и пользователь. Типология словарей 21 века должна быть открытой, включать критерии пассивной и активной направленности словаря и выделять онлайн-словари в отдельный тип. Современные татарские словари программы Tatzet, изданные с 2001 по 2019 год и изначально поделенные составителями проекта на три группы по признаку входного языка: татарского, русского и английского, были типологизированы нами.

В заключение хочется отметить, что наполнение каждого типа словарей в татарской лексикографии разное, эта закономерность вызвана потребностями пользователей и продиктована веяниями времени, то есть полностью отражает антропоцентризм современной лексикографии и способствует формированию лингвистически компетентного языкового сообщества.

Список литературы

Англо-русско-татарский словарь компьютерных терминов (= Инглизчә-русча-татарча компьютер термины сүзлеге). Сост.: А. А. Тимерханов, И. Тагирова, Р. Т. Сафаров; науч. ред.: Д. Ш. Сулейманов, А. А. Тимерханов). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 239 с.

Галиуллин К. Р. Компьютерная лингвография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. 119 с.

Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: словарь языка памятников первой четверти XVII века. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 274 с.

Галиуллин К. Р., Каримуллина Р. Н., Каримуллина Г. Н. Татарско-русские словари XXI века: омонимичные единицы / К. Р. Галиуллин, Р. Н. Каримуллина, Г. Н. Каримуллина // Казанская наука. 2016. №12. С.93–96.

Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М.: МГУ, 1974. 255 с.

Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. М.: Флинта, 2009. 428 с.

Лейчик В. М. Опыт построения классификации терминологических словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии. М.: Русский язык, 1992. С. 40–47.

Мартьянов Д. А. Лингвистические интернет-словари : учебно-методическое пособие / Д. А. Мартьянов, К. Р. Галиуллин, Е. А. Горобец. Казань: Изд-во Казанского университета, 2015. 47 с.

Махмутов М. И. Школьный русско-татарский словарь. Казань : Татар. кн. изд-во, 1989. 403 с.

Нурмухаметова Р. С. Основные тенденции развития лексики татарского литературного языка первой половины XX века: По татарско-русским словарям : автореф. дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2005. 26 с

Нурмухаметова Р. С., Саттарова М. Р., Миннебаева Г. И. Тенденции развития переводной татарской лексикографии XXI века. // Филология и

культура. Philology and culture. 2020. №2(60). С. 65–71.

Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов: ок. 2250 слов (Лингвистик терминнарның русча-татарча аңлатмалы сүзлеге: якынча 2250 сүз). Под ред. Ф. И. Тагировой и Ф. Ф. Гаффаровой. Казань: ИЯЛИ, 2016. 248 с.

Сафиуллина Ф. С., Галиуллин К. Р. Тематический русско-татарский словарь. Казань: Татарское книжное изд-во, 1989. 287 с.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 265–304

Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. Москва: Наука, 1972. 415 с.

Юсупова А. Ш. Двухязычная лексикография татарского языка XIX века. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 408 с.

Ногман М. XVII-XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1969. 112 б.

Нурмөхәммәтова Р. С., Нурмөхәммәтов Ф. Р. Татар телендә күптелле сүзлекләр // Р. С. Нурмөхәммәтова, Ф. Р. Нурмөхәммәтов // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы международной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 10-11 сентября 2019 года / сост.: Э. И. Сафина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 178–179.

Сафиуллина Ф. С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология. Югары уку йортлары студентлары өчен. Ред.: М. З. Зәкиев / Ф. С. Сафиуллина. Казан: Хәтер, 1999. 288 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: т.1-4 (А-Р). Казан: ТӘҺСИ, 2015-2018. 1 т. (А-В). 2015. 712 б.; 2 т. (Г-Й). 2016. 748 б.; 3 т. (К). 2017. 744 б.; 4 т. (Л-Р). 2018. 760 б.

Тимерханов А. А. Татар лексикографиясе алдында торган зур бурыч // Современная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских анродов: Материалы VII Международной тюркологической конференции (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 7 февраля 2014 года). Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2014. С. 86–89.

Тимерханов А. А. Татар лексикографиясенен үткәне һәм киләчәккә бурычлары // Фәнни Татарстан. 2015. № 4. 21–34 б.

Юсупова Ә. Татар теле сүзлекләрдә. Стамбул. KESİT YAYINLARI, 2020. 192 с.

Al Kasimi Ali M. Linguistics and Bilingual Dictionaries, Leiden: E.J. Brill. 1983. 131 p.

Geeraerts D. Dictionary Classification and the Foundations of Lexicography // International Journal of Applied Linguistics, Volume 63, Issue 1, Jan 1984. Pp. 37 – 63

Landau S. I. Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography Cambridge University Press, 2001. 394 p.

Malkiel Y. A Typological classification of Dictionaries on the basis of distinctive features // Householder Fred W. and Saporta, Sol eds. 1967, Problems in

Lexicography, Bloomington, Indiana University Press. 1967. Pp.3–24

Sebeok T. A. *Style in Language*. New York and London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons. 1966. 506 p.

Yong H., Peng J. *Bilingual Lexicography from a Communicative Perspective*. John Benjamins Publishing Company. 2007. 229 p.

Zgusta L. *Manual of lexicography*. Praha: Academia. 1971. 360 p.

References

Al Kasimi Ali M (1983). *Linguistics and Bilingual Dictionaries*. 131 p. Leiden, E. J. Brill. (In English)

Anglo-russko-tatarskii slovar' komp'iuternykh terminov (2015) [English-Russian-Tatar Dictionary of Computer Terms]. Sost.: A. A. Timerkhanov, I. Tagirova, R. T. Safarov; nauch. red.: D. Sh. Suleimanov, A. A. Timerkhanov. 239 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In English, in Russian, in Tatar)

Galiullin, K. R. (1995). *Komp'iuternaia lingvografiia* [Computer Linguography]. 119 p. Kazan', izd-vo Kazan.un-ta. (In Russian)

Galiullin, K. R., Gizatullina, A. R. (2008). *Kazanskii krai: slovar' iazyka pamiatnikov pervoi chetverti XVII veka* [Kazan Territory: Dictionary of the Language of Monuments of the Early 17th Century]. 274 p. Kazan', Izd-vo Kazan. gos. un-ta. (In Russian)

Galiullin, K. R., Karimullina, R. N., Karimullina, G. N. (2016). *Tatarsko-russkie slovari XXI veka: omonimichnye edinitsy* [Tatar-Russian Dictionaries of the 21st century: Homonymous Units]. Kazanskaia nauka. No. 12, pp. 93–96. (In Russian)

Geraerts, D. (1984). *Dictionary Classification and the Foundations of Lexicography*. International Journal of Applied Linguistics, Volume 63, Issue 1, Jan., Pp. 37 – 63. (In English)

Denisov, P. N. (1974). *Ocherki po russkoi leksikologii i uchebnoi leksikografii* [Essays on Russian Lexicology and Educational Lexicography]. 255 p. Moscow, MGU. (In Russian)

Dubichinskii, V. V. (2009). *Leksikografiia russkogo iazyka* [Lexicography of the Russian Language]. 428 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Iuldashev, A. A. (1972). *Printsipy sostavleniia tiurksko-russkikh slovarei* [Principles of Compiling Turkic-Russian Dictionaries]. 415 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Iusupova, A. Sh. (2008). *Dvuazychnaia leksikografiia tatarskogo iazyka XIX veka* [Bilingual Lexicography of the Tatar Language of the 19th Century]. 408 p. Kazan', Izd-vo Kazan. gos. un-ta. (In Russian)

Iusupova, Ə. (2020). *Tatar tele syzleklärdä* [Tatar Language in Dictionaries]. 192 p. Stambul. KESİT YAYINLARI. (In Tatar)

Landau, S. I. (2001). *Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography*. 394 p. Cambridge University Press. (In English)

Leichik, V. M. (1992). *Opyt postroeniia klassifikatsii terminologicheskikh slovarei* [Experience in building a classification of terminological dictionaries]. Teoriia i

praktika nauchno-tehnicheskoi leksikografii. Pp. 40–47. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Malkiel, Y. (1967). *A Typological Classification of Dictionaries on the Basis of Distinctive Features*. Householder Fred W. and Saporta, Sol eds. 1967, Problems in Lexicography. Pp. 3–24. Bloomington, Indiana University Press. (In English)

Mart'ianov, D. A. (2015). *Lingvisticheskie internet-slovari: uchebno-metodicheskoe posobie* [Linguistic Internet Dictionaries: A Study Guide]. D. A. Mart'ianov, K. R. Galiullin, E. A. Gorobets. 47 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

Makhmutov, M. I. (1989). *Shkol'nyi russko-tatarskii slovar'* [School Russian-Tatar Dictionary]. 403 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian, Tatar)

Nogman, M. (1969). *XVII-XVIII iezlärädäge ruschata tatarcha kul'iazma syzleklär* [Russian-Tatar Manuscript Dictionaries of the 17th–18th Centuries]. 112 p. Kazan, Tatarstan kitap neshriaty. (In Tatar)

Nurmökhämmätova, R. S., Nurmökhämmätov, F. R. (2019). *Tatar telendä kyptelle syzleklär* [Multilingual Dictionaries in the Tatar Language]. R. S. Nurmökhämmätova, F. R. Nurmökhämmätov. Tiurkskoe iazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiia: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu sozdaniia Instituta iazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 10-11 sentiabria 2019 goda. Sost. E. I. Safina. Pp. 178–179. Kazan', IlaLI. (In Tatar)

Nurmukhametova, R. S. (2005). *Osnovnye tendentsii razvitiia leksiki tatarskogo literaturnogo iazyka pervoi poloviny XX veka: Po tatarsko-russkim slovariam : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.02* [The Main Trends in the Development of the Vocabulary of the Tatar Literary Language in the First Half of the 20th Century: According to the Tatar-Russian Dictionaries: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan. gos. un-t im. V. I. Ul'ianova-Lenina. Kazan'. 26 p. (In Russian)

Nurmukhametova, R. S., Sattarova, M. R., Minnebaeva, G. I. (2020). *Tendentsii razvitiia perevodnoi tatarskoi leksikografii xxi veka* [Development Trends of Translated 21st–Century Tatar Lexicography]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 2 (60), pp. 65 –71. (In Russian)

Russko-tatarskii tolkovyi slovar' lingvisticheskikh terminov (2016) [Russian-Tatar Explanatory Dictionary of Linguistic Terms: 2250 Words]. Pod red. F. I. Tagirovoi i F. F. Gaffarovoi. 248 p. Kazan', IlaLI. (In Russian, in Tatar)

Safiullina, F. S. (2002). *Khäzerge tatar ädäbi tele* [Modern Tatar Literary Language]. F. S. Safiullina, M. Z. Zäkiev. 2. basma. 406 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Safiullina, F. S., Galiullin, K. R. (1989). *Tematicheskii russko-tatarskii slovar'* [Thematic Russian-Tatar Dictionary]. 287 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian, in Tatar)

Sebeok, T. A. (1966). *Style in Language*. 506 p. New York and London. The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons. (In English)

Shcherba, L. V. (1974). *Opyt obshchei teorii leksikografii* [Experience of the General Theory of Lexi-

cography]. Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'. Pp. 265–304. Moscow, Nauka. (In Russian)

Səfərov, R. T. (2019). *Tatar teleneñ orfoepik syzlege* [Orthoepic Dictionary of the Tatar Language]. R. T. Səfərov, A. Ə. Timerkhanov, O. N. Galimova; fənni red. R. T. Səfərov. 156 p. Kazan, TƏhSI. (In Tatar)

Tatar teleneñ aqlatmaly syzlege. (2015–2018) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. T.1-4 (A–R). Kazan, TƏhSI. 1 t. (A–V). 2015. 712 b. 2 t. (G–I). 2016. 748 b. 3 t. (K). 2017. 744 b. 4 t. (L–R). 2018. 760 p. (In Tatar)

Timerkhanov, A. A. (2014). *Tatar leksikografiase aldynda torgan zur burych* [A Great Task Facing Tatar Lexicography]. Sovremennaia tiurkologiya: iazyk,

literatura, istoriia i kul'tura tiurkskikh anrodov: Materialy VII Mezhdunarodnoi tiurkologicheskoi konferentsii (Rossiia, Respublika Tatarstan, g. Elabuga, 7 fevralia 2014 goda). Pp. 86–89. Elabuga, Izd-vo Elabuzhskogo instituta KFU. (In Tatar)

Timerkhanov, A. A. (2015). *Tatar leksikografiaseñ ytkəne hət kiləchəkkə burychlary* [Past and Future Tasks of Tatar Lexicography]. Fənni Tatarstan. No. 4, pp. 21–34. (In Tatar)

Yong H., Peng J. (2007). *Bilingual Lexicography from a Communicative Perspective*. 229 p. John Benjamins Publishing Company. (In English)

Zgusta, L. (1971). *Manual of Lexicography*. 360 p. Praha, Academia. (In English)

The article was submitted on 22.03.2021

Поступила в редакцию 22.03.2021

Сафиуллина Гульшат Рафаилевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
safiullina_gulshat@mail.ru

Тарасова Фануза Харисовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fhtarasova@yandex.ru

Safiullina Gulshat Rafailevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
safiullina_gulshat@mail.ru

Tarasova Fanuza Harisovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fhtarasova@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-45-50
УДК 81'373.237'25-057.86(571.16)

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭНДЕМИЧНОСТИ ТОМСКИХ РЕАЛИОНИМОВ

© Светлана Тайдонова

WAYS TO DETERMINE THE ENDEMICITY OF TOMSK REALIONYMS

Svetlana Taydonova

The article discusses ways to determine the endemicity of realionyms. Endemicity is understood as the limitation of the use of lexical units within the framework of a certain communicative environment. Realionyms are words and expressions that are common within a certain area. They also include proper names belonging to outstanding historical personalities, public and political figures, scientists, etc., who played a special role in the formation and development of this area. In onomastics, it is customary to distinguish categories (subclasses) of realionyms: phytonyms, ergonyms, urbanonyms, etc. Realionyms occupy an intermediate position between proper and common names and can be designated *nomina realia*. In the practice of identifying and describing realionyms, a bunch of environmental and onomasiological approaches is used, which allows, on the one hand, to outline the boundaries of the endemic vocabulary set and, on the other hand, to single out a number of designations for the realities of the surveyed area. The implementation of the environmental approach has a number of limitations: firstly, the popularity of endemic words outside the communicative environment; secondly, the objectivity of their identification, which depends on the researchers' belonging to autochthons and their understanding of the endemicity of certain designated phenomena; thirdly, the archaization of the endemic register. The endemicity of realionyms should be understood as a gradual value, ranging from absolute to situational. The realionyms' frequency of use index reveals not their endemicity, but the statistics of their popularity. There are two ways to determine endemicity: collocative and prototypical. The collocative method involves identifying the maximum number of contexts in which the endemic unit is used with a real hyperonym (Tomsk), and the prototypical implies the involvement of endemism in local semantic categories, in the center of which really significant prototypes should be located. When fixing endemicity, a system of labels can be used to mark the relevance of realionyms to the center or periphery of the lexical-semantic field of the endemic thesaurus.

Keywords: Tomsk realionyms, endemicity, endemic thesaurus, collocation, prototype.

В статье рассматриваются способы определения эндемичности реалионимов. Под эндемичностью понимается ограничение использования лексических единиц рамками определённой коммуникативной среды. Реалионимами называются слова и выражения, распространённые в границах определённого ареала. К ним относятся также имена собственные, принадлежащие выдающимся историческим личностям, общественным и политическим деятелям, учёным и др., сыгравшим особую роль в становлении и развитии данного ареала. В ономастике принято выделять разряды (субклассы) реалионимов: фитонимы, эргонимы, урбанонимы и пр. Реалионимы занимают промежуточное положение между именами собственными и нарицательными и могут обозначаться *nomina realia*. В практике выделения и описания реалионимов используется связка средового и ономасиологического подходов, позволяющая, с одной стороны, очертить границы эндемического словарного множества, с другой – выделить ряд обозначений реалий обследуемого ареала. Имплементация средового подхода имеет ряд ограничений: во-первых, известность эндемических единиц за пределами коммуникативной среды; во-вторых, объективность их выделения, зависящая от принадлежности исследователя к автохтонам и понимания им эндемичности тех или иных обозначаемых явлений; в-третьих, архаизация эндемического регистра. Эндемичность реалионимов следует понимать как градуальную величину, значение которой может колебаться от абсолютного до ситуативного. Индексирование частотности употребления реалионимов выявляет не их эндемичность, а статистику популярности. Предлагаются два способа определения эндемичности: коллокативный и прототипический. Коллокативный способ предполагает выявление максимального количества контекстов, в которых эндемическая единица используется с ареальным гиперонимом (Томск, томский), а прототипический – установление причастности эндемизма к локальным семантическим категориям, в центре которых должны находиться ареально значимые

прототипы. При фиксации эндемичности может использоваться система помет, маркирующих отнесённость реалионимов к центру или периферии лексико-семантического поля эндемического тезауруса.

Ключевые слова: томские реалионимы, эндемичность, эндемический тезаурус, коллокация, прототип.

Потребность в свободном общении, обусловленная и подпитываемая глобализацией, приводит к упразднению естественных, исторически сложившихся границ коммуникативных сред и интернационализации ареальных регистров и ономастиконов. Лексические единицы, имеющие хождение лишь в пределах отдельных коммуникативных сред, обозначаются в языкознании *эндемическими* [Никончук, с. 167]. Термин *эндемический* (от греч. *ἐνδημος* – ‘местный’) пришёл в науку о языке из ботаники, где означает буквально «принадлежащий к определённой географической местности». В аппаратах дисциплин естественнонаучного цикла он используется параллельно с паронимом *эндемичный*, ср.: *эндемичный вирус, эндемичное растение (эндемик), но эндемическая болезнь*.

Рост популярности вирусной теории лингвогенеза Р. Земона [Semon, с. 17] определила главенство средового подхода [Кобенко, 2017, с. 83] в вопросах установления *эндемичности* единиц локальных тезаурусов, которая зачастую понимается как некое их ингерентное свойство, ограничивающее репликацию в коммуникативной среде [Тайдонова, 2020, с. 140]. Имплементация средового подхода в практике выделения такого рода единиц оправдана уже тем, что само их существование задано наличием коммуникативных границ и языкового барьера, но имеет, однако, и несколько существенных недостатков. Во-первых, единицы, полагаемые эндемическими, нередко встречаются и в прочих (или соседних) ареалах распространения национального языка и его диалектных разновидностей (здесь, как правило, лидируют зоонимы и фитонимы), например: *кандык, кедровка, колба*. Во-вторых, определение эндемичности в значительной степени зависит от объективности и эрудиции исследователя: так, внешний наблюдатель склонен, как показывает практика, выделять большее количество эндемических единиц, нежели исследователь из числа автохтонов. И наоборот: некоторые явления, в особенности реалии физической географии, как то: *пустыни, ватты, приливный гребень* и др., имеющие широкий радиус распространения, могут не выделяться вовсе. При этом даже сочетание *демисезонное пальто* имеет ограничения в употреблении и свойственно людям, населяющим Северное полушарие планеты. В-третьих, излюбленный аспект критики примене-

ния средового подхода образуют так называемые историонимы – эндемические единицы, вышедшие из употребления и появляющиеся разве что в речи экскурсоводов и в текстах исторических изданий, альманахов, путеводителей и пр. Однако здесь логично говорить не об окончании действия средового подхода, а об архаизации самих единиц, которые никоим образом не покинули ареал, а всего лишь стали неизвестными новым поколениям пользователей эндемической лексикой, например: *Войлочная заимка, Кирпичная слободка, Могочинский лог* и др.

Следует отметить, что термин «эндемические единицы», или «эндемизмы», является весьма удобным гиперонимом для словарных элементов, имеющих целый ряд синонимичных обозначений гипонимического характера: «варваризмы» [Гак, с. 38], «ксенонимы» [Кабакчи, с. 94], «локализмы» [Явари, с. 195], «культуронимы» [Соколова, с. 53] и пр. Большинство таких гипонимов сосуществует в аппарате переводоведения или в индивидуальных идиоглоссариях переводчиков, работающих над преодолением эндемичности в пределах пар определённых языков [Курбакова, Боришанская], [Руберт, Капитонова, с. 104], [Хухуни, Валуйцева, Осипова]. В ряде работ в области сравнительно-исторического языкознания сохраняется практика этноареального описания эндемических единиц (славянизмы, балтизмы и пр.) [Шилов, с. 8]. Наряду с данными терминами в ономастике сложилась традиция описания эндемических единиц собственным аппаратным термином и термином-элементом «(-)оним», например: *гастронимы, ойконимы, экклезионимы* и пр. Данную практику следует признать обоснованной, учитывая то, что основной функцией эндемических единиц выступает номинативная. Общим понятием для любых из онимных субклассов (разрядов) является «реалионим» [Kobenko, Tarasova, с. 4], который противопоставляется другому популярному парониму – *реалия* – через треугольник Г. Фреге как обозначающее и денотат: явления окружающей (экстралингвистической) действительности являются реалиями, а их языковые (интралингвистические) обозначения-ярлыки – реалионимами.

Ранее реалионимы определялись как промежуточное звено между *nomina propria* и *nomina appellativa* – *nomina realia* – в силу наличия у них

признаков обоих разрядов имён существительных (индивидуальности и серийности) [Кобенко, 2014, с. 48], сегодня необходимо допустить оговорку, что к реалионимам примыкают также имена собственные, известные лишь в границах отдельной коммуникативной среды. Как правило, это имена значимых исторических личностей, общественных деятелей, выдающихся учёных, внесших существенный вклад в развитие ареала, и т. п. В наиболее полной классификации реалионимов А. М. Люксембурга последние относятся к предметно-тематической группе «ономастические реалии» [Люксембург, с. 25].

Итак, всеми исследователями реалионимы признаются эндемичными по умолчанию. Тем не менее при составлении ареальных тезаурусов, как в случае с томскими реалионимами [Тайдонова, 2019, с. 80], неизбежно столкновение со сложностями при определении эндемичности данных единиц, вызванными, главным образом, ошибочным восприятием последних как обозначений исключительно ареальной приуроченности. Следует подчеркнуть, что даже внутри таких реалионимиконов эндемичность является градуальной величиной, значение которой может колебаться от абсолютного до ситуативного.

В связи с этим при описании регистров эндемичной лексики наряду со структурно-системным (морфологическим, ономастологическим) анализом, обычно служащим в перспективе переводческим целям, рекомендуется предусмотреть процедуру установления степени эндемичности реалионимов. Данный шаг следует понимать не столько как эмпирическое укрупнение репертуара различных приёмов анализа, применяемых к данным единицам и их тезаурусам, сколько как обязательную меру верификации статуса реалионима, включённого в корпус исследования.

Снабжение эндемичных единиц индексами частотности, к сожалению, не даст искомого результата, а покажет лишь статистику наиболее употребительных (популярных) слов, которой пользуются агрегаторы для составления рейтинга слов года. Кроме того, языковая мода может диктовать и даже навязывать свой узус, в результате чего в фокусе индексирования окажутся единицы, популярность которых форсировалась СМИ и не отражает естественные коммуникативные процессы внутри определённого ареала.

Таким образом, можно предложить два способа определения эндемичности реалионимов: 1) коллокативный и 2) прототипический.

1. Коллокативный (от лат. *collocatio* – ‘соположение’) способ предполагает выявление максимально возможного множества контекстов, в

которых обследуемый реалионим встречается в сочетании с эндемичским гиперонимом. В качестве последнего, как правило, фигурирует название самого ареала или производная единица (относительное имя прилагательное), например: *томские татары, томские трактовые лошади, томский деревянный модерн*. Эндемичский гипероним может быть представлен одним из ареальных топонимов, гидронимов, хоронимов и пр., образующих центральную область лексико-семантического поля реалионимикона, ср.: *Сухореченские чаши, Басандайское городище, Самусьский затон*. Сухоречье, Басандайка и Самусь являются объектами топонимики города Томска и Томской области. Очевидным признаком эндемичности является включённость коллокации в состав реалионима, например: *Старец Фёдор Томский, Томский электромеханический завод имени В. В. Вахрушева, Томская мыловаренная мануфактура*. Наибольшую сложность вызывает нахождение коллокаций для единиц, широко известных за пределами исследуемого ареала, ср.: *бондарь, доха, затируха, урагус*. В этом случае показан поиск контекстов, в которых недвусмысленно обосновывается связь реалионима и ареала, как, к примеру, осота и флоры Томской области в труде томского биолога Б. Г. Иоганзена «Природа Томской области» (1971) [Иоганзен, с. 5].

2. Прототипический (от греч. *πρωτότυπος* – ‘первоначальный’) способ восходит к семантике прототипов и связан с установлением причастности реалионима к локальным семантическим категориям. Согласно Ж. Пуату, прототипы представляют собой концентрически упорядоченные денотаты, в центре которых находятся базовые ассоциативные категории, коррелирующие с объектами окружающей реальности говорящих [Poitou, с. 2]. Так, центральный орнитологический прототип у большинства немцев образует *Rotkehlchen* (малиновка), выявляемый через вопрос *welcher Vogel ist am „vogeligsten“?* (какая птица наиболее «птичнее»?) [Bärenfänger, с. 205], а у русских – воробей. Как отмечает Е. В. Никулина, изучающая русские орнитонимы, «эндемичность находит отражение во фразеологическом фонде языка» [Никулина, с. 329], следовательно, результаты прототипического анализа можно согласовывать с распространёнными в ареале клишированными единицами, диалектными или общезыковыми. Теоретически эндемичские прототипы, как и в случае с гиперонимами, должны располагаться как можно ближе к центру. Однако большим препятствием определения таких прототипических денотатов может быть отсутствие у респондентов референтной

отнесённости (связи знака и представления), к примеру, фитонима *осот*. Помимо этого, опросы целесообразно проводить с топонимически грамотными людьми, всю жизнь или её большую часть проживающими в обследуемом ареале, что в современном открытом и мобильном обществе представляется не всегда выполнимым условием. Однако концентрическую амплитуду прототипов в процессе опроса можно заведомо сузить, задав условие ареальной отнесённости описываемой реалии.

Методика фиксации эндемичности отдельных реалионимов зависит от характера, степени архаизации, распространённости и т. п. того или иного реалионимикона и может содержать систему обозначений, предполагающих определённый уровень принадлежности к центру, например: (–) – дальняя периферия, (+) – ближняя периферия, (+ +) – центральная область, (+ + +) – ядерная область (гиперонимия). Релевантным видится снабжение самих реалионимов подобными обозначениями в верхнем индексе, при этом нижний индекс можно использовать для ономаσιологических помет или маркировки единиц, вышедших из оборота, ср.: присутственные места_{эрг.}⁺, Томский императорский университет_{до}⁺⁺⁺ 1917 г.

В исследовательской практике отмечаются прецеденты тесной связи эндемических регистров двух и более ареалов различного характера: материнский → дочерний, дочерний₁ → дочерний₂ и пр. Примером такой исторической взаимообусловленности можно считать историю возникновения города Новосибирска (до 1926 г. Ново-Николаевска), которая начинается в бывшей Томской губернии (1804–1925 гг.). В данном случае исследователь оказывается перед известной в социолингвистике проблемой разграничения ареального (территориального) и коммуникативного (средового) [Виноградов, Коваль, Пархомовский, с. 13] и может сузить или укрупнить объект сообразно с фокусом решаемых задач.

При переводе эндемических единиц решающую роль играют их структурные (композиционные) признаки, поэтому целесообразно использовать структурно-семантические способы передачи единиц эндемического сегмента Томского ареала на немецкий и английский языки на основе выделенных структурных классов в количестве 6 с различной ярусной диверсификацией, ср. класс 1: *Михайловская роща* – *der Michailowskaja-Hain* (нем.), *Mihailovskaja Grove* (англ.); класс 2: *Памятник студенчеству Томска (Памятник Святой Татьяне)* – *das Denkmal der Studierendenschaft von Tomsk (das Heilige-Tatjana-*

Denkmal) (нем.), *Monument to Tomsk Student Community (Saint Tatjana Monument)* (англ.); класс 3: *Дом купца Голованова* – *das Haus des Kaufmanns Golowanow* (нем.), *House of merchant Golovanov* (англ.); класс 4: *Дом-музей Цесаревича Николая* – *die Zarensohn-Nokolai-Gedenkstätte* (нем.), *Cesarevich Nikolai Memorial House* (англ.); класс 5: *Дом с жар-птицами* – *das Haus mit stilisierten Feuervögeln / Akroterionen* (нем.), *the House with the Firebirds / Acroterions* (англ.); класс 6: *Первый музей славянской мифологии* – *das erste Museum für slawische Mythologie* (нем.), *the First Museum of Slav Mythology* (англ.).

В завершение можно резюмировать, что степень эндемичности реалионимов является переменной величиной и не всегда составляет желаемые 100%. Её следует понимать как своего рода привязку определенного словарного множества к внешним условиям его распространения, а следовательно, величину экстралингвистического порядка. В функциональной лингвистике подобное определение действительно в отношении стиля как исторического явления, ср.: единство языка и сферы его распространения, обладающее фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями. Главное же отличие стиля и ареального реалионимикона состоит в подчеркнута номинативной природе последнего, что позволяет сочетать в описании эндемических регистров средовой и ономаσιологический подходы.

Список литературы

- Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомовский В. Я. Социолингвистическая типология. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2008. 136 с.
- Гак В. Г. «Коверканье» или «подделка»? (Об одном опыте перевода варваризмов) // Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1966. С. 38–44.
- Иоганзен Б. Г. Природа Томской области. 4-е изд., перераб. Новосибирск: Западносибирское книжное изд-во, 1971. 175 с.
- Кабакчи В. В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. С. 78–97.
- Кобенко Ю. В. Категориальные признаки имён собственных в немецком и русском языках // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов XIV Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (Томск, 12–15 ноября 2014 г.). Томск: Изд-во ТПУ, 2014. С. 46–52.

Кобенко Ю. В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований: монография. Томск: Изд-во ТПУ, 2017. 214 с.

Курбакова М. А., Боршанская М. М. Вариативность трансляции некоторых русских реалий в западную культуру (по материалам англоязычной прессы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2013. № 4. С. 24–31.

Люксембург А. М. Реалии в немецком медиатексте. Проблемы лингвокультурологического осмысления и перевода. Ростов-на-Дону: Логос, 2008. 203 с.

Никончук Н. В. Эндемическая лексика Полесья // Этимология. 1984. / под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М.: Наука, 1986. С. 167–171.

Никулина Е. В. Русские орнитонимы как объект лингвистических исследований // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы II Международной научно-практической конференции (Орёл, 10–11 октября 2017 г.). Орёл: Изд-во ОГУ имени И. С. Тургенева, 2017. С. 328–331.

Руберт И. Б., Капитонова М. А. Перевод культурологически маркированных лексических единиц в аспекте категории симметрии // Лингвистика в эпоху глобанглизации / под ред. Е. В. Белоглазовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 102–113.

Соколова Н. В. Функциональная обусловленность выбора приёма перевода культуронимов-имён собственных // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 1. С. 51–58.

Тайдонова С. С. Анализ существующих переводов эндемической лексики на немецкий и английский языки в художественных произведениях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № 13 (842). С. 139–148.

Тайдонова С. С. Корпус томских реалионимов в переводческой перспективе: критерии отбора, подходы к описанию и аспекты анализа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (202). С. 79–87.

Хухуни Г. Т., Валуццева И. И., Осипова А. А. Интерпретация реалий при переводе сакрального текста: языковой и экстралингвистический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 487–508.

Шилов А. Л. Прибалтийско-финская лексика и восточнославянское языкознание // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 7–28.

Явари Ю. В. Реалии и локализмы в повестях Н. В. Гоголя и их перевод на английский язык // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 4. С. 195–200.

Bärenfänger O. Empirische Untersuchungen zur Repräsentation von Bedeutung: Die Prototypensemantik // Arbeitsbuch Linguistik / H. M. Müller (Hrsg). Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2002. S. 199–209.

Kobenko Yu. V., Tarasova E. S. Peculiarities of Translating Realonyms into German // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 206. Pp. 3–7. URL: <http://www.science-direct.com/sci-ence/article/pii/S1877042815051368> (дата обращения: 11.04.2021).

Poitou J. Prototypentheorie und lexikalische Semantik // Lyon Linguistique Allemande. 2004. No 3. Pp. 1–24.

Semon R. Das Problem der Vererbung erworbener Eigenschaften. Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1912. 203 S.

References

Bärenfänger, O. (2002). *Empirische Untersuchungen zur Repräsentation von Bedeutung: Die Prototypensemantik* [Empirical Studies on Representation of Meaning: The Prototype Semantics]. Arbeitsbuch Linguistik. H. M. Müller (Hrsg). Paderborn, Ferdinand Schöningh, pp. 199–209. (In German)

Gak, V. G. (1966). “Koverkan’e” ili “poddelka”? (Ob odnom opyte perevoda varvarizmov) [“Culling” or “Fake”? (About one experience of translating barbarisms)]. Pp. 38–44. Moscow, Tetradi perevodchika. Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)

Iavari, Iu. V. (2016). *Realii i lokalizmy v povestiakh N. V. Gogolia i ikh perevod na angliiskii iazyk* [Realities and Localisms in the Stories of N. V. Gogol and Their Translation into English]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Filologiya. No. 4, pp. 195–200. (In Russian)

Ioganzhen, B. G. (1971). *Priroda Tomskoi oblasti* [The Nature of the Tomsk Region]. 175 p. Novosibirsk, Zapadnosibirskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)

Kabakchi, V. V. (2009). *Iazyk moi, kamo griadeshi? Globalizatsiia, “globanglizatsiia” i mezhkulturnaia kommunikatsiia* [My Tongue, Kamo Coming? Globalization, “Globanglization” and Intercultural Communication]. Iazyk v paradigmatkakh gumanitarnogo znaniia: XXI vek. Pp. 78–97. St. Petersburg, Izd-vo SPbGUEF. (In Russian)

Khukhuni, G. T., Valuitseva, I. I., Osipova, A. A. (2019). *Interpretatsiia realii pri perevode sakral'nogo teksta: iazykovo i ekstralingvisticheskie aspekty* [Interpretation of Realities in the Translation of a Sacred Text: Linguistic and Extralinguistic Aspects]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seria: Lingvistika. T. 23, No. 2, pp. 487–508. (In Russian)

Kobenko, Yu. V., Tarasova, E. S. (2015). *Peculiarities of Translating Realonyms into German*. Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 206. Pp. 3–7. URL: <http://www.science-direct.com/sci-ence/article/pii/S1877042815051368> (accessed: 11.04.2021). (In English)

Kobenko, Iu. V. (2014). *Kategorialnye priznaki imen sobstvennykh v nemetskom i russkom iazykakh* [Categorical Features of Proper Names in German and Russian]. Mezhdunarodnaia kommunikatsiia: teoriia i praktika: sbornik nauchnykh trudov XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Lingvisticheskie i kulturologicheskie traditsii i innovatsii”. Pp. 46–52, Tomsk, izd-vo TPU. (In Russian)

Kobenko, Iu. V. (2017). *Iazyk i sreda. Opyt sistematzatsii dannnykh mezhdistsiplinarynykh issledovaniy* [Language and Environment. Experience in Systematizing Data from Interdisciplinary Research]. 214 p. Tomsk, izd-vo TPU. (In Russian)

Kurbakova, M. A., Borishanskaia, M. M. (2013). *Variativnost' transliatsii nekotorykh russkikh realii v*

zapadnuu kul'turu (po materialam angloiazychnoi pressy) [Variability of Translation of Some Russian Realities into Western Culture (based on materials from the English-language mass media)]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Lingvistika. No. 4, pp. 24–31. (In Russian)

Liuksemburg, A. M. (2008). *Realii v nemetskom mediatekste. Problemy lingvokul'turologicheskogo osmysleniia i perevoda* [Realities in German Media Text. Problems of Linguoculturological Comprehension and Translation]. 203 p. Rostov-na-Donu, Logos. (In Russian)

Nikonchuk, N. V. (1986). *Endemicheskaia leksika Poles'ia* [Endemic Vocabulary of Polesie]. Etimologiya. Pp. 167–171. Moscow, Nauka. (In Russian)

Nikulina, E. V. (2017). *Russkie ornitonimy kak ob"ekt lingvisticheskikh issledovani* [Russian Ornithonyms as an Object of Linguistic Research]. Iazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia: izuchenie i obuchenie: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pp. 328–331, Orel, Izd-vo OGU imeni I. S. Turgeneva. (In Russian)

Poitou, J. (2004). *Prototypentheorie und lexikalische Semantik* [Prototype Theory and Lexical Semantics]. Lyon Linguistique Allemande. No. 3, pp. 1–24. (In German)

Rubert, I. B., Kapitonova, M. A. (2018). *Perevod kul'turologicheskii markirovannykh leksicheskikh edinits v aspekte kategorii simmetrii* [Translation of Culturally Marked Lexical Units in the Aspect of the Category of Symmetry]. Lingvistika v epokhu globanglizatsii. Pp. 102–113, St. Petersburg, Izd-vo SPbGEU. (In Russian)

Semon, R. (1912). *Das Problem der Vererbung erworbener Eigenschaften* [The Problem of Inheritance of

Acquired Traits]. 203 p., Leipzig, Wilhelm Engelmann. (In German)

Shilov, A. L. (2005). *Pribaltiisko-finskaia leksika i vostochnoslavianskoe iazykoznanie* [Baltic-Finnish Vocabulary and East Slavic Linguistics]. Voprosy iazykoznanii. No. 2, pp. 7–28. (In Russian)

Sokolova, N. V. (2018). *Funktional'naiia obuslovlennost' vybora priema perevoda kul'turonimov-imen sobstvennykh* [Functional Conditionality of the Choice of Translation of Cultural Names-Proper Names]. Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy iazykoznanii i pedagogiki. No. 1, pp. 51–58. (In Russian)

Taidonova, S. S. (2020). *Analiz sushchestvuiushchikh perevodov endemicheskoi leksiki na nemetskii i angliiskii iazyki v khudozhestvennykh proizvedeniakh* [Analysis of Existing Translations of Endemic Vocabulary into German and English in Works of Fiction]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. No. 13 (842), pp. 139–148. (In Russian)

Taidonova, S. S. (2019). *Korpus tomskikh realionimov v perevodcheskoi perspektive: kriterii otbora, podkhody k opisaniiu i aspekty analiza* [The Corpus of Tomsk Realionyms in a Translation Perspective: Selection Criteria, Approaches to Description and Aspects of Analysis]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. No. 5 (202), pp. 79–87. (In Russian)

Vinogradov, V. A., Koval', A. I., Parkhomovskii, V. Ia. (2008). *Sotsiolingvisticheskaiia tipologiia* [Sociolinguistic Typology]. 136 p. Moscow, URSS. (In Russian)

The article was submitted on 18.06.2021
Поступила в редакцию 18.06.2021

Тайдонова Светлана Сергеевна,
аспирант,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
634050, Россия, Томск,
просп. Ленина, 30.
tsss18@yandex.ru

Taydonova Svetlana Sergeevna,
graduate student,
National Research
Tomsk Polytechnic University,
30 Lenin Prospect,
Tomsk, 634050, Russian Federation.
tsss18@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-51-56
УДК 81'373.613; 811.512.145

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© Айрат Юсупов, Ильхамия Мухаметова

FUNCTIONAL POTENTIAL OF RELIGIOUS VOCABULARY IN THE TATAR LANGUAGE

Ayrat Yusupov, Ilkhamiya Mukhametova

The article reveals the functional and semantic features of religionyms in the Tatar language. The study focuses on the influence of the Muslim religion and Sufi teachings on the formation of the Turkic-Tatar religious worldview, as well as on the evolution of the Tatar language in general. The article identifies the semantic transformation, acquisition, and functions of religious vocabulary, and the specifics of fixing it in the linguistic consciousness of the Tatars.

The relevance of the work is due to the need to study sacral vocabulary in its functional and semantic aspects. The aim of the research is to study functional features of religious vocabulary in the Tatar language. Its scientific novelty is: to show the functional potential of the considered lexical-thematic group according to the data recorded in the Tatar language electronic corpuses.

The research was carried out based on the factual material from the Explanatory Dictionary of the Tatar Language (2005). As a result, we have proved that the presence of such a large number of religious lexemes indicates that sacral vocabulary plays an important role in the worldview of the people, and, consequently, in their way of life and language. The study has revealed that from the point of view of semantics, the majority of Tatar religionyms are borrowings from other languages (mainly Arabic). They changed their meaning to a certain extent influenced by the worldview and religious beliefs of the Tatar people.

Keywords: religious vocabulary, sacral vocabulary, religionym, semantics, theolinguoculture, etymology.

В статье раскрываются функционально-семантические особенности религионимов в татарском языке. В ходе исследования акцентируется внимание на влияние мусульманской религии и суфийского учения на формирование религиозного мировоззрения тюрко-татар, а также на эволюцию татарского языка в целом; устанавливается семантическая трансформация, освоение и функционирование религиозной лексики и специфика закрепления ее в языковом сознании татар.

Актуальность обусловлена необходимостью изучения сакральной лексики в функционально-семантическом аспекте. Цель исследования – изучение функциональных особенностей религиозной лексики татарского языка. Научная новизна заключается в раскрытии функционального потенциала рассматриваемой лексико-тематической группы словарного запаса языка по зафиксированным данным в электронных корпусах татарского языка.

Исследование проведено на основе фактического материала, извлеченного из Толкового словаря татарского языка (2005). В результате доказано, что наличие такого большого количества лексем религиозной тематики свидетельствует о том, что сакральная лексика играет немаловажную роль в мировоззрении народа и, следовательно, в его образе жизни и языке. Выявлено, что с точки зрения семантики большинство татарских религионимов являются заимствованиями из других языков (преимущественно, арабского), которые с учетом мировоззрения и религиозных представлений татарского народа несколько видоизменили свое значение.

Ключевые слова: религиозная лексика, сакральная лексика, религионим, семантика, теолингвокультура, этимология.

Лексический состав каждого языка состоит из большого количества различных единиц, в ходе анализа которых раскрывается «лингвокультурологический потенциал языка, специфика на-

ционального менталитета» [Саттарова, Нурмухаметова, с. 15], находится объяснение тем или иным историческим фактам и др. Соответственно, в современных условиях крайне важно про-

анализировать особенности употребления религиозной лексики в современном татарском языке. С течением времени трансформируется отношение социума к религии, что непосредственно отражается в активности использования и разнообразии сакральной лексики.

В настоящее время отмечается активное употребление религиозной лексики в повседневной коммуникации татар, многообразие и наличие синонимического ряда исследуемой лексики. Это обуславливается, в первую очередь, сильным влиянием исламской идеологии, которое отмечается и в настоящее время. Урбанизация и глобализация, которые активизировались с середины XX века, стали причиной постепенной утраты национальных ценностей в сфере различных религиозных традиций. Лишь благодаря возвращению к религиозным канонам в последние несколько лет отмечается повышение частоты употребления сакральной лексики в татарском языке.

В последние годы в данной области появились работы, в которых сакральная лексика исследуется в различных аспектах. В частности, в трудах М. Р. Саттаровой предметом изучения стала глагольная лексика, выражающая религиозные понятия в современном татарском литературном языке [Саттарова]. В отдельных исследованиях прослеживается роль мусульманской религии и исламского мистицизма в формировании религиозного мировоззрения татар [Юсупов]. Монография Р. Ф. Мирхаева и И. Г. Гумерова посвящена изучению религиозно-языковой картины мира татарского народа в диахронии [Мирхаев, Гумеров]. В статье А. А. Хайбуллиной, Р. Р. Замалетдинова, М. М. Хабутдиновой религиозная лексика в языке татарской художественной литературы изучается в рамках лингвокультурологической проблематики [Khaybullina, Zamaletdinov, Khabutdinova].

В соответствии с этим нами была проведена тематическая классификация лексики, связанной с мусульманской религией. Применительно к проблематике исследования результативно используется комплекс существующих базовых методов исследования: *описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, статистический метод, методы лингвокультурологического и семантического анализа, а также частичной и сплошной выборки* исследуемого материала.

При анализе лексических единиц были использованы различные типы словарей, позволяющие установить происхождение и верную интерпретацию лексем: «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» ('Толковый словарь татар-

ского языка') (далее – ТТАС) [ТТАС], «Татар теленең этимологик сүзлеге» ('Этимологический словарь татарского языка') [Әхмәтъянов], «Арабско-русский словарь» [Баранов], «Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге» ('Арабско-татарско-русский словарь заимствований') [Мәхмүтов, Хәмзин, Сәйфуллин].

Источниками исследования послужил большой круг литературных памятников и публицистического материала на татарском языке, зафиксированных в электронных корпусах татарского языка: Национальный корпус татарского языка «Туган тел» [НКТЯ] и Письменный корпус татарского языка [ПКТЯ].

Слова были отобраны посредством сплошной выборки из Толкового словаря татарского языка (2005). В нашей статье изучаются, в основном, лексические единицы каждой рассматриваемой лексико-тематической группы, отличающиеся высокой частотностью употребления в электронных корпусах татарского языка. В целом, выборка составила около 500 сакральных лексических единиц, часто используемых в повседневной речи татар.

В современном татарском языке наиболее часто используются религионимы, которые можно отнести к группе «Обращение к Богу». Проанализируем некоторые из лексем, относящихся к данной тематической группе.

В исламе Бог выступает в качестве сакрального персонифицированного Абсолюта, которому нет равных, первоначально наделенного такими атрибутами, как высший разум, сверхъестественное могущество, абсолютное совершенство и т. д. Соответственно, в татарском языке его сущность отражается через 99 лексем, которые одновременно образно отражают характерные ему качества [Мирхаев, Гумеров, с. 81].

В религиозно-языковой картине мира татар в качестве главной вербализационной единицы понятия «Бог», в основном, была закреплена лексема *Алла* и ее фонетические варианты *Аллаһ* / *Аллаһы* (от араб. *الله* «allahu» – бог, Аллах [Баранов, с. 41]), которая является в настоящее время наиболее часто употребляемой.

Проанализировав фактический материал, мы обнаружили, что в национальном корпусе татарского языка «Туган тел» лексема *Алла* зафиксирована в 7512 примерах, *Аллаһ* – в 3292 примерах, а *Аллаһы* встречается 5787 раз. Данные лексем в Письменном корпусе татарского языка зафиксированы 39429, 64904 и 21038 раз соответственно. Например: *Анысы инде Аллаһ кулында ... – 'Это уже в руках Аллаха...'* ('Это, как повелел Аллах') [НКТЯ] (здесь и далее перевод

наш. – А. Ю., И. И.); Алла саклады инде... – ‘Аллах сохранил...’ [ПКТЯ] и т. д.

Помимо этого, нередко употребляются слова *Тәңре* (тюрко-тат. «бог, тенгри» [Әхмәтъянов, т. 2, с. 245]) и *Хода / Ходай* (от персид. خدا «xoda» – бог, господь [Мәхмутов, Хәмзин, Сәйфуллин, с. 662]). В национальном корпусе татарского языка «Туган тел» лексема *Тәңре* зафиксирована 3292 раза, а в Письменном корпусе татарского языка – 6263 раза, что свидетельствует о невысокой частотности данной лексемы. Слова *Хода / Ходай* в национальном корпусе татарского языка «Туган тел» встречаются 434 и 7724 раз соответственно, а в Письменном корпусе татарского языка зафиксированы 5411 и 43408 раз соответственно.

Следует отметить, что ислам «оказывает решающее влияние и на формирование религиозной картины мира в средневековой татарской поэзии» [Юсупов, Юсупова, с. 220]. Вариативное функционирование данных лексем зафиксировано в произведениях поэтов-суфиев до XIX века включительно, где «для обозначения Всевышнего – Аллаха также часто употребляются персидский («Хода») и тюркский («Тәңре») варианты», <...> которые «имеют узкоспециальное значение и в языке поэзии XIX века трактуют доктрину единобожия» [Юсупов, с. 74–75], но «область их употребления ограничена религиозным (суфийским) дискурсом» [Там же, с. 73].

Несмотря на различную этимологию в генетическом аспекте (первый можно отнести к арабской теолингвокультуре, второй – к тюрко-татарской, третий – к персидской), в семантическом аспекте они по большей мере соответствуют друг-другу и в словарях указываются как синонимы [ТТАС, с. 35]: семантическое ядро их передает понятие «Бог, всевышний».

По данным корпусов в современном татарском языке для этих лексем характерны следующие словоупотребления:

- алла (тәңре, ходай) боерса – ‘если бог даст’;
- алла (тәңре, ходай) сакласын – ‘упаси (сохрани) бог’;
- алла хөкеме – ‘божий суд’;
- алла хакы өчен – ‘ради бога’;
- алла (тәңре, ходай) йорты – ‘божий дом’ (мечеть);
- аллага (тәңрегә, ходайга) ышанмаучы – ‘безбожник’;
- аллага (тәңрегә, ходайга) ышанучы – ‘набожный, благочестивый’;
- алладан (тәңредән, ходайдан) куркучы – ‘богобоязненный, благочестивый’;

- алла (тәңре, ходай) колы – ‘раб божий, набожный, богобоязненный’

- алла (тәңре, ходай) белер – ‘одному богу известно’;

- алла (тәңре, ходай) каргаган – ‘богом проклятый, отвратительный, никуда не годный’;

- алла (тәңре, ходай) каршына (хозурына, янына) бару – ‘предстать перед богом, явиться к богу, отправиться к богу, отдать богу душу’;

- алла (тәңре, ходай) кодрәте белән – ‘божьим промыслом, божьей волей’;

- алла (тәңре, ходай) ризалыгы өчен – ‘в угоду богу’ и т. д.

Второй по частотности группой сакральной лексики, употребляемой в современном татарском языке, представляются «Обращения к Пророку». В исламе пророк представляет собой посланника Аллаха, человека, который избран им для передачи священных откровений [Мирхаев, Гумеров, с. 83]. Именно данные качества определяют содержание лексем данной группы. В арабском языке для его названия употребляются лексемы *Рәсул* (от араб. رسول «rasulun» – 1) посланец; 2) посол, посланник; 3) предвестник; *Аллаһ رسول* – посланник Аллаха (Мухаммад) [Баранов, с. 296]) и *Нәби* (от араб. نبي «näbi’ün» – пророк [Там же, с. 779]). В дальнейшем семантика концепта «Пророк» расширялась за счет коннотации «основатель религии», выражаемой словом персидского происхождения *Пәйгамбәр* (от персид. پیغمبر «piğambär» – пророк; основатель какой-либо религии [Мәхмутов, Хәмзин, Сәйфуллин, с. 472]).

Использование данных лексических элементов специфично и для татарской теолингвокультуры, что подтверждается языковыми материалами. При этом важно также подчеркнуть следующий момент: в татарском языке семантика лексемы *пәйгамбәр* значительно шире, что определило ее употребление и в других сферах (в том числе в повседневной жизни). Для нее характерны следующие словоформы и словоупотребления:

- пәйгамбәрләрден калган – ‘идуший, продолжающийся издревле’;

- пәйгамбәрлек – ‘пророчество’;

- пәйгамбәрлек итү (кылу) – ‘пророчествовать’ и т. д.

Употребление же слов *рәсул* и *нәби* ограничено по большей мере религиозным дискурсом, что подтверждается фактическими материалами, зафиксированными в электронных корпусах татарского языка: в национальном корпусе татарского языка «Туган тел» лексема *рәсул* встречается 273 раза, *нәби* – 202, а *пәйгамбәр* – 665.

Данные лексемы в Письменном корпусе татарского языка зафиксированы 4976, 4679 и 21469 раз соответственно.

Нередко в современном татарском языке используется сакральная лексика, которая так или иначе связана с «обращениями к Ангелу». В исламе ангелы представляют собой разумных существ, которые сотворены из стихии света, наделены невероятной силой и способностью к изменению облика. Они безгрешны, поскольку, в отличие от людей и джиннов, не подвержены соблазнам и не имеют свободы воли и, следовательно, не будут судимы в Судный день. Ангелы призваны служить Аллаху, в чем непосредственно и заключается смысл их существования. В ходе исполнения Божьей воли они могут находиться как на небесах, так и на земле. У людей нет способности видеть ангелов, исключая те случаи, когда они приходили к пророкам и когда это было нужно [Мирхаев, Гумеров, с. 86].

В современном татарском языке лексемы данной группы вербализуются через слова *маләк* (от араб. ملك «mäläkun» – ангел [Баранов, с. 766]) и *фәрештә* (от персид. فرشته «färeshtä» – ангел [Мәхмутов, Хәмзин, Сәйфуллин, с. 636]). На сегодняшний день в татарской теолингвокультуре наиболее употребительной представляется лексема *фәрештә*, хотя в некоторых областях можно встретить и *маләк* [ТТАС, с. 376]. При этом важно подчеркнуть, что их семантика обогатилась за счет некоторых коннотаций, например:

- фәрештә (мәләк) елмаюы – ‘ангельская улыбка’;
- фәрештә (мәләк) кебек – ‘ангелоподобный’ и т. д.

По результатам поиска в корпусах татарского языка следует отметить, что слово *фәрештә* зафиксировано в базах данных 431 и 8296 раз соответственно, а лексема *маләк* – 17 и 278 раз соответственно, что демонстрирует активность первой.

Одной из важнейших категорий в исламе представляется предопределенность судьбы, в соответствии с которой всё во Вселенной, будь то хорошее или плохое, которое совершает человек или животное, имеет место в природе или в обществе, осуществляется по воле Аллаха. Однако это не значит, что Всевышний лишил человека свободы выбора между добром и злом: он дал ему разум, чтобы их различать. Верующий в предопределение человек понимающе относится к постигшим его неудачам, к беде, поскольку он знает, что существует смысл и знамение во всем этом. Понимая, что его возможности ограничены, человек не будет стремиться делать того, на что у него не хватает сил. Он с покорно-

стью примет свою судьбу и будет уповать на Всевышнего. И данная вера направляет человека во всем [Мирхаев, Гумеров, с. 89].

В арабском языке для выражения предопределенности чаще всего используется лексема *кадар* (от араб. قدر «qadarun» – судьба, рок; предопределение [Баранов, с. 624]), которая в татарском языке закрепилась в виде *тәкъдир* (от араб. تقدیر «täqdirun» – 1) исчисление, определение размера; 2) оценка; 3) предположение; подразумевание [Там же]).

В качестве ее синонима можно выделить также лексему тюрко-татарской этимологии *язмыш* (судьба), которая восходит к древнетюркскому глаголу «jazı» (старотат. «писать» [Әхмәтьянов, т. 2, с. 533]). Отсюда и его главное значение – «судьба человека, которая предначертана, написана до его рождения».

В современном татарском языке для них характерны следующие словоупотребления:

- язмыш ихтыяры белән – ‘волею судьбы’;
- язмыш кочагына ташлау – ‘бросить на произвол судьбы’;
- язмыш белән килешү – ‘примириться с судьбой’;
- язмыштан узмыш юк – ‘от судьбы не уйдешь’;
- тәкъдир тактасы – ‘книга судеб’
- тәкъдирдә язылган – ‘написано на роду; написано в книге судеб’ и т. д.

Семантика сакральной лексики данной группы раскрывается посредством лексемы *тәкъдир*.

По результатам поиска в корпусах татарского языка следует отметить, что лексема *тәкъдир* зафиксирована в базах данных 610 и 12625 раз соответственно, а лексема *язмыш* имеет более высокую частотность и встречается 7068 и 38410 раз соответственно.

Следующая группа сакральной лексики, активно употребляющаяся в татарском языке, – это слова, относящиеся к категории «Человек». В исламе человек представляет собой существо, которое сотворено и благословенно Аллахом, наделившим его душой, разумом, а также иными качествами [Мирхаев, Гумеров, с. 91]. В данном смысле он представляется рабом Аллаха.

В татарском языке наибольшее распространение получили лексемы арабского происхождения *адәм* (от араб. آدم «adäm» – Адам [Баранов, с. 29]) – от имени первого человека и пророка; *бәшәр* (от араб. بشر «bäšärün» – 1) человек; 2) род человеческий, люди [Там же, с. 72]) и *инсан* (от араб. إنسان «insanun» – человек [Там же, с. 47]). Помимо этого, в вышеприведенном значении их синонимами представляются слова *бәндә* (от персид. بنده «bändä» – 1) раб; 2) человек

[Мәхмутов, Хәмзин, Сәйфуллин, с. 41]) и кол – раб, невольник; раб божий (от древнетюркского «qul» «раб, невольник» [Әхмәтъянов, т. 1, с. 431–432]). Но при этом в татарской языковой картине мира в качестве универсальной единицы выражения концепта представляется лексема тюрко-татарского происхождения *кеше* – человек; лицо, личность; индивид; субъект (от древнетюркского *kiši* – человек, жена [Әхмәтъянов, т. 1, с. 409]). Использование других по большей мере ограничивается рамками религиозного дискурса.

Далее целесообразно проанализировать количество лексем, относящихся к каждой из вышеприведенных тематических групп, на основании сделанной нами выборки (500 лексем). Результаты проведенного исследования представлены ниже (Рисунок 1).

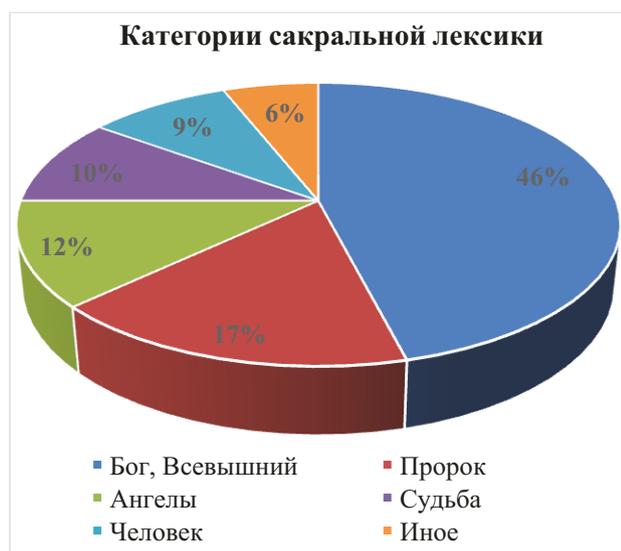

Рисунок 1. Анализ частоты употребления слов сакральной лексики разных категорий в современном татарском языке

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время в современном татарском языке используется большое количество сакральных лексем, которые употребляются в повседневной жизни народа. Анализ некоторых из них (выборка составила примерно 500 религионимов), позволил сделать вывод, что большинство общеупотребительных слов (46%) относятся к категории «Бог, Всевышний», что связано с традициями ислама. Также достаточно часто употребляются различные религионимы, которые можно отнести к группам «Пророк» (17%), «Ангелы» (12%), «Судьба» (10%), «Человек» (6%). Безусловно, выделенные категории не исчерпывают все часто употребляемые сакральные лексемы в современном татарском языке, однако, согласно послед-

ним исследованиям, наиболее часто используются в современной повседневной речи татар.

Список использованных сокращений
НКТЯ – Национальный корпус татарского языка «Туган тел»

ПКТЯ – Письменный корпус татарского языка

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге

Список литературы

Баранов Х. К. Арабско-русский словарь: около 42000 слов. Изд-е 7-е, стереотип. М.: Русский язык, 1989. 928 с.

Мирхаев Р. Ф., Гумеров И. Г. Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров. Казань: ИЯЛИ, 2017. 120 с.

Национальный корпус татарского языка «Туган тел». URL: <http://tugantel.tatar/search/> (дата обращения: 30.05.2021)

Письменный корпус татарского языка. URL: <http://www.corpus.tatar/> (дата обращения: 30.05.2021)

Саттарова М. Р. Глагольная лексика как средство выражения религиозных понятий в современном татарском литературном языке // Вестник ЧГПУ. 2014. № 8. С. 294–302.

Саттарова М. Р., Нурмухаметова Р. С. Обрядовая лексика как отражение духовной культуры татар (на примере лексики имянаречения) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 179–182.

Юсупов А. Ф. Суфийская лексика в языке поэтических произведений XIX века // Исламоведение. 2015. № 3. С. 71–77.

Юсупов А. Ф., Юсупова Н. М. Суфизм в средневековой татарской культуре: роль, особенности и модели мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5. С. 219–222.

Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. I том (А-Л), 543 б.; II том (М-Я), 567 б.

Мәхмутов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре): 2 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 854 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: «Матбугат йорты» нәшр., 2005. 848 б.

Khaybullina A. A., Zamaletdinov R. R., Khabutdinova M. M. Religious Vocabulary In Ayaz Gilyazov'S NOVEL Thinner Than Strings, Sharper Than Sword // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol.8, Is.11. Pp. 399–405.

References

Әхмәт'янов, R. G. (2015). *Tatar teleneң etimologik sızlege* [Etymological Dictionary of the Tatar Language]. Ike tomda. I tom (A-L). 543 p. Kazan, Mәgarif-Vakyt.; II tom (M-Ia). 567 p. Kazan, Mәgarif-Vakyt. (In Tatar)

Baranov, Kh. K. (1989). *Arabo-russkii slovar': okolo 42000 slov* [Arabic-Russian Dictionary: About 42,000 Entries]. 7-e izd., stereotip. 928 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Iusupov, A. F. (2015). *Sufiiskaia leksika v iazyke poeticheskikh proizvedenii XIX veka* [Sufi Vocabulary in the Language of 19th Century Poetry]. *Islamovedenie*. Vol. 3, pp. 71–77. (In Russian)

Iusupov, A. F., Iusupova, N. M. (2012). *Sufizm v srednevekovoi tatarskoi kul'ture: rol', osobennosti i modeli mira* [Sufism in Medieval Tatar Culture: Role, Features, and Models of the World]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 5, pp. 219 – 222. (In Russian)

Khaibullina, A. A., Zamaletdinov, R. R., Khabutdinova, M. M. (2018). *Religious Vocabulary in Aiaz Gilyazov's Novel "Thinner than Strings, Sharper than a Sword"*. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. Vol. 8 (11), pp. 399 – 405. (In English)

Məkhmutov, M. I., Khənzin, K. Z., Səifullin, G. Sh. (1993). *Garəpčə-tatarčə-rusčə alynmalar syzlege (tatar ədəbiyatında kullanylğan garəp həm farsy syzləre)* [Arabic-Tatar-Russian Dictionary of Borrowings (Arabisms and Farsisms in the Language of Tatar Literature)]. 2 t. 854 p. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)

Mirkhaev, R. F., Gumerov, I. G. (2017). *Tatarskaia religiozno-iazykovaia kartina mira: evolutsiia*

kul'turnykh i dukhovno-tsennostnykh orientirov [Tatar Religious and Linguistic Picture of the World: Evolution of Cultural and Spiritual Values]. 120 p. Kazan', IlALI. (In Russian)

Natsional'nyi korpus tatarskogo iazyka "Tugan tel" [National Corpus of the Tatar Language "Native Language"]. URL: <http://tugantel.tatar/search/> (accessed: 30.05.2021). (In Russian)

Pis'mennyi korpus tatarskogo iazyka [Tatar Written Corpus]. URL: <http://www.corpus.tatar/> (accessed: 30.05.2021). (In Russian)

Sattarova, M. R. *Gləgol'naia leksika kak sredstvo vyrazheniia religioznykh poniatii v sovremennom tatarskom literaturnom iazyke* (2014) [Verb Vocabulary as a Means of Expressing Religious Concepts in the Modern Tatar Literary Language]. *Vestnik ChGPU*. Vol. 8, pp. 294–302. (In Russian)

Sattarova, M. R., Nurmukhametova, R. S. (2020). *Obriadovaia leksika kak otrazhenie dukhovnoi kul'tury tatar (na primere leksiki imianarecheniia)* [Ceremonial Vocabulary as Reflection of the Tatar Spiritual Culture (Based on Naming Ceremony Vocabulary)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 16(6), pp. 179 – 182. (In Russian)

Tatar teleneŋ aŋlatmaly syzlege (2005) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. 848 p. Kazan, "Matbugat iorty" nəshr. (In Tatar)

The article was submitted on 03.06.2021
Поступила в редакцию 03.06.2021

Юсупов Айрат Фаикович,

кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Мухаметова Ильхамия Ильязовна,

аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ilhamiyai@mail.ru

Yusupov Ayrat Faikovich,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

Mukhametova Ilkhamiya Ilyazovna,

graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ilhamiyai@mail.ru

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-57-62

УДК 821.111 + 821.161.1

**«АНАТОМИЯ НИЩЕТЫ» ДЖОНА КЕНВОРТИ
И «ТАК ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ?» ЛЬВА ТОЛСТОГО**

© Галина Алексеева

**“THE ANATOMY OF MISERY” BY J. C. KENWORTHY
AND “WHAT SHOULD WE DO?” BY LEO TOLSTOY**

Galina Alekseeva

There are obvious parallels in “The Anatomy of Misery” by J. C. Kenworthy and in “What Should We Do?” by Leo Tolstoy. Both works are critical manifestations of the current state of economic and moral decay in their countries. When in America, Kenworthy became acquainted with Tolstoy’s treatises “My Religion” and “What Should We Do?” Both writers participated in the census in Moscow and in London, and witnessed the life of the poorest population in those cities. In their research works “What Should We Do?” and “The Anatomy of Misery”, Leo Tolstoy and John Kenworthy recognize certain correlations between economic, ethical and religious problems. Both writers hope that the people would critically reconsider their disastrous situation. In “The Anatomy of Misery”, John Kenworthy develops Leo Tolstoy’s idea about the value of production, money, and the earth resources. The writers’ speculations on civilization and progress have much in common. They touch upon such significant issues as labour and property, and express their confidence that property is the source of all current problems and evils. They believe that violence breeds violence, so the only solution of the problem is not a violent revolution or a reform but the people’s moral awakening. Leo Tolstoy’s programme of moral recovery, described in his article “Where is the Solution?” (1900), in many ways coincides with Kenworthy’s programme, described in “The Anatomy of Misery”, about the truth being a beacon of human’s behavior and faith. Like Tolstoy, Kenworthy is sure that economic principles must be guided by moral considerations. Following one of his Russian friends’ advice, Kenworthy sent his book to Leo Tolstoy, who in the year of 1900, wrote a preface to the second and third editions of the book. In Leo Tolstoy’s personal library at Yasnaya Polyana there are thirteen books by Kenworthy in English, some of them autographed by Kenworthy.

Keywords: Leo Tolstoy, J. C. Kenworthy, criticism, poverty, census, ethical and religious problems, economic questions, progress, reforms.

В «Анатомии нищеты» Д. К. Кенворти и в трактате Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?» просматриваются очевидные параллели. Оба произведения по своему характеру – обличительные манифесты, писатели выступают с критикой состояния современного им общества. Находясь в Америке, Кенворти познакомился с трактатами Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» и «Так что же нам делать?»; и Л. Н. Толстой, и Кенворти участвовали в переписи городского населения в Москве и в Лондоне и своими глазами увидели жизнь беднейших слоев этих городов. В своих сочинениях-исследованиях они увязывают экономические проблемы с нравственно-религиозными вопросами. Оба писателя питают надежду на критическое осознание народом своего бедственного положения. В «Анатомии нищеты» Кенворти развивает мысли Л. Н. Толстого о стоимости производства, о деньгах, о ресурсах земли. Размышления писателей о цивилизации, о сути прогресса также совпадают. Они касаются таких важнейших тем, как труд и собственность, проникаются уверенностью, что собственность является источником всех современных бед. Убежденные, что насилие порождает насилие, писатели верят, что выход из существующего положения состоит не в насильственной революции или реформах, а в нравственном пробуждении людей. Программа нравственного оздоровления общества, сформулированная Л. Н. Толстым в статье «Где выход?» (1900), во многом совпадает с программой Кенворти в «Анатомии нищеты», согласно которой человеку следует самому осознать истину, исповедовать ее и поступать сообразно с ней. Подобно Л. Н. Толстому, Кенворти уверен, что экономические принципы должны руководствоваться нравственными соображениями. Кенворти по совету одного из русских друзей отправил свою книгу Толстому, кото-

рый в 1900 году ко второму и третьему изданиям «Анатомии нищеты» написал предисловие. В личной библиотеке Л. Н. Толстого сохраняются тринадцать книг Кенворти на английском языке, на некоторых экземплярах – дарственные надписи автора.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Дж. Кенворти, критика, бедность, перепись населения, нравственно-религиозные проблемы, экономические вопросы, прогресс, реформы.

В 1894 году английский писатель, лектор, социалист христианского толка, экономист и предприниматель Джон Кенворти завершает цикл лекций по экономике и объединяет их в трактат под названием «Анатомия нищеты» («Anatomy of Misery»). В предисловии неожиданно для сочинения по экономике говорится (с цитатой из Евангелия от Матфея) о том, что для настоящих христиан, то есть для тех, кто живет по заповедям Христа, ничего из написанного здесь не станет головокружительным открытием [Конверти, с. 7–8].

Подобным образом сочинения на общественно-политические темы начинал только Л. Н. Толстой, и невозможно не вспомнить его трактат, настоящий обличительный манифест «Так что же нам делать?», написанный почти на десять лет раньше, который также открывается обращением к евангельским текстам. Не удивительно, что Л. Н. Толстой и стал для Д. К. Кенворти наряду с Джоном Рёскиным, Генри Джорджем, Ральфом Уолдо Эмерсоном вдохновителем «Анатомии нищеты», о чем он открыто пишет в предисловии ко второму изданию книги, когда размышляет об организованном насилии как фундаменте, на котором держатся любой социальный строй и экономические связи (это, в свою очередь, ведет к актуализации христианской доктрины непротивления злу насилием) [Конверти, с. 10]. Далее он утверждает, что «лишь в неполной мере выразил в книге ту позицию, которую вот уже 20 лет занимает в этом вопросе Лев Толстой»; признается в том, что книга его создана не без его неопенимой поддержки Толстого и Рёскина [Конверти, с. 10–11].

Еще до написания «Анатомии нищеты» Д. К. Кенворти был уже хорошо знаком с творчеством Л. Н. Толстого, в частности с его трактатами «В чем моя вера?» и «Так что же нам делать?», прочитанными в Америке, которые не могли не оказать вдохновляющего влияния на Кенворти, потому что он сразу понял, что нашел человека близкого по духу. За трактатами последовала «Крейцера соната», которая также потрясла Кенворти тонким и одновременно мощным диагнозом отношений мужчины и женщины. Вероятно, под влиянием идей Л. Н. Толстого, а также Генри Джорджа и Джона Рёскина Д. К. Кенворти покидает Америку, где у него была успешная карьера предпринимателя, возвращается в Лон-

дон и с головой погружается в английскую социалистическую утопию, увязывая ее с идеями Л. Н. Толстого, Джорджа, Морриса, Рёскина.

Подобно Л. Н. Толстому, который участвовал в переписи населения в Москве и изучал все ее беднейшие кварталы, Кенворти также исследовал жизнь беднейших слоев в рабочих кварталах ист-энда Лондона. Оба берутся за перо, из-под которого выходят страстные, обличительные трактаты. Оба приходят к аналогичным выводам. Л. Н. Толстой пишет о нестабильности общественно-политического строя, о революционных настроениях, которые беспрерывно нарастают, задается вопросами о первопричинах происходящего [Толстой, т. 25, с. 174]. Кенворти подчеркивает ту мысль, что «здорового общественного организма» еще нет, но он уже существует в воображении наиболее передовых людей своего времени, для них отнюдь не сложная задача понять всю значимость принципа равенства прав [Конверти, с. 10].

Как и Л. Н. Толстой, Кенворти в своей книге пытается увязать экономические вопросы с нравственно-религиозными. Его работа, как ему представляется, позволяет с очевидностью увидеть, что решения экономических проблем лежат в плоскости религиозного мировоззрения [Конверти, с. 11]. Кенворти понимает, что его сочинение может подвергнуться критике, и советует своему оппоненту, тому, который стал бы критиковать отдельные пункты-положения его книги, начать с основного евангельского принципа, а именно «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Конверти, с. 11].

Л. Н. Толстой в трактате «Так что же нам делать?» пытается объяснить своим потенциальным оппонентам, почему он пишет трактат на основе собственного опыта борьбы с нищетой: «Я хочу сделать добро другим, хочу сделать так, чтобы люди не были холодны и голодны, чтобы люди могли жить так, как это свойственно людям» [Толстой, т. 25, с. 243]. В сущности, Л. Н. Толстой в «Так что же нам делать?» показывает ту же анатомию нищеты Москвы, как и Кенворти – анатомию нищеты Лондона. Кенворти своим желанием помочь людям вторит Л. Н. Толстому. Он убежден: к пониманию и принятию истины можно прийти вполне самостоятельно, она не столь сложна, как кажется. Истина должна быть внедрена в практическую деятельность людей,

если общество действительно желает избавиться от бедности и невежества. Политическая власть, открыто и безбоязненно заявляет он, заинтересована держать людей в невежестве и суевериях. [Конверти, с. 23]. Как и Л. Н. Толстой, он надеется, что народ познает истину и реализует ее на практике. Подобно Л. Н. Толстому, он выстраивает две школы исследователей и экономистов: с одной стороны, Смита, Риккардо и Милля, а с другой – Роберта Оуэна, Джона Рёскина и Карла Маркса. По мнению Кенворти, первая группа ученых потерпела неудачу, представители же второй группы провозгласили главным вопросом экономики моральный. Надо здесь заметить, что Л. Н. Толстой, несмотря на увлечение идеями Роберта Оуэна, в своей последней статье «О социализме» не находит учение Оуэна и Маркса «наилучшей формой экономического устройства» [Толстой, т. 38, с. 426]. Но это уже в 1910 году, а мы возвращаемся в 1890-е гг., когда Кенворти пишет в своей книге о том, что их трудами была воскрешена давняя евангельская заповедь «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», что в их работах проповедуется христианская мысль, согласно которой каждый человек обязан заботиться о благе всех тех, с кем он имеет дело, с кем непосредственно взаимодействует, совершать в отношении других то, что он желает, чтобы другие делали ему [Конверти, с. 24–25]. Кенворти уверен, что над всеми экономическими вопросами довлеют этические, нравственные доминанты. Л. Н. Толстой параллельно Кенворти размышляет об устройстве человеческой жизни своего времени, о том, что она находится в разительном противоречии, ярко выраженном конфликте с объективной нравственной и физической природой человека. Л. Н. Толстой объясняет при этом, что все силы человеческого ума направлены на то, чтобы доказать, что существующая жизнь и есть жизнь настоящая [Толстой, т. 25, с. 386].

Как эхо утверждений Л. Н. Толстого о счастливой жизни рабочих, которые, став хозяевами жизни, будут пользоваться удобствами и благами цивилизации [Толстой, т. 34, с. 161], звучит социальное обличение Кенворти: «В то время, как рабочему недостает хлеба, в оранжереях выращивается виноград; в то время, как нагота молит о простых одеждах, фабрикуются прекрасные шелка и костюмы для развлечений» [Конверти, с. 34].

Сколько таких семантически и лексически близких цитат мы находим у Л. Н. Толстого в дневниках, записных книжках, письмах, статьях!

Л. Н. Толстой в трактате «Так что же нам делать?» заявляет, что, в соответствии с научными

представлениями, деньги – это товар со стоимостью своего производства, он необходим для работы платежной системы; между тем его основное назначение заключается не в том, чтобы быть звеном обменных отношений, а в том, чтобы подчинять волю одного человека воле другого [Толстой, т. 25, с. 267]. Кенворти по-своему развивает эту мысль Л. Н. Толстого. Он настаивает на том, что в жертву деньгам приносится жизнь – самое ценное, что есть у человека; наличие денег позволяет ему скупить землю, установить контроль над торговлей, завести иной капитал – словом, приобрести общественное богатство и, используя его, насаждать собственное миропонимание, лишенное гуманных основ. [Конверти, с. 82].

Л. Н. Толстой, предвидя разрушительную для человеческой души силу формирующегося капитализма, уверен, что порабощение одних людей другими происходит не только от денег, но также от свойств капитала [Толстой, т. 25, с. 247]. Кенворти, словно продолжая эту же мысль Л. Н. Толстого, полагает, что представители имущих классов захватили земли, капитал, торговлю и даже сферу образования. За право их использования они взимают с остальной части общества денежный сбор в виде ренты, процентов прибыли, а кроме того, гонораров и заработной платы квалифицированным работникам [Конверти, с. 74].

Размышления Л. Н. Толстого о цивилизации полны страхов за человеческую душу. Он предупреждает о том, что все явления цивилизации только тогда могут стать полезными для общества, когда они смогут приблизить человечество к Царству Божию [Толстой, т. 45, с. 88]. В этом суть отношения Толстого к прогрессу вообще. Кенворти по-своему интерпретирует суть прогрессивного развития, но совершенно очевидно, что делает он это в унисон с Л. Н. Толстым, когда пишет о частной прибыли и спекулятивном подходе к благам цивилизации [Конверти, с. 76].

Л. Н. Толстой и Кенворти затрагивают важнейшую тему современной жизни – тему труда. Л. Н. Толстой рассматривает ее в контексте проблем цивилизации, акцентируя свое внимание на эмоционально-психологическом отношении человека к труду: труд должен радовать человека, а не быть ему в тягость [Толстой, т. 25, с. 390]. Кенворти почти абсолютно созвучен Л. Н. Толстому: он считает, что каждому человеку надо создать наилучшие условия для трудовой деятельности, которые будут способствовать благополучию человека и полному развитию его талантов и способностей [Конверти, с. 88].

И по Толстому, и по Кенворти именно собственность во многом является причиной всех бед. Л. Н. Толстой был уверен в том, что собственность порождает насилие [Толстой, т. 25, с. 397]. Кенворти пытается понять смысл законов о собственности в западном мире: по его мнению, эти законы становятся причиной глубокого и устойчивого недовольства людей [Конверти, с. 91]. Рассуждая о том, как можно оздоровить общество при существующих законах о собственности, и Л. Н. Толстой, и Кенворти отвергают насильственную революцию, которая никогда не сможет уничтожить угнетения: «Насилие порождает насилие; удачливая толпа – не более, чем инструмент в руках военного диктатора. Робеспьер – пророк Наполеона» [Конверти, с. 92], – эти слова Кенворти, не могли не тронуть Л. Н. Толстого и еще более утвердиться в желании написать предисловие к его книге [Kenworthy].

На утверждение Кенворти о крупных городах, которые страданиями и деградацией уничтожают людей трудового народа в масштабах, не виданных ранее [Конверти, с. 93], Л. Н. Толстой ответил в «Рабстве нашего времени», что причинами является лишение рабочих естественных для них условий жизни, обращение их в фабричных невольников, пленников фабрично-заводской системы [Толстой, т. 34, с. 157]. Что же касается земельных, экономических реформ, оба писателя весьма скептически к ним относятся: одного не устраивают реформы П. А. Столыпина, который, по Толстому, разрушает крестьянскую общину и русский мир, создавая маленькую собственность, другой уверен, что в западном мире законы для контроля собственников не работают, пока собственность остается в частных руках [Конверти, с. 94].

Кенворти уверен, что подлинное изменение не может совершиться ни от революции, которая по своей исконной природе всегда носит насильственный характер, ни посредством легальных действий в политическом пространстве. По Кенворти, законы о собственности, которые подвергаются критике, коренятся в мыслях и привычках большинства людей, независимо от того, кто они по социальному статусу, то есть богатые или бедные, угнетающие или угнетаемые. Он надеется на моральное преобразование человека и считает, что только при изменении этих мыслей, привычек и взглядов наступят лучшие времена [Конверти, с. 95]. Таким образом, и Толстой, и Кенворти верят в нравственную реформу – нравственное самосовершенствование. Так, Конверти на вопрос «Так что же нам делать?» отвечает совершенно в духе Толстого: «улучшить самих себя», «соблюдать законы здоровья – воздержание,

чистоту и деятельность». Кроме того, должен быть соблюден принцип справедливости в экономике [Конверти, с. 95–96].

Л. Н. Толстой в статье «Где выход?» (1900) формулирует программу нравственного оздоровления общества, которая в своей основе перекликается с программой Кенворти. Выход из кризисного состояния общества Толстой видит не в разрушении насилия насильственным же способом, не в законной парламентской борьбе с правительствами, а в том, чтобы каждый человек сам для себя осознал истину, твердо придерживался ее и поступал в жизни сообразно с ней. [Толстой, т. 34, с. 215].

Кенворти завершает свою книгу с твердой верой в то, что экономические принципы должны руководствоваться нравственными постулатами. Он пишет о том, что мораль зависит от самого человека, нравственное состояние общества коррелирует с религиозными убеждениями людей, а эти убеждения должны привести к пониманию того, что все социально-экономические задачи найдут свое окончательное разрешение только в задачах религиозных, и никак иначе [Конверти, с. 96].

Один из русских друзей Кенворти посоветовал ему послать «Анатомию нищеты» Л. Н. Толстому, что он незамедлительно сделал. В личной библиотеке Л. Н. Толстого хранятся тринадцать книг Кенворти на английском языке, включая, разумеется, первое издание «Анатомии нищеты» (1893) с дарственной надписью: «Leo Tolstoi from J.C. Kenworthy With fraternal greeting Sept. 1893» [Библиотека Л. Н. Толстого]. В ответном письме на получение книги Л. Н. Толстой отметил, что «Анатомия нищеты» вызвала в нем огромный и неподдельный интерес, что он испытал радость общения с человеком, который в нем, Л. Н. Толстом, нашел родственную душу [Толстой, т. 67, с. 62]. В письме к Д. А. Хилкову от 14 мая 1894 года Л. Н. Толстой сообщает о том, что он в последнее время получает письма и книги из Англии, свидетельствующие о родственном христианском жизненном настроении. Содержание этих книг – проповедь христианства как учения, изменяющего жизнь людей и всего общественного и государственного строя в лучшую сторону. О Кенворти он говорит как об очень талантливом и внутренне цельном человеке, человеке без всяких компромиссов, сомнительных «делок» с совестью [Толстой, т. 67, с. 126–127]. В письме к Кенворти от 8 июля 1894 года Л. Н. Толстой отмечает самое главное, что его привлекает в его деятельности, а именно то, что он, Кенворти, не боится исповедовать «всю истину, без тех ограничений, посредством которых

ее делают бессильною» [Толстой, т. 67, с. 170]. Своими размышлениями Л. Н. Толстой делится и с М. В. Алёхиным. Он пишет о том, что в Европе в последнее время проявилось мощное христианское движение как проповедь изменения всего строя жизни. Он подчеркивает также, что работы Кенворти переводятся в России и будут распространяться [Толстой, т. 67, с. 197]. В это же примерно время Л. Н. Толстой писал М. А. Шмидт о том, что в Америке наблюдается «огромное движение христианское, практическое, которое короче всего определить стремлением ко всеобщему братству» [Толстой, т. 65, с. 144]. Американскую утопию в этом письме он называет «практическим» христианством, а английскую в письме к М. В. Алёхину – «жизненным». Примеры «практического христианства» для Толстого были чрезвычайно важны, и он их находил не только в России, но и в Северной Америке, и в Англии, и в континентальной Европе.

Л. Н. Толстой, отправляя список сочинений Кенворти Эугену Шмиту 27 марта 1895 года, замечает, что людей, сознающих и видящих возможность исполнения заповедей учения Христа, в последнее время становится все больше [Толстой, т. 68, с. 62].

Кенворти развивает в Англии большую деятельность по распространению религиозных взглядов Л. Н. Толстого: он создает собственное издательство (Brotherhood publishing company), в котором выходят сочинения Л. Н. Толстого в переводе на английский язык, он выпускает журнал «The New Order» (1895–1900)¹ и, наконец, организует первую в Англии Толстовскую колонию в Кройдоне, в связи с чем Л. Н. Толстой писал ему о том, что драгоценна не та община, которая образуется в Туле или Кройдоне из близких по своим воззрениям людей; по-настоящему драгоценна та «община людей всех времен и народов, которые сходятся в единой истине» [Толстой, т. 67, с. 169]. А 17–18 октября 1896 года он признавался Кенворти: «Я люблюсь вами и завидую вашему ручному труду. Это одно из первых условий хорошей жизни» [Толстой, т. 69, с. 174]. Создание Братского издательства, получающего право первого перевода всех «писаний» писателя, приветствовалось Л. Н. Толстым [Толстой, т. 69, с. 33]. Правда, через некоторое время под напором В. Г. Черткова, создавшего в Англии «Free Age Press» и находившегося в то время в кон-

фликте с Кенворти, Л. Н. Толстой почти отзовет это разрешение. Кенворти сделал критический обзор «Соединения и перевода четырех евангелий» Л. Н. Толстого, на что он живо откликнулся. В письме к Кенворти от 10 июня 1895 года, Л. Н. Толстой говорит о том, что эта его работа была самой радостной, она стала «поворотным пунктом» всей его жизни, легла в основу всего того, что он писал после [Толстой, т. 68, с. 117].

В 1900 году для второго и третьего английского издания «Анатомии нищеты» Л. Н. Толстой написал предисловие. В нем говорится, что труд английского писателя важен не только с точки зрения ответов на животрепещущие вопросы современности; кроме этих ответов, в нем содержится и нравственно-этическое руководство, которое служит целям добра и любви [Толстой, т. 34, с. 143]. Завершается предисловие словами: «Мы все желаем лучшего, чем существующий порядок жизни. Для того, чтобы наступил этот порядок, нам надо самим быть лучше. Это единственное средство, и другого нет. Вот эту-то простую, но всегда забываемую нами истину с полной ясностью и убедительностью доказывает эта книга» [Толстой, т. 34, с. 143].

Кенворти и в жизни, и в книге «Анатомия нищеты», в конце которой он помещает пронзительные духовные стихи, творит собственную утопию, на которую его во многом вдохновил Л. Н. Толстой. А Л. Н. Толстой, как ответственный и искренний человек, утопию Кенворти, несомненно, одобряет.

Итак, сравнительный анализ основных положений общественно-политического, религиозно-нравственного характера двух работ – «Анатомии нищеты» англичанина Джона Кенворти и трактата русского писателя Льва Толстого «Так что же нам делать?» – дает возможность выявить голоса двух мыслителей человечества, представителей второй половины XIX века, борцов за морально-нравственные устои общества. Очевидное сходство во взглядах двух писателей на многие социальные положения своего времени говорит о том, что оба они как великие знатоки человеческой души отрицают гностицизм как необходимость эволюционного развития человечества. Продолжая традиции эпохи Просвещения, оба верили не в спасительную силу цивилизации, а в силу совершенного человека, способного изменить общественное сознание: совершенствуя себя, человек совершенствует и то общество, в котором он живет.

Очевидные схождения в мыслях двух авторов говорят о том, что в их взглядах на проблемы времени доминирует общечеловеческое. Оно становится базовым понятием в формировании

¹ В личной библиотеке Л. Н. Толстого сохраняются пять номеров этого журнала, которые наполнены материалами о писателе и переводами его сочинений. На двух экземплярах журнала имеются многочисленные пометы Л. Н. Толстого.

творческого диалога, в осмыслении каждым из них человека как явления социально-нравственного порядка.

И, наконец, сравнительный анализ работ двух, казалось бы, далеких друг от друга авторов расширяет контекст толстоведения в его мировом значении. Обнаружение такого рода творческих контактов в деятельности Л. Н. Толстого еще раз нам говорит о том, что русский писатель был не одинок в выражении своих мыслей о роли человека в обществе. Он находился в переключке, созвучии с другими мыслителями, каждый из которых, думая о своем народе, в конечном счете размышлял о человеке вообще.

Список литературы

Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. Т. III: Книги на иностранных языках. Ч. I. Тула: Издательский Дом «Ясная Поляна», 1999. С. 565–566.

Кенворти Д. К. Анатомия нищеты: общедоступные лекции по экономике / пер. с англ. URL: http://leotolstoy.ucoz.ru/Vdohnoviteli/Kenvorti_D_K_Anatomia_Nischety.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М.; Л.: Художественная литература, 1928–1958.

Алексеева Галина Васильевна,
кандидат филологических наук,
научный руководитель,
Музей-усадьба Л. Н. Толстого
«Ясная Поляна»,
301214, Россия, Тульская область,
Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».
galalexeeva@mail.ru

Kenworthy J. C. *The Anatomy of Misery: Plain Lectures on Economics / With New Preface by the Author, an Introduction by count Leo Tolstoy and an Appendix of Correspondence on the present Political-Social Situation between Dr. Alfred Russel Wallace, F.R.S., and the Author.* London: John Kenworthy, 1900. 111 p.

References

Biblioteka L. N. Tolstigo v Iasnoi Poliane: bibliograficheskoe opisanie (1999) [L. N. Tolstoy's Library in Yasnaya Polyana: A Bibliographic Description]. Т. III: Knigi na inostrannykh iazykakh. Ch. I, pp. 565–566. Tula, izdatel'skii Dom "Iasnaia Poliana". (In Russian)

Kenvorti, D. K. *Anatomia nischety: obshchedostupnyye lektzii po ekonomike* [The Anatomy of Misery: Plain Lectures on Economics]. Per. s angl. URL: http://leotolstoy.ucoz.ru/Vdohnoviteli/Kenvorti_D_K_Anatomia_Nischety.pdf (accessed: 20.01.2021). (In Russian)

Kenworthy, J. C. (1900). *The Anatomy of Misery: Plain Lectures on Economics*. With a New Preface by the Author, an Introduction by Count Leo Tolstoy and an Appendix of Correspondence on the Present Political-Social Situation between Dr. Alfred Russel Wallace, F.R.S., and the Author. 111 p. London, John Kenworthy. (In English)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works: In 90 Volumes]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

The article was submitted on 28.03.2021

Поступила в редакцию 28.03.2021

Alekseeva Galina Vasilievna,
Ph.D. in Philology,
Research Director,
The Estate Museum of L. N. Tolstoy
“Yasnaya Polyana”,
Estate Museum of L. N. Tolstoy “Yasnaya Polyana”,
Tula Region, 301214, Russian Federation.
galalexeeva@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-63-67
УДК 821.161.1 + 821.531

О РАНИХ ПЕРЕВОДАХ Л. Н. ТОЛСТОГО В КОРЕЕ

© Гулистан Аманова

ON LEO TOLSTOY'S EARLY TRANSLATIONS IN KOREA

Gulistan Amanova

The article is devoted to the first translations of Leo Tolstoy's works into Korean. Significant historical events that contributed to the opening of the country to the outside world, the rapid spread of Christianity and the emergence of the enlightenment movement in Korea have given impetus to broad transformations in the country. Communication with foreign countries has opened up the world of Western, Russian and modern Japanese culture and literature to Koreans. Christian missionaries introduce Koreans to religious literature, promote active translation activities, and introduce them to Western values. Educators strive to overcome the backwardness of the country by introducing compatriots to the modern type of education, creating a new culture and forming a national intelligentsia.

Two powerful currents significantly affect the changes that have taken place in the spiritual life of Korean society. In this atmosphere, the first translations of foreign authors, including Leo Tolstoy, have appeared. Attention to his works is due not only to the tastes of the translators themselves, but also to the spiritual needs of Korean society.

Among translated authors, Leo Tolstoy is undeniably popular, he was the first Russian writer that a Korean reader met. The translations, made by Tolstoy's first translators, Choi Nam Son and Lee Gwang Soo, showed that they perceived him as their spiritual mentor, teacher and accepted his views as a guide to spiritual improvement, seeing his works from a didactic point of view.

Keywords: Leo Tolstoy, Christianity, enlightenment, translations, Korean literature, translation, Choi Nam Sung, Lee Gwang Soo.

Статья посвящена первым переводам произведений Л. Н. Толстого на корейский язык. Знаковые исторические события, способствовавшие открытию страны для внешнего мира, стремительное распространение христианства и возникновение просветительского движения в Корее дали толчок широким преобразованиям в стране. Общение с зарубежными странами открывает корейцам мир западной, русской и современной японской культуры, литературы. Христианские миссионеры, знакомя корейцев с религиозной литературой, способствуют активной переводческой деятельности, восприятию западных ценностей. Просветители стремятся преодолеть отсталость страны путем приобщения соотечественников к современному типу образования, созданию новой культуры, формированию национальной интеллигенции.

Два мощных потока существенно влияют на перемены, происходившие в духовной жизни корейского общества. В этой атмосфере и появляются первые переводы зарубежных авторов, в том числе и Л. Н. Толстого. Внимание к его произведениям было обусловлено не только вкусами самих переводчиков, но и духовными запросами корейского общества.

Среди переводных авторов Л. Н. Толстой пользуется неоспоримой популярностью. Он становится первым русским писателем, с которым познакомился корейский читатель. Переводы, сделанные первыми переводчиками Л. Н. Толстого Чхве Нам Соном и Ли Гван Су, показали, что они воспринимали его как духовного наставника, учителя и принимали его взгляды как руководство к духовному совершенствованию, рассматривали его произведения с дидактической точки зрения.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, христианство, просветительство, переводы, корейская литература, перевод, Чхве Нам Сон, Ли Гван Су.

Восприятие творчества Л. Н. Толстого в Корее имеет свои специфические черты, и связаны они прежде всего с политической, социальной и культурной ситуацией, сложившейся на рубеже XIX–XX столетий. Ослабление традиционных

связей с Китаем и открытие страны для взаимодействия с Японией, США, Англией, Францией послужили толчком для многих преобразований в стране. Затронули они и духовную жизнь корейского общества, открыв путь зарождавшему-

ся в стране христианству. Активизация деятельности американских протестантских миссионеров привела к увеличению церквей, воскресных школ, прихожан, представителей практически всех слоев корейского общества. В 1882 году корейцы уже читали Евангелие от Луки на родном языке, а через два года и Евангелие от Марка. С 1887 года в церквях и воскресных школах распевались христианские гимны *чхансонъга* 讚頌歌, представлявшие собой кодекс нравственных правил и поучений, через которые корейцы знакомились также и с культурой, музыкой Запада. Эту практику взяли на вооружение корейские просветители, деятельность которых в конце XIX века вылилась в мощное движение. Они также ввели в практику коллективное исполнение песен, которое оказалось эффективным инструментом для массового и организованного распространения идей, способных объединить коллектив духом единства и сплоченности. Некоторые просветительские песни *чханъга* 唱歌, исполнявшиеся под европейскую музыку, также содержали религиозные мотивы.

Приобщение к новой вере не ограничивалось только религиозной литературой и песнопением. Следующим шагом стала публикация отрывков романа «Путешествие пилигрима» Джона Беньяна (1628–1688) на страницах «Независимой газеты» в 1895 году. «Миссионеры, проповедовавшие христианство в его протестантском варианте, обычно переводили „Путь паломника“ на языки туземцев сразу же вслед за Библией, так как считали, что книга Дж. Беньяна лучше любой другой отвечает их целям, в образно-доходчивой форме излагая основы веры» [Беньян, с. 5].

Успешная деятельность христианских миссионеров и усилия корейских просветителей послужили импульсом для серьезных сдвигов в общественном сознании, переосмысления корейцами традиционных ценностей и патриархального уклада жизни. Но идеи обновления вызревали и в недрах старой Кореи. Так, сторонники «реформ года Кабо» (1894), провозгласившие отказ Кореи от вассальных отношений с Китаем, выступали за изменение традиционной конфуцианской системы, выстроенной по китайской модели. Особенно яро они выступали против жесткой социальной иерархии, где господствующее положение мужчины в обществе и в семье было незыблемым, культивировалось почтительное отношение младшего к старшему, самоуничижение младшего перед старшим и т. д. Реформаторы считали главными отмену сдачи государственных экзаменов для получения должности, легализацию повторного замужества вдов, отмену

ранних браков, разрешения на обучение студентов за границей и т. д.

Корейские реформаторы видели в просвещении народа средство преодоления отсталости страны, залог будущих преобразований во всех сферах жизни. Они поощряли стремление молодежи изучить опыт передовых стран, получить современное образование в открытых миссионерами учебных заведениях. Постепенно набирала популярность школа «Ихва хактан» (1886) и колледж «Чосон» (1905), ныне известные как университеты «Ихва» и «Ёнсе», наглядно показавшие корейцам прогрессивность нового типа образования. Практически вся новая корейская интеллигенция, включая лидеров просветительского движения, обучалась в христианских учебных заведениях. В таких школах вместо *ханмуна* (корейизированного китайского языка), традиционного языка чиновничества и литературы старой Кореи, они изучали иностранные языки, знание которых позволяло им поехать учиться за границу, в основном в Японию. Выпускники школ, как правило, отличались не только преданностью новой вере, но и становились активными ее проповедниками. На определенном этапе христианство в Корею воспринимается как современное вероучение, соответствующее духу и целям времени, развитию общества и личности.

Корейский исследователь Хон Чжи Хва в статье, посвященной Л. Н. Толстому, пишет следующее: «В 1895 году корейское правительство отправило в Японию на учебу первую группу студентов в количестве 182-х человек. Среди них – Че Нам Сон, Ли Гван Су, Ким Ок и другие. В годы учебы они находились под глубоким влиянием русских классиков, произведения которых имели широкое распространение в Японии тех лет. Они и стали первыми переводчиками и авторами статей о русской литературе» [Хон Чжи Хва, с. 124].

Япония раньше других дальневосточных стран открыла западную культуру и уже имела опыт перевода зарубежной литературы. Корейская молодежь познакомилась с «Капитанской дочкой» (1883) А. С. Пушкина, произведениями «Свидание» и «Три встречи» (1888) И. С. Тургенева, «Семейное счастье» (1894) и «Крейцера соната» (1895) Л. Н. Толстого. Известный литературовед Л. Е. Черкасский считает, что в ранний период знакомства с Л. Н. Толстым в Корею был сделан «перевод-пересказ отдельных частей „Войны и мира“ (1886)» [Черкасский, с. 6]. К этому перечню исследователь Толстого А. И. Шифман добавляет такие произведения Л. Н. Толстого, как «Казаки», «Поликушки», «Люцерна», «Севастополь в декабре» (издано

под названием «Первое сражение»), «Два старика» [Шифман, с. 366].

По мере увеличения переводов произведений русского писателя, особенно глав из «Войны и мира» и «Воскресения», происходит открытие Толстого-мыслителя. Философско-религиозные взгляды русского писателя производят большое впечатление на корейцев, которые видят в нем учителя, указывающего путь к духовному прозрению, раскрывающему смысл бытия и познания Бога. В Корее появляется обширная публицистическая и биографическая литература, раскрывающая суть мировоззрения, художественно-творчества и личности писателя.

Взгляды Л. Н. Толстого произвели глубокое впечатление на две символические фигуры корейской литературы, родоначальников новой поэзии и современной прозы – Чхве Нам Сона и Ли Гван Су. После знакомства с учением и произведениями русского писателя у них появляется новое представление о литературе, о миссии художника слова, способного изменить мир и совершенствовать человека.

Ли Гван Су писал: «Писатель подобен священнослужителю, который ведет за собой, как минимум, один народ, а как максимум – все человечество. Он, взойдя на кафедру, раскрыв Библию и взмахнув кистью над приготовленным для рукописи листом, исполняет перед соотечественниками свой священный долг» [Хон Чжи Хва, с. 134].

О сходных взглядах Чхве Нам Сона кореевед В. И. Иванова писала: «Как и многие представители новой корейской интеллигенции, обучавшейся в Японии, Чхве Нам Сон видел путь к духовному совершенству в христианстве и в связи с этим с особым чувством воспринимал „искания бога“ Л. Толстым» [Иванова, с. 206].

Надо отметить, что в корейской прессе уже были публикации о Л. Н. Толстом. Хон Чжи Хва отмечал, что появившаяся в журнале «Утреннее солнце» («Чоянбо») в августе и сентябре 1906 года статья неизвестного автора «Отношение графа Толстого к парламенту в России» и заметка «Случайные впечатления» дали первые систематические сведения о русском писателе.

Впервые о русском писателе Чхве Нам Сон написал в статье «Великий учитель нашего времени Толстой и его учение», опубликованной в его журнале «Юность» («Сонён») в 1909 году. В ней он попытался популярно изложить идейную и нравственную концепцию Л. Н. Толстого, подчеркнуть глобальный масштаб личности писателя. О содержании этой статьи Хон Чжи Хва пишет так: «Она вышла в рубрике „Дыхание новой молодежи“. В статье говорилось о значении тру-

да для истинной жизни человека, о том, что для Толстого труд был Евангелием, основой жизни. Анализируя „Исповедь“, Че Нам Сон видит корни толстовского взгляда на жизнь в „христианской филантропии“, связанной с идеей всеобщей любви. „Толстой – великий мудрый и духовный наставник, которому нет равных в мире после XIX века“, – говорит Че Нам Сон» [Хон Чжи Хва, с. 126].

Чхве Нам Сон представил Л. Н. Толстого и как автора выдающихся романов «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение».

В этом же номере журнала «Юность» («Сонён») Чхве Нам Сон публикует переводы рассказов Л. Н. Толстого со следующим предисловием: «Хотя Толстой жил в своей стране, его идеи и художественные открытия принадлежат всему человечеству. Не случайно произведения Учителя переведены на все языки мира. Но, к стыду нашему, не было на корейском языке ни одного произведения Толстого» [Там же, с. 127].

В «Большом словаре корейской литературы», изданном в Сеуле в 1973 году, приводится перечень литературных журналов, выходивших в Корее в первой половине XX века. В нем содержится и перечень статей и произведений, опубликованных в журнале «Юность» («Сонён»). В списке зарубежных авторов Л. Н. Толстой – первый русский писатель, переведенный на корейский язык. Согласно приведенному факсимиле содержания, в июле 1909 года в «Юности» («Сонён») был опубликован рассказ Л. Н. Толстого под названием «Повесть о победе любви» 사랑의 勝戰 через месяц появился рассказ под названием «Три поколения» 細系三代, а в ноябре – «Взрослые и дети» 어른과 아해 [Большой словарь корейской литературы, с. 1067]. В декабрьский номер журнала вошли переводы произведений Л. Н. Толстого под названиями «Рассказ» 단편, «Твой сосед» 너의 이웃 и «Чайный домик» 茶館 [Там же, с. 1068].

Они представляли собой перевод-пересказ или сокращенный вариант произведения, который достаточно отдаленно напоминал оригинал. Подлинные названия этих произведений неизвестны. В. И. Иванова отмечала: «Нормы переводческого искусства того времени допускали вольный перевод-переложение (понан), который выходил в свет как произведение нового автора. Перед литератором не ставилась задача дать адекватный перевод подлинника, сохранить художественные особенности оригинала. Он создавал на его основе новое произведение, приспособленное для корейского читателя, человека иного

мироощущения и эстетического опыта» [Иванова, с. 205].

В содержании журнала имя переводчика не упоминается. Корейские исследователи уверены, что переводчиком был Чхве Нам Сон, а произведения, вероятно, были переложениями с китайского из сборника «Религиозных рассказов» Л. Н. Толстого. Хронологически сборник Толстого появился на китайском после «Капитанской дочки» (1903) А. С. Пушкина, произведений «Черный монах» (1907) и «Дуэль» А. П. Чехова, «Каин и Артем» (1907) А. М. Горького. Он был издан христианским обществом «Лисяньхуэй» в 1907 году в Гонконге. В статье «Толстой и Китай» Е Шуйфу уточнял, что «„Религиозные рассказы“ были переведены немецким священником-миссионером И. Генер (китайское имя Е Даошэн) и китайцем Май Мэйшэн» [Е Шуйфу, с. 105]. В него вошли 12 произведений Льва Николаевича: «Хозяин и работник», «Много ли человеку земли нужно», «Как чертенок краюшку выкупал», «Где любовь, там и бог», «Свеча», «Два старика», «Упустишь огонь – не потушишь», «Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Зерно с куриное яйцо», а также рассказы «Три старца», «Крестник» и комедия «Плоды просвещения» [Там же].

Переводы рассказов Л. Н. Толстого показывают, что Чхве Нам Сон отбирал произведения, руководствуясь традиционным представлением о приоритете дидактического и нравоучительного содержания над развлекательным. Но тот факт, что они были заимствованы из китайского сборника, говорит о том, что, скорее всего, они были восприняты как произведения религиозного характера.

Следующим открытием для широкого корейского читателя стал роман «Воскресение», где Чхве Нам Сона глубоко тронули сила свободной личности, бескорыстной любви и самопожертвования. Он высоко оценил этот роман, сравнив его с «„Фаустом“ Гёте, с пьесами Шекспира, с „Божественной комедией“ Данте» [Хон Чжи Хва, с. 132]. В Корее он стал известен достаточно поздно. На японский язык роман был переведен в 1905–1910 годах, а на китайский в 1913 году. Его отрывки появились на страницах корейской периодики в 1914 году, а сам роман на корейском вышел в свет в 1918 году под названием «Дикая роза. Печальная история Катюши». Он стал самым популярным романом в Корее, выдержал несколько изданий.

Позднее корейцы познакомились и с пьесой «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, переведенной Ли Гван Су в 1923 году. Начиная с 1911 года он на протяжении трех лет работал в читинской редак-

ции «Вестника корейского православия» («Тэхан-ин чхонгё-бо»), где близко познакомился с русским православием. О своем пути к новой вере Ли Гван Су писал так: «Я принял учение Христа. О своем христианском мировоззрении Л. Н. Толстой пишет в трактате „Царство Божие внутри вас“. У меня было немало вопросов по отношению к христианству, но, прочитав „Мое православие“ („В чем моя вера?“), я прояснил многое для себя. Я преклоняюсь перед Толстым <...> с увлечением читаю его художественные и философские сочинения» [Там же, с. 134].

После выхода романа «Воскресение» интерес к Л. Н. Толстому и христианству в Корее усиливается. В статье «Восприятие творчества Л. Толстого в корейской литературе» Хон Чжи Хва подробно перечисляет переводы произведений Л. Н. Толстого и статьи, посвященные творчеству и воззрениям писателя, начиная с первых публикаций и на протяжении нескольких десятилетий XX века. Но среди них мы не обнаружили рассказ Л. Н. Толстого «Долгий путь в ссылку» 장구한 귀양, опубликованный в третьем номере журнала «Золотая звезда» 金星 за 1924 год в переводе Ли Чан Хи 이장희 [Большой словарь..., с. 1083] и «Вечная погоня за освобождением (произведение Толстого)» 永遠한 追放 (톨스토이작) опубликованный в пятом номере журнала «Рождение» 生長 за 1925 год в переводе Пэк О Тона 碧梧桐 [Там же, с. 1088], статью Л. Н. Толстого «Падение современного искусства» 現代藝術의 墜落論文 金石松, опубликованную в первом номере журнала «Рождение» за 1925 год в переводе Ким Сок Сона [Там же, с. 1087].

Таким образом, знакомство с русской классической литературой корейский читатель начал с произведений Л. Н. Толстого, в которых открывал религиозно-нравственные постулаты христианства. Популяризации христианства в Корее служили не только религиозные гимны, просветительские песни, отрывки из художественной литературы клерикального содержания, но и переводы рассказов, романа и пьесы Льва Николаевича, а также статьи, посвященные его взглядам и творчеству.

Под влиянием переводной литературы, в том числе сочинений Л. Н. Толстого, традиционный взгляд на литературу как на нравоучительное и развлекательное чтиво меняется, главным в произведении становится духовное содержание, пронизанное христианской идеологией и моралью. Художественные произведения Л. Н. Толстого воспринимаются как религиозное откровение, а некоторые молодые литераторы, вооду-

шевленные его примером, воспринимают писательский труд как религиозное служение.

В переводах того времени не было строгой передачи смысла, поэтому вольное переложение было привычным явлением. Стремление донести до читателя основы новой веры приводило порой к кореизированию содержания, быта, имен персонажей произведений. Религиозным праздникам, обрядам и церковным предметам придавалось большее значение, что порой требовало от переводчика дополнительных усилий по поиску в национальной культуре сходных явлений и представлений для передачи реалий русской жизни и быта, определенной комментаторской работы.

Список литературы

Беньян Д. Путь паломника. М.: Грантъ, 2001. 368 с.

Большой словарь корейской литературы. Сеул: Мунвонгак, 1973. 2000 с. 韓國文學大辭典. 서울: 文元閣. 1973. (на корейском яз.).

Е Шуйфу. Толстой и Китай // Лев Толстой и литературы Востока. М.: Наследие, 2000. С. 105–123.

Иванова В. И. Л. Н. Толстой в Корее («Власть тьмы» на корейском языке) // Русская классика в странах Востока: сборник статей. М.: Наука, 1982. С. 204–224.

Хон Чжи Хва. Восприятие творчества Л. Толстого в корейской литературе // Лев Толстой и литературы Востока. М.: Наследие, 2000. С. 124–137.

Черкасский Л. Е. Русская литература на Востоке. Теория и практика перевода. М.: Наука, 1987. 184 с.

Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 480 с.

References

Ben'ian, D. (2001). *Put' palomnika* [The Pilgrim's Way]. 368 p. Moscow, Grant. (Russian)

Bol'shoi slovar' koreiskoi literatury (1973) [Large Dictionary of Korean Literature]. 2000 p. Seoul, Munvongak. (Korean)

Cherkasskii, L. E. (1987). *Russkaia literatura na Vostoke. Teoriia i praktika perevoda* [Russian Literature in the East. Theory and Practice of Translation]. 184 p. Moscow, Nauka. (Russian)

E Shujfu. (2000). *Tolstoi i Kitai* [Tolstoy and China]. *Lev Tolstoi i literatury Vostoka*. Pp. 105–123. Moscow. Nasledie. (Russian)

Ivanova, V. I. (1982). *L. N. Tolstoi v Koree ("Vlast' t'my" na koreiskom iazyke)* [Leo Tolstoy in Korea ("The Power of Darkness" in Korean)]. *Russkaia klassika v stranakh Vostoka: sbornik statei*. Pp. 204–224. Moscow, Nauka. (Russian)

Khon Chzhi Khva. (2000). *Vospriiatie tvorchestva L. Tolstogo v koreiskoi literatury* [Perception of L. Tolstoy's Works in Korean Literature]. *Lev Tolstoi i literatury Vostoka*. Pp. 124–137. Moscow, Nasledie. (Russian)

Shifman, A. I. (1960). *Lev Tolstoi i Vostok* [Lev Tolstoy and the East]. 480 p. Moscow, izd-vo vostochnoi literatury. (Russian)

The article was submitted on 15.04.2021
Поступила в редакцию 15.04.2021

Аманова Гулистан Абдиразаковна,
доктор филологических наук,
преподаватель,
курсы иностранных языков «Lingvocentre»,
127572, Россия, Москва,
Угличская, 12.
mangul9797@mail.ru

Amanova Gulistan Abdirazakovna,
Doctor of Philology,
Chinese language teacher,
“Lingvocentre” foreign language courses,
12 Uglichskaya Str.,
Moscow, 127572, Russian Federation.
mangul9797@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-68-75
УДК 821.161.1.09"19"

ОБРАЗ ЭПИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

© Валерия Андреева

THE IMAGE OF THE EPIC HEROINE IN THE NOVEL "RESURRECTION" BY LEO TOLSTOY

Valeria Andreeva

For the first time in literary criticism, the article examines the image of Marya Pavlovna Shchetinina – the epic heroine of Leo Tolstoy's novel "Resurrection", representing the ideal female type, which had not previously been found in the writer's work. We assess various sources of certain Shchetinina's features: hagiographic motives, images of revolutionaries, etc. By comparing the final text and the drafts, we analyze how Leo Tolstoy selected certain qualities that Marya Pavlovna was endowed with and how the writer worked on the creation of a consistent character of a kind, sincere and self-sacrificing heroine, whose whole life is aimed at transforming the world around and helping others. The article compares two pairs of characters: Nekhlyudov and Katyusha, and Marya Pavlovna and Simonson, analyzes the artistic connections that make it possible to assess their merits and demerits. The character of Marya Pavlovna is interpreted as an epic one – the heroine is fighting not for herself, but for a common cause, she is an example of a warrior maiden endowed with considerable physical and moral strength, fighting for the happiness of other people, for the Russian people.

Keywords: Leo Tolstoy, novel, epic novel, epic, epic hero, system of characters, motives of life, evolution of the character.

В статье впервые в литературоведении подробно рассматривается образ Марьи Павловны Щетининой – эпической героини романа Л. Н. Толстого «Воскресение», представляющей идеальный женский тип, которого до этого не было в творчестве писателя. Оцениваются различные источники появления определенных черт Щетининой: житейные мотивы, образы революционеров и пр. На основе сравнения окончательного текста и черновики осмысливается процесс отбора Л. Н. Толстым определенных качеств, которыми он наделил Марью Павловну, оценивается работа писателя над созданием непротиворечивой фигуры доброй, искренней и жертвующей собой героини, вся жизнь которой направлена на преобразование мира вокруг и помощь ближним. Автор статьи сопоставляются две пары героев: Нехлюдов и Катюша и Марья Павловна и Симонсон, анализируются художественные сцепления, позволяющие оценить достоинства и недостатки персонажей. Фигура Марьи Павловны осмысливается как эпическая – героиня борется не за себя, а за общее дело, является примером девы-воина, наделенной значительной физической и нравственной силой, сражающейся за счастье других людей, за русский народ.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман, эпический роман, эпопея, эпический герой, система персонажей, мотивы жития, эволюция героя.

Роман Л. Н. Толстого «Воскресение», символично вышедший в последний год XIX века, поражает читателя широтой и эпическим размахом: автору удалось удивительно совместить в одном произведении изображение кризиса русской жизни, бедственного положения народа, находящегося на грани выживания, иллюстрацию множества человеческих заблуждений и эгоистических проявлений, а также пример духовного роста героя, его освобождения от предрассуд-

ков и стереотипных оценок, навязанных светским обществом.

Одними из важнейших в романе являются вопросы изменения человека в результате общения с другими людьми и проблема выхода личности из замкнутого круга в большой мир. Не случайно писатель делает особый акцент на полярном осмыслении Дмитрием Нехлюдовым понятия «grand monde» («большой свет»): постепенно приближаясь к осмыслению народной жизни, Нехлюдов понимает, что «большой свет»

– это не мир высшего круга общества, где все измеряется достатком, роскошью, связями, а мир трудовых людей, осознающих истинные ценности добра, взаимопомощи и любви. Внимательный читатель романа «Воскресение», проходящий сложный путь вместе с его главными героями, улавливает, что ни одна встреча не оставляет персонажей неизменными – в роман входит мотив ответственности человека не только за все свои действия, но и за его влияние на других, оказанное и не оказанное. Можно сказать, что героический характер отдельных действующих лиц романа «Воскресение» противоречит толстовской теории неделания и непротивления злу.

Ранее нами уже было отмечено, что при всем относительно спокойном течении жизни в «Воскресении» предстает образ страны на грани бытия и небытия [Андреева, с. 239]. Толстой пронизательно ощущал постепенно нараставший кризис русской государственности, который привел далее и к революции. По мнению писателя, в указанной ситуации единственно правильной была дорога интеллигенции к народу, осмысление его забитости, необразованности, бесправности. Писатель ратовал за построение новой жизни на основе помощи окружающим и осознания высшей ценностью человека, его души и живого мира, земли, которые перестали мыслиться людьми как объекты для труда и охранения, а стали восприниматься исключительно как ресурсы.

Князь Дмитрий Нехлюдов в романе все более и более освобождается от эгоизма, он оказывается в центре народных страданий и бедствий, которые наблюдает не только в своих деревнях (Нехлюдов совершает поездку в два собственных имения, где он долгое время не был), но и в острогах. Примечательно знаковое сопоставление: адвокат, к которому обращается Нехлюдов, сравнивает его с воронкой, через которую выливаются многочисленные жалобы острога. Адвокат говорит, что этих жалоб слишком много, чтобы их мог вынести и осилить один человек [Толстой, т. 32, с. 237]. Толстой демонстрирует читателю поразительное изменение своего героя: от предельного эгоизма, о котором мы не раз слышим в художественном мире романа, Нехлюдов силой самой жизни вовлекается в атмосферу сострадания, помощи нуждающимся. Более того, он становится народным заступником. Интересно, что Дмитрию Нехлюдову Толстой «отдает» некоторые собственные ощущения и переживания. Так, в письме к М. А. Новосёлову от 3 августа 1893 года Толстой делился со своим молодым корреспондентом наблюдением противоположного порядка жизни, который позднее он

изобразил в романе «Воскресение»: «И такое странное отношение: просить мучителей поменьше мучить. Чувствуешь, что если можешь просить, и просьба принимается, то сам стоишь на одной доске с ними, и стыдно» [Толстой, т. 66, с. 381].

Как и во всех предыдущих романах писателя, в «Воскресении» сложно соединено общее и личное: для любимых героев Толстого не может быть общего счастья и народного единения без ощущения полноты жизни каждой отдельной личностью. Как и Нехлюдов, движущийся от «я» к народному миру, Катюша совершает восхождение от рассуждений о личной выгоде к осмыслению жизни всего простого трудового мира, к которому она начинает себя причислять: «Я думаю, обижен простой народ» [Толстой, т. 32, с. 399].

Особенностью художественных миров эпических романов Толстого становится факт гармоничного совмещения общего и частного: для всех героев Толстого первостепенно человеческое счастье, но не замкнутое, а выводящее к миру. В финале романа «Воскресение» Нехлюдов посещает дом сибирского генерала, благополучная атмосфера которого воспринимается им по контрасту с недавно виденными тюрьмами. И вот Нехлюдов, посмотрев на дочь генерала и ее детей, заявляет: «Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни» [Там же, с. 431]. Среди литературоведов существует мнение, что эта фраза демонстрирует слабость героя, его возвращение к барским привычкам, уклонение от пути самосовершенствования, на который он встал. Однако это не так: у Толстого движение к миру невозможно без личного счастья, без осознания полноты и целостности своей жизни. Б. И. Берман справедливо называет стремление к счастью непосредственным мотивом творчества Толстого, «движущим принципом космоса Толстого», «главным побуждением героев Толстого» [Берман, с. 38].

Однако в романе есть герои, которых можно, по сути дела, назвать именно эпическими. Это Марья Павловна Щетинина и Владимир Иванович Симонсон – персонажи необыкновенные, забывающие о личном счастье и отдающие свою жизнь на благо ближних. Причем Толстой максимально расширяет этот круг ближних: Марья Павловна и Симонсон не просто политические заключенные, готовые поддерживать кого-то из своих, но в первую очередь благородные люди, намеренные оказывать помощь всем тем, кто в ней нуждается. Этим героям эпического романа присущи в некоторой степени черты персонажей эпопей. Так, В. Лукач отметил: «Строго говоря,

герой эпопеи никогда не бывает индивидом. С давних пор главным признаком эпоса считалось, что предметом его является не личная судьба, а судьба некоего сообщества. И это понятно, потому что завершенность и замкнутость системы ценностей, определяющие эпический космос, образуют слишком органичное, цельное единство, чтобы какая-то его часть, обособившись, могла почувствовать себя внутренне самобытной личностью» [Лукач].

Марья Павловна и Симонсон значительно отличаются от всех остальных персонажей романа, в том числе от политических заключенных. Ведущий в «Воскресении» принцип контраста проявляется тут достаточно ярко. Но при этом указанные герои становятся своеобразными «двойниками» Катюши и Нехлюдова, причем в романе выстраиваются сразу парные соответствия.

А. Г. Гродецкая справедливо отметила, что нравственный максимализм сближает Толстого с традицией житийной литературы. И на примере образа Марьи Павловны это особенно хорошо заметно. «Разбойник и блудница, житийная и евангельская пара, появляясь в „Воскресении“, составив не менее очевидную, чем в „Преступлении и наказании“ Достоевского, символическую проекцию изображенной в романе ситуации», – отмечает А. Г. Гродецкая [Гродецкая, 1993, с. 439]. Толстой показывает контрасты между героями и одновременно высокую нравственную сущность Марьи Павловны, уже просто своим присутствием благотворно воздействующую на Катюшу.

Щетинину и Маслову сближает отвращение к половой любви, и тут Толстой демонстрирует читателю полюса: для Щетининой плотское отвратительно, поскольку делает человека рабом своих инстинктов, унижает его достоинство, Маслова же извела всю тяжесть половой любви, не связанной с сердечной привязанностью. Симонсона и Катюшу сближает отношение друг к другу как к особым людям: Маслова женским чувством догадывается о том, что Симонсон в нее влюблен, считает ее особенной, и это чувство заставляет Катюшу расти и стараться быть лучше.

Не случаен в художественном мире романа тот факт, что решающее влияние на преобразование Масловой оказывают (после Нехлюдова) Марья Павловна и Симонсон, и «отдает» Толстой Катюшу именно Симонсону, который в некоторой степени похож на Нехлюдова. Еще прежде того, как Нехлюдов открывает для себя неизвестный и прекрасный большой мир, Симонсон не только по-своему признает, но оберегает этот живой мир. Толстой подробно описывает

религиозное учение, которого придерживается герой: согласно его вере, в мире нет ничего мертвого, но все живое, а большинство предметов, которые люди считают неорганическими, на самом деле только кажутся нам таковыми, в реальности являясь частями огромного живого организма.

А про Марью Павловну Толстой прямо говорит как про человека, отдающего всего себя другим людям, ни минуты не размышляющего о своей персоне [Толстой, т. 32, с. 368]. Налицо в романе мотив разрыва героев с прошлым: Симонсон, Марья Павловна, как и Нехлюдов, порывают со своей средой, только Нехлюдов это делает на глазах читателя, уже в зрелом возрасте, а Марья Павловна и Симонсон в юности. Причем для Нехлюдова разрыв с высшим светом происходит на фоне исправления ошибки, да и разрыв этот отчасти условен. В молодости Нехлюдову не хватает силы и решимости для того, чтобы отстаивать свою правду. Не такими героями оказываются Щетинина и Симонсон – они значительно опережают окружающих людей, они отличаются именно степенью героичности, проявляющейся в построении своего пути, в умении противостоять обману. Не случайно Толстой подробно рассказывает читателям историю Симонсона: еще в годы учебы в гимназии мальчик решает, что имущество, нажитое его отцом-чиновником, было приобретено нечестно. Для молодого героя не страшно одиночество, гораздо серьезнее в его понимании выглядит ложь, порождающая вереницу подлостей. Молодой человек заявляет отцу, что их состояние необходимо отдать народу. Разумеется, итогом становится разрыв с семьей [Там же, с. 369].

Эпический образ Марьи Павловны представляет особый интерес: именно эта невинная девушка, красивая и статная, умная и образованная, знатного происхождения, но державшая себя как простая работница, более того, обладающая для женщины недюжинной физической силой, в черновиках к роману открывала ту удивительную евангельскую истину, которую забыли люди и к которой в окончательном тексте романа приходит Нехлюдов.

Образы Марьи Павловны и Катюши в итоговом тексте романа оказываются теснее связанными, нежели в черновых материалах. Ранее описания Щетининой выглядели более самостоятельными: не исключено, что это было связано с тем, что писатель предполагал сделать фигуру Марьи Павловны одной из основных после главных героев в романе. У Толстого существовал замысел, согласно которому Марья Павловна должна была еще до Нехлюдова или даже вместо

него открыть простую, но столь действенную правду: именно она брала в руки Евангелие, осознавала силу Нагорной проповеди и далее сознательно жертвовала всем, стремясь сделать доброе другим [Толстой, т. 33, с. 288]. Так как еще ни в четвертой, ни в пятой редакциях романа мы не видим прозрения героя, найденного им в финале окончательного текста, более того, так как Нехлюдов начинает путаться и думать о славе, о своем положении в обществе, то, вероятнее всего, по первоначальному замыслу Толстого, дорогую для него мысль о правильной и праведной жизни должна была донести до читателя Марья Павловна.

Прописав еще в черновиках общую линию движения героини, писатель после оставляет самые существенные и важные этапы жизни Щетининой, исключая все подробности, которые выглядели слишком резко. Исключение некоторой спорной информации о жизни Марьи Павловны в окончательном тексте позволило Толстому приблизить ее биографию к первым элементам житийной схемы. Писатель убирает упоминание о том, что в детстве Марья Павловна была капризной девочкой, которая мучила сменяющихся гувернанток. Он избегает в окончательном тексте описания «непокорности» героини, ее способности обижать других в ходе отстаивания своей правды [Там же, т. 33, с. 281]. Марья Павловна становится примером образцовой героини позднего Толстого, с которой писатель шаг за шагом снимает все крайности и противоречия, бывшие в черновиках.

Щетинина представляет идеальный женский тип, которого до этого не было в творчестве писателя. Перед нами не просто пример утонченной и чувствующей жизнь девушки, благородной и честной, какой была в юности Наташа Ростова, героиня романа-эпопеи «Война и мир», перед нами не пример молодой матери, живущей на благо дела мужа и семьи (как Кити Щербацкая в романе «Анна Каренина») или преимущественно семьи (как Долли Облонская в «Анне Карениной») или молодая дочь сибирского генерала в «Воскресении»), перед нами не пример страстной красавицы и искренней женщины, какой была Анна Каренина, – Марья Павловна являет собой образец девы-воина, сражающейся за счастье других людей, за русский народ.

«Все герои эпоса разыгрывают строго отведенные им роли, и набор таких амплу невелик», – пишет А. Д. Михайлов [Михайлов, с. 184]. Исследователь отмечает, что «эпический герой выступает в роли охранителя общества (прежде всего от врагов) и гаранта социальной справедливости», а это «нередко приводит его к наруше-

нию общественного порядка и чисто бытовой традиции, к бунтарству» [Там же, с. 187].

В художественном мире романа Марья Павловна занимает именно такую позицию: народной заступницы, точнее – помощницы всех скорбящих и оказавшихся в сложной ситуации. Интересно, что друзья-политические называют ее деятельность «спортом благотворения». Авторские пояснения со знаковыми сравнениями несколько не снижают этот образ, но вкупе с описанием отношения к героине придают ее фигуре своеобразный жертвенный колорит: Толстой сравнивает страсть Марьи Павловны в служении другим людям со страстью охотника, добывающего дичь [Толстой, т. 32, с. 368].

Образ Марьи Павловны в окончательном тексте сразу же привлекает читателя: эту девушку невозможно не заметить. Сначала героиню мы видим именно глазами Нехлюдова, причем этот ход был в черновиках, остался он и в окончательном тексте, где Толстой говорит кратко и об особой красоте, силе и мягкости Марьи Павловны, и о ее жизнерадостности, стойкости. Толстой пишет, что ушла в камеру героиня «так же спокойно и жизнерадостно, как будто она шла из гостиной в спальню» [Толстой, т. 33, с. 178]. А потом уже, после того, как на нее обращает внимание Нехлюдов, Марья Павловна появляется в тексте романа со своей историей.

Изучение разных вариантов описания детства и юности Марьи Павловны в черновых материалах открывает многообразие смыслов, которые причудливо перемещал Толстой, подбирая нужные основы и детали. А. Г. Гродецкая точно отметила, что «по-толстовски избыточная вариативность, производящая впечатление избыточности чрезмерности», – главное качество рукописных текстов писателя. Исследовательница уделяет большое внимание радикализму толстовской правки, «когда в процессе переработки деталь, мотив, ситуация берутся в резко противоположных, контрастных вариантах» [Гродецкая, 2012, с. 83].

О перемещении подробного описания этой героини из первой части романа в третью и ее роли в возрождении Масловой в литературоведении уже немало написано. По плану Толстого, Катюша должна была решительно измениться в романе в ходе общения с политическими заключенными, и в первых редакциях произведения перевод Масловой по ходатайству Нехлюдова совершался в скором времени после вынесения ей приговора. Однако автор вынужден был отказаться от такого хода, так как от надзирателя Бутырской тюрьмы он узнал, что непосредственное

общение уголовных и политических заключенных невозможно.

В. А. Жданов справедливо подчеркнул, что под влиянием политических в душе Катюши происходил ошеломляющий переворот, что героиня слишком быстро и неправдоподобно перерождалась, а изменение плана Толстого позволило ему оставить Катюшу в одиночестве, затруднить и углубить путь ее нравственного возрождения. Также ученый отметил, что в ходе перемен, внесенных в текст, изменение Катюши и влияние на нее стали психологически убедительнее: героиня преобразается не в результате положительного влияния Щетининой, своеобразной «идеальной революционерки», а при виде «грусти когда-то любимого человека» [Жданов, с. 141]. В данном случае нельзя категорично заявлять о причинах перемен в Катюше: разумеется, основная роль здесь принадлежит Нехлюдову, однако финальный переворот в героине происходит под влиянием не столько даже любившего ее Симонсона, сколько в ходе постоянного и непосредственного общения именно с Марьей Павловной. Обратим внимание, что Нехлюдов в третьей части романа несколько «удаляется» физически от Катюши: он не видит ее часто, так как заключенные продвигаются по этапу, зато Катюша оказывается в непосредственной близости с Марьей Павловной и подчиняется ее влиянию намного легче и быстрее, нежели она смогла подчиниться Нехлову, отношение к которому со стороны Катюши было очень противоречиво.

В рукописи 25 в черновых материалах к роману есть диалог Марьи Павловны и Катюши, в котором последняя в ходе разговора с чуткой и внимательной политической заключенной изменяет отношение к своим слабостям (обещает более не выпивать) и к Нехлову (обещает быть более ласковой и внимательной к нему). Несколько странным в диалоге выглядит не собственно факт влияния Щетининой на Катюшу (оно просто смещается далее в третью часть романа), а вера Катюши Марье Павловне на слово, ее очарование этой женщиной. Толстой прекрасно понимал, какие трудности и непонимания в реальной жизни могут быть между Масловой и Щетининой. Именно поэтому в окончательном тексте писатель изображает, как на место пренебрежения усилиями Марьи Павловны ставится любовь. Писатель не раз подчеркивает, что Маслова и Симонсон – обычные люди, но при этом они на голову выше многих других, забывших о главном подвиге жизни – жертвенной любви, ничего не требующей взамен.

В черновиках к роману автор уделяет образу Марьи Павловны еще большее внимание: в окончательном тексте приведены основные факты из ее жизни и биографии, но многие подробности опущены. Согласно одной из ранних задумок, писатель начинал с изображения трех женщин, находящихся среди политических заключенных, Веры Ефремовны, Ранцевой и Марьи Павловны, и далее уже переходил к подробному описанию последней. В итоговом тексте Толстой фактически открывает третью часть романа рассказом о движении партии заключенных и сразу же, рядом с Катюшей, показывает Марью Павловну, а уже позднее, раскрывая взаимоотношения заключенных друг с другом, ставит особняком Веру Ефремовну с ее головными идеями и противопоставляет ей живых и деятельных, но различающихся в своем отношении к мужчинам Ранцеву и Щетинину.

В черновых материалах Толстой сначала общался о матери Марьи Павловны, которую она особенно жалела (рукопись 92), но далее (рукопись 95) информацию эту убрал: Щетинину, как только она осознает несправедливость господской жизни, многое не устраивает в доме отца, из-за чего она и сбегает. Толстой исключает упоминание о юношеском желании Марьи Павловны уйти в монастырь, а потом, после поездки в последний, о разочаровании в религии и склонности к атеизму. Этот «революционный», отрицающий путь развития героини, воплощенный писателем в рукописи 92, не устраивал Толстого, так как увлечение идеями отчасти начинало заслонять от героини добрые дела и ее первоначальное желание служить людям.

Н. К. Гудзий писал, что Толстой в 1884 году проявлял особый интерес к делу Н. А. Армфельд, которая отбывала каторгу на Каре, получив обвинение по делу о вооруженном сопротивлении властям. Толстой познакомился с матерью Н. А. Армфельд, не раз обращался к А. А. Толстой, прося у нее помощи влиятельных знакомых, могущих исхлопотать разрешение об облегчении участи девушки. Н. К. Гудзий справедливо отмечает, что Н. А. Армфельд определенными чертами своего характера могла внушить Толстому образ Марьи Павловны [Гудзий, с. 367]. Не случайно в одном из вариантов в черновиках появляется в рассказе о Щетининой упоминание о Каре.

Записные книжки, дневники и письма Толстого демонстрируют, что писатель очень проникся историей Армфельд, приезжал к ее матери и немало хлопотал за находившуюся под стражей Наталью Александровну, при этом осмыслил образ молодой революционерки. Толстой изучил

историю Армфельд и на примере ее сделал вывод об эволюции деятельности революционеров в России: «Читал до 4 процесс Армфельд. Понял я тоже, что деятельность революционеров воображаемая, внешняя – книжками, прокламациями, которые не могут поднять. – И деятельность законная. Если бы ей не препятствовали, в ней не было бы вреда. Им задержали эту деятельность – явились бомбы» [Толстой, т. 49, с. 80]. На следующий день, 11/23 апреля 1884 года Толстой читал переписку Натальи Армфельд. В записной книжке он отмечает: «Высокого строя. Тип легкомысленный, честный, веселый, даровитый и добрый» [Там же, с. 81].

Почти такой же, веселой и доброй, жертвующей собой оказывается в романе «Воскресение» и Марья Павловна, только в художественном мире революционные идеи и политические объединения лишь косвенно затрагивают Щетинину, ее главная задача – спасение людей. По сравнению с черновиками Толстой в итоговом тексте сокращает скитания Щетининой до того времени, как она попала в тюрьму, делает ее «случайной» революционеркой. Мы узнаем только о том, что героиня поступила на фабрику, потом жила в деревне, в городе на квартире, а далее была неудачно арестована в тайной типографии, где заявила, что стреляла в человека (взяв на себя выстрел другого). Примечательно, что в рукописи 98 автор опускает упоминание о знакомстве Марьи Павловны с деятельностью организации «Земля и воля», о которой ей рассказывал троюродный брат, вычеркивает в этой рукописи слова «познакомившись с знаменитой Бардиной», хотя в рукописи 95 эта фраза присутствовала (Толстым имеется в виду Софья Илларионовна Бардина, революционерка и народница). Писатель показывает, что само по себе народническое учение не являлось новым для героини, оно просто логично открывало то, что было в ее чувствах по отношению к простым людям, к народу. Не оставляет Толстой в окончательном тексте и упоминание о том, что Щетинина учила крестьянских детей, которое было в черновиках. Также писатель убрал из окончательного текста и бывшее в черновиках упоминание о том, что «все попытки сделать из нее барышню, не удались» [Толстой, т. 33, с. 283]. Обратим внимание, что Марья Павловна является примером удивительного контраста: она, воспитанная барышня, держит себя как простая работница. Именно поэтому писатель устраняет все упоминания о «дикой жизни» героини: отказ от роскоши и светских увлечений не мог выглядеть как «дикая жизнь».

Несколько сглаживает Толстой в итоговом тексте и упоминание о большой физической силе девушки, которая позволяла ей смело давать отпор поклонникам, прельщаемым ее красотой. Не случайно, что историю о приставшем к ней на улице господине рассказывает в романе сама Марья Павловна. Прямая речь придает этому рассказу форму шутки, причем Толстой убирает неуместную подробность о фонарном столбе, которая была в черновиках: «Один раз на улице господин пристал к ней и, несмотря на ее строгий отпор, взял ее за талию. Она повернулась и схватила его за шиворот, встряхнула и так толкнула его несколько раз о фонарный столб, что он только об одном просил, чтобы она его выпустила» [Там же, с. 285]. Оставив Щетининой категоричность и силу, особую прямоту обращения, писатель в то же время наделил ее мягкостью и деликатностью, вежливостью, не свойственными большинству революционеров.

С. Ю. Неклюдов отметил, что ведущие эпосоведы говорят о «героическом характере» эпических деяний и эпической эпохи как о главном, конституирующем жанровом признаке эпоса. Исследователь пишет о появлении героического характера тогда, когда появляется новая система этических и эстетических ценностей и отмечает, что «героическое» во многом понимается почти как «воинское» или «богатырское» [Неклюдов, с. 13].

Не раз упоминаемая в романе значительная физическая сила героини закономерно дополняет ее образ как раз почти до богатырского, но при этом главный акцент делается, конечно, на воле и духовной силе Марьи Павловны.

О. Н. Виноградова справедливо отметила, что «женское имя Мария в романе „Воскресение“ встречается вариативно несколько раз. Так, по сюжету, Неклюдов интимно связан с тремя женщинами, и всех их зовут Мария. Эти три женщины – три образа светских женщин вообще, а также и три степени отступления от идеала нравственности Толстого» [Виноградова, с. 132]. Три эти образа: Мисси Корчагина, которую Неклюдов уже почти считал своей невестой, Марья Васильевна – жена предводителя (в черновиках к роману эту женщину звали Вера), с ней у Неклюдова был роман, о завершении которого читатель узнает в начале произведения, и Mariette. О. Н. Виноградова говорит также и о Марье Павловне как об идеале Толстого: «Марья Павловна – идеал Толстого: целомудренная, соответственно – бездетная, сострадающая, все предназначенное в жизни которой состоит в том, чтобы помогать другим. Так как она не имеет своих детей, то все дети для нее – как свои собственные» [Там

же, с. 134]. Нельзя исключать, что образ Марьи Павловны отчасти соотносится и с образом Девы Марии. О. Н. Виноградова выдвигает предположение о том, что в романе «Воскресение» женщины с именем Мария «выражают отношение писателя к женщинам вообще; это своего рода проекция проблем Толстого, связанных с „женским вопросом“» [Там же, с. 136].

К этому глубокому замечанию можно еще добавить, что образы женщин с именем Мария невольно сопоставляются и противопоставляются читателями и могут быть соотнесены с образом святой Марии Египетской, только в разные периоды ее жизни: до покаяния и после. Обратим внимание на тот факт, что 3 августа 1898 года Толстой записывает в дневнике: «О! как хотелось бы показать женщине все значение целомудренной женщины. Целомудренная женщина (недаром легенда Марии) спасет мир» [Толстой, т. 53, с. 208].

Можно заключить, что образ Марьи Павловны Щетининой становится в романе поистине эпическим: Толстой поднимает свою героиню на своеобразный пьедестал над другими образами, отмечая ее чуткость, жертвенность, деятельную силу, постоянную готовность прийти на помощь и жизнь по законам любви и добра. Изучение работы писателя над образом Марьи Павловны от черновиков к итоговому тексту открывает, что Толстой убрал все возможные противоречия в фигуре героини: перед нами не становящаяся на глазах читателя романная героиня, но поистине персонаж эпического масштаба.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00102.

Список литературы

Андреева В. Г. Образ земли и его функции в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 236–251.

Берман Б. И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича. М.: МП Гендальф, 1992. 205 с.

Виноградова О. Н. Отношение Л. Н. Толстого к женскому вопросу на примере вариаций женских образов с именем Мария в романе «Воскресение» // Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре. Курск: КГУ, 2020. С. 131–137.

Гродецкая А. Г. Агиографические прообразы в «Анне Карениной» (жития блудниц и любодеец и сюжетная линия главной героини романа) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: ИРЛИ РАН, 1993. Т. 48. С. 433–445.

Гродецкая А. Г. Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (Принципы. Полемика. Итоги) // *Русская литература*. 2012. № 3. С. 73–87.

Гудзий Н. К. История писания и печатания «Воскресения» // Л. Н. Толстой Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 33. М.: Художественная литература, 1935. С. 329–422.

Жданов В. А. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М.: Советский писатель, 1960. 452 с.

Лукач Г. Теория романа (Опыт историко-философского исследования форм большой эпика) // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.

Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: «Наследие», 1995. 360 с.

Неклюдов С. Ю. Эпос в мировой литературе // Шаги-Steps. 2015. № 2. С. 7–22.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М.: Художественная литература, 1928–1958.

References

Andreeva, V. G. (2020). *Obraz zemli i ego funktsii v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie"* [The Image of the Land and Its Functions in Tolstoy's Novel "Resurrection"]. *Studia Litterarum*. Vol. 5. No. 3, pp. 236–251. (In Russian)

Berman, B. I. (1992). *Sokrovennyi Tolstoi: religioznye videniia i prozreniia khudozhestvennogo tvorchesva L'va Nikolaevicha* [The Intimate Tolstoy: Religious Visions and Insights of Lev Nikolaevich's Artistic Work]. 205 p. Moscow, MP Gendal'f. (In Russian)

Grodetskaia, A. G. (1993). *Agiograficheskie proobrazy v "Anne Kareninoi" (zhitiia bludnits i liubodeits i suzhetnaia liniia glavnoi geroini romana)* [Hagiographic Prototypes in "Anna Karenina" (the lives of harlots and fornicators and the storyline of the main heroine of the novel)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg, IRLI RAN. Vol. 48, pp. 433–445. (In Russian)

Grodetskaia, A. G. (2012). *Tekst "Voskreseniia" v rekonstruktsii N. K. Gudziia (Printsipy. Polemika. Itogi)* [The Text of "Resurrection" in the Reconstruction of N. K. Gudzia (Principles. Polemics. Results)]. *Russkaia literatura*. No. 3, pp. 73–87. (In Russian)

Gudzii, N. K. (1935). *Istoriia pisaniia i pechataniia "Voskreseniia"* [The History of the Writing and Printing of "Resurrection"]. *Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh*. Т. 33. Pp. 329–422. Moscow, *Khudozhestvennaia literatura*. (In Russian)

Lukach, G. (1994). *Teoriia romana (Opyt istoriko-filosofskogo issledovaniia form bol'shoi epiki)* [Theory of the novel (Experience in the Historical and Philosophical Study of the Forms of the Great Epic)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 9, pp. 19–78. (In Russian)

Mikhailov, A. D. (1995). *Frantsuzskii geroicheskiy epos. Voprosy poetiki i stilistiki* [French Heroic Epic. Questions of Poetics and Stylistics]. 360 p. Moscow, *Nasledie*. (In Russian)

Nekliudov, S. Iu. (2015). *Epos v mirovoi literature* [Epic in World Literature]. Shagi-Steps. No. 2, pp. 7–22. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works in 90 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Vinogradova, O. N. (2020). *Otnoshenie L.N. Tolstogo k zhenskому voprosu na primere variatsii zhenskikh*

obrazov s imenem Mariia v romane “Voskresenie” [Leo Tolstoy’s Attitude to the Women Issue Based on Variations of Female Images Named Maria in the Novel “Resurrection”]. *Sintez traditsii i novatorstva v literature, iazyke i kul'ture*. Pp. 131–137. Kursk, KGU. (In Russian)

Zhdanov, V. A. (1960). *Tvorcheskaia istoriia romana L. N. Tolstogo “Voskresenie”* [The Creative History of Leo Tolstoy’s Novel “Resurrection”]. 452 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Андреева Валерия Геннадьевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени
А. М. Горького Российской академии наук,
профессор,
Костромской государственной университет,
121069, Россия, Москва,
Поварская, 25а;
156961, Россия, Кострома,
1 Мая, 14.
lanfra87@mail.ru

Andreeva Valeria Gennadievna,
Doctor of Philology,
Leading Researcher,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of Russian Academy of Sciences,
Professor,
Kostroma State University,
25a Povarskaya Str.,
Moscow, 121069, Russian Federation;
14 1 May Str.,
Kostroma, 156961, Russian Federation.
lanfra87@mail.ru

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. ХАРИСА

© Гузеля Ахметгараева, Гульфия Гайнуллина

THE IMAGE OF A WOMAN IN THE WORKS BY R. KHARIS

Guzelya Akhmetgaraeva, Gulfiya Gainullina

This article examines the variants of the artistic embodiment of female images in the work of the Tatar poet Renat Kharis and analyzes his poems created in different periods of his artistic career, assessing the extent of research on his poetry as a whole. The article concludes that this problem has not previously been the subject of a separate study, and the image of a woman in Renat Kharis's work is differently embodied both in poetry and in his translation practices. Thus, we analyze a number of his poems ("The Artist" (1976), "Zuleikha" (1987), "Tukay's Love Dreams" (2000), "Kadriya" (2006)), lyrical verses, poems dedicated to the image of the mother ("Flowers for My Mother", "The Strongest Hand", "Memories of My Mother", etc.), and his translations. The research results show that the image of a woman in Renat Kharis's work is multifaceted: it is both a muse and a continuer of the human kind, an object of love and an image of a real Tatar woman. The poet provides a new interpretation of national female images-symbols and the image of the Mother (from the poet's own mother to the personified image of the Mother-Earth, the Mother of a cosmic scale).

Keywords: Renat Kharis, artistic image, image of a woman, lyrical hero, Tatar poetry.

В данной статье рассматриваются варианты художественного воплощения женских образов в творчестве татарского поэта Рената Хариса, анализируются произведения разных периодов его художественной биографии, оценивается степень изученности его поэзии в целом. Заключается, что данная проблема ранее не становилась предметом отдельного исследования и что образ женщины в творчестве Рената Хариса находит различное воплощение как в поэзии, так и в его переводческой практике. Так, анализируется ряд его поэм («Рэссам» (1976), «Зөлэйха» (1987), «Тукайның мэхэббэт төшлэре» (2000), «Кадрия» (2006)), любовная лирика, стихотворения, посвященные образу матери («Әниемэ чэчэклэр», «Иң көчле кул», «Әнием хатирэсе» и др.), переводческие произведения. Делается вывод, что образ женщины в творчестве Рената Хариса многогранен: это и муза, и продолжательница рода, и объект любви, и образ реальной татарской женщины; переосмысливаются женские национальные образы-символы, образ Матери (от родной поэту мамы до персонифицированного образа земли-матери, Матери космического масштаба).

Ключевые слова: Ренат Харис, художественный образ, образ женщины, лирический герой, татарская поэзия.

Ренат Харис, по мнению Т. Н. Галиуллина, является поэтом, который по праву считается представителем интеллектуальной поэзии, поэзии мысли [Галиуллин, 1975, с. 101]. Как отмечает Д. Ф. Загидуллина, с точки зрения художественной образности, в творческой манере поэта доминирует стремление возродить поэтические средства, восходящие к далекому прошлому татарской поэзии. Особенно ярко это проявляется в создании сложного рисунка, в усложнении мотивов при помощи ассоциаций. В этом смысле лирика Рената Хариса – это, несомненно, поэзия художника [Загидуллина, с. 98].

В целом степень изученности поэзии Рената Хариса определяется различными журнальными

и газетными публикациями, монографиями и диссертациями, материалами двух конференций – Всероссийской научно-практической конференции к 70-летию поэта (2011) и Международной научно-практической конференции к его 80-летию (2021).

Так, в диссертационной форме поэзия Рената Хариса была изучена Ф. Ф. Хасановой.

Часть статей носит обзорный или обобщающий характер: И. Ахунзаде «Дышать добротой соучастия» (1978), Л. Григорьева «В середине судьбы» (1978), Д. Валеев «Широкий мир поэта» (1980), С. Хәким «Һәр талант үзенчә килсен» (1969), М. Кәрим «Акыл да сөя, сүз дә уйната» (1997), Н. Переяслов «Поэт – он равен ростом

Богу...» (2007), С. Трахимёнок «Испивший молнию и не утративший крыльев» (2008), Ф. Хәсәнова «Шигърияттә Сәйдәш яши» (2008), Т. Н. Галиуллин «Акыл һәм хис берлеге шагыйре» (2011).

Интересны работы, посвященные изучению отдельных аспектов творчества Хариса:

– детская литература («Поэтика стихотворений для детей Рената Хариса» А. Ф. Галиуллиной);

– родной язык («Семантика и парадигма концепта „родной язык“ (туган тел) в поэзии Р. Хариса» Л. Р. Гатауллиной);

– татарская музыка («Грани творческой личности Р. Хариса: музыкально-публицистическая деятельность» Г. Н. Зигангировой);

– изобразительное искусство («Специфика воссоздания образов картин Н. И. Фешина в поэме татарского поэта Р. Хариса „Художник“» А. Ф. Галиуллиной);

– Габдулла Тукай («Ренат Харис ижатында Тукай темасы» Р. С. Зариповой);

– фольклор («„Новый фольклор“ в произведении татарского поэта Рената Хариса» Ф. Ф. Хасановой).

Стоит упомянуть и о научных конференциях, посвященных юбилейным датам Рената Хариса. Так, в 2011 году к его 70-летию был издан сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, а в 2021 году уже к 80-летию поэта – Международной научно-практической конференции «Татарская поэзия и культура второй половины XX начала – XXI веков: диалог с западными и восточными художественными традициями».

В заключение обзора научной литературы, посвященной изучению поэзии Рената Хариса, отметим, что проблема художественного воплощения женских образов в творчестве Рената Хариса хотя в некоей степени и нашла отражение в научных трудах литературоведов, но ранее не становилась предметом отдельного исследования, что и является научной новизной данной статьи.

Остановимся на его поэмах.

Выше уже упоминалось, что Ренат Харис – это поэт-художник. Обратимся к его поэме «Рәссам» («Художник») (1976), которая, по мнению А. Ф. Галиуллиной, является «опытом поэтического осмысления живописного полотна» известного казанского художника Николая Ивановича Фешина.

Поэма отличается глубоким психологизмом, в центре которой – образ художника, его внутренние и интимные чувства во время процесса создания художественных полотен.

В первой части поэмы «Гүзәл тән» («Прекрасное тело») встречается и образ курсистки-натурщицы, которая переживает некую внутреннюю трансформацию – от изначального стеснения при позировании:

«Сарафанын салды да ул,
көтмәгәндә бөтенләй ялангач калды...
Кулларына урын тапмады,
кушырды, аерды, кушырды, аерды да
тимгел-тимгел янган йөзен каплады...
Бармаклар арасыннан мөлдәр-мөлдәр
үкенү акты, үкенү акты, оялчан тамырларга
әвереләп...» [Харис, 1989, с. 298],

до раскрепощения, осознания силы творчества, его божественного начала:

«Юк, юк! Анда – ул түгел,
анда – тәнгә әверелгән илаһи пакчәк,
анда – батырлар, акыллылар, матурлар анасы
булырлык
тиндәшсез гүзәл!
Кыз япманы япты...
Үзе дә сизмәстән чишенде дә ул,
рәссам янына менеп ятты» [Там же, с. 303].

Детально описываются черты лица девушки: «*иркен маңгай*», «*чиста битләр*», «*ишелеп торган коңгырт чәчләр*», «*һәм пумала адаштырды үз хуҗасын шул чәчләрдә... Шул чәчләрдә... чәчәкләрдә... аланнарда, яланнарда, болыннарда, камышларда...*», «*ике игезәк күл*», «*канаткашлар*», «*алсу канатлы горур борын*», «*ирләр күз карашы җыелсын, дип очы уелган җыйнак ияк*», «*утлы, татлы һәм беркатлы <...> иреннәр*» и др. [Там же, с. 299–300].

Интимность художественного самовыражения ювелирно передается при описании женского бюста:

«Алар – алсу тәнгә әверелгән ике жәннәт,
яшәшкә һәйкәл белән төгәлләнгән
ике калкулык,
кулын кагыла, жаныңны тотып ала торган ике те-
ре ахак,
назга юмартлыктан кабарып чыккан,
калкып чыккан, балкып торган
ләззәт үрләре!» [Там же, с. 301].

Однако в мир творчества, в мастерскую художника вторгается жестокая реальность, становясь поэтическим намеком на значительные события в стране:

«Иртән,
остаханәгә кыз килгәндә,
рәссам, чуар кәнәфидә ярым елмаеп,
августның беренче кояшын да күрмичә,

Германиянең Россиягә
сугыш игълан иткәнен дә белмичә,
йоклап ята иде...» [Там же, с. 303].

В ряде других поэм Ренат Харис осмысляет реальные женские личности или известные женские героини.

Так, драматическая поэма «Тукайның мәхәббәт төшләре» («Любовные сны Габдуллы Тукая») (2000) раскрывает историю жизни и любви известных татарских личностей – Габдуллы Тукая и его возлюбленной Зайтуны Мавлюдовой. Помимо этого, в образной системе поэмы встречаются образы Ф. Амирхана, Фәрештә (Ангел) / Газраил (Ангел смерти), Шүрәле (Шурале), Апуш (маленький Габдулла), Карт (Старик) и различные голоса.

В поэме представлен образ чистой и прогрессивной татарки начала XX века, ее искренняя любовь к Тукаю, которую лирический герой выделяет как отдельное явление:

«Барлык мәхәббәт үзенчә –
Ромео-Джюльетталар, Фәрһад-Ширин,
Таһир-Зөһрә, Дон Жуан сөюе бар...
Бар Отелло мәхәббәте
Һәм гыйшыкы Дон-Кихотның...
Платоник мәхәббәт тә үзенчә серле, утлы.
Һәм бар Тукай мәхәббәте –
саф, үкенечле, аек...
Ул да, күмәк исем булып,
фәнгә керергә лаек» [Харис, 2001, с. 156].

В конце поэмы харисовский Тукай заключает, что Зайтуна и есть ангел:

«Яшә, Зәйтүнәм, яшә!
Яшә, фәрештәм, яшә!...» [Там же, с. 159].

Интересны попытки переосмысления поэтом национального собирательного образа-символа татарского народа Зулейхи в драматической поэме «Зөләйха» («Зулейха») (1987), где через, казалось бы, любовную линию и традиционный сюжет Зулейхи и Юсуфа поэт декларирует: истоки татар восходят к Булгарскому царству, что и он сам является преемником Кул Гали:

«Һәр татарда бүген дә яши болгарлык,
Һәм һәр шагыйрь, әйтсәк дәрәсен, әле дә
шәжәрәсен башлап китә Кол Галидән.
Ә Кол Гали Зөләйханы үзе күргән!
Мин карусыз ышанамын бу шагыйрьгә...
Аңа иярәп, үткәнгә барып кердем,
күргәнәмне мин үземчә сөйләп бирдем –
хакым бардыр Кол Галигә – мин дә варис,
бүгенге татар шагыйре Ренат Харис» [Харис,
1991, с. 202].

В следующей поэме Рената Хариса «Кадрия» (2006) показан образ жены известного татарского поэта, фронтовика Фатиха Карима, чья трагическая судьба и история любви раскрываются через деталь письма.

Поэма начинается с размышлений лирического героя о современных мессенджерах, которые противопоставляются бумажным письмам, написанным от руки:

«Интернетлар, SMSлар хәзер
үтеп кералмаган чик калмый...
Һәр хәрәфен үбеп,
яшьтә юып
язган хатка берни житалмый» [Харис, 2011, с. 264].

В поэме идет речь о письме Кадрии ханум («Хатлар үлә бүген, хатлар үлә компьютерлар хаким заманда. Ләкин бер хат һаман исән әле, исән әле, яши Казанда, дөнъясына каргыш булып микән, мәдех булып микән сөюгә?...») [Там же, с. 272–273]), которая так и не дошла до адресата – до своего мужа, и постепенно через эту деталь ее образ обобщается до универсального образа татарской женщины, которой присущи верность, сила духа и терпение; лирический герой называет ее святой: «Ул Кадрия дигән әүлияның сулмас сулышына төрөнгән» [Там же, с. 273]. Так, любовь Кадрии и Фатиха Карима сравнивается с известными любовными сюжетами Лейли и Меджнуна, Фархада и Ширин.

С точки зрения художественного воплощения образа женщины в поэзии Рената Хариса вызывают интерес его многочисленные стихотворения.

Так, гендерным размышлениям посвящено его стихотворение «Ирләр» («Мужчины»), в котором лирический герой рассуждает о предназначении и судьбе мужчин, заявляя: «Без күпләп туабыз, азрак калабыз тора-бара, чикле без – һәр хатынга ир булырга да житмибез...», «Хатын-кызны сер дөнъясы дип сөйлибез. Дөрестер дә... Әмма ләкин алардан да серлерәк – без!» [Харис, 1996, с. 303].

Оду женщине как продолжательнице рода, погруженной в бытовую рутину, можно прочитать в стихотворении «Хатын-кыз кулы», определенной в жанре «хикәят-тост»: «Дөнъя теләсә нишләсен – хатын-кыз кулыннан олан төшмәсен!» [Харис, 1983, с. 110–111].

Многогранна и любовная лирика поэта, в которой, как отмечает Т. Н. Галиуллин, наблюдается умелое переплетение традиций мировой, особенно восточной поэзии (Омар Хайям, Саади, Хафиз Ширази, Джалаладдин Руми), татарских классиков (Габдельдзжаббар Кандалий, Габдулла Тукай, Хади Такташ, Хасан Туфан) и картин со-

временного поэту действительности: «Мэхэббэт лирикасы (мэхэббэт турында түгел) Р. Харисны дөнья әдәбиятының, бигрәк тә Көнчыгыш классикасының Хэйәм, Сәгъди, Хафиз, Руми, татар шигъриятенәң Кандалий, Тукай, Такташ, Туфаннарның лаеклы дәвамчысы итеп бәяләргә мөмкинлек бирә. Якын кешенә ярату фани дөнья бизәге генә түгел, ахирәт ачкычы да сөйгәнән кулында икән» [Галиуллин, 2011, с. 7].

Любовь к женщине описывается во множестве его стихотворений на протяжении всего его творческого пути: «Көймә иреннәр», «Мэхэббэт сукмагыбызның...», «Илсәяр» и др. [Харис, 1974, с. 85–124], «Сусаган, сусын басмаган», «Элегия», «Кышкы вокзал» и др. [Харис, 1981, с. 128–179], «Чал сандугач», «Истә», «Сүз» и др. [Харис, 1983, с. 84–116], «Син», «Мин кабат кадерле жылыда», «Көзгә мэхэббэт» и др. [Харис, 1987, с. 87–116], «Кабат гашыйк булырмын дип куркам...», «Мине мең тарафка тарткан эгъвалардан котылып...», «Яхшылыгыңа – яманлык...», «Жиргә төшермә», «Кояш бата зәңгәр су артында...» и др. [Харис, 1996, с. 118–248].

Сам поэт Ренат Харис в одном из предисловий к своим сборникам заявляет о силе любви: «Мэхэббэт турында „Ул бар“, „Ул юк“ дип бәхәсләшү дә мәгънәсезлек. Аны күрмисең-сизмисең икән – димәк, күгәңне болыт каплаган. Килер бер көн – жил чыгар, болытларны тузгатыр, күнел күгәңдә ялтырап кояш калкыр, аның тере нурлары барлык күзәнәкләреңә үтеп керер. Син үзеңне матур һәм акыллы, көчле һәм батыр итеп тоярсың. Син гади сүзләр белән генә аңлатып булмаслык рәхәт кичерерсең...» [Харис, 1991, с. 5].

Отдельное место в поэзии Рената Хариса отведено образу матери, трансформация которого наблюдается на протяжении всего его творчества. Например, в стихотворении, относящемся к ранней лирике Рената Хариса, «Әниемә чәчәкләр», с помощью «цветовых» эпитетов подчеркивается экзистенциальное начало – неотвратимость течения жизни к смерти: «Булдыра алсаң әгәр син, бир, улым, миңа яшелен <...> Яшеле шул яшьлегем!...» [Харис, 1989, с. 9–10]. Та же мысль обнаруживается в стихотворении «Очрашканнар...», в котором слезы радости дочери, текущие ручейком и капающие на землю, противопоставляются слезам матери, текущим рекой и прячущимся в морщинах [Там же, с. 28]. Символика желтого как цвета осени, жизни и старости, присутствует в стихотворении «Көзңең төер булып...», в котором стелющиеся желтые листья сравниваются с желтыми утятами, потерявшими маму: «аналарын югалткандай сары бәбкәләрдәй» [Там же, с. 51].

В лирике Рената Хариса находит отражение и персонифицированный образ земли-матери. Стихотворение с кольцевой композицией «Яшьләр» открывается и заканчивается обращением: «Шатлан, шатлан, карт Жир-ана! Без – ул синең киләчәгең...» [Там же, с. 36–37]. Лирическое произведение носит декларативный характер: лирический герой говорит от имени «без» (мы) и заявляет, что молодые люди обеспечивают все мироздание, являются «Жирдә икенче кояш» [Там же].

В ряде стихотворений Рената Хариса обнаруживается образ будущей молодой матери:

1. как животворящее начало (стихотворение «Иң көчле кул»: «Дөньяда иң көчле кул – <...> сабийның анасы күкрәгенә баткан кулы!» [Там же, с. 24]; стихотворение «Кем бар?»: «Яшь хатыннар бәби таба, тапкан саен сөенә-сөенә» [Там же, с. 86]);

2. так и в трагическом ключе (стихотворение «Пумала»: «Ләкин кочарга теләгән кочак та мәңгә буп-буш: <...> йөкле хатын кырынында ничә йөз яшьлек тумакан бала» [Там же, с. 23]).

Важное направление творчества поэта с 1990-х годов – создание либретто для музыкальных произведений различных жанров. Например, либретто оратории «Кеше», которая посвящена воспеванию человека как высшей ценности и пропитана идеями гуманизма, состоит из семи глав и представляет собой размышления главного героя, монологи и диалоги действующих лиц (Прометей, хор и др.), в одной из которых – пятой – повествование ведется от имени матери. Данный образ – обобщенный образ матери, заботящейся о своем чаде. Слова, произносимые ею, напоминают колыбельную, она призывает не бояться ночи, так как ночь рождает Теплое Солнце:

«Тудың якты дөньяга –
Якты булып үс, балам.
Басар жирең жып-жылы,
Чиста сулаган һаваң.
Тудың якты дөньяга,
Чиста сулаган һаваң.
Төн житә дип курыкма –
Төн булса да, якты ул.
Тыныч таң тудырчы
Жылы Кояш яклы ул.
Төн житә дип курыкма –
Жылы Кояш яклы ул» [Там же, с. 154].

В творчестве зрелого Рената Хариса появляются стихотворения, посвященные матери, которые пропитаны чувством ностальгии. Сам поэт родился и вырос в семье сельских учителей. Так, в стихотворении «Әнием хатирәсе» лирический герой через обращение к деревенским пейзажам,

переходному времени от зимы к весне («*бозлар китә*», «*язлар житкән*», «*киткән кошлар*», «*салкын һава*» и др. [Харис, 2011, с. 150]), вспоминает свою мать, просит еще раз согреть его душу. Интересна трансформация цветовой символики: если в ранней лирике преобладал желтый цвет, здесь больше используется белый цвет – цвет чистоты и благородства.

В другом стихотворении поэта «Әнием искә төшә» (2010) также присутствует белый цвет, повторяется деталь стихотворения «Әнием чәчәкләр»: «*зәңгәр күзләреннән яуган иде шатлык яңгыры...*» [Там же, с. 22]. Однако в отличие от этого произведения здесь лирический герой уже потерял свою мать и обращается к воспоминаниям:

«Үкенечкә әверелде, эни,
сиңа кайтмый торган күп чаклар...
Бермәл камыр баскан куллар белән
алган идең мине кочаклап. <...>
Ул костым исән. Аркасында
бер тап та юк – кипкән, коелган...
Ә шулай да, аны кигән саен,
син кочасың кебек тоела» [Там же, с. 22].

В сонете «Чиксезлек сонеты» романтический лирический герой говорит от имени поэтов, вступает в борьбу с самим мирозданием, восклицая, что поэты стремятся к бесконечности и в них зарождается Матерь космического масштаба («*галәм зурлык Ана ярала*» [Там же, с. 183]), где раскрывается мифопоэтическое содержание образа матери. Интересна художественная деталь, связанная с грудным молоком:

«<...> Аны олы шартлау итәмен дә
чиксезлеккә чәчрәп таралам...
Һәм сизәмен: балкып, аң-тәнемдә
галәм зурлык Ана ярала,
күкрәк бирә, сораганны көтми...
Бу – акылдан шашу димәгез.
Без, шагыйрьләр, шулай – Жирдән китми –
чиксезлекнең сөтен имәбез <...>» [Там же].

Образ женщины находит отражение и в переводческой деятельности Рената Хариса. Так, поэт переводит с чувашского языка стихотворное произведение Константина Иванова, название которого носит имя главной героини – Нарспи.

Таким образом, в творчестве Рената Хариса образ женщины находит различное воплощение как в поэзии, так и в переводческой практике: это и муза, и продолжательница рода, и объект любви, и образ реальной татарской женщины, также переосмысливаются женские национальные образы-символы, образ матери – от родной

поэту мамы до персонифицированного образа земли-матери, Матери космического масштаба.

Список литературы

Галиуллин Т. Н. Харис (Харисов) Ренат Магсумович // Некоммерческий, научно-образовательный, культурно-просветительский проект Tatarica. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/literatura/personalii/haris-harisov-renat-magsumovich>. (дата обращения 15.05.2021).

Галиуллина А. Ф. Эволюция жанра поэмы в творчестве Рената Хариса // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Материалы XV научной конференции с международным участием (16 ноября 2020 г.): Сборник статей. М.: Издательский дом «ИМЦ», 2020. С. 288–292.

Загидуллина Д. Ф. Татарская литература XX – нач. XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань: ИЯЛИ, 2020. 256 с.

Хасанова Ф. Ф. Поэзия Рената Хариса: Монография / Фаида Хасанова. Казань: РИЦ «Школа», 2005. 260 с.

Галиуллин Т. Дөнья кызыксындырса... // Т. Галиуллин. Еллар юлга чакыра. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. б. 101.

Сандугачлар тынган вакыт: шигырьләр, поэмалар / Ренат Харис. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 527 б.

Харис Р. Бизәк. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 128 б.

Харис Р. Замана эзләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 255 б.

Харис Ренат. Хәл-әхвәл: Шигырьләр, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 208 б.

Харис Ренат. Хисемнең исеме: Шигырьләр, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 255 б.

Харис Ренат. Шигырьләр, жырлар, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 367 б.

Харисов Р. М. Ант суы: Поэма, шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987, 128 б.

Харисов Р. М. Сайланма эсәрләр. 7 томда / Ренат Харис; Төз. һәм кереш сүз авт. Ф. Хәсәнова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 5 т.: Драматик поэмалар, шигырь-роман. 287 б.

Харисов С. М. Алтын төрән: Шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983, 120 б.

References

Galiullin, T. N. *Kharis (Kharisov) Renat Magsumovich* [Kharis (Kharisov) Renat Magsumovich]. Non-commercial, scientific and educational, cultural and educational project Tatarica. Access mode: <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/literatura/personalii/haris-harisov-renat-magsumovich> (accessed: 15.05.2021). (In Russian)

Galiullin, T. (1975). *Donyam kyzyksyndyrsa...* [If My World Is Interested ...]. T. Galiullin. Ellar iulga chakyrа. P. 101. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Galiullina, A. F. (2020). *Evolyutsiia zhanra poemy v tvorchestve Renata Kharisa* [Evolution of the Genre of the Poem in the Work of Renat Kharis]. Grani kul'tury: aktual'nyye problemy istorii i sovremennosti: Materialy XV nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (16 noiabria 2020 g.): Sbornik statey. Moscow, Izdatel'skiy dom "IMTS", pp. 288-292. (In Russian)

Kharis, Renat. (1989). *Shigyrlar, jcyrlar, poemalar* [Poems, Songs, and Verses]. 367 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharis, Renat. (2001). *Khal-ahval: Shigyrlar, poemalar* [The Situation: Poems, Verses]. 208 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharis, Renat. (1996). *Hisemnen iseme: Shigyrlar, poemalar* [The Name of the Feeling: Poems, Verses]. 255 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharisov, S. M. (1983). *Altyn toran: Shigyrlar* [The Golden Age: Poems]. 120 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharis, R. (1974). *Bizak* [Adornment]. 128 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharis, R. (1981). *Zamana ezlar* [Traces of Modernity]. 255 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharisov, R. M. (1987). *Ant suy: Poema, shigyrlar* [The Oath of Water: Poems, Verses]. 128 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharisov, R. M. (2006). *Sailanma asarl. 7 tomda* [Selected Works: In 7 Volumes]. 5 vol.: Dramatik poemalar, shigyr-roman. Renat Kharis; Toz. ham keresh suz author F. Khasanov. 287 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Khasanova, F. F. (2005). *Poeziia Renata Kharisa: Monografiia* [The Poetry of Renat Kharis: A Monograph]. Farida Khasanova. 260 p. Kazan, RIC "School". (In Russian)

Sandugachlar tyngan vakyt: shigyrlar, poemalar (2011) [When Nightingales Don't Sing: Poems, Verses]. Renat Haris. 527 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Zagidullina, D. F. (2020). *Tatarskaia literatura XX – nach. XXI v.: "myagkost'" modernizma-avangarda-postmodernizma (k postanovke problemy)* [Tatar Literature of the 20th–Early 21st Centuries: The "Softness" of Modernism-Avant-Garde-Postmodernism (On the Problem)]. 256 p. Kazan, IYALI. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2021

Поступила в редакцию 15.05.2021

Ахметгараева Гузеля Амуровна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
guzelamurovna@mail.ru

Гайнуллина Гульфия Расыловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfiarasilevna@mail.ru

Akhmetgaraeva Guzelya Amurovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
guzelamurovna@mail.ru

Gainullina Gul'fiya Rasilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfiarasilevna@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-82-93
УДК 821.161.1

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ НАСЛЕДИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО В КАЗАНСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© Ринат Бекметов

THE CENTER FOR LEO TOLSTOY'S HERITAGE STUDIES IN KAZAN FEDERAL UNIVERSITY

Rinat Bekmetov

In March 2019, the Tolstoy Research and Education Center (the official name: “The Center for Leo Tolstoy’s Heritage Studies”) was established at Kazan (Volga Region) Federal University. This event is significant in its own way, given that the name of Leo Tolstoy is associated not just with Kazan as a city, a point on the geographical map, but also, above all, with Kazan Imperial University, where the writer studied. The Tolstoy Center has some distinctive features: as a structure, it seeks to occupy its own “cultural and ecological” niche. These features are determined, first of all, by the main research tasks that the center faces. Their totality can be narrowed down to one basic direction, namely: the Center aims to study the oeuvre of Leo Tolstoy in the regional context, especially in the context of the cultural and national reception of his works by the peoples of Russia (mainly the Middle Volga region, to a large extent, by the Turkic-Tatar ethnic group). This includes, among other things: the task of collecting and systematizing literary translations of Leo Tolstoy’s works into the languages of non-Russian peoples of Russia and CIS; comparative and contrasting coverage of Leo Tolstoy’s literary connections with regional writers, philosophers and publicists; descriptions of the activities, conducted by regional Leo Tolstoy Schools and their areas of scientific and critical thought (including the understanding of individual prominent personalities’ conceptions). At the same time, the Center will not ignore broader, global issues and approaches in the framework of East-West literary relationships. Thus, of importance are the issues of Leo Tolstoy’s perception of Eastern religious and philosophical teachings, and the understanding of Leo Tolstoy’s worldview and his artistic experiences by Eastern cultural figures (for example, the topic “Tolstoy and the World of Muslim Spiritual Traditions” presented in various vectors and hypostases: “Tolstoy and the Koran”, “Leo Tolstoy and the Classic Writers of the Arab-Muslim East”, “Tolstoy and Sufism”). It should be emphasized that the target setting of the Center is not limited to Leo Tolstoy. Since Leo Tolstoy is the pinnacle and integrative, synthetic magnitude of Russian classical literature, then, logically, all the issues listed above and their study, can be referred to the names of other writers and poets who make up the “golden fund” of Russian literature. The Center is also engaged in special educational projects, public initiatives, and other forms of external organizational work.

Keywords: Leo Tolstoy, Russian classical literature, Kazan, Kazan Federal University, scientific and educational center, tasks and prospects.

В марте 2019 года в Казанском (Приволжском) федеральном университете был создан научно-образовательный «Центр Толстого» (официальное наименование: «Центр по изучению наследия Льва Толстого»). Событие это по-своему знаменательное, если учесть, что имя Л. Н. Толстого связано не просто с Казанью как городом, точкой на географической карте, но прежде всего с Казанским Императорским университетом, в котором писатель учился. Центр Толстого обладает некоторыми отличительными чертами: как структура он стремится занять собственную «культурно-экологическую» нишу. Они, эти черты, определяются в первую очередь основными исследовательскими задачами, которые перед ним стоят. Их совокупность правомерно свести к одному базовому элементу, а именно: Центр ставит главной целью изучение творчества Л. Н. Толстого в региональном контексте, особенно – в контексте его культурно-национальной рецепции народами России (по преимуществу Среднего Поволжья, в значительной мере тюрко-татарским этносом). Это, в числе прочего: сбор и систематизация литературных переводов сочинений Л. Н. Толстого на языки нерусских народов России и СНГ; освещение связей Л. Н. Толстого и региональных писателей, философов и публицистов в сравнительно-сопоставительном ключе; описание деятельности региональных толстоведческих школ и направлений научно-критической мысли (с уяснением концепций отдельных видных персоналий). В то же время Центр не исключает наличия и более

широких, глобальных проблем и подходов, в координатах Запада и Востока. Так, актуальными продолжают оставаться вопросы восприятия Л. Н. Толстым восточных религиозно-философских учений и освоение деятелями восточной культуры толстовского мировоззрения и художественного опыта (например, «Толстой и мир мусульманской духовной традиции» в различных векторах и ипостасях: «Толстой и Коран», «Толстой и писатели-классики арабо-мусульманского Востока», «Толстой и суфизм»). Следует подчеркнуть, что целевая установка Центра не ограничивается только Л. Н. Толстым. Поскольку Л. Н. Толстой является вершиной и интегративной, синтетической величиной русской классической литературы, то, по логике вещей, все перечисленные вкратце проблемы, их изучение в указанном плане относимы к именам других писателей и поэтов, составляющих «золотой фонд» русской словесности. У Центра также имеются просветительские проекты, публикационные инициативы, иные формы внешней организационной работы.

Ключевые слова: Лев Толстой, русская классическая литература, Казань, Казанский федеральный университет, научный и образовательный центр, задачи и перспективы.

В марте 2019 года, после юбилейных торжеств, связанных со 190-летием Л. Н. Толстого, приказом ректора в Казанском федеральном университете официально был образован «Центр по изучению наследия Льва Толстого» – структурная единица в составе Института филологии и межкультурной коммуникации. Создание этого Центра не было случайным. Его возникновение вполне закономерно и объясняется не только очевидными причинами (Толстой учился в университете, его предки имеют самое непосредственное отношение к городу и краю). Существуют также причины «внутренние».

Известно, что 12 ноября (по старому стилю) 1910 года Совет профессоров Императорского Казанского университета на экстренном заседании в связи со смертью писателя принял постановление об увековечивании «памяти графа Л. Н. Толстого». И хотя порядок запланированных мер касался в основном внешних, организационных сторон этого процесса (ежегодное освобождение «от взноса платы за слушание лекций, по усмотрению факультетов, сверх нормы по одному студенту первого курса на каждом факультете», учреждение «стипендии или премии за лучшие сочинения студентов в память писателя», «постановка мраморных досок на домах, в которых проживал Лев Николаевич в бытность свою студентом Казанского университета», «украшения имеющегося в актовом зале портрета Льва Николаевича венком и бронзовой доской с соответствующей надписью»), тем не менее и научный элемент в нем нашел свое отражение. Во втором пункте постановления говорилось: «Образовать специальную комиссию для изыскания *способов* увековечивания памяти Льва Николаевича Толстого» (курсив мой. – Р. Б.), архив Музея истории КГУ (цит.: [Коновалова, с. 307]). Ключевым словом в этом документе является «способ», то есть «путь», «средство», «метод» достижения заявленной цели. По логике вещей, одним из «способов увековечивания памяти» является плано-

мерное (а не от случая к случаю) исследование творчества писателя в стенах самого университета, так что, если подумать, можно прийти к тому выводу, что содержание второго пункта реализовалось, наконец, в общественно значимых формах спустя почти 110 лет – немного по меркам российской жизни с ее «постоянным непостоянством», бесконечными разрывами традиций, которые казались незыблемыми, путанными бюрократическими «рогатками» и многими другими социально-историческими и житейскими «коло-вращениями», так осложняющими существование человека на большой и богатой земле¹...

Естественно, что в научно-исследовательской перспективе Центр стремится занять и освоить собственную «культурно-экологическую» нишу. Именно она определяет его своеобразие среди других центров современного толстоведения, делает его лицо особенным, непохожим на остальные.

¹ О том, например, с какими трудностями была сопряжена деятельность по созданию Музея Льва Толстого в Казани, рассказано в статье С. А. Коноваловой [Коновалова]. Она, в частности, пишет: «На разных уровнях в разные годы затрагивались проблемы увековечения памяти великого писателя в Казани: от историко-архитектурных исследований толстовских домов и установки мемориальных досок до организации выставок к юбилейным датам, переименования улиц, установления бюста писателя и т. п. Так продолжалось до 1999 года <...>. Наконец <...> 27 сентября 2000 года вышло Постановление кабинета Министров Республики Татарстан „О создании в г. Казани музея Л. Н. Толстого“ на базе Национального музей Республики Татарстан» [Коновалова, с. 306–308]. Надо иметь в виду, что за лаконично-перечислительным описанием этой работы стоял огромный труд энтузиастов – как до, так и после появления Музея: «переписка с различными инстанциями, создание научной концепции <...>, проектной документации, обоснование и направление <...> заявок <...>, оформление земельного участка и пр.» [Там же: с. 309].

Основная специфическая черта Центра, по замыслу, заключается в региональном подходе к наследию Толстого, в изучении его творчества сквозь призму региональных (и сопутствующих им) представлений. Подчеркнем, что это относится не только к Толстому, но и к русской литературной классике вообще. Дело в том, что в исходном черновике проекта, на стадии письменного обоснования, само название Центра было несколько иным. Предполагалось, что Центр будет иметь два взаимозависимых наименования, полное и сокращенное, как это нередко бывает в номенклатуре. В полном отражался подход, ориентированный на освещение проблем всей русской литературы как единого текста с акцентом на классике, феномене актуальном, вечно востребованном: «Центр по изучению творчества Л. Н. Толстого и русского классического литературного наследия». Две части одного названия, соединенные сочинительным союзом, тут как бы уравнивались, вернее, перекликались, указывали друг на друга, являлись «сообщающимися сосудами». Это отнюдь не случайно, ибо Толстой как всякая гениальная личность – интегративная, синтетическая величина русского литературно-художественного процесса. Он, с одной стороны, яркая вершина предшествующего развития, его закономерный подъем до мыслимых пределов, а с другой – точка, от которой расходятся множественные динамические линии русского философско-эстетического сознания. Все достаточно банально, старо как мир: без Толстого нет русской литературы в ее полноте и всесторонности... В сокращенном (более обиходном, так сказать) фигурировало лишь имя Толстого: «Центр Льва Толстого», «Центр Толстого», но не более, во-первых, как высший ориентир, и, во-вторых, как удобная форма распознавания, подобно тому как название Института Конфуция ассоциируется с традиционной китайской культурой, пропагандируемой в мире по принципу «мягкой силы», с Китаем в целом, Института Гёте – с Германией, Института Сервантеса – с Испанией, Института Абая (действовал в середине 2000-х годов в качестве негосударственного казахского культурного центра в Москве) – с Казахстаном и т. д.²

² На последнем этапе согласования документов в предложенных, полном и сокращенном, наименованиях нам было отказано (пожалуй, «волюнтаристски», без понимания и – самое главное – консультирования с разработчиком проекта); остался усредненный вариант, механическое совмещение двух. Говоря откровенно, мы видим в этом заметную концептуальную ошибку – слава Богу, не столь «трагическую», поскольку в целях и задачах Центра ориентация на русскую классику, а не на одного Толстого, сохранилась;

В чем же выражается региональный аспект освещения творчества Толстого (и других русских писателей)? Прежде всего в проблемно-тематических предпочтениях и теоретико-методологических ракурсах исследования. Центр ставит насущной задачей изучение национального и этнокультурного восприятия толстовского образно-художественного и философского наследия.

Россия – страна многонациональная и многоконфессиональная. В этом плане вполне логичным выглядит желание посмотреть, как отражалось творчество Толстого в рецептивном мышлении народов России. Поскольку Казань – срединный топоним на географической карте тюркотатарского мира, то исследования в первую очередь должны и будут вестись в направлении восприятия творчества Толстого татарской культурой. Скажем, проблема «Толстой и татарская литература» включает различные грани, и все они, увы, изучены недостаточно. Так, мы до сих пор не знаем точно о количестве переводов толстовских произведений на татарский язык. Составленный когда-то литературоведом Э. Г. Нигматуллин замечательный библиографический указатель татарских переводов произведений русской словесности [Нигматуллин] нельзя признать «последним и окончательным» словом в этом кропотливом подсчете. Это, в частности, касается переводов, сделанных до 1920-х годов, когда татары использовали письмо на основе арабской и латинской графики³; советский пери-

они хорошо прописаны. Но как было бы все же замечательно иметь два точных имени, указывающих на две грани целого! Мы, разумеется, не «придираемся», чтобы не казаться излишне мелочными, шепетильными. И все-таки название корабля, каким бы ни был его размер и состав, – дело далеко не последнее, особенно когда речь идет о названиях в филологическом ведомстве, где точность и выразительность – важные критерии лексического отбора в обозначении предметов или понятий...

³ Приведем пример, который, с одной стороны, демонстрирует трудность определения источника перевода, а с другой – не исключает толстовского влияния. Татарский меценат и поэт конца XIX – начала XX века Дэрдменд является автором небольшого сборника «Короткие рассказы для детей» («Балалар өчен вак хикаяләр»), увидевшего свет в 1910 году. В 1959 и 1980 годах этот сборник переиздавался в собраниях сочинений писателя (в разделах «Короткие рассказы»), а в первоначальной публикации на титульном листе имел добавление: букв. «Взято из других языков и систематизировано» («Башка телләрден күчереп тәртип ителде»). Сборник содержал 8 разножанровых эпических произведений дидактического смысла: сказок, притч, былей. Их конкретный генезис

од татарского переводческого толстоведения представлен неплохо (см.: [Кадыров]). Необходим в итоге отдельный полный указатель переводов толстовских сочинений на татарский язык; этот список по идее должен носить комплексный характер, то есть учитывать не только переводы, взятые сами по себе, но и всю связанную с ними критику, опубликованную как в старых, так и новых журналах, научно-литературоведческих статьях и монографиях. Ясно, что сам указатель – фундамент для углубления в проблематику, ибо предстоит понять качественную сторону переводов; любой переводчик, сознательно или нет, – носитель определенной стратегии переводческого мастерства, которая задается индивидуально-авторским началом и категориями значительно более общего, типологического и генетического, порядка, к которым плотно примыкают культурно-исторические тренды, национальные элементы, даже цивилизационный вектор, воплощаемый, впрочем, не напрямую, а опосредованно, косвенно, через цепочку последовательно-переходных форм.

Но мало зафиксировать переводы, систематизировать их в одном указателе. Их нужно издавать, причем не только в печатно-бумажном, но и электронном виде, с размещением на сайте Казанского университета, на специально выделенной для этого странице, а также в социальных

установить сложно; виной тому – универсальность тем и сюжетов, которые разрабатывал Дэрдемнд, не указавший отчетливо, какими материалами он пользовался. Можно предположить, что они были связаны с турецкой и русской литературами. Влияние последней ощутимо в сказке «Сокровище» («Бер хэзинэ») о старом крестьянине, который перед смертью сказал сыновьям, что в поле хранится зарытый им клад и что если землю перекопать, то он станет их собственностью; поле было перерыто, клад не нашелся, зато из-под земли после приложенных трудов выросла пшеница, она дала тучный урожай, обогативший сыновей ([Дэрдемнд]). По сюжетно-фабульной линии и лаконизму изобразительных средств этот текст напоминает басню Эзопа «Садовник и сыновья» в переводе-пересказе Толстого. Толстой включил ее во «Вторую русскую книгу для чтения» – своего рода приложение к «Новой Азбуке» [Толстой]. Поскольку детские рассказы Толстого привлекали не только русских, но и иноязычных читателей (Каюм Насыри переводил выборочно тексты из толстовских «Азбук» для своей хрестоматии, это делали тогда многие тюркские педагоги-просветители России, из казахов – Ибрай Алтынсарин, из азербайджанцев – Джалил Мамедкулизаде...), то допустимо утверждать, что «эзопову басню» Дэрдемнд позаимствовал именно у Толстого. Проблема «Толстой и Дэрдемнд» фактически не ставилась, и много еще нужно сделать, чтобы ее полноценно раскрыть.

сетях, лучше – в местном сетевом толстоведческом сообществе, который еще предстоит сформировать и наполнить соответствующим контентом, как принято теперь говорить. Дореволюционные татарские журналы, газеты и книги находятся в библиотечно-архивных фондах, и там они ветшают. Наш проект предусматривает возможность их переиздания, пока, правда, в порядке частной инициативы заинтересованного лица, а не целевой программы. «Вторая жизнь переводам на старотатарском языке» – так можно было бы назвать подпроект Центра. Он предполагает переиздание мелкоформатных татарских брошюр с переводами сказок, басен, былей Толстого, его публицистики в серии под условным обозначением «Библиотека татарского перевода» («Татар тәржемәханәсе»). Отметим, что в Научной библиотеке имени Н. И. Лобачевского Казанского университета насчитывается около 50 наименований произведений Толстого, переведенных на татарский язык и напечатанных в брошюрованном виде в типографиях Казани, Санкт-Петербурга, Оренбурга и Троицка. Среди них такие поучительные истории-рассказы, как «Царь Крез и мудрец Солон», «Как чертенок краюшку выкупал», «Вражье лепко, а божье крепко», «Мальчик с пальчик», «Дружба лошади с собакой», «Карма», «Бог правду видит, да не скоро скажет», пьеса «Живой труп», перевод которой не переиздавался с 1912 года, и т. д.⁴

Кроме того, крайне полезным было бы осветить тему «Толстой и татарские писатели». Толстой оказал влияние на некоторых татарских интеллектуалов конца XIX – начала XX столетия как содержанием своего духовно-нравственного учения, демократизмом жизненного стиля, непримиримой гражданской позицией, так и первоклассной формой литературных сочинений (в последнем случае – наряду с иными русскими писателями-классиками). Достаточно сказать, что жанр социально-психологического романа в татарской словесности XX века получил мощный импульс для развития именно благодаря русским текстам, в том числе толстовским с их «диалектикой души», въедливым самоанализом, развернутой рефлексией⁵.

⁴ Переиздание должно быть каноничным по структуре и содержать: 1) текст сочинения Толстого по полному академическому изданию (с проверенной текстологией), 2) факсимильную копию арабо- или латинографического перевода, 3) его кириллическую транскрипцию, 4) вступительную статью о переводчике и особенностях им выполненного перевода.

⁵ Надо сказать, что татарская национальная рецепция русско-европейских жанрово-стилевых форм на фоне общевосточной ситуации не является чем-то исклю-

Аналогичный подход может быть распространен и на литературы других народов России. Казань – центральный город Среднего Поволжья. Со времен Булгарского государства и Казанского ханства он объединял территорию, на которой компактно проживали чуваша, марийцы (горные и луговые), удмурты, мордва (эрзя и мокша) – коренные этносы тюркского и финно-угорского происхождения. В российско-имперский период Казань оставалась городом губернского назначения, со сравнительно широкими финансово-экономическими и культурно-просветительскими полномочиями; это приводило к тому, что народы Поволжья считали город «своим»: многие деятели их национальных движений получали образование в Казани, в ней печаталась литература на языках народов Среднего Поволжья, выходили в свет азбуки для детей и т. д. Центр мог бы организовать, скоординировать работу по созданию указателей переводов произведений Толстого на языки волжских народов, по переизданию переводной продукции, уяснению того, какое конкретное воздействие оказал Толстой (и русская классическая литература) на литературу чувашскую, марийскую, удмуртскую и мордовскую. Сбор материалов такого рода Центром ведется своими силами уже сейчас. К примеру, на основе электронных ресурсов Национальной библиотеки Чувашской Республики нами были систематизированы чувашские переводы Толстого. Собрано немного, однако то, что имеется на руках, свидетельствует об устойчиво-осознанном внимании чувашской интеллигенции к Толстому и открывает перспективы для сравнения и сопоставления переводов, сделанных на татарский и чувашский языки, для

чительным, из ряда вон выходящим. А. З. Розенфельд, занимавшаяся проблемами персидских переводов русской классики, в одной из своих статей справедливо писала, что жанр короткого рассказа в Иране занял подобающее место не только благодаря внутреннему эстетическому развитию литературы на фарси, но и потому, что иранские писатели переводили русскую прозу, прежде всего А. П. Чехова, считавшуюся непререкаемым эталоном (заметим, как и произведения французской литературы). Оригинальная персидская новелла длительно не воспринималась в качестве изящно-образного слова, в системе жанров она играла второстепенную, малозначительную роль, предпочтение отдавалось либо утонченной классической (по сути, средневековой) персидской поэзии, либо современной лирике, подражавшей ей [Розенфельд, с. 74]. Переводы, таким образом, стали могучим толчком творческого движения, совпав с запросами новой читательской аудитории, сформировавшейся в Иране в 1920–30-е годы (в татарской литературе примерно так же).

осмысления истории обращения к автору «Войны и мира» разных народов, не исключая, конечно, и тех, которые живут на остальной территории России (калмыки на Нижнем Поволжье, буряты и тувинцы в Южной Сибири, коми на Севере и т. д.). Центр планомерно, без спешки и по мере возможностей, должен включиться в работу, направленную на объединение усилий тех исследователей, которых привлекает национальная тематика и которые владеют в той или иной степени языками народов России.

Татарский мир – органичная часть тюркской среды. Отсюда понятно, что Центр мог бы заложить и укрепить диалогические связи с представителями тюркской культуры России и стран СНГ, которых увлекает проблема рецепции Толстого в их национальных литературно-художественных системах с тем же набором подходов: библиография переводов, их книжно-электронное издание (дабы сохранить наследие начала XX века, когда процесс тюркской солидарности шел наиболее активно и полнокровно), анализ переводческой деятельности в заданном направлении, разбор форм адаптации толстовского вектора русской классики в произведениях литературы и искусства тюркских народов (башкир, якутов, алтайцев, крымских татар, казахов, узбеков, азербайджанцев...). Тема «Толстой в тюркском духовно-художественном пространстве» во всей палитре точечных вопросов и решений видится нам чрезвычайно перспективной, выражающей идею полилога культур, имеющих один генетически значимый корень.

В той же мере было бы желательно с новых позиций изучить давнюю проблему «Толстой и Восток», ведь Казань некогда была «воротами в Азию»⁶. Проблема эта многоаспектная, ее можно осмысливать последовательными концентрическими кругами, от ближней диспозиции к даль-

⁶ Ныне, бесспорно, это крупный европейский город со слабо выраженной ориентальностью. Тем не менее исторический поворот на Восток – в чем-то реальный, в чем-то декларативный – остается в ней фактором глубинного порядка, его нельзя искоренить или сделать вид, будто он не существует из-за процессов глобализации, унифицирующих жизнь людей. Слова А. И. Герцена, передающие его первые впечатления о Казани по пути в Пермь для отбытия ссылки: «Три дня бродил с жандармами по городу. Татарки с покрытыми лицами, скуластые мужья их, правоверные мечети рядом с православными церквями – все это напоминает Азию и Восток. В Владимире, Нижнем – подозревается близость к Москве, здесь – даль от нее» [Герцен, с. 225], продолжают характеризовать столицу Республики Татарстан как города смешанных культурных практик.

ней. Такие темы, как «Толстой и Коран» (шире – «Толстой и мир мусульманской культуры»), должны в Казани стать приоритетными, по крайней мере принципиальными, немаловажными. Несмотря на наличие положительных знаний о них, многое до сих пор остается не проясненным. Так, особое внимание вызывают пометы писателя на изданиях Корана в яснополянской библиотеке, суждение Толстого об исламе, в котором он, по своему обычаю, выделял свойства, совпадающие с его собственной мировоззренческой системой, толстовская «полемика» о том, надо ли переводить Священную книгу мусульман на национальные языки (высказывания об этом прилежно зафиксировал В. Ф. Булгаков, последний секретарь и биограф Толстого, в своих дневниковых заметках), встречи автора «Анны Карениной» с мусульманскими деятелями конца XIX – начала XX века (иногда – сектантами). Проблема «Толстой и бабиды» как часть вопроса о формах присутствия художественного и философско-публицистического слова Толстого в Иране не может быть обойдена: в ней заложен весомый потенциал для понимания русско-персидского диалога во всем его разнообразии; Толстого-моралиста неподдельно увлекали персидские сказки и суфийские притчи (см.: [Насири]), в Иране Толстого переводили и читали, мало того – персидская филологическая традиция демонстрирует образцы сопоставительного постижения идей Толстого на фоне ключевых фигур внутринационального духовного и эстетического течения, о чем мы часто плохо знаем, будучи нацеленными – едва ли не априорно – на западные или русские истоки и контекст толстовского творчества. Темы «Толстой и Китай», «Толстой и Индия», «Толстой и Япония» могут быть осмыслены дополнительно, с новых точек зрения.

Безусловно, нельзя забывать и о сложившейся по биографическим обстоятельствам теме «Толстой и Казань». О ее гранях уже писалось (см.: [Смирнов, 2003], [Смирнов, 2019, № 8], [Смирнов, 2019, № 46], [Бушканец])⁷. Добавим,

⁷ Помимо факта личного пребывания Толстого в Казани (в период отрочества и юности, наездом, по пути), к ним примыкают переписка Толстого с казанскими корреспондентами, воспоминания о Толстом, написанные мемуаристами из Казани, выпуск в Казани литературоведческих книг о Толстом и его роде, отклики в региональной прессе (в связи с юбилейными датами или годовщинами смерти, см. из последних по времени работ, в которых собраны материалы историко-архивных и реставрационно-археологических разысканий: [Амерханова], [Смирнова, Хайруллина]) и проч.

что эту тему правомерно «интенсифицировать», находя (один из возможных путей) отражение казанских страниц жизни писателя в его произведениях, необязательно тех, как рассказ «После бала», в которых Казань изображалась сознательно. Помимо этого, бережно, по крупицам, собранную краеведческую информацию нужно продолжать популяризировать среди различной читательской и слушательской публики. Тут работа Центра могла бы пересечься с просветительской работой Музея Толстого в Казани.

Региональная составляющая Центра оживляет и то направление метаисследований, которое придает значение толстоведческим трудам и их авторам. Творческие портреты выдающихся (или даже «забытых»!) толстоведов, то есть их биографии и научно-концептуальные построения, заслуживают того, чтобы о них говорить вслух или писать. Понятие «научной школы» сейчас практически кануло в лету. В гуманитарных дисциплинах «школы», которые объединялись бы личностью человека, совмещающего организаторские способности с исследовательским талантом, почти нет. Время поощряет индивидуализм и узкое практическое целеполагание; если коллектив возникает, то, как правило, временно, для решения единичных задач (издание тематического сборника статей или литературоведческого словаря, обсуждение вопросов в рамках «круглых столов», ежегодные конференции и семинары), что тоже неплохо. Тем не менее сегодня отсутствует классическое понимание «школы» как содружества искренних и добрых единомышленников с демократичным лидером, единым (но не единственным!) методологически продуманным подходом к объяснению каких-либо фактов художественной жизни прошлого и настоящего. Отсюда – потребность твердо знать опыт толстоведов предшествующих эпох и прежних толстоведческих кружков, если такие стабильно существовали (вообще провинциальных школ по изучению русского литературного наследия). Связь поколений не должна прерываться!

Региональный статус Центра, однако, не должен трактоваться как «мелкотемье» или «местечковость». Во-первых, обозначенные пунктиры содержательной работы Центра – не «местечковость», если помнить, что в глобализационных тенденциях современной жизни важно сохранять традиционное начало, которое позволяет избегать шаблонной унификации, превращения разнообразного в простую стандартизованную схему. Во-вторых, не подлежит сомнению необходимость изучения Толстого в ракурсах современной культурной ситуации. Это выдвигает на первый план освещение в проблемном

ключе русского литературного канона, его отношений с нынешней противоречивой эпохой. Более того, первостепенным становится вопрос прочтения Толстого в свете новых методологических программ (она, кроме всего прочего, предусматривает учет трудов зарубежных толстоведов), а также в режиме комплексно-системной парадигмы с акцентом на достижениях минувших дней (в области текстологии или других прикладных наук). Должна быть принята во внимание и многогранность личности самого Толстого. Он был не только писателем, но и философом-моралистом, педагогом, психологом, общественным трибуном, человеком в житейском измерении со своим, ему одному присущим темпераментом. В соответствии с этим метод постижения его слова должен носить межпредметный характер, с избеганием какой бы то ни было научной изоляции – только широкий охват подходов высвечивает целостность натуры гения.

Каким же образом осуществить описанный вкратце план, «овеществить» его, сделать социально воспринимаемым феноменом?

Во-первых, Центр хотел бы открыть публикационную площадку. Ею могут стать два ведущих толстых журнала Казанского федерального университета: «Филология и культура» и «Ученые записки Казанского университета». «Филология и культура» – гуманитарный журнал, который входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; журнал заодно включен в Российский индекс научного цитирования. Литературоведческий раздел «Ученых записок Казанского университета» в качестве рецензируемой части журналов ВАК РФ теперь не числится. Тем не менее это авторитетное старейшее (с 1834 года) периодическое издание Казанского университета⁸, в котором всегда престижно печататься (не все же определяется в науке системой формальных показателей!); его материалы аккуратно размещаются на сайте университета. Эти два журнала – способ консолидировать исследователей. И дело не в количестве опубликованного, а в его качестве, системной тенденции и элементарной регулярности, несмотря на то что жизнь порой вносит существенные коррективы в любое мало-мальски

обдуманное планирование, они неизбежны, к ним поневоле приходится привыкать.

Во-вторых, Центр не сразу, со временем мог бы организовать свой печатно-электронный орган – научно-просветительский альманах «Казанский толстовец». Альманахи числятся в разряде неперидических изданий, и в этом есть преимущества, полезные для выполнения задач Центра: например, более свободное комплектование текстов, принадлежащих различным жанрам, которые обозначаются в рубрикации. Разделы альманаха «Казанский толстовец» могли бы принять следующий вид: 1) «Академическая статья» (с двумя подразделами: I. «О Льве Толстом» и II. «О русских писателях-классиках»), 2) «Заметки на полях (маргиналии)», 3) «Архивный материал» (он содержал бы переписку, воспоминание, конспект лекции...), 4) «Портреты» (он касается творческих образов ученых-толстоведов и, вообще, исследователей-русистов), 5) «Из забытых публикаций прошлого» (обязательно – с вдумчивыми комментариями публикатора; тут, кстати, возможно издание – целиком или в наиболее интересных фрагментах – студенческих дипломных трудов, написанных в те годы, когда интернет не был неотъемлемой частью жизни, общественной и индивидуальной; к публикациям их в строгом смысле причислить нельзя, ведь они имеют рукописный вид, и все же ценности не теряют, если были подготовлены трудолюбивыми авторами, начинающими специалистами, со знанием дела, а с понятием «забытости» зачастую соотнесены), 6) «Рецензии и обзоры» (рецензия на одну или несколько книг, обзор литературоведческих новинок о Толстом и других русских писателях, изданные не только в столице, но и в провинциальных городах), 7) «Переводы». Последний пункт-раздел вызван острой и живой потребностью донести до читателя статью или книгу о Толстом (ином русском писателе-классике), напечатанную в иностранном издательстве и не переведенную на русский язык. Мы не всегда в нужной мере знаем о том, что происходило и происходит в зарубежном толстоведении (литературной русистке), между тем отдельные научные сочинения западных и восточных авторов как прошлого, так и настоящего требуют внимания отечественных исследователей: эти тексты дают либо пищу для размышлений, либо любопытнейшие текстологические и методологические находки, которые можно плодотворно использовать в дальнейшем. При этом публикация должна соответствовать всем «стандартам качества», чтобы привлечь читателя к иноязычному тексту, то есть иметь вступительное слово и пояснительный аппарат. Внешним «украшени-

⁸ «Филология и культура. Philology and Culture» – журнал в сравнении с ним весьма молодой. Он был органом печати Казанского государственного педагогического университета, получив после разного рода организационных изменений свое последнее наименование.

ем» альманаха может стать специально разработанный и затем легко узнаваемый «гриф» («логотип») Центра, размещаемый на обложке. Этот «логотип» целесообразно употреблять и в других локусах присутствия Центра.

В-третьих, Центру по возможности надо рассказывать о себе и размещать собранные материалы в электронном формате. На сайте Казанского университета для этого выделена особая страница (см.: [Научно-образовательный центр...]), пока она довольно-таки скромная, однообразная. Концепция Центра предполагает ее наполнение. На публичной странице мы выложили бы: 1) труды Центра (все, что будет опубликовано нами с «логотипом» или без него: статьи, библиографические указатели, учебные и методические пособия, монографии, переводы и т. д.), 2) труды толстоведов и русистов, в первую очередь региональных (либо с их согласия, либо с разрешения лиц, так или иначе с ними связанных!), 3) фото-, аудио- и видеофайлы, отражающие деятельность Центра (участие в конференциях, симпозиумах, семинарах, форумах, фестивалях, конкурсах, олимпиадах – как в Казани, так и за ее пределами; записи чтения произведений Толстого на национальных языках народов России и СНГ; лекционные курсы⁹ и т. д.). Кроме того, необходимо создать открытое социальное сообщество в «ВКонтакте», «Фейсбуке» и на других электронных ресурсах с определенным дублированием информации, расположенной на сайте университета, чтобы с толстоведческим контентом могли познакомиться все любители русской литературы. «Корневая» платформа могла бы иметь название по имени Центра, а ассоциированные с ней – менее официальные наименования (допустим, локальное сообщество «Зеленая палочка» – у Толстого с детских лет

⁹ Аудио- и видеозаписям способствует тот факт, что в Институте филологии и межкультурной коммуникации имеется технически хорошо оснащенная лаборатория цифровых образовательных технологий, «теле-студия», в которой можно зафиксировать на видеокамеру любую презентацию, начиная от лекции и заканчивая коротким по временному интервалу роликом, в зависимости от поставленной задачи и состава аудитории, к которой адресант обращается. Всякая запись на цифровой носитель требует долгой и терпеливой подготовки, это совсем не спонтанный труд, как думают, при ответственном и творческом отношении он крайне «энергозатратен», тяжел, обуславливаясь как ораторскими способностями человека, его психологическим состоянием (уверенностью), умением держать себя перед реальной или виртуальной аудиторией, так и содержанием предлагаемого на рассмотрение материала.

символ всечеловеческой гармонии и счастья и т. д.).

В-четвертых, Центру предстоит углублять сотрудничество в сфере научной и образовательной деятельности между Казанским федеральным университетом и Государственным мемориальным и природным заповедником «Музей-усадьба Л. Н. Толстого „Ясная Поляна“», а также проводить работу НОЦ с другими центрами по изучению творческого наследия Л.Н. Толстого и русских писателей-классиков (музеями, вузами России, Ближнего и Дальнего зарубежья)¹⁰. Надеемся, что Центр будет проводить и собственные научные семинары по отдельно взятым проблемам толстоведения и русистики, когда накопится опыт исследований в описанном выше направлении. Центру предстоит оформлять заявки на гранты разных уровней (это веление времени, и обойти такую задачу стороной нельзя, каким бы ни был результат).

В-пятых, Центр намеревается оказывать содействие в подготовке квалифицированных специалистов по образовательным и научным программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Это значит, в числе прочего, что учащиеся Института филологии и межкультурной коммуникации станут получать для курсовых и дипломных работ, магистерских и аспирантских диссертаций темы, не просто связанные с творчеством Толстого, а ориентированные на тот на-

¹⁰ На данный момент Центр регулярно сотрудничает с Яснополянским музеем-усадьбой (Тульская область) и музеем-заповедником «Усадьба „Мураново“» имени Ф. И. Тютчева (Московская область). Сотрудники Центра (и лица, формально не числящиеся как сотрудники, но осуществляющие посильную техническую помощь ему) посещают Ясную Поляну, участвуя в ежегодных международных семинарах переводчиков Толстого и других русских писателей, которые там проходят (см.: [Бекметов, 2017], [Бекметов, 2020 (а)], [Саяпова, 2017], [Саяпова, 2020 (а)], [Закиров 2018], [Закиров, 2020]). Яснополянские коллеги приезжают в Казань на проводимые каждый год силами кафедры русской и зарубежной литературы (заведующий – профессор О. О. Несмелова) Института филологии и межкультурной коммуникации научно-образовательные форумы и фестивали имени Л. Н. Толстого (академическая часть). В усадьбу «Мураново», связанную с именами Ф. И. Тютчева и Е. А. Боратынского, их потомков, сотрудники Центра ездят с научно-филологическими докладами (см.: [Бекметов, 2020 (б)], [Саяпова, 2020 (б)]); по результатам участия в «Мурановских чтениях», традиционно ежегодных, появляются темы, прямо относящиеся к творчеству Толстого (см.: [Саяпова, 2020 (в)]. См. другие публикации: [Закиров, 2017 (а)], [Закиров, 2017 (б)], [Саяпова, 2018 (а)], [Саяпова, 2018 (б)].

сущный контекст, который мы охарактеризовали выше. Материалы Центра можно будет активно внедрять в учебно-методический процесс, используя их на лекционных и семинарских занятиях в вузе, школьных уроках, причем не только по русской словесности.

Центр в конечном счете реализует научно-исследовательские, социально-образовательные и культурно-просветительские программы с целью: а) актуализации творчества Толстого в условиях современной культуры, б) систематизации и обобщения отечественного и мирового опыта толстоведения, в) разработки новых подходов в исследовании творчества писателя, г) создания перспективных направлений в изучении его творчества, а также, уточним еще раз, творчества других русских писателей-классиков. Центр ставит первоочередной задачей изучение национальной и региональной специфики в восприятии толстовского художественного и филологического наследия.

Наш Центр, несмотря на «косвенно-генетическую» связь с университетской жизнью начала XX века, – молодой, «дитя новорожденное». Поддержанный руководством Института филологии и межкультурной коммуникации и общеуниверситетским начальством, он, в сущности, является проектом энтузиастов, выражением их воли и энергии. Что из намеченного нами здесь осуществится – покажет время. Критерием истины, по мысли К. Маркса (к которому серьезные философы всегда относились с трезвым аналитическим интересом, хотя могли обоснованно не соглашаться), является практика. Платон, греческий мыслитель, призывал удивляться не тому, чего нет, а тому, что есть, существует как осязаемый факт в очерченных границах. Даже если ничтожно малая часть из планируемого воплотится, мы будем считать это сверхпозитивным достижением в предложенных обстоятельствах...

Список литературы

Амерханова Э. И. Издание родового архива Толстых-Милославских // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2018. № 2 (91). С. 6–14.

Бекметов Р. Ф. Лев Толстой и татарские писатели начала XX века: об отношении к мировой культуре и принципах литературного перевода (из опыта сопоставления дискурсивной практики) // Материалы XI Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 6–7 сентября 2016 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2017. С. 71–79.

Бекметов Р. Ф. Русская классика на страницах татарского литературного журнала «Огни Казани»

(«Казан утлары»): сочинения Льва Толстого // Материалы XIV Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 10–13 сентября 2019 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2020 (а). С. 69–82.

Бекметов Р. Ф. Тютчев и Дэрзмэнд // Мурановские чтения – 2019: материалы научной конференции 4–6 декабря 2019 года. Ижевск: Изд-во ООО «Принт», 2020 (б). С. 42–55.

Бушканец Е. Г. Юность Льва Толстого: казанские годы. Казань: Изд-во Казанского университета, 2016. 184 с.

Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 томах. Т. VIII: Былое и думы, 1852–1868, ч. I–III. М.: Наука, 1956. 519 с.

Дэрзмэнд. Сокровище (сказка) / пер. с татар. Р. Ф. Бекметова // Идель. 2019. № 12 (363). С. 65.

Закиров А. И. Ситуации с художественно-эстетической категорией «случай» в татарском переводе романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: стилистический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2017 (а). № 2 (48). С. 55–62.

Закиров А. И. Семантико-стилевые особенности перевода на татарский язык романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Филология и культура. Philology and Culture. 2017 (б). № 3 (49). С. 146–153.

Закиров А. И. Эпизоды случайных встреч Константина Левина и Стивы Облонского в татарском и английском переводах романа Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» // Материалы XII Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 25–29 августа 2017 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2018. С. 113–123.

Закиров А. И. Диалектизмы как стиливое своеобразие Л. Н. Толстого в татарском и английском переводах романа «Анна Каренина» // Материалы XIV Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 10–13 сентября 2019 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2020. С. 29–36.

Кадыров О. Х. Роль Л. Н. Толстого в становлении и развитии татарской реалистической литературы: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 1996. 330 с.

Коновалова С. А. Музей Льва Толстого в Казани на пути создания // Лев Толстой и общество любителей российской словесности. М.: Academia, 2008. С. 306–327.

Насири Н. Мотивы «Маснави Манави» Джала-ледина Руми в русских книгах для чтения Л. Н. Толстого // Вестник РУДН. Серия Литературоведение, Журналистика. 2016. № 1. С. 79–83.

Нигматуллин Э. Г. Диалог литератур: указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык. Казань: Унипресс, 2002. 176 с.

Научно-образовательный центр по изучению наследия Л. Н. Толстого. URL: <https://kpfu.ru/philology-culture/struktura-instituta/nauchno-obrazovatelnye-centry-noc/nauchno-obrazovatelnyj-centro-izucheniju> (дата обращения: 02.05.2021).

Розенфельд А. З. А. П. Чехов и современная персидская литература // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 73–79.

Саянова А. М. Резонансные переключки в текстах Льва Николаевича Толстого и Мартина Хайдеггера: к проблеме перевода // Материалы XI Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 6–7 сентября 2016 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2017. С. 63–69.

Саянова А. М. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: экзистенциальная позиция в пограничных ситуациях // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2018 (а). № 1 (51). С. 211–215.

Саянова А. М. Современники Л. Н. Толстого – типы героев романа «Анна Каренина» (на материале энциклопедии «Лев Толстой и его современники») // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2018 (б). № 3 (53). С. 211–214.

Саянова А. М. Повесть Л. Н. Толстого «Юность» в переводе К. Миннибаева на татарский язык // Материалы XIV Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 10–13 сентября 2019 года). Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2020 (а). С. 21–27.

Саянова А. М. Образное мышление в художественных системах Ф.И. Тютчева и Л.Н. Толстого // Мурановские чтения – 2019: материалы научной конференции, дер. Мураново, 4–6 декабря 2019 года. Ижевск: Изд-во ООО «Принт», 2020 (б). С. 35–41.

Саянова А. М. Роман Ф. Ф. Тютчева «На скалах и долинах Дагестана» в свете традиций Л. Н. Толстого // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2020 (в). № 3 (61). С. 150–156.

Смирнов И. А. Лев Толстой и Казанский край: жизненный и творческий путь писателя в восприятии и оценках современников: 1841–1910 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 177 с.

Смирнов И. А. Проектирование виртуального музея великого русского писателя Льва Николаевича Толстого в Казани // Гуманитарный трактат. 2019. № 46. С. 15–17.

Смирнов И. А. Год Льва Толстого в Республике Татарстан (по материалам газет «Республика Татарстан», «Вечерняя Казань», «Мензеля» и журнала «Магариф») // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 8. С. 218–220.

Смирнова Н. Н., Хайруллина А. Д. Усадьба на Поперечно-Казанской улице (первый толстовский адрес писателя) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2018. № 2 (91). С. 15–23.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. XXI. М.: ГИХЛ, 1957. 365 с.

References

Amerkhanova, E. I. (2018). *Izdaniie rodovogo arkhiva Tolstykh-Miloslavskikh* [Publication of the

Tolstoy-Miloslavsky Family Archive]. *Gasyrlar avazy. Ekho vekov*. No. 2 (91), pp. 6–14. (In Russian)

Bekmetov, R. F. (2017). *Lev Tolstoy i tatarskie pisateli nachala XX veka: ob otnoshenii k mirovoi kul'ture i printsipakh literaturnogo perevoda (iz opyta сопоставления duskursivnoi praktiki)* [Leo Tolstoy and the Tatar Writers of the Early 20th Century: On the Attitude to World Culture and the Principles of Literary Translation (from the experience of comparing discursive practices)]. *Materialy XI Mezhdunarodnogo seminar perevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana"*, 6–7 sentiabria 2016 goda). *Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana"*. Pp. 71–79. (In Russian)

Bekmetov, R. F. (2020 (a)). *Russkii klassika na sranitsakh tatarskogo literaturnogo zhurnala "Ogni Kazani" ("Kazan utlary")*: *sochineniia L'va Tolstogo* [Russian Classics on the Pages of the Tatar Literary Journal "The Lights of Kazan" ("Kazan Utlary"): The Works of Leo Tolstoy]. *Materialy XIV Mezhdunarodnogo seminar perevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana"*, 10–13 sentiabria 2019 goda). *Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana"*. Pp. 69–82. (In Russian)

Bekmetov, R. F. (2020 (b)). *T'utchev i Dardmend* [Tyutchev and Dardmend]. *Muranovskie chteniia – 2019: materialy nauchnoi konferentsii 4–6 dekabria 2019 goda*. Pp. 42–55. *Izhevsk, izd-vo ООО "Print"*. (In Russian)

Bushkanets, E. G. (2016). *Iunost' L'va Tolstogo: kazanskie gody* [Leo Tolstoy's Youth: The Kazan Years]. 184 p. *Kazan', izd-vo Kazanskogo universiteta*. (In Russian)

Gertsen, A. I. (1956). *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Collected Works: In 30 Volumes]. Т. VIII: *Byloe i dumy, 1852–1868, Ch. I–III*. 519 p. *Moscow, Nauka*. (In Russian)

Dardmend (2019). *Sokrovistche (skazka)* [Treasure (A Fairy Tale)]. *Per. s tatar. R. F. Bekmetova. Idel'*. No. 12 (363), p. 65. (In Russian)

Kadyrov, O. Kh. (1996). *Rol' L. N. Tolstogo v stanovlenii i razvitii tatarskoi realisticeskoi literatury: diss. ... d-ra filol. nauk* [The Role of L. N. Tolstoy in the Formation and Development of Tatar Realistic Literature: Doctoral Thesis]. 330 p. *Kazan'*. (In Russian)

Konovalova, S. A. (2008). *Muzei L'va Tolstogo v Kazani na puti sozdaniia* [Leo Tolstoy Museum in Kazan on the Way to Its Creation]. *Lev Tolstoi i obschestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti*. Pp. 306–327. *Moscow, Academia*. (In Russian)

Nasiri, N. (2016). *Motivy "Masnavi Manavi"* *Jalaleddina Rumi v russkikh knigakh dl'a chteniia L. N. Tolstogo* [Motifs of "The Manavi Masnavi" by Movlana Jalal Ad Din Rumi in the Russian Books for Reading by Leo Tolstoy]. *Vestnik RUDN. Seria Literaturovedeniie, Zhurnalistika*. No. 1, pp. 79–83. (In Russian)

Nigmatullin, E. G. (2002). *Dialog literatur: ukazatel' perevodov proizvedenii russkoi literatury na tatarskii iazyk* [Dialogue among Literatures: The Index of Translations of the Works from Russian Literature into the Tatar Language]. 176 p. *Kazan', Unipress*. (In Russian)

Nauchno-obrazovatel'nyi tsentr po izucheniiu nasledii L. N. Tolstogo [Scientific and Educational Cen-

ter for the Study of Leo Tolstoy's Heritage]. URL: <https://kpfu.ru/philology-culture/struktura-instituta/nauchno-obrazovatelnye-centry-noc/nauchno-obrazovatelnyj-centr-po-izucheniju> (accessed: 02.05.2021 r.). (In Russian)

Rozenfel'd, A. Z. (1958). *A. P. Chekhov i sovremennaia persidskaia literatura* [A. P. Chekhov and Modern Persian Literature]. Pamiati akademika Ignatii Iulianovicha Krachkovskogo. Pp. 73–79. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

Saiapova, A. M. (2017). *Rezonansnye pereklichki v tekstakh L'va Nikolaevicha Tolstogo i Martina Khaideggera: k probleme perevoda* [Resonant Roll Calls in the Texts of Leo Tolstoy and Martin Heidegger: The Problem of Translation]. Materialy XI Mezhdunarodnogo seminaru perevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana", 6–7 sentiabria 2016 goda). Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana". Pp. 63–69. (In Russian)

Saiapova, A. M. (2018 (a)). *Roman L. N. Tolstogo "Anna Karenina": ekzistentsial'naia pozitsija v pogranichnykh situatsiiakh* [L. N. Tolstoy's Novel "Anna Karenina": Existential Position in Borderline Situations]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 1 (51), pp. 211–215. (In Russian)

Saiapova, A. M. (2018 (b)). *Sovremenniki L. N. Tolstogo – tipy geroev romana "Anna Karenina" (na materiale entsiklopedii "Lev Tolstoi i ego sovremenniki")* [The Contemporaries of L. Tolstoy as the Types of Characters in "Anna Karenina" (based on the encyclopedia "Leo Tolstoy and His Contemporaries")]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 3 (53), pp. 211–214. (In Russian)

Saiapova, A. M. (2020 (a)). *Povest' L. N. Tolstogo "Yunost'" v perevode K. Minnibaeva na tatarskii iazyk* [L. N. Tolstoy's Novella "Youth" Translated by K. Minnibaev into the Tatar Language]. Materialy XIV Mezhdunarodnogo seminaru perevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana", 10–13 sentiabria 2019 goda). Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana". Pp. 21–27. (In Russian)

Saiapova, A. M. (2020 (b)). *Obraznoe myshlenie v khudozhestvennykh sistemakh F. I. Tyutcheva i L. N. Tolstogo* [Imaginative Thinking in the Artistic Systems of F. I. Tyutchev and L. N. Tolstoy]. Muranovskie chteniia – 2019: materialy nauchnoi konferentsii 4–6 dekabria 2019 goda. Izhevsk, izd-vo OOO "Print". Pp. 35–41. (In Russian)

Saiapova, A. M. (2020 (c)). *Roman F. F. Tyutcheva "Na skalakh i dolinakh Dagestana" v svete traditsii L. N. Tolstogo* [Feodor Tyutchev's Novel "On the Rocks and Valleys of Dagestan" in the light of Leo Tolstoy's Traditions]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 3 (61), pp. 150–156. (In Russian)

Smirnov, I. A. (2003). *Lev Tolstoi i Kazanskii kraj: zhiznennyi i tvorcheskii put' pisatel'ia v vospriiatii i otsenkakh sovremennikov: 1841–1910 gg. : diss. ... kand. filol. nauk* [Leo Tolstoy and the Kazan Region: The Life

and Creative Path of the Writer in the Perception and Assessments of His Contemporaries: 1841–1910: Ph.D. Thesis]. Kazan'. 177 p. (In Russian)

Smirnov, I. A. (2019 (a)). *Proektirovaniie virtual'nogo muzeia velikogo russkogo pisatel'ia L'va Nikolaevicha Tolstogo v Kazani* [Designing a Virtual Museum of the Great Russian Writer Leo Tolstoy in Kazan]. Gumanitarnyi traktat. No. 46, pp. 15–17. (In Russian)

Smirnov, I. A. (2019 (b)). *God L'va Tolstogo v Respublike Tatarstan (po materialam gazet "Respublika Tatarstan", "Vechern'aia Kazan'", "Menzelia" i zhurnala "Magarif")* [The Year of Leo Tolstoy in the Republic of Tatarstan (based on the newspapers "The Republic of Tatarstan", "Evening Kazan", "Menzel" and the magazine "Magarif")]. Uspekhi gumanitarnykh nauk. No. 8, pp. 218–220. (In Russian)

Smirnova, N. N., Khairullina, A. D. (2018). *Usad'ba na Poperechno-Kazanskoi ulitse (pervyi tolstovskii adres pisatel'ia)* [The Estate on Poperechno-Kazanskaya Street (the first address of Tolstoy as a writer)]. Gasyrlar avazy. Ekho vekov. No. 2, pp. 15–23. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1957). *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete Works in 90 Volumes]. T. XXI. 365 p. Moscow, GIKhL. (In Russian)

Zakirov, A. I. (2017 (a)). *Situatsii s khudozhestvenno-esteticheskoi kategoriei "sluchai" v tatarskom perevode romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina": stilisticheskii aspekt* [Situations with the Artistic-Aesthetic Category of "Case" in the Tatar Translation of Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina": Stylistic Aspects]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 2 (48), pp. 55–62. (In Russian)

Zakirov, A. I. (2017 (b)). *Semantiko-stilevyie osobennosti perevoda na tatarskii iazyk romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina"* [Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina": Semantic and Stylistic Peculiarities of the Tatar Translation]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 3 (49), pp. 146–153. (In Russian)

Zakirov, A. I. (2018). *Epizody sluchainykh vstrech Konstantina Levina i Stivy Oblonskogo v tatarskom i angliiskom perevodakh romana L'va Nikolaevicha Tolstogo "Anna Karenina"* [Episodes of Random Encounters between Konstantin Levin and Stiva Oblonsky in the Tatar and English Translations of Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina"]. Materialy XII Mezhdunarodnogo seminaru perevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana", 25–29 avgusta 2017 goda). Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana". Pp. 113–123. (In Russian)

Zakirov, A. I. (2020). *Dialektizmy kak stilevoje svoeobrazie L. N. Tolstogo v tatarskom i angliiskom perevodakh romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina"* [Dialectisms as L. N. Tolstoy's Stylistic Peculiarity in the Tatar and English Translations of the Novel "Anna Karenina"]. Materialy XIV Mezhdunarodnogo seminaru perevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana", 10–13 sentiabria 2019 goda). Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana". Pp. 29–36. (In Russian)

The article was submitted on 20.05.2021
Поступила в редакцию 20.05.2021

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy's
Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-94-102
УДК 821.161.1

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В ПЕРЕВОДЕ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК: О СТРАТЕГИИ КАЗАРА СИМОНЯНА

© Ринат Бекметов, Казем Нежад Дахкаи Седиге

LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA" TRANSLATED INTO PERSIAN: ON KAZAR SIMONYAN'S STRATEGY

Rinat Bekmetov, Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh

Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" has been translated into Persian several times. Such attention to the Russian classical text was (and still is) far from accidental. Among the many reasons for such a close interest in it by the Persian reader public, one can single out the "women's question". In a Muslim country, to which Iran officially belongs, the position of women in society is linked to the rules of Sharia – a codified set of legal norms, governing the diversity of social relations. A woman, according to Islam, is endowed with a large number of positive rights (contrary to the extremely popular opinion about her complete lack of rights, the inability to decide her own fate, which is caused mainly by regional traditions, called "adats" in Arab-Muslim theology). At the same time, the most important duty of every Muslim woman who is married is her respect for the spouse, loyalty to him, if he really keeps the family hearth and it is not proved in a certain order to the contrary. Hence, it is absolutely clear that the novel, which discusses the burning, ever-relevant issues of marriage and family vicissitudes, cannot but arouse a steady interest among enlightened Iranian readers. Of all the Persian translations, we focus on the translation of Kazar Simonyan, an ethnic Armenian who lived in Iran and spent a significant part of the 1950s, when the translation of "Anna Karenina" was created, in prison for political reasons (participation in the nationalist anti-government movement). Translated by K. Simonyan, the book was first published in 1956 in Tehran in the publishing house "Gutenberg", and then in a series of "Cheap Books for Everyone". The article discusses some of the problems of this translation as a literary text: the ratio of accuracy and freedom of expression, semantic transformations, the adequacy of understanding and reflection of Leo Tolstoy's ideas – in short, everything that somehow refers to the concept of "the originality of the translator's interpretation". Since it was impossible to present all the collected analytical material within the boundaries of one article, we have limited ourselves to the pointwise analysis of several episodes from Leo Tolstoy's work.

Keywords: Leo Tolstoy, Russian classical literature, novel "Anna Karenina", Persian translation, Kazar Simonyan, text.

Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на персидский язык переводился неоднократно. Такое внимание к русскому классическому тексту носило (да и носит до сих пор) далеко не случайный характер. Среди множества причин столь пристального интереса к нему персидской читательской публики можно выделить «женский вопрос». В мусульманской стране, каковым официально является Иран, положение женщины в обществе регламентируется правилами шариата – свода правовых норм, регулирующих многообразие социальных отношений. Женщина, по исламу, наделена большим количеством позитивных прав (вопреки чрезвычайно распространенному мнению о ее полном бесправнии, невозможности решать собственную судьбу, что вызвано по преимуществу региональными традициями, именуемыми в арабо-мусульманском богословии «адатами»). В то же время уважение супруга, верность ему, если он хранит семейный очаг и не доказано обратное, считается важнейшим долгом всякой женщины-мусульманки, вышедшей замуж. Отсюда совершенно ясно, что роман, в котором обсуждаются животрепещущие, вечно актуальные вопросы брачно-семейных перипетий, не мог не вызвать устойчивого интереса у просвещенных иранских читателей. Из всех персидских переводов авторы статьи остановились на переводе Казара Симоняна, этнического армянина, жившего в Иране и проведшего значительную часть 1950-х годов, когда создавался перевод «Анны Карениной», в тюрьме по политическим мотивам (участие в националистическом антиправительственном движении). Перевод К. Симоняна впервые был опубликован в 1956 году в Тегеране в издательстве «Гутенберг», а затем в серии «Дешевых книг для всех». В статье обсуждаются некоторые проблемы этого перевода как литературного текста: соот-

ношение точности и вольности, смысловые трансформации, адекватность понимания и отражения толстовских идей – словом, все, что так или иначе фигурирует в понятии «своеобразие переводческого почерка». Поскольку представить собранный аналитический материал в границах одной статьи было затруднительно, авторы ограничились разбором нескольких эпизодов из толстовского сочинения по точечному принципу.

Ключевые слова: Лев Толстой, русская классическая литература, роман «Анна Каренина», персидский перевод, Казар Симонян, текст.

Постсоветское толстоведение имеет в целом весьма неплохое представление об интересе Л. Н. Толстого к Ирану и персидской культуре (к ней примыкает, конечно, и таджикская со своим комплексом своеобразных черт). Считается, что из всех стран Ближнего Востока и Передней Азии именно Иран был объектом пристального толстовского внимания. Не в последнюю очередь это определялось тем, что в середине XIX века в иранской жизни происходили процессы, имевшие прямое отношение к духовно-религиозной стороне социальных связей, к поиску тех представлений, которые могли бы обеспечить подлинное единство людей путем искоренения вражды и утверждения гармонии добрососедского существования. Найдя свое воплощение в бабидском движении, эта идеология была созвучна Толстому, его внутреннему опыту, хотя не все из проповедуемого бабистами писатель принял.

А. И. Шифман, ссылаясь на письма Толстого, справедливо заключал, что писатель воспринимал нравственные принципы бабизма, патриархально-крестьянское основание его этики («уважение к труду, любовь к земле, миролюбие») и отвергал каноны, повторявшие некоторые пункты мусульманского вероучения в их, подчеркнем, крайне догматизированном виде [Шифман, с. 339]. В то же время Толстой был хорошо знаком со средневековой персидской классикой, читал (естественно, в переводах) Фирдоуси, Саади, Хафиза¹. Последним он восторгался, держа в ру-

ках тексты переводов с немецкого, выполненные А. А. Фетом и отправленные им по почте в Ясную Поляну. Многие из прочитанного Толстой аккуратно включал в «Азбуку», «Новую Азбуку», а также «Русские книги для чтения» [Валеев].

Вместе с тем вопрос о том, как персидская культура осваивала толстовское слово, остается открытым, недостаточно изученным. Мы, к примеру, плохо знаем о том, как иранские критики и публицисты оценивали и трактовали Толстого, что выделяли в его произведениях в качестве главного и второстепенного, каким образом вообще «инкорпорировали» писателя в национальный литературно-эстетический процесс на разных этапах его развития. Кроме того, не менее важным остается проблема переводческой рецепции Толстого в Иране. Таджикский контекст на фоне персидского (если уж сравнивать их, имея в виду тесную близость, культурное родство двух ираноязычных народов) выглядит более благоприятно – во многом потому, что в советский период истории практиковался государственный заказ на такого рода исследования в республиках СССР (Таджикистан был его южной частью), а в нынешнее время сохраняется инерция филологических штудий – преимущественно с таджикской стороны, и в значительной мере это обусловлено устойчивостью российско-таджикского сотрудничества в широком значении слова (торгово-экономическом, политико-дипломатическом, социально-гуманитарном, образовательно-просветительском и т. д.) (см.: [Ниятбекова], [Розенфельд, 1978], [Рустамова, 2014], [Рустамова, 2017], [Шехов]). Так, актуальна библиографическая проблематика в области переводов Толстого на персидский язык. До сих пор не составлен полный указатель персидских переводов сочинений Толстого, и, как и в 1960-е годы, нам приходится полагаться на списки, собранные советскими иранистами, а они, эти перечни, по понятным причинам неточны². Об этом

¹ Один факт требует особого упоминания. По воспоминаниям А. А. Фета, старший брат Толстого Николай Николаевич («Николенька») в узком кругу родных и друзей имел шутовское прозвище «Фирдуси»; оно было дано ему за большие познания и проницательность. «<...> нам приходилось ехать по Тульско-Орловско-Харьковскому шоссе, – писал Фет, – и доведенные до изнеможения почтовые были не в состоянии взять четверкой громоздкую <...> карету без затруднения. Конечно, мы не отказали себе в удовольствии заехать на два дня в Ясную Поляну, где к довершению радости застали дорогого Н. Н. Толстого, заслужившего самобытною восточною мудростью прозвание – *Фирдуси*. Сколько самых отрадных планов нашего пребывания в яснополянском флигеле со всеми подробностями возникли между нами в эти два дня» [Фет, с. 369] (курсив автора. – Р. Б., К. Н. Д. С.).

Можно предположить, что это прозвище Николаю Толстому было дано Фетом, любителем восточной старины.

² «По понятным» – потому что выезд в иранские библиотеки для советских исследователей не всегда был

писала А. З. Розенфельд, когда отмечала, что раздел наиболее обобщенной книги А. И. Шифмана «Лев Толстой и Восток» (первое издание – 1960 год), посвященный иранскому восприятию Толстого, имеет в части персидской переводческой библиографии «большие пробелы» [Розенфельд, 1962, с. 165]. На 1962 год она насчитала не менее семидесяти (!) переводов толстовских произведений (и, несомненно, что их число к сегодняшнему дню с учетом переизданий многократно возросло). При этом если до Второй мировой войны переводы осуществлялись через три основных языка-посредника (турецкий, арабский и французский), то после – чаще с русского, чему в немалой степени способствовало образование «Иранского общества культурных связей с СССР», в котором был создан свой орган печати – журнал «Новая весть» («پیغام جدید» («Peiame nou»)), в нем публиковались переводы русской классики, в том числе толстовских писаний, с последующим их обсуждением в виде авторских рецензий, заметок, обзоров и статей.

Из всех переводов Толстого на фарси нас не может не привлечь перевод «Анны Карениной» – эпического шедевра русской литературы. Точное количество переводов этого романа нам пока, к сожалению, неизвестно. Мы можем лишь предполагать их число, опираясь как на опыт собственной предварительной систематизации, так и на материалы русских указателей предшествующей поры. Исходя из собранного, мы вправе заключить, что первый перевод «Анны Карениной» – не всего романа, а его отдельных глав – был сделан в 1926 году и напечатан тогда же в журнале «Буря» («توفان» («Tufan»)); кто был переводчиком – не знаем. В январе 1943 года от-

возможен, информацию приходилось черпать либо через ограниченное количество источников, поступавших из Ирана в Советский Союз, либо через иранских посредников, приезжавших в страну на учебу, стажировку, конференцию, и то – по предварительной договоренности. Красноречиво заключение, содержащееся в статье А. З. Розенфельд о переводах Толстого: «<...> следует отметить, что несмотря на все стремления собрать библиографию работ Толстого на персидском языке, мы, как и наши предшественники, не смогли исчерпать материала <...>. Надеемся, что и в заведомо несовершенном виде эта работа в какой-то степени дополнит сведения о мировом распространении произведений Л. Н. Толстого» [Розенфельд, 1962, с. 169]. Прав был также и А. И. Шифман, когда указывал на то, что «сведения о ранних изданиях Толстого в Иране очень скудны». Объяснял он это не только «недостатком библиографических материалов», но и тем, «что многие книги иностранных авторов выходили там под другими названиями, притом часто без указания года и места издания» [Шифман, с. 348].

рывки из «Анны Карениной» в переводе Мустафы Али Абади публиковались в газете «Спасение Ирана» («نجات ایران» («Nadzhaf Iran»)). Начиная с 1950-х годов «Анна Каренина» выходит в полных переводах, так что уместно применительно к этому произведению использовать понятие «переводческой множественности»: количество персидских переводов не уступает числу переводов на главные европейские языки, взятые по отдельности (в Европе издавна бытует традиция многочисленных переводов образцов мировой литературы, поскольку язык воспринимающей стороны имеет обыкновение устаревать и в идеальной проекции для каждого нового поколения читателей должен быть свой особенный перевод выдающегося творения словесного искусства). Перечислим полные переводы «Анны Карениной», которые мы сумели найти: 1) 1954 год – пер. Мохаммада Али Ширази (Тегеран: изд-во «Афшари», второе, сокращенное издание вышло в том же году в Тегеране же: изд-во «Кетабфоруши-е Гутемберг»), 2) 1956 год – пер. Казара Симоняна (в 2-х томах, Тегеран: изд-во «Гутемберг», то же в 4 частях в специальной серии «Дешевые книги для всех») [Кандель], 3) 1963 год – пер. Мошфега Хамедани (Тегеран: изд-во «Амир Кабир»), 4) 1999 год – пер. Соруша Хабиби (Тегеран: изд-во «Нилуфар»), 5) 1999 год – пер. Манучехра Бигдели Хамсе (Тегеран: изд-во «Негарстан Кетаб»), 6) 2003 год – пер. Мохаммада Маджлеси (Тегеран: изд-во «Дониаие но»), 7) 2017 год – пер. Хание Чупани (Тегеран: изд-во «Фараруй»), 8) 2019 год – пер. Али Халаджи Могаддама (Тегеран: изд-во «Ник Форджам»), 9) 2019 год – пер. Тайебе Ахмади Джавид (Тегеран: изд-во «Навид Зохур»), 10) 2019 год – пер. Мохаммада Карими (Тегеран: изд-во «Парсе»), 11) 2020 год – пер. Хамида Резы Аташбараба (Тегеран: изд-во «Элми Фарханги»), 12) 2020 год – пер. Саида Мабашера (Тегеран: изд-во «Атиса»). Если к приведенному списку добавить переиздания старых переводов «Анны Карениной», осуществлявшиеся на протяжении многих лет с момента их первого выхода в печать, то, пожалуй, не будет преувеличением считать, что толстовский роман – наиболее популярная часть художественного творчества русского писателя в Иране³.

³ Нельзя, кстати, не заметить того, что удельный вес персидских переводов романа приходится на последние двадцать лет, и это, по-видимому, объясняется резким увеличением в Иране тех, для кого русская культура становится ближе вследствие уплотнения контактов, их интенсификации (одного из авторов настоящей статьи впечатляет хорошее владение иранцами русским языком, причем это относится не толь-

Почему роман «Анна Каренина» стал объектом столь активной переводческой рецепции?

На первый взгляд, такое положение вещей удивительно. В самом деле, Иран – консервативная страна, в ней сильны нормы мусульманского права, несмотря на процессы модернизации, усиленные в глобализационный век. Толстовский роман в сухом остатке изображает женскую измену и ее следствие – разрушение семьи как общественного института. Можно ли через переводы так настойчиво «педалировать» распад патриархальных взаимоотношений, их разлом, развал, уничтожение? В действительности можно: роман Толстого в глазах персидской читательской публики как раз и был свидетельством того, к чему может привести «эмансипация женщины», ее право самолично определять судьбу, полагаясь исключительно на природный инстинкт и не считаясь с обстоятельствами текущей жизни. Другими словами, персидский читатель видел в толстовском произведении мощное интеллектуальное «противоядие», обращенное к отмене тех западных ценностей (как минимум – их коррекции), которые выдвигали на первый план идею полового равноправия; текст содержал развернутую «аллегорическую» аргументацию правоты исламских богословов, для которых женщина и мужчина, дополняя друг друга в брачно-семейных связях, остаются на разных уровнях духовного движения, что не может быть оцениваемо в категориях «плохо» или «хорошо». Роман тем самым обрел в Иране привкус дидактизма, явной и недвусмысленной поучительности, что, наряду с первоклассно-увлекательной формой, скрупулезностью психологических описаний и многообразием сюжетных ходов⁴, стало

ко к тем, кто находится в России на учебе – среда с носителями языка помогает освоить его быстро, но и к тем, кто живет и учится в самом Иране, где уровень подготовки русистов при всех оговорках довольно высок). Имеется, кроме того, еще одно обстоятельство, которое косвенно способствует переводческому «буму», хотя и лежит, казалось бы, в далекой от переводческого труда политической плоскости. Иран находится в относительной изоляции, и, чтобы как-то преодолеть ее, страна эта прибегает к действию «мягкой силы», то есть, с одной стороны, всячески пропагандирует в мире собственное богатое культурное наследие (например, издавая в русском переводе комментарии к Корану с шиитским религиозно-идеологическим подтекстом), а с другой – адаптируя «чужое» у себя, как бы впитывая его, особенно когда речь идет о дружественном государстве.

⁴ Вспомним, что Толстой вполне сознательно писал «Анну Каренину» по канонам европейского романа. Если форму «Войны и мира» он толковал предельно широко, в качестве необычной конструкции, которая

основанием для повышенного интереса персидской аудитории к произведению. Разумеется, позиция Толстого была куда более сложной. Как мыслитель проповеднического толка он утверждал, что назначение женщины состоит в рождении и воспитании детей; ее первейшая священная обязанность – быть матерью, созидательницей семейного очага, и, если женщина в угоду плотской страсти нарушает эту заповеданную многими верованиями истину, происходят события катастрофичные как для нее самой, так и для тех, кто ее окружает. Как художник с тонким интуитивным чутьем он, однако, не был одноклоном. Толстой прекрасно осознавал, какую роль в человеке играет биологическое, «животное» начало, та первозданная физиологическая стихия, которая завладевает им и от которой трудно освободиться по простому желанию. Не случаен эпиграф романа – цитата, взятая автором из 12-ой главы «Послания апостола Павла к римлянам»; в целостно-контекстном виде она такова: «Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекусь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, и Я воздам, говорит Господь» (синодальный перевод, 16–19). Это значит, что не человеку с его разумом решать, кто виновен в этой жизни и в какой мере, а Богу, Творцу сущего. Толстой-писатель здесь не судит, не определяет «преступление» – всего-навсего изображает, демонстрирует, оставляя в огромном «полотне» место для своего утопического понимания счастья (линия Константина Левина и Кити Щербацкой). Персидский читатель этих противоречий творческого сознания не касался, не всегда он об этом и ведал. Его притягивало к себе само произведение с прекрасной композицией, яркими образами, динамично-событийными рядами и... моралью, которая извлекалась из сочинения, соответствуя букве и духу восточной нравственности. В этом, повторимся, заложен корень широкого и стабильного интереса к роману Толстого в Иране.

Из всех переводов вкратце остановимся на переводе Казара Симоняна.

не вписывается ни в один из известных жанровых стандартов, задаваемых западными литературами, то «Анну Каренину» он понимал проще, как роман о современной ему русской семье (с европейскими по происхождению истоками, ср. напечатанный в 1856 году роман Г. Флобера «Мадам Бовари»).

Об этом переводчике нам известно немного, так что работа по поиску и нахождению биографических сведений еще впереди; мы владеем малой толикой информации о нем, хотя и обращались за помощью в организации, связанные с армянской диаспорой в России.

Этнический армянин, христианин-монофизит, проживавший в Иране, он состоял членом Армянского национального собрания, принимал активное участие во внутрииранском политическом процессе – как на легальном поле, в законодательных структурах, так, вероятно, и на запрещенных властями акциях. Он баллотировался в иранский парламент от христианских меньшинств центральных и южных провинций, но в 1950-е годы был арестован и всю середину этого десятилетия провел в тюрьме. Свой перевод «Анны Карениной» он сделал именно там; в 1956 году текст вышел в свет отдельным изданием. Почему лишенный свободы К. Симонян взял на перевод данный роман, сказать с определенностью нельзя. Можно высказать предположение, что обращение к сочинению Толстого явилось следствием общего внимания персидских читателей к семейно-брачной проблематике. Переводить злободневно-жгучую толстовскую публицистику (о смертной казни или, допустим, мирном сопротивлении воинской повинности) было невозможно: в Иране действовал цензурный комитет; «Война и мир» – слишком большое в объеме произведение, требующее к тому же тщательного комментария по русской исторической фактографии; рассказы и повести Толстого – невелики по размеру для внимания человека, заключенного в тюрьму на несколько лет. «Анна Каренина» – оптимальный переводческий выбор, который сочетает внешние условия с индивидуальным предпочтением. Переводчик, если судить по выполненной им работе, великолепно владел русским языком⁵, поэтому перевод был осуществлен с оригинала. Добавим, что у нас нет данных о том, переводил ли К. Симонян что-то из Толстого, кроме «Анны Карениной», или из русской классики.

Перевод К. Симоняна принадлежит к числу точных. Вместе с тем точность эта – не «безраздельная». Так, в симоняновском переводе романа отсутствует эпиграф. Мы думаем, что изначально он присутствовал, имелся: странно было бы армянину христианского вероисповедания не включить в перевод библейскую цитату, отражающую, ко всему прочему, специфику толстовского отношения к сюжету романа. Симптоматично, что в переводах «Анны Карениной», вы-

полненных другими лицами, эпиграфа также нет. Это заставляет высказать мысль, что эпиграф либо намеренно исключался переводчиками, дабы избежать цензурного запрета, либо выносился за границы книги самими цензорами как нечто поверхностное и несущественное. В любом случае, какими бы причинами не диктовалось такая «чистка» текста, это – вольность, искажающая замысел автора. В то же время нужно осознавать, что перед нами – идеологическая вольность, форма неправомерного / вынужденного изменения, а не переводческая позиция. (Строго говоря, цензура в этом вопросе была не совсем «логичной»: во-первых, в Коране христиане, как и иудеи, – «люди Писания», «народы Книги», в отличие от язычников; во-вторых, русская культура в своей основе – христианская, для иранской же это – одно из условий полноценного диалога, точка опоры при взгляде на «чужое»). В остальном преобладает тенденция к адекватному переводу. Возьмем на рассмотрение по точечному принципу три эпизода.

Бесспорно, нас в первую очередь должен привлечь перевод первого предложения в романе (знаменитой сентенции); по сути, это глубокий по смысловому наполнению локус, откуда расходятся множественные линии сюжетно-образного порядка:

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [Толстой, т. 18, с. 3].

Перевод К. Симоняна:

همه خلواده های زکیبخت شیی هیکه وگرنه، اما لیل توی، ص. 1].
چگونگی سری مضیتی هر خلواده ای مقصربه خود آن است

– букв. пер.: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, но насколько несчастна каждая семья – это свое».

Как видим, философское утверждение о схожести счастья и несхожести несчастья в семьях передано бережно, аккуратно, без семантических потерь. Отметим лишь, что в персидском переводе противопоставление двух частей одного предложения зафиксировано союзом «но», «однако» («اما», «اما»), тогда как в подлиннике он отсутствует, и это, между прочим, служит веским основанием для разделения, казалось бы, единого толстовского предложения на две самостоятельные синтаксические «фигуры» (подобное разделение выражается интонационно, вместо запятой возможна точка, знак автономности высказываний, несмотря на внутреннюю связ-

⁵ Обучался ему в России, переехав потом в Иран?

ность, их соположенности друг другу, равенства и «перетекания» одного в другое)⁶.

Возьмем сцену, когда Стива Облонский является перед женой Долли в ее комнате, будучи уличенным в измене с француженкой-гувернанткой (I часть, I глава). Эта сцена выражает типический в художественном мире Толстого прием – акцент на телесном, точнее – пластике лица в передачи душевных чувств героев:

«С ним <Облонским. – Р. Б., К. Н. Д. С.> случилось в эту минуту то, что случается с людьми, когда они неожиданно уличены в чем-нибудь слишком постыдном. Он не сумел приготовить свое лицо к тому положению, в котором он становился пред женой после открытия его вины. Вместо того чтоб оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощения, оставаться даже равнодушным – все было бы лучше того, что он сделал! – его лицо совершенно невольно („рефлексы головного мозга“, – подумал Степан Аркадьич, который любил физиологию), совершенно невольно вдруг улыбнулся привычною, доброю и потому глупою улыбкой.

Эту глупую улыбку он не мог простить себе. Увидав эту улыбку, Долли вздрогнула, как от физической боли, разразилась, со свойственной ей горячностью, потоком жестоких слов и выбежала из комнаты. С тех пор она не хотела видеть мужа» [Толстой, т. 18, с. 4].

Перевод К. Симоняна:

در آن لحظه، وی درست و وضع و حال کسی آنی را نشان تکمبه طور رنگ های در چمن ایستادند تا کتاب عملی سیر از نشیت و شرم آورگی رفتار شوند. وی موفق نشد ظاهراً خود رلبا وضعی که در برابر مهمان شریکتر خطکاری به وجود خودبا آن روبرو شد بدو س از اش را س از اش دهد و تفهله این بی بیگی رد.

به جای آنکه خود رارن میخده و آزرده نشان دهد آن کارکنند، از خود دفعن طردید و شریک بلبه ج ای ط که س تکم خف سردی و لایقی به خرج دهد - مرن و رفتاری از کاریکه وی کربنقار میبود. بر چه ره او رنگه از به طرز کاملاً غیر ارادی خند عادی و حکی از م دیلی وی بقدریگی طرخن ببال نه ای بی دارگشت. وی ادر فو دکمبه زاسبت طرخن ببال نه خود رلتهری کند و بیخشد. طای چون طرخن را مشا مدکرگی ای از احساس دردی جس طلی تکلی خود، لرزد و سپس بباله طلی عتسیر حرارت خود س طلی از س نجان و عهارة تبریح م نه جاری ساخت از نشاقی بیرون دوی. از آن به بعد وی حاضر نشدش و مرش رلبیند [تکلیتوی، ص. 9].

– букв. пер.: «В тот момент он был в точности похож на тех, кого внезапно поймали за совершением очень уродливого и постыдного поступка. Ему не

удалось согласовать свою внешность с ситуацией, с которой он столкнулся перед женой из-за ошибки в своем поведении, и получить должный вид. Вместо того, чтобы выставлять себя напоказ и раздражаться, отрицать, защищать себя, извиняться, вместо того чтобы хотя бы быть хладнокровным, – любое поведение было лучше, чем то, что он делал, – внезапно на его лице появилась совершенно произвольная обычная улыбка, знак доброты, а вернее – глупая улыбка.

Он не смог оправдать и простить себя по поводу этой глупой улыбки. Когда Дали⁷ увидела улыбку, она вздрогнула, словно потрясенная ощущением физической боли, а затем из-за своего пылкого характера произнесла тираду <поток> грубых слов и выражений и выбежала из комнаты. С тех пор она отказывалась видеться с мужем».

Толстой в приведенном фрагменте демонстрирует двойственное состояние Облонского. Стива искренне ощущает свою вину перед Долли, одновременно понимая, что никакие слова увещевания не могли бы теперь ее утешить или оправдать его перед ней. Автор перебирает те реакции на ситуацию, которые определены «общественными стереотипами»; это набор шаблонных действий, к которым обычно прибегают (и Стива так делал!), чтобы доказать собственную невиновность, показать «на людях», что ее нет⁸, или объяснить, что вина неумышленна, произошла случайно, результат ошибки, временного помутнения рассудка, излишней эмоциональности. Облонский, вопреки принятому рациональному подходу, поступить так уже не может: в нем силен элемент натуры, которую он не способен преодолеть, какими бы трезвыми доводами ни руководствовался; это и есть тот настоящий внутренний человек, который «спрятан» во внешнем, существующем по правилам «ложного» мира с его ритуализованной церемониальностью, в которой содержание выхолощено и осталась бездушная холодная, ни к чему не обязывающая, пустая форма. Для Толстого «естественность» (в ее «лучших» проявлениях, то есть идущих вразрез с чем-то устоявшимся и потому утратившим смысловое наполнение) – чрезвычайно ценное свойство человека. И хотя улыбка Облонского «глупа», она прежде всего «непроизвольна», выдавая истинное и глубинное начало в герое: доброе и мягкое устройство его души, полноту сердца. Само по себе это не заглаживает вину Облонского за совершенный проступок – скорее, констатирует, что в нем нет темного

⁷ Примерно так звучит на персидском языке имя «Долли».

⁸ Театрализация события, актерство через переживание возмущения и негодования.

⁶ Со структурной точки зрения сентенция Толстого поразительно напоминает парные строфы «Дхаммапады» – древнего буддийского памятника на пали. Вот сопоставительная иллюстрация с контрастно-зеркальным типом связи стихов: «Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, / так в плохо развитый ум просачивается вождление. // Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, / так в хорошо развитый ум не просачивается вождление» [Дхаммапада, с. 59].

умысла, тайной продуманности, хитрости, обмана; проступок Стивы – не продукт изоциренных, изворотливых «умствований», выверенных, гибких «построений», а мгновенный школярский порыв, «вспышка», за которую герою очень известно.

В персидском переводе толстовская мысль сохранена. Единственное изменение коснулось речи Облонского «про себя» о рефлексах – следствие его поверхностного увлечения физиологией, естественными науками, модными во второй половине XIX века. Речь не была включена переводчиком потому, что он не считал ее принципиально необходимой для развития последующих эпизодов; между тем это характеристика героя, и отказываться от нее не следовало.

В сцене случайной встречи Левина и Вронского в гостиной дома Щербацких (I часть, XIV глава) представлено соотношение видимых действий и невидимых «мыслечувств» в их относительно напряженной конфликтности:

«В это время еще дама вошла в комнату, и Левин встал.

– Извините меня, графиня, но я, право, ничего этого не знаю и ничего не могу вам сказать, – сказал он и оглянулся на входившего вслед за дамой военно-

„Это должно быть Вронский“, – подумал Левин и, чтобы убедиться в этом, взглянул на Кити. Она уже успела взглянуть на Вронского и оглянулась на Левина. И по одному этому взгляду невольно просиявших глаз ее Левин понял, что она любила этого человека, понял так же верно, как если б она сказала ему это словами. Но что же это за человек?

Теперь, – хорошо ли это, дурно ли, – Левин не мог не остаться; ему нужно было узнать, что за человек был тот, кого она любила.

Есть люди, которые, встречая своего счастливого в чем бы то ни было соперника, готовы сейчас же отвернуться от всего хорошего, что есть в нем, и видеть в нем одно дурное; есть люди, которые, напротив, более всего желают найти в этом счастливом сопернике те качества, которыми он победил их, и ищут в нем сощеляющей болью в сердце одного хорошего. Левин принадлежал к таким людям. Но ему нетрудно было отыскать хорошее и привлекательное во Вронском. Оно сразу бросилось ему в глаза. Вронский был невысокий, плотно сложенный брнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом. В его лице и фигуре, от коротко обстриженных черных волос и свежесвыбритого подбородка до широкого с иголочки нового мундира, все было просто и вместе изяшно. Дав дорогу входившей даме, Вронский подошел к княгине и потом к Кити.

В то же время как он подходил к ней, красивые глаза его особенно нежно заблестели, и с чуть заметною счастливою и скромно-торжествующею улыбкой (так показалось Левину), почтительно и осторожно

наклонясь над нею, он протянул ей свою небольшую, широкую руку» [Толстой, т. 18, с. 53–54].

Перевод К. Симоняна:

در این میان خنم و بیگاری وارد اتاق شد و لیهن از جلبر خنم. – معذرت می‌خواهم، کتیس، اما در واقع من در اطراف این موضوع چیزی نمی‌دانم و به شما هم چیزی نمی‌توانم بگویم. وی این بگفت و بیگاری متفلسفی را که از پیش‌تر سر خنم وارد شده بود و رازدارانند. وی این گفت:

لیهن برای آن که به حدس خود اطمینان نمی‌بخشد، نظریه‌هایی می‌گوید. کتیس و وروسکی را ویدم و بیگاری متفلسفه لیهن را می‌گوید. لیهن اینها از همین کن‌گناه و گله‌های که به طور غیر ادبانه فروغ ترکش می‌بودند دفع‌تکر کرده دختر آنش‌خاص را دوست دارد. وی به این موضوع قدری اطمینان نشان می‌دهد که آن را رضایت‌ناک می‌داند و به بیگاری می‌گوید. اما اینش‌خاص چه نوع آدمی بود؟ اکنون فکر نمی‌کنم خوب باشد که لیهن از این می‌تواند آنجا را ترک کند چرا می‌تواند بی‌این لیهن چه نوع شخصی باشد که خش‌فکری را به خود جل بکرده باشد.

مردمی وجود دارند که چون با رقیب کباب‌چی - صرف نظر از موضوع مورد رقابت - مصادف می‌شوند حاضرند همه محسوسات آن شخص را از این بگیرند و این‌ها به خوب و نکات ضعیف او توجه داشته باشند. اما مردمی هستند که هر کس در رقیب خود چیزی از همه بهتر دارند و صفتی را به این‌ها می‌دهند و وی توسط آن صفات، آن‌ها را مغلوب و ساقط می‌کند و بی‌گاری در هر دو طرف خودتقوا را جای محسوساتی می‌داند.

لیهن در ریفی این اشخاص را می‌داند و وی دشواری آن‌ها را چه در وجود وروسکی خوب جلوه می‌کند و جلالتش نسبت به آن‌ها می‌داند.

از این چنین نظر، این محسوسات به چشم می‌خورد. وروسکی‌ش‌خاص چه ارزشی می‌آید، و قدش قابل‌تذوق بود، موهای سری‌های نشانی، قیافه اش زیبا و دل‌انگیز و بی‌اندازه آرام و جلدی مینمود. همه چیز در چهره و اندام او از موهای کوتاه سرهای و چله‌تازه صالح‌خنده اش تا لباس‌فلسفیری و نوع شمشک‌به آزادی اندام وی را در میان نشانی‌ها و در عین حال باسرافقه و شکی کبود. وی به خنم می‌گوید وارد می‌شود راه داده، زهره‌رئیس وقت و سپس بیگاری‌ن‌زی‌کشید. در آن لحظه که وی بیگاری‌ن‌زی‌کشید، و گمان می‌کرد که او به صورت مخصوصی برقی زرد او را می‌بیند و قیافه‌ای از خوشی و پیروزی‌مندی محسوس می‌آید ای لیهن این چنین به نظرش آمد (با احترام و احتیاط در الی سرفه‌تر خم شد و سرتک‌وچ کولی‌ن خود را بسوی وی دراز کرد [لیهن‌توی، ص. 67].

– букв. пер.: «Тем временем в комнату вошла другая женщина, и Левин поднялся.

– Простите, графиня, но я действительно ничего об этом не знаю и ничего не могу вам сказать.

Он сказал это и повернулся, чтобы бросить взгляд на офицера, вошедшего зади женщины. Он думал:

– Это должен быть Вронский.

Левин посмотрел на Кити, чтобы подтвердить свою догадку. Кити увидела Вронского и посмотрела на Левина.

По этому взгляду, по глазам, которые стали необычайно блестящими, Левин понял, что девушка любит этого человека. Он был так уверен в этом, как будто она сказала ему об этом в нескольких словах. Но что за человек был этот человек?

Теперь, хорошо это или плохо, Левин не мог уйти, потому что ему нужно было знать, какой он человек, <тот>, который привлек любовь <внимание> Кити. Есть люди, которые, поскольку они совпадают с удачливым соперником, независимо от предмета, го-

товы игнорировать все достоинства этого человека и обращать внимание только на его недостатки и слабости. Но есть люди, которые, наоборот, больше всего желают в своем сопернике найти те качества, которыми он победил их, и с сердцем, полным боли и раны, в своем сопернике они ищут только хорошие стороны <свойства>.

Левин был в ряду этих людей, и ему не было трудно уловить что-то хорошее и привлекательное во Вронском. С первого взгляда эти преимущества очевидны. Вронский был широкоплечим <с четырьмя плечами>, не очень высокого роста, с черными волосами, красивым и приятным лицом, чрезвычайно спокойным и серьезным. Все на его лице и теле, от коротких черных волос и недавно выбритого подбородка до аккуратно сшитой офицерской одежды, которая позволяла его телу быть свободным, было простым и в то же время со вкусом и изящным <стильным>. Он впустил даму, подошел княгине, а затем подошел к Кити.

В тот момент, когда он подошел к Кити, его красивые глаза заблестели особой любовью <нежностью>, с легкой улыбкой, знаком радости и всеобщего торжества <победы> (так представлялось Левину), он почтительно и осторожно склонился над головой девушки и протянул ей свою маленькую, но широкую руку».

В переводе, как можно убедиться, толстовская картина отражена достоверно; создается впечатление, что перед нами парафраз. Точен портрет Вронского, в нем нет лишних описаний или вольных трактовок, даже плотное сложение истолковано верно – не как полнота, а как стройная подтянутость через мускульное широкоплечие (досл. «четвероплечий», «چهارشانه», «charshane»⁹). Титулы русской знати определены правильно: для «графини» переводчик использовал французское заимствование («کونتس», «konts»), понятное образованному персидскому читателю, а для «княгиня» (досл. «принцесса», «پرنسس», «prinses») – лексему на фарси, тоже заимствованную, но гораздо более употребительную; слово «дама» определено в качестве «женщины-госпожи» («خاتم», «khatun»), а не «женщины», для последнего есть иная лексема: «زن», «zane». Свообразная вставка о «счастливых соперниках» (авторский голос) осталась в концептуальной завершенности. Показательно при этом, что распространенное толстовское словосочетание «одно дурное» (в нем «дурное», прилагательное в значении существительного, – излюбленное у писателя) передано интерпретирующим оборотом «недостатки (пороки / изъяны) и слабости» («چهارچوب و زکات ضغف», «oiub va nokatzaf»), «одно

хорошее» – в аналогичном ключе раскрытия смысла: «хорошее» – то есть хорошее по «свойствам», «качествам», «делам» («چسینات», «mohassanet»). Труднее было передать нюанс, оттенок семы в выражении Толстого «скромноторжествующая улыбка». Переводчик предложил вариант: «улыбка всеобщей победы (торжества)» («لبخند پیروزفندی محبوبانه», «labsand piruzmandi mahbubane»). В нем нет корректирующего указания на скромность, оно либо выпало из поля зрения К. Симоняна, либо он не нашел контекстного эквивалента.

В итоге, если оценивать труд целиком, то необходимо признать высокий уровень переводческого мастерства К. Симоняна.

Исследования персидской рецепции Толстого должны быть продолжены. Многое тут нуждается в уточнениях и разъяснениях на фундаменте системно-комплексного подхода.

Список литературы

Валеев Н. У. Л. Н. Толстой и персидско-таджикская литература // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л. Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: материалы XXXIII Международных Толстовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ, 2012. С. 157–160.

Дхаммапада / пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 159 с.

Кандель Б. Л. Библиография переводов романа «Анна Каренина» на иностранные языки // Л. Н. Толстой Анна Каренина: роман в восьми частях. М.: Наука, 1970. С. 891–907.

Ниятбекова А. Ю. Из истории переводов произведений Л. Н. Толстого на таджикский язык // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л. Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: материалы XXXIII Международных Толстовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ, 2012. С. 222–224.

Розенфельд А. З. Л. Н. Толстой в изданиях на персидском языке // Народы Азии и Африки. 1962. № 5. С. 165–169.

Розенфельд А. З. «Кавказский пленник» на таджикском языке // Яснополянский сборник – 1978. Тула: Приокское книжное изд-во, 1978. С. 224–230.

Рустамова Г. Р. Рассказы Льва Толстого в газете «Благородная Бухара» // Челябинский гуманитарий. 2014. № 1 (26). С. 58–61.

Рустамова Г. Р. Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Льва Толстого): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Душанбе, 2017. 46 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М.: Художественная литература, 1928–1958.

Шехов А. А. Мавкеи тарчума дар густариши равобити адаби // Ученые записки Худжандского го-

⁹ «Четыре плеча» в портретном описании человека на литературном персидском языке связано с представлением о крепком телосложении.

сударственного университета имени Б. Гафурова. 2019. № 2 (59). С. 130–135.

Фет А. А. Воспоминания. М.: Правда, 1983. 496 с.

Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971. 550 с.

شيفمان اي. ا. ليو تولستوي و الشرق. قازان: ميريان بيران. انتشارات گونين برك. 967 ص. 1766 هجری شمسی.

References

Dhammapada (1960). [Dhammapada]. Per. s pali, vved. i comment. V. N. Toporova. 159 p. Moscow, izd-vo vostochnoi literatury. (In Russian)

Fet, A. A. (1983). *Vospominaniia* [Memories]. 496 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

Kandel', B. L. (1970). *Bibliografiia perevodov romana "Anna Karenina" na inostrannye iazyki* [Bibliography of the Novel "Anna Karenina" Translations into Foreign Languages]. Tolstoi L. N. Anna Karenina: roman v vos'mi chas'tiakh. Pp. 891–907. Moscow, Nauka. (In Russian)

Niiatbekova, A.Yu. (2012). *Iz istorii perevodov proizvedenii L. N. Tolstogo na tadzhikskii iazyk* [From the History of Translations of L. N. Tolstoy's Works into the Tajik Language]. Tolstovskii sbornik – 2012. Tvorcheskoe nasledie L. N. Tolstogo v kontekste razvitiia sovremennoi tsivilizatsii: materialy XXXIII Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii. Pp. 222–224. Tula, izd-vo TGPU. (In Russian)

Rozenfel'd, A. Z. (1962). *L. N. Tolstoy v izdaniiax na persidskom iazyke* [L. N. Tolstoy in the Publications in Persian]. Narody Azii i Afriki. No. 5, Pp. 165–169. (In Russian)

Rozenfel'd, A. Z. (1978). "Kavkazskii plennik" na tadzhikskom iazyke ["A Prisoner in the Caucasus" in

Tajik]. Iasnopolianskii sbornik. Pp. 224–230. Tula, Priokskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)

Rustamova, G. R. (2014). *Rasskazy L'va Tolstogo v gazete "Blagorodnaia Bukhara"* [Leo Tolstoy's Stories in the Newspaper "The Noble Bukhara"]. Cheliabinskii gumanitarii. No. 1 (26), Pp. 58–61. (In Russian)

Rustamova, G. R. (2017). *Russko-tadzhikskie literaturnye sviazi v XX veke (v kontekste tvorcestva L'va Tolstogo) : avto-ref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Russian-Tajik Literary Relations in the 20th Century (in the context of Leo Tolstoy's Work): Doctoral Thesis Abstract]. Dushanbe, 46 p. (In Russian)

Shekhov, A. A. (2019). *Mavkei tardzhuma dar gustarishi ravobati adabi* [The Role of Translation in Expanding Literary Relations]. Uchionnie zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni B. Gafurova. No. 2 (59), Pp. 130–135. (In Tajik)

Shifman, A. I. (1971). *Lev Tolstoi i Vostok [Leo Tolstoy and the East]*. 550 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1998). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Perevod s russkogo na persidskii Kazara Simoniana. 976 p. Tehran, Gutenberg. (In Persian)

Valeev, N. U. (2012). *L. N. Tolstoi i persidsko-tadzhikskaa literatura* [L. N. Tolstoy and Persian-Tajik Literature]. Tolstovskii sbornik. Tvorcheskoe nasledie L. N. Tolstogo v kontekste razvitiia sovremennoi tsivilizatsii: materialy XXXIII Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii. Pp. 157–160. Tula, izd-vo TGPU. (In Russian)

The article was submitted on 02.06.2021

Поступила в редакцию 02.06.2021

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Казем Нежад Дахкаи Седиге,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sedi_k_2012@yahoo.com

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy's
Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Kazem Nejad Dahkaei Sedigeh,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sedi_k_2012@yahoo.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-103-108
УДК 821.161.1 + 821.521.37

РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО «КОСТОЧКА» В ПЕРЕВОДЕ НА КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК

© Ольга Болдырева, Байрта Арашаева

LEO TOLSTOY'S STORY "THE BONE" TRANSLATED INTO THE KALMYK LANGUAGE

Olga Boldyreva, Bairta Arashaeva

The work of Leo Tolstoy attracted the attention of Kalmyk writers from the first steps of the national literature development. The Kalmyk translators' interest in Tolstoy's stories contributed to the further development of Kalmyk children's literature. Young readers were able to read them in their native Kalmyk language. The high poetry, compositional completeness and simplicity of the plot make each story by Leo Tolstoy instructive and loved by all children. The stories were translated not only by the classics of Kalmyk literature, but also by those who worked with children and taught them their native language. They are included in the circle of reading for children and have firmly occupied a place in school textbooks. Translations of Tolstoy's works for children are widely used in pedagogical and educational practices. This article is devoted to the problem of the original meaning transformations in the translation of the story "The Bone" by Leo Tolstoy from Russian into Kalmyk. The problem is relevant in connection with the revival of the people's spiritual culture and the intensification of ethno-cultural processes in the field of mutual enrichment of languages. The article provides a comparative analysis of the sentence structure in relation to the order of words in the original and the variant translated into the Kalmyk language. The article analyzes how the changes in the word order bring about the changes in the meaning of a sentence, as well as the grammatical aspects of the Kalmyk language.

Keywords: Leo Tolstoy, story "The Bone", translation into Kalmyk, transforming the meanings, grammar of the Russian and Kalmyk languages.

Творчество Л. Н. Толстого привлекало внимание калмыцких писателей с первых шагов развития новой национальной письменной литературы. В частности, обращение калмыцких переводчиков к рассказам Л. Н. Толстого для детей способствовало развитию калмыцкой детской литературы. Юные читатели имели возможность познакомиться с рассказами Л. Н. Толстого на родном калмыцком языке. Высокая поэтичность, композиционная завершенность, простота сюжета делают каждый рассказ Л. Н. Толстого произведением поучительным и любимым для детей. Переводили толстовские рассказы не только классики калмыцкой литературы, но и те, кто работал с детьми, обучал их родному языку. Рассказы Л. Н. Толстого до сих пор входят в круг детского чтения, прочно занимают место в школьных учебниках. Широко используются переводы произведений для детей в педагогической и культурно-воспитательной работе.

Настоящая статья посвящена проблеме трансформации смыслов оригинала в процессе перевода рассказа (были) Л. Н. Толстого «Косточка» на калмыцкий язык. Проблема эта в целом актуальна в связи с возрождением духовной культуры народов, интенсификацией этнокультурных процессов в области взаимного обогащения языков. В статье проводится сравнительный анализ структуры предложения по отношению к порядку слов в оригинале и при переводе на калмыцкий язык. Анализируется то, как изменение порядка слов меняет смысл предложения, а также грамматические аспекты калмыцкого языка, отраженные в переводе.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, рассказ-быль «Косточка», калмыцкий перевод, трансформация смыслов, грамматика русского и калмыцкого языков.

Многие калмыцкие писатели и ученые обращали внимание на литературные сочинения и философско-публицистические труды Л. Н. Толстого. Посещая музей-усадебу Л. Н. Толстого в

Ясной Поляне, они отмечали, что места, связанные с жизнью писателя, помогают почувствовать его величие и простоту, вдохновляют на творчество. Так, народный поэт Калмыкии Давид Ку-

гультинов, побывав в Ясной Поляне, писал о том, что Л. Н. Толстой вошел в жизнь каждого человека как высококультурное богатство, подлинное сокровище. Он достиг ума практически каждого человека, яснее и глубже других писателей показал основы добра и зла. Поэтому его произведения могут найти свое место в душе абсолютно каждого человека – как художника, так и не художника. Фигурально можно сказать так: сила солнца вечна, как и сила ума Л. Н. Толстого, она будоражит души людей [Бембеев, 1978, с. 4].

В 1959 году Эльдя Кектеев в статье «Сила жизни» раскрыл своеобразие влияния произведений Л. Н. Толстого на калмыцких писателей [Кектеев, с. 14]. Поэт и литературовед Римма Ханинова, занимавшаяся творчеством Л. Н. Толстого (см.: [Ханинова, 2007]), написала лирический цикл «По мотивам буддийских басен», а также посвятила памяти Л. Н. Толстого стихотворение «Зеленая палочка» [Ханинова 1994], [Ханинова, 2008]. Вера Шуграева, народный поэт Калмыкии, после посещения Ясной Поляны и под впечатлением от увиденного написала стихотворение «Лев Толстой», которое было опубликовано в 1974 году в газете «Калмыцкая правда» («Хальмг Үнн») [Шугран. Лев Толстой 1977]; оно затем вошло в авторский сборник «Дневное преображение» («Өдрин шинрлт») [Шугран. Өдрин шинрлт]. Поэт Евгений Пахомов посвятил Л. Н. Толстому цикл стихотворных раздумий «Двадцатый век, начало... Размышления о судьбе графа Льва Толстого» [Пахомов, с. 115–117].

Калмыцкие писатели переводили произведения Л. Н. Толстого на родной язык (см.: [Толстой, 1991], см. также перевод воспоминаний личного секретаря Л. Н. Толстого: [Гусев]). Наиболее полные переводы рассказов Л. Н. Толстого были изданы в 1961 году (к 50-летней годовщине со дня смерти писателя) [Толстой, 1961]. Среди переведенных текстов – рассказы из «Азбуки» («Филиппок», «Пожарные собаки», «Лев и собачка», «Кавказский пленник» и др.), а также «Метель», «После бала»¹.

¹ Сам Л. Н. Толстой писал о своих встречах с калмыками, которые происходили во время войны с горцами на Кавказе. В январе 1854 года, возвращаясь из Кавказа в Ясную Поляну, он попал в сильный бурян, после чего им был написан рассказ «Метель», где говорится о калмыцкой земле: «Ворочаться мне не хотелось; но и проплутать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи, какова эта часть Земли Войска Донского, казалось очень невесело» [Толстой, 1935, с. 119]. Калмыки – единственные буддисты на юге России. Поэтому правомерно обратить внимание

Остановимся на переводе рассказа «Косточка»². Нас будет интересовать проблема транс-

на буддийскую сказку под названием «Карма», вольно переведенную Л. Н. Толстым в 1894 году из американского журнала «Открытый суд» («Open Court») [Толстой, 1954, с. 46].

² Рассказ вошел в сборник детского чтения «Новая азбука» (продолжение прежней «Азбуки»), напечатанный в 1875 году. В жанровом плане произведение это было определено автором в качестве «были».

Приведем рассказ Л. Н. Толстого и его полный перевод на калмыцкий язык, выполненный Ириной Надвидовой.

Оригинал: «Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и все нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он все ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: „А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?“ Все сказали: „Нет“. Ваня покраснел как рак, и сказал тоже: „Нет, я не ел“.

Тогда отец сказал: „Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь“.

Ваня побледнел и сказал: „Нет, я косточку бросил за окошко“.

И все засмеялись, а Ваня заплакал» [Толстой, 1957, с. 127].

Перевод: «Нэге дэжж аакы өрег хулдыжи авчи ирнэ. Үдиин хотын хөөне күүктэдтэн өгхэр өрегүдииги ааһды тэвнэ. Ваня көвүн жилевтэд, ширэ эргэд йовад бээнэ. Зуг авчи иджэхши, унерчилчикэд хэрү ааһдын тэвчикэд бээнэ. Тэре өрөһэс эмтен хархыла, Ваня бийэн бэржи чадад, нэге өрегииги авад идчикве.

Үдиин хотын өмне аакы өрегүдииги толад, нэге өреге дутжахинь мэдэд, герин эзенде кэлве.

Үдлэ эцке күүкдэсен сурна: „Куукед, тэре ааһды бээсен өрегүдэсе күүн идсен болвыза?“ – „Уга“, – гижичи цуһар хэрү өгве. Ваня цаяха кэвтэ улаһад, басы „уга“ гижичи кэлве.

Тиигхелэ эцке кэлжэнэ: „Танасы кэн идсень йилһел уга, ээхе юмен биши. Ээмшиг юнды гихлэ, тэре өрегте ясын бээнэ. Тэре ясииги зальгысын күүн маһһыдуртын үкчи одна. Би энүнэсе ээжэнэв“.

Гэнтекен Ваня кэлве: „Уга, би ясинь хайчикүв“. Тиигэд кэлхелэнь цуһар инэве, зугы Ваня уульвы.

Нег дэжж аак өрг хулдж авч ирнэ. Үдин хотын хөөн күүкдтэн өгхэр өргүдиг ааһд тэвнэ. Ваня көвүн жилвтэд, ширэ эргэд йовад бээнэ. Зуг авч иджэхш, үнрчлчкэд хэрү ааһдн тэвчкэд бээнэ. Тер өрөһэс эмтн хархла, Ваня бийэн бэрж чадад, нег өргиг авад идчкв.

Үдин хотын өмнаа өргүдиг тоолад, нег өрг дутжахинь медэд, герин ээнд келв.

формации смыслов русского оригинала в переводном калмыцком тексте. Актуальность проблемы определяется необходимостью изучения памятников словесного искусства на разных языках в связи с интенсификацией этнокультурных процессов. Переводы демонстрируют иноязычным читателям образцы творческого наследия конкретного писателя, обогащают язык, на который переводятся эти произведения, развивают кругозор читателя. Проблема трансформации смыслов оригинала в переводческой практике на материалах калмыцкого и русского языков изучена недостаточно.

Калмыцкий язык, как известно, относится к монгольской группе алтайских языков, а русский принадлежит к восточной группе славянских языков индоевропейской семьи. У них есть множество схожих и отличительных грамматических черт. В обоих языках, кроме того, имеются сходства и различия в структуре предложений.

В русском языке порядок слов свободный: а) подлежащее + сказуемое + второстепенные члены предложения, б) сказуемое + подлежащее + второстепенные члены предложения, в) второстепенные члены предложения + сказуемое + подлежащее, г) второстепенные члены предложения + подлежащее + сказуемое. В калмыцком языке порядок слов более категоричный и не может быть изменен, если разные члены предложения выражаются одной и той же частью речи. В структуре калмыцкого предложения есть паттерн, согласно которому все члены предложения расположены в следующем порядке: подлежащее + второстепенные члены предложения + сказуемое [Гото, с. 130].

Вот пример из рассказа «Косточка»:

«Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127]. – «Экнь хар Өрг хулдж авад, энүгэн үрдүдтэн үдин хөтн Өгхэр седв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 23]. – «Мать сливы купила, их детям после обеда дать хотела» (буквальный перевод с калмыцкого).

Изменение порядка слов вызывает изменение значения предложения. Мы наблюдаем это как в русском, так и в калмыцком языке, когда пере-

ставляем местами субъект и объект, и в результате получаем абсурдный смысл.

Далее. Когда мы говорим о порядке слов, порядок обстоятельства в предложении конкретен. Факт выполнения, выраженный качественным наречием, в калмыцком языке обычно ставится перед глагольным членом предложения. В русском языке это не наблюдается, что объясняется иным порядком слов. В калмыцком – сказуемое в конце предложения, а в русском – в любом месте, но обычно на втором, после подлежащего.

1. «Они <сливы. – О. Б., Б. А.> лежали на тарелке» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Хар Өрг тэрлkd бээлэ» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 23].

«Сливы на тарелке лежали» (буквальный перевод с калмыцкого).

2. «Она сказала отцу» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Энүгэн эцкд келв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Она отцу сказала» (буквальный перевод с калмыцкого).

3. «... я косточку бросил за окошко» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Би тер ясиг терзэр назаран хайчклав» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Я ту косточку в окно на улицу выбросил» (буквальный перевод с калмыцкого).

Обстоятельства времени могут располагаться либо в начале, либо в середине предложения. Это характерно как для русских, так и для калмыцких предложений.

«Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Үдин хотын Өмн экнь хар Өргэн тоолхла, негнь дугжаснь медгд» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Перед обедом мать сливы посчитала, одной нет, она поняла» (буквальный перевод с калмыцкого).

Эти особенности, которые проявляются в структуре простого предложения в русском и калмыцком языках, важно учитывать при переводе текста с одного языка на другой.

При переводе с русского на калмыцкий возможна грамматическая замена простого предложения сложноподчиненным.

«И все засмеялись» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Тиигж келхлэнь, цугтан инэлдв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Когда он так сказал, все засмеялись» (буквальный перевод с калмыцкого).

Үдлэ эц күүкдэсн сурна: „Күүкд, терааһд бээсн өргүдэс күн идсн бовза?“ – „Уга“, – гиж цуһар хэрү өгв. Ваня цаяха кевтэ улаһад, бас „уга“ гиж келв.

Тиигхлэ эцк келжэһэ: „Танас кен идснь йилһл уга, ээх юмн биш. Ээмшг юунд гихлэ, тер өргт ясн бээһэ. Тер ясиг залгсн күн маңдуртнь үкч одна. Би энүнөс ээжэһэ“.

Генткн Ваня келв: „Уга, би ясинь хайчкув“. Тиигэд келхлэнь цуһар инэв, зуг Ваня уульв» [Толстой, 2000].

А. А. Зализняк и Е. В. Падучева выделяют такой грамматический аспект, как относительные предложения. В лингвистических работах термин «относительное предложение» может использоваться как сокращение для двух различных более полных терминов: «относительное придаточное предложение» и «сложноподчиненное предложение с относительным придаточным» [Зализняк, Падучева, с. 61]. Как и в других алтайских языках, в калмыцком языке основной стратегией образования относительных предложений является причастная стратегия, в которой причастие функционирует как предикат относительного оборота.

«Ваня никогда не ел слив и все нюхал их» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Ваня тѳруц хар ѳрг идж үзэд угадан, соньмсад, үнрлчэд бээв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Ваня, сливы никогда не ел и не видел, интересуясь, нюхая их, стоял» (буквальный перевод с калмыцкого).

В калмыцком предложении причастия и деепричастия стоят в середине предложения, перед сказуемым.

В 1977 году Э. Кинэн и Б. Комри сформулировали принципы иерархии доступности и ее ограничения [Кинэн, Комри]. Иерархия доступности выражает относительную восприимчивость к релятивизации для различных положений именных групп (ИГ). Эта иерархия такова: «подлежащее», «прямое дополнение», «косвенное обстоятельство», «косвенное дополнение», «владелец ИГ», «объект сравнения». Авторы работы утверждали, что релятивизируемость одних позиций зависит от релятивизируемости других и что такие позиции в общем универсальны.

По мнению К. А. Крапивиной, единственной стратегией релятивизации в калмыцком языке является причастная стратегия, характерная для алтайских языков, особенно монгольских языков, которая создает препозитивные относительные обороты с внешней вершиной и представлена двумя различными вариантами, которые позволяют релятивизировать большую часть иерархии доступности Э. Кинэна и Б. Комри [Крапивина, с. 499].

Наиболее важным фактором при выборе между причастиями в функции относительного оборота сказуемого является характерный аспект этой ситуации. Для причастий на -ъп и -нэ, менее заметные в аспектном плане, более важно абсолютное временное положение указанной ситуации. Таким образом, с точки зрения будущего, за редким исключением употребляется при-

частие на -нэ, с точки зрения настоящего – его сочетание с прогрессивом -за. Как считает Г. Д. Санжеев, причастие будущего на -нэ охватывает как будущее, так и настоящее, что согласуется с другими фактами калмыцкого языка, свидетельствуя о взаимодействии зон будущего и настоящего [Санжеев, с. 295].

«Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Учрнь – хар ѳргд ян бээдмн, терүг эс идж чадсн күн зальгчкхла, манһдуртнь үжж оддмн» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Причина – в сливе, косточка есть, ее, не умеющий человек если проглотил, назавтра умрет» (буквальный перевод с калмыцкого).

Что касается прошлого, то оказывается важным разделить его на перфективные и имперфективные виды. В перфективе всегда используется причастие на -нэд, в имперфективных возможен выбор между причастием на -нэд и его комбинацией с прогрессивным показателем -за, который определяется двумя постепенно взаимодействующими факторами [Пюрбеев, с. 101].

«Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел» [Толстой, 1957, с. 127].

«Тиигжэһэд герт күн уга кемлэ жилвтэн тесч ядад, нег хар ѳрг авад идчкв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Выждав момент, когда в доме не было людей, не справившись с желанием, одну сливу он схватил и съел» (буквальный перевод с калмыцкого).

Одновременность действия, которая выражена причастием, и действия, выраженного в главном предложении, – это первый фактор. Одновременность – аргумент в пользу использования индикатора -за, а неодновременность – против [Пюрбеев, с. 101]. Второй фактор, влияющий на выбор формы, – это акциональный класс глагола, от которого образовано причастие. Чем более вероятно окончательное толкование глагола, тем скорее будет использован прогрессивный индикатор, и наоборот. Кроме того, обстоятельства времени, которые указывают на длительность, могут выступать своеобразной «заменой» прогрессивного показателя [Там же, с. 102].

В калмыцком языке в результате невозможно выделить единственный фактор от сказуемого, который определяет выбор причастия на роль относительного оборота, бессоюзные предложения, не имея формальных средств выражения, наделены возможностями имплицитной реакции их зависимости. Бессоюзные предложения в сравнении со сложносочиненными предложе-

ниями склонны к многозначности выражаемых отношений, способны совмещать разные видовременные фоны в границах общего плана времени, создаваемого содержанием предложения. Громоздкость структуры сужает сферу употребления сложных предложений. Для разговорной речи они не характерны, а если и употребляются, то с оттенком книжности. Другими словами, если для рассказа Л. Н. Толстого характерна нарочитая простота и стилевой минимализм, то в калмыцком переводе сохраняется сочетаемость двух регистров: устно-народной разговорности и книжно-письменной формы выражения значений.

Список литературы

Басаев Д. «...И отыграть потерянное ламе в шахматы»: об увлечении Л. Н. Толстого шахматами, о встрече писателя с буддистским ламой // Известия Калмыкии. 2009. 23 января (№ 8–9). С. 15.

Гото К. В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. № 2. Т. 5. 2009. С. 124–159.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: Русские словари, 1997. С. 59–107.

Кектеев Э. М. Дорогое мое Приволжье. Элиста: Калмиздат, 1966. 23 с.

Кинэн Э., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982. С. 111–165.

Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. № 2. Т. 5. 2009. С. 497–510.

Пахомов Е. Ф. Восточный странник. Элиста: Джангар, 2003. 206 с.

Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во. 1979. 141 с.

Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во. 1983. 335 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. III: Произведения (1852–1856). М.: Художественная литература, 1935. 344 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. XXI: Новая Азбука и Русские книги для чтения (1874–1975). М.: Художественная литература, 1957. 692 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. XXXI: Произведения (1890–1900). М.: Художественная литература, 1954. 325 с.

Ханинова Р. М. Буддийские координаты на карте жизни и творчества Льва Толстого // Мандала. 2008. № 16–17. С. 14–21.

Ханинова Р. М. Сказка Л. Н. Толстого «Карма» в аспекте «Дхаммапады» // Лев Толстой и мировая литература: материалы Международной научной конфе-

ренции, музей-усадьба «Ясная Поляна», 22–25 августа 2005 года. Тула: Ясная Поляна, 2007. С. 103–117.

Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой... Элиста: Джангар, 1994. С. 193–213.

Гусев Н. Н. Л.Н. Толстойин туск тодлврмуд / орсас орчулснь Бакан Бембет // Хальмг Үнн. 1960. 20 укр сар (№ 229). С. 2–3.

Толстой Л. Н. Бууда / орчулснь Окна Борис // Хальмг Үнн. 1991. 20 така сар (№ 136). С. 2.

Толстой Л. Н. Келврмуд: Л.Н. Толстой өнгрэд 50 жил болжах өөнд. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1961. 180 х.

Толстой Л. Н. Ясн / орчулснь Ирина Надвидэ // Хальмг Үнн. 5 лус сар. 2000. Х. 23–24.

Шугран В. Лев Толстой // Хальмг Үнн. 1977. 15 марта (№ 52). Х. 4.

Шугран В. Одрин шинрлт. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1977. Х. 31–33.

References

Basaev, D. (2009). “...I otygrat’ poteriannoe lame v shahmaty”: ob uvlechenii L. Tolstogo shahmatami, o vstreche pisatelja s buddistskim lamoi [“...And to Win Back What I Have Lost the Lama at Chess”: About Leo Tolstoy’s Passion for Playing Chess, a Meeting of the Writer with a Buddhist Lama]. *Izvestiia Kalmykii*. 23 ianvar’a. (No. 8–9). P. 15. (In Russian)

Goto, K. V. (2009). *Sistema finitnyh form proshedshego vremeni v kalmytskom iazyke* [The System of the Finite Forms of the Past Tense in the Kalmyk Language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. No. 2. Tom 5, pp. 124–159. (In Russian)

Gusev, N. N. (1960). *L. N. Tolstoiin tusk todlvr mud* [Memoirs of Leo Tolstoy]. Orsas orchulsn’ Bakan Bembet. Hal’mg Ynn. 20 ukr sar (No. 229). Pp. 2–3. (In Kalmyk)

Kekteev, E. M. (1966). *Dorogoe moe Privolzh’e* [My Dear Volga Region]. 23 p. Elista, Kalmizdat. (In Russian)

Khaninova, R. M. (2008). *Buddiiskie koordinaty na karte zhizni i tvorchestva L’va Tolstogo* [Buddhist Coordinates on the Map of Leo Tolstoy’s Life and Work]. *Mandala*. No. 16–17, pp. 14–21. (In Russian)

Khaninova, R. M. (2007). *Skazka L. N. Tolstogo “Karma” v aspekte “Dhammapady”* [L. N. Tolstoy’s Tale “Karma” in Terms of “Dhammapada”]. *Lev Tolstoy i mirovaia literatura: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Iasnaia Poliana, 2–25 avgusta 2005 goda*. Tula, Iasnaia Poliana, pp. 103–117. (In Russian)

Khaninova, R. M. (1994). *Vzletet’ nad mira suetoi...* [Soaring above the World’s Hustle and Bustle]. Pp. 193–213. Elista, Dzungar. (In Russian)

Kinen, E., Komri, B. (1982). *Ierarkhiia dostupnosti imennyh grupp i universal’naia grammatika* [Hierarchy of Accessibility of Nominal Groups and Universal Grammar]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 11. Pp. 111–165. Moscow, Progress. (In Russian)

Krapivina, K. A. (2009). *Prichastie v roli skazuemogo otnositel’nogo oborota v kalmtscskom iazyke* [Participle in the Role of the Predicate in the Relative

Construction in the Kalmyk Language]. *Acta Linguistica Petropolitana*, No. 2. Tom 5, pp. 497–510. (In Russian)

Pahomov, E. F. (2003). *Vostochnyi strannik* [The Eastern Wanderer]. 206 p. Elista, Dzhangar. (In Russian)

Pyurbеev, G. C. (197). *Grammatika kalmtskogo iazyka. Sintaksis slozhnogo predlozheniia* [Grammar of the Kalmyk Language. The Syntax of a Complex Sentence]. 141 p. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Sanzheev, G. D. (1983). *Grammatika kalmytskogo iazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Kalmyk Language. Phonetics and Morphology.]. 335 p. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1935). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. III. Proizvedeniia (1852–1856). 344 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1957). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. XXI: Novaia Azbuka i Russkie knigi dl'a chteniia (1874–1975). 692 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1954). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. XXXI: Proizvedeniia (1890–1900). 325 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (2000). *Yasn* [The Bone]. Orchulsn' Irina Nadvidø. Hal'mg Ynn. 5 lus sar. Pp. 23–24. (In Kalmyk)

Tolstoi, L. N. (1991). *Buuda* [Buddha]. Orchulsn' Okna Boris. Hal'mg Ynn. 20 taka sar (No. 136). P. 2. (In Kalmyk)

Tolstoi, L. N. (1961). *Kelvrmyd: L. N. Tolstoi øngrad 50 øil boløeah øønd* [Stories: On the 50th Anniversary of Leo Tolstoy's Death]. 180 p. Elst, Khal'mg degtr haphach. (In Kalmyk)

Shugran, V. (1977). *Lev Tolstoi* [Leo Tolstoy]. Hal'mg Ynn. 15 moha cap (No. 52). P. 4. (In Kalmyk)

Shugran, V. (1977). *Ødrin shinrlt* [Daytime Transformation]. Elst, Hal'mg degtr harhach. Pp. 31–33. (In Kalmyk)

Zalizniak, A. A., Paducheva, E. V. (1997). *K tipologii odnositel'nogo predlozheniya* [On the Typology of a Relative Sentence]. *Semiotika i informatika*. Vyp. 35. Pp. 59–107. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Болдырева Ольга Николаевна,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова,
358000, Россия, Элиста,
Ленина, 226.
olya.boldyreva2013@yandex.ru

Арашаева Байрта Петровна,

аспирант,
Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова,
358000, Россия, Элиста,
Ленина, 226.
arashaevabp@mail.ru

Boldyreva Olga Nikolaevna,

Ph.D. in History,
Assistant Professor,
Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov,
226 Lenin Str.,
Elista, 358000, Russian Federation.
olya.boldyreva2013@yandex.ru

Arashaeva Bairta Petrovna,

graduate student,
Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov,
226 Lenin Str.,
Elista, 358000, Russian Federation.
arashaevabp@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-109-115
УДК 821.512.145

НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОЗЕ ФАУЗИИ БАЙРАМОВОЙ

© Фарида Габидуллина, Илшат Насипов, Рушан Шабакеев

MORAL AND RELIGIOUS VALUES IN FAUZIA BAYRAMOVA'S PROSE

Farida Gabidullina, Ilshat Nasipov, Rushan Shabakaev

Religious philosophy and basic Koranic postulates began to emerge in fiction in the ancient period, reflected in numerous plots, themes and motifs of works. Spiritual and moral values of Islam determined the ideological and aesthetic content of Tatar literature. During the Soviet period, religious values in spiritual life were rejected, therefore, their place in literature was significantly reduced, and religious figures were frequently negatively portrayed. The younger generation is raised separated from religious views and Islamic values. At the end of the 20th century, due to the socio-historical and socio-cultural changes in society, freedom to worship was returned to the people. At the turn of the century, the names of poets and writers who had been previously banned, and their works, filled with religious content, returned to be read and to be studied. From this time on, an active return of religious motifs has been observed in modern Tatar literature. Religious philosophy is strong in modern Tatar prose, poetry and drama has been enriched by works, based on the Islamic religion studies. This article deals with the problem of reflecting moral and ethical norms and religious values in the prose works of Fauzia Bayramova, the classic of modern Tatar literature. Her prose is filled with Islamic values; the characters are tested precisely with a view to reveal their attitude to these values.

Keywords: Modern Tatar literature, Fauzia Bayramova's work, morality, religion, the Koran, suras, hadiths.

Религиозная философия и основные коранические постулаты начали проникать в художественную литературу еще в древний период, отражаясь в многочисленных сюжетах, тематике и мотивах произведений. Духовно-нравственные ценности ислама определяли идейно-эстетическое содержание произведений татарской литературы. В советский период наблюдается отказ от религиозных ценностей в духовной жизни, поэтому их место в литературе существенно снижается, часто религиозные деятели изображаются с негативной стороны. В воспитании молодого поколения наблюдается уход от религиозных взглядов, исламских ценностей. В конце XX века в связи с началом общественно-исторических и социально-культурных изменений в обществе народу возвращается свобода вероисповедания. На рубеже веков возвращаются имена поэтов, писателей, ранее бывших под запретом, начинают изучаться их произведения, наполненные религиозным содержанием. С этого времени наблюдается активное возвращение религиозных мотивов и в современной татарской литературе. В современной татарской прозе, поэзии и драматургии сильно религиозная философия, литература обогатилась за счет произведений, написанных на основе учений исламской религии. В статье исследуется проблема отражения нравственно-этических норм и религиозных ценностей в прозаических произведениях классика современной татарской литературы Фаузии Байрамовой. Ее проза наполнена исламскими ценностями, герои произведений проходят испытания как раз в зависимости от отношения к этим ценностям.

Ключевые слова: Современная татарская литература, творчество Фаузии Байрамовой, нравственность, религия, Коран, суры, хадисы.

Введение. Фаузия Байрамова – талантливый современный татарский публицист, прозаик, драматург, признанный общественный деятель. В своих произведениях она продолжает лучшие традиции многовековой истории татарской литературы, являясь наиболее активным представителем возрождения религиозно-нравственных

ценностей в татарской прозе и публицистике. В статьях «Трагедия равная векам» («Гасырларга тиң фажига»), «Время и человек» («Гасыр һәм кеше»), «Верен ли твой выбранный путь?» («Сайлаган юлың дәресе?»), в путеводителе «Дневник хаджа» («Хаж көндәлеге»), в других религиозно-философских произведениях, во-

шедших в объемный сборник «Время. Нация. Человек» («Заман. Милләт. Кеше»), Ф. Байрамова оценивает историческое прошлое, сегодняшний день и будущее татарского народа рассматривает с позиций основ исламской религии, духовная жизнь и внутренний мир человека раскрываются ею в тесной связи с кораническими религиозными канонами. Известный писатель и публицист Айдар Халим сборник Ф. Байрамовой «Время. Нация. Человек» («Заман. Милләт. Кеше») назвал «главным открытием татарской публицистики 2000 года» и подчеркнул, что «включая труды религиозного теоретика Шигабетдина Мэрджани и казья Ризы Фахретдина, такой труд в нашей истории вроде бы один из первых. После принятия Ислама, в тысячелетней истории татар предпосылок для появления таких чудес не было, вроде и не должно было быть» [Халим, с. 15]. В прозаических произведениях писательницы, в том числе в романе «Последняя молитва» («Соңгы намаз») и повести «В стране богатырей» («Алыплар илендә»), религиозному содержанию уделяется большое внимание.

Методы исследования. Наше исследование основывается на положениях герменевтики – на основе интерпретации литературных текстов раскрываются их внутренние свойства, определяются признаки и свойства художественного мышления автора. В ходе работы мы опирались также на метод сравнительно-исторического анализа, что позволило рассмотреть взгляды писателя в сравнении с доминировавшими до этого концепциями. В данной статье используются сравнительно-исторический и системно-типологический методы в соответствии с перспективой и характером исследования.

Обсуждение. С точки зрения религиозного содержания произведение «Последняя молитва» («Соңгы намаз», 2000) [Бэйрэмова, 2002] в творчестве Фаузии Байрамовой занимает особое место, закономерно, что роман автора получил всеобщее признание общественности. В романе, имеющем реально-документальную основу, описываются бескомпромиссная борьба веры и безбожия, столкновение набожного народа с вероотступниками, многое в этом произведении звучит как предостережение будущим поколениям.

Критик Р. Сверигин, отмечая приверженность автора религиозным ценностям, становящимся основой литературных и публицистических изобразительных средств романа «Последняя молитва», дает высокую оценку как содержанию, так и образности произведения: «В своей жизни (а мне исполняется уже семьдесят лет) в татарской художественной литературе до сих

пор не встречал произведения так рьяно пропагандирующего, защищающего религию... Я понял, что в своем новом романе „Последняя молитва“, не отошедшая от своих принципиальных позиций, Фаузия Байрамова сделала еще один смелый шаг в предупреждении народу, нации и призыву к его духовному очищению» [Сверигин, с. 151].

В романе переосмысливаются взгляды и отношение Ф. Байрамовой к народу и религии. Писатель, стремясь показать положительный идеал, обращается к простым людям, именно они, не имеющие особых материальных благ, становятся носителями высоких нравственных качеств. Писателя беспокоит то, что многие мечты татарского народа не сбываются, затухает национальное движение, в стране процветает пьянство, наркомания, другие негативные явления. Автор убежден, что от этих отрицательных явлений народ может спасти лишь поклонение Аллаху. В произведении религия занимает центральное место и возвышается до уровня главного нравственно-этического ориентира, таким образом писатель стремится оказать влияние на умы читателей.

Ф. Байрамова в романе описывает путь к религии учителя общественных наук Марьямбану. Главная героиня проходит через жизненные невзгоды, испытывает страдания, вызванные предательством, борется за свое место в жизни. И только религиозное воспитание, религиозное бытие оказываются для Марьямбану самыми важными и необходимыми в этой борьбе.

В раскрытии внутренних переживаний героини, в изображении ее внутреннего мира писательница добилась больших успехов. Глазами Марьямбану показано, как дарованные Аллахом святые лучи жизни тухнут из-за наполнивших округу пьяниц, совсем молодых наркоманов, проституток, преступников:

«Аллаһы үзенен нурыннан кешенең жанына өлеш чыгарган, димәк, кешенең жанында Аллаһының нуры бар. Ул нурга сүнэргә, корым белән капланырга ирек бирергә ярамый, шул нур белән бергә Аллаһының тәэсире, рәхмәте дә киселергә мөмкин» [Бэйрэмова, 2005, с. 380]. – «Аллах из своего луча выделил для души человека свою долю, значит, в душе человека есть луч Аллаха. Этому лучу нельзя давать волю потухнуть, покрыться копотью, с этим лучом может пресечься влияние Аллаха, его благодать».

Писательница критикует пьянство, распутство, указывается, что именно они – начало всех плохих деяний. «Раз вся наша округа заполнена всей этой нечистью, в конце концов не

остаётся надежды на нормальную, человеческую жизнь. Все-таки это не так, остаётся единственный путь – путь Аллаха... Всем нам грозит трагедия, единственное средство спасения – встать на путь веры, поклонения Аллаху», – пишет Р. Сверигин в «На перепутье веков» [Сверигин, с. 151].

Явления, которые отрицательно оцениваются исламской религией, не прощаются и в жизни. Марьямбану, лишь посвятив себя исламу, ценой очень больших жертв сумела сохранить в себе духовный огонек. Чтобы стать религиозной, ей пришлось преодолеть разные препятствия, неприятие близких. Марьямбану бросил муж, ушел к живущей в соседней квартире безбожной, безнравственной Римме. Единственный сын Ахмет, приняв ислам, погиб в Чечне, любимая девушка сына – верующая мусульманка Лейля – попадает в сумашедший дом, и сама Марьямбану погибает во время взрыва дома, организованного чеченскими террористами.

Необходимо отметить и то, что верующие мусульманские герои, не найдя своих путей в жизни, пропали. Это отмечает и ученый Ф. Урманче в своей статье «Путешествие в страну чудес: рядом со злым духом»: «При самостоятельном изучении современных прозаических произведений приходишь еще к одному важному выводу: основная проблема современной прозы: сбитое с пути, потерявшее ориентиры общество и вынужденная жить в нем отчаявшаяся, жалкая, несчастная личность! Конкретнее сказать – духовно обнищавшая личность! <...> В каждом произведении большое место занимают горе, печаль, хворь, плач, отчаяние, одиночество, боль... и трагическая смерть!» [Урманче, с. 5].

Но у Ф. Байрамовой на это есть ясный ответ. Она в своих произведениях, описывая трагическую гибель героев, правоверных мусульман, показывает их жертвенный путь во имя очищения страны от грязи, безнравственности. Сама жизнь современного общества, наполненная обманом, несправедливостью, обидами, ущемлением слабых, пьянством, наркоманией, побуждает писательницу отчаянно взывать: «Народ мой, куда идешь? Попробуй поискать пути выхода из этой ситуации! Если всей душой сможешь служить Исламу, посвятить Аллаху остаток своей жизни, сможешь освободиться от этих напастей!» [Сверигин, с. 150].

В центре священной книги мусульман стоит идея единобожия. Религиозные взгляды в произведениях писательницы основаны на Коране, некоторые идеи, отраженные в романе, созвучны суфийской литературе, их объединяют мотивы, художественные приемы. Основные элементы

этой традиции – начинать каждое произведение с имени Аллаха (бисмилла), с упоминания сур, аятов из Корана, это характерные особенности всей мусульманской религиозной литературы.

Обнаружить эти особенности в романах писательницы нетрудно. Роман «Последняя молитва» она начинает и заканчивает 38 аятом из суры «Паук» («Үрмәкүч»): «*Алар, Аллах биргән белемне, хак юлга кулланмыйча, һәлак булдылар*». – «Они знания, дарованные Аллахом, не использовали в праведных делах и погибли».

Религия возникает, обновляется, обретает особую силу тогда, когда она жизненно необходима... Она, как мы понимаем, – собрание нравственных догм и правил, а любое правило основано на жизненной практике. Произведение «Последняя молитва» не только отражает религиозное учение, но оно еще написано жизненно. Религия сегодня не только не утратила своей роли в нашей жизни, напротив, она развивается, все глубже проникая в сознание людей.

Повесть Ф. Байрамовой «В стране богатырей» адресована подросткам. Произведение написано в реалистическом ключе, включает в себя увлекательные приключения, но при этом основано на религиозном миропонимании. Критик Р. Ханнанов отмечает: «Учитывая отсутствие в татарской литературе прозаических произведений для детей, Ф. Байрамова пишет для детей подросткового возраста повесть „В стране богатырей“ (2002) и роман „Ноев ковчег“ (2004), которые были опубликованы в Казани отдельной книгой в те же годы. Автор в этих произведениях, мастерски используя жанр приключения, объясняет детям историю татар, жизнь народа, ценности исламской религии, в результате их с удовольствием читают и взрослые, и из них можно черпать много новой информации» [Ханнанов, с. 156].

Писатель, критик, общественный деятель Р. Мустафин также напоминает, что Ф. Байрамова – самая талантливая из писателей, пишущих на религиозные темы: «Появились и современные авторы, пишущие на религиозные темы. Самым ярким и талантливым среди них я бы назвал Фаузию Байрамову» [Мустафин, с. 217].

Изучение религиозных канонов, построение собственной жизни в соответствии с ними – долг каждого. «Очень важно обучать детей этим правилам, дать им правильное воспитание, привить им с детства благонравные черты, оберегать их от всякой безнравственности. Потому что будущее в их руках», – пишет В. Казыйханов в «Книге уроков веры» [Казыйханов, с. 20].

Способов объяснить историю религии, ее основ множество, однако человек, имеющий писа-

тельский талант, выбирает близкий к народу, действенный, проверенный веками путь. Роман Фаузии Байрамовой «В стране богатырей», основанный на жизненных, интересных сюжетах, также находит легкий путь к человеческим душам.

Само название «В стране богатырей» указывает, что в нем скрыта некая мифологическая тайна. Кто были наши прадеды? Героические богатыри – кто они? В татарских народных сказках, дастанах, часто встречаются образы Алып батыров – «героических богатырей». Древние Алып батыры, описанные в романе, жили, борясь с крылатыми змеями – драконами, это доказывает существование этих мифических существ в доисламских преданиях народов Поволжья. Как известно, в мифологии тюркских народов дракон – одно из основных мифических существ, противопоставленных человеку.

Мифологический пласт, предание об Алыпбах, в произведении подается как фантазия, бред, сон. «Он доказывает неестественное событие как закон, облегчающий путь к Аллаху, этот мифологический пласт повторяет сведения из татарских мифов (он наполнен национальным колоритом. Алыпсы – первые прадеды татар): что жили большие люди, ходили, переступая из горы в гору, дети Алыпов хватили обычных людей, сообщали, что в будущем люди станут такими большими и т. д. <...>

Автор тщательно художественно перерабатывает материал, связанный с мифологией, одухотворяя его теплым и любовным отношением. Указывает, что Исламская религия – путь к решению человеческих и жизненных проблем» [Нигъмәти, с. 55].

Джихангир – отец главного героя Камиля, связывает этот миф с действительностью. Он убежден, что здесь реально жил самый древний человек округа – Тимершаих. Его рост был равен девятиэтажному дому, он считался первым человеком планеты – то ли сыном, то ли внуком Адама. На нижней лужайке они молились, сообща советовались. Мысли Джихангира подтверждает и бабушка:

«Пәйгамбәрәбезнең хәдисләрендә беренче кеше Адәм галәйһисәламнең буе 60 терсәк, иңе 7 терсәк, яғни буйга 30 метр, иңгә 3 метр тирәсе булган. Икенче бер хәдистә жәннәткә керүче мөселманнар да атабыз Адәм кыяфәтендә – 60 терсәк озынлыкта булырлар, диелгән. Беренче кешеләрнең гаять зур, көчле, гайрәтле булулары турында Коръәндә дә аятьләр күп. Әмма Аллаһы Тәгалә ул зур кешеләрне юк иткән. Алыплар урынына вак бәндәләр килгән, бүгенге кешеләр яши башлаган» [Бәйрамова, 2002, с. 70]. – «В хадисах пророка первый человек был ростом

в 60 локтей, плечом в 7 локтей, то есть ростом в 30 метров, плечом в 3 метра. В другом хадисе говорится, что мусульмане в образе нашего отца Адама, входящие в рай, были ростом в 60 локтей. Во многих аятах Корана о первых людях сказано, что они тоже очень большие, сильные, мощные. Однако Аллах этих людей уничтожил. Вместо Алыпов пришли маленькие человечки, жить стали сегодняшние люди».

По мнению А. Шамсутовой, в данном эпизоде Ф. Байрамова опиралась на информацию, сохранившуюся в хадисах пророка Мухаммада: «Таким образом, писательница, основываясь на мотивах из Корана о том, что первый человек – это спустившийся с Небес Адам, огромного роста, прародитель рода Алыпов, имевших государство, высокоразвитую культуру, выстраивает занимательный сюжет» [Шәмсутова, с. 123].

Дочь Салимхана Камила приводит взгляды ученых об Алыпбах:

«Пасха утравындагы гажәеп зур таш сыннарны кемнәр ясаган? Гади кеше көче житмәслек Мисыр пирамидаларын кемнәр төзөгән? Сардиния утравындагы биек башня-манараларны кемнәр салган? Эш коралы таш һәм балта гына булган заманда дөньяның төрле почмакларында – Мексикадан алып Мисыргача – кем, нинди максат белән шундый зур биналар төзи алган? Бу эшне гигант кешеләр, яғни Алыплар башкарган дигән фикер дә яши» [Бәйрәмова, 2002, с. 74]. – «Кто сделал удивительно огромные каменные изваяния на острове Пасха? Кто строил непосильные простому человеку Египетские пирамиды? Кто строил высокие башни-минареты на острове Сардиния? Во времена, когда из орудий труда были лишь камень и топор, на разных уголках земного шара – от Мексики до Египета – кто, с какой целью смог построить такие огромные здания? Существует мнение, что эту работу выполнили гигантские люди, то есть Алыпсы. Таким образом, писательница, вводя образ Алыпов в сюжет произведения, воскресила предание об Алып батырах, сохранившееся в татарском народном устном творчестве».

В повести Ф. Байрамовой «В стране богатырей» мифические образы, Алыпсы, изображаются в реальной жизни. «В произведении Алып меняется в трех направлениях: религиозном, мифическом, литературном. Мифический пласт раскрывается через мифические сказания, в религиозном аспекте Алыпсы раскрываются в связи с Кораническими мотивами, идея прихода к вере, религии претворяются в жизнь с помощью мифологического образа; в литературном отношении мифологема Алыпса раскрывает идею произведения, т.е. вводится, чтобы показать, что можно добиться счастливой спокойной жизни, если только жить по канонам Аллаха, совершать бла-

гие дела», – подчеркивает литературовед Л. Давлетшина [Дәүләтшина, с. 158].

Главная сюжетная линия повести «В стране богатырей» – история обращения Камиля к религии, герой убежден, что только она может спасти общество и человека от духовного краха. Идея вложена в уста ребенка Алып:

«Сез Аллах кушканча яшәмисез, бөтен бәхетсезлегез шунда / Вы не живете по заветам Аллаха, все ваши бед от этого. Аллах кушканча яши башларга... Хәрамнән аерылырга... Барыгызга да намазга басарга... Ярдәмне бары тик Аллахтан гына сорарга, Аннан гына өмет итәргә...» [Бәйрамова, 2002, с. 46]. – «Начать жить по заветам Аллаха... Расстаться с греховным... Всем молиться... Просить помощи только от Аллаха, от него только ждать милости...»

В центре произведения – Камиль, продолжатель рода прадедов, Алыпов, мусульманин. В повести «В стране богатырей» пересекаются прямо противоположные мотивы: чтение намаза, молитвы и нарушение запретов, вера и безбожие. В произведении изображаются реальные картины: жизнь в деревне, пьянство, наркомания, безнравственность. Здесь читатель воочию видит разрушительное действие пьянства, которое предстает перед читателем как страшный человеческий порок и трагедия. Писательница убеждена, что многие причины несчастий связаны с пьянством, ни одно бедствие и преступление не может причинить народу и его благополучию столько разрушений, как пьянство. Ф. Байрамова размышляет, откуда же возникли корни пьянства у ориентированного на ислам татарского народа, почему это зло так прочно вошло в современную жизнь? Вопросов много... Созвучно с этими вопросами освещается важная для татар идея «Как спасти татар?». Бабушка Камиля говорит:

«Син, яшь кеше, динне, Коръәнне өйрән, анда бар нәрсәгә жавап бар. Болай Аллах язган тарихны әйләнәп үтәп, син үзәңдә, атаң да ялгыш юлга кереп китәргә мөмкинсез. Дөнъя шуңа күрә бик күп сорауларга жавап таба алмый инде, күп нәрсәләргә хәл итә алмый, чөнки жавабын Аллах китабыннан эзләмиләр» [Бәйрамова, 2002, с. 35]. – «Ты – молодой человек, изучай религию, Коран, там есть ответы на все вопросы. Так, обходя учение Аллаха, и сам, и твой отец можете пойти по ложному пути. Земля поэтому и не может найти ответы на многие вопросы, не может решить многие проблемы, что не ищут ответа в книге Аллаха».

В этих словах заключены важные глубинные мысли, адресованные татарскому народу. Они словно звучат в ответ представителям татарского народа (а таких – большинство), считающим,

что «рано еще молится, читать Коран, успею еще в старости, а сейчас хочу пожить». Отец Камиля тоже разделяет это заблуждение.

В произведении многократно отмечается, что путь к счастью всегда лежит вере в Аллаха, в молитве. Для писателя молитва – это правоверие и путь к истине. В повести время чтения намаза подается как чистый, священный момент:

«Ул арада азан тавышы да тынды, хәтта жил дә исми башлады, дөнъя оеп, тынып калды. Бары шул мизгелдә намазда булган – Аллах белән сөйләшкән затларның тыныч жанлы булуларын искәртә» [Бәйрамова, 2002, с. 48]. – «В это время стих и азан, даже ветер перестал веять, жизнь затихла, немея. Только этот момент напоминает спокойствие тех, кто в намазе – в общении с Аллахом».

Значение намаза Ф. Байрамова описывает так:

«...Тезләнеп, Аллахны олыладылар, дөнъяда кеше булып яшәүләре өчен, хак юлга чыгарганы өчен, шушы мөҗизаларны күрсәткәне өчен, кулларын күккә күтәрәп, Аллахка рәхмәт әйттеләр» [Бәйрамова, 2002, с. 135]. – «На коленях возвысь Аллаха, подняв руки к небу, воздай хвалу Аллаху за то, что сотворил нас на земле, что вывел нас на путь истинный, что показал нам эти чудеса».

Отсутствие страха перед кем бы то ни было, несоблюдение канонов и нравственных правил ведет человека к распутству. Писатель всей душой хочет предостеречь от этого и постоянно напоминает читателю:

«Кеше бәндәдән түгел, Аллахтан курыкса гына хәрамнан тыелачак, улым. Үлемнән курку, авырудан курку, кешедән курку вакытлы гына булырга мөмкин. Аллахтан курку кирәк, Аның каргышынан, ачуннан курку кирәк. Һәм Ул әйткәнчә яшәү кирәк» [Бәйрамова, 2002, с. 32]. – «Человек, если будет бояться не человека, а только Аллаха, может воздержаться от харама, сынок. Боязнь смерти, боязнь болезни, боязнь человека могут быть лишь временными. Нужно бояться Аллаха, Его проклятия, гнева. И жить надо по Его заветам».

Главная развязка сюжетной линии повести – удар молнии в деревню – воспринимается как наказание Аллаха Салим баю, его жене, Джинхангиру, наркоманам. Духовная трагедия израненных душ людей и экологическая трагедия – смерть природы – описываются в повести параллельно. Автор убежден, что природу губит стремление людей к материальному богатству, а духовное богатство человека приходит в упадок, если забыта история, а сам человек живет не по правильным

канонам. Главная мысль автора заключается в том, что незнание истории и нежелание ее изучать приводят к духовной пустоте, ведут по неверной дороге. Содержание повести свидетельствует, что автор, следуя традициям писателей начала XX века, «золотого века» татарской литературы, всей душой переживает за судьбу своего народа, за его будущее.

Заключение. Творчество Фаузии Байрамовой, вносящее новый неопределимый вклад в национальную литературу, радуется своим разнообразием, писательница создает оригинальные произведения, близкие к современным духовным запросам татарского читателя, ее творчество популярно и любимо в народе. Произведения автора пронизаны религиозной философией, в которой заложены многовековые чаяния и мечты татарского народа. Своими произведениями она заставляет читателя искать ответ на важнейший вопрос: как сохранить татарский народ, его национальную идентичность и самобытность? Для Ф. Байрамовой ответ на этот вопрос ясен и понятен: лишь опираясь на духовные заветы предков, заветы Аллаха и его предписания в Коране, мы можем существовать и достойно жить.

Список литературы

Закирьянов А. М. Современное татарское литературоведение: достижения, проблемы и перспективы развития // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: Круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 80–88.

Мустафин Р. Прогулка по садам татарской словесности. Диалог с воображаемым читателем // Дружба народов. 2007. № 10. С. 217–221.

Бэйрәмова Ф. Алыплар илендә: мажаралы повесть. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. 35 б.

Бэйрәмова Ф. Кырык сырт: романнар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 592 б.

Габидуллина Ф. Роман һәм милләт: Гаяз Исхакый ижатында роман жанры. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 30 б.

Дәүләтшина Л. Киләчәккә күз төбәп // Казан утлары. 2003. № 9. 158 б.

Ибраһимов Г. Борынгы ислам мәдәнияте // Мирас. 1993. № 12. 96 б.

Казыйханов В. Иман дәресләре. Түбән Кама: Ихлас, 2005. 20 б.

Коръәни Кәрим. Ногмани тәфсире (төзәтелгән). Казан: Идел-Пресс. 400 б.

Кудрякова В. С. Дини әдәбиятның яңа әдәбият барлыкка килүдәге роле // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов): Сб. статей научно-практической конференции «Актуальные проблемы

отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов)» (г. Казань, 7 марта 2014 г.) / Институт Татарской энциклопедии АН РТ. Казань: Фолиант, 2014. Выпуск 3. 278–282 б.

Миңнегулов Х. Коръән һәм татар әдәбияты // Мәгариф. 1999. № 3. 15–17 б.

Нигъмәти И. Чорлар чатындагы үзгәрешләргә кабат тукталып... // Фәнни Татарстан. 2016. № 1. 55 б.

Сверигин Р. Гасырлар чатында // Казан утлары. 2002. № 4. Б. 145–154.

Садыйкова А. Х., Хәйретдинова Р. Р. XII–XX гасыр башы татар әдәбиятында дини фольклор: дәреслек. Казан: КФУ, 2016. 317 б.

Тукай Г. Әсәрләр: биш томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 88–133 б.

Хәсанова Ф. Татар шигърияте: үткәне һәм бүгенгесе // Казан утлары. № 10. 2009. 149–150 б.

Хафизов С. Әдәбиятта базар заманы // Казан утлары. 1998. № 8. 156 б.

Хәлим А. Бирегез мәйдан! // Мирас. 2003. № 2. 13–20 б.

Ханнанов Р. Кеше язмышыннан – милләт язмышына // Казан утлары. 2016. № 4. 156 б.

Урманче Ф. Могжизалар дөнъясына сәяхәт: албастылар белән янәшә. URL: <http://kitap.net.ru/furmanche1-1.php> (дата обращения: 29.01.2021).

Шәмсутова А. Хәзерге татар әдәбияты яңарышы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 205 б.

References

Bәirәmova, F. (2002). *Alyplar ilendә: мажаралы повесть* [In the Land of the Alps: An Adventure Story]. 35 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Bәirәmova, F. (2005). *Kyryk syrt: romannar* [Forty Summits: Novels]. 592 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Gabidullina, F. (2007). *Roman һәм милләт: Gajaz Ishakjy iҗатында roman zhanry* [The Novel and the Nation: The Genre of the Novel in the Works of Gayaz Iskhakov]. 30 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Dәylәtshina, L. (2003). *Kilәchәkkә күz төbәp* [Looking to the Future]. Kazan utlary. No. 9, p. 158. (In Tatar)

Ibrahimov, G. (1993). *Boryngy islam мәdәniyate* [Ancient Islamic Culture]. Miras. No. 12, p. 96. (In Tatar)

Khafizov, S. (1998). *Әdәbijatta bazar zamany* [The Market Age in Literature]. Kazan utlary. No. 8, p. 156. (In Tatar)

Khannanov, R. (2016). *Keshe iazmyshynnan – millät iazmyshyna* [From the Fate of a Person to the Fate of a Nation]. Kazan utlary. No 4, p. 156. (In Tatar)

Kazykhanov, V. (2005). *Iman dareslære* [Lessons of Faith]. P. 20. Tүbән Кама, Ihlas. (In Tatar)

Khәlim, A. (2003). *Biregez мәjdän!* [Give Me the Square!]. Miras. No 2, pp. 13–20. (In Tatar)

Khәsәnova, F. (2009). *Tatar shigrijate: үtkәne һәм byҗengese* [Tatar Poetry: Past and Present]. Kazan utlary. No. 10, pp. 149–150. (In Tatar)

Korəni Kərim. *Nogmani təfsire (təzətelgən)* [Interpretation of Nogmani (corrected)]. P. 400. Kazan, Idel-Press. (In Tatar)

Kudriakova, V. S. (2014). *Dini ədəbiyatın jaña ədəbiyat barlykka kilydäge role* [The Role of Religious Literature in the Formation of New Literature]. Aktual'nye problemy otechestvennoi i zarubezhnoi istorii, filologii (vzgliad molodyh uchenyh i aspirantov): Sb. statei nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye problemy otechestvennoi i zarubezhnoi istorii, filologii (vzgliad molodyh uchenyh i aspirantov)" (g. Kazan', 7 marta 2014 g.). Institut Tatarskoi entsiklopedii AN RT. Pp. 278–282. Kazan, Foliant. Vyp. 3. (In Tatar)

Miñnegulov, H. (1999). *Korən həm tatar ədəbiyatı* [The Koran and Tatar Literature]. Məgarif. No. 3, pp. 15–17. (In Tatar)

Mustafin, R. (2007). *Progulka po sadam tatarskoj slovesnosti. Dialog s voobrazaemym chitatelem* [A Walk through the Gardens of Tatar Literature. A Dialogue with an Imaginary Reader]. Druzhba narodov. No. 10, pp. 217–221. (In Russian)

Nigməti, I. (2016). *Chorlar chatyndagy yzğəreshlərgə kabat tuktalyp...* [Permutations at the Crossroads of Time]. Fənni Tatarstan. No. 1, p. 55. (In Tatar)

Sadyikova, A. H., Həiretdinova, R. R. (2016). *XII–XX gasyr bashy tatar ədəbiyatında dini fol'klor: dəreslek* [Religious Folklore in Tatar Literature of the 12th–Early 20th Centuries: A Textbook]. P. 317. Kazan, KFU. (In Tatar)

Shəmsutova, A. (2010). *Həzerge tatar ədəbiyatı jañaryshy* [Revival of Modern Tatar Literature]. P. 205. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Sverigin, R. (2002). *Gasyrlar chatynda* [At the Turn of the Century]. Kazan utlary. No. 4, p. 151. (In Tatar)

Tukai, G. (1985). *Əsərlər: bish tomda* [Works: In Five Volumes]. T. 2, pp. 88–133. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Urmanche, F. *Mogəçizalar dəniasyna səiahət: albastylar belən ianəshə* [Journey to the World of Wonders: Next to the Albanians]. URL: <http://kitap.net.ru/furmanche1-1.php> (accessed: 29.01.2021). (In Tatar)

Zakirzianov, A. M. (2019). *Sovremennoe tatarskoe literaturovedenie: dostizheniia, problemy i perspektivy razvitiia* [Modern Tatar Literary Studies: Achievements, Problems and Prospects of Development]. Natsional'nye literaturnye na sovremennom etape: nauchnye kontseptsii i gipotezy: Kruglyi stol, posviashchennyi 80-letiiu sozdaniia Instituta iazyka, literaturny i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Pp. 80–88. Kazan, IIL. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2021

Поступила в редакцию 15.05.2021

Габидуллина Фарида Имамутдиновна,

кандидат филологических наук,

доцент,

Елабужский институт

Казанского федерального университета,

423600, Россия, Елабуга,

Казанская, 89.

farida-vip@mail.ru

Насипов Илшат Сахиятуллович,

доктор филологических наук,

профессор,

Башкирский государственный

педагогический университет

им. М. Акмуллы,

450008, Россия, Уфа,

Октябрьской революции, 3а.

nasipov2021@yandex.ru

Шабакеев Рушан Ринадович,

преподаватель,

Российский исламский университет,

450076, Россия, Уфа,

Чернышевского, 5.

ruchan1991@yandex.ru

Gabidullina Farida Imamutdinovna,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

Yelabuga Institute

of Kazan Federal University,

89 Kazanskaya Str.,

Yelabuga, 423600, Russian Federation.

farida-vip@mail.ru

Nasipov Ishat Sahiyatulloevich,

Doctor of Philology,

Professor,

Bashkir State Pedagogical University

named after M. Akmulla,

3-A Oktyabrskaya Revolyutsiya Str.,

Ufa, 450008, Russian Federation.

nasipov2021@yandex.ru

Shabakaev Rushan Rinadovich,

Assistant Professor,

Russian Islamic University,

5 Chernyshevskogo Str.,

Ufa, 450076, Russian Federation.

ruchan1991@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-116-121
УДК 82.091

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ПОЭЗИИ РЕНАТА ХАРИСА

© Альфия Галимуллина, Фоат Галимуллин

CULTURAL CODES IN THE POETRY OF RENAT KHARIS

Alfiya Galimullina, Foat Galimullin

The article studies the originality of the artistic embodiment of Tatar national cultural codes in the poetry of Renat Kharis, the People's Poet of the Republic of Tatarstan. The elements of Tatar national cultural codes clearly manifest themselves in the multifaceted work of Renat Kharis, their main components being the image of the motherland and one's native land, national holidays (Sabantuy, for example), national colors (white, green), and national customs. In the work of Renat Kharis, the Tatar national code can be traced through leitmotif images, such as the image of a horse, which is the protagonist of his many verses and poems (the poem "A Tatar Horse", 2020), as well as the image of the House, which is the symbol of spiritual and moral values of the Tatar people.

The artistic world of Renat Kharis cannot be imagined without the images of Tatar cultural figures (poets, composers, artists), to whom special cycles of poetry are devoted.

The historical past of the Tatar people, their national symbols, such as Syuyumbika and G. Tukay, are artistically embodied in his large-scale works, in poems, librettos, and are constantly found in other works of Renat Kharis.

Tatar national cultural codes make it possible to reveal the organic connection between Renat Kharis's work and Tatar national culture and literature.

Keywords: Renat Kharis, Tatar poetry, modern Tatar literature, cultural codes, national code.

Статья посвящена изучению своеобразия художественного воплощения татарских национальных культурных кодов в поэзии народного поэта Республики Татарстан Рената Хариса. В многогранном творчестве Рената Хариса ярко проявляются элементы татарских национальных культурных кодов, основными компонентами которых являются образ родины и родного края, национальные праздники (например, сабантуй), национальные цвета (белый, зеленый), национальные обычаи. В творчестве Рената Хариса татарский национальный код прослеживается через лейтмотивные образы, такие как образ коня, который становится героем многих стихотворений и поэм (стихи, поэмы «Седлание коня», «Татарские кони» (2020)), а также образ Дома, который воплощает в себе символ духовно-нравственных ценностей татарского народа.

Художественный мир Рената Хариса невозможно представить без образов татарских деятелей культуры (поэтов, композиторов, художников), которым посвящены специальные циклы.

Историческое прошлое татарского народа, его национальные символы, такие как Сююмбика, Г. Тукай, не только художественно воплощаются в произведениях крупной формы, в поэмах и либретто, но и постоянно присутствуют в произведениях Рената Хариса.

Татарские национальные культурные коды позволяют определить органичные связи творчества Рената Хариса с татарской национальной культурой и литературой.

Ключевые слова: Ренат Харис, татарская поэзия, современная татарская литература, культурные коды, национальные коды.

Народный поэт Республики Татарстан Ренат Харис отличается широким кругом творческих интересов. В его произведениях осмысливаются нравственные, философские, общественно-политические темы, актуальные в прошлом и в современном мире для татарского народа, России и мирового сообщества. Поэтическое творчество Рената Хариса носит новаторский характер как на содержательном уровне, так и в широ-

ком жанровом диапазоне (лирические стихотворения, миниатюры, ноктюрны, либретто, поэмы, роман в стихах). В то же время творчество Рената Хариса находится в постоянном диалоге с традициями восточной, татарской, русской и западноевропейской литератур. На эту особенность творчества современного татарского поэта обращают внимание Д. Ф. Загидуллина, Т. Н. Галиуллин, Ф. Ф. Хасанова, Ф. З. Яхин [Галиул-

лин], [Хасанова], Л. М. Сафина отмечает сложный характер интертекстуальных связей поэзии Рената Хариса с фольклорными произведениями и литературными предшественниками (на примере поэтического диалога с Г. Тукаем и Дэр-дмендом) [Сафина]. Целью данной статьи является выявление специфики художественного воплощения культурных кодов в поэзии Рената Хариса, такой аспект творчества поэта еще не становился предметом специального исследования.

Поэт обладает широкой культурной эрудицией и историческим мышлением, его творчество отличается широким диапазоном, в него входят стихотворения, миниатюры и такие масштабные произведения, как либретто к балетам «Сказание о Йусуфе», «Золотая Орда», опере «Сююмбике», либретто рок-оперы «Алтын Казан» и оперы-легенды «Кара Пулат», которые позволяют языком современного искусства рассказать о легендарном прошлом татарского народа. В то же время поэтическое творчество Рената Хариса характеризуется органичным единством, цельностью, которое обусловлено лейтмотивными темами горячей любви к родному языку, татарскому народу и своей родине – Республике Татарстан. Патриотизм в понимании поэта начинается с любви к своей культуре, со знания выдающихся представителей татарской истории и культуры. В поэтическом мире Рената Хариса значительное место занимают произведения малых и крупных форм, посвященные Сююмбике, Едигею, Г. Тукаю, Дэр-дменду, Мусе Джалилю, Фатиху Кариму, а также поэтам, художникам, композиторам – современникам поэта. Назовем лишь стихотворения из цикла «Исеңдәдер...» («А помнишь...?»): «Бакый Урманче», «Гомэр Баширов», «Сибгат Хаким», «Мостай Кәрим», «Әмирхан Еники», «Рөстәм Яхин», «Сара Садыкова», «Нәжип Жиганов», «Идрис Газиев», «Резеда Әхиярова», «Ильдар Юзеев», «Шамиль Анак», «Мирсает Яруллин» [Харисов, 2006, с. 466–498]. Показательно, что наряду с выдающимися деятелями культуры – адресатами поэтических посланий Рената Хариса, становятся и ученые, педагоги. Например, одно стихотворение этого цикла посвящено известному ученому-педагогу, профессору Казанского педагогического университета, другу и наставнику поэта – Л. З. Шакировой («Лия Закировна Шакирова»), тем самым поэт подчеркивает важную просветительскую миссию культуры [Там же, с. 494–495]. Благодаря юмористической интонации, поэт, создавая портреты деятелей культуры, избегает назидательности, монотонности. Так, в описании эрудированного и справедли-

вого преподавателя, требующего серьезного отношения к своему предмету, поэт вспоминает конкретную ситуацию, произошедшую с ним в студенческие годы. Л. З. Шакирова во время своей лекции застала его за сочинением стихов, поэтому на экзамене спрашивала студента-поэта с особым пристрастием, но вынуждена была поставить отличную оценку за блестящие знания по предмету. Развернутая метафора «*фән корлары*», которую дословно можно перевести, как «поля науки» позволяет передать всю гамму чувств, переживаемых лирическим героем во время экзаменационного испытания, умело обходившего то «*тозак*» («ловушку»), то «*баз*» («колодец»), а то и мины.

Метафорическая антитеза: «*коры кашык*» («пустая ложка»), обещанная строгим преподавателем нерадивому студенту, и уважение, восхищение со стороны ученика, которые поэт пронес через всю жизнь, и поэтому ее имя для него звучит как «*баллы кашык*» («золотая ложка»). В финальной части стихотворения поэт отмечает, что этот случай стал началом многолетней дружбы, а подпись Л. З. Шакировой на красном дипломе освещает весь его творческий путь.

Стихотворения, посвященные композиторам и певцам, в этом цикле занимают значительное место; как правило, они начинаются с обращения к адресату послания: «Исеңдәдер...» («А помнишь?...»), который позволяет создать ретроспективную связь между прошлым и настоящим. Так, в послании композитору Рустему Яхину («Рөстәм Яхин») в полемически заостренной форме поднимается вопрос о значении образа Юсуфа не только в татарском, но и в мировом масштабе [Там же, с. 476–477]. В центре стихотворения – пламенный монолог Р. Яхина о красоте и величии образа Юсуфа не только для восточной, но и для мировой литературы и культуры. Полемическую заостренность стихотворению придает замечание лирического героя о том, что Юсуф у него вызывает жалость, потому что он испугался пламенной любви Зулейхи, и его вопрос: «Разве такой герой может быть идеалом мужчины?»; динамизм стихотворению придают риторические вопросы, восклицания, а также диалогическая организация стихотворения. Горячо защищая Юсуфа, известный композитор приводит доказательства его величия: Юсуф сумел сохранить чистоту души даже тогда, когда ему сулили рай, ни один из героев мировой литературы, по его мнению, не способен на такую самоотверженность. Ренат Харис является мастером метафоры, в этом стихотворении он в развернутой метафоре «жыр – кыр» («песня – поле») описывает оставшуюся в замыслах песню на

музыку Р. Яхина. В финале стихотворения образ Юсуфа как нравственного идеала отнесен к самому Рустему Яхину. Развивая метафору, поэт создает образ незасеянного поля, ждущего живительного дождя. Таким образом, Ренат Харис не только ведет духовные диалоги с поэтами-классиками, как татарскими, так и русскими (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов), на уровне реминисценций, аллюзий, но и создает поэтические портреты своих современников.

Стихотворения анализируемого цикла, как правило, имеют сходную композицию: в начале стихотворения дается ретроспективная отсылка к какому-то событию из общих с адресатом стихотворного послания воспоминаний лирического героя, постепенно к финалу стихотворения поэт приходит к философским обобщениям или осмыслению события, адресата в динамике времени. Такой прием, с одной стороны, позволяет поэтически описать и увековечить какое-то культурное, литературное, просветительское явление, с другой, вписать его в литературно-культурную жизнь Татарстана. Поскольку адресатами лирических зарисовок являются известные деятели культуры, то в нем актуализируются и культурные национальные коды.

В поэтических обращениях к классикам Р. Харис использует наряду с метафорой метонимию и синекдоху. Так, композитор С. Сайдаш («Сәйдәш») с которым поэт не был лично знаком, но с детства вдохновлялся его мелодиями, предстает в стихотворении голубоглазым: *«Зәңгәр күзле сихри бу тавыш»* [Харис 2006, с. 463]. – «Голубоглазый волшебный голос» (подстрочный перевод наш. – А. Г., Ф. Г). В финале вновь появляется этот образ, «голубоглазый» в сочетании с эпитетом «светлоликий», ставший народной мелодией, адресованной композитору.

Поэт дает высокую оценку композитору А. С. Ключареву («Ключарев») как песенному символу Казани, выразителю татарской народной души. Р. Харис, не называя музыкальные произведения, вошедшие в золотой фонд татарской культуры, через образы Кырлая (родины Г. Тукая) и Идел (Волги) определяет основные темы творчества композитора.

Культурные коды татарского народа невозможно представить без образа дома (нигез), отношение к которому в татарской литературе и культуре становится катализатором национальной идентичности, наряду с владением татарским языком. Не случайно свою поэму для дошкольников Ренат Харис назвал «Матур өй»

(«Красивый дом», перевод на русский Л. Р. Газизовой).

Отчий дом («нигез») – это не только стены, но и дружная большая семья, в которой живут три поколения: бабушка и дедушка, папа с мамой, дети и даже щенок с котенком, – а также и семейные праздники с приглашением гостей, национальными блюдами (беляши, губадия, перемьяч), танцами [Харис. Красивый дом, с. 15].

В стихах, посвященных отцу, появляется и тема защиты Отечества от внешних врагов: *«Я пишу об отце все добрей, / Прославляя в сравнениях неловких / То, что он обнимался с винтовкой, / Может, чаще, чем с мамой моей»* («Стихи об отце», пер. В. Кузнецова) [Харис, 1993, с. 36].

Образ Дома в поэзии Рената Хариса вмещает в себя и бревенчатую избу, и современную городскую квартиру, и дом, окруженный яблоневым садом, в котором часто живет и создает свои произведения поэт. Заметим, что в детстве и юности Ренату Харису вместе с родителями-учителями пришлось сменить несколько домов и школ, поэтому понятие отчего Дома у него является не автобиографическим, а обобщенным, тем не менее читатель ощущает красоту дома, его неповторимость: *«Когда в пожатый страстным, молодым / Рука с рукой, и на ладонь – ладонь, / Рождается для новой жизни дом, Ты поддержи, любовь, в их очаге огонь!»* («Дом», пер. Р. Хакимова) [Харис, 1980, с. 54].

Отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие стихотворения – «Какое же чувство этого сладостней?..» (пер. В. Баширова), поэт уверен, что это строительство своего дома.

Следовательно, дом – это не только стены, но это еще и любовь, и горячее сердце, которые заполняют дом счастьем. В поэтическом мире Р. Хариса образ Дома предстает не только как обобщенный образ, но и отдельными деталями. В стихотворениях «Наш порог» (пер. Р. Хакимова), «Наличники окон» (пер. Р. Бухараева), «Лестницы» (пер. Р. Кожевниковой) детали дома позволяют максимально расширить пространство до размеров родины-страны и далее до просторов Космоса – Вселенной. Так, в стихотворении «Наш порог» образ порога приобретает символический смысл.

Стихотворение «Наличники окон» предваряет эпиграф из стихотворения Ш. Анака «Окна – светлые очи домов», в диалоге с поэтом-предшественником Р. Харис развивает эту идею: *«Гудит буран, бушует мгла, / А над оконцем птица / Сидит и, распахнув крыла, / Бурана не боится. // Не утрашая никого, / в спокойствии*

глубоком / она свила себе гнездо / в резной оправе окон» [Там же, с. 56].

Запечатленные в оконных наличниках образы птиц соловья, голубки, кочета представляются поэту олицетворением вольнолюбивой души татарского народа. Показательно в этом плане стихотворение «Свет» (пер. Р. Кожевниковой), в котором противопоставляются дома с «чернеющими без света окнами» с ярко освещенными домами, в которых нет друзей, родственных душ. Стихотворение завершается призывом: «Да будет солнцем человеку человек!» [Там же, с. 57].

В стихотворении «Лестницы» (пер. Р. Кожевниковой) лестница также символически преобразуется в «лестницу мечты», ведущую ввысь: «Приближаясь к заветной черте – / К мечте. / По ступеням, / Деревянными и каменными, / Звуковым и словесным, Оставленным нами (...), Мы лишь на ступеньках лестницы / Встречаем / Счастье свое! // И лишь на ступеньках лестницы / Человек живет!» [Там же, с. 52–53].

Метафорически осмысленный образ лестницы позволяет поэту осмыслить жизнь человека, которая, ведя вверх по лестнице, завершается растворением в мироздании, в то же время объясняет в какой-то мере стихотворения Рената Хариса на космическую тематику: «Земля и Время», «Космонавты», «Я – младший сын Земли родной...», «Весть» (мы рассмотрим их в переводе В. Кузнецова).

Крылатая душа поэта способна летать и из Космоса смотреть на родную Землю, осязая ее как Отчий дом: «Не осветят звезды нашу Землю, / Но летят сквозь нас, как ни крути... / Где-то там, / Законам неба внемля, / И моя давно уже в пути. // Нет ее пока на небосклоне, / Где, сомлев, померкла бирюза. / Все равно она меня догонит / И войдет в открытые глаза» [Харис, 1993, с. 71]. Показательно, что в этом стихотворении полет космонавтов ассоциативно соотносится с крылатой поэтической душой, благодаря чему душа лирического героя парит в Космосе.

Землю-дом надо оберегать, она очень хрупка, и в свете этой глобальной сверхзадачи все должны осознать свою причастность к ней. Метафорическое сравнение земного шара с одуванчиком в сочетании с эпитетом «нежней» в следующей строфе перерастает в оригинальный художественный образ: «В моих ладонях шар земной / Нежней, чем одуванчик. // Мои движенья не резки, / Легко мое дыханье, / Иначе хрустнут лепестки / И канут в мирозданье... // Мы все в суденьшке одном. / Сквозь души – цепь незримо. / А на конце ее другом / Земля – морская мина» [Там же, 1993, с. 70].

Душа поэта вездесуща, она легко перемещается в космическом пространстве, заглядывая в иллюминаторы космического корабля: «Ловлю тревожно двух людей во мгле, / Которых не хватает на Земле. / Я трогаю антенны гибкий итиль, / Сметаю вниз космическую пыль» [Там же, 1993, с. 69].

Новаторская и экспериментаторская поэзия Рената Хариса в то же время вбирает в себя традиционные татарские народные культурные коды. В его творчестве большое место занимают народные праздники, такие как, например, Сабантуй, а также детали бытового вещного мира – полотенце, коромысло и др., которые органично вписываются и в праздники, и в жизнь татарского народа. В стихотворениях «Полотенце» (пер. Р. Хакима), «Родная земля» (пер. В. Баширова), «Татарка под коромыслом» (пер. М. Зарецкого), а также в стихотворениях «Белое полотенце», «Шест сабантуя», «Танцует татарочка» (в переводе В. Кузнецова) различные конкретные явления жизни татарского народа, преобразаясь в символические образы, предваряют философские размышления поэта.

В стихотворении «Белое полотенце» поэт раскрывает сакральное значение этой бытовой детали, которая в жизни татарского народа приобрела символическое значение, сопровождая человека всю жизнь: «Гостей радушно ты встречало, – / Текла веселая вода. / Но рук врагов не вытирало, / и, все осилив, не бывало, / ты белым флагом никогда. // На сабантуй ты выходило, / И крепи руки у борца, / И бушевали: / в мышцах – сила, / а в душах честность до конца» [Там же, с. 29]. Поэт уверенно смотрит в будущее и выражает уверенность, что ставшее символом чистоты и смелости белое полотенце и впредь будет залогом новых побед.

Образы полотенца и высокого шеста сабантуя предстают в единстве в стихотворении «Шест сабантуя»: «В центре шумного майдана, / Видимый окрест, / Как копьё для великана, / Всажен в землю шест. // На его верхушке тонкой, / Пламенной огня, / Полотенце бьется звонко, / Славою маня» [Там же, с. 28].

Символично, что мальчик, готовящийся к состязанию на шесте, черпает силы из родной земли: «У него в глазах отвага / отблеском зари... / Пусть ему поможет влага / дедовской земли!» [Там же, с. 29].

Национальные традиции, народная культура передаются последующим поколениям через народные костюмы и блюда, песни и танцы, а также через обычаи, которые мы называем ментальностью. Поэтически это нашло воплощение в стихотворении «Танцует татарочка»: «Ах, как

робко, / Тихо как / Танец начинает! / Будто тесто на чак-чак / мелко нарежает. // Сарафан – от плеч до пят, / Блики вдоль подола. / Маслом ичиги шипят, / Чуть касаясь пола» [Там же, с. 32].

Поэтический портрет татарочки дополняют две косы («две косы, прильнув к груди, / блещут чернью сажии...») и шаль. Поэт, описывая танец девушки, отмечает и внутреннюю страстность, сильный и яркий темперамент татарочки: «<...> А потом опять плывет / грустно и несмело. / Но смирения ее / не приемлет тело. // Щеки радостно горят, / веселей скользженье. / Вся она – от плеч до пят – / Вызов и смущенье!» [Там же, с. 33].

Испокон веков татарские девушки носили воду коромыслом, это было своеобразным испытанием для невест, а сейчас осталось в качестве шуточного соревнования на сабантуях. Метафорический образ татарской девушки создает Ренат Харис в миниатюре «Татарка под коромыслом» (пер. М. Зарецкого): «Ее тело подобно стреле, / Птицей мне показалось вдруг... / Только крылья тянут к земле / И не выстрелит в небо лук» [Харис, 1980, с. 109].

В национальный культурный код татарского народа издавна прочно вошел образ коня, который сопровождал до недавнего времени крестьянина всю жизнь: он был необходим на сельскохозяйственных работах, татарские праздники (свадьба, сабантуй, науруз и т. д.) невозможно было представить без коня. В стихотворениях и поэмах Рената Хариса образ коня стал лейтмотивным, который, с одной стороны, предстает как друг и товарищ земледельца, богатырский конь, с другой – как поэтический конь – Пегас. Назовем лишь часть из многочисленных произведений, посвященных этому образу: стихи («Конь», «Я – как взбешенный конь» (пер. В. Кузнецова), «Конь» (пер. А. Домнина), «Когда мой дед лошадь запрягал» (пер. Б. Пчелинцева), «Если лошадь встала на дыбы» (пер. М. Зарецкого), «Седло и трон» (Пер. Р. Бухараева)), поэмы («Седлание коня» (пер. В. Кузнецова), «Татарские кони» (пер. Н. Ишмухаметова)).

Яркое, метафоричное, с использованием цветовой символики описание коня представлено в стихотворении «Конь»: «Копыта его – янтарная кость, / Ноги длинные и прекрасны. / Словно из сказки вырвался конь / Горячий, огненно-красный. (...) // Воздух грызет он, глазом косит, / Жадно раздуты ноздри...» [Там же, с. 28–29]. В стихотворении «Если лошадь встала на дыбы» поэт проводит параллель между восставшей лошастью и человеком, восхищаясь отчаянной смелостью лошади и извиняясь за свое

«трепетное сердце»: «И открыто всем ветрам судьбы, / Яростно несущимся навстречу. / Лошади, восставшей для борьбы, / Дать готов я имя человечье» [Там же, с. 31].

В поэме «Татарские кони» (2020), посвященной 100-летию ТАССР, Ренат Харис, описывая историю возрождения породы татарских коней в республике, прослеживает историю татарского народа начиная с древнейших времен до наших дней. Показательно, что поэт сравнивает изображение Республики Татарстан на географической карте с образом коня: «Похож мой край на резвого коня, / Собравшегося покорить майдан:// Он масти – светло-рыже-золотой, / Белесый цвет у гривы и хвоста, / А блеск в глазах – сурьмяный, нефтяной... / Не сглазить бы – такая красота! // Широкогрудый, / Поступь – иноходь, / Дыханье – словно ураган в степи!...» [Харисов, 2020, с. 36–37]. В развернутом метафорическом образе «республики – коня» есть и капот «КамАЗа», и волны Татарского пролива, и нефть.

Завершая экскурс в историю татарского народа, поэт намечает перспективы для его дальнейшего развития: «Больше, чем ТАЭСЭСЭР Татарстан, / и Казанского ханства шире он, / Больше он эРТэ и множества стран, / Золотой Ордой был в муках рожден. // Сабантуй – татарский праздник шумит, / Кони будто бы не скачут – летят. / Татарстан – там, где язык не забыт, / Где, полны печали, песни звучат, / Где видны следы «небесных» копыт...» [Там же, с. 50]. Поэт выражает уверенность в светлом и счастливом будущем татарского народа, который сумел через века пронести свою культуру и свой язык: «как символ Татарстана предо мной / скакун татарский золотистый встал // Когда в карьер пускается чаптар, / то с картой Татарстана схож скакун, / летит чаптар быстрее, чем суперкар, / какой скакун разгонится, как он?! // Летит, неся аулы-города, / расслабленный, / жуя удила мундштук, / наезднику он преданный всегда, / уму его и силе крепких рук» [Там же, с. 51–52]. Развернутое метафорическое сравнение татарского народа с наездником позволяет поэту завершить поэму оптимистическими строками, ассоциативно связывающими судьбу возрожденной породы – «татарский конь» – с судьбой татарского народа. Как видим, в творчестве Рената Хариса лейтмотивные образы коня / лошади, сабантуя, дома, традиционные для татарской культуры, позволяют от конкретных ситуаций переходить к философским размышлениям, а сами образы приобретают символическое звучание.

Таким образом, поэзия Рената Хариса, оставаясь новаторской, самобытной, оригинальной,

органично вписана в татарский национальный контекст, в ней наиболее полно воплощаются татарские национальные культурные коды.

Список литературы

- Сафина Л. М. Стильный образ Рената Хариса. М.: Изд-во «Перо», 2021. 203 с.
- Харис Р. М. Красивый дом: поэма / пер. Л. Р. Газизовой. Казань: Идел-Пресс, 2007. 20 с.
- Харис Р. М. Листья. Стихи, поэмы. / Перевод с татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 160 с.
- Харис Р. М. Солнцеклонник / перевод с татар. В. Кузнецова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 158 с.
- Харисов Р. М. Татар аты: Ренат Харис / пер. с татар. Н. Ишмухаметов. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2020. 88 б.
- Хасанова Ф. Ф. Поэзия Рената Хариса как художественная система // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 2 (32). С. 277–280.
- Галиуллин Т. Н. Акыл һәм хис берлеге шагыйре // Ренат Харрис һәм татар шигърияте: Ренат Хариска 70 яшь тулуга багышланган Бөтенроссия фәнни-практик конференциясе материаллары (Казан, 21 апрель, 2011). / Төз. Ф. Хәсәнова. Казан: «Идел-Пресс», 2011. С. 10–29.

References

- Galiullin, T. N. (2011). *Akyl һәм хис берлеге shagyire* [The Poet of Mind and Emotion]. Renat Kharris һәм tatar shig'riiate: Renat Khariska 70 yash' tuluga bagyshlangan Bøtenrossiia fønни-praktik konferentsiiasе materialлары (Kazan, 21 april', 2011). Tøz. F. Khøsønova. Pp. 10-29. Kazan, Idel-Press. (In Tatar)
- Kharis, R. M. (2007). *Krasivyi dom: poema* [A Beautiful House: A Poem]. Per. L. R. Gazizovoi. 20 p. Kazan, Idel-Press. (In Russian)
- Kharis, R. M. (1980). *List'ia. Stihi, poetry* [Leaves. Verses, Poems]. Perevod s tatar. 160 p. Kazan, Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
- Kharis, R. M. (1993). *Solntsepoklonnik* [A Sun Worshiper]. Perevod s tatar. V. Kuznetsova. 158 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
- Kharisov, R. M. (2020). *Tatar aty: Renat Haris* [The Tatar Name: Renat Kharis]. Per. s tatar. N. Ishmukhametov. 88 p. Kazan, Møgarif-Vakyt. (In Tatar)
- Khasanova, F. F. (2013). *Poeziia Renata Kharisa kak hudozhestvennaia sistema* [Poetry by Renat Haris as an Artistic System]. Filologiiа i kul'tura. Philology and Culture, No. 2 (32), pp. 277–280. (In Russian)
- Safina, L. M. (2021). *Stil'nyi obraz Renata Kharisa* [The Stylish Image of Renat Kharis.]. 203 p. Moscow, Pero. (In Russian)

The article was submitted on 29.05.2021

Поступила в редакцию 29.05.2021

Галимуллина Альфия Фоатовна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alfiya_gali1000@mail.ru

Galimullina Alfiya Foatovna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alfiya_gali1000@mail.ru

Галимуллин Фоат Галимуллинович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alfiya_gali@rambler.ru

Galimullin Foat Galimullinovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alfiya_gali@rambler.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-122-129
УДК 82:801.6

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА Р. ХАРИСА: ПРОБЛЕМАТИКА И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

© Тагир Гилязов, Флера Сайфулина

R. HARIS'S LITERARY CRITICISM: PROBLEMATICS AND GENRE ORIGINALITY

Tagir Gilazov, Flera Saifulina

Despite the fact that the poetry of the outstanding poet and cultural figure of the Tatar people R. Kharis, the features of his poetic thinking, the means of creating literary images, and his style trends have been thoroughly studied by literary scholars, however, his critical and journalistic activities have remained unexplored. This article analyzes the literary and critical articles of the writer. The object of the research is his works devoted to the classics of Tatar literature, his contemporaries, outstanding writers of Russian and other Volga region peoples. The subject of our study is the problematics and topics of his critical articles, their genre diversity and the principles of evaluating literary work. Special attention is paid to the stylistic features and the originality of R. Kharis's literary-critical texts. The paper evaluates the poet's contribution to the development of Tatar literary criticism, made by his works, both in the Tatar and Russian languages, which promote the art of the national word and national poetry. We used the hermeneutic approach, semantic analysis, biographical, and cultural-historical methods when interpreting his literary texts.

Keywords: poetry, Renat Kharis, literary and critical activity, literary relations, literary school, development trends.

Поэзия, особенности поэтического мышления, способы создания образа, стилевые тенденции выдающегося татарского поэта и деятеля культуры Р. Хариса тщательно изучены литературоведами, при этом его деятельность в области литературной критики и публицистики недостаточно исследована. В представленной научной работе объектом исследования становятся литературно-критические статьи писателя, посвященные классикам татарской литературы, современникам, выдающимся деятелям русской литературы, литературы родственных народов, народов Поволжья.

Тематика и проблематика его критических статей, разнообразие жанров, принципы оценки литературного творчества определяют предмет данного исследования. Внимание также уделяется стилистическим особенностям критических текстов Р. Хариса, выявлению особенностей суждения автора.

В работе оценивается вклад Р. Хариса в развитие татарской литературной критики, в популяризацию и пропаганду поэзии, национального словесного искусства, что удается автору через статьи, написанные на татарском и на русском языках.

При комментировании литературных текстов использовались герменевтический, смысловой анализ, биографический, культурно-исторический методы исследования.

Ключевые слова: поэзия, литературно-критическая деятельность, литературные связи, литературная школа, тенденции развития.

Р. Харис занимает видное место в истории татарской культуры не только как талантливый поэт, публицист, переводчик, журналист, деятель культуры, но и как теоретически подготовленный и талантливый литературный критик. Еще в годы учебы на историко-филологическом факультете Казанского государственного педагогического института (1959–1963) он начал публи-

ковать в печати критические статьи, а во второй половине 1960-х годов проявил себя как широкомасштабный, глубоко мыслящий критик. Естественно, что человек, который активно занимается творчеством, небезразличен к развитию литературного искусства родного народа, высказывает свое мнение о современниках, корифеях та-

тарской поэзии, о состоянии татарской литературы и тенденциях ее развития.

В татарском литературоведении поэзия Р. Хариса в идейно-философской, поэтической, жанрово-формальной плоскости подробно изучена и активно изучается такими учеными, как Т. Галиуллин [Галиуллин, 2002], [Галиуллин, 2008], [Галиуллин, 2018], Ф. Хасанова [Хасанова, 2005], [Хасанова, 2010], Д. Загидуллина [Загидуллина, 2015] и др. При этом литературная критика, являющаяся одной из сфер широкой деятельности Р. Хариса, остается вне внимания ученых. Объектом изучения являются статьи автора, посвященные классикам татарской литературы, современникам, известным поклонникам пера русской литературы.

В данной работе объектом исследования становится литературная критика и публицистика Р. Хариса с позиции выявления тематики и проблематики работ, жанрового разнообразия и отдельных особенностей, что и определяет актуальность и научную новизну статьи. При комментировании анализируемых текстов использовались герменевтический, смысловой анализ, биографический, культурно-исторический методы.

Как отмечают ученые, литературно-критические статьи Р. Хариса характеризуются широтой тематики, проблематики и жанровым разнообразием: «В своих стихах, поэмах и многочисленных литературно-критических произведениях поэт размышляет об исторической жизни татарского народа, о месте человеческой личности в жизни, о его взаимоотношениях с природой, обществом, властью, о преемственности поколений, выражает свой философский и гражданский взгляд на нравственные, духовные, общественные явления современности» [Даутов, Рахмани, с. 530] Литературовед и критик Т. Галиуллин в статье «Поэты – из рода святых» (1998) пишет о личности и индивидуальности творчества Р. Хариса, определившей основное русло его научных и критических трудов: «Ренат Харис – самый „самоорганизованный“ татарский поэт. И в поэзии, и в жизни каждый его шаг продуман, как в поговорке: „отмерен семь раз, прежде чем отрезать“. Отсюда, наверно, и то, что его называют сторонником мудрой мысли в поэзии» [Галиуллин, 2002, с. 198]. По нашему мнению, метафорическая фраза «семь раз отмерить, один раз отрезать» является девизом и в его критической деятельности.

Жанр книги Р. Хариса «Замана һәм каләм» («Время и перо») (2016) можно определить как критическую монографию, в которой собраны «не отдельные главы, а отдельные статьи, дополняющие и обогащающие друг друга в

литературно-эстетическом плане» [Закирзянов, с. 299]. В этом труде представленные материалы объединяет в единое рассмотрение проблемы соотношения времени и творчества, эпохи и творчества писателя.

Книга «Время и перо» начинается со статьи «Пусть сольются мысль и труд (К 100-летию со дня рождения Габдуллы Тукая)» (1986), посвященной личности и творчеству великого татарского поэта Г. Тукая (1886–1913), которая не утратила актуальности по настоящее время. Несмотря на отдельные идеологические оценки, сложившиеся под влиянием современности, в юбилейной статье определяется место Г. Тукая не только в татарской литературе, но и в мировой культуре, подчеркивается сила его пера, величие поэта. Подчеркивается, что духовное наследие поэта, преодолев национальные границы, обрело общечеловеческое звучание, обогатило мировую литературную сокровищницу: «Габдулла Тукай, воссоздавая картину российской жизни, жизни татарского общества начала XX века в самых различных ее проявлениях, сумел подняться до такой высоты, дойти до такого поэтического обобщения, что его произведения приобрели общечеловеческую ценность, его литературное наследие перешагнуло национальные границы» [Харис, 2016, с. 9–10].

Тема Тукая продолжается также и в юбилейной статье «О поэтическом мире Тукая и о гениальном (К 125-летию со дня рождения)», в которой углубляются взгляды на общественные и философские воззрения в лирике поэта, начатые в первой статье. Ценность поэзии народного поэта Тукая, сыгравшей роль путеводной звезды в развитии татарского народа в столь сложный период, Р. Харис оценивает с точки зрения поэтического совершенства, незыблемости переживаний, преданности, философичности суждений: «Однако поэт ценен, прежде всего, не политичностью поэзии, а поэтичностью своего слова, глубиной духовного мира, искренностью переживаний, философичностью мыслей» [Там же, с. 12].

Для понимания этой философской проблемы Р. Харис ставит Тукая в ряд с такими деятелями русской, западной, грузинской литератур, как Пушкин, Лермонтов, Байрон, Бараташвили, Тютчев, Державин, Грибоедов, которые своим творчеством обновили, обогатили литературу и вписали себя в историю родного народа. Однако, по сравнению с ними, автор не находит ни одной точки соприкосновения Тукая с ними. «Он не успел познать ни материнской, ни отцовской любви и ласки, не успел стать ни мужем, ни от-

цом. У него никогда не было даже собственного дома» [Там же, с. 13]. Однако в стихотворениях «Сәәльләр» («Вопросы») (1907), «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда») (1910) Тукай задает вопросы Всевышнему Аллаху, которые могут смутить даже высокообразованных философов; в стихотворении «Ваксынмыйм» («Не стану мелочиться», 1912) предлагает себя в помощники Всевышнему, или же в стихотворениях «Пар ат» («Пара лошадей») (1907), «Өмид» («Надежда») (1908) с помощью иных изобразительных средств мыслит космически. Критик оценивает мастерство Тукая в контексте восточной и западной, русской культур: «Стихотворения „Вопросы“ и „Не стану мелочиться“ по своей философской глубине, простоте и четкости изложения, поэтическому накалу и страстности созвучны с произведениями не только средневековых гениев восточной поэзии, скажем, Насими, сказавшего: „В меня вместятся оба мира, на в этот мир я не вмещусь“, но и с гениальным стихотворением Гавриила Державина „Бог“, где он осмеливается сказать Всевышнему: „Я есмь – конечно, есть и Ты!“» [Там же].

Р. Харис комментирует величие Тукая в соответствии с канонами культурно-исторической школы. Во-первых, связывает деятельность поэта с особенностями формирующей его среды. Переданное по наследству поэтическое восприятие мира, оказавшись на плодородной почве Кырлая, Уральска, Казани, формирует Тукая как талантливого поэта. Кроме этого, он сам, развиваясь интеллектуально, духовно-психологически, творчески, социально-политически, лично, вскоре формируется как поэт и гражданин своего народа. Величие поэта проявляется в общественно-национальной плоскости, в причинно-следственной связи с духовно-культурным возрождением и развитием татарского народа. «Его сердце, словно сейсмограф, реагировало, отзывалось на любое колебание души народа, его интеллект мог разобраться в сложных перипетиях общественно-политической жизни и вынести свое суждение, его любовь и ненависть стали умными философскими размышлениями, – пишет Р. Харис. – <...> Тукай родился вовремя, когда татарский народ в своем развитии испытывал острую необходимость в гении, способном концентрировать в себе, в своем творчестве духовную энергию нескольких поколений, дать этой энергии новое, опережающее время, перспективное направление» [Там же, с. 16]. Величие Тукая также определяется тем, что его стихи на протяжении десятилетий являются «формулами» наших мыслей, в том, что язык его произведений

лежит в основе языка нашего родного народа, в том, что его стихи духовно и эстетически воспитывают не только татарский народ, но и десятки поколений тюркских и российских народов.

Ряд статей Р. Хариса посвящен поэту-романтику и символисту Дәрдемнду (наст. имя – Закир Рамиев (1859–1921)), который стал одним из зачинателей татарской поэзии. Статьи «Поэзия таинственного терпения (Дардманд)» (1999), написанная к 140-летию со дня рождения поэта, и «Перо! Открой – какой владеешь тайной» (2011) тематически дополняют друг друга. В них рассказ о жизненном пути золотопромышленника Дәрдемнда переплетается с мыслями о вкладе этой благородной личности в развитие культуры и литературы татарского народа. Прослеживается библиография произведений поэта-классика.

В основе проблемной статьи «Проблема перевода произведений Дардманда» (2009), прочитанной на научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения поэта, ставится вопрос о достойных переводах произведений Дәрдемнда на русский язык. Здесь прослеживается история переводов произведений Дәрдемнда с середины 1960-х годов до настоящего времени. Упоминаются имена Николая Беляева, Марка Зарецкого, Розалины Шахиевой, Виля Ганиева, Рувима Морана, Семена Липкина. Помимо подчеркивания успехов и недостатков в переводе стихов поэта, определяются также следующие задачи: достижение в переводах масштаба созданного поэтом образа мира, философского замысла, глубины мысли и других особенностей поэзии Дәрдемнда. Публикация переводов, где «... в максимально возможной степени сохранены „эстетический смысл“ и „метафорический символизм“ произведений поэта» определяется делом будущего [Там же, с. 28]. По мнению Р. Хариса, творчество Дәрдемнда даже в единственном числе имеет право называться «Серебряным веком» татарской поэзии.

Вопрос качества переводов также ставится в работах, посвященных раскрытию личности Г. Тукая и его духовного наследия. Р. Харис отмечает, что даже высоко оцененные переводы Тукая, сделанные Анной Ахматовой, не до конца передают первоначального смысла, заложенного в оригиналы. В переводах на русский язык критика беспокоит потеря мощных, многогранных образов и метафор, рожденных в результате неожиданных ассоциаций и связей [Там же, с. 15]. Р. Харис затрагивает проблему «сохранения и передачи разнообразной

дополнительной информации, имплицитно содержащейся в тексте оригинала (культурный фон, коннотативно-экспрессивные особенности языковых единиц, дискурсивно-коммуникативное и жанрово-стилистическое своеобразие исходного текста и т. д.) в переводе» [Нагуманова, с. 74]. Подчеркивается значимость переводов национальной сокровищницы поэзии в создании понимания культуры всей нации, а также в установлении связей и духовных отношений с мировой культурой.

Среди критических работ Р. Хариса – статьи на русском и татарском языках, посвященные современным художникам: «О „Зарнице“» Равиля Файзуллина, «О поэме Рустама Мингалимова „Мое государство“», «Поэтический мир Сулеймана». В них автор поднимает различные проблемы. Критик обращается к различным жанрам в зависимости от оценки, мнения, отношения к объекту оценки.

Как видно из заголовка, статья «„Планируя нарисовать бровь...“ (интерпретация, обращение к татарской поговорке „каш ямыйм дип, күз чыгарган“ – прямой перевод „желая нарисовать бровь – выбил глаз (повредил глаз)“, в значении: „желая создать лучшее, испортил то, что было“) (Открытое письмо Рашату Низами)» (2010, 2014), состоит из серии писем, адресованных Рашату Низами, автору произведений «Сәйдәшнең соңгы елы» («Последний год Сайдаша»), «Ул – Яруллиннар йолдызлыгында» («Он – в созвездии Яруллиных»). Автор письма утверждает, что писать о людях, сыгравших важную роль в истории татарской культуры и литературы – это почетно, но в то же время и очень ответственно, так как «великие личности не только вбирают в свою душу великие проблемы своего народа, но и становятся носителями их моральных, эстетических ценностей, своеобразными духовными маяками, ориентирами. Современный мир создает представление о *татарском народе* (выделено автором высказывания. – Т. Г., Ф. С., Д. С.) по известным представителям татарского народа, таким как Муса Джалиль, Рудольф Нуриев, Рашит Суняев, Роальд Сагдеев, Назип Зиганов, Софья Губайдуллина» [Харис, 2016, с. 171]. При обращении к таким темам Р. Харис призывает бережно обращаться как с неподтвержденными фактами, так и с отдельными личными выводами, руководствуясь принципом документальной достоверности.

Рецензия «Жанга кадалган сораулар» («Душераздирающие вопросы») написана по поводу публикации цикла «Адәм баласы»

(«Адамово дитя» / «Человеческое дитя») Мухаммада Мирзы. Р. Харис характеризует поэта как «одного из современных поэтов, который с удовольствием использует и развивает короткие стихотворные формы». Здесь подчеркивается, что мотив «через рассуждения о прошлом и настоящем думать о будущем человечества» является центральной линией всего цикла. В связи с оценкой книги М. Мирзы Р. Харис делится своими теоретическими размышлениями о жанровых особенностях короткого стихотворения, о присущей ему образности, которая требует большого опыта и мастерства в литературном творчестве: «негибкая форма стиха» («твердая форма стиха»), «гибкая форма», пятистрочные строфы, четырехстрочные строфы, логические ассоциативные связи между первой и второй строками и конечными строками, метафоры и т. п. Критик указывает и на то, что в цикле поэмы среди прекрасных, совершенных коротких стихов есть и неудачные. Отмечая, что в стихотворении важнее содержание, чем форма, подчеркивает, что неестественность в стихотворных строчках мешает ему занять достойное место на поэтическом небосклоне.

Проблемам литературного мастерства, «литературной школы», наставничества Р. Харис посвящал специальные статьи, свое отношение к этим темам также высказывал и с других статей.

«Литературное наставничество» может заключаться в оказании помощи молодому человеку, обладающему писательскими способностями, в творческом подходе, ориентации, углублении идейного содержания произведения, выявлении направлений художественного мышления, обогащении описательными приемами и средствами. Р. Харис отмечает, что его литературным наставником, а также пришедших в литературу в середине 1960-х годов Р. Гаташа, Г. Рахима, Р. Мингалима, Р. Файзуллина был Сибгат Хаким [Там же, с. 359]. Р. Харис, который по условно-романтической форме мышления близок к Дэрдмэнду, по гражданской позиции, общественно-философским изысканиям, языково-стилевым особенностям, иронии – к Г. Тукаю, при этом одним из своих наставников считал Мустая Карима.

Башкирскому поэту, писателю и драматургу он посвящает обзорные статьи: «На тропу, по которой проложены стихи (К 85-летию Мустая Карима)», «Искра Мустая Карима (К 90-летию со дня рождения)» (2009), «Поэт не должен рисковать (Скучая по своему наставнику Мустаю Кариму)» (2006) и воспоминания «Брось свой

бег, волна! (Уходим в Буинск)» (1972). В них автор создает литературный, психологический портрет своего наставника – выдающегося творца Мустая Карима. Здесь М. Карим раскрывается как человек с богатым жизненным опытом, гуманный по своей природе, глубоко информированный, философски пронизательный, удивительно наблюдательный, умеющий «сохранять баланс остроты и вежливости в языке – остроумный». Кроме общечеловеческих, философских, литературных проблем, в построенном по дороге диалоге затрагивается и вопрос литературного наставничества. Р. Харис пишет о своем наставнике следующим образом: «мне ближе всего творчество Мустая Карима, которому нет равных в искусстве донести мысли, образующееся из соединения истории, политики и философии, чтобы было понятно даже людям с низким уровнем образования, или, другими словами, в умении соединять серьезность политических собраний и искренность застолья друзей в своих стихах» [Там же, с. 301].

Целый ряд публикаций критика посвящен ученым, открывшим страницы истории татарской литературы, теории литературы и литературной критики, обогатившим ее новыми научными концепциями, научными открытиями. В проблемной статье «Мастер литературного анализа (взгляд на творчество Талгата Галиуллина)» рассматриваются пути и принципы оценки литературного явления видного литературоведа Т. Галиуллина. Автор статьи высоко оценивает ширококомасштабную деятельность Т. Галиуллина в присущем себе стиле, сравнивая его деятельность с «разросшимся густым ветвистым ивой-тополем (тал-тирэк)» как в области литературоведения, так и в литературной критике, в качестве прозаика, педагога, методиста, как творца, оказавшего серьезное влияние на духовный прогресс татарского народа» [Там же, с. 121].

Размышляя об истоках и корнях научной деятельности Т. Галиуллина, Р. Харис подчеркивает, что он раскрыл научную проблематику связи устного народного творчества с профессиональной литературой. В статье «Родники поднимаются из глубин» критик положительно отзываясь о выводе ученого о том, что «татарская профессиональная литература приобрела свой неповторимый облик, именно благодаря тому, что она развивалась на основе богатейшего фольклора».

Р. Харис, написавший более 40 поэм и поэтический роман, перечитал теоретическую статью Т. Галиуллина «Пути развития поэмы»

(1970-е гг.), в которой тот исследовал проблемы жанра и пути развития поэмы в татарской литературе. Хотя труд был написан еще в начале 1970-х годов, отмечает, что освещенные в нем проблемы не теряют актуальности и сегодня. Из множества приведенных определений жанра поэмы Р. Харис находит удачным определение и деление на жанры, сделанные Т. Галиуллиным. Он, как известно, объединяет поэму в два направления – эпическое и лирическое. Критик отмечает, что автор пишет о следующих тенденциях развития татарской поэмы: «продолжение традиционной поэмы, основанной на сюжете, повествовании событий, через внутреннюю борьбу»; появление рядом с ней поэмы со свободной композицией, посвященной описанию мыслей и переживаний личности, стремящейся к стиливому разнообразию, избегающей готовых схем; стремление к плотности мысли поэм и др.

Вторая часть труда «Мастер литературного анализа» посвящена критической деятельности Т. Галиуллина. Издавший еще в начале 1970-х годов книгу критических статей, он и сегодня является одним из лидеров в этой области. Р. Харис высоко ценит его как творческую личность, которая «смогла создать новое, совершенное единство», сочетая в себе редкую научную и критическую деятельность. С его точки зрения, в этом единстве к эрудиции автора присоединяются и темперамент, и эмоциональная сила, и личные взгляды, исходящие из жизненного опыта. Исходя из принципов и взглядов критика на оценку литературных произведений, Р. Харис рассматривал его как представителя философской критики [Там же, с. 125]. Р. Харис выделяет следующие особенности критики Т. Галиуллина: акцентирование внимания читателя на положительных, удачных сторонах произведения, то есть на воспитании человека в духе прекрасного; восприятие каждого литературного произведения как отражение мира души писателя; проникновение через психологию персонажей в творческую психологию самого поэта. Как видно, Р. Харис, обладая литературным вкусом, как представитель эстетической и философской критики еще более расширяет и обогащает новыми темами функции литературной критики.

По мнению Р. Хариса, Т. Галиуллин – «ученый с широким кругозором, понимающий современные тенденции, а также настоящий критик, глубоко знающий мировую литературу и науку о литературе, умеющий образным языком аргументировать и логически, увлекательно излагать свои мысли» [Там же, с. 126]. В этих

двух статьях создается портрет литературного творчества Т. Галиуллина.

Обязанности литературного критика Р. Харис определяет как «не столько нравоучение писателю, сколько пропаганду литературного произведения, углубление просвещения читателя, воспитание его эстетического и нравственного сознания» [Там же, с. 124]. В отдельных статьях Р. Харис поднимает проблему рецептивной критики, восприятия читателем литературного произведения как объекта исследования. В рецензии на книгу Ш. Махмудова-Анака «Юл өстендә кояш» («Солнце над дорогой») критик отмечает, что для понимания стихов поэта, связанных друг с другом ассоциативными нитями, необходима высокая интеллектуальная подготовка, эрудиция читателя: «Каждое прочитанное стихотворение тянет свою ассоциативную нить к мозгу читателя. Из этих нитей одновременно получается простая и сложная вышивка. Конечно, это творчество не для каждого читателя. Для того, чтобы воспринимать стихи Махмудова, читателю необходимо быть достаточно подготовленным, интеллектуально эрудированным» [Там же, с. 203].

К этой тематической группе относится вступительная статья Р. Хариса «В поисках пути (Фоат Галимуллин)» (2005), написанная к книге Ф. Галимуллина «Время поисков» [Галимуллин]. В статье, посвященной поэтическим проблемам литературной критики, разбавленной теоретическими мыслями, отмечаются основные черты научной и критической деятельности Ф. Галимуллина. Подчеркивается, что особенностями его научных и критических трудов являются умение быть надежным посредником между литературным произведением и читателем, отстаивать чистоту литературы, очищать литературоведение и науку о литературе от остатков вульгарного социологизма, который ощущается и сегодня. Критик указывает на такие принципы оценки литературных произведений пера ученого, как «высокая нравственность, совершенство языка и формы, глубокий смысл» [Там же, с. 268].

Рецензия Р. Хариса «У истоков тюркской „Юсуфнамэ“ (Нурмухамет Хисамов)» написана на монографию крупнейшего знатока творчества Кул Гали, автора многочисленных книг о великом поэте, вышедших на разных языках, Н. Хисамова «Кул Гали и тюркская Юсуфнамэ» [Хисамов]. Отмечается, что объектом оценки научного труда являются поэма, оказавшая влияние на нравственность, эстетический вкус, традиции нашего народа на протяжении веков

«Киссаи Юсуф К. Гали» и ее разновидности текстов. Отмечается, что композиция труда организована таким образом, чтобы достичь поставленной цели, что основными особенностями разных текстов являются фактура источников и текста, центральные герои и идейно-философская проблематика и что они рассматриваются в аспектах общих и индивидуальных особенностей. Подчеркиваются шесть технологий создания текстов, которые подтверждаются произведениями поэтов, написавших нэзырэ на «Киссаи Юсуф». В связи с этим мысли Р. Хариса о принципе традиций и новаторства и его научные представления о жанре назира обогащают татарскую теорию литературы. Критик рассматривает монографию комплексно, в разных плоскостях и оценивает этот труд Н. Хисамова как «большое достижение татарской науки и литературной критики».

Сочинение в форме рецензии «Рисуя меняющийся мир (Дания Загидуллина)» продолжает серию работ, посвященных этой проблематике. Работа приурочена к выходу в свет монографии литературоведа Д. Загидуллиной «Изменение картины мира» [Загидуллина, 2006]. Опираясь на точку зрения автора труда, рецензент представляет историю изменения картины мира в татарской литературе с древнейших времен до 1917 года: на смену изображению мира, «построенному» из соединения творческого сознания, четко организованного мифопоэтической и Исламской идеологиями, в просветительской литературе XIX века появляется реалистическая модель мира. С точки зрения автора статьи, «в ее центре начинает жить новый для татарской литературы тип героя, способный на глубокие эмоции, глубоко образованный „страдающий, пропускающий через свою душу философию непознаваемости бытия“» [Харис, 2016, с. 168]. Р. Харис подчеркивает, что картина мира формируется с помощью категорий разного смыслово-философского содержания – бинарных оппозиций.

Рецензент размышляет о возможности дальнейшего развития предмета исследования в монографии, то есть о необходимости изучения дошедших до XXI века моделей изображения мира, в котором живет татарский дух, национальный менталитет. Отмечая влияние формы на модель мира, создаваемую художественной литературой, выявляет новые аспекты темы. При этом Р. Харис подчеркивает, что те или иные новые явления, инородные формы могут творчески развиваться и обогащать искусство слова только при наличии в татарской литературе определенных основ, предпосылок и традиций. Критик придерживался точки зрения,

что на страницах книги, где анализировались произведения Дэрдмэнды, сложилась интересная система, открывшая путь раскрытия величия классического поэта, художника слова и философа, создавшего целую творческую школу. Делается вывод о том, что образ мира, представляющий собой соединение нравственных, эстетических, экономических, духовных, философских, религиозных канон в художественной литературе, является средством сохранения татарской нации, родного языка. В этой серии статей Р. Харис проявил себя как эрудированный, теоретически подготовленный критик и ученый широкого диапазона.

Литературная критика Р. Хариса, как и поэзия, имеет свои особенности. Большинство его работ разного жанра невелики по объему, но краткость не вредит глубине мысли, широте оценок и суждений. Выражаясь его же собственными словами, критические работы Р. Хариса являются «соединением научности и чувственности». Выразительности, ясности оценок критик достигает через удачно использованные метафоры, сравнения, символы и литературные детали. Это качество стиля Рената Хариса, являющегося представителем писательской критики, отмечает и Т. Галиуллин: «Статьи Р. Файзуллина, А. Тимергалина, Р. Хариса, Р. Батуллы, Р. Гаташа, З. Мансурова характеризуются образным стилем, беглым языком, национальным чувством, определяющим менталитет каждого народа, отражающим художественное единство формы и содержания» [Галиуллин, с. 197].

Предмет исследования, поставленный в центре критических статей, Р. Харис рассматривает и оценивает не только в рамках татарской, российской литературы и искусства, но и в масштабах тюркского мира и шире – в мировом масштабе. Образный, понятный язык, заключающий в себе единство мысли и чувства, богатство метафорических образов, поднимает его критические тексты на уровень литературного произведения. Одним из достоинств критики Р. Хариса является перспективность дальнейшего изучения и комментирования анализируемой области.

Подводя итоги, нужно отметить, что статьи, характеризующиеся научностью, богатством фактологического материала, аналитическими выводами, позволяют перевести критику Р. Хариса из рамок «писательской критики» на уровень «профессиональной критики». Статьи критика, которым присуще богатство тематики и проблематики, становятся площадкой для обсуждения и аналитических выводов вокруг

актуальных литературно-художественных, общественных, национальных, философских проблем.

В этом виде деятельности Р. Хариса рассматриваются рецензии, статьи монографического, теоретического, проблемного характера, литературные обзоры, эссе, литературные воспоминания и другие жанры. Деятельность поэта в области литературной критики, помимо оценки и пропаганды литературного произведения, вносит большой вклад в развитие этого рода, в понимание и освоение поэтических проблем, определение места татарской литературы в истории мировой культуры.

Список литературы

- Нагуманова Э. Ф.* Современная татарская поэзия в переводе на русский язык: к постановке проблемы // *Tatarica*. 2017. № 1 (8). С. 63–82.
- Хасанова Ф. Ф.* Поэзия Рената Хариса: монография. Казань: Изд-во «Школа», 2005. 260 с.
- Хасанова Ф. Ф.* Поэт и Время: монография. Казань: Изд-во МО и Н РТ, 2010. 298 с.
- Галимуллин Ф. Г.* Эзләнү вакыты: әдәби тәнкыйть мәкаләләре, публицистика, әңгәмәләр, ижат портретлары. Казан: Мәгариф, 2005. 247 б.
- Галиуллин Т.* Герой эзлим (Р. Харисның «Исемсезләр» шигъри романы үрнәгендә) // *Әдәбият – хәтер хәзинәсе: Укытучылар, педагогия колледжлары һәм югары уку йортлары студентлары өчен кулланма*. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 171–189.
- Галиуллин Т. Н.* Шигърият баскычлары: Әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Мәгариф, 2002. 231 б.
- Галиуллин Т.* Ренат Харис // *Татар әдәбияты тарихы: сигез томда: 6 т.: 1960–1980 еллар (төз. Р. Ф. Рахмани; фән. мөх. Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закирҗанов)*. Казан: Татар кит. нәшр., 2018. Б. 394–411.
- Даутов Р. Н., Рахмани Р. Ф.* Эдипләребез: библиографик белешмәлек: 2 томда: 2 том / төз. Р. Н. Даутов, Р. Н. Рахмани. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 735 б.
- Закирҗанов Ә. М.* Татар әдәбият белеме: традицияләр һәм үсеш тенденцияләре. Казан: ТӘҺСИ, 2018. 352 б.
- Заһидуллина Д. Ф.* Дөнья сурәте үзгәру: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр: Монография. Казан: Мәгариф, 2006. 191 б.
- Заһидуллина Д. Ф.* 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш майданнары һәм авангард эзләнүләр: монография. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.
- Тәлгат Галиуллин: Галим. Остаз. Язучы. Казан: Идел-Пресс, 2008, 256 б.
- Харис Р.* Заман һәм каләм: әдәбият, сәнгать, публицистика: мәкаләләр, истәлекләр, әңгәмәләр = Время и перо: литература, искусство, публицистика:

статьи воспоминания, интервью. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 366 б.

Харис Р. Сайланма әсәрләр: 7 томда: 7 т.: Мәкаләләр, чыгышлар / төз. һәм кереш сүз авт. Ф. Хәсәнова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 511 б.

Хисамов Н. Ш. Кол Гали һәм төрки Йосыфнамә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 208 б.

References

Dautov, R. N., Rakhmani, R. F. (2009). *Әdiplәrebez: biobibliografik beleshmälek: 2 tomda: 2 tom* [Our Authors: A Biobibliographic Reference: In 2 Volumes: Volume 2]. Төз. R. N. Dautov, R. N. Rakhmani. 735 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2005). *Ezlәny vakyty: әdәbi tәnkyit' mәkalәläre, publitsistika, әңgәmәläre, iяqat portretlary* [It Is Time to Search: Literary Criticism Articles, Journalism, Interviews, Creative Portraits]. 247 p. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)

Galiullin, T. (2008). *Geroi ezlim (R. Kharisnyy "Isemsezlär" shig"ri romany җrәgәndә)* [I'm Looking for a Hero (based on R. Harris's poetic novel "Anonymous")]. Әdәbiat – khәter khәzinәse: Ukytuchylar, pedagogiia kolledzhlary һәм iugary uku iortlary studentlary өchen kullanna. Pp. 171–189. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)

Galiullin, T. N. (2002). *Shig"riiat baskychlary: Әdәbi tәnkyit' mәkalәläre* [Stairs of Poetry: Articles on Literary Criticism]. 231 p. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)

Galiullin, T. (2018). *Renat Kharis* [Renat Kharis]. Tatar әdәbiaty tarikhы: sigez tomда: 6 t.: 1960–1980 ellar (tөz. R. F. Rakhmani; fәn. mөkh. D. F. Zahidullina, Ә. M. Zakirjanov). Pp. 394–411. Kazan, Tatar kit. nәshr. (In Tatar)

Kharis, R. (2006). *Sailanna әsәrlәр: 7 tomда: 7 t.* [Selected Works: In 7 Volumes. Vol. 7]. Mәkalәläre,

chygyshlar. Төз. һәм кереш сүз авт. F. Khәsәnova. 511 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Kharis, R. (2016). *Zaman һәм kalәм: әdәbiat, sәngät', publitsistika: mәkalәläre, istәleklәр, әңgәmәläre = Vremia i pero: literatura, iskusstvo, publitsistika: stat'i vospominaniia, interv'iu* [Time and Pen: Literature, Art, Journalism: Articles-Memoirs, Interviews]. 366 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Khasanova, F. F. (2010). *Poet i vremia: monografiia* [Poetry and Time: A Monograph]. 298 p. Kazan', izd-vo MO i N RT. (In Russian)

Khasanova, F. F. (2005). *Poeziia Renata Kharisa: monografiia* [Renat Kharis's Poetry: A Monograph]. 260 p. Kazan', izd-vo "Shkola". (In Russian)

Khisamov, N. Sh. (2006). *Kol Gali һәм төрки Iosyfnamә* [Kul Ghali and Turkic Yusufnama]. 208 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Nagumanova, E. F. (2017). *Sovremennaia tatarskaia poeziia v perevode na russkii iazyk: k postanovke problemy* [Contemporary Tatar Poetry Translated into Russian: On the Problem]. Tatarica. No. 1 (8), pp. 63–82. (In Russian)

Tәlgat Galiullin: Galim. Ostaz. Iazuchy (2008) [Talgat Galiullin: Scientist. Teacher. Writer]. 256 p. Kazan, Idel-Press. (In Tatar)

Zakirjanov, Ә. M. (2018). *Tatar әdәbiat beleme: traditsiialәр һәм җsesh tendentsiialәre* [Tatar Literary Studies: Traditions and the Trends of Development]. 352 p. Kazan, TӘhSI. (In Tatar)

Zahidullina, D. F. (2015). *1960–1980 ellar tatar әdәbiaty: iaҗarysh мәidannary һәм avangard ezlәnyläre: monografiia* [Tatar Literature in the 1960s and 1980s: Renaissance Areas and Avant-Garde Explorations: A Monograph]. 383 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Zahidullina, D. F. (2006). *Dәn'ia surәte җzgәry: XXiәz bashy tatar әdәbiatynda fәlsәfi әsәrlәр: Monografiia* [Changing the Image of the World: Philosophical Works in Tatar Literature of the Early Twentieth Century: A Monograph.]. 191 p. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)

The article was submitted on 15.05.2021

Поступила в редакцию 15.05.2021

Гилязов Тагир Шамсегалиевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tgilazov@bk.ru

Сайфулина Флера Сагитовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fsaifulina@mail.ru

Gilazov Tagir Shamsagalievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tgilazov@bk.ru

Saifulina Flera Sagitovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fsaifulina@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-130-136
УДК 821.161.1

**ОППОЗИЦИЯ «Л. Н. ТОЛСТОЙ – К. Н. ЛЕОНТЬЕВ»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
А. К. ЗАКРЖЕВСКОГО**

© Вячеслав Крылов, Андрей Баландин

**THE OPPOSITION “LEO TOLSTOY – KONSTANTIN LEONTIEV”
IN THE INTERPRETATION OF A. ZAKRZHEVSKY’S LITERARY
CRITICISM**

Viacheslav Krylov, Andrey Balandin

This article presents an attempt to answer two interrelated questions: 1) Is it possible to speak of Zakrzewski’s deliberate ignorance of the figure of Leo Tolstoy when analyzing the literary process? 2) Is there a way to explicate the critic’s views on the author, whose work, although having been read, was not included in the circle of his research interests? With the help of the historical-functional, hermeneutic methods and the method of comparative analysis, the article offers a variant of an answer to these questions. Based on Zakrzhevsky’s critical articles, a comparative analysis of such features as “antithetical” and “synthetic” thought, which are characteristic of religious and philosophical criticism, makes it possible to identify the cases, used by the critic to compare the writers and to oppose them. The historical-functional method enables us to single out the facts from the biographies of Leontiev and Tolstoy, which allow us to assert either the similarity or the opposition of the writers. The hermeneutic method aims to explicate Zakrzhevsky’s views on Tolstoy through the analysis of Zakrzhevsky’s statements about Leontiev.

Keywords: A. Zakrzhevsky, Leo Tolstoy, Konstantin Leontiev, antithetical nature of thought, synthetic nature of thought.

В данной статье представлена попытка ответа на два взаимосвязанных вопроса: 1) возможно ли говорить о сознательном игнорировании А. К. Закржевским фигуры Льва Толстого при анализе литературного процесса? 2) существует ли способ эксплицировать взгляды критика на автора, чье творчество, будучи прочитанным, не входило в круг его исследовательских интересов? Посредством историко-функционального, герменевтического методов и метода компаративного анализа в статье предлагается вариант ответа на данные вопросы. Сравнительный анализ таких свойственных религиозно-философской критике черт, как «антитетичность» и «синтетичность» мысли, на материале критических статей Закржевского позволяет выявить, в каких случаях критик использовал прием сопоставления писателей, а в каких – противопоставление. Историко-функциональный метод позволяет выделить те факты из биографии Леонтьева и Толстого, на основании которых можно говорить о схожести или противоположности писателей. Герменевтический метод направлен на экспликацию взглядов Закржевского на Толстого через анализ высказываний Закржевского о Леонтьеве.

Ключевые слова: А. К. Закржевский, Л. Н. Толстой, К. Н. Леонтьев, антитетичность мысли, синтетичность мысли.

Критика конца XIX – начала XX века существенным образом изменила представление о ее собственной роли в литературном процессе. Объединявшая писателей серебряного века склонность к рефлексии и поиску причин упадка литературы выразилась в тенденции к поиску

нового типа критики¹ [Крылов, с. 17]. Основная интенция «новой» критики тяготела к субъективно-художественному восприятию текста, а главным условием постижения «тайны» художественного произведения называлось, согласно

¹ См. подр. о критико-методологических спорах на рубеже XIX–XX веков: [Крылов].

Д. С. Мережковскому и В. В. Розанову, наличие «влюбленности» критика в творчество писателя [Коптелова, с. 17].

Метафора любви являлась весьма важной при постановке целей критического исследования. Так, Мережковский главной целью критики считал изображение «живой души писателя» [Мережковский, с. 5] (именно такое представление о целях настоящей критики повторит и А. К. Закржевский в книге «Карамазовщина») [Закржевский. Карамазовщина, с. 4]. Однако влюбленность в объект исследования прежде всего проявляется в выборе объекта. Разумеется, критики рубежа XIX–XX веков не могли обходиться вниманием наиболее выдающиеся в литературном мире фигуры. Например, отыскать в литературных кругах того периода человека, не отождившегося в той или иной форме на идеи Ф. Ницше, было непросто (даже Л. Н. Толстой, будто бы нарочно избегавший упоминания немецкого философа, все же называет его имя на страницах романа «Воскресение» [Толстой, с. 78]).

Однако такой формальный показатель, как количество упоминаний критиком на страницах его произведений того или иного писателя, может характеризовать и самого критика. В русской литературе, согласно главному идеологу «субъективной» критики Д. С. Мережковскому, существуют два полюса, игнорировать которые невозможно, равно как невозможно и сохранять нейтралитет, не отдав предпочтения одному из «вечных спутников»: Л. Толстому и Ф. Достоевскому. Но и отдав предпочтение одному автору, критик все же вынужден постоянно возвращаться к творчеству второго, сравнивая и сопоставляя их художественный мир.

Д. С. Святополк-Мирский считал подобный метод особенностью критики Мережковского, которого он упрекал в «антитетичности мышления» [Святополк-Мирский, с. 159]. Учитывая, что В. Розанов [Розанов, с. 325], Л. Шестов [Шестов, с. 112] и Н. Бердяев [Бердяев, с. 170] тем или иным способом противопоставляли двух русских классиков², можно говорить о данной «антитетичности мышления» как об атрибутивном признаке религиозно-философской критики.

А. К. Закржевский, являясь автором трех масштабных работ о творчестве Ф. М. Достоев-

ского, практически не упоминает Льва Толстого. Ссылка на работу Д. С. Мережковского [Закржевский, 1913, с. 109], где Достоевский с Толстым противопоставляются как «вечные спутники», дает нам основание для дальнейшего прояснения метода Закржевского и реконструкции его взглядов на Толстого. В связи с этим возникают два вопроса:

1) Почему Закржевский обходится без Толстого?

2) Можем ли мы присущую религиозно-философской критике «антитетичность мышления» отрицать в критическом наследии Закржевского?

Обратимся прежде всего к заглавию работ Закржевского, поскольку заглавие как «сильная позиция» и один из важнейших компонентов любого текста является «стянутой до объема двух-трех слов книгой» [Кржижановский, с. 3]. Трилогия Закржевского о творчестве Достоевского имеет подзаголовок «психологические параллели», что указывает на желание критика сопоставить ряд писателей друг с другом: в первом томе критик Достоевского сопоставляет с Л. Андреевым, Ф. Сологубом, Л. Шестовым, А. Ремизовым и О. Пантюховым; во втором – с З. Гиппиус, В. Розановым, Д. Мережковским, А. Белым, Н. Минским, Вяч. Ивановым, С. Булгаковым, А. Блоком, Н. Бердяевым, Н. Добролюбовым, в третьем – с В. Брюсовым, В. Розановым и М. Арцыбашевым.

Исходя из специфики заглавий работ, Закржевскому присуща не «антитетичность», а скорее «синтетичность мышления», так как он предпочитает рассматривать изолированные явления во взаимосвязи. На примере первого тома трилогии о творчестве Достоевского может быть продемонстрирован метод Закржевского, который будет последовательно применяться и в оставшихся двух томах.

Синтетический метод

Л. Андреев

Согласно Закржевскому, все творчество Л. Андреева «об одном и том же» [Закржевский, 1911, с. 4]. Один вопрос, заданный подпольным человеком Достоевского, никак не мог разрешиться в сознании Андреева, что заставляло его писать и творить. Вопрос этот связан со стеной, о которую разбивается человеческая воля. Стена, за которой не может простираться воля, приводит к отчаянию, и это отчаяние подпольного человека, по мнению Закржевского, описывает Андреев. Произведения Андреева «Мои записки», «Иуда Искариот» и «Тьма», таким образом, рассматриваются Закржевским как элементы одной системы.

² История зарождения и бытования в русской критике оппозиции «Толстой – Достоевский» нуждается в отдельном исследовании. Например, следует уточнить, действительно ли эта оппозиция впервые появляется в ранней статье Мережковского «Достоевский» (1890), затем вошедшей в его книгу «Вечные спутники».

В повести «Иуда Искариот» Андреев отрицает религиозные догмы, в «Моих записках» – моральные нормы, во «Тьме» – человеческие ценности. Иуду, согласно Закржевскому [Там же, с. 17], Андреев представляет «беспочвенником», который предаёт Христа от отчаянья [Там же]; заключённый «Записок» – андреевский вариант продолжения «Преступления и наказания», поскольку тюрьма начинается, а не заканчивает историю «крови по совести»: от экзистенциального отчаяния в подполье убийца, убедив всех в невиновности, выстраивает вокруг себя собственную тюрьму. Наконец, в «Тьме» Андреев, как говорит Закржевский, «сам не понял, что такое создала его мысль, <...> – исход и таинство спасения» [Там же, с. 18], о которых «целый час» говорил Иван Карамазов [Там же, с. 19], выразились у Андреева в одной фразе: человек «не смеет быть хорошим <...> если весь мир погружен в грязь» [Там же, с. 18].

Таким образом, все творчество Андреева выражает, согласно Закржевскому, сознание подпольного человека, отчаявшегося от бессилия воли.

Ф. Сологуб

При анализе творчества Сологуба особая, свойственная Закржевскому «синтетичность мысли» проявляется в самом начале рассуждения: «Этот роман <«Навыи чары»>, – пишет Закржевский, – является как бы синтезом всего творчества Сологуба» [Там же, с. 32]. «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил», – говорит Иван Карамазов в диалоге с Алешей; «Бездонна душа Триродова и мучительна ее жажда», – пишет Закржевский о главном герое романа «Навыи чары». Творчество Сологуба Закржевский также представляет в качестве целенаправленной разработки одной проблемы – чрезмерной «широты» человека, который «начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским» [Там же, с. 32].

В «Навыих чарах» представлен идеал сверхчеловека, тяготящегося жизнью ввиду невозможности обратиться к лекарствам от отчаяния, помогающим «маленьким людям»: религии, морали, любви, политике. В «Мелком бесе» рассмотрена другая сторона человека, который погряз в «черной грязи и гущи мещанства» [Там же, с. 44].

Творчество Сологуба также подтверждает один из тезисов Достоевского и раскрывает сущность «слишком широкого» человека.

А. Ремизов

Интерпретируя творчество Алексея Ремизова, Закржевский выдвигает довольно любопытный тезис о творчестве писателя: «он один <ро-

ман «Пруд»> и стоит того, чтобы говорить о Ремизове, он исключает все написанное им, ибо только в нем – положительное у этого писателя. Поэтому я буду говорить только о „Пруде“» [Там же, с. 73]. Подобное признание критика интересно в связи с тем, что творчество Ремизова не поддается синтезу, регулярно выстраиваемому Закржевским, поскольку оно не имеет единой интенции и единой тенденции.

Роман «Пруд» был выбран критиком не случайно: именно в нем «из серой паутины подполья высучивается эта жизнь, это с самого начала замученная и поруганная жизнь» [Там же, с. 73]. Роман начинается с того, что маленький Колька сидит, затаившись под диваном, и слушает. «Выкидыши... вытравляли... желтый билет... — доходят до него отдельные слова» [Ремизов, с. 210]. При этом, как дракон в «Навыих чарах» Сологуба, присутствует некое существо, злое и всеведущее, «один из бесов», который «знал, и зачем надо было самому деду Николаю на свет родиться, а от Николая Арсению и Вареньке, зачем Арсению свои дела делать, а Вареньке горькую пить, и зачем Коле под диваном сидеть и все замечать и ко всему прислушиваться» [Кржижановский, с. 12].

Очевидное сходство с творчеством других выбранных для «психологических параллелей» писателей в романе «Пруд» становятся причиной обращения к нему Закржевского.

Антитетический метод

Выше нами были представлены аргументы, подтверждающие синтетичность метода А. Закржевского. Последующий анализ покажет, что и метод, основанный на противопоставлении, не был чужд критику. Однако антитетичность метода Закржевского представлена не столько в его психологических параллелях, сколько в статье памяти К. Н. Леонтьева «Одинокий мыслитель» (к 25-летию со дня смерти), где, на наш взгляд, имплицитно содержится отношение Закржевского к Толстому.

В трилогии, посвященной Достоевскому, имя Толстого критиком упоминается не более десяти раз. В «Подполье» – рассуждая, почему Шестов разочаровался в искренности Толстого [Закржевский, 1911, с. 42], в «Религии», говоря о страхе смерти: «Он <страх> звучит в каждой душе, <...> он даже Льва Толстого сделал христианином...» [Закржевский, 1913, с. 439]. Наконец, в «Карамазовщине», рассуждая о пути принятия каких-либо мистических учений для избавления от страха смерти, Закржевский пишет: «И Л. Толстой хотел было утешить себя подобными рассуждениями, да ничего не вышло, и отказался от всяких рассуждений, погиб!» [Закржевский.

Карамазовщина, с. 140]. Таким образом, ни взгляды Толстого, ни его произведения не становятся объектом анализа критика.

Тем ярче и необычнее выглядит обращение к личности Толстого в статье о Леонтьеве. В тексте статьи имя Толстого упоминается в различных контекстах более десяти раз (больше, чем во всех остальных произведениях Закржевского вместе взятых!). Попробуем высказать ряд предположений, объясняющих данное обстоятельство.

На первый взгляд, личности Толстого и Леонтьева во многом схожи. Мы говорим именно о личностных особенностях писателей, а не о их творчестве, поскольку последнее интересует Закржевского в гораздо меньшей степени, нежели психологический портрет. С точки зрения психологии же, и Леонтьев, и Толстой подвержены тому, что западные исследователи называют конверсией [Herlth, Zehnder, с. 12]. Это тенденция к внезапным и радикальным трансформациям во взглядах названа «взрывом» в поздних работах Юрия Лотмана, который подчеркивает традиционную невозможность внутри русской культуры и общества принять новую информацию, измениться, найти баланс между статикой и динамикой [Там же, с. 16]. Для Толстого и Леонтьева такие «взрывы» [Лотман, с. 11] связаны прежде всего с религиозными трансформациями: на определенном этапе жизни каждый из них жил, как древний язычник, посвящая свою жизнь плотским удовольствиям, на следующем этапе – оба отправлялись к Амвросию Оптинскому, ища правды и пытаясь согласовать жизнь с христианскими правилами³.

В области эстетики между Леонтьевым и Толстым также больше сходств, нежели различий: писатели давали высокую оценку художественным произведениям друг друга.⁴ Так, Толстой хвалил восточные повести Леонтьева (особенно «Дитя души» и «Египетский голубь») [Александров, с. 7], а последний высоко оценивал романы «Анна Каренина» и «Война и мир», утверждая, что за последние тридцать лет лучшего романиста, чем Толстой, не было во всем мире [Леонтьев, с. 240]. Критический этюд Леонтьева «О романах гр. Л. Н. Толстого» (1890) до сих пор остается одним из лучших в русской критике образцов эстетического подхода к творчеству Толсто-

го. Даже источники вдохновения двух мыслителей были схожи: эстетические представления Толстого основываются на подражании природе [Алимова, с. 156], Леонтьев же всю жизнь черпал вдохновение в живописных пейзажах.

Все отличия между Толстым и Леонтьевым, на наш взгляд, могут быть отнесены к чему-то внешнему, случайному. Прежде всего это различия в наружности писателей и в их отношении к своей внешности. Леонтьев, женственно красивый, мог часами проводить время перед зеркалом [Волкогорова, с. 24], в то время как Толстой «всегда преувеличивал свою некрасивость», по словам его сестры Марии Николаевны [Толстая, с. 15]. Материальное положение писателей также было различным (однако следует отметить, что в финансовом благополучии мало кто из русских писателей мог бы соперничать с Толстым). Леонтьев постоянно жил в долгах, в то время как Толстой никогда не испытывал нужды. Возможно, с данным фактом связано и то, что Леонтьев не был способен «на такой целенаправленный и каждодневный труд» [Волкогорова, с. 56], к которому был привычен Л. Толстой: у Леонтьева просто не было возможности фокусироваться на одном предмете, одном романе из-за потребности зарабатывать на хлеб статьями в разные журналы. Разумеется, неспособность написать такое же масштабное произведение, как роман-эпопея Толстого, сказалось и на славе писателей: к моменту известности Льва Толстого о Леонтьеве знали совсем немногие.

Наконец, личная встреча Толстого и Леонтьева, во время которой должны были вскрыться все противоречия между ними, прошла очень гладко, за дружелюбной беседой, где Леонтьев, смеясь, обвинил Толстого в безбожии и пригрозил ему ссылкой в Тобольск; Толстой же, шутя, попросил Леонтьева с этой ссылкой не тянуть, поскольку ждет ее очень давно [Волкогорова, с. 63]. Да и помимо религии Леонтьеву и Толстому было что обсудить: оба воевали в Севастополе, оба заботились о воспитании молодого поколения.

Казалось бы, ни о каком противопоставлении психологических, душевных свойств писателей не может идти и речи. Все перечисленные нами внешние различия мало интересовали Закржевского, поскольку он считал целью критики – обнажить «живую душу писателя». Тем не менее некоторые различия в душевной жизни писателей критик все же обнаружил. По этим различиям, как нам кажется, можно не только эксплицировать отношение Закржевского к Толстому, но и понять причины столь немногочисленных упоминаний имени последнего.

³ Об изучении встречи Леонтьева и Толстого в Оптиной Пустыни, о религиозных разногласиях между ними см.: [Упоров, с. 272–275].

⁴ О возможностях, которые дает для понимания темы «Л. Толстой – читатель К. Н. Леонтьева» яснополянская библиотека Толстого, см.: [Архангельская].

Закржевский о Леонтьеве и Толстом

Леонтьеву Закржевский посвятил две статьи. Первая, вышедшая в киевском журнале «Огни» в 1912 году, демонстрирует привычный критику прием «психологических параллелей», с помощью которого автор обнаруживает сходства в жизни и судьбе Леонтьева и Ницше, где нет ни слова о Толстом, равно как нет и каких бы то ни было противопоставлений, так свойственных критике серебряного века.

Сначала Закржевский рассуждает о восприятии мыслителя публикой: «при жизни над ним [Ницше] смеялись, гнали отовсюду, гнали и предавали злым издевательством его же товарищи, его же друзья, а теперь имя Ницше треплет всякий буржуй» [Закржевский. Литературные впечатления, с. 12]. Это гонение Ницше (которое читателю, знакомому с биографией немецкого философа, как минимум покажется преувеличением) Закржевский сравнивает с гонением Леонтьева, непонятого, а потому преданного забвению толпой. Затем Закржевский оспаривает мысль В. Розанова, что Леонтьев принципиально выразился против главного, принесенного Христом начала – кротости. В этом, по Розанову, «нищестанство» Леонтьева превосходит «нищестанство» Ницше. Согласно Закржевскому, не дерзость является главным фактором, объединяющим Ницше и Леонтьева, а страдание, пережитое обоими философами. Именно поэтому Закржевский утверждает, что неважно, к чему пришел мыслитель: к Христу или к отрицанию Христа, важно то, что определило его путь, а путь Леонтьева и Ницше определило страдание: «Вот и он <Леонтьев> не выдержал страшной свободы своей, он отрекся от мира и пришел ко Христу, и мир весь истаял во Христе...» [Там же, с. 13].

Закржевский, таким образом, не копирует формулу «русский Ницше», ставшую с легкой руки Розанова визитной карточкой русского писателя. Напротив, основание, которое он выбирает для сближения русского и немецкого философа, связано с душевными переживаниями, вызванными одиночеством, отчаянием и страданием.

Вторая статья – уже упомянутое нами критическое выступление «Одинокий мыслитель», вышедшее отдельной брошюрой в издании журнала «Христианская мысль» в 1916 году, согласно выдвинутому нами тезису, не является статьей только о Леонтьеве (по крайней мере, в том смысле, в каком статьей о Леонтьеве является первая статья в «Огнях»). На наш взгляд, «Одинокий мыслитель» – это первое высказывание Закржевского о Л. Толстом, антиподом которого критику представлялся Константин Леонтьев.

Во-первых, имя Толстого в этой небольшой по объему критической статье упоминается чаще, чем в трехтомной работе о Достоевском. Во-вторых, ничего принципиально нового по сравнению с первой статьей о Леонтьеве критик не высказал. Предполагаем, что высказывание Закржевского имело целью выразить отношение к Толстому и попытку представить его (Толстого) психологический портрет, тем более что изображать портрет Леонтьева в задачи Закржевского не входило: «Разгадать настоящего Леонтьева – не моя задача. Если разгадают его, если снимут маску – в ужасе отшатнутся» [Закржевский, 1916, с. 5].

Статья начинается с того, что существуют писатели, не понятые толпой, их боятся, их мысли презрительно отвергаются публикой, им суждена судьба непризнанных отшельников, а есть писатели, которые пользуются всеобщим успехом, становятся любимцами публики, их читают и пытаются понять. К числу первых Закржевский относит Леонтьева, к числу вторых – Толстого⁵. Рассуждая о причинах непопулярности взглядов Леонтьева, Закржевский вновь вспоминает о Толстом. Враждебное отношение публики к Леонтьеву, по Закржевскому, связано с его отказом от этического мерила в построении жизни, с проходящим красной нитью через все его творчество эстетическим аморализмом: «Русская интеллигенция религиозна постольку, поскольку она этична. Толстой – символ русской религиозности» [Там же, с. 11]. Леонтьев же не дает, «как Толстой и ему подобные, обещаний Богу исправиться, помогать ближним и творить добро... Нет, он говорит: „Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!..“» [Там же], – так противопоставляет двух писателей Закржевский.

Согласно Закржевскому, все религиозные перевороты русских людей попадают (как это было с Толстым) в «капкан морали». И православие любого мыслителя либо (как у Толстого) просто морализаторство, вызванное страхом смерти («религия появилась как следствие страха смерти» [Там же], либо (как у Леонтьева) – маска, которую окружающие не в силах разгадать [Закржевский, 1916, с. 20].

Таким образом, Толстой, любимец публики, обращается к религии, как и все, из-за страха перед смертью. Однако пройти путь страдания и страха до конца, то есть до полного и беспросветного отчаяния, Толстой не может, а потому

⁵ Следует заметить, что еще Тургенев в 1853 году ставил имена молодого Толстого и Леонтьева рядом в числе наиболее талантливых современных писателей (см.: [Уповор, с. 270–271]).

попадает в «капкан морали» и остается провозвестником популярной морали, которая остается и после него и, следовательно, способствует бессмертию его идей.

Иное у Леонтьева: он не может быть уверен в том, что его идеи не погибнут вместе с ним, а потому вынужден проходить путь отчаяния до конца. Его обращение к христианству – это обращение с просьбой личного бессмертия: «уже при первых проблесках религиозного сознания Леонтьев устремляется в область мистики, личного спасения и церкви» [Закржевский, 1916, с. 12]. Но в глубине души Леонтьев понимает, что христианство не может выполнить его просьбу (интересно, что, по Леонтьеву, все писатели понимают, что Бога нет, однако вынуждены сохранять «масочное действие» ради других), потому Леонтьев до конца жизни решает носить маску. «Масочное действие современности, в котором изнемогают многие из нас – было ведомо Леонтьеву по личному опыту. И в этом церковный фанатик м. б. всех обманывал, и не только всех, но и самого себя...» [Там же, с. 19] – пишет Закржевский.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что Закржевский «вчитывает» многие собственные религиозные и экзистенциальные размышления в тексты Леонтьева. Толстой же в изложении критика подвергается упрощению и противопоставляется Леонтьеву на различных уровнях. Очевидно, что отсутствие упоминаний Толстого в работах Закржевского неслучайно и связано с отрицательным отношением критика к писателю.

Список литературы

- Александров А. А. Предисловие к книге К. Леонтьева «О романах гр. Л. Н. Толстого». СПб.: Сириус, 1911. 152 с.
- Алимова Л. В. Дневники Л. Н. Толстого 1873–1910 годов: эстетика и поэтика природы // Культура и текст. 1999. № 5. С. 154–159.
- Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 557 с.
- Архангельская Т. Н. Сочинения К. Н. Леонтьева в яснополянской библиотеке Толстого // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып 3. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 260–268.
- Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001. 173 с.
- Волгогонова О. Д. Константин Леонтьев. М.: Молодая гвардия, 2013. 464 с.
- Закржевский А. К. Литературные впечатления // Огни. 1912. № 30. С. 12–14.
- Закржевский А. К. Карамазовщина. Киев.: Искусство, 1912. 386 с.

Закржевский А. К. Одиноким мыслитель. (Константин Леонтьев). Киев: Христианская мысль, 1916. 35 с.

Закржевский А. К. Подполье. Киев.: Искусство, 1911. 108 с.

Закржевский А. К. Религия. Психологические параллели. Киев: Искусство, 1913. 473 с.

Коптелова Н. Г. Специфика рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). автореф. ... докт. филол. наук: Кострома, 2011. 46 с.

Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 32 с.

Крылов В. Н. Критика и критики в зеркале Серебряного века. М.: Флинта: Наука, 2014. 344 с.

Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2014. 974 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992. 273 с.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 624 с.

Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 4. Плачужная канава. М.: Русская книга, 2001. 560 с.

Розанов В. В. Опавшие листья. Берлин, 1930. 439 с.

Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. 964 с.

Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М.: Книга, 1989. 503 с.

Толстой Л. Н. Воскресение. Повести. Рассказы М.: Художественная литература, 1976 г. 744 с.

Упоров А. А. Проблема «Л. Н. Толстой и К. Н. Леонтьев»: история и перспективы изучения // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып 3. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 269–277.

Шестов Л. И. Философия трагедии. М.: Фолио, 2001. 480 с.

Jens Herlth, Christian Zehnder. Models of personal conversion in Russian cultural history of the 19th and 20th centuries. Bern: Peter lang, 2015. 293 p.

References

- Aleksandrov, A. A. (1911). *Predislovie k knige K. Leont'eva "O romanakh gr. L. N. Tolstogo"* [A Foreword to the Book by K. Leontiev "On the Novels of Count Leo Tolstoy"]. 152 p. St. Petersburg, Sirius. (In Russian)
- Alimova, L. V. (1999). *Dnevnik L. N. Tolstogo 1873-1910 godov: estetika i poetika prirody* [Leo Tolstoy's Diaries of 1873–1910: Aesthetics and Poetics of Nature]. *Kultura i tekst*. No. 5, pp. 154–159. (In Russian)
- Andreev, L. N. (1990). *Sobr. soch.: V 6 t. T. 2* [Collection of Works: In 6 Volumes, Vol. 2]. 557 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Arkhangel'skaia, T. N. (2009). *Sochineniia K. N. Leont'eva v iasnopolianskoi biblioteke Tolstogo* [Works by K. N. Leontiev in the Yasnaya Polyana Library of Tolstoy]. Pp. 260–268. *Tolstoi i o Tolstom. Materialy i issledovaniia*. Vyp 3. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

- Berdiaev, N. A. (2001). *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. 173 p. Moscow, Zakharov. (In Russian)
- Jens Herlth, Christian Zehnder. (2015). *Models of Personal Conversion in Russian Cultural History of the 19th and 20th Centuries*. 293 p. Bern, Peter lang. (In English)
- Koptelova, N. G. (2011). *Spetsifika retseptsii russkoi literatury XIX veka v kritike D. S. Merezhkovskogo: 1880-1917 gg.: avtoreferat. ... dokt. filol. nauk* [The Specificity of the Reception of the 19th-Century Russian Literature in the Criticism of D. S. Merezhkovsky: 1880–1917: Doctoral Thesis Abstract]. Kostroma. 46 p. (In Russian)
- Krylov, V. N. (2014). *Kritika i kritiki v zerkale Serebriannogo veka* [Criticism and Literary Critics in the Mirror of the Silver Age]. 344 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
- Krzhizhanovskii, S. (1931). *Poetika zaglavii* [Poetics of Titles]. 32 p. Moscow, Nikitinskie subbotniki. (In Russian)
- Leont'ev, K. N. (2014). *Poln. sobr. soch. i pisem: v 12 t* [Full Collection of Works and Letters: In 12 Volumes. Vol. 9]. T. 9, 974 p. St. Petersburg, Vladimir Dal'. (In Russian)
- Lotman, Iu. M. (1992). *Semiosfera. Kul'tura i vzryv* [Semiosphere. Culture and Explosion]. 273 p. Moscow, Progress. (In Russian)
- Merezhkovskii, D. S. (1995). *L. Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye sputnik* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions]. 624 p. Moscow, Respublika. (In Russian)
- Remizov, A. M. (2001). *Sobranie sochinenii. Plachuzhnaia kanava*. [Collected Works. T. 4. The Weeping Ditch]. T. 4, 560 p. Moscow, Russkaia kniga. (In Russian)
- Rozanov, V. V. (1930). *Opavshie list'ia* [Fallen Leaves]. 439 p. Berlin. (In Russian)
- Shestov, L. I. (2001). *Filosofia tragedii* [The Philosophy of Tragedy]. 480 p. Moscow, Folio. (In Russian)
- Sviatopolk-Mirskii, D. S. (2005). *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. 964 p. Novosibirsk, Svin'in i synov'ia. (In Russian)
- Tolstaia, A. L. (1989). *Otets. Zhizn' L'va Tolstogo* [Father. The Life of Leo Tolstoy]. 503 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
- Tolstoi, L. N. (1976). *Voskresenie. Povesti. Rasskazy* [Resurrection. Stories. Novellas]. 744 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Uporov, A. A. (2009). *Problema "L. N. Tolstoi i K. N. Leont'ev": istoriia i perspektivy izucheniia* [The Problem "L. N. Tolstoy and K. N. Leontiev": The History and the Perspectives of Study]. Tolstoi i o Tolstom. Materialy i issledovaniia. Vyp 3, pp. 269–277. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)
- Volkogonova, O. D. (2013). *Konstantin Leont'ev* [Konstantin Leontiev]. 464 p. Moscow, Molodaia gvardiia. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1911). *Podpol'e* [The Underground]. 108 p. Kiev, Iskusstvo. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1912). *Karamazovshchina* [Karamazovshchina]. 386 p. Kiev, Iskusstvo. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1912). *Literaturnye vpechatleniia* [Literary Impressions]. Ogni. No. 30, pp. 12–14. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1913). *Religiia. Psikhologicheskie paralleli* [Religion. Psychological Parallels]. 473 p. Kiev, Iskusstvo. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1916). *Odinokii myslitel'. (Konstantin Leont'ev)* [A Lonely Thinker (Konstantin Leontiev)]. 35 p. Kiev, Khristianskaia mysl'. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2021
Поступила в редакцию 15.05.2021

Крылов Вячеслав Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
krylov77@list.ru

Баландин Андрей Сергеевич,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
balandin.andreas@gmail.com

Krylov Viacheslav Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
krylov77@list.ru

Balandin Andrey Sergeevich,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
balandin.andreas@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-137-145
УДК 821.161.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИРОДНЫХ И БЫТОВЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

© Анна Маслова, Дарья Земцова

INTERACTION OF NATURAL AND EVERYDAY IMAGES IN LEO TOLSTOY'S NOVEL "RESURRECTION"

Anna Maslova, Daria Zemtsova

The article deals with the semantic function of the interaction between natural and everyday images in Leo Tolstoy's novel "Resurrection". The novelty of the research is due to the fact that for the first time in literary studies, it reveals the problem of the relationship and interdependence of images from opposing spheres: nature and everyday life in the work of Leo Tolstoy. This allows us to address the urgent issues of Tolstoy's worldview of the late period of his literary work, based on the idea of the confrontation between nature and civilization, living life and social conditions that limit it. The article analyzes the key fragments of the novel, which present the adjoining natural and everyday images. The image of nature, as a rule, is contrasted to the domestic environment. This technique of contrast is used by Leo Tolstoy not only to emphasize the unnaturalness of social laws, existing in the Russian reality and the living conditions of the poor, but also to depict the changes in the soul of the main character, Dmitry Nekhludov. The beginning of the novel shows the luxury in which the nobility live, thus distancing themselves both from nature and from God, who appeals to their conscience. The transformation in Nekhludov's soul is emphasized by the change in the interaction of nature and everyday life. The description of his living conditions fades into the background, the protagonist feels his connection with nature, experiences spiritual elevation and realizes the Divine truth. He overcomes this confrontation between nature and everyday life and defines his life path as an active service to people.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Tolstoy's ethics, philosophical and social problems in literature, Leo Tolstoy's psychologism, the Gospel text in Russian literature.

В статье рассматривается смысловая функция взаимодействия природных и бытовых образов в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Новизна исследования обусловлена тем, что впервые в литературоведении поднимается проблема взаимосвязи и взаимообусловленности в творчестве Л. Н. Толстого образов из противостоящих друг другу сфер: природы и быта. Это позволяет обратиться к актуальным вопросам толстовского мировоззрения позднего периода творчества, базирующегося на идее противостояния природы и цивилизации, живой жизни и ограничивающих ее общественных условий. Авторы предлагают анализ ключевых фрагментов романа, в которых представлены соприкасающиеся друг с другом природные и бытовые образы. Образ природы, как правило, противопоставлен бытовой обстановке. Этот прием контраста используется Л. Н. Толстым не только для того, чтобы подчеркнуть неестественность существующих в российской действительности общественных законов и тех бытовых условий, в которых живут бедные слои населения, но и для изображения изменений в душе главного героя Дмитрия Нехлюдова. В начале романа показана роскошь дворянского быта, отдаляющая представителей высших сословий как от природы, так и от Бога, вызывающего к их совести. Преображение в душе Нехлюдова подчеркивается изменением взаимодействия природы и быта. Изображение бытовых условий его жизни отходит на второй план, герой чувствует свою связь с природой, переживает духовное возвышение и осознает Божественную истину. Противостояние природы и бытовой обстановки преодолевается для героя, определившего свой жизненный путь как деятельное служение людям.

Ключевые слова: русская литература XIX века, толстовская этика, философская и социальная проблематика в литературе, психологизм Л. Н. Толстого, евангельский текст в русской литературе.

В культурном сознании природа и быт являются противопоставленными друг другу образами, так как первые связаны с естественной жизнью мироздания и человека, вторые – с матери-

альной стороной человеческого существования; природа, как правило, является средством отражения психологических, душевных движений героев художественных произведений, бытовые же образы используются в литературе для раскрытия социальных вопросов. Обращение к изучению художественной функции данных образов в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» является актуальным, так как позволяет с новых позиций комплексного литературоведческого исследования рассмотреть отдельные содержательные элементы романа и такие «вечные» вопросы толстовского мировоззрения, как социальная несправедливость, совесть и личная ответственность человека.

Роман Л. Н. Толстого «Воскресение», отразившиеся в нем новые по сравнению с более ранними периодами способы психологического анализа героев, социальные и этические вопросы, затронутые писателем в данном произведении, неоднократно становились предметом исследования ученых-гуманитариев. Не ставя перед собой задачу предложить в рамках данной статьи обзор научных трудов об итоговом романе Л. Н. Толстого, отметим, однако, некоторые отдельные наблюдения и выводы, важные для разработки проблемы, заявленной в нашем исследовании.

Образы природы на протяжении всех периодов творчества Л. Н. Толстого играли в его произведениях существенную роль. Природа не просто являлась художественным приемом, призванным воссоздать образ окружающего мира, она была выразителем взглядов писателя на жизнь человека. Природа для Л. Н. Толстого – мера нравственности, указывающая человеку единственно верный путь. В романе «Война и мир», как пишет Т. С. Сотникова, «сопоставление естественного и неестественного проявляется как противопоставление добра и зла. Естественное, природа – это мир всего доброго <...>» [Сотникова, с. 18]. В творчестве Л. Н. Толстого 1850–60-х годов можно наблюдать сближение любимых героев с природой, способность их тонко чувствовать не только красоту природы, но и ее глубокий духовный смысл, соотносимый с Божественными началами бытия.

С 1870-х годов в сознании писателя происходят изменения, и природа воспринимается двойственно: с одной стороны, она добра и прекрасна, с другой – зла и темна. И эта вторая сторона природного бытия связана уже не столько с окружающим миром, сколько с человеческой природой. Герои романа «Анна Каренина» Константин Левин и Анна оказываются на разных полюсах. Если Левину открывается Божественная

сущность природы в моментах его единения с окружающим миром (восприятие Левиным весны, ночь, проведенная героем на копне, охота), то Анну сопровождают метель и снежная буря, символизирующие страсть, не освященную Божественным светом, как замечает К. А. Нагина, здесь «в описании метели доминирует inferнальное начало» [Нагина, с. 17].

В поздний период творчества, в 1880–1900-е годы, понимание природы становится сложнее. Л. Н. Толстой больше сосредоточен на социальных конфликтах, поэтому в его художественном мире все большее место занимает человеческая природа, а не внешние природные явления. Писатель видит в природе не только добро, но и зло, связывает ее с эгоистическим началом в человеке. Так, ночь накануне и после грехопадения Нехлюдова «была сродни апокалипсической» [Масолова 2020, с. 233]. Однако в свете религиозного сознания писателя природные образы обретают также и духовный смысл. Е. А. Масолова подчеркивает религиозно-нравственную близость природного календаря романа «Воскресение» с древнерусской христианской семантикой времен года: весна в романе является символом «грядущего нравственного преобразования человечества», «лето становится символом жизни; осень „усиливает“ нравственные и религиозные искания героя. <...> В финале романа зима – очищающий, обновляющий период, предтеча великих перемен» [Масолова 2020, с. 242].

Меняется в поздний период творчества Л. Н. Толстого и психологическое изображение внутренней жизни героев. Герои произведений 1880–1900-х годов изображались писателем с особым акцентированием их душевных переверотов. Они часто переживают нравственное возрождение и духовное просветление, что позволяет им увидеть мир с новой стороны, отказавшись от индивидуалистического отношения к действительности. Если в «Казаках», «Войне и мире», «Анне Карениной» психологические сдвиги были результатом большого чувства либо скрытой внутренней борьбы, то в произведениях позднего периода «просветление обычно связывается с драматическими событиями – глубокими внутренними потрясениями героев» [Храпченко, с. 447]. Нередко нравственное просветление становится окрашенным в религиозные тона. Также Л. Н. Толстой с помощью психологического анализа раскрывает «общечеловеческий потенциал личности», проявляющийся в преодолении действующими лицами трудных обстоятельств, а также во внутренней борьбе, которую переживают толстовские «беспокойные» герои, прихо-

дящие к христианскому постижению смысла бытия.

Изображение человеческих характеров в поздний период творчества Л. Н. Толстого, по замечанию В. В. Основина, нашло свое отражение в постановке вопроса о сопротивлении героя условиям жизни того времени: «Теперь Толстой начинает поэтизировать образы людей ищущих, сопротивляющихся, непримиримых, поднимающих бунт против существующих условий жизни и лицемерной морали» [Основин, с. 53]. Автор приходит к выводу о невозможности дальнейшего нормального существования в условиях этого общества, а также к выводу о необходимости борьбы со злом.

По мнению А. С. Кондратьева, «герои прозы Толстого 80–90-х годов приходят к осознанию трагической исчерпанности индивидуалистического самоопределения и <...> признают незыблемость духовных первооснов мира Божьего» [Кондратьев, с. 78]. Е. П. Андреева отмечает, что «герои Толстого последнего периода <...> взяты автором в переломный период их жизни, когда они пережили <...> трагедию, после которой наступает кризис, обновление души» [Андреева 1964, с. 44]. В позднем периоде творчества нет строго определенного положительного героя. Писатель часто показывает персонажа в типичной для него обстановке, а иногда помещает его в исключительные обстоятельства для проявления различных сторон характера. «Сила его героев не в абсолютной положительности их душевных качеств, а в движении их от прежней жизни к новому, справедливому, трудовому укладу» [Андреева 1980, с. 107].

В целом можно говорить о многостороннем анализе образов природы и особенностей психологизма в творчестве Л. Н. Толстого¹.

В данной статье ставится цель исследовать взаимодействие природных и бытовых образов в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Данная проблема обладает новизной, так как можно говорить о многоаспектном изучении образов природы в творчестве Л. Н. Толстого в целом. Проблема взаимосвязи природных и бытовых образов в произведениях писателя до сих пор не поднималась литературоведами. В то же время она

представляется научно значимой, так как позднее творчество Л. Н. Толстого характеризуется социальными обобщениями, что способствует появлению в произведениях 1880–1900-х годов новой по сравнению с более ранними периодами интерпретации природных и бытовых образов: природные образы в совокупности с контрастно очерченными бытовыми образами, с одной стороны, служат раскрытию авторской идеи духовного прозрения героев, преодолевающих свои внутренние заблуждения, с другой – заостряют социально-обличительный пафос романа «Воскресение».

Начало романа сразу же подчеркивает разительный контраст между живой жизнью природы, радующейся весеннему солнцу, располагающему «к миру, согласию и любви», и противоестественной жизнью «взрослых» людей, убежденных в истинности придуманных ими правил, которые необходимы для того, чтобы «обманывать и мучать себя и друг и друга» и «властвовать друг над другом» [Толстой, т. 32, с. 3–4]. Немаловажную функцию в создании подобного художественного эффекта играют детали природного мира и противопоставленного ему мира людей: с одной стороны – лопающиеся почки, зеленая трава, «клейкие и пахучие листья», с другой – «темный вонючий коридор», «удручающий тифозный воздух» женского отделения тюрьмы, и еще «более вонючий» воздух камеры [Там же]. Если природа весела и радостна, то люди, погруженные в эту атмосферу «испращений, дегтя и гнили», обречены на уныние и грусть [Там же, с. 4].

Противопоставление весеннего пейзажа удручающей бытовой атмосфере тюремных камер вводит в роман мотив противостояния жизни и смерти. Кроме того, с первых же страниц входит в роман и мотив бессмертия благодаря соотношению начала романа с пасхальной идеей воскресения. На эту параллель зачина романа с праздником Пасхи указывает С. Ю. Николаева [Николаева, с. 81]. Не случайно появляется и образ вспорхнувшего с земли и пролетевшего мимо уха арестантки голубя, обдавшего ее ветром [Толстой, т. 32, с. 6]. Голубь символизирует идею Божественного присутствия; в христианском контексте голубь – Дух Святой, именно в образе голубя спустился он на землю во время крещения Иисуса (Мф. 3:16). Ветер в данном случае также «символизирует Божественное дыхание, силу духа в поддержании жизни и объединении всего живого» [Масолова 2013, с. 91]. Таким образом, уже в начале романа заявлена авторская концепция: для Л. Н. Толстого исход борьбы противостоящих друг другу сил решает-

¹ Среди современных работ следует обратить внимание на исследования В. А. Ковалева [Ковалев, 1998], О. В. Барабаш [Барабаш, 2003], О. В. Пичугиной [Пичугина 2011], С. Ю. Николаевой [Николаева 2013], Е. А. Масоловой [Масолова 2014], в которых выявляются философско-публицистические, психологические, символические, мифопоэтические и духовно-религиозные аспекты природных образов в романе «Воскресение».

ся в пользу жизни и бессмертия. Писатель подчеркивает торжество естественной жизни: природа, несмотря ни на что, пробивается к солнечному свету и даже в тюремный двор проникает *«свежий, живительный воздух полей»* [Толстой, т. 32, с. 4].

Ярким эпизодом, в котором представлен контраст природных и бытовых образов, является эпизод на станции, куда бежит Катюша в надежде увидеть Нехлюдова. В этой сцене – полная противоположность тем картинам, которыми открывался роман. Природа отражает стихийные силы, враждебные человеку:

«Была темная осенняя, дождливая, ветреная ночь. Дождь то начинал хлестать теплыми крупными каплями, то переставал. В поле, под ногами, не было видно дороги, а в лесу было темно, как в печи...» [Там же, с. 130].

Полная драматизма сцена у поезда, увозящего Нехлюдова, усиливается описанием сильного порывистого ветра и холодного дождя, которым противопоставлена уютная атмосфера вагона первого класса: бархатные кресла, горящие свечи, обтянутые рейтузы и белые рубашки офицеров, безмятежно играющих в карты. Этот контраст поражает Катюшу, так и не осуществившую свое желание встретиться с Дмитрием:

«Он в освещенном вагоне, на бархатном кресле сидит, шутит, пьет, а я вот здесь, в грязи, под дождем и ветром – стою и плачу» [Там же, с. 131].

Весь этот эпизод демонстрирует потерю Катюшей Масловой веры в добро и Бога, она убеждается в том, что все живут только ради собственного удовольствия, и никому нет дела до своего ближнего, никто на самом деле не верит ни в добро, ни в Бога.

Если в начале романа контраст весенней живой природы и удручающей атмосферы тюремного быта демонстрировал идею победы жизни над смертью, то в эпизоде на станции предстает другая картина: бушующая осенняя природа, холод, ветер противопоставлены теплу и уюту вагона. Природа здесь «сродни разрушительной буре, лишившей Катюшу веры в людей и Бога» [Маслова 2013, с. 92]. Вагон с бархатными креслами и свечами, защищающий от непогоды молодого Нехлюдова, в контрасте с представленными в начале романа сценами «воиничей» тюрьмы мог бы соотноситься с идеей защищенности от бушующей стихии, лишенной присутствия Бога. Однако на самом деле защищает Нехлюдова вагон не столько от зловещей природы, сколько от Катюши, пришедшей на-

помнить ему о его грехе. Тем самым Нехлюдов, так и не встретившись с Катюшей, еще больше отдаляется от Божественной истины. Стоит обратить внимание на одну деталь: свечи, горящие в вагоне, «толстые». Такие свечи не могут символизировать присутствие Божественного света, они лишь указывают на богатство и роскошь. Именно это видит Катюша – довольство и бытовые излишества, именно это заставляет героиню сделать вывод о том, что все живут только ради удовольствия, а не ради добра. Этот кульминационный момент романа показывает отпадение героев от Бога, демонстрирует победу разрушительных сил над живой жизнью.

На протяжении всего романа Л. Н. Толстой усиленно, с помощью навязчивых повторений и мельчайшей детализации бытовых подробностей подчеркивает чрезмерность и абсолютную неуместность дворянской праздности и роскоши, в особенности – на фоне скудности и нищеты тех людей, чьими усилиями обеспечивается это благополучие высших сословий. Писатель намеренно и педантично подчеркивает этот контраст: в то же самое время, когда Маслова, измученная и утомившаяся длительным переходом, приближается к зданию суда, Нехлюдов, все еще лежит *«на своей высокой, пружинной с пуховым тюфяком, смятой постели»* и курит папиросу, *«растегнув ворот голландской чистой ночной рубашки с заутюженными складочками на груди»* [Толстой, т. 32, с. 12]. Для усиления различия социальных условий писатель включает в текст описания и детали быта роскошного и безбедного существования Нехлюдова: *«серебряный портсигар», «шелковый халат», «как зеркало вычищенные ботинки», «уборная, пропитанная искусственным запахом эликсиров, одеколона, фиксаторов, духов», «мраморный умывальник», «белье, одежда, обувь, галстуки, булавки, запонки самого первого, дорогого сорта»* [Там же]. Картина дополняется описанием великолепной столовой со стоящим в ней дубовым буфетом и раздвижным столом с резными ножками. Кроме того, Л. Н. Толстым подчеркивается изобилие яств на обеденном столе: пахучий кофе, кипяченые сливки, свежие калачи, сухари, бисквиты. Подобных примеров в романе много, и связаны они не только с жизнью главного героя. Нехлюдов лишь один из типичных представителей своего сословия, незаслуженно пользующийся материальными привилегиями и считающий себя без каких-либо оснований человеком «высшего сорта», имеющим право властвовать или оказывать благодеяния тем, кто ниже его по социальному статусу. Отметим, что, по мнению писателя, сословие аристократов и высших чиновников пре-

ступно и в социальном, и в нравственном смысле, не имеет права жить в подобной роскоши, когда в стране гибнет от нищеты и голода народ. Для утверждения своей концепции Л. Н. Толстой изображает мельчайшие детали внешности, предметы быта, которые имеют отношение к той обстановке, в которой живут герои. Е. А. Маймин отмечал, что в романе «вещи сами обвиняют своих владельцев» [Маймин, с. 17].

Наиболее ярко «величие» Дмитрия Нехлюдова, возмнившего себя «благодетелем», дарующим крестьянам землю², показано во второй части романа. Нехлюдов, все устроивший в Кузминском так, как он планировал, договорившись о продаже крестьянам земли по дешевой, как ему казалось, цене, не испытывал удовлетворения и душевного спокойствия: ему *«все время было чего-то совестно <...> Чем он был недоволен, он не знал, но ему все время было чего-то грустно и чего-то стыдно»* [Толстой, т. 32, с. 206].

Приехавший в Паново, герой сталкивается с крайней формой нищеты и непосильной работой крестьян. С помощью пейзажа писатель связывает внутреннее прозрение Нехлюдова с социально-обличительными картинами действительности. Так, подъезжая к Кузминскому, герой любуется прекрасным днем, яровыми полями, *«густо зеленеющими озимями»*, лесами, покрытыми *«свежей зеленью»* [Там же, с. 200]. Примечательно, что Л. Н. Толстой в этом описании дважды в одном предложении употребляет слова с корнем *зелен-*. Как справедливо замечает вьетнамский исследователь Данг Тхи Тху Хыон, «эпитет „зеленый“ – один из самых частотных при описании состояния природы и начинающей „зеленеть“ души героя» [Данг Тхи Тху Хыон, с. 157]. Но вновь природные образы контрастируют с бытовыми. Жизнерадостная картина омрачается воспоминанием Нехлюдова о рассказе ямщика, упоминающего о методах хозяйствования немецкого управляющего в этой деревне. Позже Л. Н. Толстой рисует картину пасмурного утра, предвещающую неудачную встречу Нехлюдова с крестьянами, чувствующими недоверие и настоятельность к барину:

«С утра шел тихий, без ветра, теплый дождичек, висевший капельками на листьях, на сучьях, на траве. В окне стоял, кроме запаха зелени, еще запах земли, просящей дождя» [Толстой, т. 32, с. 203].

В Панове, отправляясь на прогулку по деревне ясным солнечным днем, Нехлюдов видит, как

всюду кипит работа: мужики развозят навоз на поля, и их внешний вид – *«босые, в измазанных навозной жижей портках и рубахах»* – резко контрастирует с внешним видом *«высокого толстого барина, который в серой шляпе, блестящей на солнце своей шелковой лентой, шел вверх по деревне, через шаг дотрагиваясь до земли глянцевиной коленчатой палкой с блестящим набалдашником»* [Там же, с. 209]. Особую роль в описании Нехлюдова в данной сцене играет повтор слов с корнем «блеск». Блеск, исходящий от шелковой ленты Нехлюдова и его глянцевиной палки с блестящим набалдашником, подчеркивает искусственность и неуместность присутствия барина в этом освещенном ярким весенним солнцем пространстве, где все заняты нужной работой.

Иллюстрацией тяжелого и неприглядного положения народа является как упоминание о крестьянском обеде: *«Что обедать?.. Первая перемена хлеб с квасом, а другая – квас с хлебом»* [Там же, с. 211], так и исповедь старика про свою жизнь и многочисленные подати: *«Да какая же жизнь? Самая плохая жизнь»* [Там же, с. 210], и рассказ о судьбе ребенка, рожденного Катюшей, который умер, так и не доехав до воспитательного дома [Там же, с. 215], и вид *«бескровного ребенка»* Анисьи *«в скуфеечке из лоскутиков»* [Там же]. Столкнувшись с этими явлениями, Нехлюдов понимает лживость той ситуации продажи своей земли, в которой он оказался в Кузминском.

Прозрение Нехлюдова, решившего отдать землю крестьянам, сопровождается картиной надвигающейся грозы:

«Все птицы притихли, но зато зашелестили листья, и ветер добежал до крыльца, на котором сидел Нехлюдов, шевеля его волосами» [Там же, с. 226].

Образ ветра здесь не случаен, и смысл этого природного описания раскрывается в сопоставлении с дождливой погодой в Кузминском, когда шел *«теплый дождичек»* без ветра. Если в Кузминском герой еще не понимал лживости своего положения владельца земли, оказывающего благодеяние крестьянам, и потому был далек от осознания Божественной истины, то теперь, в Панове, он уже ощущает истину, слышит Слово Божье, маркером которого и является в романе ветер, «ветер выступает как указующий знак, Божий перст» [Масолова 2013, с. 95]. Гроза, сопровождающаяся очистительным ливнем, уже не воспринимается как враждебная человеку стихия, она символизирует внутреннее преображение Нехлюдова.

² На самом деле продающим по более низкой цене, чем помещики-соседи, и, по большому счету, без особого убытка для себя.

Бытовое пространство контрастирует с природным миром: стены в горнице облеплены «оторванными грязными бумажками», указывающими на присутствие клопов, и как только была потушена свеча, насекомые начали облизывать и кусать Нехлюдова [Толстой, т. 32, с. 226]. Эта картина является зеркальным отражением эпизода на станции, куда приходит беременная Катюша Маслова, надеясь на встречу с отцом ребенка. Тогда Нехлюдов, расположившийся в бархатных креслах вагона первого класса, думал только о собственном удовольствии, он был огражден от бушующей осенней стихии, от Катюши, которая могла пробудить его совесть, был далек от Слова Божьего. Сейчас же все поворачивается обратной стороной: Нехлюдов испытывает бытовые неудобства, но при этом он впускает в себя Слово Божье. Если окно вагона, несмотря на усилия двух офицеров, долго не открывалось, что подчеркивает закрытость души героя от мира и Бога, то в Паново Нехлюдов, замученный укусами насекомых, «сел у открытого окна, любуясь на убегающую тучу и на открывшийся опять месяц» [Там же, с. 226].

В продолжение романа все реже встречаются пейзажные описания и все больше внимания уделяется социальным контрастам и изображению бедственного положения России. Еще одна сцена, которая воспринимается как зеркальная параллель к эпизоду несостоявшейся встречи Катюши Масловой с отцом своего будущего ребенка, присутствует в конце второй части романа, когда описывается путь Нехлюдова в Сибирь. Теперь он едет в вагоне третьего класса, заполненного народом, и слушает непритязательные истории простых тружеников, не задумывающихся о бытовых условиях:

«В тесноте, да не в обиде... Места много, а то и постоять можно, и под лавкой можно», – так рассуждает Тарас, отправившийся в Сибирь за своей осужденной женой [Там же, с. 355].

Утомительная, удушливая жара, сопровождавшая посадку арестантов в поезд и начало поездки Нехлюдова, отходит, начинается гроза, льет дождь, омывающий землю и несущий ощущение «влажной свежести», и появляется «яркая, с выступающим фиолетовым цветом, прерывающаяся только в одном конце радуга» [Там же, с. 350]. Радуга может трактоваться как «мост между миром и Раем, символ прощения, примирения между Богом и человеком» [Масолова 2011, с. 283], этот символ взят писателем из Святого Писания (Быт. 9: 13–17) и подчеркивает единение Бога и человека [Виноградова, с. 24].

Радуга, открывшаяся Нехлюдову, подчеркивает осознание героем Божественного смысла бытия.

На фоне описания грозы и последовавшей за ней радуги даны размышления Нехлюдова, думающего о чиновниках, которые, исполняя свою службу, оказываются безучастными к страданиям заключенных, которых везут в душных вагонах на каторгу в Сибирь. Постепенно герой переходит к обобщенно-публицистическим суждениям, и мир природы тесно связывается в сознании Нехлюдова с миром человеческих взаимоотношений. Мощная камнем земля непроницаема для дождя, как непроницаемы для чувства человеколюбия служащие, ревностно исполняющие свои служебные обязанности, «грустно смотреть на эту лишенную растительности землю, которая бы могла родить хлеб, траву, кусты, деревья... То же самое и с людьми – может быть, и нужны эти губернаторы, смотрители, городовые, но ужасно видеть людей, лишенных главного человеческого свойства – любви и жалости друг к другу» [Толстой, т. 32, с. 351].

Мы видим повторение некоторых образов, открывающих роман: в начале романа изображается забитая камнями земля, сквозь которую, несмотря ни на что, пробивается трава, здесь Нехлюдов видит «мощенный разноцветными камнями скат выемки, по которому дождевая вода не впитывалась в землю, а сочилась ручейками» [Там же, с. 351]. Автор в начале романа рассуждает о людях, которые придумали законы, позволяющие им мучать себя и друг друга и властвовать друг над другом, а здесь уже сам герой, прошедший путь освобождения от своих духовных заблуждений, подчеркивает мысль об отсутствии в созданных обществом социальных институтах условий для проявления человеколюбия и сострадания. Так, ближе к концу романа Нехлюдов, изображение которого все реже дается в окружении каких-то бытовых предметов и явлений и все чаще сопровождается глубокими философскими раздумьями, выступает рупором авторских мыслей и приходит в итоге к Евангелию как к необходимой ступени нравственно-религиозного приобщения, постигает истину и смысл жизни. Герой воспринимает пять заповедей Христа не как отвлеченные суждения, а как практическое разрешение вопроса о социальном зле.

Идея воскресения и торжества жизни над смертью звучит как в начале романа, так и в финале. Несмотря на приближающиеся зимние холода, снег, облетающие с деревьев листья, поднимается солнце, освещающее «и мокрую листву, и лужи, и куполы, и кресты церкви» [Там же, с. 416]. Несмотря на удручающие мысли после

посещения покойницей, несмотря на пережитое Нехлюдовым ощущение торжества зла, губящего людей и погубившего «милого Крыльцова», герой, погрузившись в чтение Евангелия, приходит к осознанию простых христианских истин о необходимости любить и прощать врагов своих, и это дает ему чувство восторга, успокоения и свободы [Там же, с. 444].

Подводя итог, можно сделать вывод о смысловой функции соприкасающихся друг с другом природных и бытовых образов в романе Л. Н. Толстого. Как правило, образ природы не соотносится с той бытовой обстановкой, в которой оказываются «мыслящие» герои, а противостоит ей. Наиболее ярко этот прием контраста раскрывается в создании образа Нехлюдова. Если природа торжествует и радуется весеннему обновлению, то в противовес этому показывается удручающая атмосфера пребывания людей в тюремных камерах и беззаботная, далекая от гармоничного слияния с природой праздная и избыточная роскошью жизнь высших сословий. Если природная стихия бушует и создает факторы, вносящие в жизнь дискомфорт, то по контрасту к этому возникает образ спокойной, ничем не омраченной роскошной жизни дворянства, защищенного как от природы, так и от Бога, взывающего к их совести. Постепенно, в соответствии с происходящим в душе главного героя преобразованием, меняется взаимодействие образов природы и быта и влияние их на психологическое состояние персонажа. Нехлюдов все меньше обращает внимание на бытовые неурядицы, он открывает миру – благотворному воздействию очистительной грозы, ливня, радуге как символу ненарушимого завета между Богом и человеком. Противостояние природы и бытовой обстановки преодолевается героем, определившим свой жизненный путь как действенное служение людям, ему в предчувствии приближающейся зимы открывается свет евангельской истины, не зависимой ни от состояния природы, ни от конкретных бытовых условий. Это возвышение героя над сиюминутным течением жизни символизирует возможность человечества подняться над временем, преодолеть время, символизирует победу бессмертия и величие вечной Божественной Любви.

Список литературы

Андреева Е. П. Мастерство Л. Н. Толстого в создании образа положительного героя (на примере «Крейцеровой сонаты») // Толстовский сборник (тезисы докладов и сообщений к толстовским чтениям). Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1964. С. 39–51.

Андреева Е. П. Толстой-художник в последний период деятельности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 270 с.

Барабаш О. В. Психологический анализ в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Актуальные проблемы науки и образования: труды международного юбилейного симпозиума: в 2 томах. Т. I. Пенза, 2003. С. 405–408.

Виноградова О. Н. Эволюция образа Екатерины Масловой в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от падшей женщины до «очеловеченного» Христа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 8. С. 20–25.

Данг Тхи Тху Хьон. Природа и «пейзаж души» в романе Льва Толстого «Воскресение» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 5. С. 156–159.

Ковалев В. А. Философско-публицистический пейзаж в прозе Льва Толстого: к 160-летию со дня рождения писателя // Вестник Московского университета. Серия 10. М., 1998. № 5. С. 21–26.

Кондратьев А. С. Художественная антропология Л. Н. Толстого в прозе 80–90-х годов // Л. Н. Толстой – художник, читатель, мыслитель: материалы XXVII Международных Толстовских чтений. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2001. С. 75–83.

Маймин Е. А. Особенности портретной живописи в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Толстовский сборник. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1964. С. 13–25.

Масолова Е. А. Мифологема ветра в романе Толстого «Воскресение» // Ломоносовские чтения на Алтае: сб. научных статей международной молодежной школы-семинара, г. Барнаул, 5–8 ноября 2013 года: в 6 частях. Ч. V. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2013. С. 91–96.

Масолова Е. А. Мифологема солнца в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Русская словесность в России и Казахстан: аспекты интеграции: материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2011. С. 277–284.

Масолова Е. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: социальный, христианский и мифопоэтический дискурс. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. 220 с.

Масолова Е. А. Семантика времен года в романе Л. Толстого «Воскресение» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 230–247.

Нагина К. А. «Метель-страсть» и «Метель-судьба» в русской литературе XIX столетия // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2010. Вып. 4. С. 12–20.

Николаева С. Ю. О символике пейзажа в «Воскресении» Л. Н. Толстого // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. Тверь, 2013. Вып. 2. С. 78–85.

Основин В. В. К вопросу о творческих исканиях Л. Толстого последнего периода // Толстовский сборник № 3: доклады и сообщения V и VI Толстовских чтений. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1967. С. 51–66.

Пичугина О. В. К вопросу о внутренней хронологии романа Л. Н. Толстого «Воскресение» // Л. Н.

Толстой: художественная картина мира: сб. научных статей. Кемерово, 2011. С. 110–126.

Сотникова Т. С. Философия природы в творчестве Л. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. 24 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 32. Сер. 1. Произведения. М.: Гос. изд-во «Худ. литература», 1936. 541 с.

Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник. М.: Художественная литература, 1978. 580 с.

References

Andreeva, E. P. (1964). *Masterstvo L. N. Tolstogo v sozdanii obraza polozhitelnogo geroia (na primere "Kreitsеровой sonaty")* [L. N. Tolstoy's Skill in Creating the Image of a Positive Hero (based on "Kreutzer's Sonata")]. *Tolstovskii sbornik (tezisy докладov i soobshchenii k tolstovskim chteniiam)*. Tula, TGPU imeni L. N. Tolstogo, pp. 39–51. (In Russian)

Andreeva, E. P. (1980). *Tolstoi-khudozhnik v poslednii period deiatelnosti* [Tolstoy-Artist in the Last Period of His Literary Activity]. 270 p. Voronezh, izd-vo Voronezhskogo universiteta. (In Russian)

Barabash, O. V. (2003). *Psikhologicheskii analiz v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie"* [Psychological Analysis in the Novel "Resurrection" by Leo Tolstoy]. *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniia: Trudy mezhdunarodnogo iubileinogo simpoziuma: v 2 tomah*. T. 1. Penza, pp. 405–408. (In Russian)

Dang Tkhi Tkhu Khyon. (2014). *Priroda i "peizazh dushi" v romane Lva Tolstogo "Voskresenie"* [Nature and the "Landscape of the Soul" in Leo Tolstoy's novel "Resurrection"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*. T. 20. No. 5, pp. 156–159. (In Russian)

Храпченко, М. Б. (1978). *Lev Tolstoy kak khudozhnik* [Leo Tolstoy as an Artist]. 580 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Kovalev, V. A. (1998). *Filosofsko-publitsisticheskie peizazh v proze Lva Tolstogo: (K 160-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia)* [Philosophical and Journalistic Landscape in Leo Tolstoy's Prose: (On the 160th anniversary of the writer)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 10. No. 5, pp. 21–26. (In Russian)

Kondrat'ev, A. S. (2001). *Khudozhestvennaia antropologiya L. N. Tolstogo v proze 80–90-kh godov* [L. N. Tolstoy's Artistic Anthropology in Prose of the 80–90s]. *L. N. Tolstoy – khudozhnik, chitatel, myslitel. Materialy XXVII Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii*. Tula, TGPU imeni L. N. Tolstogo, pp. 75–83. (In Russian)

Maimin, E. A. (1964). *Osobennosti portretnoi zhivopisi v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie"* [Features of Portraiture in the Novel "Resurrection" by Leo Tolstoy]. *Tolstovskii sbornik*. Tula, TGPU imeni L. N. Tolstogo, pp. 13–25. (In Russian)

Masolova, E. A. (2013). *Mifologema vetra v romane Tolstogo "Voskresenie"* [The Mythologeme of the Wind in Tolstoy's Novel "Resurrection"]. *Sbornik nauchnykh*

statei mezhdunarodnoi molodezhnoi shkoly-seminara "Lomonosovskie chteniia na Altae", Barnaul, 5–8 noiabria, 2013. V 6 chastyah. Ch. V, pp. 91–96. Barnaul, izdatelstvo Altaiskogo univversiteta. (In Russian)

Masolova, E. A. (2011). *Mifologema solntsa v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie"* [The Mythologeme of the Sun in Tolstoy's Novel "Resurrection"]. *Russkaia slovesnost' v Rossii i Kazakhstan: aspekty integratsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 277–284. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)

Masolova, E.A. (2014). *Roman L. N. Tolstogo "Voskresenie": sotsial'nyi, khristianskii i mifopoeticheskii diskurs* [L. N. Tolstoy's Novel "Resurrection": Social, Christian and Mythopoetic Discourse]. 220 p. Novosibirsk, Izdatelstvo NGTU. (In Russian)

Masolova, E. A. (2020). *Semantika vremen goda v romane L. Tolstogo "Voskresenie"* [The Semantics of Seasons in the Novel "Resurrection" by L. Tolstoy]. *Problemy istoricheskoi poetiki*. T. 18. No. 4, pp. 230–247. (In Russian)

Nagina K. A. (2010). *"Metel'-strast'" i "Metel'-sud'ba" v russkoi literature XIX stoletiiia* ["A Snowstorm-passion" and "A Snowstorm-fate" in Russian Literature of the 19th Century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Seriya "Istoriia i filologiya". Vypusk 4, pp. 12–20. (In Russian)

Nikolaeva, S. Iu. (2013). *O simbolike peizazha v "Voskresenii" L. N. Tolstogo* [On the Symbolism of Landscape in L. N. Tolstoy's "Resurrection"]. *Vestnik TvGU*. Seriya: Filologiya. Tver, Vypusk 2, pp. 78–85. (In Russian)

Osnovin, V. V. (1967). *K voprosu o tvorcheskikh iskaniiakh L. Tolstogo poslednego perioda* [On L. Tolstoy's Creative Search of His Last Literary Period]. *Tolstovskii sbornik* No. 3, pp. 51–66. Doklady i soobshcheniia V i VI Tolstovskikh chtenii. Tula, TGPU imeni L. N. Tolstogo. (In Russian)

Pichugina, O. V. (2011). *K voprosu o vnutrennei khronologii romana L. N. Tolstogo "Voskresenie"* [On the Internal Chronology of Leo Tolstoy's Novel "Resurrection"]. *L. N. Tolstoy: Khudozhestvennaia kartina mira: sbornik nauchnykh statei*. Kemerovo, pp. 110–126. (In Russian)

Sotnikova, T. S. (1975). *Filosofiya prirody v tvorchestve L. Tolstogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Philosophy of Nature in the Works of L. Tolstoy: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 24 p. (In Russian)

Tolstoy, L. N. (1936). *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete Works in 90 Volumes]. T. 32. Seriya 1. Proizvedeniia. 541 p. Moscow. Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Vinogradova, O. N. (2019). *Evolutsiia obraza Ekateriny Maslovoi v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie": ot padshei zhenshchiny do "ochelovechennogo" Khrista* [The Evolution of the Image of Ekaterina Maslova in Leo Tolstoy's Novel "Resurrection": From the "Fallen Woman" to the "Humanized" Christ]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 12. No. 8, pp. 20–25. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021
Поступила в редакцию 15.04.2021

Маслова Анна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
ag.maslova@mail.ru

Земцова Дарья Сергеевна,
студент,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
usr11021@vyatsu.ru

Maslova Anna Gennadyevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
ag.maslova@mail.ru

Zemtsova Daria Sergeevna,
student,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
usr11021@vyatsu.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-146-154
УДК 821.161.1 + 511.1

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МАТЕМАТИКА

© Валерий Очков, Елена Гуличева, Наталья Очкова

LEO TOLSTOY AND MATHEMATICS

Valery Ochkov, Elena Gulicheva, Natalia Ochkova

The article discusses the technology of education in mathematics and literature with the use of modern information technologies (synthesis of scientific and rational forms of knowledge and art, focused on the subjective moment of the world perception). The article presents a fragment of a more general work related to the experience of reading Leo Tolstoy's fictional works through the use of methods of exact (mathematical) sciences. Leo Tolstoy, as is known, was interested in mathematics. This is evidenced by his biographical data, as well as the literary works of the writer. The article traces the facts of Leo Tolstoy's use of mathematical material. In addition, of particular interest is the description of horse racing on the Tsarskoye Selo meadow, depicted in the novel "Anna Karenina". The writer's statement that the races of horses took place on a circle of "a four-verst elliptical shape" is at odds with traditional mathematical concepts, according to which a circle as a geometric figure is not an ellipse. At the same time, Leo Tolstoy (probably, against his conscious creative will) introduced a new understanding of elliptical forms, which has every right to exist; you cannot call it a gross mistake. We propose assigning the name of Leo Tolstoy to a single closed curve ("a Tolstoy ellipse") and introducing the concept of the "Tolstoy mathematical proportion". The authors hope that the name of the new curve will be registered in the "Encyclopedia of Mathematical Curves" as a truly unique case of "an artistic error" that has enriched the field of modern mathematical knowledge.

Keywords: Leo Tolstoy, "Childhood", "Adolescence", "Youth", "War and Peace", "Anna Karenina", "Resurrection", mathematics.

В статье обсуждаются вопросы технологии образования по математике и литературе с использованием современных информационных технологий (синтез научно-рациональных форм познания и искусства, ориентированного на субъективный момент мироощущения). Представлен фрагмент более общей работы, связанной с опытом прочтения художественных произведений Л. Н. Толстого посредством привлечения методов точных (математических) наук. Л. Н. Толстой, как известно, интересовался математикой. Об этом свидетельствует биографический материал, а также литературные сочинения писателя. Авторы прослеживают факты обращения Л. Н. Толстого к математическому материалу. Кроме того, особый интерес вызывает описание скачек на Царско-сельском лугу в романе «Анна Каренина». Утверждение писателя о том, что заезды лошадей происходили на кругу «четырёхверстной эллиптической формы», расходится с традиционными математическими представлениями, согласно которым круг как геометрическая фигура – не эллипс. Вместе с тем Л. Н. Толстой (вероятно, помимо своей сознательной творческой воли) внедрил новое понимание эллиптических форм, которое имеет полное право на существование; назвать это грубой ошибкой нельзя. Предлагается присвоить имя Льва Толстого одной замкнутой кривой («эллипс Толстого») и ввести понятие математической «пропорции Толстого». Авторы надеются, что имя новой кривой будет зарегистрировано в «Энциклопедии математических кривых» в качестве действительно уникального случая «художественной ошибки», обогатившей область современного математического знания.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Детство», «Отрочество», «Юность», «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», математика.

Один из авторов данной статьи, теплотехник по образованию и компьютерный математик по сфере приложения сил, регулярно проводит со своими студентами занятия по технологии, которая на Западе обозначается несколькими аббре-

виатурами: STEM, STEAM, STREAM (см.: [Очков, Богомолова, Иванов]). В России такой учебный процесс, как правило, характеризуется словосочетаниями «междисциплинарные связи», «когнитивное образование» и т. д. STEM /

STEAM / STREAM – это буквально: Science (Наука), Technology (Технология), Engineering (Инженерное дело), Art (Искусство), Religion (Религия) и Mathematics (Математика), а также современные информационные технологии. Можно использовать и более короткую аббревиатуру SAR, традиционная расшифровка которой – удельный коэффициент поглощения (Specific Absorption Rate). Эту аббревиатуру можно понимать в прямом смысле – как поглощение электромагнитной энергии на единицу массы, а можно трактовать метафорично – как излучение и поглощение знаний или эмоций в процессе знакомства с наукой (S), искусством (A) и религией (R). Пожалуй, не будет грубой ошибкой сказать, что человеческая цивилизация исторически покоится на этих трех «китах».

Цикл наших общих занятий по учебной дисциплине «Инженерные расчеты», проводимой по данной технологии, включал математику, физику и, как ни странно, художественную литературу. Так, в частности, решалась геометрическая задача, навеянная ярким ключевым эпизодом из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», а именно скачками на Царскосельском лугу. В связи с этим конкретным эпизодом, собственно, и возник наш интерес к физико-математическим аспектам жизни и творчества великого русского писателя, интерес, подогреваемый работой [Paul M. V. Vitanyi]. В наиболее полном виде высказанные нами суждения нашли отражение в книге о математике Толстого, которую мы намереваемся издать в ближайшее время. Настоящая статья представляет собой переработанное в кратком виде изложение некоторых идей, сформулированных в этой пока еще рукописной книге.

Толстой всю жизнь так или иначе, прямо или косвенно был связан с математикой и математиками. Известно, что он учился в Императорском Казанском университете, а заявление на прием в это учебное заведение Толстой писал на имя ректора Н. И. Лобачевского, первооткрывателя неевклидовой геометрии. Математическими склонностями и интересами была вызвана деятельность братьев Толстого – Николая, Сергея и Дмитрия (Николай поступил на математический факультет Императорского Московского университета, а после переезда в Казань учился на философском факультете, он также держал экзамены в артиллерийском отделении Московского военно-учебного комитета перед отправкой на Кавказ; Сергей, обладавший тонким музыкальным слухом, учась в Казанском университете, достиг больших успехов: стал учеником Н. И. Лобачевского; Дмитрий, самый тихий и замкнутый среди братьев, всегда державшийся в

стороне от детских игр и забав, был студентом математического факультета Казанского университета).

В главе XXIV повести «Отрочество» можно прочесть следующее:

«Я готовлюсь в математический факультет, и выбор этот, по правде сказать, сделан мной единственно потому, что слова: *синусы, тангенсы, дифференциалы, интегралы* и т. д. чрезвычайно нравятся мне» [Толстой, т. 2, с. 65] (здесь и далее курсив наш. – В. О., Е. Г., Н. О.).

В главе XI повести «Юность» описана ситуация, когда герой, сдавая экзамен по математике, поступил не совсем честно: он поменялся билетами с товарищем. Учителю же, который это заметил, было сказано, что билетами они не менялись, а только дали их друг другу посмотреть. В билете, взятом Иртеневым у товарища, был вопрос о биноме Ньютона. Ответ на него герой знал. Не знал же он ответа на вопрос о сочетаниях, тесно связанных с биномом Ньютона (этот злополучный вопрос как раз достался товарищу)¹.

Толстой организовал в Ясной Поляне школу для крестьянских детей. Для них он придумывал задачи по арифметике. Можно предположить, что во время «придумываний» таких задач у писателя возникла философско-арифметическая

¹ Простейший бином Ньютона для степени, равной двум, выглядит так: $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$. В средней школе эту формулу обычно заучивают, не зная о том, что это именно бином Ньютона. Кстати, похожее на бином Ньютона выражение $a^n + b^n = c^n$ будоражило умы многих математиков в течение нескольких веков. Толстой, как можно предположить, знал об этой самой популярной и самой мистической математической теореме – теореме Ферма, которая была доказана сравнительно недавно: только в 1994 году! У польского поэта Юлиана Тувима есть стихотворение «Наука» (1923), созвучное отдельным фактам жизни Толстого. Вот начало этого текста в подстрочном переводе: «*Да, учили нас, кажется, знатно / Логарифмам, биному Ньютона, / Тщась пособиями из картона, / Бесконечность сделать понятной*». Заканчивается стихотворение пронзительно: «*Сделай милость, / Оставь меня, Боже, / Второгодником в жизненной школе*». В поэтическом переводе Давида Самойлова бином Ньютона и Бог «пропали»: «*Всем премудростям я обучался: / Логарифмы, задачи, квадраты. / Грыз я формулы. / Запанибрата / С бесконечностью я обращался. <...> Ах, остаться бы мне, если можно, / Второгодником в жизненной школе!*» [Тувим, с. 62]. Отсутствие слова «Бог» в форме обращения объяснимо: в советское время в рамках атеистической пропаганды на него было наложено табу. Однако почему переводчик пропустил «бином Ньютона»?

мысль, которую он отразил во втором томе «Круга чтения»:

«Человек – дробь. Числитель – это его внешние, телесные и умственные качества, сравнительно с другими; знаменатель – это оценка человеком самого себя. Увеличить своего числителя – свои качества – не во власти человека, но уменьшить своего знаменателя – свое мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству – во власти каждого человека» (9 ноября) [Толстой, т. 42, с. 235–236].

Толстой в незаконченном наброске «Моя жизнь» (1978) говорил о себе:

«Я родился в Ясной Поляне, Тульской губернии Крапивенского уезда, 1828 года 28 августа» [Толстой, т. 23, с. 465].

А. В. Цингер в очерке «У Толстых» вспоминал слова писателя, сказанные им 28 августа 1891 года в Ясной Поляне, в день своего 63-летия:

«Я родился в двадцать восьмом году, двадцать восьмого числа <...> и всю мою жизнь двадцать восемь было для меня самым счастливым числом. И вот только недавно мне пришлось узнать, что и в математике двадцать восемь есть особенное „совершенное“ число» [Международный толстовский альманах, с. 382].

Совершенное число – это натуральное число, равное сумме всех своих собственных делителей, то есть всех положительных делителей, отличных от самого числа (о числовой символике в жизни и судьбе Толстого см.: [Полосина]).

Работа с целыми числами связана с такими важными разделами математики, как комбинаторика и шифровальное дело. В «Анне Карениной» есть сцена (часть IV, глава XIII), когда Левин и Китти, улаживая свои отношения, переписываются мелом на зеленом сукне ломберного столика. Для этого они используют *шифр-аббревиатуру*, понятную только им. Здесь мы легко фиксируем двойную тайнопись. Ведь герои уединяются, чтобы их никто не слышал. Более того, даже уединившись, они шифруют сообщения – настолько их разговор сокровенен.

«– Я давно хотел спросить у вас одну вещь.

Он глядел ей прямо в ласковые, хотя и испуганные глаза.

– Пожалуйста, спросите.

– Вот, – сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э. н. и. т? <...>

Он быстро стер написанное, подал ей мел и встал. Она написала: т, я, н, м, и, о. <...>

– Ну, так вот прочтите. Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала! – Она записала начальные буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б» [Толстой, т. 18, с. 417–418].

Эти цепочки букв означали следующее: «когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?», «тогда я не могла иначе ответить», «чтобы вы могли забыть и простить, что было».

У Толстого цепочки букв написаны строчно и разделены запятыми. Однако их можно записать в виде аббревиатур, тогда эти цепочки будут похожи на слова особого (искусственного) языка, которые могут быть перебраны с помощью специальной компьютерной программы.

Вспомним, что Пьер Безухов в «Войне и мире» (том III, часть I, глава XIX) пытался расшифровать имена Наполеона и Александра I, переводя буквы в числа и проводя затем над ними арифметические операции, в которых ему мерещилось скрытое «число зверя».

«Он написал Le Russe Besuhoff и, сочтя цифры, получил 671. Только 5 было лишнее; 5 означает „е“, то самое „е“, которое было откинута в article перед словом L'empereur. Откинув точно так же, хотя и неправильно, „е“, Пьер получил искомый ответ; L'Russe Besuhof, равное 666-ти. Открытие это взволновало его. Как, какой связью был он соединен с тем великим событием, которое было предсказано в Апокалипсисе, он не знал; но он ни на минуту не усумнился в этой связи. Его любовь к Ростовой, антихрист, нашествие Наполеона, комета, 666, l'empereur Napoléon и l'Russe Besuhof – все это вместе должно было созреть, разразиться и вывести его из того заколдованного, ничтожного мира московских привычек, в которых, он чувствовал себя пленным, и привести его к великому подвигу и великому счастью» [Толстой, т. 11, с. 78].

В «Анне Карениной» (часть II, глава XXV) о скачках на Царскосельском лугу читаем следующее:

«Скачки должны были происходить на большом четырехверстном эллиптической формы кругу пред беседкой» [Толстой, т. 18, с. 206].

Этот «гипподром», как сказано у Толстого, имел все же форму не эллипса (эллипс – частный случай овала), а обычных беговых дорожек (на стадионах) – два отрезка прямых, соединенных полуокружностями или другими кривыми линиями. Толстой, как нам кажется, по каким-то собственным эстетическим, а не формальным причинам выбрал слово «эллипс» (ср. деталь кабинета Каренина в части III, главе XIV описана так: «над креслом висел *овальный*, в золотой раме, прекрасно сделанный знаменитым художни-

ком портрет Анны» [Толстой, т. 18, с. 299]. Для Толстого слова «овал» и «эллипс» были синонимичными. Овал – нечто компактное (медальон, фарфоровое блюдо, портрет или зеркало на стене), а эллипс как фигура более «грандиозна». Однако знал ли Толстой четкое математическое определение эллипса? Ответить на этот вопрос нам поможет цитата из романа «Анна Каренина» (часть III, глава III):

«– Самолюбия, – сказал Левин, задетый за живое словами брата, – я не понимаю. Когда бы в университете мне сказали, что другие понимают интегральное вычисление, а я не понимаю, – тут самолюбие» [Толстой, т. 18, с. 256].

У Толстого, как можно судить, исходя из фактов его биографии, были довольно сложные отношения с *высшей математикой*², а Константин Левин – alter ego писателя. В «Войне и мире» старый князь Болконский мучал свою дочь математикой. Княжну Марью тоже можно считать неким двойником Толстого. Редактором и переписчиком «Анны Карениной» была жена Софья Андреевна Толстая, у которой, как можно предположить, были еще более сложные отношения с математикой. В противном случае она не пропустила бы слово «эллипс», а настояла бы на том, чтобы Толстой внес в описание сцены именно «овальную» форму дорожки ипподрома.

Допустим, что беговая дорожка Царскосельского ипподрома на самом деле имела форму эллипса: допустим, ее размечали на огромном лугу простым способом, то есть вбивая в землю на расстоянии одной версты друг от друга два колышка, привязывая к ним веревку, натягивая ее и прочерчивая таким веревочным циркулем эллипс с периметром в четыре версты. Эллипс не просто замкнутая кривая овальной формы, а геометрическое место точек на плоскости, у которых сумма расстояний до двух фокусов равно заданному значению. В данном случае эта сумма как искомая величина – длина веревки для разметки. Какой должна быть длина веревки, привязанной концами к двум колышкам, отстоящим друг от друга на версту, чтобы длина прочерченного такой веревкой эллипса была равна четырем вер-

стам? Чтобы ответить на этот вопрос, надо решить задачу через поиск корня системы трех уравнений, одно из которых включает в себя определенный интеграл, по которому рассчитывается длина дуги полуэллипса. Вот какие были сложные отношения с математикой у «Толстого-Левина»!

Но задачу о царскосельском эллипсе можно решить по-иному – задать не расстояние между фокусами, а внести «красивое» дополнительное условие: допустить, что эллипс не простой, а «золотой», у которого диаметры находятся в «золотой пропорции». Это дает основание сделать еще одну математическую выкладку: наряду с «золотым» допустить наличие «серебряного сечения», о котором знают мало, ибо его формулу труднее запомнить. Тем не менее формулу «серебряного сечения» Царскосельского ипподрома определить также несложно через интегральное исчисление. Многие математики полагают, что «серебряное сечение» изящнее потому, что в него запрятан квадратный корень из двух, а не из пяти, как в «золотом сечении».

Любовные треугольники, описанные в романе «Анна Каренина», ассоциируются с так и нерешенной аналитически задачей математической физики – задачей о трех небесных телах, где также при численных методах используется интегральное исчисление, так волновавшее «Толстого-Левина». Эта проблема упоминается Толстым в контексте отношений между людьми в романе «Воскресение» (часть III, глава XX):

«– Ну, что проблема трех тел? – прошептал еще Крыльцов и трудно, тяжело улыбнулся. – Мудреное решение?»

Нехлюдов не понял, но Марья Павловна объяснила ему, что это знаменитая математическая проблема определения отношения трех тел: солнца, луны и земли, и что Крыльцов шутя придумал это сравнение с отношением Нехлюдова, Катюши и Симонсона. Крыльцов кивнул головой в знак того, что Марья Павловна верно объяснила его шутку» [Толстой, т. 32, с. 256].

Но «трех небесным телам» самое, казалось бы, место в «Анне Карениной». «Частные случаи» этой проблемы описаны именно в этом произведении: Стива имел роман с гувернанткой, старший брат Вронского содержал танцовщицу, у князя Чеченского (петербургский приятель Облонского) были две семьи, и, наконец, Анна в одном из своих кошмарных снов одновременно «живет» со своими двумя Алексеем – Алексеем Александровичем и Алексеем Кирилловичем. Почему же тогда иллюстрация отношений людей через задачу о движении планет появляется

² Слово «математика» в форме, обозначающей профессию человека, в «Анне Карениной» (часть II, глава XIV) встречается всего лишь однажды – в диалоге Стивы Облонского и Левина: «– Женщина, видишь ли, это такой предмет, что, сколько ты ни изучай ее, все будет совершенно новое. – Так уж лучше не изучать. – Нет. Какой-то математик сказал, что наслаждение не в открытии истины, но в искании ее» [Толстой, т. 18, с. 170].

только в романе «Воскресение»? Можно предположить, что в многочисленных рецензиях на «Анну Каренину» имелись упоминания данной физико-математической задачи, и Толстой решил сказать о ней в «Воскресении». С другой стороны, сравнение людей с небесными телами – довольно банальный прием, и Толстой, виртуозный стилист, не стал использовать его в «Анне Карениной», а лишь *вскользь* упомянул в последнем романе.

Приземленная небесная механика называется баллистикой. Если выстрелить из пушки и предположить, что Земля плоская и сопротивления воздуха нет, а ускорение свободного падения константно, то снаряд полетит строго по параболе. Если же Землю «закручивать» в шар, то параболическая траектория снаряда тоже будет «закручиваться» в эллипс (первая космическая скорость и ниже) или, наоборот, «раскручиваться» в гиперболу (вторая космическая скорость и выше). Эллипс в переводе с древнегреческого – «опущение», «нехватка», «недостаток»: недостаток эксцентриситета до единицы (у параболы эксцентриситет равен единице, у гиперболы он больше, а у эллипса меньше единицы). Толстой изучал древнегреческий язык и наверняка мог вникнуть в смысл слова «эллипс» не только с позиций математики, но и со стороны языкознания, точнее – этимологии, одного из его разделов³.

В романе «Воскресение» (часть II, глава XVI) есть такое описание:

«Сообразив, куда прежде, куда после ехать, чтоб не возвращаться, Нехлюдов прежде всего направился в сенат» [Толстой, т. 32, с. 255].

Оно затрагивает интересную комбинаторную оптимизационную задачу математики – «задачу коммивояжера», которая заключается в поиске самого выгодного маршрута, проходящего через

указанные города по одному разу. Нехлюдов в Петербурге оказался в роли коммивояжера: он обивал пороги государственных учреждений в надежде изменить приговор Масловой – жертвы судебной ошибки.

Математики и программисты создали много алгоритмов решения этой задачи, самый эффективный называется «муравьиным алгоритмом». Слово «муравьиный» в контексте разговора о Толстом вызывает известные воспоминания писателя о «муравейном» братстве:

«...когда нам с братьями было – мне 5, Митеньке 6, Сереже 7 лет, объявил нам Николенка, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравьиными братьями <...> Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого заказа...»⁴ [Толстой, т. 34, с. 385].

В основе «муравьиного алгоритма» решения задачи коммивояжера лежит поведение муравьиной колонии – маркировка более удачных путей большим количеством феромона. Чем больше времени требуется для прохождения пути до цели и обратно, тем сильнее испарится феромонная тропа. Задача коммивояжера решается в рамках такого раздела математики, как «теория графов». Граф – математический объект, состоящий из вершин и соединяющих их ребер. Вершины – это города, а ребра – это дороги между городами, если иметь в виду задачу коммивояжера⁵.

³ М. А. Булгаков в «Белой гвардии» вложил в уста одного из героев следующую фразу: «„Войну и мир“ читал... Вот, действительно, книга. До самого конца прочитал – и с удовольствием. А почему? Потому что писал не обормот какой-нибудь, а артиллерийский офицер <...> вот-с писатель был граф Лев Николаевич Толстой, артиллерии поручик... Жалко, что бросил служить... до генерала бы дослужился... Впрочем, что ж, у него имение было... Можно и от скуки роман написать... зимой делать не черта... В имении это просто...» [Булгаков, с. 144]. Толстой был артиллерийским офицером и должен был непременно знать азы баллистики с ее эллипсом, параболой и гиперболой. Не забыл Булгаков и о упомянутом ранее толстовском двучлене – «Подумаешь, бином Ньютона!». Это восклицание стало крылатым выражением.

⁴ Здесь таятся вечные вопросы русской литературы и общественной мысли: «кто виноват?» и «что делать?» Когда-то считалось, что, если людей накормить, они станут счастливыми. Но оказалось, что это не так. Потом предположили, что многие люди несчастливы и не понимают друг друга из-за недостатка информации. Сейчас, в век Интернета, такого дефицита нет. Однако согласимся, что они не стали «муравьиными братьями». Более того, мутные и беспорядочные потоки информации, фейки в социальных сетях, увы, еще больше рассорили людей и даже целые народы...

⁵ Есть интересный рассказ, относящийся к этой теме. Однажды готовилась рукопись книги по математике под названием «Графы и деревья» (дерево – особый вид графа, не содержащего циклов). Когда работа над книгой подходила к концу, то стали думать о ее обложке. Художник издательства, не вникая в суть книги, а взглянув только на ее название, выбрал для об-

Толстым подробно описана дуэль в «Войне и мире» (поединок Пьера Безухова с Долоховым). В «Анне Карениной» эта тема также затронута: первая мысль Вронского после того, как он узнал от Анны, что она призналась мужу в своей измене, была мысль о неизбежной дуэли с Карениным. Вронский должен был подвергнуть себя смертельной опасности: намеренно промахнуться и выдержать (пережить) выстрел Каренина. Однако муж Анны после мучительных раздумий от идеи дуэли отказался. Вронский же долго ждал вызова Каренина и решил в конце концов выстрелить сам в себя – за Каренина. Этим Вронский спасал свою «честь». Вот такая необычная *односторонняя дуэль* описана в «Анне Карениной». А могла произойти в этом романе и *трехсторонняя дуэль*! Каким образом?

Допустим, Вронский, Каренин и Стива Облонский решили провести поединок. Стива Облонский принимал деятельное участие в судьбе своей сестры Анны, разрываясь между Вронским и Карениным. Представим себе, что Вронский, как офицер, стреляет безупречно, то есть метко попадает в цель на определенной дистанции. Стива тоже хороший стрелок: он поражает цель в подавляющем большинстве случаев. Каренин, напротив, плохой стрелок. Дуэлянты, вообразим, бросают жребий, кому стрелять первому, второму и третьему, и стреляют «до победного конца». Очередной стреляющий вправе выбирать цель. Как пройдет такая дуэль? Кто имеет наивысшие шансы выйти из нее «победителем»? Такая дуэль, конечно, немыслима ни в жизни, ни в литературе, но описана в математике с занимательным решением этой необычной статистической задачи.

Одно из ранних названий романа «Анна Каренина» – «Два брака». Имелся в виду брак Левина с Китти Щербацкой и незаконченный гражданский брак Анны Карениной с Вронским. Основная идея романа⁶, как полагают, заключается в том, что брак, основанный на чувственности, «животной страсти» не может быть понастоящему счастливым: он заканчивается трагически. Брак, в котором одновременно присутствует и чувственность, и духовность – другое

ложки знаменитую фотографию Толстого, бредущего с собаками среди деревьев Ясной Поляны.

⁶ Основную идею романа точно и кратко, хотя и с элементом иронии, описал Н. А. Некрасов в своей эпиграмме «Автору „Анны Карениной“ (Из „Записной книжки“)» (1876): «Толстой, ты доказал с терпением и талантом, / Что женщине не следует „гулять“ / Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом, / Когда она жена и мать» [Некрасов, с. 172].

дело. Однако дилемму духовности и чувственности можно попытаться спроецировать и на численные и аналитические (символьные) методы решения математических задач («вручную», на компьютере). Только сочетание духовности (аналитика, символ) и чувственности (число) приводит к успешному гибриднему решению задач в математике.

В романе «Война и мир» (том III, часть III, глава I) Толстой писал:

«Принимая все более и более мелкие единицы движения, мы только приближаемся к решению вопроса, но никогда не достигаем его. Только допустив бесконечно-малую величину⁷ и восходящую от нее прогрессию до одной десятой и взяв сумму этой геометрической прогрессии, мы достигаем решения вопроса. Новая отрасль математики, достигнув искусства обращаться с бесконечно-малыми величинами, и в других более сложных вопросах движения дает теперь ответы на вопросы, казавшиеся неразрешимыми.

Эта новая, неизвестная древним, отрасль математики, при рассмотрении вопросов движения, допуская бесконечно-малые величины, то есть такие, при которых восстанавливается главное условие движения (абсолютная непрерывность), тем самым исправляет ту неизбежную ошибку, которую ум человеческий не может не делать, рассматривая вместо непрерывного движения отдельные единицы движения» [Толстой, т. 11, с. 265–266].

В этих двух абзацах Толстой попробовал спроецировать теорию дифференциального исчисления на понимание сущности исторических процессов, на соотношение личности и народных масс, войны и мира. В настоящее время к такой работе стремятся подключить и математиков, создающих для суперкомпьютеров специальные программы. Однако следует отметить, что еще при жизни Толстого появилась квантовая механика, которая оперирует минимальными количествами физических величин, которые делить уже нельзя. Так что приведенные два абзаца не только «громоздки» с точки зрения языка – по смысловой своей составляющей они стали не совсем верными еще при жизни Толстого. Так, в 1900 году Макс Планк постулировал фотон. Вместе с тем сегодня, в наши дни, по отдельности ни волновая, ни корпускулярная теории света не могут объяснить это физическое явление. Приходится

⁷ Эти величины, а также производные и интегралы, изучаются в разделе математики под названием «математический анализ». Однако это название (калька с немецкого) не совсем верное, поскольку любой раздел математики может быть так поименован. В английском языке используется термин «calculus», «infinitesimal calculus» – «вычисление бесконечно-малых величин».

говорить о двойственной сущности света и других физических субстанций. Физика элементарных частиц стала настолько сложной и запутанной, что ее «сдать не на единицу» не сможет не только «Толстой-Левин», но и многие весьма способные студенты.

Два первых автора статьи – преподаватели вуза. Это часто мешает им наслаждаться художественной литературой, потому что приходится – в соответствии с профессиональными задачами – обращать внимание не только на стилистическую сторону прочитываемых текстов, но и на их научно-техническую суть. Иногда хочется «отредактировать» корифеев, вопреки их вполне заслуженному авторитету и всемирной славе! Толстовское словосочетание «круг эллиптической формы» режет слух человека, знакомого с элементарной геометрией: круг все же – это частный случай эллипса, если под эллипсом понимать плоскую геометрическую фигуру, а не плоскую замкнутую кривую второго порядка. Можно предположить, что Толстой, наблюдая за лошадьми на скачках, представлял себе естественные спутники, вращающиеся вокруг планеты по эллиптическим или круговым орбитам; отсюда, по-видимому, и возник «эллипс» вместо «овала».

Если в математическом определении эллипса сумму заменить на *произведение*, то мы получим так называемый «овал Кассини». Овалы Кассини – геометрическое место точек на плоскости, произведение (не сумма!) расстояний от которых до двух фокусов является постоянной величиной. Овал Кассини (замкнутая кривая уже не второго (эллипс), а четвертого порядка) – это, пожалуй, самая подходящая кривая для ипподрома. В самом деле, если увеличивать произведение длин отрезков от фокусов до овала Кассини (константа L), то сначала из двух точек-фокусов вырастут два грушевидных овала, которые коснутся друг друга, образуя так называемую «лемнискату Бернулли». Далее формируется единый овал с «талией», которая будет утолщаться и в определенный момент пропадет (см. «виньетку» в конце статьи). Все это приводит к мыслям о возникновении семьи (по Толстому, подчеркнем!). При стремлении константы L к бесконечности и овал Кассини, и эллипс стремятся к окружности (толстовский «круг эллиптической формы»). Это можно уподобить смерти, о которой Толстой много писал (сцена кончины брата Левина, повесть «Смерть Ивана Ильича» и др.). Если же идти в обратную сторону – уменьшать значение константы L , то получится вполне реалистичная картина деления живой клетки: у клетки появляется «талиа», которая постепенно утончается, что в конце концов и делит клетку. Среди овалов

Кассини есть такой, у которого в двух противоположных по вертикали вершинах не только первая, но и вторая производная равна нулю (пропадает «талиа»), а участки овала вблизи этих точек почти прямолинейны. При необходимости этот овал можно разрезать пополам, а получившиеся полуовалы раздвинуть в стороны, соединив их концы отрезками прямых. Кривизна такой замкнутой линии не будет меняться скачком. Подобные кривые, у которых кривизна плавно меняется от нуля (прямолинейный участок) до заданной кривизны (дуга окружности), используются при проектировании железнодорожных путей. А именно там, на этих путях, произошла первая встреча Анны Карениной с Алексеем Вронским, и там же трагически закончилась жизнь героини романа.

Овалу с двумя нулевыми производными первого и второго порядков, подходящему по форме ипподрома или замкнутого испытательного железнодорожного полигона, можно дать имя «эллипс Льва Толстого» («эллипс Толстого»). Не овала, а эллипса: мы должны оставлять в памяти потомков не только достижения, но и «фрейдовские» ошибки великих людей. Обоснованием же для такой номинации является настоящая статья. У эллипса Толстого параметр L равен половине фокусного расстояния, умноженной на корень из двух. Новое имя кривой необходимо будет зарегистрировать в особой «Энциклопедии математических кривых».

Имена всемирно известных людей часто присваивают безымянным небесным объектам (астероидам, например), хотя эти люди не имеют никакого отношения к этим небесным телам. Безымянными же они являлись потому, что не было определено имя астронома, открывшего небесное тело или не хватало астрономов для таких номинаций. Представляется, что давать имя человека – не математика – математическим объектам является хорошей идеей! Многие из них уже носят имена своих первооткрывателей... «Эллипс Толстого», «эллиптический овал Толстого» – звучит красиво, отсылая нас к одному из величайших произведений мировой литературы, к роману «Анна Каренина», автор которого имел непростые отношения с математикой вообще, с эллипсом и интегралом в частности. Пропорции же «эллипса Толстого», то есть отношению малого диаметра к большому, равному квадратному корню из двух третей (это примерно 0,816), можно также присвоить имя Льва Толстого. Можно дать старт вычислительной «гонке»: кто подсчитает (конечно, на компьютере) максимальное число знаков в «золотой пропорции» Льва Толстого, а именно в квадратном корне из

2/3? Запомнить «золотую пропорцию» Толстого просто: необходимо в обычной и знакомой «золотой пропорции» поменять местами две цифры – было 0,618, стало 0,816.

В произведениях, высказываниях и письмах Толстого можно обнаружить нескрываемое положительное отношение к людям математики:

«Мальчик выдавался блестящими способностями и огромным самолюбием, вследствие чего он был первым и по наукам, в особенности по математике, к которой он имел особенное пристрастие» («Отец Сергей») [Толстой, т. 31, с. 4].

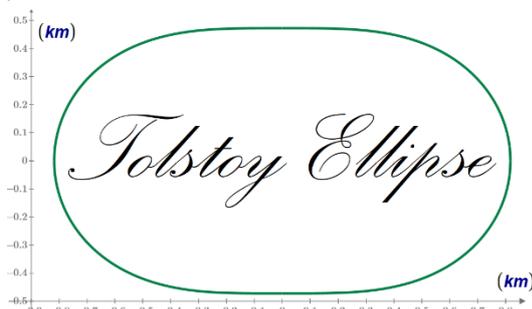
«Учился он легко и в гимназии и в университете и кончил курс первым кандидатом математического факультета. Ему предлагали оставаться при университете и ехать за границу» («Воскресение», часть III, глава VI) [Толстой, т. 32, с. 374].

В этом при желании можно заметить некую «белую зависть» Толстого к своим героям, знающим математику. И. С. Тургенев в «Записках охотника» писал:

«Сошелся я в поле... с одним страстным охотником и, следовательно, отличным человеком» [Тургенев, с. 8].

Толстой же, вероятно, мог так сказать о человеке физико-математической профессии: «Он был страстным математиком и, следовательно, отличным человеком».

В качестве «виньетки», завершающей текст статьи, мы помещаем эллипс Толстого с километрами на плане Царскосельского ипподрома («четырёхверстного круга эллиптической формы»).

Список литературы

Булгаков М. А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Повести. Рассказы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, Звездный мир, 2003. 656 с.

Международный толстовский альманах: о Толстом / сост. П. Сергеенко. М.: Книга, 1909. 431 с.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 томах. Т. III. Л.: Наука, 1982. 511 с.

Очков В. Ф., Богомолова Е. П., Иванов Д. А. Физико-математические этюды с Mathcad и Интернет. СПб.: Изд-во «Лань». 2018. 484 с.

Полосина А. Двадцать восемь есть особенное «совершенное» число // Нева. 2009. № 2. С. 217–225.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М.: Художественная литература, 1928–1958.

Тувим Ю. Весны и осени: стихи / пер. с польск. Д. Самойлова. М.: Детгиз, 1959. 127 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. III. М.: Наука, 1978. 526 с.

Paul M. B. Vitányi. Tolstoy's Mathematics in War and Peace // Mathematical Intelligencer. Vol. 35. № 1. (2013). Pp. 71–75.

References

Bulgakov, M. A. (2003). *Belaia gvardiia. Master i Margarita. Povesti. Rasskazy* [White Guard. Master and Margarita. Stories]. 656 p. Moscow, OLMA-PRESS, Zviodznyi mir. (In Russian)

Mezhdunarodnyi tolstovskii al'manakh: o Tolstom (1909) [International Tolstoy Almanac: About Tolstoy] Sost. P. Sergeenko. 431 p. Moscow, Kniga. (In Russian)

Nekrasov, N. A. (1982). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tomakh* [Complete Works and Letters in 15 Volumes]. Т. III. 511 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Ochkov, V. F., Bogomolova, E. P., Ivanov, D. A. (2018). *Fiziko-matematicheskie et'udy s Mathcad i Internet* [Physical and Mathematical Studies with Mathcad and the Internet]. 484 p. St. Petersburg, Izd-vo "Lan". (In Russian)

Paul, M. B. Vitányi (2013). *Tolstoy's Mathematics in War and Peace*. Mathematical Intelligencer. Vol. 35. No. 1, pp. 71–75. (In English)

Polosina, A. (2009). *Dvadsat' vosem' est' osobennoe "sovershennoe" chislo* [Twenty-Eight Is a Special "Perfect" Number]. Neva. No. 2, pp. 217–225. (In Russian)

Tolstoy, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tomakh* [Complete Works in 90 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tuvim, Ju. (1959). *Vesny i oseni: stikhi* [Springs and Autumns: Poems]. Per. s pol'sk. D. Samoilova. 127 p. Moscow, Detgiz. (In Russian)

Turgenev, I. S. (1978). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tomakh* [Complete Works and Letters in 15 Volumes]. Т. III. 526 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021
Поступила в редакцию 15.04.2021

Очков Валерий Федорович,
доктор технических наук,
профессор,
НИУ «Московский энергетический
институт»,
111250, Россия, Москва,
Красноказарменная, 14.
ochkovvf@mpei.ru

Гуличева Елена Геннадиевна,
кандидат технических наук,
ассистент,
НИУ «Московский энергетический
институт»,
111250, Россия, Москва,
Красноказарменная, 14.
gulichevayg@mpei.ru

Очкова Наталья Валерьевна,
студентка,
НИУ «Высшая школа экономики»,

105066, Россия, Москва,
Старая Басманная, 21/4.
nochkova@gmail.com

Ochkov Valery Fiodorovich,
Doctor of Technical Sciences,
Professor,
National Research University “MPEI”,

14 Krasnokazarmennaya Str.,
Moscow, 111250, Russian Federation.
ochkovvf@mpei.ru

Gulicheva Elena Gennadievna,
Ph.D. in Technical Sciences,
Assistant Professor,
National Research University “MPEI”,

14 Krasnokazarmennaya Str.,
Moscow, 111250, Russian Federation.
gulichevayg@mpei.ru

Ochkova Natalia Valerievna,
student,
National Research University
“Higher School of Economics”,
21/4Staraya Basmannaya Str.,
Moscow, 105066, Russian Federation.
nochkova@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-155-158
УДК 821.161.1.09:378.4

**ФЕНОМЕН ЛЬВА ТОЛСТОГО В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. Н. АЗБУКИНА
(ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА)**

© Алексей Пашкуров

**THE PHENOMENON OF LEO TOLSTOY IN V. AZBUKIN'S
RESEARCH INTERPRETATION (BASED ON THE LECTURE COURSE
ON THE HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE
OF THE LATE NINETEENTH CENTURY)**

Aleksey Pashkurov

The review focuses on the concept of Leo Tolstoy's phenomenon in scientific works of Vladislav Nikolaevich Azbukin (1932–1999), one of the patriarchs of the Kazan literary school in the 20th century. Special attention is paid to the "Tolstoyan" section of the lecture course on the history of Russian literature of the late 19th century, which was delivered to the students of Kazan State University by this well-known literary scholar in the last quarter of the 20th century.

For V. Azbukin, the major tasks in the course of academic and research representation and analysis of Leo Tolstoy's phenomenology were the following:

- general characteristics of the great writer's personality and his discoveries against the background of global and national literary culture;
- the problem of a dialogue between Leo Tolstoy, his creative heritage and his predecessors, contemporaries and descendants;
- a system-oriented and chronological analysis of Tolstoy's literary career stages from the perspective of his worldview genesis, evolution and typology as a writer-philosopher and enlightener.

Of great importance is the constant correlation, carried out by the Kazan scholar, between the phenomenon of Leo Tolstoy's personality and work, and Fyodor Dostoevsky's discoveries and interpretations.

The research is based on the materials from the personal archive of the author of the given article.

The article is written in commemoration of the 90th jubilee of the literary scholar in the year 2022.

Keywords: Kazan literary school of the 20th century, V. Azbukin, personality and creative work of Leo Tolstoy, lectures on the history of Russian literature of the late 20th century.

В центре внимания статьи – обзор исследовательской концепции феномена Льва Толстого в научном творчестве одного из старейшин Казанской литературоведческой школы XX века – Владислава Николаевича Азбукина (1932–1999). Основное внимание уделено «толстовскому» разделу лекционного курса по истории русской литературы третьей трети XIX века, читавшегося известным литературоведом для студентов Казанского государственного университета в последней четверти XX столетия.

Основными задачами в ходе учебно-исследовательского представления и анализа феноменологии Л. Н. Толстого для В. Н. Азбукина были:

- общая характеристика личности великого писателя и его открытий в контексте мировой и отечественной литературной культуры;
- проблема диалога Л. Н. Толстого и его творческого наследия с предшественниками, современниками и потомками;
- системно-хронологический анализ этапов толстовского творчества через призму вопроса о генезисе, эволюции и типологии мировоззрения писателя-философа и писателя-просветителя.

Важнейшую роль играло также постоянное соотнесение казанским ученым феномена личности и творчества Л. Н. Толстого с открытиями и интерпретациями Ф. М. Достоевского.

В работе использованы материалы личного архива автора данной статьи.

Статья приурочена к 90-летнему юбилею литературоведа в 2022 году.

Ключевые слова: Казанская литературоведческая школа XX века, В. Н. Азбукин, личность и творчество Л. Н. Толстого, лекции по истории русской литературы третьей трети XIX века.

В 2022 году исполняется 90 лет со дня рождения одного из старейшин Казанской литературоведческой школы и одного из ее основателей в XX веке – Владислава Николаевича Азбукина (1932–1999).

Сердцем исследовательского творчества учебного было изучение вопросов поэтики Ф. М. Достоевского, но именно от этой отправной точки шло дальше в трудах казанского литературоведа движение к целому спектру других важнейших аспектов отечественной литературной культуры второй половины XIX века: как теоретико-методологического плана (сравним концепцию типов писательских индивидуальностей в коллективной монографии 1980 года – глава «Типы писателей в русской литературе последней трети XIX века» [Азбукин, 1980]), так и обширного историко-литературного профиля.

В русле поиска в этом втором направлении и возникает в научном творчестве В. Н. Азбукина закономерно глубокий интерес к творчеству Л. Н. Толстого; интересно при этом, что нередко анализ открытий Л. Н. Толстого и его философии вновь идет у литературоведа через призму мировоззрения Ф. М. Достоевского (показательна, к примеру, глава в коллективной монографии [Жанры русской литературной критики 70-80-х годов XIX века]).

По ясным и весомым причинам значительнейшее место занимал феномен Л. Н. Толстого и в цикле лекций В. Н. Азбукина «История русской литературы третьей трети XIX века».

Основными задачами «толстовского цикла» в общей картине курса были:

- общая характеристика Л. Н. Толстого, его личности и его открытий в контексте мировой и отечественной литературной культуры;
- проблема диалогов великого писателя с предшественниками, современниками и потомками;
- хронологически поступательный анализ основных этапов толстовского творчества в преломлении через вопрос о генезисе, эволюции и типологии мировоззрения писателя-философа и писателя-просветителя.

Пролог «толстовской» части лекционного курса В. Н. Азбукина сразу фокусировал внимание студентов-слушателей на двух глобальных показателях Толстовского мифа в литературной культуре: это временная панорама – и диапазон суждений о даровании гениального писателя, причем первый аспект рассмотрения логично

«перетекал» дальше во второй, «60 лет в литературе», «Современник Пушкина – и современник Ленина» [Азбукин, 1991, л. 60] – и тут же переход к обширнейшему полотну оценочных суждений: от Ф. М. Достоевского к А. М. Горькому, Б. Л. Пастернаку и известнейшим общественным деятелям XX столетия.

«Во все времена во всей мировой литературе не было таланта больше, чем Толстой» (Ф. М. Достоевский); «Толстой сказал о русской жизни почти столько же, сколько вся наша литература» (М. Горький) [Там же, л. 60–61] – это зеркало восприятия от классического XIX века к истокам XX века. И – даже без комментариев прозрачные в своей мифотворческой глобальности суждения людей следующего века:

а) «В случае необходимости, можно удовлетвориться двумя книгами – Евангелием и „Войной и миром“...» (Б. Л. Пастернак);

б) «В „Войне и мире“ можно найти ответы на все вопросы...» (Ф. Миттеран) [Там же, л. 68].

Помимо отмеченных нами выше двух смысловых «полюсов» рецепции и интерпретации толстовского уникама, важно обратить внимание в исследовательской концепции казанского филолога и еще на один очень существенный момент, а именно: на постоянное соотнесение объективных границ хронологии с эволюционирующим содержанием. Так, только еще «открывая двери» в мир Л. Н. Толстого и приглашая молодых филологов к диалогу с ним, В. Н. Азбукин высвечивал символизм первой яркой творческой даты: 1852 год, год вхождения Л. Н. Толстого в литературную культуру, в истории русской литературы одновременно и закат «натуральной школы» и год ухода основателя отечественного романтизма В. А. Жуковского [Там же, л. 61].

Бесспорно, что такая масштабнейшая фигура, как Л. Н. Толстой, не могла не вызвать – и уже у очевидцев-современников! – весьма разноречивые суждения. Одним из таких красиво противоречивших самому себе оказывался... И. С. Тургенев, писатель-центр предыдущего курса, посвященного истории русской литературы второй трети XIX века. Признанный классик-эстет, с одной стороны, не без удивления и замешательства вынужден был сразу отметить практически полное несоответствие «Войны и мира» канонам исторической прозы («Странный исторический роман. Где тут черты эпохи, где краски исторические?») [Там же, л. 71]), но в то же время, с дру-

гой стороны, в итоговом суждении четко и безоговорочно признал вневременное бессмертие толстовского романа-эпопеи («Есть тут вещи, которые не умрут, пока будет существовать русская речь...») [Там же, л. 67]).

Следующей ключевой ступенью в учебно-исследовательской концепции В. Н. Азбукина выступал комплексный анализ вопроса «Творчество Толстого как проблема». Здесь литературовед и наставник сразу переносил главное внимание молодой аудитории на три аспекта:

а) масштабность погружения Л. Н. Толстого в человеческую феноменологию и время («Во всех своих героев Толстой вложил общечеловеческое содержание. Его герои очень близки простым обычным людям. Не случайно Андрей Сахаров заметил, что „... героев «Войны и мира» мы знаем лучше, чем соседей по подъезду...“») [Там же, л. 62]; «Весь XIX век прошел перед ним и художественно им изображен...» [Там же, л. 60]);

б) «Трудность творчества» как аксиома толстовского мифа («Толстой – писатель-мыслитель ... вторгался в жизнь читателя и требовал изменений...») [Там же, л. 61]);

в) феномен авторитета Л. Н. Толстого (55 тысяч сохранившихся писем писателя и 50 тысяч письменных посланий людей – к нему самому [Там же, л. 61]);

г) тройственная типология толстовского психологизма: «психолог дворянской души» – «психолог народной души» – «психолог женской души» (Ф. М. Достоевский, что очень показательное, вновь выступает для В. Н. Азбукина идеальным Мерилом, ибо гипотеза о «дворянском психологизме» Льва Николаевича высказана именно им [Там же, л. 61]).

Вслед за «полетом» над панорамой законов толстовской поэтики наступает черед и погружению в интерпретацию художественно-исследовательского метода Л. Н. Толстого. Собирая «мозаику» постепенно, по мере системных обзоров шедевров толстовской прозы, В. Н. Азбукин в каждой такой «точке» останавливался, казалось бы, на одном каком-то феномене мировоззрения писателя, однако по мере вхождения студентов (и на письме, и в сознании) как раз и накапливалась вся ценная информация, как раз и складывалась вся картина в целом.

Приведем в завершение самые важные суждения-заключения:

– «... в основе метода Л. Н. Толстого – синтез Прошлого и Современности» (из лекции о «Войне и мире» [Там же, л. 71]);

– «внешнее преобладание дисгармонии при потаенном господстве внутренней связи, под общим знаменателем высокого Нравственного

Чувства», а также – вытекающий отсюда смыслоносущий мотив «Живой Жизни» (из анализа «Анны Карениной») [Там же, л. 74, 76]);

– «Социальное прозрение человека» как рефрен романа „Воскресение“» [Там же, л. 84]).

В начинавшейся смуте 1990-х годов, что заслуживает и внимания, и уважения и в XXI веке, уже в 20-х его годах, необычно и при этом символично шел в лекциях В. Н. Азбукина-толстоведа и «рефрен политики». К примеру, в прологе к заключительной лекции о позднем Л. Н. Толстом казанский литературовед достаточно подробно остановился на вопросе об «эхе» толстовского учения в мире, на карте мира XX столетия, и пунктирно подчеркнул концепции «бескровной революции» у Ганди – в Индии и Гавела – в Чехословакии.

Емкая формула-итог была предложена Владиславом Николаевичем Азбукиным и в самом конце, здесь сфокусирован новый виток смыслов: «Без Толстого Россия немыслима. ... Жизнь его – гениальный факт в жизни России...» [Там же, л. 86].

Список литературы

Азбукин В. Н. Русская литература третьей трети XIX века (лекции). Казань, 1991 (из личного архива А. Н. Пашкурова). 96 л.

Азбукин В. Н. Типы писателей в русской литературе последней трети XIX века // Русская литература последней трети XIX века. Казань: изд-во КГУ, 1980. С. 156–170.

Жанры русской литературной критики 70–80-х годов XIX века / науч. ред. В. Н. Коновалов. Казань: КГУ, 1991. 163 с.

Пашкуров А. Н. Азбукин Владислав Николаевич // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009) / под ред. Л. Я. Вороновой. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 91–94.

References

Azbukin, V. N. (1991). *Russkaia literatura tret'ei tret'i XIX veka (lektzii)* [Russian Literature of the Late 19th Century (Lectures)]. 96 p. Kazan (iz lichnogo arkhiva A. N. Pashkurova). (In Russian)

Azbukin, V. N. (1980). *Tipy pisatelei v russkoi literature poslednei tret'i XIX veka* [Types of Writers in Russian Literature of the Late 19th Century]. *Russkaia literatura poslednei tret'i XIX veka*. Pp. 156–170. Kazan, Kazan University. (In Russian)

Pashkurov, A. N. (2011). *Azbukin Vladislav Nikolaevich* [Azbukin Vladislav Nikolaevich]. *Russkoe literaturovedenie v Kazanskom universitete (1806–2009)* [Russian Literary Studies at Kazan University (1806–2009)]. Pod red. L. Ia. Voronovoi. Pp. 91–94. Kazan, Kazan University. (In Russian)

Zhanry russkoi literaturnoi kritiki 70-80-kh godov XIX veka (1991) [Genres of Russian Literary Criticism in

the 1870s and 1880s]. Nauch. red. V. N. Kononov. 163 p. Kazan, Kazan University. (In Russian)

The article was submitted on 15.03.2021

Поступила в редакцию 15.03.2021

Пашкуров Алексей Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
anp.72@mail.ru

Pashkurov Alexei Nikolajevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
anp.72@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-159-169
УДК 821.161.1.09

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЧИТАТЕЛЬСКОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ГЕРОИНЬ Л. Н. ТОЛСТОГО

© Елена Полтавец

GENDER STEREOTYPES IN THE READING AND RESEARCH RECEPTION OF LEO TOLSTOY'S HEROINES

Elena Poltavets

The article is devoted to the problem of stereotypes in the perception of Leo Tolstoy's gender views. Unlike N. Nekrasov, I. Turgenev and I. Goncharov, Leo Tolstoy was not perceived by his contemporaries and is not perceived today as a writer who glorified the Russian woman. Researchers prefer to discuss only the family theme in the writer's work, his skill of a psychologist, the creator of female images. Traditional approaches to the consideration of female images in the works of Leo Tolstoy are limited to the conclusions that the ideal heroine of Leo Tolstoy is "a faithful wife and a virtuous mother", that the writer's gender views do not go beyond Tolstoy's approval of Anton Chekhov's story "Dushechka", which, as we know, Tolstoy interpreted in a very peculiar way. The main Tolstoy's ideal was always assigned to Natasha Rostova, the heroine of "War and Peace", which led and leads to a distortion not only of "a folk thought", but also of "a family thought". The article suggests some correction of the established views on Tolstoy's heroines. We consider the reasons why Leo Tolstoy's contemporary critics practically failed to notice the image of Princess Mary in "War and Peace", and also suggest reading the theme "hero and people" in terms of female images in the work. The article proposes a new look at the paradoxical "Epilogue" of "War and Peace", in which the "family thought" extends to the image of a peculiar Lysogorsky world-community. We consider Tolstoy's paradoxical approach to the portrayal of the "femme fatale" in the light of his rejection of romantic and other literary cliches.

Keywords: gender views, stereotypes, Leo Tolstoy, "War and Peace", epilogue, "hero and people", "femme fatale".

Статья посвящена проблеме стереотипов в восприятии гендерных воззрений Л. Н. Толстого. В отличие от Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстой не воспринимался современниками и не воспринимается в наши дни как писатель, прославивший русскую женщину. Исследователи предпочитают говорить лишь о теме семьи в творчестве писателя, о мастерстве Л. Н. Толстого-психолога, создателя женских образов. Традиционные подходы к рассмотрению женских образов в творчестве Л. Н. Толстого ограничиваются выводами о том, что идеальная героиня Л. Н. Толстого – «верная супруга и добродетельная мать» и что гендерные воззрения писателя не выходят за рамки толстовского одобрения чеховского рассказа «Душечка», весьма своеобразно, как известно, Л. Н. Толстым интерпретированного. Главным толстовским идеалом всегда назначалась героиня «Войны и мира» Наташа Ростова, что приводило и приводит к искажению не только «мысли народной», но и «мысли семейной». В статье предлагается некоторая корректировка устоявшихся взглядов на героиню Л. Н. Толстого. Рассматриваются причины, по которым современная Л. Н. Толстому критика почти не заметила образ княжны Марьи в «Войне и мире», а также предлагается прочтение темы «герой и народ» в аспекте женских образов произведения. Предлагается новый взгляд на парадоксальный «Эпилог» «Войны и мира», в котором «мысль семейная» распространяется на изображение своеобразного лысогорского мира-общины. Рассматривается вопрос о парадоксальном подходе Л. Н. Толстого к изображению «роковой женщины» в свете неприятия им романтических и других литературных клише.

Ключевые слова: гендерные взгляды, стереотипы, Л. Н. Толстой, «Война и мир», эпилог, «герой и народ», «роковая женщина».

Репутацию мизогина Л. Н. Толстой заслужил уже среди первых критиков «Войны и мира». Впоследствии читающая публика узнала об ув-

лечении Толстого А. Шопенгауэром, познакомилась с «Анной Карениной», «Крейцеровой сонатой» и «Властью тьмы», которые были воспри-

няты как подтверждение толстовского женоненавистничества.

И. С. Тургеневу принадлежат разноречивые оценки «Войны и мира», но о женских образах он отзывался с неизменной решительностью: «И что это за барышни! Все какие-то золотушные кривляки. Нет, эдак нельзя; эдак пропадешь, даже с его талантом. Мне это очень больно – и я желал бы обмануться» (письмо И. П. Борисову от 16 (28) марта 1865 года) [Тургенев, т. 6, с. 124].

В этом отзыве отразились впечатления Тургенева от начала романа «Тысяча восемьсот пятый год», текст которого позже был переработан Толстым для отдельного издания «Войны и мира». К моменту отправки письма с нелестным отзывом Тургенев был знаком только с главами I–XXVIII, напечатанными в № 1 «Русского вестника» (вышел 6 февраля 1865 года). В его письме от того же 16 (28) марта к А. А. Трубецкой отзыв о новом произведении Толстого (главах, опубликованных в «Русском вестнике») также неблагоприятный: «Как это скучно и холодно, какая мелкотравчатость, какое полное отсутствие исторического чутья, воображения и даже поэзии (что вообще-то ему не свойственно)» (пер. с франц.) [Там же, с. 216].

Говоря о том, что творчеству Толстого свойственна поэзия, Тургенев имеет в виду прежде всего поэзию женских образов, и этой поэзии он, к своему огорчению, не находит в прочитанных главах.

Что же это за «барышни», названные «золотушными кривляками»? В главах I–XXVIII романа «Тысяча восемьсот пятый год» мы видим в числе «барышень» сорокалетнюю Анну Шерер, Hélène Курагину, Веру Ростову, тринадцатилетнюю Наташу Ростову, пятнадцатилетнюю Соню, трех княжон – племянниц старого графа Безухого, Жюли Ахросимову (дочь Марьи Дмитриевны Ахросимовой) и дочь Марьи Львовны Карагиной (в «Войне и мире» дочь Марьи Дмитриевны среди гостей у Ростовых не показана, а изображению Жюли Карагиной, кокетничающей с Николаем Ростовым, уделено больше внимания). И, конечно, трудно найти на этих страницах поэзию женских образов. С княжной Марьей автор в этой публикации еще не знакомит читателя (в имение Болконских действие романа переносится только в продолжении, опубликованном в № 2, который вышел 18 марта). Впрочем, и в своих дальнейших отзывах, прочитав уже всю «Войну и мир», Тургенев обошел образ Марьи Болконской молчанием, что особенно удивляет на фоне установившейся читательской и исследовательской традиции сравнения образов княжны Марьи

и Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда». Что же касается Наташи Ростовой, то этот образ тринадцатилетней девочки, да еще порой напоминающей в своем поведении чуть ли не пятилетнюю (на страницах первых глав «Тысяча восемьсот пятого года»), совершенно не соответствовал представлению Тургенева о героине романа. Перерабатывая текст для отдельного издания «Войны и мира», Толстой сгладил черты инфантилизма в тринадцатилетней Наташе, сократил некоторые авторские характеристики. И все же Наташа (не только «Тысяча восемьсот пятого года», но и окончательного текста всего романа, включая «Эпилог») не воспринимается Тургеневым как героиня, достойная авторского и читательского сочувствия и восхищения.

К сожалению, процитированные тургеневские отзывы в комментариях к шестому тому писем Тургенева ошибочно названы отзывами «о двух первых частях романа Л. Н. Толстого „Война и мир“, опубликованных в „Русском вестнике“ (1865, № 1, 2) под названием „Тысяча восемьсот пятый год“» (комментарии к письму А. А. Трубецкой) [Там же, с. 301]. На самом деле текст глав, напечатанных в «Русском вестнике», не идентичен тексту отдельного издания «Войны и мира», кроме того, с № 2 журнала Тургенев 16 марта еще не мог быть знаком.

Прочитав в 1868 году четвертый том «Войны и мира» (по шеститомному изданию), Тургенев не изменил своего отношения к отсутствию, как ему казалось, поэзии: «Наташа, однако, выходит что-то слабо и сбивается на столь любимый Толстым тип (*excusez du mot*) <...>» (письмо П. В. Анненкову от 13 апреля 1868 года) [Тургенев, т. 8, с. 185]. «Любимый тип» – это все те же «барышни», о которых столь неодобрительно отзывался Тургенев в письме к Борисову. Поэзии в увлечении Наташи Анатодем, действительно, не много. С точки зрения Тургенева, героиня романа должна быть нравственно безупречна (Наталья Ласунская, Лиза Калитина, Елена Стахова); порвать с семьей, решиться на побег она могла бы лишь ради высокого идеала самоотвержения и только с достойным возлюбленным, чьи идеи она разделяет. Задуманный Наташей побег с Курагиным – это уж очень далеко от идеала тургеневской девушки (Елены Стаховой, Сусанны и других). Как бы восполняя отсутствие поэзии женских образов в произведении Толстого, Тургенев параллельно с дочитыванием «Войны и мира» работает над повестью «Несчастливая» (задумана в начале 1868 года, закончена в ноябре). Все симпатии автора на стороне Сусанны и ее благородного возлюбленного, Мишеля Колтовского. «Несчастливая» – такая же «зимняя» по-

весть, как «Метель» А. С. Пушкина, и вполне «жоржсандовская» (о чем говорит и изящный реминисцентный фон, связанный с Францией XVIII века, тогда как действие повести Тургенева происходит в России и отнесено к 1830-м годам). У Толстого Соня, Марья Дмитриевна, Пьер (друзья Наташи) противодействуют исполнению замысла Наташи и Анатоля, у Тургенева же ненавистный Сусанне Ратч перехватывает письмо, держит Сусанну в заточении, сын Ратча распространяет клевету (в противоположность Пьеру, пресекающему порочащие Наташу слухи). Метаситуацию побега влюбленных Тургенев разрабатывает в духе верности романтическому бунтарству, как бы противопоставляя ее толстовской ситуации, компенсируя кажущиеся ему опасными, несвободными и славянофильско-патриархальными воззрения Толстого.

Дочитав «Войну и мир» до конца, Тургенев уже всерьез опасается, что Толстой находится под влиянием славянофилов. «Отчего это у него, – жалуется Тургенев И. П. Борису в письме от 15–17 марта 1870 года, – непременно все хорошие женщины не только самки – даже дуры? И почему он старается уверить читателя, что коли женщина умна и развита, то непременно фразерка и лгунья?» [Тургенев, т. 10, с. 156]. Вот тут-то и возникает вопрос, как мог Тургенев не заметить образ княжны Марьи. Если «умной и развитой» Тургенев считает эту героиню Толстого, то не мог же он одновременно назвать ее «фразеркой и лгуньей». «Самкой» Толстой называет Наташу, в «Эпilogе» Безухову. К графине Марье это определение, конечно, неприложимо, но неужели Тургенев не числит эту героиню в ряду «хороших»?

Если бы в системе образов вообще отсутствовал образ Марьи Болконской (в «Эпilogе» Ростовой), логику Тургенева можно было бы понять. В работах А. И. Батюто и других исследователей убедительно доказано, что Наташу Ростову Тургенев даже не в силу идей «женского вопроса» современности, а в силу сюжетно-фабульной и жанровой традиции видел как авантюрно-бездуховный тип героини. Со своей действительной инфантильностью и ограниченностью запросов она совершенно не вписывалась в ряд тургеневских девушек с их «довременной взрослостью» (см.: [Батюто, с. 251–259]), не принадлежала к типу «взыскующих героинь» (см.: [Криволапов]) русской литературы, среди которых не только тургеневские девушки, но и героини Некрасова, Островского, Гончарова, не говоря уж о Вере Павловне и других женских персонажах «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Если Толстой мог восхищаться авантурным сю-

жетом «Авроры Флойд» М. Э. Брэддон и даже сравнивать с героиней Брэддон Татьяну Андреевну Берс, признанный прототип Наташи Ростовой, то для Тургенева такой романский сюжет и такая героиня могли представлять интерес только в отрицательном смысле. Образ же «самки» Наташи Безуховой в «Эпilogе» для Тургенева был эстетически неприемлем. С точки зрения Тургенева, создателя образов тургеневских девушек, Наташа Ростова, конечно, не могла быть героиней, вызывающей симпатию, но возможные параллели между образами княжны Марьи и Лизы Калитиной, да и сам образ княжны Марьи ускользнули от внимания старшего друга Толстого. По-видимому, княжну Марью ему мешает заметить системное представление о центральной героине романа – она должна быть только одна и должна быть в центре любовного сюжета.

Тургеневские отзывы о героинях «Войны и мира» были высказаны в личной переписке и для печати не предназначались, статья же М. К. Цебриковой «Наши бабушки (По поводу женских характеров в романе „Война и мир“») была задумана как манифест феминизма. Не только Наташа, но и княжна Марья видится Цебриковой как «бесполезное существо, неспособное к разумной жизни» [Цебрикова, с. 141]. Попутно Цебрикова осуждает князя Андрея, находя, что в решении отложить свадьбу с Наташей сказался его эгоизм. Статья была написана в 1868 году, то есть до выхода в свет последних томов «Войны и мира», но позиция Цебриковой совершенно ясна: анализ произведения заменен в духе шестидесятников публицистическим воодушевлением. Даже признавая, что Наташа Ростова – «сила не маленькая» [Там же, с. 142], автор статьи говорит о Наташе: «над нею тяготеют роковые условия женской жизни, и она живет бесплодно» [Там же]. Предпринимается попытка, хотя и слабая, сопоставить княжну Марью и Лизу Калитину, однако результат сопоставления поражает: Цебрикова приписывает тургеневской героине значительно более высокое моральное сознание: «Лиза возмущена неправдами окружающей ее жизни...; в княжне Марье нет ни малейшего сознания неправды, окружающей ее жизнь» [Там же, с. 138]. Если Тургенев смог княжну Марью не заметить, то из статьи Цебриковой следует еще более поразительный вывод: оказывается, можно заметить, но понять в совершенно превратном смысле. А ведь даже разрушитель эстетики, Д. И. Писарев, в своем блистательном анализе «старого барства» (см. одноименную статью) воздержался от рассмотрения женских образов, и никакая «реальная критика» не подвергла жен-

ские образы «Войны и мира» такой деконструкции, какую находим в статье Цебриковой.

М. Горький, как и Цебрикова, видел в героинях Толстого «неразумные и бесполезные существа», но, в отличие от Цебриковой, почти не задававшейся вопросом об отношении к ним автора, сделал решительный вывод об авторской злонамеренности, чем во многом предначертал направление оценки женских образов для последующего отечественного толстоведения. Он писал о Толстом: «К женщине он, на мой взгляд, относится непримиримо враждебно и любит наказывать ее, – если она не Китти и не Наташа Ростова, то есть существо недостаточно ограниченное. Это – вражда мужчины, который не успел исчерпать столько счастья, сколько мог, или вражда духа против „унизительных порывов плоти“? Но это – вражда, и – холодная, как в „Анне Карениной“» [Горький, с. 185]. (Примерно так же смотрела на толстовских героинь Анна Ахматова, не простившая Толстому «наказание» Анны Карениной).

Итак, в «Войне и мире» незамеченной снова осталась княжна Марья, в «Анне Карениной» – Долли. Среди современников Толстого один лишь Н. Н. Страхов нашел верные слова для княжны Марьи: «Этот образ достигает почти ангельской чистоты и кротости, и по временам кажется, что его окружает святое сияние» [Страхов, с. 283]. Интересно, что точка зрения Страхова как наиболее авторитетного критика толстовских произведений транслировалась и в отечественных учебниках литературы конца XIX – начала XX века. В пособии В. Ф. Саводника «Очерки по истории русской литературы XIX века» для средних учебных заведений образ княжны Марьи рассматривается первым из всех женских образов «Войны и мира». «Она вся проникнута поэзией христианского самоотвержения и высокой нравственной чистоты» [Саводник, с. 219], – пишет о княжне Марье автор учебника. После разбора образа Марьи Болконской следует не менее объективный анализ образа Наташи. Подчеркивается значение эволюции, нравственного взросления этой героини Толстого. В «Эпиплоге», по мысли Саводника, Толстой показывает «глубину ее чувства и строгое сознание своего долга, которых даже трудно было предполагать в легкомысленной, увлекающейся и самолюбивой дѣвушкѣ, какою она изображена в первых частях романа» [Там же, с. 224].

А вот для эпохи оптимизма и социалистического реализма подходящей героиней оказалось лишь «существо ограниченное», Наташа Ростова. В школах полагалось раскрывать тему патриотизма на примере образа Наташи, добавляя

«мысль народную». Но, как ни велик соблазн выискивать в образе Наташи Ростовой «мысль народную», кроме «русских приемов» пляски и известного русского веселья от быстрой езды, найти нечего. Упоение охотой – прерогатива именно помещиков, а спасение раненых вместо спасения фарфора и гардероба (особенно на фоне того, что Петя Ростов отдал жизнь!) никакого отношения к усилению «мысли народной» и повышению градуса патриотизма не имеет. Мужики жгут сено, чтобы его не захватили французы, Пьер Безухов жертвует деньги на ополчение, князь Андрей распоряжается отдавать урожай в армию. Почему Толстой сообщает об этом мимоходом, а отъезду Ростовых из Москвы посвящает несколько страниц? Во все не потому, что отказ Ростовых от ковров и платьев есть в глазах автора высочайший подвиг, а потому, что в этом эпизоде показано, что Наташа наконец научилась думать не только о себе, что в ней просыпается чувство долга хотя бы перед близкими людьми и окружающими.

В работе В. В. Ермилова («Толстой-художник и роман „Война и мир“», 1961), написанной с определенным публицистическим блеском и морализаторским нажимом, Наташа Ростова объявлялась лучшей, любимой и идеальной героиней Толстого, изображалась сознательной декабристкой и вообще борцом за счастье трудящихся. Понятно, что другие героини Толстого в силу своей плохой репутации (Анна Каренина и Катюша Маслова) или в силу своих чуждых соцреализму особенностей мировоззрения – религиозности и фатализма (княжна Марья) – не могли претендовать на роль любимой героини. При этом в целом гендерные воззрения Толстого признавались ошибочными, патриархальными, чуть ли не домостроевскими.

Взгляд В. В. Ермилова в той или иной степени повлиял на другие исследования о «Войне и мире» (одна из самых популярных среди учителей и школьников работ, книга С. Г. Бочарова о «Войне и мире» в смягченном виде повторяет интерпретацию Ермилова), а тем более на всю школьно-вузовскую методическую литературу. Наташа Ростова получила статус непогрешимой героини, не виноватой в измене (с этой точки зрения виноваты все Болконские, Элен, Анатолий, но только не Наташа), стала считаться самой патриотической, самой одаренной, олицетворяющей «живую жизнь» и т. д. О Наташиной постыдной попытке суицида упоминать было и во все не принято. Конечно, ее не поместили, как «тургеневских девушек», в ряд наиболее передовых героинь гендерной проблематики, но простили за неприглядный внешний вид в «Эпипло-

ге» и стали внушать школьникам и особенно школьницам, что Наташа – идеал Толстого. Для сомневающих в том, что именно ограниченная Наташа – непогрешимый идеал, пришлось придумать объяснение, что «Толстой является... носителем традиционных философских представлений о женщине как существе ущербном и недостаточном» [Строганова, с. 235]. Изображение Наташи Безуховой в «Эпилоге» объявляется следствием неправильного взгляда Толстого на женщину как существо ущербное. Поэтому, пожуриив Толстого за неправильные гендерные воззрения, исследователи все же восхваляют Наташу, полагая, что надо как-то реабилитировать Толстого и загладить его вину за неправильные воззрения. «Войне и миру» как национальной эпопее нельзя, понятно, без «положительного женского образа».

Такое упрощение толстовской аксиологии, а также системы образов не так уж безобидно, как кажется. Желая во что бы то ни стало оправдать Наташу, исследователи и методисты подменяют понятия. Измена Наташи, ее решение бежать из дома с Анатолом Курагиным рассматриваются как утверждение автором «Войны и мира» крепкощности личности и торжества непредсказуемой «живой жизни» над всяческими умственными построениями. На одном конце иерархии, якобы выстроенной Толстым, расчеты, планы и диспозиции Наполеона и Пфуля, на другом – свобода, бескорыстие и душевные порывы. Так, с большей или меньшей степенью витиеватости, опираясь на собственное понимание знаменитого выражения Толстого об «узле всего романа» как относящегося исключительно к сюжетной линии Наташи, литературоведы порой пытаются возвысить эпизод Наташи с Курагиным до главной философской темы произведения. Неудивительно, что именно думающего читателя отталкивает такая сверхидеальная Наташа (вспомним рассказ Тэффи «Мой первый Толстой»).

Печально, что большей частью в школьном изучении «Войны и мира» (и в концепциях исследователей) игнорируется история нравственного взросления Наташи. О Пьере Безухове и Андрее Болконском принято рассуждать как о героях взлетов и кризисов, а об эволюции Наташи (ибо какая может быть эволюция у идеала?) почти не говорится. На этом фоне выделяется работа И. В. Холодякова, концептуально, хотя и бегло очерчивающая смысл сюжетной линии Наташи Ростовой как истории преодоления инфантилизма и эгоизма [Холодяков]. С учетом этого, добавим, что не так уж неправ отец князя Андрея, потребовавший отложить свадьбу.

Но как же все-таки быть с Наташей Ростовой, разочаровывающей в «Эпилоге» тех читателей, которые слишком поспешили очароваться? «Эпилог» «Войны и мира» вообще парадоксален. Разочарование же может наступить только после очарования. Самым главным борцом с очарованием Наташи Ростовой следует признать русского философа И. А. Ильина, противопоставившего «самке» Наташе... Соню, которой он приписал «духовно ясный, сильный, самоотверженный характер» [Ильин И. А.]. Остается удивляться, что княжну Марью Ильин, как и Тургенев, не заметил, сказав о ней только два слова: «благочестивая и чистая» [Там же]. О Наташе он пишет: «У Толстого пристрастие к инстинктивно-примитивной, недуховной Наташе, он с любовью описывает ее, превозносит ее женские прелести, втягивается, как в омут, в ее жалкий эротический роман с Анатолом Курагиным, когда она ведет себя настолько мерзко и по-животному, что почти впадает в бред. В то время, как подлинно русскую женщину, с ее чистой совестью, с ее постоянством и верностью, с ее целомудрием радостного самопожертвования следует искать и обнаружить не в Наташе, а в оставшейся в тени Соне. По-настоящему созерцающего читателя не может не возмущать, как погрязшая в бездуховности, примитивно-сексуальная самка Наташа в слепоте и глупости своей называет духовно незаурядную и твердую характером Соню „пустоцветом“» [Там же].

Есть ли у Толстого героиня, которая действительно воплощает нравственный идеал и показана стоящей нравственно выше не только своего избранника, но, возможно, и всех мужских персонажей? Мизогин и признанный (большей частью на основе внехудожественных текстов и высказываний, что некорректно как аргумент в эстетическом исследовании) нигилист в отношении женского ума и сердца, Толстой создал образ идеальной женщины. Это княжна Марья с ее девизом:

«Не желай ничего для себя; не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовой ко всему» [Толстой, т. 4, с. 279].

Литературно-критическая мысль XIX века определила для подхода в «Войне и миру» преимущественно исторический аспект (и во многом – военно-исторический). В советскую эпоху главной в «Войне и мире» была объявлена «мысль народная». Коллективизм, оптимизм и близость к народу без особого умствования – все это очень удобно было приписывать Наташе. Ка-

залось бы, именно в работах, посвященных теме «герой Толстого и народ», открывалась возможность в связи с женскими образами поставить вопрос о взаимоотношениях княжны Марьи со странниками, об изображении этой героини в эпизоде богучаровского бунта, о подробностях в обрисовке семейного и усадебного уклада Лысых Гор в «Эпilogue». Но эти аспекты почему-то старательно обходятся исследователями. Так, в одной из монографий по теме приводятся обширные цитаты из черновых зарисовок Толстого о купании Наташи Ростовой с дворовыми девушками. Привлечение внетекстовых материалов – прием некорректный, однако часто используемый. При этом обращаются к такому приему, как правило, не с целью проследить эволюцию замысла (единственная несомненная цель обращения к первоначальным редакциям), а ради того, чтобы найти аргументы для своей точки зрения. Например, если в окончательном тексте нет намеков на размышления Наташи о жизни в деревне, а исследователю непременно хочется приписать героине демократизм и «анализ социальных вопросов», то достигается это цитированием фрагментов, не вошедших в окончательный текст. Таким образом происходит смещение акцентов в нужную для предвзятой концепции сторону.

А вот образ княжны Марьи с точки зрения темы «герой и народ» почти никогда не рассматривался. Если исследователи и касались позиции графини Марьи относительно спора Пьера Безухова и Николая Ростова в «Эпilogue», то лишь для того, чтобы обнаружить в ее словах эгоизм, уклонение от «общественного долга» [Сушков, 286] и даже «извращение христианства» [Там же]. Удивительно, но «наташецентризм» восприятия не только женских образов «Войны и мира», но и всей системы персонажей не давал исследователям заметить, что этико-философская проблематика «Войны и мира» связана именно с княжной Марьей гораздо более прямым образом, чем с Наташей. Старинные приемы эпистолярного романа и отсвет писем М. А. Волковой, лежащий на переписке княжны Марьи с Жюли, не должны вводить нас в заблуждение относительно автопсихологизма образа. Например, не только слова Волковой о тяжелых впечатлениях от «набора ратников» [Дней прошлых гордые следы, с. 89], когда «бабы в отчаянии, страшно стонут и вопят, так что многие помещики уехали из деревень, чтобы не быть свидетелями сцен, раздирающих душу» [Там же], послужили основой для таких слов в письме княжны Марьи:

«Делая мою обычную прогулку по улице деревни, я видела раздирающую душу сцену. Это была партия рекрут, набранных у нас и посылаемых в армию. Надо было видеть состояние, в котором находились матери, жены и дети тех, которые уходили, и слышать рыдания тех и других!» [Толстой, т. 4, с. 122].

Слова «обычная прогулка по улице деревни» написаны той же рукой, которая написала «Утро помещика». Уже первые эпизоды, где появляется княжна Марья, содержат мотив взаимоотношений помещика и крестьянина, и эта проблематика, которую современная Толстому критика так ревностно выискивала в его произведениях, передоверяется автором не одному из главных героев «Войны и мира», а одной из главных героинь, княжне Марье. И далее княжна Марья показана в общении с народом более всех других героев и героинь. Именно ей приходится нелегко в ситуации богучаровского бунта, и ситуация эта как элемент сюжета семантически нагружается уже не только в качестве реплики в дискуссиях шестидесятников и их оппонентов о крестьянском вопросе. Эта ситуация восходит к модели, реализованной в жизни Франциска Ассизского, и вообще проецируется на евангельскую историю о богатом юноше, которому Иисус сказал: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мною» (Мф.: 19. 21).

Когда княжна Марья говорит крестьянам: «Все, что мое, то ваше» [Толстой, т. 6, с. 161], она следует Христу и делает то, что было мечтой Толстого вплоть до его отказа от авторских прав. Другая заветная мысль – уход от привычного образа жизни, разрыв со своим окружением ради того, чтобы встать на путь молитвенников за человечество. Об этом мечтает княжна Марья, и, если не считать Альберта из одноименного рассказа или Оленина из «Казачков» («уход» его к казакам не был последователен, а цели и причины были не вполне ясны самому герою), то именно княжна Марья открывает галерею героев ухода в творчестве Толстого. И у княжны Марьи, и у самого Толстого это стремление к уходу не в монастырь (с чего, например, начинается отец Сергей, герой одноименной толстовской повести), а для подвижничества в миру, что и собирался осуществить Толстой, уходя из Ясной Поляны в 82 года.

Эта героиня «Войны и мира» готова к совершению религиозного подвига в следовании Христу. Она собирается «оставить семью, родину, все заботы о мирских благах» [Толстой, т. 5, с. 245]. «Весь ее облик ассоциируется в сознании читателя с Богородицей – идеалом женщины в

христианской религии», – справедливо замечает об этой героине Толстого Э. С. Афанасьев [Афанасьев, с. 9] в относительно недавней работе, но, к сожалению, такие воззрения и в современном толстоведении исключение. Добавим, что именно этой героине Толстого приходится (как придется и самому Толстому) испытать непонимание праведника крестьянским (христианским) миром. Богучаровский бунт закончился для нее все же благополучно, но она была на волосок от повторения судьбы тех святых, которые в ответ на любовь получали мученичество. Религиозно-философские искания князя Андрея и Пьера Безухова (добро и зло, непротivление злу насилем, справедливое общественное устройство, проект вечного мира) – это великие вопросы, но они более общие, а вопросы, стоящие перед княжной Марьей, – более личные, самые жгучие для Толстого. Как быть, когда жаждешь помочь людям, а сталкиваешься с их недоверием? Может ли один праведник противостоять сложившемуся укладу жизни? Как оставить мирские заботы и пуститься странствовать? При этом у княжны Марьи на руках племянник – сирота, которого нельзя оставить. И отец (она знает это) не перенесет разлуки с нею, несмотря на все свое тиранство. Это Наташе, готовой на побег с Анатолем, а позже покушавшейся на самоубийство, ни разу не приходит в голову, что будет с ее нежно любящими родителями.

Когда Толстой задумывал образ княжны Марьи, он, может быть, предчувствовал свой уход и крестный путь. Еще и поэтому в истории княжны Марьи толстовский метасюжет об уходе подсвечивается аллюзией на житие Феодосия Печерского, которому пришлось выдержать тяжелую нравственную борьбу с родной матерью, всячески противостоявшей его уходу в монахи (одну из странниц, с которой мечтала уйти княжна Марья, зовут Федосьюшка).

Эпизод беседы княжны Марьи, князя Андрея и Пьера со странниками ничуть не менее важен для раскрытия темы «народного духа», чем одобрение Анисьюшкой пляски Наташи, как бы принятие Наташи в свои ряды. Пляска Наташи и угощение Ростовых у дядюшки – отсылка к архаическому языческому ритуалу интичиумы (охотничьей пляски и тотемической охотничьей трапезы). Вместе с тем разудалая пляска и песенный контекст («Не хочу кольца носить – хочу так молодца любить») предсказывают роковую ошибку Наташи, как обоснованно заметил С. А. Небольсин: «И вот уже песня „По улицемостовой шла девица за водой“ предупредительно звучит на веселой вечеринке <...>. Все довольны, все смеются. В это время Наташа Росто-

ва уже как раз на роковом пороге, она вот-вот рухнет в пагубный мрак, под воркованья Анатоля Курагина. Помутилось синее море... А какой был конец, после этого, у князя Андрея – одного из лучших толстовских людей?» [Небольсин].

Разговор со странниками в Лысых Горах – инициация Пьера, знакомство с народной жизнью (в эпизод встроены элементы обряда посвящения: переодевание странницы Иванушки, тайный язык – для Пьера непонятно, что значит «божьи люди», а для странников непонятен французский). Посредником (посвящающим) выступает княжна Марья, тогда как в эпизоде посвящения Наташи – Анисья.

Уроки Платона Каратаева, как это явствует из текста «Эпилога», не пошли впрок Пьеру Безухову. Толстой и не собирался из своего главного героя, обреченного на философское сомнение и поиск истины, делать идеал смирения, и, расставшись с Каратаевым, Пьер больше с народом не общается и своими крепостными не интересуется. Да и свои планы тайного общества он вынашивает в Петербурге или в Лысых Горах, где поселяется с семьей. В «Эпилоге» показана «лысогорская семья-коммуна, объединившая в конце произведения семейства Николая Ростова (с сыном Андрея Болконского) и Пьера Безухова» [Недзвецкий, с. 237]. Что же касается Николая Ростова, то ему удалось с помощью жены наладить такие взаимоотношения с крестьянами, что пугачевщина, которой опасается Пьер, кажется ему нелепостью.

Остается вопрос: почему графиня Марья не показана в эпизоде спора Пьера и Николая Ростова, в то время как даже о Наташе сказано, что она поддерживала мужа (и за это Наташе в прошлом веке поспешно приписали готовность к борьбе за интересы трудящихся, а в наши дни – духовность и сознание общественного долга). Но в связи с отсутствием графини Марьи среди спорящих можно напомнить, что и Толстой не торопился придавать «Войне и миру» смысл реплики в споре шестидесятников о будущем страны. В одном из писем княжны Марьи (в отличие от Наташи Ростовской, эта толстовская героиня письма писать умеет, проявляя в них мудрость и такое знание людей, которого, казалось бы, нельзя было ожидать от девушки, живущей вдали от света, почти затворницы) есть фраза, которой она характеризует современность:

«Подумаешь, что человечество забыло законы своего Божественного Спасителя» [Толстой, т. 4, с. 122].

Пьер и Николай спорят о лучшем пути устройства общественной и материальной жизни, тогда как «Царство Божие внутри вас». И ни реформы, на которые надеется Пьер, ни даже коммуна, устроенная Николаем, не есть путь к нравственному совершенствованию. Улучшение мира начинается с улучшения себя. «*Не о едином хлебе сыт будет человек*» – это графиня Марья хотела бы высказать, но, как и Толстой в шестидесятые годы, она знала, что «*этого говорить не нужно и бесполезно*» [Толстой, т. 7, с. 302].

Оба спорщика получают от своих жен напоминание о детях. И, наверное, не так уж трудно сопоставить педагогические заботы Толстого и его героини, графини Марьи, размышляющей о воспитании племянника и собственных детей. Вопрос, может ли воспитание ребенка сообщить ему импульс к самосовершенствованию, – вот еще одна грань проблематики образа графини Марьи, роднящая этот образ с его создателем. Для нее главное в позиции Пьера – это мысль о нравственном неблагополучии человечества («*Пьер говорит, что все страдают, мучатся, развращаются*» [Там же, с. 301]), поэтому тем более важно помнить о детях. «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.: 18. 3).

Юсуке Сато, японский исследователь Толстого, предлагает следующую типологию толстовских героинь: «Героини художественных произведений Толстого имеют общие черты: поразительную яркую красоту, выющиеся черные волосы, дикую силу жизни, полное могучее телосложение, полную грудь, огромную любовь, жгучую чувственность, гордость. И Марьяна (в повести „Казак“), и Наташа Ростова (в эпилоге „Войны и мира“), и Анна Каренина (в романе, названном ее именем), и Катюша Маслова (в „Воскресении“) – все обладают такими особенностями» [Сато, с. 116].

Кроме этого женского типа, исследователь указывает и другой: идеальный образ матери, прототипом которого послужила мать Толстого (мама в «Детстве»), княжна Марья, Долли и Кити). В этой классификации не очень убедительным выглядит упоминание о Кити, которую В. Н. Ильин считал «в потенции крайне развратной» [Ильин В. Н., с. 259], а вот места для Маши, героини романа «Семейное счастье», совсем не находится. В исследовании А. Н. Полосиной Наташа Ростова (Безухова), Долли Облонская и Кити Левина объединяются как добрые матери семейств, но княжна Марья среди них не называется [Полосина].

Скорее всего, типология женских образов в творчестве Толстого должна быть выстроена не с

опорой на портретные и психосоматические детали, а с учетом сюжетной и идейной функции персонажа. Женщины, показанные как «дочери Евы», переживающие искушение, – это Маша в «Семейном счастье», Наташа Ростова, Кити и Анна Каренина. Они могут вовремя опомниться, как Маша, спастись от искушения в силу внешних обстоятельств, как Наташа и Кити, или пройти гибельный путь до конца, как Анна Каренина.

Толстой не выражает ни патриархальных, ни эмансипированных воззрений, он не ограничивает и не освобождает женщину в том смысле, в котором это было актуально для его современников и до сих пор почему-то навязывается школой и околоспециалистической публицистикой. На вопрос, считает ли Толстой женщину самкой, ответ можно дать только один: самцом он женщину уж точно не считает. Свои гендерные стереотипы навязывала ему современная «Войне и миру» критика, продолжается это и по сей день, для него же эти категории просто не интересны. Недаром в «Войне и мире» сказано:

«Толки и рассуждения о правах женщин, об отношениях супругов, о свободе и правах их, хотя и не назывались еще, как теперь, вопросами, были тогда точно такие же, как и теперь; но эти вопросы не только не интересовали Наташу, но она решительно не понимала их» [Толстой, т. 7, с. 280].

Это Толстой и о себе говорит.

Есть в «Войне и мире» и такой мотивно-образный компонент, который можно соотнести с типом «роковой женщины». Иногда указывают в этом смысле на образ Элен Курагиной, с чем вряд ли можно согласиться, так как «роковая женщина» должна обладать хотя бы минимальной духовной незаурядностью (например, княгиня Р. в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»), чего Элен лишена совершенно. «Загадочный взгляд» – наиболее запоминающаяся черта роковой женщины княгини Р. в романе Тургенева. В «Войне и мире» женщина с необыкновенным взглядом – княжна Марья. Она не наделена, как другие героини, ни «*полной грудью*», ни «*черными кудрями*», однако у Толстого именно этот образ женщины смиренной, худой и бледной – это образ роковой женщины, в которую влюбляется лихой гусар, любитель опасной атаки и охоты, отнюдь не враг кутежей и азартных игр. Этот гусар оставляет свою красивую нареченную невесту, плачет, молится, сознавая, что нарушает данное невесте слово, но не может ничего поделать с собой, потому что ему не жить без роковой женщины с лучистым взглядом. Это почти история Павла Петровича и княгини Р., героев турге-

невского романа «Отцы и дети». Преображение Николая Ростова еще разительнее, чем отказ Павла Петровича от блестящей карьеры и светских удовольствий. Получив (в отличие от тургеневского Павла Петровича) эту свою роковую женщину, гусар подчиняет ей весь образ жизни: забрасывает азартные игры и кутежи, забывает гусарские привычки, заботится о крестьянах в своем имении, занимается хозяйством, собирает библиотеку, заботливо воспитывает троих детей, строит церковь.

«Наташцентризм» как в тургеневских оценках, так и в подавляющем большинстве последующих читательских, литературно-критических и исследовательских отзывов сослужил «Войне и миру» плохую службу. Для исследователя, во всяком случае, недопустимо строить представление о гендерных воззрениях автора «Войны и мира» лишь на основе образа «самки» Наташи, не замечая образа княжны Марьи. Да и сюжетная линия гусара Николая Ростова, любителя кутежей и охоты, неожиданно оказавшегося более духовно сложным, чем можно было это предположить, многим кажется слишком парадоксальной. Ростова вполне можно было представить на месте Турбина-старшего из рассказа Толстого «Два гусара», но, как видим, стереотип «лихого гусара» Толстой в «Войне и мире» преобразовал так же, как и стереотип «роковой женщины». В этом сказались неприятие любых, в первую очередь романтических литературных клише, ведь и тургеневских героинь Толстой, как известно, воспринимал в качестве банально романтических и надуманных.

В «Эпилоге», этом весьма парадоксальном финале, Толстой не сосредоточен лишь на Наташе и, стало быть, не проповедует никакой ущербности женщины. Счастливые семьи в «Войне и мире» не похожи, как бы ни развивался этот тезис в противоположном смысле в следующем толстовском романе. В отличие от семьи Пьера и Наташи, в семье Николая и Марьи Ростовых духовный центр – женщина. И это тем более удивительно, что Николай Ростов до женитьбы показан совсем не как такого рода мужчина, который способен увлечься такой женщиной, как княжна Марья. Он даже испытывал неприязнь к Андрею Болконскому за его высшую одухотворенность. Но в сестре князя Андрея именно это он находит необыкновенно привлекательным.

К героям Толстого невозможно подходить с какими бы то ни было стереотипами, в том числе и с гендерными. Вернее сказать, гендерная тема, семейная тема, тема отношений полов – это вообще не главные темы больших романов Толсто-

го, и в гендерных терминах осознать парадоксальный смысл толстовских образов невозможно. Даже «Анна Каренина» с изображением финального суицида главной героини и с мотивом тяги к суициду вполне счастливого главного героя, Левина, – роман о месте человека (как мужчины, так и женщины) в бесчеловечном мире, а не только в семье. Библейский эпиграф об отношении человечества к Богу стоит в романе «Анна Каренина» над зачином о счастливых и несчастных семьях. Так что философско-религиозная проблематика таких образов, как княжна Марья и Анна Каренина, к гендерному вопросу отношение имеет весьма косвенное.

Остается надеяться на то, что стереотипы восприятия не вечны и что Ю. Айхенвальд, писавший в начале прошлого века, что «Толстой – друг и провидец женщины, ее заступник и поэт» [Айхенвальд, с. 235], найдет наконец единомышленников.

Список литературы

- Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.
- Афанасьев Э. С.* Реалистический эпос Л. Н. Толстого // Литература в школе. 2010. № 12. С. 5–9.
- Батюто А. И.* Избранные труды. СПб.: Нестор – История, 2004. 960 с.
- Горький М.* О литературе. М.: Советский писатель, 1953. 867 с.
- Дней прошлых гордые следы. Переписка Марии Аполлоновны Волковой. М.: Минувшее, 2012. 312 с.
- Ильин В. Н.* Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб.: РХГИ, 2000. 480 с.
- Ильин И. А.* Лев Толстой как истолкователь русской души // Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 6. Кн. 3. 1997. URL: <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru/NASLEDIE/Tom-6/tom-6-3.html#1> (дата обращения: 15.04. 2021).
- Криволапов В. Н.* «Взыскующая» героиня в русской литературе XIX в. (От Гончарова до Чехова) // А. М. Панченко и русская культура. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 251–265.
- Небольсин С. А.* Пушкин и русское целое. URL: <https://www.rospisatel.ru/nebolsin.htm> (дата обращения: 19.12.2020).
- Недзвецкий В. А.* Русский социально-универсальный роман XIX века. М.: Диалог – МГУ, 1997. 264 с.
- Полосина А. Н.* «Необходимая неприятность?» (Гендерные воззрения Льва Толстого) // Лев Николаевич Толстой. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 130–138.
- Саводникъ В. Ф.* Очерки по истории русской литературы XIX вѣка. Часть вторая. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1911. 340 с.

Сато Ю. «Женственность» в творчестве Л. Н. Толстого: ее жизнь и смерть // Яснополянский сборник 2002. Тула: Ясная Поляна, 2003. С. 116–129.

Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.

Строганова Е. Н. «Она не удостоивает быть умной...» // Женщины. История. Общество. Вып. 2. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 2002. С. 229–243.

Сушков Б. Ф. Альтернативы Толстого. Альтернативный Толстой. Тула: Гриф и К, 2011. 336 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 томах. М.: Художественная литература, 1978–1985.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма в 18 томах. М.: Наука, 1982–2018.

Холодяков И. В. «Другая проза»: поиски, обретения, потери // Литература в школе. 2003. № 1. С. 36–41.

Цебрикова М. К. Наши бабушки (По поводу женских характеров в романе «Война и мир») // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. С. 128–152.

References

Afanas'ev, E. S. (2010). *Realisticheskii epos L. N. Tolstogo* [Realistic Epos by Leo Tolstoy]. *Literatura v shkole*, No. 12, pp. 5–9. (In Russian)

Aihenal'd, Yu. I. (1994). *Siluety russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian Writers]. 591 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

Batiuto, A. I. (2004). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. 960 p. St. Petersburg, Nestor – Istorii. (In Russian)

Dnei proshlyh gordye sledy. Perepiska Marii Apollonovny Volkovoi (2012) [The Days of the Past Are Proud Traces. Correspondence of Maria Apollonovna Volkova]. 312 p. Moscow, Minushee. (In Russian)

Gor'kii, M. (1953). *O literature* [About Literature]. 867 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Holodiakov, I. V. (2003). “*Drugaiia proza*”: *poiski, obreteniia, poteri* [“Other Prose”: Search, Gain, Loss]. *Literatura v shkole*, No. 1, pp. 36–41. (In Russian)

Il'in, I. A. (1997). *Leo Tolstoi kak istolkovatel' russkoi dushi. Sobr. soch. v 10 t. T. 6. Kn. 3.* [Leo Tolstoy as an Interpreter of the Russian Soul. Collected Works in 10 volumes. Volume 6. Book 3]. *Nasledie-iliina*. URL: <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru/NASLEDIE/Tom-6/tom-6-3.html#1> (accessed: 15.04.2021). (In Russian)

Il'in, V. N. (2000). *Mirosozertsanie grafa L'va Nikolaevicha Tolstogo* [The World-Outlook of Count Leo Tolstoy]. 480 p. St. Petersburg, RHGI. (In Russian)

Krivolapov, V. N. (2008). “*Vzyskuiushchaia*” *geroinia v russkoi literature XIX v. (Ot Goncharova do Chekhova)* [The “Demanding” Heroine in Russian Literature of the Nineteenth Century (From Goncharov to Chekhov)]. A. M. Panchenko i russkaia kul'tura. St. Petersburg, Pushkinskii dom, pp. 251–265. (In Russian)

Nebol'sin, S. A. (2020). *Pushkin i russkoe tseloe* [Pushkin and the Russian Whole]. URL: <https://www.rospisatel.ru/nebolsin.htm> (accessed: 19.12.2020).

Nedzvetskii, V. A. (1997). *Russkii sotsial'no-universal'nyi roman XIX veka*. [Russian Social-Universal Novel of the 19th Century]. 264 p. Moscow, Dialog - MGU. (In Russian)

Polosina, A. N. (2014). “*Neobhodimaia nepriiatnost'?*” (*Gendernye vozzreniia L'va Tolstogo*) [“A Necessary Nuisance?” (Leo Tolstoy's Gender Views)]. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia*, pp. 130–138. (In Russian)

Sato, Iu. (2003). “*Zhenstvennost'*” *v tvorchestve L. N. Tolstogo: ee zhizn' i smert'* [“Femininity” in the Works of Leo Tolstoy: Its Life and Death]. *Iasnopolianski sbornik, 2002. Tula, Iasnaia Poliana*, pp. 116–129. (In Russian)

Savodnik, V. F. (1911). *Ocherki po istorii russkoi literatury XIX veka. Chast' vtoraiia*. [Essays on the History of Russian Literature of the 19th Century. The Second Part]. 340 p. Moscow, Pechatnia S. P. Iakovleva. (In Russian)

Strahov, N. N. (1984). *Literaturnaia kritika* [Literary Criticism]. 431 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

Stroganova, E. N. (2002). “*Ona ne udostoivaet byt' umnoi...*” [“She Doesn't Deign to Be Smart...”]. *Zhenshchiny. Istorii. Obshchestvo. Issue 2. Tver', Tverskoe obl. knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo*, pp. 229–243. (In Russian)

Sushkov, B. F. (2011). *Al'ternativy Tolstogo. Al'ternativnyi Tolstoy* [Tolstoy's Alternatives. Alternative Tolstoy]. 336 p. Tula, Grif i K. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1978–1985). *Sobranie sochinenii v 22 tomakh*. [Selected Works in 22 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Turgenev, I. S. (1982–2018). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tomakh. Pis'ma v 18 t.* [Complete Works and Letters in 30 Vols. Letters in 18 Vols.]. Moscow, Nauka. (In Russian)

Tsebrikova, M. K. (1989). *Nashi babushki (Po povodu zhenskikh harakterov v romane “Voina i mir”)* [Our Grandmothers (About Female Characters in the Novel “War and Peace”)]. *Roman L. N. Tolstogo “Voina i mir” v russkoi kritike. Leningrad, izdatel'stvo Leningradskogo universiteta*, pp. 128–152. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021
Поступила в редакцию 15.04.2021

Полтавец Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский городской педагогический
университет,
129226, Россия, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
nedzvetsky@bk.ru

Poltavets Elena Yuryevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow City Teacher Training University,

4, 2 Sel'skokhozyaistvennyi Proyezd,
Moscow, 129226, Russian Federation.
nedzvetsky@bk.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-170-175
УДК 821.161.1 + 930.23

Л. Н. ТОЛСТОЙ И П. П. НИКОЛАЕВ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ XX ВЕКА

© Юрий Прокопчук

LEO TOLSTOY AND PYOTR NIKOLAEV ON SOCIAL AND POLITICAL PROBLEMS OF THE TWENTIETH CENTURY

Yuri Prokopchuk

The research studies the socio-political views of Leo Tolstoy and Pyotr Nikolaev. The article deals with Tolstoy's "prophecies" and predictions, which are reflected in his journalistic articles and diary entries. These works and notes touch upon the events of the Russian history in the 20th century: the beginning of World War I in 1914, the inevitability of social upheavals and changes in Russia in the early 20th century, the feeling of Fin de siècle, and the development of militarism along with the emergence of new types of weapons in European countries. We analyze certain features of Tolstoy's perception of international relations, the revolutionary movement, and the socio-economic progress. The article shows the main features of the outlook of Tolstoy's follower, the spiritual monist P. Nikolayev, a philosopher, who denied the material conditionality of social relations, social injustice, and violence as methods of achieving political goals. The article emphasizes the consistency of Tolstoy and Nikolayev's critical attitude to the main events of political history, wars, and revolutions. We reveal the features and essence of the alternative perception of the meaning and goals of the historical development in terms of their world outlook, and the social changes, based on nonviolence and anti-war views.

Keywords: Leo Tolstoy, Pyotr Nikolaev, Russian history of the 20th century, Leo Tolstoy's journalism, spiritual monism, nonviolence, anti-war views.

Работа посвящена изучению общественно-политических воззрений Л. Н. Толстого и П. П. Николаева. Рассматривается вопрос о «пророчествах» и предсказаниях Толстого, получивших отражение в его публицистических статьях, дневниковых записях. В основном они имеют отношение к событиям российской истории XX века: к началу Первой мировой войны в 1914 году, к неизбежности социальных потрясений и изменений в России начала XX века, к ощущению рубежности эпохи, «конца века», к развитию милитаризма, появлению новых видов вооружений в европейских странах. Анализируются некоторые особенности восприятия Толстым международных отношений, революционного движения, а также социально-экономического прогресса. Показаны особенности мировоззрения последователя Толстого – философа, духовного мистика Николаева, отрицавшего исходя из метафизических позиций, из представлений о реальности лишь духовного начала материальную обусловленность общественных отношений, социальную несправедливость и насилие как метод достижения политических целей. Подчеркивается закономерность критического отношения Толстого и Николаева к основным событиям политической истории, войнам и революциям, выявляются особенности и сущность альтернативного – в духе мировоззренческих позиций мыслителей – восприятия смысла и целей исторического развития, общественных изменений, основанных на ненасилии и антивоенных позициях.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, П. П. Николаев, российская история XX века, публицистика Л. Толстого, духовный мизмизм, ненасилие, антивоенные взгляды.

Так получилось, что многие, подчас даже противоположные по своим убеждениям авторы подчеркивали тесную связь толстовского творчества с революционными изменениями начала XX века. Например, для В. И. Ленина Толстой был «зеркалом русской революции», отразившим в своем творчестве противоречия эпохи, которые и

привели к революционному взрыву, но не завершились победой именно из-за нерешительности восставших масс, склонности к соглашательству и компромиссам – в духе Толстого [Ленин, с. 17–23]; для Н. А. Бердяева Лев Николаевич превратился в того, кто вызывал «духов русской революции» и сам был ими одержим [Бердяев, с. 78–

85], в мыслителя, сильного своими разрушительными тенденциями. Так получилось, что подобные «рефлексии» толстовского творчества в силу некоторых субъективных причин вытеснили саму по себе толстовскую позицию; во всяком случае, надо признать, что оценки Ленина и Бердяева до сих пор господствуют в общественном сознании и намного популярней тех толстовских работ, в которых затрагиваются общественно-политические проблемы начала XX века. В силу этого представления о Толстом как о плохом пророке, не понимавшем и не чувствовавшем общественных изменений, как о мыслителе наивном, не видевшем бездны человеческих пороков и зла утвердилось в обществе.

На самом деле в трудах Толстого мы можем найти немало пророчеств, доказывающих, что яснополянец глубоко чувствовал особенности развития общественных отношений и отдельных государств. Например, в его статье содержится предсказание начала Первой мировой войны, причем сделано оно за двадцать с небольшим лет до кровавой драмы в работе «Христианство и патриотизм». Толстой пишет о русско-французском военном союзе, который впоследствии стал основой Антанты, и замечает, что направлен он против Германии и, следовательно, не имеет ни малейшего отношения к идеям братства народов. Писатель убежден, что последствия этого союза будут самыми плачевными для народов, что он приведет к большой войне, и описывает начало этой войны. Сравнивая современные ему общественно-политические реалии с тем, что было перед началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Толстой пишет:

«То, что делалось в Тулоне и Париже и теперь продолжает делаться в газетах, очевидно, ведет к такому же или еще ужаснейшему бедствию. Точно так же сначала будут под звуки „Боже, царя храни“ и „Марсельезы“ пить разные генералы и министры за Францию, Россию, за разные полки, армии и флоты; будут печатать свое лганье газеты, будет праздная толпа богатых людей, не знающих, куда девать свои силы и время, болтать патриотические речи, раздувая враждебность к Германии, и как бы ни был миролюбив Александр III, сложатся такие обстоятельства, что ему нельзя будет отказаться от войны, которой будут требовать все окружающие его <...>»

Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство. И начнется опять старое, давно известное, ужасное дело. Засуетятся разжигающие людей под видом патриотизма к ненависти и убийству газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся <...> чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они

крадут обыкновенно. Засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы и надеющиеся получить за убийство людей различные высокоценные ими побрякушки – ленты, кресты, галуны, звезды. <...>

И, заглушая в своей душе отчаяние песнями, развратом и водкой, побредут оторванные от мирного труда, от своих жен, матерей, детей – люди, сотни тысяч простых, добрых людей с орудиями убийства в руках туда, куда их погонят. <...>

И опять одичают, остервенеют, озвереют люди, и уменьшится в мире любовь <...>» [Толстой, т. 39, с. 45–47].

Думается, если привести этот фрагмент без указания на авторство, то каждый, кто знает, что происходило в России в 1914–1917 годах, подумает, будто писал это современник тех событий: уж больно реалистично описан патриотический подъем 1914 года, соответствующие речи и статьи, возбуждающие ненависть к Германии, активность военных поставщиков, воровство чиновников, поддержка войны со стороны церкви, значительные военные потери, озверение людей, впоследствии творивших зверства в годы войны Гражданской... Единственное уточнение – в том, что происходило все это не при Александре III, а при Николае II. Мы видим, что Толстой слишком ясно представлял себе губительные последствия милитаризма, осознавал, к чему идет лишенное христианской любви к ближнему человечество.

Весьма характерна толстовская запись в дневнике от 20 июля 1909 года: «Первая мысль при известии о перелете Ламанша – как применить аэропланы к войне, к убийству» [Толстой, т. 57, с. 97]. Эта запись сделана задолго до появления тех бомбардировщиков, из-за которых в годы Второй мировой войны количество жертв среди мирного населения достигло рекордных показателей и целые города-поселки были стерты с лица земли. Мудрость Толстого состояла в том, что он предвидел страшные последствия военного и технического прогресса (другие авторы в своем большинстве не обращали на них такого внимания, не видели оборотную сторону развития цивилизации). Именно этим объясняется страстный «антипрогрессизм» Толстого, который так удивлял и поражал современников, сравнивавших Льва Николаевича с идеализировавшим первобытное общество Жан-Жак Руссо. На самом деле критика прогресса Толстым намного глубже, она зиждется на взгляде не в прошлое, а в будущее – в то будущее, которое представлялось писателем столь безрадостным при существовании насильственных норм человеческого общежития. Отсюда его стремление подчеркнуть зависимость технического прогресса от

нравственного, отсюда и достаточно крайние по духу выводы о том, что люди не имеют права пользоваться благами цивилизации, обеспечивающими комфорт, поскольку все они в конечном счете употребляют для простого удовлетворения эгоистических потребностей, из-за которых нередко возникают войны [Толстой, т. 36, с. 123]. Как видим, Толстой здесь выступает критиком не столько технического прогресса, сколько нравственного состояния человечества, пафос этого высказывания не в том, что отказаться от обработки железа и стали...

Для публицистики Толстого начала XX века было характерно ощущение рубежности эпохи, представлений о том, что наступил конец существующего строя жизни людей. Эту мысль Толстой неоднократно выражал не только в статьях, но и в частных беседах. Характерны записи слов писателя, сделанные Д. П. Маковицким: «Наша цивилизация – одна из многих, она идет к концу. Надо начинать с нового пути» [Маковицкий, кн. 1, с. 331]. М. С. Сухотину Толстой говорил, что «начинается какая-то новая историческая драма» (цит. по: [Ореханов, с. 262]). При этом «рубежность» понималась Толстым двояко. С одной стороны, Лев Николаевич мечтал об установлении норм христианского общежития людей, о мире, в котором представления о божеской любви были бы основой основ. А с другой – понимал, что волна насилия буквально захлестывает современное ему общество. Эти мотивы сосуществуют в толстовском творчестве.

В публицистике Толстого периода до первой русской революции есть такое противоречивое произведение, как «Солдатская памятка», в которой содержатся призывы отказываться выполнять приказы и не стрелять в народ. Противоречие заключается в том, что солдаты, как военнослужащие, просто вынуждены выполнять приказы начальства. С точки зрения толстовских взглядов, логично выглядели бы призывы к солдатам в первую очередь оставить военную службу, причем они имелись в других толстовских произведениях, однако же в этой статье они не занимают основного места. Сам Лев Николаевич, как бывший офицер, прекрасно знал, что военные должны выполнять приказ, тем не менее обратился к ним с таким призывом, ибо был напуган теми потоками крови, которые могли бы пролиться в результате народных восстаний... Именно это стремление – любой ценой предотвратить страдания и бедствия людей – и было основным стимулом для создания толстовских статей, в которых содержалась критика как правительственных чиновников, так и для революционеров.

Думается, что Толстой не был ни «зеркалом», ни «духом» русской революции, он вообще перенес вопрос о революции в другую плоскость, для него главное – это революция в сознании, революция духовная, в результате которой человек осознает свою истинную сущность.

Как известно, Лев Николаевич затрагивал в своих трудах метафизические вопросы, однако нельзя сказать, что они получили в его произведениях полное и окончательное разрешение. Но в этом направлении активно работал философ, духовный монист Петр Петрович Николаев, разделявший толстовские воззрения (см. подр.: [Прокопчук]). Согласно мнению Николаева, материи не существует, есть лишь жизнь, которая является нематериальной, духовной и которую мы представляем себе в виде материальных образов из-за несовершенного сознания. В своих трудах Николаев занят в основном гносеологическими вопросами, он исследует особенности нашего сознания, мировосприятия, там мы редко можем встретить четкое изложение политических и социальных взглядов. Но иногда Петр Петрович упоминает о них в начале своих сочинений, когда речь идет об идейном обосновании книги.

Так, в предисловии к «Исследованию нашего сознания» Николаев писал, что появление труда, главная цель которого заключается в изучении сознания и замене догматических церковных представлений религией доброго человеческого разума, не может считаться несовременным. Ибо он может способствовать внутренним изменениям личности, что является предпосылкой общественных изменений [Николаев, 1929, с. VI, предисловие]. Мировоззренческую эволюцию людей от материализма к спиритуалистическому идеализму Николаев воспринимал как средство улучшения жизни людей [Николаев, 1929, с. XVI, предисловие]. Этот путь – от философии к изменению жизни – считался им очень важным. Именно в этом мыслитель и видел значение своих работ. Человеку, по его убеждению, необходимо с ясностью осознать, что его жизнь на земле как «плотское», «животное» существование кратковременно, и этим она напоминает недолго длящийся сон; смерть же человека (поскольку он существо конечное) знаменует собой прекращение сна и переход души в некое иное состояние; отсюда крайне важным представляется очищение души от всего эгоистического, мелкого, суетливого, низкого, от тех «страстей», которые разрушают духовный мир, лишают натуру качества высокой цельности и полноты [Николаев, 1929, с. XIX, предисловие]. Духовный монизм, согласно Николаеву, должен убедить людей в

том, что тело не существует и о нем беспокоиться не надо. Если человек примет эту истину, он не будет воспринимать жизнь как нечто конечное, исчезающее вместе с разрушением, умиранием, разложением плоти; это приведет к тому, что человек наконец перестанет притеснять, ненавидеть и тем более насилловать других ради сохранения собственной временной телесной оболочки [Николаев, 1929, с. XX, предисловие].

Похожие мысли Николаев отразил в предисловии к конспекту «Понятия о Боге» – в книге «Современные бедствия. Бессилия церкви, науки и политики. Разумное религиозное понятие о жизни». Там философ писал, что разбираемые в книге вопросы не являются отвлеченными, что только при уяснении этих вопросов может проявиться нравственное сознание людей и улучшаться их жизнь [Николаев, Б. г., с. 5]. Петр Петрович отмечал, что отказ от борьбы за материальный достаток не только не приводит к голоду, – наоборот, люди потому голодают, что пытаются вырвать друг у друга все низменно-жизненные блага с помощью насилия, порабощения, жестоких войн и не менее жестоких революционных переворотов [Николаев, Б. г., с. 11]¹. Вполне в духе Толстого Николаев пишет о главной ошибке социалистов – о стремлении насильем изменить жизнь к лучшему и добиться материальных благ, что не может принести ничего, кроме бедствий [Николаев, Б. г., с. 13–14].

Столь же резкой была критика социалистических, коммунистических идей и большевистской революции, данная Николаевым в статье «Ответы, даваемые духовно-монистическим учением на вопрос о всеобщем мире» [ОР РГБ, ф. 358 (Рубакин Н. А.), картон 409, ед. хр. 4]. Там философ писал о том, что намерения социализма и большевизма (большевизм трактуется им как идеологически высший этап в развитии социализма) сделать человеческую жизнь мирной, устроенной на основаниях любви и братства, никогда не осуществится, ибо это находится в разительном противоречии с материалистической природой данных учений, что опыт обретения материального благополучия поставлен в них выше любви и добра, выше жалости и сострадания – словом, всего того, что связано с областью нравственного чувства: конечным результатом,

итогом практического применения этих идеологических установок станет ненависть и кровавая борьба. Николаев подчеркивал, что явным доказательством правоты его мыслей является русская коммунистическая революция, точнее – религиозный коммунизм. Он стал следствием презрения к материальным благам: его адепты вполне свободно отказывались от эгоистичных благ ради общей пользы. Социалистический коммунизм, наоборот, был основан на том, что материальное начало – это самое главное в жизни и что достатка в материальном смысле слова надо добиваться всеми способами, даже если они сопряжены с насилием и убийствами [Там же, л. 2–3]. Именно духовный монизм, согласно Николаеву, является рецептом решения всех общественно-политических проблем. Николаев призывал объединяться в любви, в движении к совершенству, пусть оно и недостижаемо; человек должен, по его мнению, приближаться к жизни духовной, то есть чистой, легкой, свободной от низких «телесных образов», вообще от материи с ее неимоверной тяжестью [Там же, л. 7].

Безусловно, влияние Толстого на общественно-политические взгляды Николаева было очень велико, многие толстовские воззрения философ разделял, поэтому просто не считал нужным повторять то, что неоднократно выразил в своих сочинениях яснополянец. Но иногда он, используя чисто толстовские аргументы, пытался оценить те или иные исторические события.

1925 год – юбилейная дата декабристского движения, которая отмечалась как в СССР, так и за рубежом. К этому юбилею Николаев решил опубликовать записки своего деда, участника подавления декабристского движения на юге, которые хранились в его личном архиве. Подготовив записки к публикации, философ написал к ним вступительную статью, в которой почти как Лев Толстой осуждал всех участников столкновения. Вот некоторые фрагменты этого предисловия:

«Декабристы, как и огромное большинство людей даже и в наше время, не видели, что действительно свободная и братская жизнь людей никак не может вытекать из внешних насильственных переворотов, но что она достигается только путем внутренней нравственной эволюции людей, путем постепенного прояснения их религиозно-нравственного отношения к своей собственной жизни и к жизни всех других людей. Не видя этой основной психологической истины, декабристы ставили себе цель – перекроить жизнь внешним образом, путем введения конституции, а для этого надо было свергнуть старое правительство и захватить власть в свои руки. Для достижения этой цели, которая казалась им очень хорошей, разрешались

¹ Ср. с письмом Николаева к Троицкому от 26 июня 1925 года: «Пока идеал у рабочих идей остается тот же, что и у буржуазии – стремление к материальным благам, никакой действительной перемены в жизни не может быть, могут меняться только названия и чисто внешние формы жизни, которые будут прикрывать все то же прежнее содержание» [РГАЛИ, ф. 2226 (Булгаков В. Ф.), оп.1, ед. хр. 1137, л. 16, об.].

средства весьма дурные: деятельность не открытая, но скрывающаяся, подпольная агитация, ведущая к междоусобному столкновению набранных из народа войск, кровью которых должна была быть завоевана спасительная конституция или даже республика. Искренно веря, что цель их прекрасна, декабристы самоотверженно рисковали жизнью ради этой цели.

С другой стороны, среди защитников старого строя, к числу которых принадлежал автор записок, по-видимому, были люди искренно верившие, что строй этот есть нечто нормальное и вполне законное, а что деятельность декабристов и подготовка ими вооруженного восстания есть величайшее нравственное заблуждение и бедствие для России. Эти люди искренно верили, что защита существовавшего строя против революционеров есть цель очень высокая и ради этой цели, которую они себе ставили, допускали самые дурные средства: шпионство, предательство, казни и ссылки. В борьбе с революционерами люди эти тоже нередко рисковали своей жизнью; они нередко смутно чувствовали (как, напр., автор записок) безнравственность и жестокость употребляемых ими средств, но неизменно думали, что для достижения хорошей цели допустимы средства самые дурные.

Так думают всегда люди, пока у них нет разумного религиозно-нравственного отношения к своей собственной жизни и к жизни всех других людей, и в этом причина их бедствий в прошлом и в настоящем. И цели, которые люди себе ставят, и средства достижения этих целей одинаково неразумны и безнравственны, и отсюда все их страдания» [ОР РГБ, ф. 358 (Рубакин Н.А.), картон 409, ед. хр. 3, л. 2].

Трудно не уловить здесь чисто толстовские по своей сути пассажи, отрицание всякого насилия и, главное, толстовскую логику, столь характерную для поздних публицистических работ Льва Николаевича.

Данное предисловие, написанное Николаевым, не означает, что Петр Петрович в вопросах политических сохранял полный нейтралитет, не одобряя действия ни сторонников власти, ни ее противников. Например, если говорить о событиях XX века, то целый ряд высказываний Николаева в письмах, адресованных Н. А. Рубакину и М. А. Бетман, содержат резкую критику представителей советской власти.

С язвительной критикой Петр Петрович встретил известие о «философском пароходе» и высылке интеллигенции из советской России. 28 января 1923 года он писал Рубакину о том, что жизнь в России руководят «насилыники и политические хулиганы», что света в конце тоннеля не видно, ибо всех свободно мыслящих и глубоко образованных людей (интеллигентов) в России преследуют и изгоняют, причем высылке подлежат совсем не причастные к какой бы то ни было политической деятельности друзья Льва

Толстого² [ОР РГБ, ф. 358 (Рубакин Н. А.), картон 258, ед. хр. 4, л. 33, об.]. Критика насилия при социалистическом строе содержалась и в письме Николаева к Луначарскому от 12 октября 1924 года [НИА ГМИР, ф. 26 (Молочников В. А.), оп. 1, ед. хр. 202, л. 1, об.].

Мы не можем, конечно, точно предугадать реакцию Льва Толстого на революцию 1917 года и последующие события, но то, что кровь, насилие и братоубийственная война подверглись бы самой суровой критике со стороны «совести человечества», сомнению не подлежит. И представители толстовского движения, в том числе Петр Петрович Николаев, критикуя революционное насилие, вполне выражали толстовскую точку зрения.

Подводя итоги, обозначим конкретные выводы николаевской метафизики, которые неизбежно вытекают из его хода рассуждений о духе и материи. Если материя не является истинным началом жизни, то любая ориентация на нее, на материальные ценности является ложной. Стремление к власти, богатству, всем формам материального преуспеяния являются следствием в корне неверных представлений о жизни и должны быть отброшены. Вся цивилизация, построенная на материальном начале, является ложной. Любые стремления сохранить и приумножить материю, любые попытки отождествить себя или свое истинное благо с материальным миром являются ложными. Отсюда и близкая толстовской теории критика общественных институтов, проповедь бессмысленности любых изменений материальной жизни без перемен в сфере духовной. Толстой пришел к этим взглядам как религиозно-нравственный мыслитель, без научного анализа, независимо от рассмотрения вопросов, связанных с познанием мира. Нетрудно убедиться в том, что Николаев и Толстой с разных сторон подошли к решению одной и той же, важной, определяющей для человеческого существования задачи духовного преобразования человечества, которая является достойной альтернативой не только революциям, но и любым политическим изменениям, предпринимаемым без перемен внутренних, в сознании людей.

² Имелся в виду В. Ф. Булгаков, который в 1923 году не по своей воле был вынужден покинуть СССР и уехать в Чехословакию. В. Ф. Булгаков, как известно, был личным секретарем Льва Толстого («помощником»), как предпочитал он называть человека такого рода) в самый последний год жизни писателя. В. Ф. Булгаков – автор знаменитого дневника, в котором описана повседневная жизнь Льва Толстого, его встречи, беседы, прогулки в Ясной Поляне, вплоть до тайного ухода из дома.

Список литературы

Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, СП «Ост-вест корпорейшен», 1990. 297 с.

Ленин В. И. О Л. Н. Толстом / сост., послесл. и примеч. С. М. Брейтбурга. М.: Художественная литература, 1969. 192 с.

Маковицкий Д. П. У Толстого (1904–1910). Яснополянский записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн.1–4. М.: Наука, 1979.

Научно-исследовательский архив Государственного музея истории религии. Ф. 26 (Молочников В. А.).

Николаев П. П. Исследование нашего сознания: духовно-монистическое мировоззрение. Белград: [б. и.], 1929. 432 с.

Николаев П. П. Современные Бедствия: бессилие церкви, науки и политики: разумное религиозное понятие о жизни: краткое изложение сочинения «Понятие о Боге, как Совершенной Основе нашей жизни». Берлин: [б. и.], Б. г. 223 с.

ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 358 (Рубакин Н. А.).

Ореханов Г., прот. Лев Толстой. «Пророк без чести». Хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016. 608 с.

Прокопчук Ю. В. Мировоззрение Л. Н. Толстого и духовно-монистическая философия П. П. Николаева. М.: Оригинал-макет, 2016. 272 с.

РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 2226 (В. Ф. Булгаков).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. М.; Л.: Художественная литература, 1928–1958.

References

Berdiaev, N. A. (1990). *Duhi russkoi revoliutsii. V kn.: Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revoliutsii* [Spirits of the Russian Revolution. In: From the Depths. A Collection of Articles about the Russian Revolution]. 297 p. Moscow, izd-vo MGU: SP “Ost-vest korporeishen”. (In Russian)

Lenin, V. I. (1969). *O L. N. Tolstom* [About L. N. Tolstoy] 192 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Makovitskii, D. P. (1979). *U Tolstogo (1904–1910). Iasnopolianskie zapiski* [At Tolstoy’s (1904–1910). Notes from Iasnaia Poliana]. Т. 90. В. 1–4. Moscow, Literaturnoe nasledstvo. (In Russian)

Nikolaev, P. P. (1929). *Issledovanie nashego soznaniia: (duhovno-monistiches. mirovozzrenie)* [The Study of Our Consciousness: (A Spiritual-Monistic Worldview)]. 432 p. Belgrad. (In Russian)

Nikolaev, P. P. (N. d.). *Sovremennye Bedstviia: Bessilie tserkvi, nauki i politiki: Razum. religioz. poniatie o zhizni: Krat. izlozh. soch. “Poniatie o Boge, kak Sovershennoi Osnove nashei zhizni”* [Modern Disasters: The Impotence of the Church, Science, and Politics: A Reasonable Religious Concept of Life: A Summary of the Essay “The Concept of God as the Perfect Basis of Our Life”]. 223 p. Berlin. (In Russian)

Orekanov, G., archpriest (2016). *Lev Tolstoi. “Prorok bez chesti”: khronika katastrofy* [Leo Tolstoy. “A Prophet with No Honour”: A Chronicle of a Catastrophe]. 608 p. Moscow, Eksmo (In Russian)

Prokopchuk, Yu. V. (2016). *Mirovozzrenie L. N. Tolstogo i duhovno-monisticheskaiia filozofia P. P. Nikolaeva* [Tolstoy’s Worldview and P. P. Nikolaev’s Spiritual-Monistic Philosophy]. 272 p. Moscow, Original-maket. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete Works in 90 Volumes]. Moscow; Leningrad, Khudizhestvennaia literatura. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2021

Поступила в редакцию 15.05.2021

Прокопчук Юрий Владимирович,
кандидат исторических наук,
заведующий экскурсионно-методической
службой,
Государственный музей Л. Н. Толстого,
119034, Россия, Москва,
Пречистенка, 11/8.
prokopchuk17@mail.ru

Prokopchuk Yuri Vladimirovich,
Ph.D. in History,
Head of the Excursion and Methodological
Service,
State Museum of L. N. Tolstoy,
11/8 Prechistenka Str.,
Moscow, 119034, Russian Federation.
prokopchuk17@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ПОЭЗИИ Р. ХАРИСА

© Флера Сайфулина, Нурфия Юсупова

INTELLECTUAL TREND IN THE POETRY OF RENAT KHARIS

Flera Sayfulina, Nurfiya Yusupova

The article studies an intellectual tendency in the poetry of R. Haris. The relevance of the study is due to a lack of studies that examine the intellectual tendency in the poet's lyrical and lyrical-epic works, and the need to identify specific features of the intellectual tendency in certain works by Renat Haris. The object of the research is poetic texts, in which the intellectual tendency occupies a significant place, and its stylistic and poetic features.

The scientific novelty of the work is determined by a different approach to the study of lyrical and lyrical-epic works by R. Kharis: the study focuses on identifying the stylistic and poetic features of the intellectual tendency in the poet's works, as well as the peculiarities of his imaginative thinking. A structural and semiotic analysis of poetic texts makes it possible to highlight new facets not only in the poet's work, but also in the development of Tatar poetry in the second half of the 20th – early 21st centuries.

The study concludes that the intellectual tendency in the works of R. Kharis has become the basis of a new type of artistic style and poetic thinking. The poet enriches Tatar poetry with philosophical motifs, other stylistic, genre features and imaginative thinking, a new type of a lyrical hero, and transforms it within the framework of a non-classical paradigm.

Keywords: intellectual tendency, poem, R. Kharis, lyrical poetry, lyrical hero, image.

В статье раскрываются особенности раскрытия интеллектуальной тенденции в поэзии Р. Хариса. Актуальность исследования обусловливается малоизученностью интеллектуальной тенденции в лирических и лиро-эпических произведениях поэта и, следовательно, потребностью выявления специфических особенностей интеллектуальной тенденции на материале отдельных произведений Рената Хариса. Объектом исследования являются поэтические тексты, в которых значительное место занимает интеллектуальная тенденция и присущие ей стиливые и поэтические особенности.

Научная новизна определяется иным подходом к изучению лирических и лиро-эпических произведений Р. Хариса: в ходе исследования акцентируется внимание на выявление стиливых и поэтических особенностей интеллектуальной тенденции в произведениях поэта, а также особенностей его образного мышления. Структурно-семиотический анализ поэтических текстов даст возможность выделить новые грани не только в творчестве поэта, но и в развитии татарской поэзии второй половины XX – начала XXI века.

В ходе исследования утверждается, что интеллектуальная тенденция в творчестве Р. Хариса становится основой нового типа художественного стиля, поэтического мышления. Поэт обогащает татарскую поэзию философскими мотивами, иными стиливыми, жанровыми особенностями и образным мышлением, новым типом лирического героя и трансформирует ее в рамках неклассической парадигмы.

Ключевые слова: Р. Харис, лирика, лирический герой, образ, интеллектуальная тенденция, поэма.

Ренат Харис – один из поэтов, внесших огромный вклад в развитие татарской поэзии второй половины XX – начала XXI века. Он приходит в поэзию в шестидесятые годы и вскоре становится поэтом, который ищет свой стиль, своеобразные приемы выразительности, как отмечает Т. Галиуллин, «поклонником пера философского склада, стремящийся к раскрытию как душевных

переживаний, так и работы мысли; поднимающий и раскрывающий современные проблемы нравственности через обращение к истории, использование особенностей языковых узоров, неожиданных метафор, стремящийся раскрыть философские основы жизни» [Галиуллин, с. 109]. Для представления своих философских размышлений, которые не «ложатся» в традиционные

формы, Р. Харис предлагает новые формы, «подтачивая» аналитический, философский склад размышлений. Обновляя традиции авангардной поэзии, он стремится к созвучию поэтической формы и содержания, обращается к образному мышлению, метафоричности, использованию символов, условных образов, свободной форме изложения: интонационному стиху, белому стиху; обогащает татарскую поэзию, создавая лирического героя в новом статусе.

Обновленческий процесс в творчестве поэта связан с развитием интеллектуальной тенденции в татарской поэзии того периода. Анализ творчества Р. Хариса на этой плоскости дает возможность проследить новые тенденции развития в его поэзии, а также в современной татарской поэзии в целом, доказывает звучание его произведений на уровне мировой литературы.

Литературная критика отмечает, что 1970-е годы характеризуются активизацией философского начала в лирике: отмечается усиление созерцательного начала в поэзии, усложнение образов в раскрытии духовного мира лирического героя, стремление к более полному раскрытию мыслительной деятельности человека, умозаключения, усиление интеллектуального начала как особого течения.

Именно в эти годы также и в русской прозе наблюдается усиление интеллектуального начала, то есть актуализация процесса поиска в субъективном мире человека возможностей противостоять мировым катаклизмам [Лейдерман, с. 130–136]. И. Р. Ратке указывает на преобладание этого процесса над отдельными национальными литературами и литературными направлениями в целом [Ратке, с. 12].

Также и в национальной литературе интеллектуальная поэзия стремится решать актуальные проблемы общества на литературном материале, анализирует состояние мира, бытия. В результате начавшегося в данные годы духовного кризиса, застоя в обществе интеллектуальная тенденция смещает внимание автора не столько к душевным переживаниям человека, сколько к его мысли, интеллектуальным возможностям, обновляя таким образом пути противостояния им. Поэты ищут ответы на вопросы: «Способны ли, личности, имеющие свои представления, цели, идеалы, преодолеть пороки общества, жизни? В связи с этим усиливается дух анализа, в поэзии выдвигается аналитическое мышление, в художественном мышлении часто обращается к условности. Как отмечает Н. Юзиев, в таких поэтических произведениях «нельзя противопоставить душевную лирику с философской: они дополняют друг друга» [Юзиев, с. 138].

Интеллектуальная тенденция включает в себя образ времени, приемы условности, мудрую речь, фразеологические высказывания; в таких произведениях наблюдается усиление философского, концептуального начала, объединение в структуре одного литературного произведения двух наслоений: изобразительного, сюжетного и метафизического. Таким образом, автор превращает сюжет в загадку и оставляет читателя решать ее самому.

Кроме того, в литературе наблюдаются такие черты, как смешение временных рядов, включение в реалистический сюжет элементов мифологии или фольклора (новелла, легенда, древний мифический сюжет, фантастические персонажи, вступающие в контакт с реальными героями) [Лейдерман, с. 130–136].

Д. Загидуллина отмечает, что интеллектуальная литература на национальной почве насыщается философско-психологическими, общественными, нравственными чертами: «в произведениях, написанных в поисках универсальных законов бытия, осмысливая и представляя их читателю, на первый план выдвигается образ автора-рассказчика. Обращение интеллектуального начала к гротескным формам, сатирическому пафосу приводит к появлению произведений, обращенных к советскому обществу с сильной критикой, создававшие антиутопический мир. Ирония в таких произведениях переплетается с философией боли о бессмысленности человеческой жизни, об исчезновении милосердия и человечества» [Загидуллина, с. 8].

Интеллектуальная тенденция в татарской поэзии проявляется именно в поэзии Р. Хариса, так как его стихи и поэмы построены на интеллектуальных приемах. «Именно с такой всеобъемлющей целью в поэзию пришла целая плеяда поэтов – Равиль Файзуллин, Ренат Харис, Рустам Мингалимов, Радиф Гатауллин, Гарай Рахим и др., стремящиеся естественным образом воплотить мысль в стихотворном материале, превратить ее в языковую ноту поэзии, в настоящий инструмент познания» [Мансуров, с. 149], – пишет З. Мансуров.

Качество интеллектуальности лирики Р. Хариса раскрывается в связи с концепцией личности, в поэтических произведениях основное внимание уделяется не душевным переживаниям, а познавательным, умственным возможностям человека, начинается поиск путей противостояния ситуации в обществе, в жизни, в собственных, личных возможностях, сознании человека [Юсупова, с. 265]. Такие поиски, свойственные интеллектуальным тенденциям, выдвигались и в поэзии Р. Хариса, приводя к формированию свое-

образного лирического героя. «Возрождение поэзии идет вместе с возрождением личности, вернее, духовное возрождение ведет к возрождению поэзии» [Бочаров, с. 41], – отмечает А. Бочаров. Эту мысль можно подтвердить и на примере творчества Р. Хариса. Такой герой помогает сформировать новую идею, новую концепцию жизни: сущность мира, законы существования определяет человек, роль движущей силы выполняет человеческий разум: в его произведениях сильна антропологическая философия. Концепция личности, привносимая поэтом, легла в основу татарской интеллектуальной поэзии 1960–80-х годов. Этот лирический герой живет высокими стремлениями, верит в возможность изменить мир, бытие, возвышает ум. В дальнейшем приемы интеллектуальной тенденции проникают и в область образного мышления; усложняется и обогащается структура произведений.

В 1983 году вышла в свет поэма Р. Хариса «Седлание коня», проникнутая общественным настроением, глубоким проникновением в самые глубинные слои человеческой мысли. В сюжете поэмы реализуются два направления: в реалистической сюжетной линии описывается, как конь, принадлежащий Караму, отправился на войну и сбежал, вернулся домой, после чего на войну уходит сам Карам и возвращается на Родину победителем. Главный герой поэмы Карам раскрывает свои глубокие тайны коню, сбежавшему с войны, сообщает, что его сын остался лежать на украинской земле. После чего конь, как в сказке, рассказывает о том, как он спасся от страшной войны. Таким образом, здесь в сюжетную канву вступает другая сюжетная линия – ирреальная: поэт переходит к изображению развития, изменения течения мысли, происходящего в сознании человека.

Данный второй слой, скрытый за сюжетной канвой, понимается как метафора первого и раскрывается через фразу «В сердце джигита – оседланный конь». В татарском фольклоре важнейшим атрибутом мужчины является конь, всадник известен как символ храбрости, как семантическая схема, пришедшая со времен древних гуннов. Многие жанры фольклора подтверждают это мнение: в сказках юноша, потерявший коня, попадает в беду, в народных песнях «для мужчины крылья – это его конь», и в пословицах конь приравнивается к сердцу юноши («В сердце джигита – оседланный конь»).

Таким образом, конь становится критерием, оценивающим мужчину. Разговор лирического героя со своим конем понимается как погружение в самые глубокие, потаенные уголки собст-

венной души, как недовольство, спор с самим собой. Метафорический, ирреальный пласт от начала до конца произведения переплетается с реальной сюжетной линией поэмы и основывается на процессе возвращения человека к своей сущности. От раздумий, от признания своей неправоты, предательства перед самим собой, своей Родиной герой краснеет «как стыд», бледнеет «как недоумение» и делает вывод о том, что в его сердце лежит не этот трусливый конь, а запряженный конь, готовый к бою. Произведение «Седлание коня», таким образом, не описание эпохи войны, в нем поднимается актуальная в каждой эпохе и звучащая по-своему в каждую эпоху проблема о поиске и утверждении человека в самом себе.

В произведении «Художник», основанном не на развитии сюжета, а на развитии чувств, описательный сюжет не наблюдается. Поэт отдает предпочтение предметному изображению, плотной метафорической образности, «рисует словами». В поэме появляются два ассоциативных ряда, первый из которых раскрывается в связи с прекрасной девушкой, пришедшей в мастерскую художника, которая раскрывается в связи со страной, разрушенной после войны, с землей, ожидающей дождя, но они не образуют сюжетной линии, а помогают к переходу ко второму, ассоциативному ряду.

Художник создает на холсте живую человеческую фигуру, для него девушка прежде всего отождествляется с «божественной чистотой, ставшей телом», с «непревзойденной красотой, которая может быть матерью героев». Однако грех, совершенный девушкой, уничтожает магический образ, грех вызывает ассоциации с войной и образует второй ассоциативный ряд.

Переход происходит через «душу художника» и отражается в виде изображения на холсте.

«И увидел душу свою –
Обессиленную родную страну,
Свой котел, перелатанный,
Грязную мастерскую,
Все, все вокруг...»¹ [Харис, 2005, с. 101].

Душа художника выполняет роль определителя состояния земли и создает ассоциативный мир. Развитие мысли автора обеспечивает сюжетную изменчивость, воображаемые явления, ассоциирующиеся с явлениями реального мира, выводят вечные вопросы за рамки определенного периода и позволяют проследить их историческую преемственность.

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш – Ф.С.

Р. Харис использует метод «проекции», который удваивает реальность. Если, с одной стороны, через осязаемо-чувственные образы, наполненные сложными проблемами, вытесняющими друг друга, описывается большой мир в его реальной целостности, то, с другой стороны, только что прошедшие перед нами события и явления пронизаны ассоциативным чутьем, видением художника, вдохновленного стремлением к совершенству, украшению жизни, духовного мира. Интеллектуальное начало находит воплощение через синтез реальных и ассоциативных явлений. Р. Харис задается вопросом: «Может ли человек противостоять безнравственности, нечистоплотности этого мира?» – до уровня проблемы и, восстанавливая изображение прекрасной девушки, отвечает: «Да».

Сюжетная линия поэмы Р. Хариса «Клятвенная чаша», заслуживающая особого внимания с точки зрения отражения интеллектуальных тенденций, объединяет два временных ряда. Историческое время освещает договор 985 года между Русью и Болгаром, описывает предательство Суварского царя, поход Владимира на Болгарию, заключение договора Мухаммедом, который в своем решении учитывает необходимость ответить добром и тому, кто «хочет бросить в него камнем». С помощью условных приемов в поэме прослеживается смешение времен.

Хотя произведение основано на историческом сюжете, основная мысль передается в интеллектуальной сюжетной цепочке, где на первый план выходит образ автора-рассказчика. Основная мысль раскрывается через народную поговорку «татар башын татар ашар» («татарин уничтожит татарина»). Татарский народ сам «подставляет подножку» своей истории: с одной стороны, его сыновья предадут ее, с другой – народ не замечает этого коварства, и «...болгарский хан спит. Спит история, связанная с судьбами нескольких народов», то есть основная мысль раскрывается не с помощью развития сюжета, а с помощью рассуждений, как это свойственно интеллектуальной литературе. Это является прекрасной находкой для автора. Такие же качества получили продолжение и развитие в таких поэмах Р. Хариса, как «Харут и Марут», «Волчий глаз», «Любовные сны Тукая», «Уба» («Пропась»).

Поэма «Уба» («Пропась») (2017) представляет собой синтез структурно разнородных пластов. Этот синтез позволяет соединить в рамках одного произведения политико-мифологические детали, политико-общественную мысль через образ вождя – идеологию и человеческую судьбу, трагедию, пережитую народом, и связанные с

этим философские вопросы о смысле жизни. Слияние ассоциативных рядов достигается благодаря интертекстуальности – связи литературного текста с другими текстами внутри себя. Поэт помещает в канву произведения тексты песен о Сталине, фразы, употребляемые в качестве политических лозунгов, пишет о внутренних противоречиях лирического героя, способах разрушения мифа. Сюжет, связанный с пытками в тюрьмах ГУЛАГа и соперничеством, представляет собой лишь первый слой событий.

Во вторичном ассоциативном ряду поэт начинает говорить о влиянии трагедии той эпохи на судьбы людей, о том, как эти кровавые годы хранятся в памяти поколений. В связи с этим образ Убы (пропасти) также приобретает статус сложной символической целостности: сначала он воспринимается как начало в жизни отдельного человека, далее, развиваясь, переносится на историю страны, глубины памяти, глубины мрачных трагедий:

«А эта пропасть, с первого взгляда – яма,
С другой стороны посмотришь – таинственная
глубина...
Стою, глядя в пропасть,
сам изучая свою душу.
То ли там, то ли в беспокойной душе,
Как будто работает тот трактор...
Мой друг, испугавшись прошептал:
„Держись подальше от этой пропасти!..“» [Харис,
2017, с. 9].

Качество «интеллектуальности» развивается и в лирике поэта. Сравнения, неожиданные повороты, сложные сравнения, наложение, сближение, нахождение смысла одного явления через другого, раскрытие с помощью третьего – характерные черты лирического мышления Р. Хариса. С помощью этих приемов поэт передает внутреннее состояние лирического героя, раскрывает особенности философского мышления. Его лирике присуща одна из черт, присущих интеллектуальной поэзии, – «игра» со временем. С точки зрения передачи Времени интересно стихотворение «Время течет». Как следует из названия, наиболее характерным для поэтического времени является указание на его быстротечность.

«Через меня
Время течет.
Волны ударяют.
Куда течет Время?» [Харис, 2005, С. 79].

Отождествляя текущее Время и текущую воду, Р. Харис противопоставляет Жизнь человека и Вечность и подчеркивает продолжительность и превосходство вечности.

Способность времени меняться и тот факт, что это изменение не в пользу человеку, вызывают у автора одновременно чувство отчаяния и тоски. В отношении к образу времени формируется основная мысль: Время обладает силой влиять на человека, изменять его. Таким образом, Время – это не только признак быстротечности жизни человека, но и возможность отражения его развития в течение этой жизни («...На волосах моих – от черного до белого...»).

Образ Времени, характерный для Р. Хариса, отождествляется с человеком, даже в некоторых случаях Человек ставится выше Времени. В стихотворении «Вышиваю, шью», написанном в 1967 году, он рассматривает образы поэта того времени как параллельные, но неотделимые друг от друга понятия. «Время – нить, // Я – игла...» – таким образом лирический герой поэта соединяет небо и землю с помощью времени.

Вышивка, шитье небесно-голубого цвета на фоне земли, читается как творчество самого поэта. Философичность усиливается и тем, что поэт опирается на символические образы-выражения, утверждает жизненное видение молодого поэта. В этом случае он ставит себя в одну плоскость со временем, видит его своим помощником.

Наиболее оригинально стихотворение «Время молодости». В этом стихотворении раскрывается новый тип отношений Время – Человек:

«И чувствую, болезненно чувствую —
Отдаляется расстояние.
Превращая расстояние в рану,
Время молодости проходит!» [Харис, 2005, с. 128].

Здесь отражается циклическое время, которое помогает разделить жизнь человека на этапы. Достигнув преклонного возраста, мудрый лирический герой понимает, что его жизнь угасает и он стареет. Он достигает Истины, заключающейся о том, что возможности человека чрезвычайно ограничены по сравнению со временем. И эта истина вызывает у лирического героя чувство боли. В произведении «Бесконечная сила» время дается через сравнения. Объектами сравнения являются спички (можно спастись от темноты), солнце (можно спастись от ночи) и костер (можно спастись от холода); лекарство (можно спастись от смерти...). Рядом с ними Время – непобедимая, вечная неисчерпаемая сила, поскольку время может выполнять функции всех элементов: давать солнечный свет, тепло души и, самое главное, Время исцеляет.

«Бесконечная сила присуща только
Единственной Силе —

Времени! Только Времени!» [Харис, 2005, с. 12].

Здесь, в поэзии религиозной философии, возникает связь времени со Всевышним, сила времени поднимается на новую ступень. Открывается новое качество образа времени: его способность переходить от целого к части и от части к целому.

Стремление к интеллектуальным тенденциям придает большое место ассоциативной образности. К примеру, если обратимся к стихотворению «Черный круг», построенному на многослойной, многозначной метафорико-символической образности, напоминающей поэтические загадки, составленные поэтом для решения самому подготовленному читателю, то увидим, что в стихотворении остаются актуальными неожиданные повороты в использовании художественных средств: сложные сравнения, наложения, нахождение смысла одного явления от другого, раскрытие с помощью третьего – особенность лирического мышления Р. Хариса.

В стихотворении «Черный квадрат» Малевича изображение, выполняя роль поэтической метафоры, черные, зеленые, желтые и розовые линии поднимаются на вершину оценки бытия, отдельных моментов человеческой жизни. Через призму черного / бесконечности автор уточняет вечность, границы вечности / каждодневного определяет разум:

«...И снова погружается в темноту...
На той стороне – Бесконечности!..
На этой стороне бесконечности
Держит нас установленный Разумом предел...»
[Харис, 2014, с. 6]

По мнению поэта, человек на протяжении всей жизни непрерывно стремится к вечности, которая не может быть познана разумом, и это стремление формирует круговорот в жизни человека.

Таким образом, интеллектуальная тенденция в творчестве Р. Хариса определяется такими чертами, как синтез реальных и ирреальных пластов, создание ассоциативных рядов, отклонение от требований времени, обращение к фольклорным элементам и стремление к поиску универсальных канонов, выводящих образ автора-рассказчика на первый план. Он обогатил творчество поэта новой концепцией лирического героя, привнес в его произведения особый стиль образного мышления.

Список литературы

Бочаров А. Покушение на миражи // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 40–77.

Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 2: Семидесятые годы (1968–1986): Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 296 с.

Ратке И. Р. Русская интеллектуальная проза 20-х годов XX века (Б. Пильняк, Е. Замятин, В. Набоков): автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.

Галиуллин Т. Н. Шәхесне гасырлар тудыра. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 192 б.

Зahидуллина Д. Ф. Яңа дулкында (1980–2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык). Казан: Мәгариф, 2006. 255 б.

Мансуров З. Бүгенге поэзия турында сөйләшү // Казан утлары. 1979. № 3. 149 б.

Харис Р. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 265 б.

Харис Р. Уба // Казан утлары. 2017. №12. Б. 8–10.

Харис Р. Кара түгәрәк // Казан утлары. 2014. № 2. Б. 6.

Юзиев Н. Бүгенге поэзия турында сөйләшү: халыкчан, партияле һәм югары художестволы шигърият өчен // Казан утлары. 1979. № 3. Б. 137–139.

Юсупова Н. М. Поэзия: 1960–80 нче еллар // Татар әдәбиты тарихы: 8 томда. Т. 6: 1960–80 нче еллар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. Б. 245–271.

Galiullin, T. N. (2003). *Shäxhesne gasyrlar tudyra* [Identity is Created by Centuries]. 192 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Iusupova, N. M. (2018). *Poeziia: 1960–80 nche ellar* [Poetry: The 1960s–1980s]. Tatar әdәbity tarikhy: 8 tomda. T. 6: 1960–80 nche ellar. Pp. 245–271. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Iuziev, N. (1979). *Bygenge poeziia turynda söйләshy: khalykchan, partiiale һәм iugary khudozhestvoly shig"riiat öchen* [Talking about Today's Poetry: Folk, Party and Highly Artistic Poetry]. Kazan utlary. No. 3, pp. 137–139. (In Tatar)

Kharis, R. (2014). *Kara tygäräk* [A Black Circle]. Kazan utlary. No. 2, p. 6. (In Tatar)

Kharis, R. (2005). *Sailanma әsärләр* [Selected Works]. 265 p. Kazan, Tatar.kit.nashr. (In Tatar)

Kharis, R. (2017). *Uba* [Uba]. Kazan utlary. No. 12, pp. 8–10. (In Tatar)

Leiderman, N. L. (2001). *Sovremennaia russkaia literatura: V 3-kh kn. Kn. 2: Semidesiatye gody (1968–1986): Uchebnoe posobie* [Contemporary Russian Literature: In 3 Vols. Book 2: The Seventies (1968–1986): A Study Guide]. 296 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

Mansurov, Z. (1979). *Bygenge poeziia turynda söйләshy* [Talking about Today's Poetry]. Kazan utlary. No. 3, 149 p. (In Tatar)

Ratke, I. R. (2005). *Russkaia intellektual'naia proza 20-kh godov XX veka (B. Pil'niak, E. Zamiatin, V. Nabokov): avtoref... kand. filol. nauk* [Russian Intellectual Prose of the 1920s (B. Pilnyak, E. Zamyatin, V. Nabokov): Ph.D. Thesis Abstract]. Volgograd, 23 p. (In Russian)

Zahidullina, D. F. (2006). *Iañа dulkynda (1980–2000 ellar tatar prozasynda traditsiiälär һәм iañachalyk)* [On a New Wave (Traditions and Novelty in Tatar Prose of 1980–2000)]. 255 p. Kazan, Mägarif. (In Tatar)

References

Bocharov, A. (1988). *Pokushenie na mirazhi* [An Assassination Attempt on Mirages]. Voprosy literatury. No. 1, pp. 40–77. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Сайфулина Флера Сагитовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Flera.Sajfulina@ksu.ru

Sayfulina Flera Sagitovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Flera.Sajfulina@ksu.ru

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Yusupova Nurfiya Marsova,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-182-186
УДК 821.161.1

ОБРАЗ ХАДЖИ-МУРАТА В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО: ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ

© Альбина Саяпова

THE IMAGE OF KHADGY-MURAT IN LEO TOLSTOY'S STORY: A PERSONALITY PROBLEM

Albina Sayarova

The article considers the character of Khadgy-Murat from of the same name story of Leo Tolstoy in the light of the writer's views concerning the essence and purpose of man. Tolstoy reveals the ontological core of man at the crucial time in Russian History, the time of the Russian conquest of the Caucasus. Khadgy-Murat is a historical person of that time, but Leo Tolstoy is interested in him as a personality. Long before the twentieth century philosophical works, centered around the concept of "personality", Leo Tolstoy described his legendary character as an ontological element of history. The human fate, as a prevalent factor in Khadgy-Murat's decisions, becomes a cross-cutting motif of the story. In the author's conception, Khadgy-Murat is capable of satisfying his imperious ambitions (to conquer Avary and Chechnya) only in case his own private problems, the problems in the life of his inner self, are resolved. His human qualities make him a legendary hero of the Caucasus. Leo Tolstoy's Khadgy-Murat is a person of huge vital force, broken up by the will of fate, determined by history itself.

Our interpretation of Khadgy-Murat's character emphasizes the idea that socio-historical circumstances become an emotional and psychological impetus for Khadgy-Murat to manifest his free will that determines him as a personality. It is important that Leo Tolstoy makes his own contribution to objectifying the images "foe-other" in literary texts. He destroys historically complicated image-cliché of a Caucasian that took shape due to the colonial ideology of Russia's social consciousness.

Keywords: Leo Tolstoy, "Khadgy-Murat", personality problem, human fate, Caucasian legend.

В статье рассматривается образ Хаджи-Мурата из одноименной повести Л. Н. Толстого в контексте представлений писателя о сущности и назначении человека. Л. Н. Толстой раскрывает онтологическую суть человека в переломный момент «большой» истории России, которая сводится к частной человеческой судьбе, погруженной в нее. Хаджи-Мурат Л. Н. Толстого – историческая личность времени завоевания Россией Кавказа. Вместе с тем он интересен Л. Н. Толстому как личность. Задолго до философских трудов XX века с центральным понятием «личность» Л. Н. Толстой выписывает своего героя как онтологический элемент истории. Человеческая судьба как преобладающий фактор в решениях героя Л. Н. Толстого становится сквозным мотивом произведения. Хаджи-Мурат в авторской концепции образа способен пойти на удовлетворение своих властных амбиций (покорить своей воле не только Аварию, но и Чечню) только при решении проблем частной жизни, жизни внутреннего «я». Человеческие достоинства делают его героем-легендой Кавказа. Хаджи-Мурат Л. Н. Толстого – личность огромной жизненной силы, сломленной по воле рока, определяемого самой историей.

Главной мыслью в нашем истолковании образа Хаджи-Мурата является то, что социально-исторические обстоятельства становятся лишь эмоционально-психологическим толчком в проявлении свободной воли Хаджи-Мурата, определившей его как личность. Важно и то, что образом Хаджи-Мурата Л. Н. Толстой вносит свою лепту в объективацию образов чужого / другого в литературных текстах. Он разрушает исторически сложившийся образ-клише кавказца, сформированный под влиянием колонизаторской идеологии общественного сознания России.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Хаджи-Мурат», проблема личности, человеческая судьба, легенда Кавказа.

О повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» написано много. Нет смысла повторять высканые мысли из багажа отечественного и зарубежного толкования. Вместе с тем следует признать, что для любого исследователя какие-то работы так или иначе становятся базовыми в

подходах к интересующей его теме-проблеме. Такой работой стала для нас «Эстетика Л. Н. Толстого» Е. Н. Куприяновой, в которой автор в контексте изучения отдельных аспектов эстетики Толстого уделяет также внимание проблеме формирования и эволюции представлений писателя о сущности и назначении человека [Куприянова]. Проблема сущностного «я» Хаджи-Мурата – героя Толстого, осмысление его человеческого назначения стало главной темой нашего исследования в рамках данной статьи.

Толстой начинает свою повесть о Хаджи-Мурате с указания конкретного исторического времени: «Это было в конце 1851 года» [Толстой, с. 282]. Указание на историческое время расширяет контекст художественного изложения: повесть Толстого не только о судьбе Хаджи-Мурата, героя Кавказа времени так называемого «присоединения» Кавказа к России, но и о судьбе всего Кавказа. Образ репья, называющегося «татаринном», введенный в произведение уже в предваряющей части повествования, в художественно-философской концепции автора становится символическим ключом осмысления судьбы не только Хаджи-Мурата, но и всего Кавказа, завоеванного Россией.

Повествование о Хаджи-Мурате начинается со слов о его удачливости в предыдущей «бурной военной жизни»:

«Хаджи-Мурат всегда верил в свое счастье. Затевав что-нибудь, он был вперед твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему. Так это было, за редкими исключениями, во все продолжение его бурной военной жизни. Так, он надеялся, что будет и теперь» [Там же, с. 300].

Далее, на протяжении всего рассказа о Хаджи-Мурате, автора интересует то, что было «теперь», а не в прошлом, оправдалось ли то, на что он, Хаджи-Мурат, «надеялся». «Теперь» затеянное им дело становится главнейшим событием его жизни, роковым и трагическим. Толстой как великий знаток человеческой души описывает не только причины «затейного дела» как роковое событие жизни Хаджи-Мурата, но и то, что послужило для него поводом, по которому он не как историческое лицо, а как личность проявит себя в своих решениях-желаниях, коренным образом изменивших его жизнь и судьбу. Гений Толстого показал, что даже в самых волевых решениях (в случае с Хаджи-Муратом имеющих отношение к исторически значимым событиям) в человеческом «я» доминирует голос природного «я», генетически связанный с близкими для него людьми, с родным домом, в конечном итоге со всем тем, что называется частной жизнью. О том,

что история проходит через частную жизнь человека, на примере повседневной жизни русского дворянства XVIII – начала XIX века просто и убедительно говорит Ю. М. Лотман в своей монографии «Беседы о русской культуре» [Лотман, 2001].

Положение семьи, частная жизнь Хаджи-Мурата, становится главным фактором в проявлении волевого решения перейти к русским, дающим, как ему представляется, возможность «управлять не только Аварией, но и всей Чечней» [Толстой, с. 300]. Переход к русским как волевой акт мотивирован чувством мщени Шамилю за свою семью. Вместе с тем присутствует и другая мотивация: Хаджи-Мурат – главный его соперник в борьбе за власть на Кавказе. Сказанное говорит о том, что одним из главных приемов в психологической характеристике героев в их поступках у Толстого является прием контраста. Так, судьба Хаджи-Мурата описывается счастливой и удачной в начале жизненного пути, трагической – в финале. Контраст этот очевиден как в оценке его боевых действий («<...> был вперед твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему» [Там же]), так и в характеристике частной человеческой судьбы («Я был как брат ханам» [Там же, с. 327]). В контрастном сплетении находятся и два его желания: отомстить Шамилю за свою семью и желание «управлять не только Аварией, но и всей Чечней». Однако поводом его решения перейти на сторону русских становится именно личное, субъективное «я» героя, определяемое частной жизнью. И это в схеме нашей интерпретации – главная мысль в истолковании образа Хаджи-Мурата.

Весьма важной чертой в психологической характеристике Толстым своих персонажей является двойственность отношений как Хаджи-Мурата с русскими, так и представителей российской власти с Хаджи-Муратом. Двойственность эта тоже состоит из контрастных друг другу мнений-убеждений. Так, Хаджи-Мурат обещает Воронцову верно служить «белому царю», тем более что у него уже имеется такой опыт из прежней жизни. Вместе с тем в сцене диалога Хаджи-Мурата с Воронцовым, в которой важнейшую роль играют глаза (типично психологический прием Толстого), раскрываются истинные желания и намерения каждого из них:

«Глаза этих двух людей, встретившись, говорили друг другу многое, невыразимое словами, и уж совсем не то, что говорил переводчик. Они прямо, без слов, высказывали друг о друге всю истину» [Там же, с. 324].

Хаджи-Мурат, как опытный и удачливый воин, знает о своих возможностях. Так, он говорит Воронцову, что если его пошлют на лезгинскую линию и дадут ему войско, «*то он ручается, что поднимет весь Дагестан, и Шамилю нельзя будет держаться*» [Там же, с. 325]. Но все это, неоднократно повторяет он, произойдет при условии, если освободят его семью из шамилевского плена. Становится очевидным, что решения, а затем и поступки Хаджи-Мурата определяются своеобразным диалогом между «голосом» частной жизни и «голосом» воли к власти, находящейся в сослагательном наклонении по отношению к голосу души, поскольку в диалоге взглядов на проблему перехода к русским доминирует сущностное, природно-национальное в «я» героя Толстого.

Получается, что частное, личное («*отплатить Шамилю*» [Там же, с. 324], являясь преобладающим фактором в решениях Хаджи-Мурата, становится сквозным мотивом произведения. Только при решении проблем частной жизни, жизни внутреннего «я», Хаджи-Мурат способен пойти на удовлетворение своих властных амбиций – покорить своей воле не только Аварию, но и Чечню. Таким образом, не «милость» русского царя, не возможность получения каких-то наград, титулов за службу русскому царю превращают его в историческую личность. Хаджи-Мурат как историческая личность интересен внутренним содержанием своего «я». Человеческое «самостоянье» (Ю. М. Лотман) превратило его в историческую личность. Именно этой чертой своей природы он привлекает внимание Толстого, который нашел гениальное образно-художественное выражение этой природы: Хаджи-Мурат – прекрасный цветок Кавказа, сильный и дикий, как разновидность репья, который называется «татаринном». Этот цветок у Толстого воспринимается не только как олицетворение силы и красоты Хаджи-Мурата, но и всего Кавказа, не вписывающегося в «букет других полевых цветов» (в «букет» других народов России). Символически емкий образ репья-«татарина», изуродованного колесом телеги («колесом истории») и руками («руками» российской власти), которые хотели его сорвать, говорит не только о судьбе Хаджи-Мурата, боровшегося с внешним насилием до последней капли крови, но и всего Кавказа времени завоевания его Россией.

Итак, как об основной мысли повести можно сказать, что Хаджи-Мурат Толстого прекрасен своим человеческим достоинством. Именно это делает его героем-легендой Кавказа. Присутствие этой силы в герое Толстого дает возможность говорить о Хаджи-Мурате как о личности с

огромной жизненной энергией, сломленной по воле рока самой истории. Но что важнее всего – он не «сверхчеловек», для которого не существует понятия личности, поскольку личность – явление индивидуальное, частное, единичное. «Сверхчеловек» осознанно игнорирует природное, сущностное в человеческом «я». В контексте сказанного любопытно озадачиться вопросом: можно ли назвать Хаджи-Мурата «сверхчеловеком»? Интересно, что в тексте есть фрагмент, в котором упоминается имя Наполеона в светской беседе в салоне князя Воронцова, наместника края. Князь Воронцов, к сыну которого «вышел» Хаджи-Мурат, старательно играет роль добрейшего человека, гостеприимного хозяина, во всем угождающего Хаджи-Мурату, добровольно «вышедшему» к русским. Его цель – если «вышел» Хаджи-Мурат, то «*конец и Шамилю*» [Там же, с. 321]. Гости салона князя Воронцова подхватили желанный для Воронцова игривый тон рассуждений о Хаджи-Мурате. Один из гостей салона, «*глупый грузинский князь, имеющий дар лести*» и знавший, что «*всякое упоминание о Наполеоне <...> было приятно князю*», произнес:

«„Если бы он родился в Европе, это, может быть, был бы новый Наполеон“. Воронцов подхватывает тему диалога: „Ну, хоть не Наполеон, но лихой кавалерийский генерал – да“» [Там же].

И далее: «*Если не Наполеон, то Мюрат. И имя его – Хаджи-Мурат*» [Там же]. Понятно, что лестное для Воронцова сравнение Хаджи-Мурата с Наполеоном или Мюратом объясняется взятой Воронцовым ролью в создавшейся салонной ситуации.

Основной пафос произведения Толстого сводится к тому, что его Хаджи-Мурат – это личность со всеми лучшими человеческими качествами: он любит свою семью, мать, которую он помнит молодой и сильной, детей своих, особенно прекрасного Юсуфа, подававшего большие надежды в глазах отца. О нем как о прекрасном человеке говорят русская женщина Марья Дмитриевна, офицер Бутлер.

Комментируя образ Хаджи-Мурата как личность, необходимо подчеркнуть, что Толстой продолжает традицию русского романтизма, одним из ключевых представлений которого был совершенно новый взгляд на другие народы России. Толстой образом Хаджи-Мурата вносит свою лепту в объективацию образов чужого / другого в литературных текстах. Он разрушает исторически сложившийся образ-клише кавказца, сформированный под влиянием колонизаторской идеологии общественного сознания России.

Концептуально значимым в объективации образа чужого / другого являются встроенные в текст диалоги Хаджи-Мурата с Бутлером и Марьей Дмитриевной. В основе этих реальных и возможных диалогов между этими людьми не политические или социальные проблемы, а частная человеческая судьба Хаджи-Мурата, который по воле рока оказывается в конкретном моменте «большой» истории России, погруженным в нее. Погружены в этот «момент» истории и те, кому небезразлична судьба Хаджи-Мурата. Небезразлична потому, что в Хаджи-Мурате увидели не чужого, непонятного, а просто человека со всеми его человеческими проблемами. Сочувствующим ему интересны не властные амбиции Хаджи-Мурата (на них нет и намека в диалогах), а его частная человеческая жизнь, определившая его судьбу, судьбу его семьи. Он им интересен как личность.

Характер диалогов оценивается отношениями между Хаджи-Муратом, Бутлером и Марьей Дмитриевной, которые начинаются с того времени, когда Хаджи-Мурата привели в крепость к русским для проживания в доме Ивана Матвеевича Петрова, старшего товарища Бутлера по службе, «*доброго, простодушного*» *пьяницы*» [Там же, с. 360]. Отправным толчком отношений, реализованных как диалоги в режиме «я – ты» и выражающих сакральное, сущностное содержание друг друга, становится «дружелюбный», открытый взгляд Хаджи-Мурата [Там же, с. 361].

Вместе с тем Толстой подчеркивает избирательный характер диалогических связей Хаджи-Мурата. Так, к Ивану Матвеевичу Хаджи-Мурат «*с первого знакомства с ним почувствовал отвращение и презрение <...> Марья Дмитриевна, которая готовила и приносила ему пищу, особенно нравилась ему*» [Там же, с. 365]. С Бутлером же Хаджи-Мурат, как пишет Толстой, тотчас же «*с первого знакомства, дружески сошелся и много и охотно говорил с ним*» [Там же, с. 363]. Он расспрашивал его про его жизнь, рассказывал про свою, сообщал о тех известиях, которые приносили ему лазутчики о положении его семьи, даже советовался с ним, как ему поступать в той или иной ситуации. Любопытно, что не только Хаджи-Мурат полюбил Бутлера, но и все сопровождающие его горцы:

«Элдар встречал Бутлера, радостно оскаливая свои блестящие зубы»; Бутлер сошелся и с «мохнатым Ханефи, названным братом Хаджи-Мурата» [Там же, с. 370].

Таким образом, отношения Хаджи-Мурата с Бутлером, Марьей Дмитриевной сложились как искренний диалог «я – ты», раскрывающий це-

лый мир в душе каждого. В диалоге этом проявилась внутренняя свобода сочувствующих Хаджи-Мурату как та индивидуальная свобода, благодаря которой и происходит реакция на создавшуюся ситуацию. Раскрывается экзистенциальная суть каждого из участников диалога, суть личности, способной на «мужество быть собой» (П. Тиллих). Доказательством этого служат слова Марьи Дмитриевны, произнесенные в ярости в адрес убийц Хаджи-Мурата: «*Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право <...>*» [Там же, с. 389].

Представляя отношения Хаджи-Мурата с русскими, обратим внимание еще на один факт в тексте Толстого, который тоже выписан в ключе русского романтизма. Мы имеем в виду тягу Бутлера к Хаджи-Мурату как о романтической заинтересованности личностью необычной жизни и судьбы. Вхождение в мир Хаджи-Мурата расширяет пространство внутреннего «я» самого Бутлера, благодаря чему становится возможным взаимная открытость, что тоже воспринимается как «смысловая цитация» из области русского романтизма. Хаджи-Мурат становится интересным Бутлеру не только как человек, попавший в сложную жизненную ситуацию, он привлекает его, молодого офицера с романтическими взглядами на военные действия на Кавказе, как героическая личность, достойная подражаний.

Заключая все сказанное, еще раз подчеркнем, что образ Хаджи-Мурата Толстого в полной мере может быть осмыслен не только при понимании этого образа как личности, наделенной жизненной силой и творческой потенцией настоящего воина. Хаджи-Мурат Толстого – личность, свободная воля которой, независимо от того, что происходит вне жизни этой личности, определяется сущностным «я» его природы. Образом этим Толстой сказал об онтологической сути человека в рамках исторического бытия. Да, Хаджи-Мурат Толстого – историческая личность времени завоевания Россией Кавказа. Вместе с тем Толстой своим произведением, дописанным уже в начале XX века, созвучен основной философской мысли XX века – мысли о личности. Достаточно вспомнить одного из ведущих философов этого времени Н. О. Лосского, давшего определение личности как «центрального онтологического элемента мира» [Гайденко, с. 369]. Характеризуя отношения Хаджи-Мурата с внешним миром (в случае героя – с теми, в чьи «руки» он попадает), оценивая его решения, воспользуемся высказыванием Н. О. Лосского о личности, которое как нельзя лучше подходит к истолкованию образа Хаджи-Мурата, его человеческой судьбы: «Никакой предмет, находящийся вне субстанциального

деятеля, не может вторгнуться в сферу его индивидуальности и породить перемену в нем: всякая перемена в субстанциальном деятеле, например в человеческом я, есть его собственное действие, собственное проявление <...>» (цит. по: [Там же, с. 358]). П. П. Гайденко, комментируя высказывание философа, дает следующее пояснение: «<...> хотя многие из этих проявлений возникают на основе общения с внешним миром, однако события внешнего мира служат только поводом для действий субстанции, а не причиной этих действий» [Там же, с. 358].

Таким образом, Толстой, как чуть позже Н. О. Лосский, сказал, что только сам человек как деятель с его творческой силой является подлинной причиной, порождающей события его собственной жизни, которые, конечно, не могут не входить в состав реального бытия. В случае с Хаджи-Муратом – в конкретную ситуацию времени завоевания Кавказа.

В контексте сказанного весьма ценным воспринимается высказывание Ю. М. Лотмана о Толстом как писателе, «настойчиво повторявшем, что подлинная история совершается в частной жизни и в массовых бессознательных движениях, и не устававшем высмеивать апологии „великих людей“» [Лотман, 1996, с. 310–311].

Гений Толстого показал, что внешний мир не может быть властным в сфере человеческой индивидуальности, внутреннего, душевного «я». Хаджи-Мурат Толстого находится в условиях войны. Однако даже война не изменяет отношение человека к дорогим для него людям. Переход Хаджи-Мурата к русским – это «собственное действие, собственное проявление» его воли (Н. О. Лосский). Следовательно, создавшееся положение дел становится только поводом для перехода к русским, чтобы бороться со своим врагом Шамилем, а не причиной его действий. Социально-исторические обстоятельства становятся лишь эмоционально-психологическим импульсом в проявлении свободной воли Хаджи-

Мурата, определившей его как личность. Это положение является главной мыслью в нашем истолковании образа Хаджи-Мурата в одноименной повести Толстого.

Список литературы

Гайденко П. П. Иерархический персонализм Н. О. Лосского // Н. О. Лосский Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. С. 349–370.

Куприянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М., Л.: Наука, 1966. 324 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семiosфера – История. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века). СПб.: Искусство, 2001. 416 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 томах. Т. XII. М.: Правда, 1987. С. 281–397.

References

Gaydenko, P. P. (1995). *Ierarhicheskii personalizm N. O. Losskogo* [N. O. Lossky's Hierarchical Personalization]. *Losskii N. O. Chuvstvennaia, intelektualnaia i misticheskaia intuitsiia*. Pp. 349–370. Moscow, Respublika. (In Russian)

Kupreianova, E. N. (1966). *Estetika L. N. Tolstogo* [L. N. Tolstoy's Aesthetics]. 324 p. Moscow, Leningrad, Nauka. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri mysliahih mirov. Chelovek – Tekst – Semiosfera – Istoriia* [Within Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. 448 p. Moscow, Iazyki russkoi kultury. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (2001). *Besedy o russkoi culture: byt i traditziia russkogo dvorianstva (XVIII–XIX veka)* [Conversations on Russian Culture: Life and Traditions of Russian Nobility (the 18th -19th Centuries)]. 416 p. St. Petersburg, Iskusstvo. (In Russian)

Tolstoy, L. N. (1987). *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collection of Works in 12 Volumes]. T. XII, pp. 281–397. Moscow, Pravda. (In Russian)

The article was submitted on 11.04.2021

Поступила в редакцию 11.04.2021

Саяпова Альбина Мазгаровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
albina.sayapova@kpfu.ru

Sayapova Albina Mazgarovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
albina.sayapova@kpfu.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-187-193
УДК 821.161.1

**СЛУЧАЙ КАК СОБЫТИЕ В РОМАНАХ Л. Н. ТОЛСТОГО
«АННА КАРЕНИНА» И Ф. Ф. ТЮТЧЕВА «НА СКАЛАХ
И ДОЛИНАХ ДАГЕСТАНА»**

© **Фоат Султанбеков, Альбина Саяпова**

**A HAPPENING AS AN EVENT IN LEO TOLSTOY'S NOVELS
"ANNA KARENINA" AND FYODOR TYUTCHEV'S "ON THE ROCKS
AND VALLEYS OF DAGESTAN"**

Foat Sultanbekov, Albina Sayarova

The article conducts a comparative analysis of the two novels, named in the title of the article, in the context of understanding a happening as an event in the lives of the characters. In our approach, we proceed from the idea that both writers in their novels about human fates present things, happening in their characters' living situations, as existential comprehension of an event. Events, comprehended as acts of man, are the essence of his life – that is the main philosophical thought of both novels. We solve the identified problem based on the notion "family". A textual analysis of the two novels enables us to understand that at the critical moments of our existence, family brings about the need to realize one of several supposed possibilities. These possibilities depend both on deterministic volitional decisions of man, striving for the linear development of his life, and on accidental events, which, being on the "threshold", may become turning points. At the same time, in their novels, Leo Tolstoy and Fyodor Tyutchev showed that only man himself and his creative power are true reasons for generating events in his real life. This is mostly found in critical bifurcation situations of human life.

Keywords: Leo Tolstoy, Fyodor Tyutchev, "Anna Karenina", "On the Rocks and Valleys of Dagestan", comparative analysis.

Сравнительный анализ двух названных романов, вынесенных в название статьи, ведется в контексте осмысления того, что такое случай как событие в жизни героев. В своем подходе к поставленной проблеме мы отталкиваемся от того, что у обоих авторов в их художественных полотнах о человеческих судьбах в целом ряде жизненных ситуаций героев случай представляется как событие в их жизни экзистенциально осмысленное. События, осмысленные как поступки человека, являются сутью его жизни – это главная философская мысль обоих романов. Текстуальный анализ двух произведений в контексте поставленной нами проблемы, решаемой в рамках понятия «семья», дает понимание того, что именно критические моменты существования реальной или возможной семьи приводят к необходимости реализации одной из нескольких предполагаемых возможностей, зависящих как от детерминированного волевого решения человека, стремящегося к линейному развитию жизни, так и от случайных событий, которые, становясь «пороговыми», могут стать поворотными. Вместе с тем Л. Н. Толстой, позже Ф. Ф. Тютчев, своими романами сказали о том, что только сам человек, его творческая сила, является подлинной причиной, порождающей события его реальной жизни. Наиболее остро это обнаруживается в критических бифуркационных ситуациях жизни человека.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Ф. Ф. Тютчев, «Анна Каренина», «На скалах и долинах Дагестана», сравнительный анализ.

Приступая к анализу двух названных произведений в контексте осмысления того, что такое случай как событие в жизни героев, необходимо обосновать выбор второго произведения, вынесенного в название статьи. «На скалах и долинах Дагестана» Ф. Ф. Тютчева имеет целый ряд ре-

зонансных переключек с творчеством Толстого, в частности с его романом «Война и мир», а также повестью «Хаджи-Мурат» (см. об этом: [Саяпова]). Выбор объясняется и тем, что Ф. Ф. Тютчев, как и Л. Н. Толстой, ведет повествование о жизни и судьбах людей определенного историческо-

го времени – времени завоевания Кавказа Россией, описанного Л. Н. Толстым в его «Хаджи-Мурате».

В своем подходе к теме мы отталкиваемся от того, что у того и другого в их огромных художественных полотнах о человеческих судьбах в целом ряде жизненных ситуаций героев случай представляется как событие в их жизни экзистенциально осмысленное.

В современном литературоведении есть работы, в которых говорится о роли случая в поступках героев «Анны Карениной» Толстого. Как наиболее интересную можно назвать монографию О. В. Сливацкой «Об эффекте жизнелюбия „Анны Карениной“» [Сливацкая].

О романе же Тютчева написано пока крайне мало, если не считать работы А. Л. Калиниченко, в которых он пишет о литературном творчестве Тютчева в контексте изучения его биографии, в частности его военной службы (см., например: [Калиниченко]).

Известно, что романский жанр не может существовать без любовных линий в сюжете произведения. По закону жанра в романе Тютчева «На скалах и долинах Дагестана», как и в романе Толстого «Анна Каренина», человеческие судьбы выписываются прежде всего через любовные коллизии в рамках реальных или возможных семейных отношений. Правда, у Тютчева – в рамках отношений в условиях чудовищных военных событий, происходящих на Кавказе. Любовные коллизии в жизни героев, осмысленные как события, происходящие по воле случая судьбы, на наш взгляд, сближают романы Тютчева и Толстого.

Нам представляется интересным рассмотреть явление «случай» в рамках двух произведений, осмысленных как событие в жизни героя, зависящих не только от комплекса обстоятельств, но вольно или невольно творимое им самим.

Философское понятие «событие», как рассуждает философ XX века М. Хайдеггер, близко к однокоренному понятию «бытие», что значит «существование», жизнь человека. Об этом исследователь творчества Хайдеггера В. В. Бибихин пишет так: «<...> центральное слово хайдеггеровской зрелой мысли „событие“ заставляет в русском переводе настойчивее вспомнить о бытии, чем немецкое Ereignis <...>» [Бибихин, с. 13].

Интерпретируя два названных романа, мы исходим из понимания того, что случай в рамках человеческой судьбы является событием неслучайным, событием, определяемым движением самой жизни, поскольку, как сказал М. Хайдеггер, «бытие оказывается определенным родом

события» [Хайдеггер, с. 404]. И эта неслучайность случайного зависит не только от возможностей, зачастую определяемых тем, что вне человека, но и от самого человека, его желаний-хотений, наконец его воли. Следовательно, говоря о случае как событии в судьбе человека, надо помнить, что понятие «случай» не может быть осмыслено без понятия «человек».

Согласно теории Н. О. Лосского, философа XX века, события как поступки человека являются сутью его жизни. П. П. Гайденко, исследователь творчества Лосского, справедливо подчеркивает, что личность как «центральный онтологический элемент» метафизики Лосского обладает «свободной волей, жизненной силой и творческой потенцией» [Гайденко, с. 369–370]. Следовательно, именно в поступке человека проявляются его жизненные возможности.

Текстуальный анализ двух произведений в контексте поставленной нами проблемы начнем с анализа первой фразы романа Толстого «Анна Каренина», содержащей две сентенции (два изречения), выражающих в лаконичной форме основную философскую мысль Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Первый афоризм («все счастливые семьи похожи друг на друга») дает универсальный код, по которому определяется жизнь счастливых семей. Она, если воспользоваться терминологией И. Пригожина, протекает по «законам равновесия» и как таковая она универсальна, ей свойственна повторяемость («похожи друг на друга»).

Второй афоризм («каждая несчастливая семья несчастлива по-своему») – об основном содержании романа, в частности о семьях, в которых нарушен «равновесный» процесс существования семьи. Семья, в которой нарушено ее естественное течение, становится предметом пристального художественно изучения Толстого, формировавшего его экзистенциальное представление о человеке. В вопросе о семье Толстого интересует нарушение общественной модели универсума. Он выписывает модель существования индивидуума, частную жизнь в условиях данного нарушения. Правоту Толстого в его интересе к индивидууму в условиях разрушения естественных «равновесных» условий жизни можно подтвердить определением И. Пригожина об универсальных закономерностях мироздания: «<...> при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому» (цит. по: [Лотман, с. 322]).

Роман Тютчева «На скалах и долинах Дагестана» как роман о человеческих судьбах време-

ни завоевания Россией Кавказа тоже содержит проблему семьи. Тютчев говорит о семьях несостоявшихся, разрушенных. Коллизии в рамках любовных треугольников, происходящие по причине военных действий на Кавказе, приводят к разрушению естественного течения жизни, следствием чего становится нарушение предсказуемого в жизни героев; традиционное, однозначное предвидение будущего становится невозможным.

Таким образом, если говорить на языке общих универсальных понятий, то оба романа – о человеческих чувствах, взаимоотношениях в рамках общественной модели «семья», по тем или иным причинам переживающих критические бифуркационные моменты, в результате которых нарушаются законы предсказуемого универсального течения жизни. Оба автора говорят о том, что критические моменты существования реальной или возможной семьи приводят к необходимости реализации одной из нескольких предполагаемых возможностей, зависящей как от детерминированного волевого решения человека, стремящегося к линейному развитию жизни, так и от случайных событий, которые, становясь «пороговыми», могут стать поворотными (бифуркационными), в корне меняющими сложившуюся ситуацию.

С самого начала необходимо подчеркнуть, что если у Толстого проблема семьи как философско-бытийное определение частной человеческой жизни представлена в рамках мирной общественной жизни нации последней трети XIX века, то у Тютчева схожая проблема выписывается как судьба несостоявшейся или разрушенной семьи «времени борьбы с Шамилем за владычество на Кавказе» (из подзаголовка романа). Причиной нарушения законов предсказуемого естественного течения жизни становится в первую очередь насильственное нарушение общественной модели универсума в условиях происходящих социально-политических явлений в описываемом регионе.

Нарушение естественных законов существования модели «семья» Тютчевым, как и Толстым, выписывается через модель существования индивидуума, его частную жизнь. (Любопытно, между прочим, заметить, что у Тютчева в отношениях между героями, в их любовных клубках, присутствуют и элементы детективного романа, что повышает читательский интерес).

По классическим законам сюжетного повествования в жанре романа все события с героями обоих романов подчинены закону случая, нарушающего или грозящего нарушить линейное развитие человеческой жизни. О случайных со-

бытиях, противоречащих исконным порядкам человеческого существования, как реальном историческом зерне сюжетного повествования в его генезисе Ю. М. Лотман пишет следующее: «Фиксация однократных и случайных событий, преступлений, бедствий – всего того, что мыслилось как нарушение некоторого исконного порядка, представляла историческое зерно сюжетного повествования. Не случайно элементарная основа художественных повествовательных жанров называется „новелла“, то есть „новость“ <...>» [Лотман, с. 209].

Приведенная цитата из Лотмана позволяет нам утвердиться в мысли, что именно событийный ряд с понятием «случай» составляет основу любого романа (в том числе Толстого и Тютчева) как жанра и его главного смыслового содержания. По закону жанра романного повествования о жизни человека именно случайные события, определяющие отношения между героями и составляющие основу сюжетных линий, приводят или могут привести к нарушению исконных порядков человеческого существования.

Случайные события, в сущности, и определяют то, что называется человеческой жизнью, его судьбой. Они могут стать отправными точками как линейного развития человеческой жизни, так и развития деструктивных начал в жизненном пути человека. Об этом говорит Толстой, когда он представляет семьи, в которых нет нарушения равновесия (например, случайная встреча Левина с Кити, ставшая началом их совместной борьбы за счастливую «равновесную» семью). Он говорит об этом и тогда, когда рассуждает о семьях, в которых нарушен «равновесный» характер течения жизни. Если говорить о последних, то случайные, кумулятивно нанизанные события романа, за которыми поступки героев, ведут к нарушению естественного течения существования семьи, исконного культурно-исторического порядка жизни нации. Такое выстраивание событийного ряда с реальными поступками субъектов повествования, составляющими их жизнь, представляет основу сюжета романа Толстого, определяет его структуру.

У Тютчева же толчком к нарушению «равновесного» характера течения жизни героев становятся случайные события, возникающие прежде всего по причине происходящих военных событий.

Вместе с тем человеческий фактор, как показывают оба автора, является первостепенным в критических бифуркационных точках развития человеческих отношений в рамках случайных событий, становящихся фокусными, взрывающими эмоциональные чувства и переживания.

Одно является несомненным в романе Тютчева – говорим ли мы о том, что такое семья в его романе или о том, что такое судьба человека: в нем нет счастливой семьи, счастливого человека. Его роман о глобальных нарушениях законов естественного течения жизни.

Возьмем несколько значительных фокусных эпизодов из романов Толстого и Тютчева, которые говорят о том, что человек, попадая в «крайние» ситуации и находясь в состоянии «пограничного» поведения и восприятия мира, перестает вести себя в рамках предсказуемого, линейного поведения в жизни. Эти так называемые «крайние» ситуации, как правило, вызываются случайными событиями, играющими роль пускового фактора, создающего флуктуационное пространство (пространство бурления, возбужденного состояния, волнения). Флуктуационное пространство, вызванное случайным событием, создает континуум потенциальных возможностей в выборе человеком дальнейшего жизненного пути. Однако выбор человеком пути, который действительно реализуется, зависит не только от комплекса случайных обстоятельств, но и от самосознания человека, от того, что называется волевым актом, о чем свидетельствует учение Н. О. Лосского о человеке как «онтологическом элементе». По Лосскому, человек (субстанциальный деятель) становится динамическим началом в мироздании, являясь источником силы, проявленной как акт воли [Гайденко, с. 358]. Ученый нашего времени В. Н. Топоров, подчеркивая онтологическую истину о человеке, говорит о проявлении свободы воли и роли человеческой активности как о подготовке человека к максимально сложным и опасным жизненным ситуациям [Топоров, с. 41].

Согласно теории Н. О. Лосского, именно акт воли как творческий акт субъекта определяет характер событий человеческой жизни [Лосский, с. 201].

В обоих романах есть фокусные точки с бифуркационными ситуациями, требующими от героя при решении выбора пути из ряда возможных акта воли, дающей возможность изменить трагическое течение жизни. Однако не всегда поступки героев даже во «взрывных» ситуациях говорят о присутствии акта воли. Взрыв эмоциональных сил, произошедший, казалось бы, в «нужный момент», по причине отсутствия волевого акта со стороны героя не может привести к выбору разумного предсказуемого пути, способного стать поворотным. Вместе с тем отсутствие волевого акта со стороны героя может быть объяснено реальным постижением истинной причины, свидетельствующей о невозможности воз-

врата на путь естественного линейного развития человеческих отношений в сложившихся обстоятельствах жизни. Подобное постижение приводит к кризисным ситуациям с трагическими поступками героев.

В качестве текстуального подтверждения выдвинутых положений возьмем из текста Толстого эпизод с признанием Анны Вронскому о своей беременности, а из текста Тютчева – эпизод освобождения Спиридовым Зины Балкашиной с ребенком из плена.

В обоих эпизодах со случайно возникшими жизненными ситуациями описываются моменты эмоционального напряжения героев, достигшего той высокой точки накала, когда для человека может сдвигаться его картина мира. Однако в сознании героев обоих романов (Вронского и Спиридова) не изменяется стереотип их поведения, отношений, их представлений о мире. Они не перескакивают на «другую орбиту» поведения (Ю. М. Лотман), остаются в рамках собственных правил ими понимаемых «нормальных» условий. Вронскому эти правила позволяли «ни на минуту не колебаться в исполнении того, что должно» [Толстой, с. 303]; Спиридов, герой Тютчева, отношения с Зиной Балкашиной, которую он спас из «татарского» плена, воспринимает как «расплату за гундыню» (свой плен у горцев): он не может смириться с тем, что у Зины ребенок от татарина Саабадуллы.

У обоих героев есть чувство вины, но нет поступка, поскольку поступок определяется единством чувств и мыслей. В героях очевидно отсутствие воли. Так, Толстой, описывая душевное состояние Вронского на встрече с Анной, которая скажет ему о своей беременности, пишет:

«Он понял, что что-то случилось и что свидание это не будет радостное. В присутствии ее он не имел своей воли: не зная причины ее тревоги, он чувствовал уже, что та же тревога невольно сообщалась и ему» [Там же, с. 312].

Сложившаяся ситуация требует от Вронского собственных действий, проявления душевных порывов, которых ждала Анна:

«Она надеялась, что это свидание изменит это положение и спасет ее. Если он при этом известии решительно, страстно, без минуты колебания скажет ей: „Брось все и беги со мной!“ – она бросит сына и уйдет с ним» [Там же, с. 314].

Однако этой решительности со стороны Вронского не было. Причем Толстой говорит не об отсутствии во Вронском воли вообще, а об отсутствии этой воли «в присутствии» Анны, что

нужно понимать как нежелание решаться на какие-то поступки, которые противоречат своду его собственных правил, позволявших «ни на минуту не колебаться в исполнении того, что должно» [Там же, с. 303]. В кризисной, бифуркационной ситуации с возможным выбором жизненного пути Вронский поступает так, как «должно», как подсказывает ему его разум, хотя «боялся – не дурно ли это?» [Там же]. Разум приводит его к тому, что честолюбие, «старинная мечта его детства и юности» [Там же, с. 304], эта страсть, которая «боролась с его любовью» [Там же, с. 305], доминирует в его выборе. Окончательным с его стороны действием-поступком было следующее: «Он побрился, оделся, взял холодную ванну и вышел» [Там же]. Вронский «вышел» из создавшейся ситуации, как ему представляется, с чистой совестью и ясным сознанием человека, исполнившего то, что должно. Вышел, не совершив поступка, не проявив воли, которая изменила бы создающуюся ситуацию.

Если говорить о фокусовой сцене с героем Тютчева Спиридовым, спасающим из плена близкого для него человека Зину Балкашину, то в создавшейся бифуркационной ситуации, дающей возможность выбора в отношениях с ней, доминирует, как и во Вронском, голос разума, рациональное поведение, отвечающее его собственным представлениям о женщине, родившей ребенка в плену от «дикаря». Сцена с эмоциональным напряжением героев, Спиридова и Зины, достигшим той высокой флуктуационной точки, когда могла сдвинуться их картина мира, оказывается безрезультативной по причине отсутствия в Спиридове волевого акта, дающего возможность перескочить на «другую орбиту» поведения и взглядов на жизнь. Сцена эта с авторскими комментариями предстает как немой, внутренний диалог героев. О Зине, «инстинктом» разгадавшей чувства Спиридова к ней, автор пишет:

«С инстинктом, присущим женщине, она разгадала его чувства к ней и поняла, что он ее не любит, а только жалеет» [Тютчев, с. 475].

Подобное читаем у Толстого, когда он говорит о чувствах Вронского к Анне: «<...> ему было жалко ее, и он чувствовал, что не может помочь ей <...>». И далее Толстой продолжает: «<...> и вместе с тем знал, что он виною ее несчастья, что он сделал что-то нехорошее» [Толстой, с. 315]. Чувство вины перед Зиной характерно и для героя Тютчева:

«Если бы я был Колосовым или вроде его, – размышлял Петр Андреевич, – то, по всей вероятности,

несчастье, постигшее Зинаиду Аркадьевну, еще только сильнее бы разогрело чувство великодушия, и я бы полюбил за ее страдания, а вместе с ней и сына Саабадуллы. Другой на моем месте нашел бы наслаждение и утеху заняться перевоспитанием его натуры <...>» [Тютчев, с. 475].

Героиня Тютчева, как и Анна Толстого, увидев Спиридова, «может быть», надеялась «услышать другие речи, иные слова» [Там же]. Однако «<...> он ничего не мог предложить ей... сердце его пусто <...> Призрак Саабадуллы навсегда заслонил для него, как ширма, образ Зины-девушки» [Там же]. И вновь напрашиваются аналогии с текстом Толстого. В сцене признания Анны Вронскому о своей беременности есть авторское высказывание о реакции Вронского на событие, случившееся в их жизни:

«При этом известии он с удесятенною силой почувствовал припадок этого странного, находившего на него чувства омерзения к кому-то <...>» [Толстой, с. 195].

Припадок омерзения к сыну Зины, «прижитому ею с дикарем», испытывает и Спиридов.

Комментируя ситуации, в которых герои Толстого и Тютчева проявляют отсутствие воли, есть смысл еще раз обратиться к Лосскому, который, по утверждению Гайденко, считал, что ничто вне «я» человека «не может вторгнуться в сферу его индивидуальности и породить перемену в нем». Всякая перемена в человеческом «я», есть его «собственное действие, собственное проявление» [Гайденко, с. 358]. И хотя многие из этих проявлений, по мнению философа, возникают на основе общения с внешним миром, однако события внешнего мира служат только поводом для действий субстанции, а не причиной этих действий [Там же].

Л. Н. Толстой, позже Ф. Ф. Тютчев, своими романами сказали о том, что только сам человек, его творческая сила, является подлинной причиной, порождающей события его реальной жизни. Наиболее остро это обнаруживается в критических бифуркационных ситуациях жизни человека. Рассмотренные два фокусных эпизода двух романов говорят о том, что состояние эмоционального взрыва, вызванного случайным событием, создавшим потенциальные возможности в выборе человеком дальнейшего жизненного пути, оказывается безрезультативным. Причина – в отсутствии воли во Вронском, равно как и в Спиридове. Воли как акте творческой силы, способной изменить создающуюся жизненную ситуацию.

Список литературы

Бибихин В. В. Дело Хайдеггера // М. Хайдеггер Время и бытие / Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика. 1993. С. 3–14.

Гайденко П. П. Иерархический персонализм Н. О. Лосского // Н. О. Лосский Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика. 1995. С. 349–370.

Калиниченко А. Л. Литературное творчество Ф. Ф. Тютчева как отражение жизни и облика пограничной стражи Российской империи конца XIX – начала XX века // Мурановские чтения – 2019: Материалы научной конференции 4–6 декабря 2019 года. Ижевск: Изд-во ООО «Принт». 2020. С. 119–135.

Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика. 1995. 400 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры. 1996. 448 с.

Саяпова А. М. Роман Ф. Ф. Тютчева «На скалах и долинах Дагестана» в свете традиций Л. Н. Толстого // Филология и культура. Philology and culture. 2020. № 3 (61). С. 160–165.

Сливицкая О. В. Об эффекте жизнеподобия «Анны Карениной». СПб.: СПбГУКИ. 2004. 104 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1976. 799 с.

Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука. 1994 С. 38–74.

Тютчев Ф. Ф. На скалах и долинах Дагестана. Роман из времен борьбы с Шамилем за владычество на Кавказе // Собр. соч.: В 3 т. Том второй. СПб.: Росток. 2012. С. 5–628.

Хайдеггер М. Время и бытие // М. Хайдеггер Время и бытие / Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика. 1993. С. 391–406.

References

Bibihin, V. V. (1993). *Delo Haydeggera* [Heidegger's Affair]. Haydegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniia: Per. s nem. Pp. 3–14. Moscow, Respublika. (In Russian)

Gaidenko, P. P. (1995). *Ierarhicheskii personalism N. O. Losskogo* [N. O. Losskiy's Hierarchical Personnelity].

Losskii N. O. Chuvstvennaia, intelektual'naia i misticheskaia intuitziia. Pp. 349–370. Moscow, Respublika. (In Russian)

Heidegger, M. (1993) *Vremia i bytie. Stat'I i vystupleniia* [Time and Existence. Articles and Speeches]. Per. s nem. Pp. 391–406. Moscow, Respublika. (In Russian)

Kalinichenko, A. L. (2020). *Literaturnoe tvorchestvo F. F. Tyutcheva kak otrazhenie zhizni i oblika pogranichnoi strazhi Rossiyskoi imperii kontsa XIX – nachala XX veka* [F. F. Tyutchev's Literary Creative Work as the Reflection of Life and Outlook of Russian Empire's Frontier Guard from the late 19th to the Early 20th Centuries]. Muranovskie chteniia - 2019: Materialy nauchnoi konferentsii 4–6 dekabria 2019 goda. Izhevsk, izd-vo ООО "Print". Pp.119–135. (In Russian)

Losskii, N. O. (1995). *Chuvstvennaia, intelektual'naia i misticheskaia intuitziia*. [Perceptible, Intellectual and Mystic Intuition]. 400 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

Lotman, Iu. M. (1996). *Vnutri myslyashih mirov* [Inside the Thinking Worlds]. 448 p. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriia. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Saiapova, A. M. (2020). *Roman F. F. Tyutcheva "Na skalah i dolinah Dagestana" v svete traditsii L. N. Tolstogo* [Feodor Tyutchev's Novel "On the Rocks and Valleys of Dagestan" in the Light of Leo Tolstoy's Traditions]. Filologiya i kultura. No. 3 (61), pp. 150–156. (In Russian)

Slivitskaia, O. V. (2004). *Ob efekte zhiznepodobiiia "Anny Kareninoi"* [On the True of Life Effect of "Anna Karenina"]. 104 p. St. Petersburg, SPb GUKI. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1976). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. 799 p. Moscow, Khudozh. liter. (In Russian)

Toporov, B. N. (1994). *Sud'ba i sluchai* [Fate and Event]. Poniatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur. Pp. 38–74. Moscow, Nauka. (In Russian)

Tiutchev, F. F. (2012). *Na skalah i dolinah Dagestana. Roman iz vremen bor'by s Shamilem za vladychestvo ya Kavkaze* [On the Rocks and Valleys of Dagestan. The Novel from the Times of Struggle against Shamil for the Domination in the Caucasus]. Sobr. soch., V 3 t. Tom vtoroi. Pp. 5–628. St. Petersburg, Rostok. (In Russian)

The article was submitted on 11.04.2021

Поступила в редакцию 11.04.2021

Султанбеков Фоат Фаритович,
кандидат физико-математических наук,
доцент,
свободный исследователь,
Казанский федеральный университет,
420138, Россия, Казань,
Foat.Sultanbekov@gmail.com

Sultanbekov Foat Faritovich,
Ph.D. in Physics and Mathematics,
Associate Professor,
free researcher,
Kazan Federal University,
Kazan, 420138, Russian Federation.
Foat.Sultanbekov@gmail.com

Саяпова Альбина Мазгаровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
albina.sayapova@kpfu.ru

Sayapova Albina Mazgarovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
albina.sayapova@kpfu.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-194-200
УДК 821.111

ТРАНСГЕНДЕРНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ТРАНСГУМАНИЗМА В РОМАНЕ Д. УИНТЕРСОН «ЦЕЛЮЮ, ТВОЙ ФРАНКЕНШТЕЙН: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ»

© Рушана Файзуллина

TRANSGENDERISM AS AN ASPECT OF TRANSHUMANISM IN J. WINTERSON'S NOVEL "FRANKISSSTEIN: A LOVE STORY"

Rushana Faizullina

Transhumanism is a philosophical concept that aims to change a person with the help of modern technologies to combat old age and death. The main problem of transhumanism in literature is reflections on the relationship between man and technology. The modification of a person can lead to the appearance of a posthuman, who has abandoned the usual human appearance as a result of the introduction of advanced technologies. The novel "Frankenstein; or The Modern Prometheus" (1818) by Mary Shelley describes the first attempts to create a possible posthuman. Victor Frankenstein's Monster is one of the first monsters to be classified as a hybrid between organic creatures and technology. Continuing this theme, Jeanette Winterson, in 2019, writes the novel "Frankissstein: A Love Story", which has not been researched either in foreign or in Russian literary studies. It should be emphasized that Janet Winterson's novel is not just a remake of Mary Shelley's novel, but is more like a parody. In the novel, the writer claims that transgenderism is one of the ways to go beyond human nature. This idea is expressed by a transgender doctor named Ry Shelley. The problem that Ry faces is the problem of borderline existence, he is between traditional categories, facing the misunderstanding and disapproval of others. Ry is experiencing a crisis of self-identification, constantly being in a kind of duality – he needs another operation, which he cannot decide on. Jeanette Winterson offers a feminist perspective, criticizing the possible transhumanist future created by men, with sex dolls instead of real partners, cryopreservation, and the possibility of a body-less existence. The writer emphasizes that the ordinary joys of life are much more important.

Keywords: transgenderism, transhumanism, Frankenstein, Jeanette Winterson, English literature.

Трансгуманизм является философской концепцией, цель которой – изменение человека с помощью современных технологий для борьбы со старостью и смертью. Главной проблемой трансгуманизма в литературе являются размышления об отношениях между человеком и технологиями. Модификация человека может привести к появлению постчеловека, отказавшегося от обычного человеческого облика в результате внедрения передовых технологий. В романе английской писательницы Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818) описаны первые попытки создания главным героем постчеловека. Монстр Виктора Франкенштейна является одним из первых монстров, которого можно отнести к гибридной категории между органикой и технологиями. Продолжая эту тему, английская писательница Дженет Уинтерсон в 2019 году пишет роман «Целую, твой Франкенштейн: история одной любви», который не исследован ни в зарубежном, ни в отечественном литературоведении. Следует подчеркнуть, что роман Дженет Уинтерсон является не просто ремейком романа Мэри Шелли, а в определенном смысле пародией. В романе писательница утверждает, что трансгендерность является одним из способов выхода за пределы человеческой природы. Эту мысль выражает трансгендерный врач по имени Рай Шелли, один из героев романа. Проблема, с которой сталкивается Рай – это проблема пограничного существования, герой находится между традиционными категориями, сталкиваясь с непониманием и неодобрением окружающих. Рай переживает кризис самоидентификации, постоянно находясь в некоей раздвоенности – герою требуется еще одна операция, на которую он не может решиться. Дженет Уинтерсон предлагает феминистский взгляд, критикуя возможное трансгуманистическое будущее, созданное мужчинами: с секс-куклами вместо реальных партнеров, криоконсервацией и возможным существованием без тела. Писательница подчеркивает, что обычные радости жизни намного важнее.

Ключевые слова: трансгендерность, трансгуманизм, Франкенштейн, Дженет Уинтерсон, английская литература.

Трансгуманизм – это философская концепция, которая изучает последствия преобразования человека с помощью биологических, кибернетических и медицинских технологий для борьбы со старостью, страданиями и смертью, например ЭКО, генетическое изменение психических качеств, улучшение тела за счет имплантов и многое другое. Эта тема актуальна в современных реалиях. В литературной сфере главной проблемой трансгуманизма стали размышления об отношениях между людьми и технологиями. По словам А. В. Васенкина и Н. А. Васильевой, «одна из трансгуманистических идей утверждает, что естественный отбор, доминировавший преимущественно на биологической стадии развития человека, в наше время переходит в стадию биолого-общественно-интеллектуальной координации. На этой стадии вид *Homo sapiens* достигает такого уровня развития, когда она может влиять на все то, что ранее было недоступно – на генетику человека, его телесность, его интеллект» [Васенкин, Васильева, с. 71–72]. Эти изменения могут привести к появлению постчеловека – потомка человека, усовершенствованного с помощью внедрения передовых технологий: медицины, биотехнологии и информатики.

Очевидно, что транссексуальность является одним из способов выхода за пределы человеческой природы. Обратимся к истокам феномена транссексуальности. В 1953 году бывшему морскому пехотинцу Джорджу Йоргенсену была проведена операция по смене пола. Именно после операции Йоргенсена появился термин «трансгендерность», который берет начало в статьях доктора Кристиана Гамбургера, который помог совершить Кристине Йоргенсен трансгендерный переход. Гамбургер стал первым врачом, который определил Йоргенсена как трансгендера. В эпоху постмодернизма происходит отказ от биологического фактора как важного элемента гендера, согласно новым представлениям, индивид не выражает свой биологический пол через свою сексуальность, пол является эффектом, созданной человеком социальной категорией [Малкина-Пых, с. 12].

Человеческая сущность трактуется как синтез духовного и телесного, однако у трансгендерных людей возникает внутренний конфликт из-за несоответствия телесной оболочки духовному содержанию. Именно поэтому трансгендерные люди стремятся к смене своего пола: чтобы устранить этот дисбаланс и достичь гармонии. Этот биоповорот проходит с помощью синтетических гормонов и операций, через изменение биологии тела. М. Виттиг говорит о том, что гетеросексу-

альность производит гендерные различия на основе анатомии тел (по репродуктивным органам), устанавливая вследствие этого иерархию не только полов, но и рас [Wittig, с. 129].

Проблема трансгендерности уходит своими корнями в глубь веков, затрагивается в древних греческих и римских писаниях, упоминается в культуре индейцев Северной Америки, отражается в философии буддизма. В театральном искусстве широко используется прием травестии – исполнение актером роли другого пола. До XVI–XVII вв. все женские роли исполняли мужчины, так как женщины не допускались на театральную сцену. В некоторых национальных театрах эта традиция сохранилась до сих пор, например в японском кабуки. Мода на травестию пола проникла и в бурлески, например амплуа *principal boy* – исполнение главной мужской роли женщиной-актрисой, роли пожилых дам, однако, оставались прерогативой мужчин. В современной западной литературе одним из наиболее распространенных образов являются андрогини – герои, наделенные признаками обоих полов. Произведения многих писателей (С. Рушди, А. Десаи, Урсулы Ле Гуин, М. Роттена и др.) отмечены вариациями андрогинности, которая берет свое начало в античной (Платон «Пир») и древнеиндийской («Махабхарата» и «Рамаяна») традициях.

В романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» («*Frankenstein; or The Modern Prometheus*», 1818) английской писательницы Мэри Шелли описаны попытки создания постчеловека. Мэри Шелли является дочерью Мэри Уолстонкрафт, автора книги «В защиту прав женщин» (1792), где она впервые под собственным именем подняла вопросы женского избирательного права, образования и финансовой независимости. Это эссе принесло Мэри Уолстонкрафт славу первой феминистки Англии. Мэри Шелли продолжает традицию, начатую матерью: своим романом писательница предвосхитила время. Несмотря на то что гендерная проблематика и не затрагивается в ее романе прямо, нужно отметить, что Д. Уинтерсон в романе «Целую, твой Франкенштейн: история одной любви» учла общий контекст биографии и творчества писательницы.

Интерес к трагической истории Франкенштейна не ослабевает и в наши дни: сегодня продолжают создаваться многочисленные адаптации и экранизации, основанные на романе. «Франкенштейн, или Современный Прометей» является прототекстом, многие авторы обращались к образу Франкенштейна в своем творчестве.

ве: П. Акройд «Журнал Виктора Франкенштейна» (2010), Б. Олдисс «Освобожденный Франкенштейн» (2000) и др.

Главный герой романа Виктор Франкенштейн открыл способ оживления безжизненной материи, и, чтобы применить знание на практике, он создает из фрагментов тел умерших людей, найденных в моргах, склепах и на скотобойнях, подобие человека и оживляет его. Герой мечтает создать совершенное существо. Франкенштейн представляет себе мир, который наполнен его собственным бессмертным и трансцендентным светом, мир, в котором «новая порода людей» существует только для того, чтобы поклоняться его божественному владычеству. Монстр Виктора Франкенштейна является первым монстром, которой относится к гибридной категории между органикой и технологией. В образе монстра используется такой механизм создания героя, как киборгизация [Шапинская, с. 6], которая возникает в тот момент, когда источником происхождения монстров является наука. Образ Франкенштейна-монстра несет в себе не только пророческую мысль о возможных пагубных для людей последствиях научного прогресса, но и глубокие размышления о природе человека [Литвинов, с. 863]. Харауэй определяет киборга как «кибернетический организм, гибрид машины и человека, существо социальной реальности как персонаж романа» [Харауэй, с. 115], он является для нее «вымыслом, изменяющим мир» [Там же, с. 118]. Киборг является критической метафорой антиэссенциалистов: научно-фантастическое существо, оно действительно позволяет думать о нарушении границ и за пределами границы между мужчиной и женщиной, всех границ и любого дуалистического мышления, любого разделения между природой и обществом, мужчиной и женщиной, животными и людьми, телом и разумом, живым и машинным и т. д.

Роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» – это утверждение неразрешимой пропасти между созданием и его творцом и невозможности формирования контакта между ними. Вымышленные технологии XIX века, например хирургическое создание монстра Франкенштейна, предвещают трансгуманистические научные проекты: модификацию тела и создание трансгенных организмов.

Английская писательница Дженет Уинтерсон, продолжая эту тему, пишет роман «Целую, твой Франкенштейн: история одной любви» («Frankissstein: A Love Story»). Роман был написан в 2019 году и ни в зарубежном, ни в отечественном литературоведении не является исследо-

ванным. Дженет Уинтерсон была удочерена семьей пятидесятников, которые надеялись, что она станет христианским миссионером. В 16 лет Дженет Уинтерсон совершила каминг-аут, ушла из дома, впоследствии написав об этом автобиографическую повесть «На свете есть не только апельсины» («Oranges Are Not the Only Fruit», 1985). В своем творчестве писательница обращается к теме феминизма, исследует границы мистического и реального мира, а также сексуальную идентичность.

Роман «Целую, твой Франкенштейн: история одной любви» – это пародия на «Франкенштейна, или Современного Прометей». Роман можно отнести к комедийному жанру, персонажи карикатурны и выполняют комические роли, практически во всех диалогах есть скрытые смыслы и двойные послания. В романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» Виктор Франкенштейн является ученым, который стремится постигнуть секрет создания новой жизни, а его монстр – это чудовище, ужасное творение Франкенштейна, которое не по своей воле оказалось на рубеже человечности и монструозности, жизни и смерти. Дженет Уинтерсон проводит аналогию с героем, создав двух сходных персонажей: профессора Виктора Штейна и доктора Рая Шелли, который совершил трансгендерный переход. Герои двойственны, у них часто возникают споры о природе гендера: Рай идентифицирует себя как мужчину, но ему требуется еще одна операция, чтобы полностью завершить переход.

Дженет Уинтерсон обращается к философии трансгуманизма, говорит о его определении, общей идее, однако не дает прямых комментариев по поводу реализации трансгуманистических идей. В тексте упоминаются такие проявления трансгуманизма, как загрузка человеческого сознания для сохранения жизни, криоконсервация – заморозка тела человека с возможностью его оживления в будущем, трансгендерность, использование секс-роботов вместо реальных партнеров и т. д.

В романе переплетаются два временных плана – прошлое, где юная писательница Мэри Шелли создает роман «Франкенштейн, или Современный Прометей», и настоящее, где молодой трансгендерный врач по имени Рай Шелли влюбляется в таинственного профессора Виктора Штайна, который является экспертом по искусственному интеллекту. Имена главных героев намеренно перекликаются: Мэри Шелли и ее супруг, поэт Перси Биши Шелли, сводная сестра Мэри, Клер Клермонт, лорд Байрон и его личный врач Джон Полидори. А в наши дни – хирург-трансгендер Рай Шелли, владелец междуна-

ного бизнеса по созданию секс-роботов Рон Лорд, сотрудница крионической компании «Alcor» Клер и журналистка Полли Ди, можно предположить, что это своего рода продолжение, реинкарнация героев, которые менялись на протяжении веков.

Дженет Уинтерсон считает, что трансгендерность является существенной проблемой трансгуманизма. Эту мысль олицетворяет герой романа Рай Шелли, который соединил в себе черты Мэри Шелли и ее супруга Перси Биши Шелли. Герой говорит о себе:

«Я вхожу в число немногих медиков-трансгендеров. Некоторые из нас поддерживают идею трансгуманизма. И неудивительно – ведь зачастую мы годами ощущали себя в чужом теле. И мы-то уж точно знаем: внешняя оболочка не всегда соответствует внутреннему содержанию» [Уинтерсон, с. 102].

Одна из проблем, с которой сталкивается Рай, – это проблема пограничного существования, нахождение между традиционными категориями. Вследствие этого у Рая возникает кризис самоидентификации. Тело становится оружием, предметом, теряя свою уникальность, это изменение П. Пресьядо называет трансгуманистическим событием [Пресьядо, с. 50]. Свобода слова квирских меньшинств – это событие не столько постмодернистское, сколько трансгуманистическое: трансформация в создании, речи, внешности, изменение тела [Там же, с. 91].

Рай находится в пограничном, маргинальном положении – у него возникают конфликты с окружающими, например с Клер, представительницей компании «Alcor», героиня представляет собой карикатурный образ христианки-фундаменталистки:

«– Мы такие, какими сотворил нас Господь, и не следует сомневаться в Его мудрости. <...> В Библии нет трансгендеров.

– Библию писали очень давно. Поэтому там никто не летает на самолетах, не пьет бурбон и не ест тосты с сыром. И не выпрямляет волосы утюжками» [Уинтерсон, с. 221–222].

Клер открыто осуждает Рая и тот факт, что герой совершил трансгендерный переход, но это не мешает ей впоследствии присоединиться к Рону Лорду в изготовлении секс-кукол для мужчин.

Рай вступает в полемику и с другими персонажами по поводу трансгендерности, например при знакомстве с Роном Лордом: Рон преувеличивает важность тела и его сексуальных потребностей, выступает против криоконсервации, не видит существенной разницы между секс-

куклами и реальными людьми. Рон никогда не противоречит самому себе, его характер не меняется на протяжении романа, его мировоззрение устойчиво – например, герой объективирует не только женщин, но и мужчин:

«– А для чего становиться мужчиной, если не ради члена? – Рон смотрит на меня чуть ли не с жалостью.

– То есть мужчина – это ходячий пенис?

– Более-менее... – мнется Рон» [Там же, с. 84].

«Целую, твой Франкенштейн: история одной любви» отличает от романа Мэри Шелли выраженный язык тела: особое внимание уделяется телесности секса, особенно в отношении тела Рая, которое герой изменил сам, чтобы соответствовать своей личности. Секс между Виктором и Раем описан так чувственно, что невозможно рассматривать его просто как стимуляцию нейронов в мозге. Операция Рая по смене пола сравнивается Виктором с актом трансгуманистического совершенствования, однако трудно примирить акт изменения тела с верой в то, что самое важное в человеке – это душа.

Дженет Уинтерсон показывает разные позиции по отношению к трансгуманистическому будущему. Для Виктора Штейна человек состоит только из разума, для которого тело служит «жизнеобеспечением» [Уинтерсон, с. 171], и он считает, что следование трансгуманистическим идеалам приведет к утопии, в которой бессмертные люди смогут существовать без телесной оболочки. Герой мечтает о том, что в мире ИИ исчезнут ярлыки, бинарные понятия: «мужское-женское», «черное-белое», «богатые-бедные», исчезнет разница между сердцем и разумом. Жизнь станет автоматизированной: по дорогам поедут беспилотные машины, в магазинах и супермаркетах заработает система автоматического отслеживания покупок, домашними делами и ремонтом займутся боты. Виктор утверждает, что человечество уже создало параллельную форму жизни – это голосовые помощники, которые используют ИИ (Сири, Алекса и др.). Согласно Дж. Вайцман, виртуальный мир и интернет станут площадками для оспаривания гендерных различий и изучения субъективностей [Wajzman, с. 675]. Мы можем задаться вопросом, не предвещает ли этот переход в виртуальную реальность, помимо разницы полов, и конец тела как такового.

Виктор Штейн подпольно работает в секретной лаборатории, где он, подобно герою романа Мэри Шелли, смог добиться оживления безжизненной материи: герой проводит эксперимент с двигательной активностью, заставляя кисти рук

двигаться за счет электрического тока, чтобы впоследствии эти импланты можно было пришить людям, которым оторвало конечность. Перед смертью Джек Гуд, математик, который работал с Аланом Тьюрингом, попросил Виктора сохранить его голову, чтобы однажды Виктор смог оживить его сознание. Джек много вложил в разработку искусственного интеллекта, рассуждал о криоконсервации, хотя и не слишком верил в нее, мечтал попасть в новый мир. Несмотря на то что технология размораживания после криоконсервации еще не изобретена, Виктор собирается отсканировать мозг Джека, цинично рассуждая о вопросах биоэтики и трансгуманистическом будущем. Виктор утверждает, что для него человек – это лишь ступень на пути к постчеловеку.

Однако существует разрыв между мировоззрением Виктора и его действиями. Хотя он считает, что людям нужен только разум, чтобы быть счастливыми, большая часть его счастья в этой истории происходит от физического опыта, а именно от его занятий любовью с Раем. Очевидно и то, что Виктор судит о Рае только по его телу, поскольку считает свое влечение к нему гетеросексуальным или, по крайней мере, не гомосексуальным. Штейн утверждает, что не является гомосексуалом, потому что *«будь у тебя член, я никогда не лег бы с тобой в постель»* [Уинтерсон, с. 146], воспринимая таким образом Рая как женщину. В этом отношении взгляды Виктора на гендер совпадают с взглядами Рона, но для Виктора они противоречат его убеждению о том, что люди – это их мозг или душа, то есть во всем этом Виктор лицемерит, постоянно выступая за утопическое общество без тела, однако в своей личной жизни определяя людей как физических существ. В образе Виктора воплощен узнаваемый тип человека, который ставит во главу угла стремление к тому немногому, чего у него нет, разрушая при этом все хорошее, что у него есть: в конце романа Виктор отказывается от всего ради прогресса. Несмотря на то что финал неоднозначен, можно сделать вывод о том, что герой отказался от своих счастливых отношений с Раем, бесследно исчезнув.

Большая часть критики трансгуманизма основана на феминизме, и Дженет Уинтерсон обращается к этой теме – во время выступления Виктора Штейна о трансгуманистическом будущем одна из зрительниц спрашивает его:

«Профессор Штейн, вы пропагандируете искусственный интеллект. На самом деле раса, которая будет создавать то, что вы называете ИИ, — это белые юноши-аутисты с низким эмоциональным восприятием и бедными навыками общения. И каким образом

мир, сотворенный ими, окажется нейтральным, относительно гендерных и всех остальных аспектов?» [Там же, с. 76].

Этот вопрос артикулирует одну из самых основных проблем философии трансгуманизма, которой роман не предлагает решения. Дженет Уинтерсон волнуют и другие вопросы: как будет происходить реализация трансгуманизма? Какие именно человеческие качества должны быть улучшены? Какие люди заслуживают того, чтобы стать частью человеческого будущего, а какие нет? Эти вопросы герои обсуждают на протяжении всего романа. Автор использует черный юмор и иронию, преподнося читателю сложные темы просто и понятно, не давая, однако, прямых ответов на эти вопросы. Дженет Уинтерсон считает, что именно патриархат решает, как должны происходить прогресс и эволюция: женщины в романе, как в сюжетных линиях 1818 года, так и в 2018 году, постоянно обрываются на полуслове и осуждаются мужчинами. Критика феминисток игнорируется главными героями, но в романе, скорее, дается антиутопическая картина трансгуманистического будущего – его воплощает образ Рона Лорда, владельца международной компании по созданию секс-кукол для мужчин, которая предлагает всевозможный ассортимент кукол из мягкого силикона, с лексиконом порядка двухсот слов, с возможностью управления с помощью телефона, легких и удобных при транспортировке. Сцена, когда кукла, которую также зовут Клер, случайно включается в сумке Рона, изображает, как может выглядеть трансгуманистическое будущее, созданное мужчинами:

«–ПАПОЧКА, НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ ЖДАТЬ!

– Сюда не проходит сотовый сигнал, – разочарованно сказал Рон.

– Я БУДУ ТРОГАТЬ СЕБЯ ВОТ ЗДЕСЬ, – не унимается Клер, будто попугай в брачный период» [Там же, с. 89].

Эта сцена показывает бессмысленность представлений Виктора Штейна о трансгуманистическом будущем. Образ робота Клер демонстрирует, насколько Рон Лорд объективизирует женщин: все строки бота написаны полностью заглавными буквами, даже те, в которых робот будто бы имитирует светскую беседу. Образ Рона Лорда контрастирует с образами других героев: Рон публично демонстрирует свой сексизм и свою сексуальность, не стыдясь ни того ни другого, в то время как другая героиня, журналистка Полли Ди, чувствует себя униженной, потому что случайно выложила свои интимные фотографии в Facebook; Виктор стыдится своей ори-

ентации, постоянно пытаюсь убедить Рая в том, что он не гей. Образ Рона демонстрирует, что устоявшаяся мужская точка зрения настолько распространена, что она подсознательно воспринимается как норма жизни. Как бы Виктор ни ратовал за применение трансгуманизма во всех отраслях жизни и его актуальность, существование Рона показывает, что это невозможно.

Проанализировав роман Дженет Уинтерсон «Целую, твой Франкенштейн: история одной любви», можно сделать следующие выводы: вне всякого сомнения, трансгендерность является одним из вариантов выхода за пределы человеческой природы. Уинтерсон видит это как проблему пограничного существования, это олицетворяет образ Рая Шелли. Основными темами романа являются феминизм и сексуальная самоидентификация. «Целую, твой Франкенштейн: история одной любви» отличается от текста-предшественника явной телесностью. В романе происходит столкновение противоположных точек зрения героев о трансгуманизме: Рона Лорда и Виктора Штейна. Следует отметить своеобразие постановки проблемы трансгуманизма: Дженет Уинтерсон подвергает критике трансгуманистическое будущее, созданное мужчинами, разделяя феминистскую точку зрения.

Список литературы

Васенкин А. В., Васильева Н. А. Трансгуманизм как проявление постчеловеческого в современном обществе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. № 1А. С. 69–75.

Летов О. В. Трансгуманизм и этика // Вестник культурологии. 2008. № 4. С. 18–30.

Литвинов А. В. Чудовище Франкенштейна. Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 9. С. 862–864.

Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия. Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2006. 552 с.

Уинтерсон Д. Целую, твой Франкенштейн: история одной любви. Москва: Издательство АСТ, 2020. 320 с.

Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

Шапинская Е. Н. Монстр как культурный герой: репрезентация монструозности в массовой культуре (начало) // Культура культуры. 2019. № 2. 6 с.

Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей; Последний человек: романы. М.: Вече, 2019. 672 с.

Butler J. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. Great Britain: Routledge, Chapman and Hall Inc., 1990. 172 p.

Hirschfeld M. Die Transvestiten – eine Untersuchung uber den erotischen Verkleidugstrieb mit umfangreichem

casuistischem und historischem Material. Berlin: Medicinischer Verlag, 1910. 562 S.

Preciado P. Countersexual Manifesto (Critical Life Studies). United States: Columbia University Press, 2018. 240 p.

Stoller R. Sex and Gender: The Development of Masculinity and Femininity. Great Britain: Routledge, Chapman and Hall Inc., 1994. 400 p.

Wajcman J. Border communication: media sociology and STS. Media, Culture and Society. 2012. 34 (6). Pp. 673–690.

Wittig M. [La pensée straight] The Straight Mind and Other Essays. United States: Beacon Press, 1992. 110 p.

References

Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. 172 p. Great Britain, Routledge, Chapman and Hall Inc. (In English)

Harauei, D. (2017). *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i socialisticheskij feminizm 1980-h* [The Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism of the 1980s]. 128 p. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)

Hirschfeld, M. (1910). *Die Transvestiten – eine Untersuchung uber den erotischen Verkleidugstrieb mit umfangreichem casuistischem und historischem Material* [The Transvestites - an Investigation into the Erotic Sex Drive with Extensive Casuistic and Historical Material]. 562 p. Berlin, Medicinischer Verlag. (In German)

Letov, O. V. (2008). *Transgumanizm i etika* [Transhumanism and Ethics]. Vestnik kul'turologii, No. 4, pp. 18-30. (In Russian)

Litvinov, A. V. (2011). *Chudovishche Frankenshtejna* [Frankenstein's Monster]. Vestnik Rossijskoj akademii nauk, part 81/No. 9, pp. 862–864. (In Russian)

Malkina-Pyh, I. G. (2006). *Gendernaia terapiia. Spravochnik prakticheskogo psihologa* [Gender Therapy. A Handbook of the Practical Psychologist]. 552 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Preciado, P. (2018). *Countersexual Manifesto (Critical Life Studies)*. 240 p. United States, Columbia University Press. (In English)

Shapinskaia, E. N. (2019). *Monstr kak kul'turnyj geroj: reprezentaciya monstruoznosti v massovoj kul'ture (nachalo)* [The Monster as a Cultural Hero: The Representation of Monstrousness in Popular Culture (the Beginning)]. 6 p. Kul'tura kul'tury, No. 2. (In Russian)

Shelley, M. (2019). *Frankenstein, ili Sovremennyyj Prometej; Poslednij chelovek: romany* [Frankenstein, or the Modern Prometheus; The Last Man: Novels]. Per. s angl. Z. Aleksandrovoi. 672 p. Moscow, Veche. (In Russian)

Stoller, R. (1994). *Sex and Gender: The Development of Masculinity and Femininity*. 400 p. Great Britain, Routledge, Chapman and Hall Inc. (In English)

Vasenkin, A. V., Vasil'eva, N. A. (2018). *Transgumanizm kak proyavlenie postchelovecheskogo v sovremennom obshchestve* [Transhumanism as a Manifestation of the Posthuman in Modern Society]. Kontekst i

refleksii: filosofii o mire i cheloveke, part 7/No. 1A, pp. 69–75. (In Russian)

Wajcman, J. (2012). *Border Communication: Media Sociology and STS*. Media, Culture and Society, No. 34 (6), pp. 673–690. (In English)

Winterson, J. (2020). *Celuyu. tvoi Frankenshtein: istoriia odnoi liubvi* [Frankenstein: A Love Story]. Per. s

angl. O. Akopian. 320 p. Moscow, izdatel'stvo AST. (In Russian)

Wittig, M. (1992). *[La pensée straight] The Straight Mind and Other Essays*. 110 p. United States, Beacon Press. (In English)

The article was submitted on 15.05.2021

Поступила в редакцию 15.05.2021

Файзуллина Рушана Альфредовна,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
rurinch@mail.ru

Faizullina Rushana Alfredovna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
rurinch@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-201-206
УДК 821.161.1 + 882(09)

**«ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»:
СРАВНИТЕЛЬНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ОДНОИМЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ И Л. Н. ТОЛСТОГО
И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ**

© Аида Фернандес Буэно

**“THE DIARY OF A MADMAN”: COMPARATIVE COMPOSITIONAL
ANALYSIS OF NIKOLAI GOGOL’S AND LEO TOLSTOY’S
HOMONYMOUS STORIES AND THEIR USE IN THE LESSONS WITH
FOREIGN STUDENTS**

Aída Fernández Bueno

“The Diary of a Madman” is the title chosen by two great writers of Russian literature, Nikolai Gogol and Leo Tolstoy to name two of their works separated by fifty years. The title is a primordial element in the composition of a creative work. It is the first level of contact between the reader and the author, the catalytic element that focuses our attention, as readers, from the very beginning of the story. In this paper we will analyse two works, a story and a short story by Nikolai Gogol and Leo Tolstoy respectively, starting from the fact of the coincidence in the title, with the aim of determining their similarities and differences and analysing how the author, through the composition of his text, conditions the reader's perception in each case. For our reader, a student of the Russian language and literature as a foreign language and literature, these initial coincidences are particularly striking. He will see, after analysing the composition, how each author, by means of different stylistic devices, provokes very different reactions in the reader. In the case of Gogol, by resorting to the fantastic; through irony, he achieves a distancing, while in the case of Tolstoy, in a realistic register and with a profound philosophical-religious subtext, he achieves a significant degree of empathy with the reader. As a result, the portraits of the two literary characters are diametrically opposed.

Keywords: Leo Tolstoy, Nikolai Gogol, compositional analysis, reader, subtext, fantasy, irony.

«Записки сумасшедшего» – такое название было выбрано двумя великими писателями русской классической литературы, Н. В. Гоголем и Л. Н. Толстым, для своих произведений. Название, как известно, является исходным элементом в композиции творческого сочинения. Это первый уровень контакта между читателем и автором, катализирующий элемент, который фокусирует читательское внимание с самого начала художественного повествования.

В данной статье мы разбираем повесть Н. В. Гоголя и рассказ Л. Н. Толстого в сравнительно-сопоставительном ключе, положив в основу своего прочтения как раз факт их совпадений в названии. Основная цель исследования – определить сходства и различия двух текстов. Кроме того, предлагаемый в работе анализ призван установить то, как авторы посредством выбора названия произведений обуславливают их восприятие читателями в каждом конкретном случае. Наш читатель – испанский студент-филолог, обучающийся по специальности «Русский язык и литература» и постигающий смыслы русской литературно-художественной классики на неродном для него, студента, языке. Текстовые совпадения у русских писателей, по нашему мнению, особенно поразительны. Студент-филолог благодаря приемам композиционного анализа сможет увидеть, как каждый автор с помощью различных стилистических средств провоцирует у читателя различные эстетические реакции. Так, Н. В. Гоголь, прибегая к фантастическому, через яркую незабываемую иронию достигает эффекта дистанцирования между автором и персонажем, автором и читателем. В случае же Л. Н. Толстого это не совсем так. Он, напротив, в реалистичном регистре и с глубоким философско-религиозным подтекстом достигает иллюзии сопереживания с читателем. В результате портреты двух литературных героев оказываются диаметрально противоположны – в рецепции, оценках, общем понимании.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, композиционный анализ, читатель, подтекст, фантастика, ирония.

Объектом нашего исследовательского внимания стали хорошо известные произведения двух великих русских писателей-классиков – повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и рассказ Л. Н. Толстого с аналогичным названием. Мы активно использовали метод «медленного чтения», получивший сегодня в Европе наибольшее распространение. При этом подчеркнем, что в большей степени нас интересовал композиционный анализ произведений. Опираясь на русскую стилистику текста как теоретическую основу, мы сосредоточились на некоторых важных ее категориях. «Медленное чтение», ориентированное на выявление и разбор художественной детали, позволяет определить различия и сходства между двумя текстами как с точки зрения их композиции, так и того, как авторы, именно через композицию, вызывают у читателя совершенно разные эмоции и психологические ощущения. Наш основной читатель – иностранный (прежде всего испанский) студент-филолог, обучающийся по специальности «Русский язык и литература» и читающий произведения на неродном для него, этого студента, языке. Оба анализируемых произведения входят в учебную программу по русской литературе для иностранных студентов второго курса бакалавриата. С особенной силой, отметим, обращает на себя внимание то обстоятельство, что названия двух произведений русской литературы не просто сходны, а полностью идентичны. Заголовок же, как мы знаем, служит существенным элементом в композиции художественного текста. По сути, это первая линия соприкосновения автора и читателя. Через нее автор создает психоэмоциональное напряжение и ведет нас, читателей, в строго определенном направлении понимания внутреннего мира текста.

Повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» впервые была опубликована в 1835 году в книге «Арабески» под названием «Клочки из записок сумасшедшего». Позднее она была включена в книгу «Петербургские повести». Главный герой – «маленький человек». Аксентий Иванович Поприщин – чиновник низшего ранга, служащий в государственном департаменте; многими чертами характера он схож с Акакием Акакиевичем Башмачкиным из гоголевской «Шинели». Будучи бедным и ничтожным, Поприщин тем не менее не считает себя таковым и утверждает, что он «из благородных». Скрывая желание преодолеть бедность, герой делает попытки улучшить свое материальное существование. Поприщин

настолько стремится быть признанным в обществе, что мнит себя королем. С самого начала повествования в герое проявляются признаки, которые заставляют нас думать, что он страдает психическим расстройством. Поприщин тайно влюблен в дочь начальника департамента, но в то же время он прекрасно понимает – именно это его и раздражает больше всего! – что без денег он не может и подумать о том, чтобы ухаживать за ней: ему откажут в пользу молодого «камер-юнкера»¹.

Сюжет Гоголя включает элементы фантастики. Болезнь героя проявляется в его собственной речи, а также через «очеловечивание» других. Это касается, например, Меджи, собачки Софи², дочери его начальника, и Фиделя, другой собачки. Отношения Поприщина с этими животными устанавливаются в тот момент, когда он видит, как Софи выходит из кареты и собирается войти в магазин. Ее собачка Меджи остается снаружи, и, когда герой пересекается с ней, он начинает слышать шепот голосов, как если бы это был диалог двух животных, Меджи и Фиделя. Он следует за маленькой собачкой, потому что понимает, что животное – это хороший предлог, чтобы увидеть свою любимую. Таким образом, и Меджи, и Фидель наделяются человеческими качествами: речью, умением писать³. С этого мо-

¹ Иностранному читателю необходимо объяснить значение этого слова. Согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой, «камер-юнкер» – «придворное звание младшего ранга (в Российском государстве до 1917 года и в некоторых других монархических государствах)» [Ефремова].

² По мысли А. Н. Кузнецова, выбор имени Софи не был случайным: он указывает на другой персонаж в русской литературе XIX века с таким же именем – героиню комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Кузнецов, с. 90].

³ Присутствие животных в литературных произведениях, превращение их в персонажей, наделенных антропологическими свойствами не является чем-то странным. Уже в античности были примеры соответствующего рода. Вспомним хотя бы «Золотого осла» Апулея. Кроме того, в испанской литературе эпохи Возрождения имеется яркая иллюстрация такого приема: так, Сервантес назвал одну из своих назидательных новелл «Новеллой о беседе собак» (Дон Кихот в классическом романе Сервантеса общается с лошадью Росинант, с ослом Санчо Пансы). Хуан Рамон Хименес (1881–1958), испанский поэт-модернист, лауреат Нобелевской премии по литературе превратил Платеро в «литературного осла» (сборник «Платеро и я»). Русская литература XX века содержит аналогичные примеры, ср. повесть М. А. Булгакова «Со-

мента возникает фантастический дискурс, который становится неотъемлемой частью сюжета и идет параллельно главной сюжетно-фабульной линии. Поприщин в своем безумии не ставит под сомнение тот странный факт, что собаки говорят, и даже то, что они пишут, кажется ему вполне возможным⁴.

Гоголь, опираясь на язык, используя свои, присущие только ему способы выражения, строит параллельную реальность, мир со своими собственными законами и координатами.

Поприщин ведет дневник⁵, и именно через него мы, читатели двух параллельных вымыслов, узнаем о его мыслях, заботах и развитии болезни. Из дневника мы узнаем, как «ломается» временная последовательность, то есть датировка событий, совпадая с моментом прочтения в газете новости о том, что в Испании больше нет короля. Новость эта сильно взволновала Поприщина: он приходит к выводу, что король газетной хроники есть Фердинанд VIII⁶. Героя помещают в сумасшедший дом, но в своей собственной интерпретации реальности он считает это поездкой в Испанию. Несмотря на жестокое обращение в психиатрической лечебнице, Поприщин выживает, и лишь в свои последние минуты, уставший и лишенный сил, взывает к матери, прося ее помочь больному сыну.

Пятьдесят лет спустя, в 1884 году, Толстой пишет свой рассказ «Записки сумасшедшего» совершенно в ином ключе, нежели Гоголь. Если в случае Гоголя необходимо было обратиться к повести «Шинель» как к своего рода «литературной модели», то в случае Толстого необходимо обратить внимание на другую его повесть – «Смерть Ивана Ильича».

Чтобы говорить о связи между этими двумя повестями, «Смерть Ивана Ильича» и «Записок сумасшедшего», нужно иметь в виду, что даты публикации обоих текстов достаточно близки. В

бачье сердце», в которой дано сатирико-фантастическое описание отношений человека и животного.

⁴ По утверждению Ю. М. Лотмана, в начале XIX века было обычной практикой публиковать в печати низкосортные статьи на сверхъестественные темы, которые нередко становились литературными сюжетами [Лотман, с. 290].

⁵ «Записки сумасшедшего» полностью соответствуют требованиям жанра. Это рассказ о герое в виде его дневника, который содержит переписку между двумя второстепенными персонажами – собачками по кличке Меджи и Фидель. Поприщина интересует эта переписка, он не просто ее читает, но и интерпретирует.

⁶ Когда Гоголь писал свое произведение, Испанией правил Фердинанд VII из династии Бурбонов (1808–1833).

самом тексте «Записок сумасшедшего» фигурируют две разные даты: 20 октября 1883 года и 1884 год (последнее – в качестве финальной даты). «Смерть Ивана Ильича» была опубликована в 1886 году. Но, кроме того, необходимо учитывать и другие обстоятельства, чтобы иметь возможность говорить об их «взаимном влиянии». В любом случае оба произведения принадлежат к сложному периоду писательского развития, который толстоведа именуют «поздним» [Капитанова, с. 63] и который характеризуется коренными философскими, религиозными, эстетическими и литературными изменениями. В результате глубокого личностного кризиса, который Толстой переживал с конца 1870-х годов, литература и семья перестали быть для него важнейшими центрами вдохновения. У Толстого полностью изменилось восприятие реальности, а вместе с этим и отношение к своему окружению и быту.

Следует обратить внимание на отношения между «Смертью Ивана Ильича» и «Записками сумасшедшего», потому что в них затрагиваются одни и те же темы: смерть и бессмертие (на основе личного опыта писателя и опыта, подчерпнутого им из рассказов других лиц, а также на базе осознания себя по отношению к ним). Главные герои, Иван Ильич и сумасшедший, функционируют как альтер-эго автора в той мере, в какой они раскрывают многие детали его личного опыта: они страдают от одного и того же духовного кризиса, у них не очень гармоничные семейно-брачные отношения, чужое кажется им странным. Именно эти отношения с близкими претерпевают существенные изменения в результате этого кризиса, став в обоих случаях, как у Ивана Ильича, так и у сумасшедшего, братскими. Это во многом объясняет, почему сумасшедший из толстовского рассказа отдал тридцать шесть рублей, которые у него были, беднякам, просящим милостыню у дверей церкви. Это действие было довольно тревожным для вымышленной семьи из рассказа, но оно берет начало в поведении его собственной настоящей семьи.

Главный герой «Записок сумасшедшего» не имеет имени, но мы знаем о нем гораздо больше, чем о гоголевском герое. Так, мы знаем, что он прошел медицинское обследование, успешно сыграв свою роль перед врачом и получив положительное заключение:

«Они признали меня подверженным аффектам, и еще что-то такое, но – в здравом уме; они признали, но я-то знаю, что я сумасшедший» [Толстой, с. 466].

Таким образом, не было необходимости отправлять его в психиатрическую лечебницу, именно этого он и стремился избежать. Но герой осознает, что он безумный. Вместе с тем он способен сформировать ретроспективный дискурс, как он сам говорит, «по порядку», возвращаясь в детство, используя флэшбэк-метод, характерный для психоанализа: этот метод способен объяснить, когда и по какой причине появились эти приступы тревоги и боли и как они развивались до настоящего момента. Герой признается, что до тридцати пяти лет он вел нормальную жизнь, хотя прекрасно помнит первые приступы, которые происходили в возрасте пяти-шести лет, когда он услышал, как бьют ребенка, и когда тетя рассказывала ему и его брату о распятии Христа в самых натуралистических подробностях. Он признает, что с четырнадцати до тридцати пяти лет, до своей женитьбы, он жил жизнью, отданной пороку, что можно считать еще одной автобиографической ссылкой.

Главный герой, как и Толстой, живет в сельской местности, является мировым судьей, ведет комфортную семейную жизнь, имеет обеспеченное экономическое положение, в том числе благодаря приданому своей жены. Он отправляется в путешествие в Арзамас с целью покупки недвижимости. В доме, где он останавливается, его внезапно накрывает приступ мучений, который вместе с усталостью не дает ему спать. Смерть пугает его, но еще более – жизнь в муках. Он возвращается домой, ничего не купив, но этот опыт вызывает в нем внутренние изменения. Он начинает молиться, пусть механически, и ходить в церковь. Он осознает, что не предпринимает ничего нового в своей жизни и не заботится о своем имуществе. Он «скучает»⁷.

Далее рассказывается о событиях, которые автор считает важными, чтобы представить перед читателем полную картину жизни. Так, в

⁷ В этом контексте уместно обратить внимание на значение понятия «скука» в русской литературе XIX века, на то, как оно проявляется в некоторых наиболее узнаваемых для иностранного студента героях, например таких как Евгений Онегин А. С. Пушкина («Евгений Онегин»), Печорин М. Ю. Лермонтова («Герой нашего времени») или Обломов И. А. Гончарова («Обломов»), и на то, как развивается в каждом из них. Все они страдают от «скуки» в своей жизни по разным причинам. Если Печорин с цинизмом реагирует на банальность своего существования и отсутствие «ожиданий» своего поколения, то поведение Обломова – следствие пустоты, отсутствия занятий и целей в жизни. Реакция Обломова – апатия и бездействие. Одновременно его бездействие – способ протеста против существующего положения дел.

другой раз толстовскому герою пришлось поехать в командировку в Москву. И там, в гостинице, с ним случился еще один эпизод, который он сам описывает как более страшный, чем тот, что он пережил в Арзамасе, и который побудил его ускорить возвращение домой. Мысли, все чаще одолевающие его, носят метафизический характер, заставляют его размышлять о причине и значении собственного существования.

Последний эпизод паники и ужаса, о котором он рассказывает, произошел в день охоты и был определяющим. С тех самых пор он начал вести благочестивый образ жизни, молясь и читая жития святых. Он теряет интерес к своим делам и пренебрегает своими обязанностями по отношению к собственности и семье. Он начинает «видеть свет» и чувствует себя возрожденным. Ему представляется возможность купить недвижимость в окрестностях. Во время визита с целью оценки покупки он начинает осознавать, что его покупка подразумевает страдания крестьян, и он отказывается от торговой операции. Жена злится на него. По его словам, именно в тот момент началось его безумие, которое в полной мере проявилось через месяц, когда, выходя из церкви, он отдал тридцать шесть рублей беднякам, просящим милостыню. Собственно, здесь рассказ завершается. История остается открытой, но того, что мы знаем, достаточно, чтобы понять дальнейшую траекторию жизни героя и его положение.

Если Поприщин закончил жизнь в абсолютной душевной тьме, волнениях и безрассудстве, то безумец Толстого начинает «видеть свет», перерождаться в тот момент, когда он осознает, что его благополучие основано на невзгодах и нищете его ближнего, точно так же как Иван Ильич начинает жить в тот момент, когда он «принимает» непосредственную близость смерти.

Вернемся к заголовку. Попробуем остановиться на названиях этих двух произведений: это позволит нам, как уже говорилось, детально рассмотреть отношения между гоголевской повестью и неоконченным толстовским рассказом. В двух сочинениях они совпадают, хотя Гоголь первоначально называл свое произведение несколько иначе. Толстой не упоминает гоголевских «Записок сумасшедшего», но он, конечно же, знал о них. Почему Толстой назвал свой рассказ так же, как Гоголь?⁸ Возможно, для читателя-современника параллели были предельно ясны, но для современного читателя они не так явны.

⁸ Заголовок художественного произведения является ключевым элементом композиции в его эстетическом аспекте [Кайда, 1998, с. 124–130].

Обратимся к двум именованным составляющим названия, которые, на первый взгляд, кажутся нейтральными. Первый элемент – «записки» – относится непосредственно к жанру. Согласно словарю С. И. Ожегова, под словом «записка», употребляемым во множественном числе, понимается «литературное произведение, написанное в форме мемуаров, воспоминаний» [Ожегов]. В словаре Д. Н. Ушакова данное определение незначительно модифицируется: «повествовательное произведение в форме дневника, воспоминаний» [Ушаков]. «Дневник», «мемуары» и «воспоминания» как названия литературных жанров соответствуют понятию «записки». Этот прозаический жанр позволяет автору выразить наиболее полно свою личную, субъективную творческую точку зрения. Как «Записки сумасшедшего» Гоголя, так и «Записки сумасшедшего» Толстого исходят из одной и той же жанровой классификации, но в дальнейшем материализуются в разной системе приемов. Если в случае с Гоголем мы имеем дело с дневником с четкой хронологической последовательностью, которая постепенно будет доведена до абсурда, с дневником, который включает некоторое количество писем, то в случае с Толстым мы имеем автобиографический, линейный и ретроспективный пересказ событий, без прерываний и делений на части. Правда, стоило бы обратить внимание на то, что «Записки сумасшедшего» Толстого представляют собой незавершенную историю, к которой писатель возвращался несколько раз⁹.

Вторым элементом названия является субстантивированное прилагательное «сумасшедший». Обращение к теме безумия дает возможность авторам выразить другую, нарушающую общепринятые нормы точку зрения и затронуть вопросы, которые, если бы мы имели дело со здравомыслящим персонажем, не могли бы быть допущены в печать из-за цензуры.

Главным героем повести Гоголя является такой тип персонажа, который до появления повести не находил своего отражения в русской литературе: человек, которого презирает начальство и коллеги и который, однако, восстает против существующего положения, облакая свой протест в форму мании величия. Однако портрет «сумасшедшего» не совпадает в двух рассказах.

Безумие одного и другого вызвано разными причинами.

В то время как безумие Поприщина имеет социально-экономическую природу, безумие героя Толстого имеет более интимный и прежде всего философско-религиозный характер. Гоголевский сумасшедший осознает свое безумие, но он не обладает ни знаниями, ни достаточными средствами, чтобы справиться с психическим расстройством. Поприщин вызывает жалость и сострадание. Толстой же представляет своего персонажа гораздо более реальным, так что его сближение с читателем становится наиболее вероятным.

И в чем разница между портретами двух сумасшедших? Различия состоят в изображении сумасшедшего у Гоголя и Толстого. Они определяются поэтикой романтизма и реализма, диктующими необходимость использования определенного языка, а также повествовательной техники. Литературная обработка в гоголевской повести основана на особом использовании иронии, сарказма и юмора, в которых он был мастером и которые стали его поэтической «визитной карточкой». Наличие иронии подразумевает, что картина мира и способ противостояния реальности в повести являются продуманными. Ирония автоматически дистанцирует нас от реальности. Ирония у Гоголя становится инструментом, благодаря которому автору и читателю обеспечивается комфортное расхождение, возникает их оторванность от героев. Эта ирония также вызывает у читателя смех или улыбку. Именно это и происходит в конце повести. Гоголь описывает трагическую сцену, когда Поприщин призывает мать пожалеть больного сына. Однако это весьма драматическое напряжение резко нарушается следующим словесным оборотом:

«А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» [Гоголь, с. 204].

Таким образом, писатель устанавливает комическо-гротескный контраст. Дистанция между читателем и персонажем сохраняется, потому что смех и сарказм делают невозможной полную идентификацию читателя с героем.

Толстому же не нужно создавать дистанцию через иронию и смех. У него другой способ, иная техника и поэтика композиции. Толстой подходит к персонажу изнутри, само повествование носит у него гораздо более естественный характер. Благодаря этому происходит сближение героя и читателя, который как бы отождествляет себя с сумасшедшим в различных эпизодах тревоги и боли. Речь сумасшедшего у Толстого хо-

⁹ В толстовских дневниках «Записки сумасшедшего» упоминаются в разное время: в 1887, 1888, 1896, 1903 годах. Это говорит о том, что он намеревался продолжить и закончить историю, но не сделал этого. Известна только версия, датированная 1884 годом и опубликованная посмертно в 1912 году в издании его ученика В.Г. Черткова.

рошо структурирована, хронологически обоснована, без прямого упоминания дат, поскольку на самом деле это не дневник. Она отличается от речи Поприщина, в которой искаженно-фантастическое превалирует. Рассказ Толстого сохраняет логику и ясность, так что мы как читатели в какой-то момент задаемся вопросом, чем же на самом деле вызвано безумие героя.

В итоге можно сказать, что повесть Гоголя и рассказ Толстого отличаются друг от друга разной поэтикой. Кроме того, различна у них и функция читателя, то есть та роль, которая отводится ему автором. Если в случае с повестью Гоголя речь идет о читателе, сочувствующем главному герою, хотя и находящемся на некотором расстоянии от него, то в случае с Толстым роль читателя гораздо более активна, приобретая вполне осязаемые черты протагонизма. В этом случае Толстой рассчитывает на беседу с читателем.

Список литературы

Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Н. В. Гоголь Собрание сочинений: в 7 томах. Т. III. М.: Художественная литература, 1966. С. 183–204.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 томах. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.01.2021).

Кайда Л. Г. Тайнопись Бунина. Интегральная композиция художественного пространства. М.: Флинта, 2000. 152 с.

Капитанова Л. А. Л. Н. Толстой в жизни и творчестве. М.: Русское слово, 2008. 88 с.

Кузнецов А. Н. Культурологическая аллюзия в «Записках сумасшедшего» Гоголя // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия: Первые Гоголевские чтения: сб. статей. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 82–96.

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegov.ru> (дата обращения: 05.02.2021).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. XXVI. М.: Художественная литература, 1936. С. 466–474.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка // URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 07.02.2021).

References

Gogol', N. V. (1966). *Zapiski sumasshedshego* [The Diaries of a Madman]. Gogol' N. V. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh*. T. III. Pp. 183–204. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: v 2 tomakh* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Word-Formation in 2 Volumes]. Moscow, Russkii iazyk. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 20.01.2021). (In Russian)

Kaida, L. G. (2000). *Tainopis' Bunina. Integral'naja kompozitsija khudozhestvennogo tvorchestva* [Bunin's Secret Script. Integral Composition of an Artistic Space]. 152 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Kapitonova, L. A. (2008). *L. N. Tolstoy v zhizni i tvorchestve* [L. N. Tolstoy in Life and Work]. 88 p. Moscow, Russkoe slovo. (In Russian)

Kuznetsov, A. N. (2002). *Kul'turologicheskaia all'uziia "Zapiskakh sumasshedshego" Gogol'a* [Cultural Allusion in Gogol's "The Diaries of a Madman"]. N. V. Gogol': Zagadka tret'ego tys'acheletia: Pervye Gogolevskie chteniia: sb. statei. Moscow, Knizhnyi dom "Universitet". Pp. 82–96. (In Russian)

Lotman, Ju. M. (1988). *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [In the School of the Poetic Word: Pushkin. Lermontov. Gogol']. 352 p. Moscow, Prosveschenie. (In Russian)

Ozhegov, S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <http://slovarozhegov.ru> (accessed: 05.02.2021). (In Russian)

Tolstoy, L. N. (1936) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. XXVI. Pp. 466–474. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Ushakov, D. N. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (accessed: 07.02.2021). (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Фернандес Буэно Аида,

кандидат филологических наук,
доцент,
Мадридский университет Комплутенсе,
28040, Испания, Мадрид,
Профессора Арангурена s/n,
филологический факультет, корпус D.
aidferna@ucm.es

Fernandez Bueno Aída,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Universidad Complutense de Madrid,
Calle Prof. Aranguren s/n,
Facultad de Filología – D,
Madrid, 28040, España.
aidferna@ucm.es

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-207-213
УДК 821.512.145

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ Р. ХАРИСА «ИДЕГЕЙ»

© Милеуша Хабутдинова

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC ORIGINALITY OF R. KHARIS'S DRAMATIC POEM "IDEGEY"

Milyausha Khabutdinova

The article systematizes the material on the extent of research into the dramatic poem genre in Russian literary studies as well as the genre of a poem in Tatar literary studies, and the extent of research into R. Kharis's dramatic poem "Idegey". The novelty of this study lies in the fact that the article contains information from the history of the creation of this work, and identifies its main genre characteristics. The poem is relatively short, and only the culminating events from the life of the characters are put to the fore. The author does not strive to achieve any logical sequence in the presentation of the plot. The article proves that the Tatar poet reinterpreted the folklore plot, which affected the concept of the leading images – Idegey and Nuradyn. The main characters act as carriers of a particular idea. R. Kharis makes the antithesis the basis of the composition. The folklore principle manifests itself both at the level of content and at the level of poetics. The essence of characters is revealed through emotional monologues.

Keywords: Tatar literature, Renat Kharis, "Idegey", genre, dramatic poem.

В статье систематизирован материал по степени изученности жанра драматической поэмы в отечественном литературоведении, жанра поэмы в татарском литературоведении, степени изученности драматической поэмы Р. Хариса «Идегей». Новизна данного исследования заключается в том, что в статье содержатся сведения из истории создания произведения, выявлены основные жанровые характеристики. Поэма представляет из себя небольшое по объему произведение, в котором на первое место выдвигаются лишь кульминационные события из жизни героев. Автор не стремится к достижению логической последовательности в изложении сюжета. Доказано, что татарский поэт переосмыслил фольклорный сюжет, что отразилось на концепции ведущих образов – Идегея, Нурадына. Главные герои выступают носителями той или иной идеи. Р. Харис делает антитезу основой композиции. Фольклорное начало проявляется как на уровне содержания, так и на уровне поэтики. Герои раскрываются через эмоциональные монологи.

Ключевые слова: татарская литература, Ренат Харис, «Идегей», жанр, драматическая поэма.

В татарском литературоведении есть целый ряд работ, посвященных изучению национальной специфики жанра поэмы. Примером системного изучения развития этого жанра в татарской литературе является диссертационное исследование Л. Р. Надыршиной [Надыршина], энциклопедическая статья Н. М. Юсуповой [Юсупова]. Чаще всего татарские литературоведы занимаются изучением своеобразия этого жанра в творчестве конкретного автора [Ганиева], [Госман], [Халит, 1975], [Халит, 1979] и др.

Среди татарских поэтов активно работает в жанре поэмы Ренат Харис (1941). Творчество поэта впервые основательно было изучено литературоведом Ф. Ф. Хасановой [Хасанова, 2005]. Вопросам поэтики его произведений посвящены

работы Ф. Ф. Хасановой [Хасанова, 2000], Л. М. Сафиной [Сафина], Ф. Г. Галимуллина, А. Ф. Галимуллиной [Галимуллин, Галимуллина]. Ренат Харис является автором свыше 50 поэм на философские, исторические, любовные темы. Размышляя над своеобразием бытования этого жанра в творчестве поэта, литературовед А. Ф. Галимуллина приходит к выводу, что Ренат Харис строит со своим читателем диалог о современности, прибегая к историческим параллелям [Там же, с. 55].

Наше внимание привлекла драматическая поэма Рената Хариса «Идегей» [Харис, с. 160–202]. Это произведение поэта изучено татарскими литературоведами сквозь призму фольклоризма [Жамалиева, Нефедова], интертекстуальности

[Сафина]. Л. М. Сафина так отзывается об этой драматической поэме: «Высокохудожественное историко-литературное произведение средневековья „Идегей“ вдохновило Хариса на создание одноименной драматической поэмы, состоящей из четырех частей. Автор сознательно сужает количество героев произведения и исключает их из временного контекста. Наряду с воспеванием героизма батыра, в поэме возникает любовный треугольник: Нурадын – Жаника – Идегей. Поэма базируется на известном исходном тексте, поэтому интертекстуальные связи в ней выражены отчетливо: количество слогов (7), использование повторов, изобразительно-выразительных средств» [Там же, с. 12].

Цель нашего исследования – выявить жанровое своеобразие драматической поэмы Рената Хариса «Идегей».

По словам самого поэта, работая над этим произведением, он воплотил в жизнь свою давнюю мечту о создании фундаментального полотна по мотивам истории Золотой Орды. В союзе с Рашимом Губайдуллиным Ренат Харис приступил к созданию либретто. Из-за смерти композитора работа над оперой прервалась. Однако Ренат Харис не спешил расставаться со своей мечтой: в 2013 году в Казани состоялась премьера балета «Золотая Орда», для которого поэт создал новое либретто. Музыка к спектаклю написала Резеда Ахиярова. Режиссером-постановщиком балета выступил Георгий Ковтун. Французский телеканал MEZZO транслировал премьеру балета в 52 странах. Это уникальный случай в татарской культуре.

Ренат Харис в ряде своих интервью признается, что всегда с уважением относился к Золотой Орде (Улус Джучи), одному «из древнейших государств, оставивших глубокий след в истории человечества»: «В Золотой Орде, имевшей на своей территории более ста пятидесяти городов, были широко развиты промышленность, строительство, сельское хозяйство, животноводство, торговля, науки, процветали литература и искусство, чеканилась собственная монета». В Сарае – столице Улус Джучи – проживало до 100 тысяч человек (ср.: в то же время население Рима составляло 35 тысяч, а Париже – 58 тысяч). Предметом особого восхищения Р. Хариса является уровень развития науки в Золотой Орде. Аргументируя свою позицию, поэт приводит весьма примечательный факт: мысль о вращении Земли вокруг Солнца высказана в сочинении золотоордынского поэта Сайфа Сарай «Сухейль и Гульдурсун» за 80 лет до рождения Коперника. Р. Харис считает, что Улус Джучи пришло в упадок из-за внутренних раздоров, начавшихся в сере-

дине XIV века. По мнению поэта, страну разорил Идегей, служивший при дворе одного из последних ханов Золотой Орды Токтамышша. Мурза, бежавший при трагических обстоятельствах в Самарканд к Хромому Тимуру (Тамерлану), привел на родину чужое войско. Р. Харис приходит к выводу, что Идегей, помогая Тамерлану громить Золотую Орду, приблизил закат великой цивилизации [Ромео и Джульетта времен Золотой Орды]. Эти трагические события легли в основу эпоса «Идегей», общего достояния тюркских народов, входивших в состав Золотой Орды.

Мы считаем, что к созданию драматической поэмы Рената Хариса подтолкнуло судебное разбирательство по поводу авторских прав над сводным текстом дастана «Идегей». В 1989 году журнал «Казан утлары» опубликовал сводный текст, хранящийся в архиве Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова [Идегэй, 1989], из-за чего Наки Исанбет – создатель этого сводного текста 1941 года – вынужден был защищать свои авторские права в суде [Исковое заявление Н. Исанбета, 1988].

В 1928 году вариант эпоса «Идукай и Мурадым» был записан Н. Исанбетом в д. Кусимово Тамьян-Катайского кантона (Абзелиловский), Яикбаево, Туркменево Зилаирского кантона (Баймакский район), эти записи легли в основу составленного им сводного текста, который был опубликован 28 апреля 1940 года в газете «Коммуна» [Jdykaj häm Moradym].

Как известно, первый вариант сводной версии татарского эпоса Наки Исанбета был опубликован в журнале «Совет әдәбияты» в 1940 году (№ 11–12) [Идегэй, 1941]. Его объем составлял 6.974 строки. В июне 1941 г. Наки Исанбет закончил работу над новой версией. Ее объем составлял 7.555 строк. В сентябре 1941 г. этот вариант был отредактирован Н. Исанбетом с участием Х. Ярми и Ш. Маннура. Третий вариант содержит 6.850 строк. Из Протокола № 5 заседания Ученого Совета Татарского института языка, литературы и истории, состоявшегося 5 сентября 1941 года, становится ясно, что Х. Ярми и Ш. Маннур не имели отношения к созданию сводного текста, а всего лишь осуществили редактирование текста Н. Исанбета, а именно: сравнили «полный свод с оригинальными вариантами», то есть сократили «места, не соответствующие сюжету и стили, повторения, вредящие художественной ценности эпоса, и места, восстановленные самим Н. Исанбетом» [Урманчеев, с. 5]. Татарский писатель, ученый-энциклопедист возражал против издания третьей версии, так как считал, что в 1941 году под давлением цензуры в

сводный текст 1940 года были внесены изменения, которые «ухудшили форму произведения» [Исковое заявление Н. Исанбета, 1989]. Авторское право Н. Исанбета в 1941 году было закреплено Издательским договором № 519 от 27 октября, которое заключило с автором Татарское Государственное издательство при СНК Тат. АССР [Издательский договор № 519].

На основании текста письма Б. Г. Гизатуллина (1920–1989), приемного сына Наки Исанбета, в 1961–1973 гг. занимавшего пост Министра культуры ТАССР, на имя Первого секретаря Татарского ОК КПСС Г. У. Усманова от 7 марта 1989 года, мы можем утверждать, что вначале «редакция признала свою ошибку» при издании сводного текста дастана «Идегей» [Письмо Б. М. Гизатуллина Г. И. Усманову от 7 марта 1989 г., с. 1], однако на суде главный редактор журнала «Казан утлары» Ренат Харисов стал придерживать другую позицию. Выступая в качестве ответчика, он признался, что редакция вначале обратилась в Татарский Обком КПСС и ИЯЛИ с письмом, в котором говорилось о намерении издать текст «Идегея», только затем опубликовала вариант, предоставленный учеными. Кроме того, Ренат Харисов настаивал, что опубликованный вариант не имеет отношения к сводному тексту Наки Исанбета и является плодом творческой мысли народа: «Бу эсэр халыкныкы, ана Н. Исәнбәтнең бердә катнашы юк». – «Это произведение народное, к нему Н. Исанбет не имеет никакого отношения» [Татарстан Верховный суды карары, с. 2]. Журнальная публикация была осуществлена на основании Постановления Республиканской комиссии «Мирас» от 14 апреля 1988 года. Во время прений главный редактор журнала «Казан утлары» упрекнул Наки Исанбета в том, что в его сводном тексте нет «собственного авторского понимания», «что в его труде отражено какое-то мифическое коллективное понимание» [Прения сторон. 14 марта 1989].

Итогом этой тяжбы стала отмена решения Верховного Суда ТАССР Верховным Судом СССР в Москве. Начальник отделения РАПП А. С. Умнов в своем письме, адресованном О. В. Морозову, зав. идеологическим отделом Татарского ОК КПСС, утверждает, что Н. Исанбет является составителем сводного текста дастана «Идегей», опубликованного Татарским книжным издательством в 1988 году, и нарушение авторских прав составителя сводного текста должно быть устранено [Письмо А. С. Умнова О. В. Морозову].

Именно эта судебная тяжба, как нам кажется, послужила для Рената Хариса толчком к созданию собственной версии трагических событий

вокруг мурзы Идегея. Татарский поэт реализовал свой замысел в жанре драматической поэмы. Это специфический и сложный литературный жанр, синтезирующий в себе свойства эпоса, лирики и драмы. Как указывает Г. П. Хорошко, «драматическая поэма» – это особая, специфическая, смешанная форма поэзии, один из видов поэзного эпоса, синтезирующий в своей основе драматическое и лирико-эпическое начало» [Хорошко, с. 107].

Как известно, впервые этот термин ввел в оборот Д. Мильтон, создавший «Самсон-борца» (1671). В русской литературной традиции впервые термин «драматическая поэма» использовал при переводе «Орлеанской девы» Шиллера Василий Жуковский. Как подметила Л. П. Григорьева, в драматической поэме уже на раннем этапе развития доминирует морально-философская проблематика. По наблюдениям Л. П. Григорьевой, в европейской литературе этот жанр получил развитие на рубеже XVIII–XIX веков, в русской литературе – в XIX веке. Советские поэты активно стали работать в этом жанре в 1920–30-е гг. и в 1960–80-е гг. [Григорьева, с. 9]. В татарской литературе жанр драматической поэмы впервые дает о себе знать в первой четверти XX века. А. Закирзянов считает, что произведение Ф. Бурнаша «Таһир һәм Зөһрә» («Тахир и Зухра») отвечает требованиям этого жанра, а своего расцвета он достигает в творчестве И. Юзиева.

Как отмечает литературовед Н. А. Гуляев, «драматическая поэма повествует, как правило, о трагической судьбе незаурядных личностей, что сближает ее в тематическом плане с трагедией» [Гуляев, с. 178]. В татарских драматических поэмах, как правило, доминируют историко-философские темы. В роли центрального героя выступает широко известный в народе исторический деятель. Так, в драматической поэме А. Файзи «Поэт» – это Муса Джалиль, а в одноименной поэме М. Мирзы – татарский актер-трагик Мухтар Мути́н.

Драматическая поэма Р. Хариса представляет из себя небольшое по объему произведение, в котором представлены лишь кульминационные события из душевной жизни мурзы Идегея, без подробного разъяснения происходящих событий. Р. Харис назвал свою драматическую поэму в честь ее центрального героя.

Главные и второстепенные действующие лица «Идегея» Р. Хариса подчинены авторской задаче и являются носителями определенной идеи.

Как указывает литературовед Х. Миннегулов, «словесное искусство Улуса Джучи, продолжая традиции предшествующей тюркоязычной литературы и критически осваивая опыт и достиже-

ния мусульманского Востока, добилось больших успехов в художественно-эстетическом отображении человеческой жизни, идеалов людей, в том числе и рассмотрении вопросов, связанных с управлением страной, организацией государственной структуры. Многие мастера пера были сторонниками такого государства, в котором каждому человеку создаются условия, чтобы жить благополучно, счастливо, где властелины правят на основе нравственных, гуманистических принципов. Поэты и писатели наставляют венценосцев, советуют им не быть злыми, несправедливыми, жестокими, дабы не навлечь на себя гнев Всевышнего и недовольство народа, подчиненных.

В литературе Золотой Орды наблюдается возрастание интереса к действительности, усиление чувства принадлежности к своей стране» [Мицнегулов].

Оставаясь в рамках этой эпической традиции, Р. Харис в своем произведении размышляет над тюркским идеалом эпического героя, правителя и государственности. В драматической поэме фигурируют такие исторические деятели, как Туктамыш-хан, Идегей-мурза, его сын Нурадын. В ряде эпизодов упоминается шах Тимур, взявший под свое покровительство Идегея, вырвавшегося из рук хана – убийцы его отца. Судьбы всех троих сплетены в рамках эпической традиции конфликтом между Туктамышем и Идегеем. Р. Харис вносит в развитие этого конфликта свои коррективы. В сводном тексте Н. Исанбета решающую роль играет освобождение из плена Акбеляк – дочери шаха Тимура, рассказывается, как Нурадын убивает Туктамыш-хана – кровного врага своего рода, за смерть которого проливает его кровь Кадырберде – сын Туктамыш-хана. В драматической поэме Идегей смещает с престола своего хана-противника:

«Минем вәгдә үтәлде – котылдың явыз жаннан, / явыз Туктамыш ханнан». – «Я сдержал свою клятву – избавил тебя от безжалостной души, / жестокого Туктамыш-хана» [Харис, с. 160].

Ссора с сыном завершается схваткой, но ее исходом становится не травма Идегея (окривел на один глаз), а убийство отцом сына на почве ревности. Как и в сводном тексте, в драматической поэме фигурирует визирь – лицемерный интриган, который «держит» в руках судьбы центральных героев. Он ссорит хана с мурзой, Идегея с сыном. Круг женских образов также подвергается Р. Харисом сокращению. В драматической поэме встречаются образы жены Туктамыш-ша Ханике и его дочери Джанике. В рамках сло-

жившейся традиции женские образы придают повествованию лирико-драматический оттенок.

В соответствии с жанровыми требованиями драматической поэмы поэт базируется на ключевой конфликт на столкновении идей. Читатель становится свидетелем назревающего конфликта героев, одержимых гордыней (Туктамыш, Идегей (Кобогыл), Нурадын), и старца Субры, олицетворяющего народную мудрость, ратующего за разумное поведение. Размышляя над жизненной стратегией батыра, мудрец приходит к выводу, что пылливый ум («зирәк акыл») и дипломатичность в речи («жайлы сүз») есть главные составляющие формулы успеха. Его оппоненты – Туктамыш, Идегей (Кобогыл), Нурадын – успешность правителя связывают с военной доблестью:

«Иң бөөк сүз – жинү сүзе! / Коллагыңа шул сүз керсә, / жәннәткә кересен үзен» [Там же]. – «Самое великое слово – победное слово! / Коль это слово на слуху, / Ты окажешься в раю» (здесь и далее подстр. пер. наш. – М. Х.).

Субра возражает тщеславному Туктамышу:

«<...> жиңеп түгел, сугышмыйча оту шәп» [Там же, с. 161]. – «<...> важнее победить, не вступая в открытую схватку, чем победить в битве».

Катализатором мировоззренческого конфликта в драматической поэме Р. Хариса выступают «любовные треугольники»: Идегей – Джаника – Нурадым, Идегей – Джаника – визирь. По замыслу поэта, Джаника испытывает чувство юношеской влюбленности к мурзе, поэтому отвергает любовь его сына и погибает от рук визиря-ревнивца.

Авторское присутствие в драматической поэме «Идегей» наблюдается в трактовке исторических событий, линии судьбы заглавного героя. Свою точку зрения Р. Харис выражает устами старца Субры: «Илеңне үзең таптадың». – «Ты сам растоптал свою родину» [Там же, с. 201]. Мудрец горько сожалеет о разглашении тайны происхождения Идегея, что послужило катализатором трагических событий в линии судьбы Туктамыш-ша и Идегея. Автор поэмы считает, что правитель должен принимать взвешенно судьбоносные решения, так как на кону находится не только его личная судьба, но и судьба целого народа:

«Хан ялгышса, ялгышы / ханлык бәһасе торыр, / халыкның яше агар, / бәхет тамыры корыр...» [Там же, с. 161]. – «Если хан совершит ошибку» / Это ему будет стоить ханства, / народ умоется слезами, / корень счастья высохнет...».

На нас огромное впечатление произвела дискуссия между Туктамышем и Суброй о тактике исправления ошибок. Хан уверен, что все свои ошибки он сможет исправить либо своим непрекаемым словом, либо мечом. Мудрец выражает недоверие к этой позиции, ставя под сомнение авторитетность ханского слова и силу оружия.

В поэме подробно очерчен лишь образ главного героя. Идегей выступает в поэме в нескольких ипостасях: как мужественный мурза-воин, нацеленный на укрепление трона Золотой Орды, как преданный сын, готовый отомстить за смерть отца, как любящий отец, трогательно заботящийся не только о собственном сыне, но и о дочери Туктамыша Джанике, выросшей на его глазах. В отличие от фольклорного сюжета, в поэме Р. Хариса Идегей грезит о троне. Это фактологическая ошибка автора драматической поэмы. Мурза в «Идегее» планирует достичь своей цели через брак сына с дочерью хана, что было юридически невозможно, так как ханский престол в ордынских государствах передавался только по мужской линии. В конце поэмы Идегей остается жив и обретает черты горьковского Ларры, изгоя, несущего на себе печать народного проклятия, что не соответствует ключевому фольклорному сюжету.

Автор поэмы переосмысливает и образ Нурадына: вразрез фольклорному сюжету Р. Харис превращает его в предателя, который из ревности, одержимый любовью к Джанике, поднимает руку на отца, чтобы исполнить волю Туктамыш-хана. Фольклорист Л. Замалиева разглядела в этой сюжетной коллизии отголоски легенды «Ана йөрәге» («Сердце матери») [Жамалиева, Нефедова, с. 71].

Остальные герои в драматической поэме очерчены эскизно.

Подводя итоги, можно констатировать, что драматическая поэма Р. Хариса «Идегей» сохраняет свою «поэмную форму», эпическую природу. Наряду с острыми конфликтами, мы сталкиваемся в произведении татарского поэта с предельной обнаженностью жизненных начал, наблюдаем за победой слова над действием, авторской идеей над характером.

Список литературы

Галимуллин Ф. Г., Галимуллина А. Ф. Художественная картина мира Рената Хариса. Казань: изд-во Казанского ун-та, 2021. 200 с.

Ганиева Р. К. Сатирическое творчество Г. Тукая. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. 84 с.

Григорьева Л. П. Жанр драматической поэмы в якутской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2004. 161 с.

Гуляев Н. А. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1985. 271 с.

Издательский договор № 519 // Личный архив Ю. Исанбет. 2 л.

Исковое заявление Н. С. Исанбета / о защите личных неимущественных прав автора / в Ленинский районный народный суд г. Казани от 28 ноября 1988 г. // Личный архив Ю. Исанбет. Машинопись. 2 с.

Миннегулов Х. Идея государственности в тюрко-татарской литературе VII–XVI вв. Казань: Яз, 2016. 112 с.

Письмо А. С. Умнова О. В. Морозову (копия) // Личный архив Ю. Исанбет. Машинопись, 4 с.

Письмо Б. М. Гизатуллина Г. И. Усманову от 7 марта 1989 г. // Личный архив Н. Исанбета. Машинопись, 2 стр.

Прения сторон. 14 марта 1989 г. // Личный архив Ю. Исанбет. Машинопись. 19 с.

Ромео и Джульетта времен Золотой Орды // Казанские истории. 2013. 23 сентября. URL: <http://history-kazan.ru/v-kurse-sobytij/fakty-i-kommentarii/14338-romeo-i-dzhuletta-vremen-zolotoj-ordy> (дата обращения: 12.04.2021).

Сафина Л. М. Интертекстуальная диалогичность в поэзии Рената Хариса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 15 с.

Урманчеев Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.

Хасанова Ф. Ф. Поэтика текстов стиха Рената Хариса (лингвистическая поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: ИЯЛИ, 2000. 35 с.

Хорошко Г. П. Драматическая поэма как жанр литературы (теоретический аспект) // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2014. Т. 4. С. 100–110.

Юсупова Н. М. Поэма // Татарская энциклопедия в 6 т. Т. 4. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2008. С. 700–701.

Госман Х. Шигърият гомере. Казан: Татар. кит. нәшр. 1978. 208 б.

Жамалиева Л. Ф., Нефедова Л. Ф. Р. Харисның «Идегэй» поэмасында фольклор традицияләре // Национальная литература республик Поволжья: Проблемы межкультурной коммуникации: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Казань, 25–26 октября 2019 г.) / под ред. Р. Р. Замалетдинова. Казань: Изд-во Казанского университета, 2019. С. 69–72.

Идегэй: татар халык дастаны: Н. Исәнбәт жыйнаması // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 б.; № 12. 34–82 б.

Идегэй: татар халык дастаны // Казан утлары. 1989. № 1. 3–63 б.

Надыршина Л. Р. Әдәби ижат системасы буларак XX йөз башы татар поэмасы / Л. Р. Надыршина. Казан: ТӘҺСИ, 2018. 160 б.

Татарстан Верховный суды Суд карары. 1989 ел, 14 март. // Личный архив Н. Исанбета. Кульязма. Татар телендә. 5 б.

Халит Г. Яна гасыр поэзиясе. Казан: Татар, кит. нәшр, 1979. 166 б.

Халит Г. М. Кешегә һәм чынлыкка мэхәббәт белән. Казан: Татар. кит. нәшр, 1975. 378 б.

Харис Р. Идегәй // Р. Харис Сайланма әсәрләр. 7 томда. 5 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Б. 160–202.

Хасанова Ф. Ф. Ренат Харис шигърияте. Казань: Школа, 2005. 260 б.

Idukaj һәм Moradum // Коммуна. 1940. № 78 (1477) 28 апреля, 79 (1478) 29 апреля.

References

Galimullin, F. G., Galimullina, A. F. (2021). *Hudozhestvennaia kartina mira Renata Harisa* [The Artistic World Picture in the Poetry of Renat Kharis]. 200 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Russian)

Ganieva, R. K. (1964). *Satiricheskoe tvorchestvo G. Tukaya*. [The Satirical Works of G. Tukay]. 84 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Gosman, H. (1978). *Shigriyat gomere* [A Life of Poetry]. 208 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Grigor'eva, L. P. (2004). *Zhanr dramaticheskoi poemy v iakutskoi literature: diss. na soisk. uch.st. kand. filol.n.* [The Genre of a Dramatic Poem in Yakut Literature: Ph.D. Thesis]. Iakutsk, 161 p. (In Russian)

Guliaev, N. A. (1985). *Teoriia literatury* [Theory of Literature]. 271 p. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

Jamalieva, L. F., Nefedova, L. F. (2019). *R. Kharisnyn "Idegay" poemasynda fol'klor traditsialere* [Folklore Traditions in the Poem by Renat Kharis]. Natsional'naia literatura respublik Povolzh'ia: Problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy Mezhtsele'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 25–26 oktiabria 2019 g.). Pod red. R. R. Zamaletdinova. Kazan', izd-vo Kazanskogo universiteta, pp. 69–72. (In Tatar)

Idegei: Tatar Khalyk dastany: N. Isanbat Jyinamasy (1940) [Idegey: Tatar Folk Dastan: A Summary Text by N. Isanbat]. Sovet edebiiaty. No. 11, pp. 39 – 76; No. 12, pp. 34 – 82. (In Tatar)

Idegei: Tatar Khalyk dastany (1989) [Idegey: Tatar Folk Dastan]. Kazan utlary. No. 1, pp. 3 – 63. (In Tatar)

Idukai hem Moradim (1940). [Idukay and Muradim]. Kommuna. No.79 (1478). 29 apreliä. (In Tatar)

Idukai hem Moradim (1940). [Idukay and Muradim]. Kommuna. No. 78 (1477). 28 apreliä. (In Tatar)

Iskovie zayavlenie N. S. Isanbeta /o zashchite lichnykh neimushchestvennykh prav avtora/ v Leninskii raionnii narodnyi sud g. Kazani ot 28 noiabria 1988 g. (1988) [The Statement of Claim of N. S. Isanbet /on the protection of the author's personal non-property rights/ to the Leninsky District People's Court of Kazan dated November 28, 1988]. Lichnyi arhiv Iu. Isanbet. Mashinopis'. 2 p. (In Russian)

Iusupova, N. M. (2008) *Poema* [A Poem]. Tatarskaia entsiklopediia v 6 t. T. 4. Pp. 700–701. Kazan', Institut Tatarskoi entsiklopedii. (In Russian)

Izdatel'skii dogovor No. 519 (1941) [Publishing Agreement No. 529]. Lichnyi arhiv Iu. Isanbet. 2 p. (In Russian)

Khalit, G. (1979). *Iana gasyr poeziiase* [The Poetry of the New Age]. 166 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Khalit, G. M. (1975). *Keshege ham chynlykka mehebbet belen* [With Love for the People and for the Reality]. 378 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Kharis, R. (2006). *Idegei* [Idegey]. Kharis R. Sailanma aserlar. 7 tomda. 5 t., pp. 160–202. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Khasanova, F. F. (2000). *Poetika tekstov stiha Renata Harisa (lingvisticheskaya poetika): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of Verse Texts by Renat Kharis (Linguistic Poetics): Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', IYALI, 35 p. (In Russian)

Khasanova, F. F. (2005). *Renat Haris shig'riyate* [Poetry by Renat Kharis]. 260 p. Kazan', Shkola. (In Russian)

Khoroshko, G. P. (2014). *Dramaticheskaiä poema kak zhanr literatury (teoreticheskii aspekt)* [Dramatic Poem as a Genre of Literature (Theoretical Aspect)]. Uchenye zapiski UO "VGU im. P. M. Masherova". V. 4, pp.100–110. (In Russian)

Minnegulov, Kh. (2016). *Ideia gosudarstvennosti v tiurko-tatarskoi literature VII-XVI vv.* [The Idea of Statehood in Turkic-Tatar Literature of the 7th–16th Centuries]. 112 p. Kazan', izd-vo "Iaz". (In Russian)

Nadyrshina, L. R. (2018) *Edebi iiat sistemasy bularak XX iuz bashy tatar poemasy* [The Tatar Poem of the Early Twentieth Century as a System of Literary Creation]. 160 p. Kazan, Tehsi. (In Tatar)

Pis'mo A. S. Umnova O. V. Morozovu (kopiia) [A Letter from A. S. Umnov to O. V. Morozov (a copy)]. Lichnyi arhiv Yu. Isanbet. Mashinopis', 4 p. (In Russian)

Pis'mo B. M. Gizatullina G. I. Usmanovu ot 7 marta 1989 g. [A Letter from B. M. Gizatullin to G. I. Usmanov, dated March 7, 1989]. Lichnyi arhiv N. Isanbeta. Mashinopis', 2 p. (In Russian)

Preniia storon. 14 marta 1989 g. [Debate of the Parties. March 14, 1989]. Lichnyi arhiv Iu. Isanbet. Mashinopis'. 19 p. (In Russian)

Romeo i Dzhuletta vremen Zolotoi Ordy (2013). [Romeo and Juliet of the Golden Horde Epoch]. Kazanskie istorii. 23 sentiabria. URL: <http://history-kazan.ru/v-kurse-sobytij/fakty-i-kommentarii/14338-romeo-i-dzhuletta-vremen-zolotoj-ordy> (accessed: 12.04.2021). (In Russian)

Safina, L. M. (2012) *Intertekstual'naia dialogichnost' v poezii Renata Harisa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Intertextual Dialogicality of Renat Kharis's Poetry: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 15 p. (In Russian)

Tatarstan Verhovnyi sudy. Sud karary. 1989 el, 14 mart. [The Supreme Court of Tatarstan. Court Decision. March 14, 1989]. Lichnyi arhiv N. Isanbeta. Kul'yazma. Tatar telendä. 5 p. (In Tatar)

Urmancheev, F. (1999) *Narodnyi epos "Idegey"* [The Folk Epic "Idegey"]. 200 p. Kazan', Fen. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2021

Поступила в редакцию 15.05.2021

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Milyausha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-214-218
УДК 894.22

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ МОТИВА ОХОТЫ В БАШКИРСКОМ ЭПОСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «УРАЛ-БАТЫР», «АКБУЗАТ», «ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»)

© Нэркэс Хуббитдинова

THE ARTISTIC FUNCTION OF THE HUNTING MOTIF IN BASHKIR EPIC (BASED ON “URAL-BATYR”, “AKBUZAT”, “ZAYATULYAK AND KHYUHLYU”)

Narkas Khubbitdinova

Hunting has always been an important craft in the life of our ancestors, as the quality of human nutrition, their lives and activities, depended on the skill and accuracy shown during the hunt. The ancient epic is the source that gives an idea of this craft in terms of its ideological, artistic and aesthetic perception. The varieties of its functions are found in different epics, depending on the period of their creation by the sesens-storytellers. Thus, in the archaic epic “Ural-Batyr” a more ancient form of hunting is represented, when, instead of tools and hunting tackle, the heroes used land predatory animals for amphibians and predatory fish for underwater animals. In the epic “Ak buzat”, the hunt takes on more distinct outlines, and the heroes use a flintlock. In “Zayatulyak and Khyukhylyu”, this craft is perceived as a ritual of initiation and entertainment for young heroes. In all cases, it performs an important plot-forming, artistic and aesthetic function: the heroes find their personal happiness by marrying girls whom they met in the course of hunting.

Keywords: epic, hunting motif, plot-forming motif, artistic function.

Охота всегда являлась важным ремеслом в жизни наших предков, потому что от мастерства и меткости, проявленных во время охоты, зависело качество питания человека и в конечном счете его существование. Древний эпос является тем источником, который дает представление об этом ремесле в его идейно-художественном, эстетическом прочтении. В различных эпосах в зависимости от периода их создания сэсэнами-сказителями мотив охоты предстает по-разному. Так, в архаическом эпосе «Урал-батыр» репрезентируется более древняя форма бытования охоты, когда вместо орудий, охотничьих снастей героями использовались сухопутные хищные звери для земноводных и хищные рыбы для подводной живности. А в эпосе «Акбузат» охота принимает более четкие очертания, и герои используют кремневку. В «Заятуляк и Хыухылу» данное ремесло воспринимается как ритуал инициации и развлечения для юных героев. Во всех случаях оно выполняет важную сюжетобразующую, художественно-эстетическую функцию: герои находят свое личное счастье, женившись на девушках, которых встретили во время охоты.

Ключевые слова: эпос, мотив охоты, сюжетобразующий мотив, художественная функция.

При рассмотрении мотива охоты в башкирском народном эпосе мы придерживались идеи семантической целостности мотива по А. Н. Веселовскому [Веселовский, с. 301] и О. М. Фрейденбергу [Фрейденберг, с. 222], а также концепции Б. Н. Путилова «мотив как сюжетобразующий элемент» [Путилов, с. 141–155]. В области мотивного строя, системы образов в тюркском эпосе известны труды В. М. Жирмунского [Жирмунский, с. 34–54], С. С. Суразакова [Суразаков, с. 97], Ф. И. Урманче [Урманче, с. 51], М. М. Сагитова [Сагитов, с. 25–65], А. М. Су-

лейманова [Сулейманов, с. 9–15], Г. В. Юлдыбаевой [Юлдыбаева, с. 66–79] и др.

В целом все высказывания, результаты изысканий и эксперименты этих (как, впрочем, и других) исследователей относительно теории мотива, его идейно-художественного своеобразия в основе своей дополняют друг друга, и хотя в какие-то моменты мнения ученых расходятся, но все они служат общему делу – разностороннему изучению мотива как части одного целого, его сюжетобразующей функции. Во избежание возможной путаницы, когда понятие «мотив» подменяется такими понятиями, как «идея», «те-

ма» или «обусловленность действия», в данном исследовании в качестве рабочего применен термин «тематический мотив» (либо «фольклорный мотив») в значении «минисюжета» [Хубитдинова, с. 16].

В статье на примере мотива охоты раскрывается художественно-эстетическое своеобразие произведений башкирского народного эпоса «Урал-батыр», «Акбузат», которые в основе своей вместе с другими эпосами – «Идель и Яик», «Царь Шлуген и Минэй-батыр», «Заятуляк и Хыухылу» – составляют цикл, логически дополняют друг друга. Именно охота как вид ремесла, источник пропитания, а также важная составляющая обряда инициации нашла своеобразное художественное воплощение в эпосе, а в идейно-художественном отношении наделяется функционирующим фольклорным или тематическим мотивом, что позволяет ему породить и развивать эпический сюжет в динамике: во время охоты герой встречает свою суженую – будущую невесту. Подобным образом находят свое счастье, например, герои башкирских народных сказок «Охотник Нурьян», «Девушка-сирота и мулла» и др.

Если в давние времена, в период разложения первобытнообщинного строя, охота на диких зверей являлась основным способом добычи пищи (наиболее подробно это отразилось в эпосе «Урал-батыр»), то позже с изменением жизненных ценностей архетипическая охота осложняется новыми культурными наслоениями, приобретая ритуальную значимость.

В башкирском народном архаическом эпосе «Урал-батыр» описывается очень древний способ охоты героев на диких зверей. В эпосе в самом начале так повествуется о жизни героев:

«В стародавние времена
Там, где не было ни души,
Где не ступала человеческая нога –
Что в тех краях суша есть,
Никто не знал –
С четырех сторон окруженное морем
Было место одно, говорят,
Прежде там жил, говорят,
Старик по имени Янбирде
Со старухой по имени
Янбике... –
и родились у них двое
сыновей, старший Шульген и младший Урал»
[Башкирский народный эпос, с. 265].

«Борон-борон борондан,
Кеше-мазар килмэгэн,
Килеп аяк басмаган,
Ул тирэлэ коро ер
Барлыгын хис кем
белмэгэн,
Дүрт ягын дингез ураткан
Булган, ти, бер урын.
Унда булган, ти, борон
Йәнбирзе тигән крт менән
Йәнбикә тигән бер
карсык...
Ике улы булып киткән,
ти, –
Шүлгән булган олоһо,
Урал булган кесеһе...»
[Там же, с. 55]

Также описывается образ жизни героев. У них не было хозяйства, домашней утвари, они не знали огня, а потому не разводили его и не вешали казан для приготовления пищи. Они питались тем, что ловили во время охоты, поедали, разделив на части тушки зверей и птиц.

Интерес вызывает картина похода героев на охоту, способа добычи дичи:

«...На охоту не выезжали
на коне,
Не брали в руки лука и
стрел,
Держали как равных при
себе
Льва для езды верховой,
Щуку, чтобы рыбу
ловить,
Сокола, чтобы на птиц
выпускать,
Пиявку – кровь сосать»
[Там же, с. 266].

«...Һунарза ат менмэгән,
Кулға һазак тотмаган;
Менеренә – арысланды,
Балыгына – суртанды,
Кошка сөйгән шоңкарзы,
Кан һурырға һөлөктө
Үз иштәре яһаған» [Там
же, с. 56].

Как видим, в эпосе «Урал-батыр» изображается древний, первобытнообщинный строй, сопряженный фантастическими элементами, когда герои на охоте не пользовались каким-либо оружием, инструментом для охоты, для этого они «привлекали» животных и зверей, которые ловили подобных себе для пропитания своих хозяев. Картина охоты не только дает какую-то информацию о жизни и быте героев эпоса: в художественном отношении данное ремесло выполняет функцию сюжетобразующего мотива. Потому что именно во время охоты в руки героев попадает необычная птица, побег которой из неволи способствует дальнейшему развитию сюжета.

Из монолога лебедя мы узнаем, что это не обычная земная птица, это дочь небесного царя-птицы Самрау-падишаха и Солнца, по имени Хумай. Свою речь Хумай завершает тем, что если люди сохраняют ей жизнь, то обещает показать им путь к Живому роднику – Йәншишмә.

Во все времена людей волновали вопросы жизни и смерти, особенно когда человеческая жизнь зависела от природы и окружающего мира. Постигание идеи бессмертия была поэтому не менее актуальной. Прав известный татарский исследователь Ф. И. Урманче, когда пишет, «что идея поисков бессмертия проходит через целый ряд великих сказаний древности. Изначально эта идея, по всей видимости, не религиозная, а сказочно-мифологическая. Именно поэтому она проходит красной нитью через сказки всех народов мира и, безусловно, становится универсальной; говоря иначе, очень удобной для преодоления людьми страха смерти» [Урманче, с. 51]. Та-

ковой она была и в башкирском архаическом эпосе «Урал-батыр», где мотив поиска Живой воды, дарующей бессмертие, описывается подробно и красочно. Однако юный Урал, не знающий Смерти, не боялся ее, готов был встретиться с нею с глазу на глаз. И эта важная идея возникает именно в результате охоты: он вознамерился найти саму Смерть, чтобы покончить с ней. Урал со своим братом Шульгеном решает также найти Живой Родник, чтобы приобрести бессмертие, избавиться от смерти. Следовательно, именно охота, во время которой и произошла поимка необычной птицы, подводит к тайне, открытой ею, и ее побег в идейно-художественном смысле в эпосе обретает функцию мотива, дающего динамику в развитии основного сюжета: мотив «охоты» порождает тематический мотив «поиска живой воды или исцеляющего средства».

Позже, как было уже сказано, с изменением общественного строя, охота, оставаясь важным ремеслом для людей того времени, становится более совершенной. Теперь для охоты на диких зверей люди используют ружье, пусть примитивное, кремневое. Например, таковым является ружье в башкирском народном эпосе «Акбузат»:

«<...> год от году, день ото дня рос Хаубан. Исполнилось ему семнадцать или восемнадцать лет. Начал он охотиться с кремневкой. Как-то однажды шел он по берегу озера и увидел: плавает золотая утка. Недолго думая, он прицелился и подстрелил ее <...>» [Башкирский..., с. 374].

Затем выясняется, что это не обычная утка, а дочь царя озера Шульген-падишаха в облике птицы:

«– Егет, подстрелена тобой дичь – Не утка. Знай! На озере плаваю, резвлось, Славного падишаха Шульгена Я любимая дочь... Что потребуешь, то и дам, Добро пожелаю тебе, Скота захочешь, больше стада – Все тебе дам» [Там же, с. 375].	«– Егет, аткан хунарын Өйрәк түгел, белһәң һин, Күлдә йөзөп уйнаған, Данлы Шүлгән батшаның Йәндәй к-ргән кызы мин... Ни һораһаң, бирәйем, Изге теләк теләйем, Өйөр-өйөр мал тиһәң, Барын һиңә бирәйем» [Там же, с. 154].
--	--

Обещая несметное богатство, дева-утка запретила Хаубану оборачиваться назад, когда будет отходить от озера, с тем чтобы он не вспугнул удачу – крылатого скакуна Акбузата, «покровителя всего скота», выходящего из дна озера.

Встреча с мифической девой вод Наркас меняет первоначальное представление об охоте как способе добывания пищи: теперь охота приобретает ценностное значение, так как вчерашний сирота обретает богатство и прекрасную жену. Мотив охоты в этом случае способствует развитию основного сюжета эпоса, заключающегося в обретении героем счастья не только для себя, но и для других. Однако Хаубан не сразу достигает своей цели, потому что из-за своей оплошности он не смог сразу приобрести богатство, которое сулила ему дева-утка:

«<...> Выслушав утку, Хаубан поверил ей и отпустил <...> Потом вдруг подул ветер, буря поднялась. Хаубану трудно стало идти. Растерялся он, не знал, что и делать. Наконец не выдержал – оглянулся назад. Посмотрел – глазам своим не поверил: из озера выходили стада, покрывая всю землю. <...> Как только заметил Акбузат, что Хаубан обернулся, снова скрылся в воде. Животные <...> все до единого тут же нырнули за Акбузатом в озеро, говорят» [Там же, с. 379].

В данном случае срабатывает программа «запрет» – «нарушение запрета» – «наказание», и герою приходится пуститься на поиски (как в знак наказания для него), чтобы обрести утраченное. Следовательно, тематический мотив «охоты» порождает цепь мотивов «запрет» – «нарушение запрета» – «наказание», сопряженную с мотивом «поиска необычной птицы или невесты», «поиска утраченного».

Действительно, после своей ошибки, нарушения запрета герой долго искал волшебную утку. Он раз за разом охотился на нее, не отрывая взгляда от берега озера. В конце концов удача улыбнулась ему, и в одну из ночей он встретил ее вновь. Но теперь это была не утка, а прекрасная девушка. «Красавица облик сменила – Не уткой, а девушкой стала». – «*Һылыу төсөн алышкан: Өйрәк түгел, кыз икән...*», – так говорится в эпосе. На этот раз егет постарался не упустить свое счастье и уже не выпускал из рук ее волосы, за которые он крепко ухватился.

После долгих разговоров и уговоров Хаубан узнает, что это хыухылу – дочь царя озера Шульген по имени Наркас, и живет она в подводном царстве своего отца, не может долго бывать на поверхности земли. Она о себе так и говорит:

«...Вся я создана из лучей, Не заставляя меня страдать на земле. Не будет равной сыну земли Девушка, созданная из	«...Егет, һиңә тиң булмам, Мине алырға уйлама; Нурзан тыуған токоммон, Ерзә йөрөтөп хурлама. Ер улына тиң булмаҫ Нурзан тыуған кыз-бала»; [Там же, с. 171]
---	--

лучей;
 Девушкам, выросшим во
 дворцах,
 Не пристало жить в
 степи...»
 [Там же, с. 382]

Несмотря ни на что, егет, настояв на своем, все же спускается за ней на дно озера, где узнает много нового о своей собственной жизни (он вырос сиротой и ничего не знал о своих родителях), и, вернувшись на землю, начинает распутывать клубок тайны, которой связаны многие персонажи и герои, мстит своим врагам, погубившим его родных.

Надо отметить, что герои эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат» выступают батырами, которые закалились во время охоты на диких животных и птиц, обрели меткость и ловкость. Другими словами, они как бы прошли некие уроки жизни, или инициацию, вступили в зрелую жизнь. Теперь они в ответе уже не только за самого себя, но и за всех людей и за родную страну – иль. Впоследствии они изображаются такими же ловкими и отважными героями-батырами. Таким героем выступает и Заятуляк из эпоса «Заятуляк и Хыухылу».

В большинстве случаев отношение к сакрально значимой функциональности животных со временем неизбежно меняется (например, ритуальность удачной охоты на медведя у хантов, которые устраивали праздники: позже, с утратой магической семантики обрядов, это стало «национальным традиционным развлечением»), так и охота в эпосе не всегда предстает лишь как способ пропитания и выживания [Слепцов, с. 145]. Она также может изображаться как вид развлечения, забавы, потехи, где герой – егет – закаляется, мужает, развивает в себе качества воина. В конечном счете охота, как было сказано, становится способом прохождения обряда инициации. Таким эпосом в башкирском народном творчестве является «Заятуляк и Хыухылу». В нем герой проходит все этапы соревнований со своими сводными братьями, становясь лучшим в меткости, скорости и удачливости во всех видах охоты. Другими словами, успешно проходит обряд инициации. Сперва Заятуляк со своими братьями выпустил на охоту своих соколов, которые должны были сбить много дичи:

«Шесть сыновей Самар-
 хана
 Мышей, сусликов
 поймали, говорят;
 Сын же по имени
 Заятуляк

«Сәмәр хандың алты улы
 Сыскан, йомран алды, ти;
 Заятүләк атлы улы
 Каңғылдатып каз алды,
 ти,
 Торколдатып торна алды,

Гогочущих гусей поймал, ти,
 говорят, Быткылдатып һуна алды,
 Курлычущих журавлей ти» [Там же, с. 207].
 поймал, говорят,
 Лопочущих перепелок
 поймал, говорят»
 [Башкирский..., с. 419].

Затем ловчих птиц запустили на диких зверей, и тут Заятуляк одержал верх, изловив при помощи своей охотничьей птицы волка, медведя, лису.

Именно эта удача Заятуляка и вызвала со стороны шестерых братьев зависть и злобу к нему. Спасаясь от преследования, он встретил свою будущую невесту – красавицу Хыухылу, русалку, дочь царя озера Асылы-куль:

«...Тут он заметил на берегу у воды отблеск каких-то лучей. Удивился Заятуляк и стал осторожно приближаться к тому месту, где сверкали лучи. И что же он видит: на берегу, на плоском камне, сидит водяная девушка и, распустив косы, расчесывает золотым гребнем черные волосы...» [Там же, с. 420–421].

Он, как и Хаубан, ухватился за ее длинные косы и, не обращая внимания на ее мольбы о спасении и милости, добился ее расположения. Егет так был влюблен в Хыухылу, что готов был спуститься за ней на дно озера и остаться там навечно, жертвуя при этом своими родными – матерью и отцом, лишь бы быть рядом с любимой.

Как видим, именно удача и удасть, продемонстрированная героем во время охоты и породившая зависть и ненависть соперников, привели его на берег озера, где он встретил свою суженую. Эпический сюжет с этого момента обретает новый виток в своем развитии, что вскоре приводит к развязке конфликта.

Таким образом, в раннюю пору охота является способом пропитания, но позже она приобретает материальную окраску, становится средством и видом развлечения в виде обряда перехода юноши-егета во взрослую жизнь. Кроме этого, мотив охоты дает толчок активному развитию основного сюжета эпоса. Если в архаическом эпосе «Урал-батыр» герои во время охоты пользовались не орудием, а применяли для этого силу и ловкость более сильных зверей, то в эпосе «Акбузат» мы уже наблюдаем наличие ружья – кремневки, а герои эпоса «Заятуляк и Хыу-хылу» используют лук и стрелы. Но в художественно-эстетическом отношении мотив охоты наделяется эпической функциональностью, которая выполняет важное идейно-художественное значение в образовании новых мотивов и развитии основного сюжета эпоса. При этом может услож-

няться и цепочка мотивов: в эпосе «Урал-батыр» мотив охоты порождает мотив поиска живой воды или исцеляющего средства, а в «Акбузате» – «запрет» – «нарушение запрета» – «наказание» вкупе с мотивом пойма необычной птицы или невесты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АН РБ в рамках проекта № 19-412-020008 «Архаический эпос башкирского народа: художественно-стилистический аспект (эпосы „Урал-батыр“, „Акбузат“, „Зятуляк и Хыухылу“»).

Список литературы

Башкирский народный эпос: Эпос народов СССР. М.: Наука, 1977. 519 с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.

Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.

Сагитов М. М. Мифологические и исторические основы башкирского народного эпоса. Уфа: Китап, 2009. 280 с.

Слепцов Ю. А. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки // Филология и человек. № 2. № 2014. С. 145–150.

Сулейманов А. М. Потомки Урал-батыра. Уфа: БГПУ, 2016.

Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 255 с.

Урманче Ф. И. Тюркский героический эпос (Сравнительно-исторические очерки). Казань: ИЯЛИ, 2018. 448 с.

Фрейденберг О. М. Система литературного сюжета // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. М.: Наука, 1988. С. 216–237.

Хуббитдинова Н. А. Фольклор в башкирской литературе: художественно-эстетический аспект (XIII – нач. XX века). Уфа: Гилем, 2016. 274 с.

Юлдыбаева Г. В. Сюжет и стиль эпоса «Урал-батыр». Уфа: Гилем, 2007. 140 с.

References

Bashkirskii narodnyi epos: Epos narodov SSSR (1977) [Bashkir Folk Epic: The Epic of the Peoples of the USSR]. 519 p. Moscow, Nauka. (In Russian, in Bashkir)

Freidenberg, O. M. (1988). *Sistema literaturnogo siuzheta* [The System of a Literary Plot]. Montazh: Literatura. Iskustvo. Teatr. Kino. Pp. 216–237. Moscow, Nauka. (In Russian)

Iuldybaeva, G. V. (2007). *Syuzhet i stil' eposa "Ural-batyr"* [The Plot and Style of the Ural-Batyr Epic]. 140 p. Ufa, Gilem. (In Bashkir)

Khubbitdinova, N. A. (2016). *Fol'klor v bashkirskoj literature: hudozhestvenno-esteticheskij aspekt (XIII – nach. XX veka)* [Folklore in Bashkir Literature: Artistic and Aesthetic Aspect (the 13th - early 20th centuries)]. 274 p. Ufa, Gilem. (In Russian)

Putilov, B. N. (2003). *Fol'klor i narodnaia kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. 464 p. Saint Petersburg, Petersburg Oriental Studies. (In Russian)

Sagitov, M. M. (2009). *Mifologicheskie i istoricheskie osnovy bashkirskogo narodnogo eposa* [Mythological and Historical Foundations of the Bashkir Folk Epic]. 280 p. Ufa, Kitap. (In Bashkir)

Sleptsov, Yu. A. (2014). *Kul't medvedya sredi evenov Yakutii i Kamchatki* [Bear Cult among the Evens of Yakutia and Kamchatka]. *Filologiya i chelovek*. No. 2, pp. 145–150. (In Russian)

Suleimanov, A. M. (2016). *Potomki Ural-batyr* [Descendants of the Ural-Batyr]. Ufa, BGPU. (In Bashkir)

Surazakov, S. S. (1985). *Altaiskii geroicheski epos* [Altai Heroic Epic]. 255 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Urmanche, F. I. (2018). *Tiurkskii geroicheski epos (Srvnitel'no-istoricheskie ocherki)* [Turkic Heroic Epic (Comparative Historical Sketches)]. 448 p. Kazan', IYALI. (In Russian)

Veselovskii, A. N. (1989). *Istoricheskaia poetika* [Historical Poetics]. 648 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук,
450054, Россия, Уфа,
Пр. Октября, 71.
narkas08@mail.ru

Khubbitdinova Narkas Ahmetovna,
Doctor of Philology,
Chief Researcher,
Institute of History, Language and Literature,
the Ufa Federal Research Center,
the Russian Academy of Sciences,

71 October Prospect,
Ufa, 450054, Russian Federation.
narkas08@mail.ru

Л. Н. ТОЛСТОЙ И Н. Н. КАРАЗИН: ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

© Элеонора Шафранская

LEO TOLSTOY AND NIKOLAI KARAZIN: LITERARY INTERACTION

Eleonora Shafranskaya

The article examines the vertical connection between fiction and classics expressed in the works of contemporary writers, Nikolai Karazin and Leo Tolstoy. Karazin's prose becomes a breeding ground for Tolstoy. The social and psychological types of characters in Karazin's works are transformed into individual characters in Tolstoy's novels ("Anna Karenina"). The melodramatic situation in Karazin's fictional plots turns into a reason for anthropological, psychological judgments in Tolstoy's works ("The Kreutzer Sonata").

Describing the battle scenes, Karazin follows in the footsteps of Tolstoy. All the findings and discoveries of Tolstoy in the depiction of war, man in war (in "Sevastopol Sketches") are comprehended by Karazin and refracted by him in the context of the Turkestan wars of conquest: the senselessness and spontaneity of military operations, the automatism of man in war, the loss of his moral qualities, while his career, ambitious concerns do not disappear even in the situation of mortal danger. The article presents a comparative analysis of fragments by Leo Tolstoy and Nikolai Karazin.

Keywords: Leo Tolstoy, Nikolai Karazin, war, Tashkent, type, character.

В статье рассмотрена вертикальная связь между беллетристикой и классикой, между писателями-современниками Николаем Николаевичем Каразиным и Львом Николаевичем Толстым. Проза Н. Н. Каразина стала питательной средой для Л. Н. Толстого. Социальный и психологический типаж у Н. Н. Каразина становится индивидуальным характером у Л. Н. Толстого («Анна Каренина»). Мелодраматическая ситуация в беллетристическом сюжете Н. Н. Каразина является поводом для антропологических, психологических суждений у Л. Н. Толстого («Крейцерова соната»).

В изображении батальных сцен Н. Н. Каразин идет по стопам Л. Н. Толстого. Все находки и открытия Л. Н. Толстого в изображении войны, человека на войне (в «Севастопольских рассказах») усвоены Н. Н. Каразиным и изображены им в контексте туркестанских завоевательных войн: бессмысленность и стихийность военных действий, автоматизм человека на войне, утрата им морально-нравственных качеств, наряду с нигде не исчезающими в смертельной опасности карьерными, честолюбивыми заботами. В статье проведен сопоставительный анализ фрагментов текстов Л. Н. Толстого и Н. Н. Каразина.

Ключевые слова: Лев Толстой, Николай Каразин, война, Ташкент, тип, характер.

В истории литературы существует не очень популярный аспект – внутрিলитературные связи, которые основаны на вертикальной градации литературных рядов. Условно он именуется «писатель – писатель». Исследователь И. А. Гурвич пишет, что, как правило, в литературе «большой» писатель окружен другими, менее «громкими» именами, они-то и становятся для «большого» писателя питательной средой. В этой среде рядовых авторов происходит «муравьиная работа»: «подготовка новой идеи», ее распространение. Рядовые авторы нащупывают и открывают для художественной аналитики те тематические, проблемные пласты, ситуации, поведенче-

ские алгоритмы персонажей, которые позже будут глубоко вспаханы «большими» писателями. Ни те, ни другие, само собой, не фиксируют свою роль в литературном процессе, даже не осознают ее. Этот процесс войдет в поле зрения исследователей, а именно процесс, связанный с переработкой, переосмыслением «большой» литературой рядовой беллетристики (см.: [Гурвич, с. 61–63]).

Такой питательной средой стало для Л. Н. Толстого литературное творчество Н. Н. Каразина (фрагментарно, подчеркнем).

Николай Николаевич Каразин (1842–1908) – русский художник и писатель, военный коррес-

пондент и этнограф, он принимал участие в завоевании Средней Азии Российской империей. При жизни Каразин был чрезвычайно известным, он одним из первых открыл для русского и европейского читателя среднеазиатский мир с его самобытной культурой, нравами, ландшафтом. Столичные журналы с 1870-х годов до начала XX века публиковали его романы с продолжением, повести, рассказы, очерки, репортажи с мест военных действий и локаций этнографических экспедиций. По ряду причин механизм забвения в XX веке коснулся имени и творчества Каразина, несмотря на то что с Каразиным активно сотрудничали его именитые современники (например, Л. Н. Толстой и А. П. Чехов). Однако в XXI веке творчество Каразина начинает возвращаться к читателю (см.: [Шафранская, 2017], [Шафранская, 2019]). Так случалось не раз в истории литературы: вспомним, например, литературную судьбу Н. С. Лескова: «Современники, не отказывая Лескову в таланте, отказывали в значительности; для них он „хороший, бывалый рассказчик“, увлекавшийся „странностями“ <...> Недавно было замечено: „Юбилей писателя, широко отмечавшийся литературной общественностью в 1981 году, снял с его имени налет одно-сторонних оценок“» [Гурвич, с. 18–19].

Итак, проза Каразина стала для Толстого «подготовительной работой». Вне сомнения, Толстой читал Каразина, своего современника, иначе быть не могло. Впечатляющая своей реалистичной образностью, проза Каразина при его жизни была довольно резонансной. При чтении его романа «Погоня за наживой», опубликованного в 1873 году, в сознании современного читателя не может не всплыть фрагмент из повести Толстого «Крейцера соната» (1889). Эпизод неожиданного возвращения Позднышева домой, когда он застаёт свою супругу с возможным, предполагаемым любовником, – в хорошо заметных дословных подробностях! – мы обнаруживаем в каразинской «Погоне за наживой», где его герой, Ледоколов, застаёт свою жену с любовником. Толстому не мог не быть знаком этот роман Каразина, который публиковался в известном петербургском журнале «Дело».

Сопоставим два фрагмента из текстов Толстого и Каразина.

В повести «Крейцера соната» (1889) Позднышев, видя свет в своих окнах, с тревогой поднимается по лестнице в свою квартиру, звонит. Входит в открытую лакеем дверь, и первое, что он видит, это чужая шинель. С придыханием, трясущейся челюстью, он почти рыдает, ему кажется, что вот они, застигнутые им врасплох любовники. К этому чувству примешиваются и дру-

гие: с одной стороны – облегчения и радости, с другой – злости.

«Я знал только, что теперь все кончено, что сомнений в ее невинности не может быть и что я сейчас накажу ее и кончу мои отношения с нею» [Толстой, т. 27, с. 70] (здесь и далее курсив мой. – Э. Ш.).

А вот схожая сцена из романа Н. Н. Каразина «Погоня за наживой» (1873):

*«Целых три недели пришлось ему не видать своей жены – ему надо было уехать по делу. <...> Поздно ночью, почти перед рассветом, слез Ледоколов с извозчика и постучался в ворота; быстро *взбежал он по лестнице*, чуть не разбив себе носа в потемках, и остановился перед своею дверью. <...> Дотронулся до ручки звонка. Все тихо, ничего не слышно. Он *позволил* еще раз, громче.*

– Кто там? – послышался за дверь испуганный голос горничной.

– Отвори, это я, – тихо произнес он. <...> Ледоколов начал раздеваться, девушка торопливо зажигала свечу...

Ярко вспыхнул огонь и осветил испуганное лицо горничной; глаза ее широко раскрылись, она вскрикнула и выронила свечку из рук.

Ледоколова как обухом ударило по голове. Как ни мгновенно блеснул свет, он успел увидеть, он видел... Да, то, что он видел, было ужасно!

Он видел на вешалке чужую шинель, он ясно ее разглядел, с капюшоном, с военным воротником; металлические пуговицы так ярко, так отчетливо блестели на сине-сером сукне.

– Огонь зажги, – прохрипел он.

*Послышалась торопливая возня и шорох; спички не загорались; наконец снова была зажжена свеча... <...> Ледоколов быстро прошел через все комнаты и остановился перед дверью спальни – дверь была заперта. <...> *Опустив голову, схватившись за сердце обеими руками, он пошел в кабинет; у него сил не хватило дотащить до своей двери: он прислонился к стене и судорожно вцепился в какую-то драпировку.**

Замок щелкнул. Чьи-то шаги, гремя шпорами, быстро прошли к передней.

С этой ночи он уже не видел более своего ангела» [Каразин, т. 2, с. 9–11].

Выделенное курсивом в цитате Каразина напрямую совпадает с текстом Толстого. Учитывая даты публикации обоих текстов, можно говорить о толстовском заимствовании у Каразина.

Если у Каразина эта сцена измены-ревности становится стартом для будущего перемещения главного героя, то у Толстого – поводом для размышления о философских, психологических и гендерных паттернах мироустройства.

Личное любовное фиаско Ледоколова, героя Каразина, который после несчастлившегося само-

убийства находит спасение в отъезде в Ташкент¹, отзывается в биографии еще одного толстовского героя – Вронского («Анна Каренина»)².

Если Каразин подхватывает и воспроизводит весьма распространенный алгоритм поведения современников, что характерно для поэтики беллетристов, изображающих типажи времени, то в прозе Толстого этот типаж прорастает в характер, что не свойственно беллетристике.

Ситуация с отъездом в Ташкент на фоне личного фиаско была весьма распространенной для реальной жизни конца XIX века. Например, русский предприниматель Н. А. Варенцов (1862–1947) вспоминает свои ташкентские впечатления: он был на вечере Василия Александровича Шереметева, принадлежащего к знатному роду, его мать пользовалась расположением императрицы, так вот, этот дворянин из именитой фамилии попал в Ташкент за неумеренные увлечения молодости, кутежи и попойки, куда его отправил Александр III, за помощью к которому обратилась мать Шереметева, чтобы тот обуздал ее сына (см.: [Варенцов, с. 304]). И таких ссылок в Ташкент было немало.

Еще один пример из самого высшего императорского круга – ссылка в Ташкент великого князя Николая Константиновича на вечное поселение – из-за любовных непотребств, так сочла царская семья – тоже укладывается в этот типологический ряд. Член императорской фамилии попал в Ташкент за кражу «фамильного бриллиантового кольца у своей матери» [Там же, с. 45], и тоже на фоне любовной истории.

Сравним алгоритм поведения Вронского и Ледоколова, персонажей Толстого («Анна Каренина») и Каразина («Погоня за наживой»): Вронский фиксирует свое состояние, предполагая, что так, видимо, и сходят с ума, а чтобы избежать стыда, стреляются – и берет в руки револьвер. Ледоколов, будучи в бешенстве от предательства, тоже хватается за револьвер, прикладывая его к виску.

Схожая реакция у обоих героев на потерю возлюбленной женщины: Вронского осеняет, что все ключевые понятия его круга, в котором он обитает, а именно честолюбие, свет, двор, потеряли для него значение и смысл. Так и для каразинского Ледоколова жизнь утрачивает свое значение, оборачиваясь на всех ее уровнях пустотой.

Женский портрет (умозрительный в одном случае и реальный в другом) присутствует в по-

следние минуты перед выстрелом (состоявшимся в первом случае и нет – во втором): толстовский герой видит портрет любимой «с горячечным румянцем и блестящими глазами», который с нежностью смотрит на него. Взгляд каразинского героя останавливается на фотопортрете «красивой женщины с роскошными пепельными волосами, освещенном мигающим светом плававшей лампы» [Каразин, т. 2, с. 4].

«Модным» выходом для залечивания ран, полученных в любовной драме, становится Ташкент. Приятель и сослуживец Вронского, Серпуховский, пытаясь спасти друга, придумывает для него назначение в Ташкент. Так же поступает и товарищ каразинского Ледоколова.

Если Ледоколов отправляется в Ташкент (вполне соответствуя распространенному алгоритму поведения той поры), то Вронский, пережив еще одно испытание выбором (поехать в Ташкент – это «есть олицетворенная честь» [Толстой, т. 18, с. 445]), разрушает стереотип своей среды – побеждают индивидуальные интенции характера Вронского. Если прежде он повел бы себя по кодексу воинской чести: отказаться от опасного назначения в Туркестанский край было бы позорно и не комильфо, то теперь он выстраивает иную линию поведения, свою, индивидуальную, выпадая из предписаний света и армейского кодекса. Отказывается и выходит в отставку.

Мы остановились на «питательной среде» для Толстого – ею стала весьма читаемая современниками проза Каразина, и она заговорила в ряде фрагментов и поворотов толстовских сюжетов.

Однако есть и обратная связь: именно Толстой концептуально повлиял на батальную прозу Каразина.

В изображении войны в русской литературе XIX века неоспоримо новаторство Толстого. Свое видение войны Толстой сполна отобразил в «Севастопольских рассказах» (1855–1856)³. От рассказов Толстого до публикаций о войне Каразина – небольшой временной промежуток, тем очевиднее, что туркестанский баталист целиком находится под влиянием своего современника. Да и сами персонажи Каразина вспоминают недавнюю Крымскую войну. В рассказе «Ночь под снегом» (1874) есаул в застольной беседе наглядно изображает Севастопольскую кампанию, раскладывая на столе яства, которые имитируют противоборствующие силы на поле битвы: вот так «наш редут» – «большой кусок швейцарского

¹ Роман Каразина был опубликован в 1876 году.

² Последние главы романа Толстого опубликованы в журнале в 1877 году, книга вышла в 1878 году.

³ В «Войне и мире» присутствуют вариации и перепевы тех севастьяпольских мотивов.

сыра»; а так «французские ложементы» – «половина холодной жареной курицы» (см.: [Каразин, т. 16, с. 114]).

Как и Толстой, Каразин знал войну изнутри, был ее участником, получил награду в виде именного золотого оружия с надписью «За храбрость».

Толстой, желая придать своим Севастопольским очеркам документальность, дает им хронологически точные календарные заглавия. Каразин тоже пишет очерки – репортажи с места боевых действий, публикуя их в «Ниве», а после они переходят в художественные повествования, сохраняя очерковую документальность: в датах, географии, топонимике, дислокации воюющих сторон.

Толстой описывает небольшие бои (в «Севастопольских рассказах») – то же находим у Каразина.

Толстой развенчивает правильные, спланированные сражения (создав в «Войне и мире» сатирическую деталь: «...Die erste Kolonne marschirt... die zweite Kolonne marschirt... Die dritte Kolonne marschirt...»), война для Толстого – стихийное событие. Человек на войне, по Толстому, действует неразумно, убивая себе подобных «автоматически». Именно так изображает войну и человека на войне Каразин.

Рассмотрим детали военных сюжетов Каразина, в частности в рассказах «Зарабулакские высоты» (1874) и «Ургут: из походных записок линейца» (1874). В них созданы сцены перед боем и во время боя – и везде беспорядок чередуется с порядком, хаос с системой:

«Беспорядочный говор и шум на секунду затих при первых звуках тревоги <...> прежней неопределенности и беспорядочности уже не было» [Каразин, т. 9, с. 47];

«На вершине обрыва, рисуясь темными силуэтами на небе, стояла конная группа: это был командующий войсками со свитою. Но ниже в беспорядке теснились конвойные казаки...» [Там же, с. 48];

«Беспорядочными толпами казаки выбирались на дорогу...» [Там же];

«Даже несмотря на темноту, можно было заметить, как из хаоса, беспорядочно волнующегося еще там, где только оканчивался подъем, образовывалось что-то похожее на движущуюся армию» [Там же, с. 49];

«Неприятельская кавалерия стала держаться поодаль, коль скоро оборона приняла более правильный характер» [Там же, с. 53];

«Все приостановилось, как будто озадачилось немного. С минуту не сообразили, как и что: послышалось множество команд, самых разнообразных и даже противоречащих друг другу.

– *Каша! Каша!* – кричал, задыхаясь, худощавый штаб-офицер, суетясь на лошади в беспорядочной толпе белых рубах... ему очень хотелось преобразовать эту толпу в нечто похожее на стройный батальон, и он пытался подействовать на самолюбие солдат, подбрав такое обидное сравнение.

Расталкивая солдат, в щеголеватом, коротеньком кителе, прискакал на сером коне один из адъютантов.

– Это четвертый батальон? Генерал приказал... чтобы сейчас...

Шагах в десяти шлепнулось ядро, за ним другое, несколько ближе. – Адъютант исчез.

Само собою, словно инстинктивно, дело делалось, как следует: машинально каждый повернулся лицом к неприятелю и всякий, как кто стоял, так и пошел прямо на выстрелы.

Значительно левее, совершенно отдельно от всех, шел какой-то батальон в стройном порядке, странно режущем глаза в общей неурядице» [Там же, с. 54].

Слова *каша*, *противоречащих*, *беспорядочной*, *машинально*, *инстинктивно*, *какой-то* образуют контекстуально-концептуальный ряд бессмысленности, неопределенности, автоматизма. Вспоминается фрагмент из «Севастопольских рассказов», где юнкер Пест с чувством опьянения ринулся в бой, не понимая ни цели его, ни расположения, не различая своих и чужих. Он действовал на автомате: закричал, потому что кричали все, побежал туда, куда бежали все. Заколов, совершенно неосознанно, француза, он не сразу понял, что сделал. И лишь расслышав французскую речь – зов о помощи, обращение к богу, вдруг понял, что совершил геройский поступок. Закричал вместе со всеми «ура» и бросился вон от убитого.

Каразин, как и Толстой, пишет о мародерстве на войне, о потере солдатами человеческого облика:

«Стройные крики „ура“, которые мы слышим на парадах и на маневрах, не дают понятия о том адском хаосе звуков, который слышится в минуту отчаянной свалки. Те, кто в данную минуту перестал быть людьми, не могут издавать человеческих звуков: рев, свист, пронзительный визг, то что-то похожее на дикий хохот, то жалобное, почти собачье завывание, смешались с характерным стуком окованных медью ружейных прикладов об голый человеческий череп» [Там же, с. 55];

«Это не было бегство, это не было отступление; это было что-то непонятное, озадачившее даже наших туркестанцев, никогда не озадачивающихся» [Там же, с. 58];

«Вот в эту-то минуту наши крикнули „ура“ и бегом бросились за отступающими. Скоро все скрылось и перемешалось в массах зелени. Отдельные выстрелы, недружные, урывчатые крики: ура! вопли: ур! ур! и мусульманская ругань, – все слилось в какой-то дикий хаос звуков, и только отчетливый огонь наших

винтовок да резкие, дребезжащие звуки сигнальных рожков, подвигаясь все далее вперед и вперед, указывали приблизительно направления, по которым шли штурмующие роты. Здесь уже нельзя было видеть ничего общего, все распалось на отдельные эпизоды...» [Там же, с. 102].

Почти повтор из Толстого: «Чье это „ура“? их или наше?» [Толстой, т. 4, с. 33].

В отличие от Крымской войны, изображенной Толстым, проигрышной для России, локальные бои Туркестанского похода, воссозданные Каразиным, увенчались успехом. Если главная интенция Толстого – это бесчеловечность и бессмысленность войн (в «Севастопольских рассказах»), то у Каразина другие задачи: продолжая толстовскую традицию в изображении войны как таковой, писатель-туркестанец не скрывает захватнического, экспансионистского нашествия русской армии.

Каразин, как и его младший современник, историк В. В. Бартольд, разрушает стереотип повседневности (как прошлой, так и нынешней) о гуманном захвате Туркестана. Об этом пишет исследователь Вера Тольц:

«...Бартольд иногда спорил с распространенным мнением об особой близости России и Азии и исключительной способности русских понимать население восточных окраин империи. Он подверг критике своего друга Ольденбурга за воспроизведение этого сомнительного тезиса. Скептицизм Бартольда становится особенно весомым, если вспомнить, что утверждения подобного рода, характеризующие имперскую политику своего собственного государства как наиболее гуманную и, следовательно, превосходящую в нравственном отношении имперские проекты других стран, являлись характерным элементом имперского дискурса в Европе» [Тольц, с. 141].

В рассказе «Ургут», как ни в каком другом тексте Каразина, звучат эти характеристики: показана самоотверженность народа, защищающего свою землю, не желающего отдавать ее непрошеному гостю. Люди горного селения Ургут, безоружные против вооруженных русских солдат, пускают в ход все, что можно: валят деревья, загораживая проходы, вооружаются батиками (шары с шипами, насаженные на древко), кетменями, лопатами, вилами, палками – и сражаются до последнего: было собрано погибшими до семисот человек.

«Цель экспедиции была отчасти достигнута, – заключает рассказчик, он же участник штурма, – непобедимый Ургут был взят и razoren горстью русских. Это имело громадное значение в моральном отношении» [Каразин, т. 9, с. 111].

Следующий фрагмент из прозы Каразина – явная реминисценция из Толстого, для которого тема тщеславия в «Севастопольских рассказах» была наиважнейшей:

«А должно быть, они нас приготовились порядком встретить... Будет баталия!.. Теперь им уже, вероятно, известно о нашем выступлении – приготовились... Посмотрим, наконец, каковы такие эти хваленые батыри...

– Ты не помнишь, что по статуту полагается, чтобы получить Георгия? – допытывался у своего соседа молоденький пехотный офицерик, болтая ногами на своей смиренной кляче.

Честолюбие, значит, начало разгораться в сердце юного воина...» («Тигрица», 1876) [Каразин, т. 6, с. 197].

С этим фрагментом рифмуются сцены из «Севастопольских рассказов», в которых момент смертельной опасности сопряжен с банальным разговором о наградах: толстовский штабс-капитан Михайлов, будучи раненым, решает остаться на поле боя – так, по его мысли, надежнее быть представленным к награде. Другой герой, Калугин, слыша о смерти товарища, радуется, что остался целым и невредимым и наверняка получит награду в виде «золотой сабли».

Каразин вслед за Толстым показывает войну не как красивое зрелище, а как ужас в крови и слезах, оторванных, отрезанных частях человеческого тела. Для литературы XIX века, русской и западной, это был шок (см.: [Вольперт, с. 98]).

«Какую скверную, отталкивающую форму имеет человеческое тело, от которого отделяют голову: сразу даже не разберешь, что это такое. Зияет багровый разрез, хлещет алая кровь и, шипя, смешивается с пылью, запекаясь в черные клубы, темной дырой виднеется перехваченное горло...» («Зарабулакские высоты») [Каразин, т. 9, с. 56].

Знакомство и общение Толстого и Каразина – исторический факт (Каразин был иллюстратором произведений Толстого), однако информации сохранилось немного. Есть свидетельство их переписки – Толстой в письме к своей дочери Татьяне Львовне Толстой от 22 октября 1893 года упоминает имя Каразина:

«Получил от Каразина письмо с просьбой сказать свое мнение об иллюстра<циях> Севера и посылаю несколько экзем<пляров> альбома. Я еще не получил. Получу, посмотрю и напишу еще, стараясь не лгать и не обидеть» (см. также примечание № 4 к данному письму) [Толстой, т. 66, с. 407].

Ответ Толстым был послан, но ни письма, ни его содержания не сохранилось.

Есть еще одна параллель во взглядах Толстого и Каразина на колониальную политику России. Ее предстоит рассмотреть в свете современных постколониальных штудий в дальнейших публикациях; это перспектива развития интересной темы.

Список литературы

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 848 с.

Вольперт Л. И. Деэстетизация войны в творчестве Лермонтова и Стендаля («Валерик» Лермонтова и «Пармская обитель» Стендаля) // Лермонтовские чтения – 2016: сборник статей. СПб.: Лики культуры, 2011. С. 98–107.

Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: Российский открытый университет, 1991. 90 с.

Каразин Н. Н. Полное собрание сочинений: в 20 томах. СПб.: Изд-во. П. П. Сойкина, 1905.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Художественная литература, 1928–1958.

Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Шафранская Э. Ф. Фазы колониального дискурса в русской прозе о Туркестане // Филология и культура. Philology and Culture. 2017. № 2(48). С. 218–224.

Шафранская Э. Ф. Каразин! Азия! // Н. Н. Каразин На далеких окраинах. Погоня за наживой: романы. Серия «Литературные памятники». М.: Наука, 2019. С. 525–596.

References

Gurvich, I. A. (1991). *Belletristika v russkoi literature XIX veka* [Fiction in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, Rossiiskii otkrytyi universitet, 90 p. (In Russian)

Karazin, N. N. (1905). *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 tomakh* [Complete Works in 20 Volumes]. St. Petersburg, izdatel'stvo P. P. Soikina. (In Russian)

Shafranskaia, E. F. (2017). *Fazy kolonial'nogo diskursa v russkoi proze o Turkestane* [Phases of Colonial Discourse in the Russian Prose about Turkestan]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (48), pp. 218–224. (In Russian)

Shafranskaia, E. F. (2019). *Karazin! Azija!* [Karazin! Asia!]. In: Karazin N. N. *Na dalekikh okrainah. Pogonia za nazhivoi*. Ser. "Literaturnye pamiatniki". Pp. 525–296. Moscow, Nauka. (In Russian)

Tolts, Vera (2013). "Sobstvennyi Vostok Rossii": *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* ["Russia's Own East: Policy of Identity and Oriental Studies during the Late Imperial and Early Soviet Period]. 336 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works in 90 Volumes]. Pod obshch. red. V. G. Chertkova. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Varentsov, N. A. (2011). *Slyshannoe. Vidennoe. Peredumannoe. Perezhitoe* [Heard. Seen. Rethought. Endured]. 848 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Vol'pert, L. I. (2011). *De-estetizatsiia voiny v tvorchestve Lermontova i Stendalia ("Valerik" Lermontova i "Parmskaia obitel'" Stendalia)* [De-estheticization of War in the Works of Lermontov and Stendal ("Valerik" by Lermontov and "Parma Monastery" by Stendal)]. In: *Lermontovskie chteniia – 2016: Sbornik statei*. Pp. 98–107. St. Petersburg, Likey kul'tury. (In Russian)

The article was submitted on 04.03.2021

Поступила в редакцию 04.03.2021

Шафранская Элеонора Федоровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский городской педагогический
университет,
121069, Россия, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
shafranskayaef@mail.ru

Shafranskaya Eleonora Fedorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow City Pedagogical University,
4 Vtoroy Sel'skokhozyaystvennyy Proyezd,
Moscow, 121069, Russian Federation.
shafranskayaef@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-225-233
УДК 821.161.1

ЭТНОНИМ «ТАТАРИН» В ПОЭТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

© Ильдар Юнусов

ETHNONYM “A TATAR” IN LEO TOLSTOY’S POETICS

Ildar Yunusov

The images of the Tatars are not represented in the early works of Leo Tolstoy, although the trilogy “Childhood”, “Adolescence”, “Youth” is largely based on the impressions of the writer’s life in Kazan. In “War and Peace”, there is an episodic figure of a wounded Tatar-Cossack, which is not ethnically clearly identified. It is in the process of working on “Anna Karenina” that Leo Tolstoy’s “turning point” ripens and the images of the Tatars, significant for the writer’s poetics, appear. In Leo Tolstoy’s late work, the ethnonym “a Tatar” turns out to be one of its key elements. This is exactly what this article focuses on.

The relevance of the research is determined by the modern problems of the dialogue among cultures, Russian-Tatar imagology and literary ways of comprehending the “foe”. The purpose of the article is to identify the features of the ethnonym “a Tatar” usage in Leo Tolstoy’s poetics. The methodological basis of the research is the synthesis of traditional approaches that have withstood the test of time (historical-literary, system-typological, comparative-historical) and the involvement of relatively new research practices (the opposition of “friend – foe” within the framework of mythopoetics, imagology and postcolonial theories). The methodological principles of these areas are used depending on the specific material and the set tasks. Given, that many of Leo Tolstoy’s late works have a complicated chronology of writing and publication, the structure of this article is determined by the logic of the analysis.

The study reveals a deep connection of the ethnonym “a Tatar” with Leo Tolstoy’s poetics and searches.

Keywords: Leo Tolstoy, Tatar, ethnonym, image, poetics.

Образы татар отсутствуют в творчестве раннего Л. Н. Толстого, хотя трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» во многом написана по впечатлениям казанского периода жизни русского писателя. В «Войне и мире» присутствует этнически не четко идентифицированная эпизодическая фигура раненого татарина-казака. И только в романе «Анна Каренина», в процессе работы над которым, как известно, вызревал толстовский духовный «перелом», появляются значимые для поэтики писателя образы татар. А уже в творчестве позднего Л. Н. Толстого этноним «татарин» оказывается одним из ключевых ее элементов. Именно этому и посвящена данная статья.

Актуальность настоящего исследования обусловлена проблематикой диалога культур, русско-татарской имагологии, литературоведческих путей постижения «чужого». Цель статьи – выявить особенности использования этнонима «татарин» в поэтике Л. Н. Толстого. Методологическую основу исследования составляет синтез традиционных, выдержавших испытание временем подходов (историко-литературный, системно-типологический, сравнительно-исторический) с привлечением относительно новых исследовательских практик (оппозиция «свой – чужой» в рамках мифопоэтики, имагологии, постколониальных теорий). Методологические принципы перечисленных направлений используются в зависимости от конкретного материала и поставленных задач. Учитывая, что многие произведения позднего Л. Н. Толстого имеют сложную хронологию написания и публикаций, структура статьи определялась логикой анализа.

В результате исследования выявляется глубокая связь этнонима «татарин» с поэтикой и исканиями Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, татарин, этноним, образ, поэтика.

Л. Н. Толстого традиционно воспринимают как писателя, который в своем творчестве наиболее благожелательно относился к чужим этносам и культурам. Об этом свидетельствуют не только такие произведения, как «Хаджи-Мурат», «Кав-

казский пленник», «Много ли человеку земли нужно», «За что?», но и собственные признания Л. Н. Толстого и его близких. Вспомним его запись в дневнике, что в душе любого «дикаря» заключено огромное содержание; вспомним также

высказывание С. А. Берс о том, что ее супруг «... не только грузин, но и зулусов любит» [Накашидзе, с. 24]. Неслучайно, например, в дореволюционной Казани в среде татарских интеллектуалов писательская фигура Л. Н. Толстого стояла особняком, возвышалась над всеми остальными русскими художниками слова [Бекметов, 2017]. И одна из главных причин заключалась в его комплементарном отношении к малым народам, к восточной культуре в целом.

Однако отношение Л. Н. Толстого к другим народам и культурам носило не столь однозначный характер. Иначе писателя давно возвели бы в ранг святого. Вспомним признание Л. Н. Толстого, что в первые дни польского восстания 1863 года он сам хотел принять участие в подавлении польского освободительного движения. Правда, этот свой «постыдный» порыв он затем компенсировал рассказом «За что?» с положительными польскими героями, борющимися за независимость своего народа.

Для Л. Н. Толстого важно, что при имеющейся предвзятости по отношению к кому-либо нужно уметь это «нехорошее» чувство преодолевать. Писатель утверждал, что если ты без всякой причины испытываешь неприязнь к какому-то человеку, то в этом виноват ты сам, что-то плохое сидит в тебе. И этот же принцип Л. Н. Толстой распространял и на отношение к другим народам и культурам. Более того, он призывал любить народы, которые находятся во враждебных отношениях с твоим народом. Сам он и в своей жизни, и в своем творчестве стремился к этому.

Вполне возможно, что у Л. Н. Толстого были определенные предубеждения и по отношению к татарам. Весьма показательна запись в дневнике от 28 февраля 1890 года: «Во сне видел, что говорю с священником о пьянстве, о терпимости и о чем-то еще, что забыл. О терпимости: не презирать ни жида, ни татарина, любить» [Толстой, т. 51, с. 23]. Данная запись порождает два вопроса. Во-первых, от чьего имени говорит Л. Н. Толстой: от своего или в целом от имени русского народа? Во-вторых, под татарами подразумеваются здесь казанские татары или все тюркомусульманские народы России? Вряд ли можно однозначно ответить на эти вопросы.

Очевидно, что в рамках толстовской парадигмы наличие предрассудков о «других» естественно для человеческой природы на данном этапе развития, но каждый порядочный человек, думающий о своей душе, должен с этим бороться. Показательна следующая рекомендация Л. Н. Толстого в «Круге чтения»: «Какая бы ни была твоя религия, общайся с людьми других верований. Если речи их не возмущают тебя, и ты

можешь свободно общаться с ними, ты достиг мира» [Толстой, т. 41, с. 424].

И на русский народ, и на Л. Н. Толстого как одного их ярчайших представителей этого народа оказывала несомненное воздействие многовековая история сложных отношений с татарами, что нашло свое выражение в фольклоре, в многочисленных пословицах и поговорках, исторических песнях, былинах. Как известно, фольклор более искренен в своих симпатиях и антипатиях, нежели официальная культура. Так, И. П. Смирнов подчеркивает: «В тех обстоятельствах, когда русские князья и православные церковные иерархи были вынуждены отправляться в Орду, дабы легитимировать их светскую / сакральную власть, когда в литургию был включен молебен за здравие татарского хана (царя), когда проповедники (Серапион Владимирский) призывали прихожан учиться у иноплеменников, когда местные властители (Александр Невский) подавляли народное восстание против чужеродных сборщиков дани, когда темой воинских повестей стала гибель национальных героев, когда летописи толковали апокалиптические пророчества как сбывшиеся в настоящем, на Руси активизировалась запасная низовая культура, которая стремилась предотвратить потерю этнической идентичности, угрожавшую культуре верхушечной» [Смирнов, с. 171].

В фольклоре этноним «татарин» сам по себе, без всякого эпитета, уже имел негативную коннотацию, а сила традиции была такова, что еще и в литературе XIX века он нередко использовался как ругательное слово.

Приведем наиболее красноречивые свидетельства – пословицы и поговорки русского народа: «*Постой, татарин, дай саблю выхватить*», «*И сила есть, да воли нет. Неволей только татары берут*», «*Это суцая татарщина*», «*Не вовремя гость хуже татарина*», «*Лучше бы у собаки татарина жена померла, чем у меня*», «*Татарин – свиное ухо. Бритая плешь*», «*Ешь медведь татарина – оба ненадобны*», «*Нет проку в татарских очах*», «*Сидит, как курица на яйцах. Сидячего татары берут*», «*Бей сполох, татарин идет*», «*Не пожелаю и злomu татарину*», «*Злее злого татарина*», «*Злее зла татарская честь*» [Пословицы].

В исторических песнях этноним «татарин» также используется преимущественно в негативном контексте. Одна из ключевых особенностей данного жанра состоит не в фиксации реальных фактов, а в выражении народной рецепции и понимания тех или иных исторических сюжетов [Путилов, с. 8]. Частые набег, пожары, разорение, увод в плен, унижительный ясак – все это в

конечном счете предопределило русскую рецепцию татарского мира и татар в этот период. Лексема «татарин», сама по себе имеющая в русских исторических песнях негативную коннотацию, в своих, порой невысказанных, видоизменениях приобретает дополнительную степень неприятия: «злы татарове» [Там же, с. 55], «злы татарченки» [Там же, с. 55], «злой татарянин» [Там же, с. 72], «злой татарчанин» [Там же, с. 72], «злой татарина» [Там же, с. 74], «злы татаре» [Там же, с. 74], «татарушки» [Там же, с. 93], «татаринок» [Там же, с. 93], «злые татарушки» [Там же, с. 97], «злы татарушки» [Там же, с. 100], «злы татарчанны» [Там же, с. 109], [Юнусов, 2002, с. 5–11].

Несколько иную ситуацию видим в официальной, письменной литературе. Хотя «самой больной и повседневной темой были ордынцы, или „татары“, как называли их во множестве произведений древнерусской литературы – от повестей XIII в. о татарском нашествии до повестей XIV в. о Куликовской битве и сказаний XV в. о падении татаро-монгольского ига» [Демин, с. 191], татары и татарский мир изображались амбивалентно. С одной стороны, подчеркивалась их жестокость; с другой – присутствовал даже элемент восхищения от их богатства, воинской выучки и доблести. Так, автор «Казанской истории» вначале описывает жестокость татар по отношению к русским пленным: «Ужем за шею оцепляху, и скакати и плясати веляще им... А старым коим очи избодаху, и уши, и уста, и нос обрезаше, и зубы искореневаху... яко скот, овех толпами, перевязанных, держаще на торгу, продаваху иноземцам поганым» [Казанская история, с. 76–77]. А затем восхищается мужеством татарских воинов: «И не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокуплешеся востанут и подвигнутся на них... Крепле же града сами бяху, умение велико имуще ратоватися во бранех и непобеждены бываху ни от кого же, и мало таких людей мужественных злых во вселенной обретается» [Там же, с. 128], «но и умирающе, грозяху» [Там же, с. 146].

И вот такого рода благожелательные упоминания о татарах и татарском мире в древнерусской литературе не единичны: в позитивных красках описываются татарские дворы, шатры, военная тактика, ремесленное искусство и т. д. В фольклоре же подобное представить сложно, хотя и есть исключения вроде пословицы «Люблю молодца и в татарине». Пожалуй, можно констатировать, что в русской рецепции закрепилось именно фольклорное восприятие татар, а не официально-письменное. Л. Н. Толстой в опре-

деленном смысле также рефлексировал о татарах прежде всего в рамках фольклорной традиции.

В толстовских произведениях для детей, собранных в «Азбуке», этноним «татарин» широко представлен в трех произведениях: «Ермак», «Сухман», «Кавказский пленник».

Ближе всего к русскому фольклору толстовский опыт написания былины «Сухман», жанр которого сам автор определил как «стихисказка». Главный герой былины, богатырь Сухман Одихмантьевич, обещает князю Владимиру Красное Солнышко принести ему живого, без единой раны, белого лебедя. Но, встретив грустную Непру-реку, Сухман узнает от нее о злых татарах с их злокозненными намерениями. И вместо того, чтобы сдержать слово перед князем Владимиром, герой один идет против сорокатысячного войска татар и разбивает его. Борьба против исторического врага – татар – в этой былине оказывается важнее обещания князю, за неисполнение которого Сухман наказывается. Так же, как и в исторических песнях, татары в былинной стилизации Л. Н. Толстого называются «татарове», «татарченки», «татаровья». При этом в трех из десяти случаев использования этнонима «татарин» употребляется эпитет «злые» (во фразе «сорок тысячей злых татаровей» и словосочетании «злы татаровья», которое повторяется два раза). Этноним «татарин» звучит в негативной коннотации не только из уст былинных героев, но и повествователя. Сам факт обращения Л. Н. Толстого к жанру былины с татарами как историческими врагами русских свидетельствует о том, что художник четко осознавал истоки и историю рецепции этнонима «татарин» в русской традиции.

Однако в рассказе «Ермак», имеющем в подзаголовке жанрово-тематическое указание «история», фольклорные особенности рецепции татар почти не представлены. Популярный в исторических песнях по отношению к другим эпитет «вор» / «воровской» используется единожды лишь к властителю татар – «воровской царек Кучум» [Толстой, т. 21, с. 190]. Прямых использований негативных эпитетов применительно к этнониму «татарин» в «Ермаке» нет, хотя сам этноним употребляется 38 раз. В рассказе речь идет о военных столкновениях казаков под предводительством Ермака с татарами. «Ермак» и «Сухман» идут друг за другом во «Второй русской книге для чтения», по-своему подготавливая детского читателя к «Кавказскому пленнику», помещенному в «Четвертой русской книге для чтения» толстовской «Азбуки».

Л. Н. Толстой, проведший отрочество и юность в Казани, служивший и воевавший на

Кавказе и в Крыму, прекрасно видел разницу между казанскими, кавказскими и крымскими татарами. Он отчетливо понимал, что и в практике русской историографии, и в рецепции русского народа татарами считались восточные мусульманские народы, доставлявшие своей воинственностью много проблем русскому населению. Для позднего Л. Н. Толстого с его концепцией «любить врага» было важно реабилитировать татар в глазах русского читателя.

Первая такая попытка делается в рассказе «Кавказский пленник». Знаменательно, что этноним «татарин» употребляется в этом произведении 81 раз и лишь трижды в негативной коннотации. При этом во всех трех случаях татары негативно воспринимаются в рецепции Жилина, когда ему грозит пленение. В самом начале рассказа, когда Жилина захватывали в плен, в его восприятии татары дважды предстают «вонючими», потому что они, в соответствии со стереотипами русского офицера, «злодеи, нехристи, люди нечистоплотные как в нравственном, так и в физическом отношении» [Жаринов, с. 39–40]. Ближе к концу рассказа, в эпизоде первого побега, Жилин говорит Костылину: «Ну... пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню». «Собака» – характерный негативный эпитет низовой культуры, часто применяемый в русских исторических песнях по отношению к «чужим / другим», первоначально именно к татарам. Здесь «собакой» называется татарин, который, может быть, заметил их побег и может организовать погоню, преследование. Наличие в этом же предложении этнонима «татарин» в нейтральной коннотации позволяет допустить предположение, что эпитет «собака» адресован не столько татарину, а сколько вообще к любому человеку, собирающемуся сделать нечто плохое, угрожающее жизни Жилина и Костылина. Поэтому, действительно, вслед за Е. В. Жариновым можно утверждать, что татары вызывали резкое неприятие («вонючие») у Жилина лишь при первой встрече.

Затем же татарский мир и татары вызывают у него острый интерес:

«Видна ему (Жилину. – И. Ю.) из щелки дорога – под гору идет, направо *сакля татарская*, два дерева подле нее. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит – изпод горы идет *татарка молоденькая*, в рубахе цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой, идет в спине подрагивает, перегибается, а за ручку *татарчонка ведет бритога, в одной рубашке*. Прошла *татарка* в саклю с водой, вышел *татарин* вчерашний с красной бородой, в бешмете шелковом,

на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошел куда-то» [Толстой, т. 21, с. 308] (курсив мой. – И. Ю.).

В этом фрагменте все пять случаев употребления этнонима «татарин» нейтральны, некоторые даже с тенденцией к позитивности, например «татарка молоденькая», «татарчонка в одной рубашке». Более того, быт татар, уклад татарской жизни, их устроенность, автономность и самодостаточность обуславливают несомненную ценность и привлекательность татарского мира, не западной, а именно восточной, мусульманской цивилизации. И далее эта тенденция только нарастает: эпизод первого посещения Жилиным дома хозяина с описанием важной и неспешной процедуры принятия решения татарами; сцена похорон брата «красного татарина» с чуждым ритуалом, но с одинаковым общечеловеческим переживанием горя; очеловечивание образа врага за счет индивидуализации персонажей (Абдула, «красного татарина», Дины, татарского старика, потерявшего восемь сыновей в войне с русскими).

Как пик – нарождающаяся атмосфера радости от общения и познания друг друга. У «другого / чужого» не может быть светлых глаз, не может быть красивого лица, не может быть атмосферы радости в общении «врагов»:

«Сам (Жилин. – И. Ю.) смотрит на хозяина и смеется. Смеется и хозяин» [Там же, с. 312].

Или же:

«Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин. „Чего она радуется?“ – думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает, вода, а там молоко. Выпил он молоко, – „хорошо“, говорит. Как возрадуется Дина!

– Хорошо, Иван, хорошо! – и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала» [Там же, с. 213].

Важно, что рассказ «Кавказский пленник» адресовался прежде всего детям. По Л. Н. Толстому, если взрослый человек выстраивает свою линию поведения в зависимости от того, к какому сословию, вере, народу принадлежит тот или иной человек, то детям эти отличия совершенно не важны. Они всегда встречают друг друга с улыбкой. Так, для детей в «Кавказском пленнике» самыми близкими героями являются русский офицер Жилин и татарская девочка Дина.

Таким образом, в «Кавказском пленнике» этноним «татарин», пожалуй, впервые в русской

литературе подвергается попытке реабилитации. Л. Н. Толстой по-своему переворачивает рецепцию татар на противоположную фольклорной традиции. Из 81 случая употребления этнонима «татарин» в «Кавказском пленнике» 78 имеют нейтральную коннотацию и даже порой определенную тенденцию к позитивности. Во всех же случаях повествовательского дискурса этноним «татарин» или нейтрален, или условно позитивен.

Эта тенденция закрепляется и в одном из шедевров Л. Н. Толстого – «Хаджи-Мурате».

Впервые в русской классической литературе главным героем крупного неромантического произведения становится многовековой исторический враг русских на Востоке, мусульманин, «татарин». Принципиальным в повести является отсутствие прямого обозначения этнической принадлежности главного героя. В повести Л. Н. Толстого Хаджи-Мурат представлен под собирательным этнонимом «татарин».

Хотя этническая принадлежность реального Хаджи-Мурата всегда вызывала споры, никто никогда не считал его татаринном. Большинство авторов воспоминаний о Хаджи-Мурате, почти все литературоведы XX века склонялись к тому, что он был аварцем. А в повести Л. Н. Толстого Хаджи-Мурат – татарин. Почему?

Толстовская повесть имеет десять черновых редакций. Какова этническая принадлежность Хаджи-Мурата в них?

Важно, что именно в первой редакции Хаджи-Мурат идентифицирован вначале как «татарин», хотя затем уточняется, что он уроженец нагорной Аварии, соответственно, тавлинец. В четвертой редакции Хаджи-Мурат оказывается внуком аварского хана. В пятой редакции отмечается лишь лезгинское происхождение его матери. В восьмой и девятой редакциях Хаджи-Мурат – уроженец бедной аварской семьи, при этом в восьмой редакции он знает и чеченский язык. В десятой редакции Хаджи-Мурат опять аварец, «храбрый аварец».

В каноническом варианте повести конкретная этническая идентификация главного героя отсутствует. При этом этническая принадлежность других персонажей в окружении Хаджи-Мурата, как правило, указывается. Хаджи-Мурат в повести общается исключительно на татарском языке, не считая попытки сказать несколько слов на русском вызывающему у него симпатию Бутлеру. Конечно, язык общения – важнейший маркер этнической идентичности, но не определяющий, тем более известно, что на Кавказе в те времена татарский язык был языком межэтниче-

ского общения. Им пользовались и русские при общении с местными народами.

Л. Н. Толстой принципиально не конкретизировал подлинную этническую принадлежность Хаджи-Мурата. В поэтике Л. Н. Толстого самое указание или же неуказание этнонима является в определенном смысле художественным приемом [Юнусов, 1997, с. 102].

Очевидно, для позднего Л. Н. Толстого, призывавшего «любить врага», важно изобразить Хаджи-Мурата как представителя именно того мира, который на протяжении нескольких веков воплощал главную угрозу для русского человека. Неслучайно, искра замысла, выразившаяся в толстовской помете для себя («Татарин на дороге. Хаджи-Мурат»), развернутая вначале в дневнике в виде яркого и поразительного сравнения репья – «татарина» и Хаджи-Мурата – «татарина» и реализованная затем в повести, будет основой всех черновых редакций и канонического варианта.

В «Хаджи-Мурате» писатель нашел уникальное художественное решение. В поэтике повести этноним «татарин» приобретает конвенциональную природу и наполняется необходимым в парадигме позднего Л. Н. Толстого типологическим и историко-экспрессивным содержанием.

В повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» присутствует излюбленный мотив художника – антитеза цивилизации и природы. Здесь это выражено в форме столкновения людей, убежденных в превосходстве цивилизации и в своем праве навязывать ее другим, с людьми, считающими священным сохранить свой, пусть и дикий на чей-то взгляд, образ жизни. Симпатии Л. Н. Толстого всегда были на стороне последних.

В рамках этой антитезы татары, представленные в образах официантов и кучеров в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (произведении, во многом выражающем духовный «перелом» писателя), оказываются в числе тех, кто соблазнился ложными ценностями цивилизации:

«Облонский снял пальто и в шляпе набекрень прошел в столовую, отдавая приказания липнувшему к нему татарам во фраках и с салфетками».

В соотношении с фольклорной традицией самая фраза «*татары во фраке*» звучит как оксюморон. Еще ярче это выражается, когда официант начинает говорить по-французски:

«каша а ла рюсс, прикажете – сказал татарин, как няня над ребенком, нагибаясь над Левиным» [Толстой, т. 18, с. 37].

Далее:

«... Суп прентаньер, тюрбо сос Бомарше, пулард а лестрагон, маседуан де фрюи...» [Там же, с. 38].

Несколько раз использованный эпитет «липнувшие» однозначно указывает на негативную рецепцию татар, утративших свою пассионарность. Дальнейшее описание дополняет это впечатление:

«И татарин с развевающимися фалдами над широким тазом побежал и через пять минут влетел с блюдом открытых на перламутровых раковинах устриц и с бутылкой между пальцами» [Там же, с. 39].

Утративший «брутальность» татарин «с широким тазом», деактуализирующий свою веру мусульманин, услужливо «летающий» ради исполнения прихотей цивилизованных бар «с бутылкой между пальцами», в толстовской парадигме может вызывать только сожаление. Особенно рельефно это подчеркивается в соотношении с состоянием души Левина:

«эта обстановка бронз, зеркал, газа, татар – все это было ему оскорбительно. Он боялся запачкать то, что переполняло его душу» [Там же, с. 39].

Здесь татары оказываются в одном ряду блестящих и ложных символов цивилизации.

В этом эпизоде дважды подчеркивается, что Стиву Облонского несколько раздражал французский язык в устах татарина:

«Но Степан Аркадьевич, видно, не хотел ему (татарину-официанту. – *И. Ю.*) доставлять удовольствие называть по-французски кушанья» [Там же, с. 38].

Возможно, Облонский неосознанно чувствовал в этом определенную карикатурность ситуации: азиат, говорящий по-французски, пусть только и названия блюд, по-своему дискредитировал русского дворянина, подчеркивающего свою принадлежность к Европе французской речью. Размышляющая в парадигме посткультурных исследований М. Тлостанова, рассуждая о феномене реакции русской интеллигенции на книгу Олжаса Сулейменова «Аз и я», пишет следующее: «В определенной мере это связано, как мне кажется, со скрытыми комплексами неполноценности, которые всегда присутствовали в российской культуре как культуре вторичной интеллектуально колонизированной империи, карикатурно копировавшей западные образцы с тем, чтобы затем принять на себя роль цивилизатора собственных южных и восточных „окраин“ и создать собственный метарассказ... Отсюда и стремление из „татарина, переодетого во фран-

цузское платье“, стать, наконец, европейцем, из „приживальщика и раба – господином“ и, как следствие, преувеличение связей с Европой и стирание порочащих связей с Азией» [Тлостанова]. Очевидно, отмеченное исследовательницей удивительно перекликается и с реакцией Облонского на употребление французского языка татаринном во фраке. В определенном смысле Л. Н. Толстым здесь зафиксирован феномен микрии в контексте теории посткультурных исследований.

Как видно, в поэтике этнонима «татарин» в «Анне Карениной» актуализируются, с одной стороны, вызывающий сожаление в толстовской парадигме отход восточного народа от своих исконных национально-религиозных ценностей во имя ложных приоритетов европейской цивилизации, а с другой – некая карикатурность и пародийность этой ситуации, своеобразно проецирующаяся и на «русских европейцев».

Появляется фигура татарина еще в одном важном произведении Л. Н. Толстого – в рассказе «После бала». Знаменательно, что писатель тут обратился к событию, которое произошло в Казани более полувека назад. Очевидно, этот сюжет идеально подходил для позднего Л. Н. Толстого, который видел в институте государства зло, противоречащее всем религиям: «Турок, русский, француз, японец, прежде чем подчиниться своему правительству, подчинен Богу, и обязанности их одни и те же, заключаются в едином законе – поступать с ближним, как желаешь, чтобы поступали с тобой. И это без различия расы, религии, касты и национальности» [Толстой, т. 76, с. 98]. Эта проблема и является ключевой в рассказе «После бала». Еще в 1886 году в одной из статей Л. Н. Толстой, размышляя об исполнителях узаконенного государственного насилия, писал: «Что было в душе тех полковых и ротных командиров: я знал одного такого, который накануне с красавицей дочерью танцевал мазурку на бале и уезжал раньше, чтобы на завтра рано утром распорядиться прогонянием на смерть сквозь строй бежавшего солдата татарина, засекал этого солдата до смерти и возвращался обедать в семью» [Толстой, т. 26, с. 559].

Современная исследовательница в статье «Инонациональное в творчестве Л. Н. Толстого: некоторые аспекты творческой рецепции Поволжья» подчеркивает, что национальная принадлежность наказуемого в рассказе «После бала» не имеет значения, потому что «это мог быть и русский, и человек какой-либо другой народности» [Сарбаш]. Вряд ли это так. Во-первых, известно, что со второй половины XIX века и в

первые два десятилетия XX века достаточно активно выражало себя движение татарских мусульман-ваисовцев, отказывавшихся служить в армии. Очевидно, Л. Н. Толстой интересовался этим движением, а в 1909 году даже встретился с их лидером Гайнаном Ваисовым [Бекметов, 2016], [Гордеева]. Во-вторых, в контексте мировоззрения позднего Л. Н. Толстого важно, что наказуемым является человек иного этноса, веры, культуры, вынужденный служить в армии Российской империи, подчиняться всем ее законам вопреки своим убеждениям и интересам. И по-своему логично в контексте «Сухмана», «Кавказского пленника» и «Хаджи-Мурата», что этим беглым солдатом оказывается многовековой антипод русского человека – татарин, уже давно утерявший свое доминирующее положение и силу. И то, что в реальности этим наказуемым солдатом был татарин, только подчеркивает обоснованность, верность и силу художественного эффекта толстовского решения. Наказываемый татарин являет собой тип ярко выраженного субалтерна, не имеющего своего голоса. Единственное, что он может сказать, точнее, всхлипнуть, это фраза *«Братцы, помилосердитесь!»* [Толстой, т. 34, с. 123].

Этноним «татарин» в рассказе используется четырежды, пять раз этот персонаж назван «наказуемым» и дважды «человеком». Показательно, что ни разу он не назван ни «военным», ни «солдатом», ни «дезертиром», то есть в данном случае актуализировались его принадлежность к человеческому роду, национальность и статус жертвы государственного насилия. И «человек», и «татарин», и «наказуемый» являются лексемами мужского рода. Но в описании наказания этот персонаж дважды отмечается как лицо среднего рода. В начале:

«... что-то страшное, приближающееся ко мне».

И в конце описания:

«Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека» [Толстой, т. 34, с. 123].

Жертва государственного насилия теряет человеческое лицо, половую определенность. Знаменательно, что жесточайшая сцена наказания государственной машиной беглого татарина завершается одной эмоциональной фразой кузнеца, выводящей все происходящее на другое, божественное, измерение: *«О, Господи!»* Ясно, что за репликой кузнеца, по позднему Л. Н. Толстому, стоит резко отличающаяся от противоречащих христианству законов государства позиция про-

стого русского народа, который несет веру в своей душе.

Этноним «татарин» в поэтике рассказа «После бала» позволяет актуализировать острейшие проблемы, волновавшие позднего Л. Н. Толстого: противоречие самой природы государства христианству, развращение людей государством, приучающим их к узаконенному насилию.

Подведем итоги.

Русская низовая культура в фольклоре и официальная, письменная культура в рамках древнерусской литературы сформировали две различные формы рецепции татар. Л. Н. Толстой в своей рефлексии о татарах исходил из фольклорной традиции, что обусловило появление не только былины «Сухман», истории «Ермак», но и таких произведений, как «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат». В «Кавказском пленнике» этноним «татарин», пожалуй, впервые в русской классической литературе подвергается осознанной попытке реабилитации. В «Хаджи-Мурате» впервые «татарин» становится главным героем крупного реалистического произведения. При этом в данной повести этноним «татарин», помимо продолжения процесса его реабилитации, приобретает конвенциональную природу и наполняется необходимым в парадигме позднего Л. Н. Толстого типологическим и историко-экспрессивным содержанием. В поэтике «Анны Карениной» татары оказываются в одном ряду символов, выражающих ложные ценности цивилизации, а также являющих собой своеобразную карикатуру на «русских европейцев». В рассказе «После бала» именно фигура татарина-субалтерна позволяет острее актуализировать важнейший для позднего Л. Н. Толстого круг идей, связанный с правом государства на насилие и его влиянием на исполнителей и жертв.

В целом образы татар оказываются востребованными только в творчестве позднего Л. Н. Толстого, что обусловлено как их особой ролью в истории и в картине мира русского народа, так и характером духовно-нравственных исканий самого писателя. Этноним «татарин» используется в произведениях Л. Н. Толстого около 140 раз. Очевидно, в парадигме Л. Н. Толстого без использования этнонима «татарин» невозможна художественная рефлексия как о русском мире, так и о ключевых духовно-нравственных и философско-политических вопросах современности в глобальном масштабе.

Список литературы

Бекметов Р. Ф. Лев Толстой и татарские писатели начала XX века: об отношении к мировой культуре и

принципах литературного перевода (из опыта сопоставления дискурсивной практики) // Материалы XI Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 6–7 сентября 2016 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2017. С. 71–79.

Бекметов Р. Ф. Суфизм в духовной биографии Л. Н. Толстого: татарский контекст // Филология и культура. Philology and culture. 2016. № 4 (46). С. 112–117.

Гордеева И. А. Мубаракша Гадельшин: отказ мусульманина-ваисовца от военной службы // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 103–115.

Демин А. С. Языци: неславянские народы в русской литературе XI–XVIII веков // Древнерусская литература: изображение общества. М.: Наука, 1991. С. 190–205.

Жаринов Е. В. Особенности психологизма позднего Л. Н. Толстого (от кавказских повестей к «Хаджи-Мурату»): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. 178 с.

Казанская история / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1954. 195 с.

Накашидзе Н. Несколько лет вблизи Льва Толстого. Тбилиси: Мерани, 1978. 95 с.

Пословицы // Образ татар в русской литературе. URL: <https://tatar-rulit.livejournal.com/tag/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B0> (дата обращения: 10.03.2021).

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

Сарбаш Л. Н. Инонациональное в творчестве Л. Н. Толстого: некоторые аспекты творческой рецепции Поволжья // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 204–211.

Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991. 196 с.

Тлостанова М. «Главной его мишенью был европоцентризм» // The Moscow Review of Books / Московский книжный журнал. 31.08.2012. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1346433186554> (дата обращения: 24.03.2021).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М.: Художественная литература, 1928–1958.

Юнусов И. Ш. Постигание «чужого» в творчестве Л. Н. Толстого. М.; Бирск: Изд-во БирГПИ, 2002. 71 с.

Юнусов И. Ш. Проблема национального характера в творчестве Л. Н. Толстого 1850–1860-х годов. М.; Бирск: Изд-во БирГПИ, 1997. 184 с.

Materialy XI Mezhdunarodnogo seminaru perevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana", 6–7 sentiabria 2016 goda). Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Iasnaia Poliana", pp. 71–79. (In Russian)

Bekmetov, R. F. (2016). *Sufizm v dukhovnoi biografii L. N. Tolstogo: tatarskii kontekst* [Sufism in the Spiritual Biography of Leo Tolstoy: Tatar Context]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (46), pp. 112–117. (In Russian)

Demin, A. S. (1991). *Iazytsi: neslavianskie narody v russkoi literature XIX–VIII vekov* [Yazytsi: Non-Slavic Peoples in Russian Literature of the 11th–18th Centuries]. *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie obshchestva*. Pp. 190–205. Moscow, Nauka. (In Russian)

Gordeeva, I. A. (2011). *Mubaraksha Gadel'shin: otkaz musul'manina-vaisovtsa ot voennoi sluzhby* [Mubaraksha Gadelshin: Refusal of a Wais Muslim to Perform Military Service]. *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 3 (29), pp. 103–115. (In Russian)

Iunusov, I. Sh. (2002). *Postizhenie "chuzhogo" v tvorchestve L. N. Tolstogo* [Comprehension of the "foe" in the Works of Leo Tolstoy]. 71 p. Moscow, Birk, BirGPI. (In Russian)

Iunusov, I. Sh. (1997). *Problema natsional'nogo kharaktera v tvorchestve L. N. Tolstogo 1850–1860-kh godov* [The Problem of National Character in the Works by Leo Tolstoy in the 1850s and 1860s]. 184 p. Moscow, Birk, BirGPI. (In Russian)

Kazanskaia istoriia (1954) [Kazan History]. Podgot. teksta, vstup. st. i primech. G. N. Moiseevoi. 195 p. Moscow, Leningrad, izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)

Nakashidze, N. (1978). *Neskol'ko let vblizi L'va Tolstogo*. [A Few Years near Leo Tolstoy]. 95 p. Tbilisi, Merani. (In Russian)

Poslovitsy. Obraz Tatar v Russkoi Literature [Proverbs. The Image of the Tatars in Russian Literature]. URL: <https://tatar-rulit.livejournal.com/tag/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B0> (accessed: 10.03.2021). (In Russian)

Putilov, B. N. (1960). *Russkii istoriko-pesennyi fol'klor XIII–XVIII vekov* [Russian Historical and Song Folklore of the 13th–18th Centuries]. 300 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)

Sarbash, L. N. (2013). *Inonatsional'noe v tvorchestve L. N. Tolstogo: nekotorye aspekty tvorcheskoi retseptsii Povolzh'ia* [Non-national in the Works of Leo Tolstoy: Some Aspects of the Volga Region Creative Reception]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 204–211. (In Russian)

Smirnov, I. P. (1991). *O drevnerusskoi kul'ture, russkoi natsional'noi spetsifike i logike istorii* [About the Ancient Russian Culture, Russian National Specifics and the Logic of History]. Wien. 196 p. (In Russian)

Tlostanova, M. (2012). "Glavnoi ego mishen'iu byl evropotsentriзм" ["His Main Target Was Eurocentrism"]. *The Moscow Review of Books. Moskovskii knizhnyi zhurnal*. 31.08.2012. // URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1346433186554> (accessed: 24.03.2021). (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works

References

Bekmetov, R. F. (2017). *Lev Tolstoi i tatarskie pisateli nachala XX veka: ob otnoshenii k mirovoi kul'ture i printsipakh literaturnogo perevoda (iz opyta sopostavleniia diskursivnoi praktiki)* [Leo Tolstoy and Tatar Writers of the Early 20th Century: On the Attitude to World Culture and the Principles of Literary Translation (from the experience of comparing discursive practices)].

in 90 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Zharinov, E. V. (1985). *Osobennosti psikhologizma pozdnego L. N. Tolstogo (ot kavkazskikh povestei k "Khadzhi-Muratu")*: diss. na soisk. uch. step. kand. filol.

nauk [Features of Psychologism in Leo Tolstoy's Late Works (from the Caucasian Novels to "Hadji Murad")]: Ph. D. Thesis]. 178 p. Moscow, MGPI imeni V. I. Lenina. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Юнусов Ильдар Шайхенурович,

доктор филологических наук,

профессор,

Бирский филиал Башкирского
государственного университета,

452450, Россия, Бирск,

Интернациональная, 10.

ildar_yun@rambler.ru

Yunusov Ildar Shaikhenurovich,

Doctor of Philology,

Professor,

Birsk branch of Bashkir State University,

10 Internatsionalnaya Str.,

Birsk, 452450, Russian Federation.

ildar_yun@rambler.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-234-238
УДК 82:801.6

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ СИМВОЛИКИ В ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКЕ Р. ХАРИСА

© Нурфия Юсупова, Гульфия Гайнуллина

THE ROLE OF FOLKLORE SYMBOLS IN THE CIVIL LYRICAL POETRY OF R. KHARIS

Nurfiya Yusupova, Gulfiya Gainullina

The article studies the functional and nominative field of folklore symbolism in the civil lyrical poetry of R. Kharis. The relevance of the study is due to the fact that nominative functions of folklore symbolism in the poet's civic lyrical poetry have not been examined in such depth and scope before, therefore, we need to identify specific features of semantic transformations of folklore images-symbols based on individual samples of civic lyrical poetry of the 1960s–1980s. The object of the research is poetic texts, in which folklore symbolism, undergoing semantic transformations, occupies a significant place.

The scientific novelty is determined by a different approach to the study of civil lyrical poetry of R. Kharis: the study focuses on identifying the ideological, semantic and functional originality of folklore images-symbols, as well as their transformations. A structural-semiotic analysis of poetic texts, their assessment in ideological-nominative and functional integrity will make it possible to highlight new facets not only in the poet's work, but also in the development of Tatar civic lyrical poetry of the 1960s–1980s.

The article argues that the iteration of folklore images in the civil lyrical poetry of R. Kharis has become the basis of a new type of artistic style. Firstly, they act as custodians and disturbers of national traditions in the poet's work. Secondly, they contribute to the two- or three-level organization of the poetic text, playing the role of subtext, providing their "double reading". Thirdly, they make it possible to step over the ideological schematism of the Soviet era, expand and deepen both the philosophical and semantic ranges of works. In this way, the poet enriches civic lyrical poetry with philosophical motifs and transforms it within the framework of a non-classical paradigm.

Keywords: folklore, symbol, R. Kharis, civic lyrical poetry, function, transformation.

В статье раскрывается функциональное и номинативное поле фольклорной символики в гражданской лирике Р. Хариса. Актуальность исследования обуславливается малоизученностью номинативного функционирования фольклорной символики в гражданской лирике поэта, а следовательно, потребностью выявления специфических особенностей смысловой трансформации фольклорных образов-символов на материале отдельных образцов гражданской лирики 1960–80-х годов. Объектом исследования являются поэтические тексты, в которых значительное место занимает фольклорная символика, подвергающаяся смысловой трансформации.

Научная новизна определяется иным подходом к изучению гражданской лирики Р. Хариса: в ходе исследования акцентируется внимание на выявление идейно-смыслового и функционального своеобразия фольклорных образов-символов, а также их трансформации. Структурно-семиотический анализ поэтических текстов, оценка их в идейно-номинативной и функциональной целостности дадут возможность выделить новые грани не только в творчестве поэта, но и в развитии гражданской лирики в татарской поэзии 1960–80-х годов.

В ходе исследования утверждается, что итерация фольклорных образов в гражданской лирике Р. Хариса становится основой нового типа художественного стиля. Во-первых, они выступают в роли хранителя и возмутителя национальных традиций в творчестве поэта. Во-вторых, способствуют двух- или трехуровневой организации поэтического текста, играя роль подтекста, и обеспечивают «двойное прочтение». В-третьих, дают возможность перешагнуть идеологический схематизм советской эпохи, расширяют, углубляют и философский, и смысловой диапазон произведений. Так поэт обогащает гражданскую лирику философскими мотивами и трансформирует ее в рамках неклассической парадигмы.

Ключевые слова: фольклор, символ, Р. Харис, гражданская лирика, функция, трансформация.

Ренат Харис – поэт, известный в татарской поэзии второй половины XX – начала XXI века многочисленными лирическими стихами, поэмами и либретто. Его творчество характеризуется абстрактным мышлением и авангардными приемами, которые раскрывают особенности мировоззрения, образного мышления поэта и образуют специфику поэтического стиля. Еще в начале творческого пути Т. Н. Галиуллин называл Р. Хариса представителем интеллектуальной поэзии, философской лирики [Галиуллин, с. 101]. Как отмечает Н. Юзиев, произведения поэта требуют от читателя определенного уровня мышления, подготовки и сообразительности [Юзиев, с. 156–157].

Существенное влияние на становление художественного, ассоциативного мышления Р. Хариса оказал татарский фольклор. Начиная с 1970-х годов, когда «сдвиг художественной парадигмы в татарской поэзии происходит под влиянием народной песни» [Загидуллина, с. 49], генетически связанные с фольклорными традициями образы-символы составляют основу художественно-ассоциативного мышления поэта. Зачастую такая тенденция кроется в заглавии стихотворений – «Чулпы» («Накосник»), «Ак сөлге» («Белое полотенце») и т. д. Как верно подмечает Г. Ахунов, «направление и особенности творчества писателя связаны с его мировоззрением, со средой, в которой он живет, с народным мышлением и традициями» [Ахунов].

Такая тенденция ярко прослеживается и в гражданской лирике Р. Хариса. В ходе расширения жанровых и идейно-эстетических границ гражданской лирики поэт устанавливает диалог с татарским фольклором; образы, ориентированные на народный пласт татарской культуры, выступают специфическими формами создания смысловой и философской глубины его произведений. Кроме того, презентуемые в гражданской лирике Р. Хариса фольклорные образы-символы участвуют в трансформации образной системы, выступают в роли хранителя и возмутителя национальных традиций в его творчестве, способны структурировать поэтический текст, играя роль подтекста.

Индивидуальный взгляд на общественные явления в гражданской лирике Р. Хариса зачастую проявляется в символах или символических конструкциях: обычно символический образ, повторяющийся в названии стихотворения, в сильной позиции, акцентирует национальную или общественно-политическую проблематику. Например, в стихотворении «Ак сөлге» («Белое полотенце») таким образом выступает белое полотенце. В народных традициях белое полотенце

выполняет особую функцию: на Сабантуях оно, придавая силу рукам, ложится на спины борцов, украшает свадьбу молодых, развеивается, провожая юношей и мужчин на войну. Оно – постоянный спутник татарского народа. С одной стороны, в структуре стихотворения белое полотенце воспринимается национально-ритуальной атрибутикой татарского народа, знаком «гостеприимства татарского народа, особенно важным для лирического героя» [Хасанова, 2013, с. 278], констатируется как фундамент национальной культуры, эталон национальной самобытности. В данном ключе основная мысль поэта указывает, что наша жизнь и культура базируются на народных традициях. Именно они хранят информацию о культуре, истории и обычаях народа и выступают своеобразным его оберегом.

Кроме того, в подтексте оно приобретает новую смысловую вариацию и указывает на чистую душу татар. В соотношении с образом материнского молока мерцают новые смысловые вариации, углубляя содержание стихотворения и активизируя интертекстуальные смысловые вариации читателя. Материнское молоко является самым важным и дорогим в жизни каждого, символом основы жизни. При помощи такого параллелизма презентуется мысль о том, что чистота души, нравственные, общечеловеческие ценности не только человека, но и нации в целом воспитываются материнским молоком. Так образ белого полотенца становится носителем общечеловеческих ценностей:

«Син бит үзең дә халкымның
Күңеле төсе –
Сөттән сөңгән зур пакьлекнең
Бер көзгесе» [Харис, с. 101]. –
«Ты ведь цвет души
Моего народа,
Ты зеркало чистоты,
Молоком пропитанной»
(здесь и далее подстрочный перевод наш. –
Н. Ю.).

Так презентуется непрерывная причинно-следственная связь между душевным состоянием, чистотой души и поступками не только человека, но и народа в целом.

Давая общественно-политические оценки, Р. Харис обращается к традиционным для татарской поэзии образам деревьев. Если большинство татарских поэтов часто обращаются к образам березы, осины, папоротника, то Р. Харис отдает предпочтение образам тополя и яблони. Образ тополя в фольклорных текстах символизирует тяжелое горе, большую скорбь, тоску и несчастную любовь. Но Р. Харис расширяет и транс-

формирует ее традиционное смысловое поле. Так, в стихотворении «Өянке» («Монолог тополя») образ тополя может быть прочитан по-разному: и как нация, живущая в советском пространстве, и как человек, живущий в тоталитарной реальности, и может уподобляться самому лирическому герою.

С одной стороны, образ вызывает ассоциации с национальными проблемами, символизирует характерные черты жизненного уклада татарского народа или его представителей в советскую эпоху. В данном ключе он ассоциируется с татарским народом, который пережил трудности, мучения, выпавшие на его долю, ибо «не утрачивал веру в жизнь, побеждая трудности» [Хасэнова, с. 155], или человеком, живущим в тоталитарной реальности:

«Өскә үсмәсен әле, дип,
Баш ботагымны киссән,
Мин бит ян-якка үсәм!..
Киңлеккә китмәсен, диеп,
Ян-якларымны киссән
Мин куелькка үсәм!..
Куелькка үсмәсен, дип,
Ябалдашымны киссән,
Мин тамыр якка үсәм!..
Бәгырең чабыймчы, диеп,
Казып тамырыма төшсән,
Кабрең өстендә үсәм!» [Харис, с. 18]. –
«Если оборвешь верхушку мне,
Чтоб не росла я в вышину,
Я буду расти в стороны!..
Оборвешь мне боковые ветки,
Чтоб не пошла я вширь,
Я буду расти в гущину!..
Сострижешь мне крону,
Чтоб не росла я в гущину,
Я пойду расти в корень!..
Раскопашь корни мне,
Чтоб срубить мне сердцевину,
Я вырасту на твой могиле!»

Обрезка верхушки дерева, боковых веток, кроны, корней воспринимается читателем как истребление исторической памяти. Утверждения «Я буду расти, я вырасту» закрепляют важность силы духа и презентуют о жизнеспособности народа в тоталитарных условиях. Таким образом, сила духа превращается в надполитическую категорию, необходимую для сохранения и совершенствования не только человека или нации, но и человечества в целом.

В стихотворении «Үпкәләгән алмагач» («Обиженная яблоня») поэт обращается к образу яблони, часто встречающемуся в народных песнях. Образ-символ яблони в фольклорных текстах ассоциируется с красотой девушки, пси-

хологическим состоянием возлюбленного или возлюбленной [Юсупова, с. 68]. Р. Харис наполняет ее новыми смысловыми вариациями. В тексте, написанном в форме монолога яблони и воссоздающем трагическую картину, через монолог достигается эмоциональное напряжение: печаль сменяется сожалением, сожаление – печалью, печаль превращается в надежду, и поэтический текст наполняется философскими размышлениями.

В стихотворении переплетены несколько мотивов, которые могут быть прочитаны и в личностно-индивидуальном, и в философском, и в общественно-политическом контекстах. С одной стороны, в структуре стиха яблоня символизирует человека. Он устал от жизни, его «обрывают», «с него сбивают», ему хочется «сделав ветки крыльями, улететь с этой остывшей земли...», но, несмотря на это, его «лишь нить паутины связывает с землей, и та вот-вот оборвется...». Все эти состояния становятся причиной сожаления и печали лирического героя, предметом экзистенции. Образ паутины становится связующим звеном двоимирия, соединяющим сожаление, печаль и надежду, жизнь и смерть, бытие и небытие:

«Өзделәр...
Өлгергәнән дә, өлгермәгәнән дә
Сындыра-сындыра өзделәр...
Койдылар,
Саргайганын да, саргаймаганын да
Койды жилләр кыйный-кыйный...
Хәзер мин азат бар нәрсәдән –
Ботакларны канат итеп,
Очып китәм бу суынган туфрактан...
Хәзер мине бер парәвез жебе генә
Жиргә бәйләп тотып тора,
Менә-менә өзеләм дип...
Һәм өзелми,
Бәхеткә каршы...» [Харис, с. 155]. –
«Оборвали
И те, что поспели, и те, что не поспели,
Обрывали, ломая ветки,
Сбивали
И пожелтевшие, и не очень
Сбивали ветры.
Теперь я свободна от всего,
Сделав ветки крыльями,
Улечу с этой остывшей земли...
Теперь меня лишь нить паутины
Связывает с землей,
И то вот-вот оборвется...
И не обрывается,
К счастью...»

Однако в последних строках «И не обрывается, / К счастью» мерцает проблеск радости и настраивает читателя на философский

лад. В философском плане автор размышляет о текучести времени и нежелании человека прощаться с жизнью. Таким образом, подчеркивается основная черта, присущая человеку: желание жить, осознание своего единства со всем живым на земле, – и указывает на таинственность этой объединяющей силы.

Ключевое слово «ветер» в тексте позволяет обнаруживать новые смысловые конструкции. В данном ключе образ яблони символизирует татарский народ, ветер воспринимается как трудности, пережитые татарским народом, сожаление-печаль-надежда связывается с трагической судьбой народа. В данном контексте образ паутины становится проводником между прошлым и будущим народа и воспринимается как нить с будущим. Такой подтекст порождает особенного лирического героя, человека – представителя своей нации, идентифицирующего себя как прямого наследника своего народа, ответственного за его судьбу, тем самым автор говорит о жизнеспособности татарского народа.

В гражданской лирике Р. Харис презентует также аллегорические образы татарского фольклора. Так, в стихотворении «Кызыл төлке» («Красная лиса»), давая общественно-социальные оценки, поэт обращается к традиционным для татарских сказок образам лисы и гуся, однако трансформирует их семантическое поле. Убийство гуся лисой, а лисы охотником – уничтожение слабого сильным – вызывает экзистенциальную оценку действительности. Предметом экзистенции лирического героя выступает тот факт, что подобная модель выживания в обществе становится нормой. Вместе с тем аллегорический образ лисы вызывает ассоциативную связь с татарскими сказками, и появляется еще одно «спрятанное» значение: такая модель выживания общества не щадит даже хитрых.

«Ак кар.
Ак каурый,
Кызыл каурый...
Ак кар...
Кызыл төлке...
Кызыл кар...» [Харис, с. 113]. –
«Белый снег.
Белые перья,
Красные перья...
Белый снег...
Красная лиса...
Красный снег».

В подтексте стихотворения мерцают и философские мотивы. По мнению автора, в жизни каждого человека наступает смерть – это закон жизни. Картина уничтожения гуся лисой и рас-

правы охотника над лисой рождаются в сознании лирического героя, и, таким образом, автор подчеркивает, что причина суждений и переживаний не в первоначальной действительности, а во вновь созданной вторичной реальности [Заидуллина, с. 209].

Таким образом, итерация фольклорных образов в гражданской лирике Р. Хариса становится основой нового типа художественного стиля. С одной стороны, фольклорные образы-символы выступают в роли хранителя и возмутителя национальных традиций в творчестве поэта. С другой стороны, в гражданской лирике они способствуют двух- или трехуровневой организации поэтического текста, играя роль подтекста, и обеспечивают «двойное прочтение». Кроме того, обращение к фольклорным образам-символам дает возможность перешагнуть идеологический схематизм советской эпохи: использование «народной» символики и трансформация ее номинативного поля расширяет, углубляет и философский, и смысловой диапазон произведений. Раскрывая их внутренний смысл, пробуждая неожиданные поэтические ассоциации, поэт старается глубже проникнуть в духовный мир человека, татарского народа, «стенографически» зафиксировать для будущих поколений дух своего времени. Так поэт обогащает гражданскую лирику философскими мотивами и трансформирует ее в рамках неклассической парадигмы.

Список литературы

- Заидуллина Д. Ф. Татарская поэзия рубежа XX–XXI веков (1986–2015 г.г.): эстетические ориентиры и художественные поиски. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 268 с.
- Хасанова Ф. Ф. Поэзия Рената Хариса как художественная система // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 2 (32). С. 277–280.
- Хасанова Ф. Ф. Поэзия Рената Хариса: монография. Казань: Школа, 2005. 260 с.
- Юсупова Н. М. Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века. Казань: Ихлас, 2018. 311 с.
- Ахунов Г. Тамырлар // Шәһри Казан. 1991. 12 июль.
- Галиуллин Т. Н. Еллар юлга чакыра. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 142 б.
- Заидуллина Д. Ф. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш майданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.
- Харис Р. Сайланма әсәрләр: 7 томда. Т. 1: шигърьләр (1960–1980). Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 511 б.
- Хәсәнова Ф. Ф. Ренат Харис шигърияте // Казан утлары. 2000. № 5. Б. 155–170.

Юзиев Н. Г. Хәзерге татар поэтикасы (Поэзия теориясенә кереш). Казан: Тат. кит. нәшр., 1973. 351 б.

References

Akhunov, G. (1991). *Tamyrlar* [Roots]. Shähri Kazan. 12 iiul'. (In Tatar)

Galiullin, T. N. (1975). *Ellar iulga chakyr* [Years Call for a Journey]. 142 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Iusupova, N. M. (2018). *Sistema obrazov-simvolov v tatarskoi poezii pervoi poloviny XX veka* [The System of Images-Symbols in Tatar Poetry of the First Half of the 20th Century]. 311 p. Kazan', Ikhlas. (In Russian)

Iuziev, N. G. (1973). *Khәzerge tatar poetikasy (Poeziia teoriiasenә keresh)* [Modern Tatar Poetics (Introduction to the Theory of Poetry)]. 351 p. Kazan, Tat.kit.nәshr. (In Tatar)

Kharis, R. (2006). *Sailanma әsәrlәr: 7 tomда* [Selected Works: In 7 Volumes]. Т. 1: shigyrlәr (1960–1980). 511 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Khasanova, F. F. (2013). *Poeziia Renata Kharisa kak khudozhestvennaya sistema* [Poetry by Renat Haris as an Artistic System]. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*. No. 2 (32), pp. 277–280. (In Russian)

Khasanova, F. F. (2005). *Poeziia Renata Kharisa: monografiia* [Poetry by Renat Harris: A Monograph]. 260 p. Kazan', izd-vo "Shkola". (In Russian)

Khәsәnova, F. F. (2000). *Renat Kharis shig'riiate* [Poetry by Renat Harris]. *Kazan utlary*. No. 5, pp. 155–170. (In Tatar)

Zagidullina, D. F. (2017). *Tatarskaia poeziia rubezha XX–XXI vekov (1986–2015 g.g.): esteticheskie orientiry i khudozhestvennye poiski* [Tatar Poetry at the Turn of the XX-XXI Centuries (1986–2015): Aesthetic Guidelines and Artistic Searches]. 268 p. Kazan', izd-vo Akademii nauk RT. (In Russian)

Zahidullina, D. F. (2015). *1960–1980 ellar tatar әdәbiiaty: iaңarysh мәidannary һәм avangard ezlәnylәр* [Tatar Literature in 1960–1980: Renaissance Areas and Vanguard Explorations]. 383 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Yusupova Nurfiya Marsova,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

Гайнуллина Гульфия Расыловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfiarasilevna@mail.ru

Gainullina Gul'fiya Rasilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfiarasilevna@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-239-245
УДК 371.01

МЕТАПРЕДМЕТНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И ОЦЕНКА УРОВНЯ ИХ СФОРМИРОВАННОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ

© Гульнара Гуторова

METASUBJECT COMPETENCIES AND ASSESSMENT OF THEIR DEVELOPMENT LEVEL IN SECONDARY SCHOOL STUDENTS

Gulnara Gutorova

Metasubject competencies are the invariant basis of the educational process aimed at all round development of the student's personality and their effective activity in various spheres of life. Metasubject competencies help students to successfully acquire new knowledge and skills, as well as to master new methods of the metasubject cognitive activity. However, there is no singular universal definition of the concept "metasubject competences" either in the Federal State Educational Standards, or in Pedagogy. Based on the analysis of the existing approaches to the content of this concept, the author of the article suggests her own definition. Metasubject competencies are integrative skills of students enabling them to use subject and metasubject knowledge, methods of the metasubject cognitive activity and universal educational actions in one or several subject areas, as well as in real life situations.

The article defines the methods for assessing the level of the metasubject competence development in secondary school students. The level of the metasubject competence development in 7th grade students was studied by using specially designed tasks. The article reports the findings of the research and formulates pedagogical conditions for the metasubject competence development in secondary schools.

Keywords: metasubject competencies, types of metasubject knowledge, methods of metasubject cognitive activity, universal educational actions, metasubject content.

Метапредметные компетенции являются основой образовательного процесса, направленного на целостное всестороннее развитие личности обучающегося и его дальнейшую эффективную деятельность в различных сферах человеческой жизни. Они обеспечивают обучающимся успешное усвоение новых знаний-умений-навыков, включая овладение новыми способами метапредметной познавательной деятельности. Тем не менее в Федеральных государственных образовательных стандартах и педагогической науке до сих пор нет единого подхода к трактовке понятия «метапредметные компетенции». Автором статьи проведен анализ существующих подходов к содержанию данного понятия, на этой основе сформулировано собственное определение. Метапредметные компетенции представляют собой интегративные умения обучающегося применять предметные и метапредметные знания, способы метапредметной познавательной деятельности и универсальные учебные действия в одной или в нескольких предметных областях, а также в реальных жизненных ситуациях.

Автором статьи определены способы оценки уровня сформированности метапредметных компетенций у обучающихся основной школы. На основе специально разработанных заданий проведено исследование уровня их сформированности у учеников 7-х классов. В статье представлены полученные результаты и сформулированы педагогические условия для формирования метапредметных компетенций в основной школе.

Ключевые слова: метапредметные компетенции, виды метапредметных знаний, способы метапредметной познавательной деятельности, универсальные учебные действия, надпредметные знания.

Введение

Стратегической целью образовательной политики Российской Федерации является обеспечение высокого качества образования, соответ-

ствие образовательных стандартов перспективным и актуальным потребностям личности, общества и государства. Сегодня миссия отечественной системы образования состоит не столько в ус-

воени предметных знаний-умений-навыков, сколько в формировании у обучающихся потребности познавать, умений применять полученные знания на практике. Целостное развитие личности обучающегося обеспечивается, в первую очередь, через формирование у него метапредметных компетенций [Ялалов, 2004, Этнодидактика как технология.....]. Овладение обучающимися метапредметными знаниями и компетенциями создает необходимую основу для самостоятельного усвоения новых знаний и способов учебно-познавательной деятельности. Содержание школьного образования направлено на реализацию метапредметного подхода, ориентированного на расширение предметных знаний, формирование у обучающихся навыков применения школьных знаний в различных жизненных ситуациях [Ялалов, 2004, Этнодидактический подход...].

Однако в действующих Федеральных государственных образовательных стандартах определение понятия «метапредметные компетенции» не прописано, а в педагогической науке и образовательной практике до сих пор нет единого подхода к пониманию сущности метапредметного подхода и способов его реализации.

Обзор научных подходов

Жак Делор, будучи президентом Международной комиссии ЮНЕСКО по проблемам образования в XXI веке, в своем знаменитом докладе «Образование: сокрытое сокровище» выделил четыре принципа, на которых строится образование в быстроменяющемся мире: научиться быть; научиться делать; научиться познавать; научиться жить вместе [Образование: сокрытое сокровище, с. 13]. При осмыслении содержания глаголов, обозначающих действия: *познавать, делать, быть, жить вместе*, можно заметить, что они не связаны напрямую с учебными предметами, а относятся к разряду метапредметных компетенций человека [Ялалов, 2005].

По мнению А. В. Хуторского, содержание метапредмета объединяется вокруг нескольких фундаментальных понятий, таких как «Звук», «Знак», «Число», «Слово», «Жизнь», «Мир», «Вода» и т. п., «которые хотя и принадлежат определенной науке или учебному предмету, но выводят человека за его рамки к неким первоединым основам» [Хуторской, с. 37]. Он считает, что метапредметность реализуется в процессе деятельности ученика как особое содержание образования.

Представители научной школы Н. В. Громыко, говоря о «метапредметном содержании», выделяют отдельные надпредметные дисциплины,

обособленные от конкретных школьных предметов [Громыко Н.В.].

Основатели деятельностной педагогики (П. Я. Гальперин, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев) под метапредметом подразумевают содержание, которое надстраивается над предметным [Гальперин], [Выготский]. Так же, как и сторонники мыслительностной педагогики (Ю. В. Громыко, А. В. Боровских, Н. Х. Розов), вместо приставки *мета* они пользуются приставкой *над* и, соответственно, выходят на термин «надпредметность» [Громыко Ю.В.], [Боровских, Розов].

Проанализировав подходы к трактовке понятия «метапредметные компетенции» таких авторов, как М. Д. Даммер, Е. А. Яровая, В. И. Колмакова, Б. А. Крузе и Е. В. Еремеева, Е. В. Гелясина, М. М. Поташник, мы сформулировали собственное определение данного понятия [Гуторова]. По нашему мнению, метапредметные компетенции представляют собой совокупность интегративных умений обучающегося применять предметные и метапредметные знания, способы метапредметной познавательной деятельности и универсальные учебные действия в одной или в нескольких предметных областях, а также в реальных жизненных ситуациях.

Для целостного понимания смысла приведенного выше определения раскроем сущность содержащихся в них понятий.

Виды метапредметных знаний

Необходимо иметь, в первую очередь, ясное представление о видах знаний. Мы исходим из общепринятой классификации знаний, накопленных человечеством. По своим функциям все знания условно можно разделить на четыре вида.

К первому виду относятся *предметные знания*, это фактологические знания о предметах, понятиях и законах, которые формируют общую картину мира, представления о себе.

Остальные три вида знаний относятся к разряду *метапредметных знаний*. Ко второму виду знаний относятся *процессуальные знания* о способах познавательной, образовательной и исследовательской деятельности, нацеленной на приобретение новых знаний, умений и компетенций.

Третий вид знаний – это обобщенные *надпредметные знания* более высокого уровня абстракции, если сравнивать их с предметными знаниями, связанными с какой-либо конкретной предметной областью. Например, понятие «информатика» по своей сути относится к разряду надпредметных знаний, так как сама наука информатика представляет собой результат сочетания знаний, содержащихся в двух предметных областях – информатике и математике (см.

рис. 1). Поэтому в изучении информатики дидактическим условием усвоения надпредметных знаний является сочетание знаний и умений как минимум из двух предметов [Ялалов, 2015].

Рис. 1. Метапредметные знания

Четвертый вид знаний представляет собой ценностные знания общественного сознания, такие как *оценочные знания*, определяющие человеческие взаимоотношения с окружающей средой и другими людьми, и *рефлексивные знания*, направленные на осознание собственного «Я».

При таком подходе содержание учебного предмета можно представить как результат сочетания предметных знаний 1-го вида и метапредметных знаний 2-го, 3-го и 4-го видов.

В рамках рассмотренной классификации в соответствии с требованиями ФГОС общего образования метапредметные знания представляют собой сочетание:

- способов метапредметной познавательной деятельности (знания 2-го вида);
- надпредметных знаний, состоящих из межпредметных понятий и обобщенных знаний надпредметного уровня (знания 3-го вида);
- универсальных учебных действий оценочного и рефлексивного характера, связанных с коммуникацией человека и осознанием собственного «Я» (знания 4-го вида).

К способам метапредметной познавательной деятельности относят учебно-познавательную, исследовательскую, изобретательскую деятельность. Метапредметная познавательная деятельность направлена на усвоение и генерирование новых фактологических, процессуальных, предметных и метапредметных знаний, на формиро-

вание у учащихся умений делать обобщения, формулировать выводы, проводить аналогию и устанавливать причинно-следственные связи между явлениями и фактами, структурировать информацию, выделять главное и т. п.

К надпредметным знаниям относятся, как было сказано выше, знания более высокого уровня абстракции по сравнению с предметными знаниями. Они включают в себя межпредметные понятия, связанные с несколькими предметными областями, и обобщенные знания надпредметного уровня (формальная логика, философия, общая и прикладная методология).

Универсальные учебные действия (УУД) – это «обобщенные действия, открывающие возможность широкой ориентации учащихся, – как в различных предметных областях, так и в строении самой учебной деятельности, включая осознание учащимися ее целевой направленности, ценностно-смысловых и операциональных характеристик» [Федотова, с. 716].

Результаты констатирующего эксперимента

Эмпирическое исследование, в котором приняли участие 264 ученика, проводилось в 2019 / 2020 учебном году среди учащихся седьмых классов на базе МБОУ «Лицей №35», МБОУ «Гимназия № 27 с татарским языком обучения» и МБОУ «Многопрофильная полилингвальная гимназия №180» г. Казани.

Метапредметные компетенции обучающихся оценивались с помощью специально разработанных заданий, как индивидуальных, так и групповых. При помощи индивидуальных заданий оценивались метапредметные знания и некоторые способы метапредметной познавательной деятельности. Групповые задания были направлены на оценивание в первую очередь коммуникативных УУД. В большей степени уровень сформированности метапредметных компетенций мы смогли оценить во время защиты учениками их итоговых проектов.

Уровень сформированности метапредметных компетенций у учащихся 7-х классов трех образовательных организаций по 10 показателям, соответствующим трем видам метапредметных знаний, представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Оценка уровня сформированности метапредметных компетенций учеников 7-х классов
(количество испытуемых – 264 ученика)

Виды метапредметных знаний	Названия показателей (метапредметные компетенции)	№ показателя	Единица измерения	Распределение учащихся по уровням						Уровень сформированности метапредметных компетенций по 5-балльной шкале	
				низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий	Итого		
Способы метапредметной познавательной деятельности (2-й вид знаний)	Умение структурировать разрозненную информацию, выделять главное, ранжировать по значимости	1	чел	0	66	89	86	23	264	3,250	3,102
			%	0	25,00	33,71	32,58	8,71	100		
	Умение классифицировать предметы, явления и факты по разным основаниям	2	чел	1	71	84	88	20	264	3,208	
			%	0,38	26,89	31,82	33,33	7,58	100		
	Умение выстраивать дедуктивные и индуктивные суждения	3	чел	1	86	95	69	13	264	3,027	
			%	0,38	32,58	35,98	26,14	4,92	100		
	Умение проводить аналогию, устанавливая причинно-следственные связи между явлениями и фактами	4	чел	0	83	105	65	11	264	3,015	
			%	0	31,44	39,77	24,62	4,17	100		
	Умение делать обобщения, умозаключения, формулировать выводы	5	чел	0	83	105	66	10	264	3,011	
			%	0,00	31,44	39,77	25,00	3,79	100		
Надпредметные знания (3-й вид знаний)	Владение межпредметными понятиями	6	чел	3	66	95	78	22	264	3,189	3,176
			%	1,14	25,00	35,98	29,55	8,33	100		
	Владение обобщенными знаниями надпредметного уровня	7	чел	0	69	101	76	18	264	3,163	
			%	0	26,14	38,26	28,79	6,82	100		
Универсальные учебные действия (4-й вид знаний)	Когнитивные и рефлексивные умения	8	чел	0	68	99	80	17	264	3,174	3,077
			%	0	25,76	37,50	30,30	6,44	100		
	Регулятивные и	9	чел	0	92	105	58	8	263	2,932	

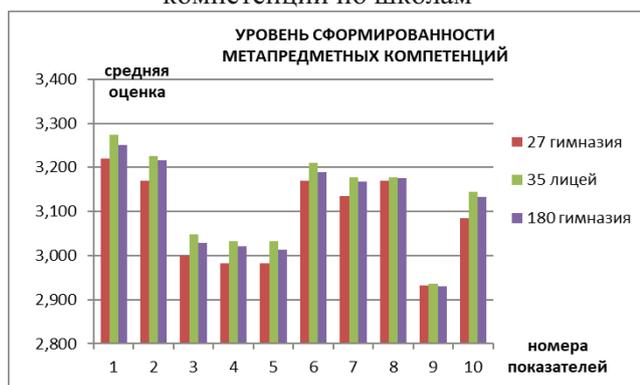
	оценочные умения		%	0	34,98	39,92	22,05	3,04	100		
	Коммуникативные умения	10	чел	0	69	104	80	11	264	3,125	
			%	0	26,14	39,39	30,30	4,17	100		
В среднем			%	0,19	28,54	37,21	28,27	5,80		3,109	

Уровень сформированности метапредметных компетенций оценивался нами на основе 10 показателей по 5-бальной шкале, где 5 баллов соответствует высокому уровню, 4 балла – уровню «выше среднего», 3 балла – среднему уровню, 2 балла – уровню «ниже среднего», а 1 балл – низкому уровню сформированности метапредметных компетенций.

Уровень сформированности метапредметных компетенций у обучающихся по отдельным школам наглядно продемонстрирован на графике 1.

График 1.

Уровень сформированности метапредметных компетенций по школам

Обсуждение полученных результатов

Как видно из графика, показатели у учеников 180-й гимназии чуть выше показателей учеников 27-й гимназии, но ниже, чем у учеников 35-го лицея. Это объясняется особенностями контингента обучающихся в данных образовательных учреждениях. График наглядно показывает, что уровень сформированности метапредметных компетенций по разным показателям в трех школах примерно одинаковый, что говорит об однородности учебно-познавательного уровня обучающихся.

Самый низкий балл среди выделенных нами показателей обучающиеся получили по показателю «регулятивные и оценочные умения» – 2,932 балла, а также по такому показателю, как «умение делать обобщения, умозаключения, формулировать выводы» – 3,011 балла. Многие ученики испытывали также трудности при проведении аналогий, установлении причинно-следственных связей между явлениями и фактами (3,015 балла) и при выстраивании дедуктив-

ных и индуктивных суждений (3,027 балла). Невысоким оказался также уровень сформированности коммуникативных умений (3,125 балла).

Согласно результатам исследования в среднем 0,19% учащихся 7-х классов имеют низкий уровень сформированности метапредметных компетенций, 28,54% – ниже среднего, 37,21% – средний, 28,27% – выше среднего, 5,80% – высокий уровень. Полученные результаты указывают на то, что уровень сформированности метапредметных компетенций у обучающихся основной школы довольно низкий (средний балл – 3,109).

На основе анализа результатов констатирующего эксперимента мы пришли к необходимости создания педагогических условий, направленных на развитие метапредметных компетенций у обучающихся основной школы. Считаем, что педагогические условия должны основываться на положениях компетентностного, личностно-ориентированного, системно-деятельностного и интегративного подходов.

При отборе педагогических условий мы учитывали требования ФГОС, особенности организации дидактического процесса формирования метапредметных компетенций у обучающихся основной школы, а также психологические особенности детей подросткового возраста. На этой основе нами были выделены три группы педагогических условий, направленных на:

- создание благоприятного эмоционально-психологического климата;
- вовлечение учеников в совместное решение учебно-познавательных задач;
- учет возрастных психологических особенностей детей подросткового возраста.

Первая группа педагогических условий связана с тем, что благоприятный эмоционально-психологический климат помогает создать дружественную и доброжелательную обстановку в школьном коллективе, способствуя тем самым более активному и успешному взаимодействию между субъектами учебного процесса, направленного на их личностное и когнитивное развитие [Позднякова, с. 206].

Вторая группа педагогических условий основывается на совместном решении учебно-познавательных задач коммуникативного, регулятивного и познавательного характера в условиях учебного сотрудничества обучающихся с учителем и другими школьниками. Это происхо-

дит в ходе выполнения комплекса различных типов и видов заданий, направленных на развитие метапредметных компетенций у обучающихся, которые отвечают принципам системности, постепенности усложнения содержания заданий, соответствия содержания заданий требованиям ФГОС.

Третья группа педагогических условий определяется необходимостью учета возрастных психологических особенностей детей подросткового возраста, потому что в этом возрасте происходит формирование самосознания личности, что коренным образом меняет характер и форму учебно-познавательной деятельности. При этом учитываются кризисные факторы перехода из начальной школы в основную, требующие проявления детьми осознанности и самостоятельности в учебной деятельности, необходимости решения ими задачи предварительного самоопределения в профессиональном плане, связанного с выбором профиля обучения и построением индивидуальной образовательной траектории [Формирование универсальных учебных действий...].

Выводы

По результатам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Сформированность метапредметных компетенций у значительной части обучающихся в основной школе находится на низком уровне.
2. Низкий уровень сформированности метапредметных компетенций у обучающихся является следствием недостаточного внимания к данной проблеме со стороны учителей и руководителей образовательных учреждений, органов управления образованием.
3. Метапредметные компетенции не могут быть сформированы у обучающихся стихийным образом без целенаправленной работы, специального дидактического, учебно-методического обеспечения, системы оценки и контроля уровня сформированности метапредметных компетенций у обучающихся, создания для этого соответствующих педагогических условий.

Список литературы

- Асмолов А. Г., Бурменская Г. В., Володарская И. А., и др. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2010. 159 с. : ил.
- Боровских А. В., Розов Н. Х. Надпредметное содержание школьного образования // Педагогика. 2014. № 1. С. 3–14.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М: Педагогика: Изд-во МГУ, 1999. 352 с.

Гальперин П. Я. Поэтапное формирование умственной деятельности. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1965. 51 с.

Громыко Н. В. Метапредмет «Знание». (Учебное пособие). М.: Пушкинский институт, 2001. 544 с.

Громыко Ю. В. Мыследеятельностная педагогика. М.: Институт учебника «Paideia», 1998. URL: <http://nii.smdp.ru/39-biblioteka/198-yuvvgromyko-mysledeyatelnostnaya-pedagogika-1998-fragmenty?showall=1&limitstart> (дата обращения: 24.01.2021).

Гуторова Г. Д. Сущность и содержание метапредметного подхода в педагогической науке и ФГОС // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2020. № 5(33). С. 41–50. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44095106_47257058.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Образование: сокрытое сокровище. Основные положения Доклада Международной комиссии по образованию для XXI века. М.: Юнеско, 1996. 31 с.

Позднякова Е. П. Модель развития метапредметных компетенций у младших школьников посредством интерактивных технологий // Мир науки, культуры, образования. 2010. №4 (23). С. 205–206.

Федотова А. В. Роль универсальных учебных действий в системе современного общего образования // Молодой ученый. 2016. №1. С. 716–719.

Хуторской А. В. Метапредметное содержание в стандартах нового поколения // Школьные технологии. 2012. №4. С. 36–47.

Ялалов Ф. Г. Профессиональная многомерность: многомерные компетенции // Филология и культура. 2015. №2(40). С. 326–329. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23503485_23236825.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

Ялалов Ф. Г. Этнодидактика как технология практико-ориентированного обучения / Alma mater (Вестник высшей школы). 2004. №2. С. 45–47.

Ялалов Ф. Г. Этнодидактика народов России – исследовательский проект ЮНЕСКО // Успехи современного естествознания. 2005. №5. С. 91–92.

Ялалов Ф. Г. Этнодидактический подход к проектированию содержания национального образования / Alma mater (Вестник высшей школы). 2004. №7. С. 51–52.

References

- Asmolov, A. G., Burmenskaia, G. V., Volodarskaia, I. A., et al. (2010). *Formirovanie universal'nykh uchebnykh deistvii v osnovnoi shkole: ot deistvii k mysli. Sistema zadani: posobie dlia uchitelia* [Formation of Universal Educational Actions in Basic School: From Action to Thought. The System of Tasks: A Guide for the Teacher]. Ed. A. G. Asmolov. 159 p. Moscow, Prosveshhenie. (In Russian)
- Borovskih, A. V., Rozov, N. H. (2014). *Nadpredmetnoe sodержanie shkol'nogo obrazovaniia* [Over-Disciplinary Content of School Education]. Pedagogy. No.1, pp. 3–14. (In Russian)
- Fedotova, A. V. (2016). *Rol' universal'nyh uchebnykh deistvii v sisteme sovremennogo obshhego obrazovaniia*

[The Role of Universal Educational Actions in the System of Modern General Education]. *Molodoi uchenyi*. No.1, pp. 716–719. (In Russian)

Galperin, P. Ya. (1965). *Poetapnoe formirovanie umstvennoi deiatel'nosti*. [Phased Formation of Mental Activity]. 51 p. Moscow, Lomonosov Moscow State University. (In Russian)

Gromyko, N. V. (2001). *Metapredmet "Znanie" (Uchebnoe posobie)* [Meta-subject "Knowledge" (A Tutorial)]. 544 p. Moscow, Pushkin Institute. (In Russian)

Gromyko, Yu. V. (1998). *Mysledeiatel'nostnaya pedagogika* [Thought Activity Pedagogy]. Moscow, Institut uchebnika "Paideia". URL: <http://nii.smdp.ru/39-biblioteka/198-yuvgromyko-mysledeyatelnostnaya-pedagogika-1998-fragmenty?showall=1&limitstart> (accessed: 24.01.2021). (In Russian)

Gutorova, G. D. (2020). *Sushchnost' i sodержanie metapredmetnogo podkhoda v pedagogicheskoi nauke i FGOS* [Meta-Subject Approach in Pedagogical Science and Federal State Educational Standards]. *Pedagogical Review*. No. 5 (33), pp. 41–50. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44095106_47257058.pdf (accessed: 28.02.2021). (In Russian)

Ialalov, F. G. (2004). *Etnodidaktika kak tekhnologiya praktiko-orientirovannogo obucheniia* [Ethnodidactics as a Technology of Practice-Oriented Education]. *Alma mater (Bulletin of the higher school)*. No. 2, pp. 45–47. (In Russian)

Ialalov, F. G. (2005). *Etnodidaktika narodov Rossii – issledovatel'skii projekt IuNESKO* [Russian Peoples' Ethnodidactics – a UNESCO Research Project]. *Uspekhi*

sovremennogo yestestvoznaniia. No. 5, pp. 91–92. (In Russian)

Ialalov, F. G. (2004). *Etnodidakticheski podkhod k proektirovaniu sodержaniia natsional'nogo obrazovaniia* [Ethno-Didactic Approach to the Design of the Content of National Education]. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. No. 7, pp. 51–52. (In Russian)

Ialalov, F. G. (2015). *Professional'naiia mnogomernost': mnogomernye kompetentsii* [Professional Multidimensionality: Multidimensional Competences]. *Philology and Culture*. No. 2 (40), pp. 326–329. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23503485_23236825.pdf (accessed: 20.01.2021). (In Russian)

Khutorskoi, A. V. (2012). *Metapredmetnoe sodержanie v standartakh novogo pokoleniia* [Metasubject Content in New Generation Standards]. *Shkol'nye tekhnologii*. No. 4, pp. 36–47. (In Russian)

Pozdniakova, E. P. (2010). *Model' razvitiia metapredmetnykh kompetentsii u mladshih shkol'nikov posredstvom interaktivnykh tekhnologii* [Model of Development of Meta-Subject Competences in Junior Schoolchildren by Means of Interactive Technologies]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. No. 4 (23), pp. 205–206. (In Russian)

Report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century (Learning: The Treasure Within). (1996). UNESCO Publication. 46 p. (In English)

Vygotskii, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. 352 p. Moscow, Pedagogika, Publishing House of MSU. (In Russian)

The article was submitted on 20.05.2021

Поступила в редакцию 20.05.2021

Гуторова Гульнара Даминжановна,
научный сотрудник,
Институт татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ,

420015, Россия, Казань,
Пушкина, 56.

аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulnara_shaes@mail.ru

Gutorova Gulnara Daminzhanovna,
Scientific Researcher,
The Institute of the Tatar Encyclopedia and
Regional Studies of Tatarstan Academy
of Sciences,
56 Pushkin Str.,
Kazan, 420015, Russian Federation.
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulnara_shaes@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-246-251
УДК 372.882

СВОЕОБРАЗИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭМЫ РЕНАТА ХАРИСА «ЛЮБОВНЫЕ СНЫ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

© Гелюся Каюмова, Ляйля Мингазова

SPECIFIC FEATURES OF STUDYING RENAT KHARIS'S POEM "GABDULLA TUKAY'S LOVE DREAMS" IN SCHOOL LITERATURE LESSONS

Gelyusya Kayumova, Liailia Mingazova

The work of GabdullaTukay as a multifaceted, brilliant personality, significant in the history of the Tatar nation, is included in the mandatory minimum of the Tatar literature curriculum. In the lessons, much attention is paid to the study of his verses and poems, while his personal qualities, the joys and sorrows of his life remain outside the scope of the students' attention. Eight formers of Tatar groups have the opportunity to get to know Tukay not only as a poet, but also as a Person while studying the dramatic poem "GabdullaTukay's Love Dreams" by Renat Haris. The success of the study of this poem depends on the teacher's creative approach to planning this lesson, as well as on the quality of the material and assignments for students by the authors of the textbook.

The article suggests using the presentation as a means of a short visual excursion into G. Tukay's childhood and the events that found a deep emotional response in the soul of the future poet in the lesson devoted to the poem. When constructing a conversation, based on the questions from the textbook, we propose to refer to additional fictional (lyrical) literature and present the results as a cluster. The study of the poem's mythological images presupposes the use of comparative methods of research in the classroom.

Keywords: Gabdulla Tukay, Renat Haris, textbook, dramatic poem, "Gabdulla Tukay's Love Dreams", problem analysis.

Творчество Габдуллы Тукая как личности многогранной, гениальной, значимой в истории татарской нации входит в обязательный минимум программы по татарской литературе. Большое внимание на уроках уделяется изучению его стихотворений, поэм, а его личностные качества, радости и горести его бытия остаются вне предела внимания учащихся. Учащиеся татарских групп имеют возможность познакомиться с Тукаем не только как с поэтом, но и как с Человеком при изучении драматической поэмы Рената Хариса «Любовные сны Габдуллы Тукая» в 8 классе. Успешность изучения данной поэмы зависит от творческого подхода учителя к организации урока, а также от качественного изложения материала и заданий по произведению авторами учебников. Авторы статьи предлагают на уроке изучения поэмы использовать презентацию как средство краткого наглядного экскурса в детские годы Г. Тукая, на события, которые нашли глубокий эмоциональный отклик в душе будущего поэта. При построении беседы на основе вопросов из учебника предлагается обращение к дополнительной художественное (лирической) литературе, а результаты представить в виде кластера. Изучение мифологических образов в поэме предполагает обращение на уроке к сравнительно-сопоставительному методу исследования.

Ключевые слова: Габдулла Тукай, Ренат Харис, учебник, драматическая поэма, «Любовные сны Габдуллы Тукая», проблемный анализ.

Целью данной статьи является анализ учебника под редакцией Ф. Хасановой в аспекте изучения поэмы Рената Хариса «Любовные сны Габдуллы Тукая» и презентация дополнительных приемов, которые могли бы успешно использоваться при изучении данной поэмы.

В работе нами использованы описательный, сравнительно-исторический методы. В статье большое внимание уделяется методам школьного изучения художественных произведений. Наряду с традиционными методами преподавания литературы в школьной практике активно применяются интерактивные методы; анализ произ-

ведения проходит успешнее благодаря обращению к цифровым технологиям. В трудах Т. Н. Галиуллина [Галиуллин, 2006], [Галиуллин, 2011], Ф. Ф. Хасановой [Хасанова], А. Ф. Галимуллиной [Галимуллина], Л. М. Сафиной [Сафина], в 6 томе фундаментального труда «Татар әдәбияты тарихы» («История татарской литературы») [Татар әдәбияты тарихы] творчество Р. Хариса получает достаточно детальное, разноаспектное освещение.

Изучение трудов по методике преподавания татарской литературы (Д. Ф. Загидуллина), инновационным технологиям, внедряемым в школьное образование [Загидуллина, 2004], проблемного и герменевтического анализа художественного произведения [Крылов], [Кукарникова], [Кукушин], [Мокиенко] позволило автору статьи объективно оценить предложенный материал в учебнике [Татар әдәбияты. 8 сыйныф], а также предложить ряд методических рекомендаций для учителей татарского языка и литературы.

Введение. Изучение поэмы «Любовные сны Габдуллы Тукая» – обязательная часть программы согласно УМК Ф. Ф. Хасановой. Отметим, что как творчество Г. Тукая, так и творчество Р. Хариса (разумеется, в меньшем объеме, чем творчество Тукая) входят в программу родной (татарской) литературы в школе, и к 8 классу, когда по данному УМК изучается поэма «Любовные сны Габдуллы Тукая», уже представляются знакомыми для учащихся. Тем интереснее учащимся заниматься исследованием особенностей диалога поэмы Рената Хариса и литературы начала XX века. Отметим, что Р. Харис имеет опыт мастерского владения художественным временем и пространством. В поэме «Кляввенная чаша» лирический герой проникает в глубинные слои истории русского и татарского народов. С этой точки зрения «перемещения» лирического героя в поэме «Любовные сны Габдуллы Тукая» не столь отдаленные, однако не менее глубоконазначные. Р. Харис приглашает читателя вслед за собой переместиться во временном пространстве на год назад и поразмышлять о судьбе татарского народа, о роли Тукая в жизни нации, о проблеме любви. Авторы учебников приглашают к этому обсуждению учащихся 8 классов, целесообразность чего мы не можем оспаривать: учащиеся в данном возрасте имеют представление о национальных, культурных ценностях, знакомы с историей родного края, народа; легко отзываются на приглашение к диалогу о любви.

Постановка проблемы. Мы согласны и с точкой зрения ученых, что, «ставя на первое место рассмотрение художественного произведе-

ния в его неповторимо-индивидуальной целостности, нельзя забывать и о широком культурно-историческом контексте, позволяющем взглянуть на автора и его творение сквозь призму современной ему эпохи и шире – в переключке с предшествующими ему и последующими литературными эпохами» [Зинин], [Галимуллина, Меликетсян]. Поэма «Любовные сны Габдуллы Тукая» относится к позднему – третьему – этапу творчества Р. Хариса, который характеризуется углублением историзма, развитием эстетического идеала [Харисова, с. 279]. Обращаясь к истории, к биографии Тукая, автор защищает нравственные идеалы, идеи гуманизма, продвигает идею о том, что каждый народ и тем более талантливый сын – символ своей нации – заслуживают трепетного внимания. Глубокий смысл произведения требует тщательного подбора методов и приемов работы. Задача учителя – построить урок таким образом, чтобы учащиеся смогли понять всю глубину замысла поэмы Р. Хариса. Сравнительно простой событийный сюжет переплетается с лирическими отступлениями автора, вмешательством в ход сюжета высших сил, все это помогает более полно раскрыть замысел. Раскрыть значение каждой детали – задача уроков литературы по изучению поэмы.

Результаты исследования. На уроках по изучению творчества Габдуллы Тукая учащимся чаще всего даются сведения о его поистине трагическом детстве; образ старушки Шарифе, заставляющей стоять ребенка на морозе, потому что «сироты живучи, ничего не случится», входит в картину мира татар, наверное, не меньшим злодеем, чем предатель Шахгали. Отголоски горького детства преследуют и взрослого Тукая, оказывая в определенной степени влияние и на личную жизнь поэта. Программа не предусматривает изучение данных аспектов жизни Тукая, но учащиеся могут получить информацию из дополнительных источников о том, что Тукай очень стеснялся своей внешности, несколько специфичной из-за перенесенного в детстве заболевания глаз. Следует отметить, что подростки, учащиеся 8 класса, весьма трепетно относятся к нежно-интимным темам, и предложение изучать любовную историю Тукая и Зайтуны в интерпретации Рената Хариса именно в 8 классе имеет актуальное звучание. Нам представляется целесообразным начать урок с просмотра презентации, которая будет акцентировать внимание на значимых событиях в жизни Тукая. Можно подготовить следующие слайды: вид деревни Кушлавич; знаменитый рисунок-графика, где маленький босоногий Тукай стоит возле закры-

тых дверей; арба, на которой увозят маленького Апуша, чтобы потом отдать кому-либо на базаре; изображение г. Уральска; названия и изображения газет, с которыми сотрудничал Тукай; вдруг на слайде появляются строки «Кайдан алышн шигъре шагыйрь, булмаса илхамчысы», на следующем слайде можно уже показать и фотографии Зайтуны. Таким образом, перед учащимися одновременно пролистываются страницы нелегкой судьбы Тукая и как яркое пятно на ней – согревающая и трагическая любовь. Учащиеся чувствуют интерес к уроку и готовятся к активному чтению и обсуждению поэмы. Как нам кажется, лучшей организацией изучения поэмы является выразительное чтение и обсуждение прочитанного.

Анализ учебника Ф. Ф. Хасановой показывает, что в основу работы над драматической поэмой «Любовные сны Габдуллы Тукая» положен герменевтический подход, то есть упор делается не на рациональное, научное познание произведения, а изучение на основе творческой интуиции. Рассмотрим основные вопросы, работа над которыми предложена Ф. Ф. Хасановой:

– Объясните значение фразы «Татарның һәр соравына үз Тукае жавап бирә» (на каждый вопрос татарина отвечает собственный Тукай). Какими качествам обладает ваш Тукай? [Татар әдәбияты, с. 167].

Изначально можно поинтересоваться у учащихся, что значит Тукай для татар, какова его роль в татарской истории, культуре, жизни вообще, меняется ли интерпретация символического образа Тукая при смене эпох. Для этого возможно обратиться сначала к образу Тукая в стихотворениях современников поэта, а затем – к современной поэзии. Например, в стихотворении Ш. Бабича образ Тукая интерпретируется при помощи слов-символов *луч, луна, источник света в кромешной тьме*:

«Дөньяда бик аз булыр чын шагыйрь
Габдулладай,

Ул – караңгы төндә яктырткан матур, ак,
тулган ай

Күп китапларның арасында аның китаплары –

Ап-ачык нурлар чәчеп, күренеп тора һәр яклары»
[Рәмиев, Бабич, с. 165] (здесь и далее курсив наш. – Г. К., Л. М.).

Если обратиться к современной поэзии, то на первый план выходит символический образ заходящегося в кашле Тукая:

«Башкаланың татар бистэләре

Чумып бара заман тузанына.

Тукай үпкәсенәң өянгә

Шул тузанны сулап кузгалыр да

Бер ютәлләр, ишеп диварларын» (Ф. Гилязов)
[Гыйләжев, с. 36].

Таким образом, учащиеся видят, что в начале XX века образ Тукая восходит к образу света и даже пророка, так как луч, свет луны в татарской культуре всегда были атрибутом пророчества. В XXI веке же настрой поэтов пессимистичен; культура, литература, национальное самосознание понимается поэтами как нечто погребенное под толстым слоем пыли равнодушия и бесправия. Единственная сила, способная противостоять такой пыли, – болезненный кашель поэта. А с чем ассоциируется Тукай у учащихся? Это очень серьезный, важный вопрос с точки зрения раскрытия воспитательного потенциала урока. Учитель разделяет доску на три части. В первой части – изображение солнца, яркого сада. Этот свет, эта отдушина – символизированный образ Тукая в глазах современника. Далее – больной мужчина, задыхающийся в кашле, но необходимо подобрать такое изображение, чтобы этот портрет вселял уверенность во внутренние, душевные силы больного. Прежде чем заполнить третью часть таблицы, учащимся необходимо составить кластер в двух направлениях: с ключевыми словами «Тукай – болезнь и мощь», «Тукай – свет». Почему в обществе поэтов начала XX века и начала XXI века сложились такие ассоциации? Учащиеся свои идеи выдвигают в виде кластера. Например, в первом кластере от ключевого слова могут отходить в виде лучей слова «расцвет литературы», «национальные СМИ», «поэзия», «просвещение», «надежда». Таким же образом заполняется второй кластер. Учащиеся понимают, что в каждом случае Тукай и судьба нации составляют единое целое, то есть их ответ на вопрос, чем для них является Тукай, будет зависеть от их оценки судьбы нации в настоящий момент. Каждый выражает свое видение, свое мнение, ожидаемыми ответами могут быть такие образы, как книга, фонарь, молитва и т. д. Таким образом, учащиеся приходят к выводу, что Тукай действительно может быть разным, и представляют собственное описание Тукая.

Далее можно представить, кем является Тукай для Рената Хариса. Именно над этим задумываются учащиеся при ответе на следующий вопрос:

– В этой поэме Тукай рассматривается Р. Харисом в трех позициях. Назовите их [Татар әдәбияты, с. 167].

При ответе на данный вопрос, учащиеся опираются на цитату из произведения:

Минем дә бар үз Тукаем!

Күңелемдә яши һаман
өч бөек нур эретмәсе:
шагыйрь, фәрештә, юламан [Там же, с. 144].

Далее учащиеся представляют характеристику Тукая как поэта, как ангела, как путеводителя-маяка татарской нации. Его первая характеристика – характеристика с позиции поэта не нуждается в отдельной интерпретации, учащиеся могут отметить, что и для современников поэта, и для последующих поколений Тукай является символом татарской поэзии, своего рода «татарским Пушкиным». Позиция «Тукай – ангел» требует особой интерпретации. Прогнозируемо, что учащиеся легко отметят, что ангел – это спаситель человека (ангел-хранитель), его особенностями являются приближенность к Богу, обладание сверхъестественными способностями, согласно мифологии ислама, они сотворены из света (нурдан яратылган), не обладают гендерной принадлежностью. На последнюю особенность обращают внимание и авторы учебника: «Согласно религиозной мифологии, у ангелов не бывает пола, они не создают семьи, не растят детей. По каким признакам Тукай приравнивается к ангелам?» [Там же, с. 167]. Косвенно этой деталью подчеркивается, что миссия Тукая на Земле равна божественной, ценности обычного человека для него не являются значимыми, первостепенными. Позиция Тукая – юламан – заключается в том, что эта личность указывает для каждого татарина благословенный для него путь. Учащиеся эту позицию как наиболее значимую понимают с первых строк поэмы:

Татар Тукайгасыена
Язмышьюл көткән саен.
Һәркем белән сөйләшәргә
Тукай таба рәтен-жаен [Там же, с. 144].

Учащиеся должны понять значение данного предложения: почему татары должны обращаться к Тукаю в тот момент, когда «Язмышлары юл көтә», то есть в поворотные моменты судьбы? Учащиеся отмечают, что именно в такие моменты решается судьба нации, народа, в эти моменты особенно опасно принятие неверного решения, а наша история показала, что таких страниц у нас достаточно. Позиция Тукая – юламан – столь многогранная, что невозможно ее осветить несколькими предложениями. Как правило, в классе бывает несколько филологически одаренных детей, развитие которых обеспечивается в том числе и участием в олимпиадах, ученических конференциях.

Обратимся еще к одному аспекту. В учебнике достаточное внимание уделяется мифологиче-

ской составляющей произведения. Например, учащимся предлагается ответить на такой вопрос:

– Можно ли сказать, что Газраил, который приходит к Тукаю, его любит и защищает? Какими качествами, не свойственными этому образу в интерпретации других писателей, обладает Газраил в поэме Р. Хариса? Почему он, изначально представленный как Ангел, превращается в Газраиля? Каков этот Газраил? А с какими образами Газраиля вы уже знакомы? Знакомы ли вы с произведением Т. Миннулина «Старик из деревни Альдермеш»? Сравните образы Газраиля в произведениях [Там же, с. 167].

При ответе на данный вопрос целесообразно также обратить внимание на работу с презентацией. В ней могут быть представлены отрывки из стихотворений Х. Такташа, где Газраил – ангел смерти, символизирует власть большевиков, изображения Газраиля из спектакля по драме Т. Миннулина «Старик из деревни Альдермеш», в котором Газраил проникается симпатией к Альдермешу и уже не воспринимается как источник зла. Затем учащиеся работают с образом ангела смерти в поэме Р. Хариса. Обращают внимание на трансформацию «ангел – Газраил»; предполагается, что учащиеся придут к пониманию глубоких по смыслу слов Газраиля, задумаются над причиной смерти Тукая: Газраил приходит не слишком рано потому, что пережитое Тукаем равноценно пережитому старику; его тело молодо, но душа и жизненный опыт не являются таковыми. Газраил здесь не является отрицательным героем, разрушающим все живое еще и потому, что не злорадствует, выполняя свою миссию. Наоборот, он подготавливает поэта к уходу в вечность, являясь сначала лишь во снах.

На заключительном этапе изучения поэмы мы рекомендуем предложить учащимся написать эссе на одну из тем: «Мой Тукай», «Судьба нации и судьба Тукая», «Тукай, не беги от своей музыки!» или другое по собственному выбору.

Заключение (выводы). Аналитический обзор школьного учебника по татарской литературе под редакцией Ф. Хасановой позволяет сделать следующие выводы:

1. Поэма «Любовные сны Габдуллы Тукая» изучается в 8 классе. Драматическая поэма представлена в учебнике не полностью, однако отражает основные идеи и художественные особенности произведения.

2. Вопросы и задания, предложенные авторами учебников, составлены методически грамотно, целесообразно, они не направлены на пересказ содержания поэмы, но способствуют рас-

крытию глубины образа Тукая. Тукай раскрывается в трех позициях: поэт, ангел, опора жизненного пути татарской нации.

3. Работа с заданиями по учебнику построена на принципах герменевтики. Значительное внимание уделяется работе на основе творческой интуиции. Нам представляется, что такая работа может эффективно дополняться приемами, относящимися к технологии развития критического мышления.

Изучение биографии и творчества Габдуллы Тукая дополняется новыми сведениями, фактами, методами работы при изучении драматической поэмы Р. Хариса «Любовные сны Габдуллы Тукая». Авторы учебника серьезно подходят к изучению данного произведения. Работа по его содержанию, поэтике произведения, а также, соответственно, и интеграция изучения творчества Р. Хариса с изучением творческого пути Г. Тукая позволяют учащимся развиваться творчески, учиться проблемному и герменевтическому анализу произведения. Для более полного анализа произведения рекомендуется обратить внимание на образ лирического героя-повествователя.

Список литературы

Галимуллина А. Ф. Рецепция поэзии Г. Р. Державина в творчестве современных поэтов Республики Татарстан // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 2 (32). С. 277–280.

Галимуллина А. Ф., Меликетсян В. Ю. Роль школьного учебника литературы при изучении рассказа В. Г. Распутина «Уроки французского» с использованием интерактивных методов обучения // Ценности и смыслы. 2018. № 5 (57) С. 176–188.

Зинин С. А. Внутрипредметные связи в изучении школьного историко-литературного курса. М.: Русское слово, 2004. 239 с.

Крылов В. Н. Теория и история русской литературной критики: учеб. пособие. Казань: Казан. ун-т, 2011. 124 с.

Кукарникова Е. Д. Интерпретация текста, смысл и понимание // Текст. Произведение. Читатель.: Материалы междунар. науч.-практич. конф. 3–4 июня 2012 года. Пенза – Казань – Решт: Социосфера, 2012. С. 6–8.

Мокиенко О. П. Герменевтический подход в обучении (на примере обучения литературе). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/germenevticheskiy-podhod-v-obuchenii-na-primere-obucheniya-literature> (дата обращения: 12.04.2021).

Отношение к модернизму и постмодернизму в татарском литературоведении. URL: https://studwood.ru/1423107/literatura/otnoshenie_k_modernizmu_i_postmodernizmu_v_tatarskom_literaturovedenii (дата обращения: 12.04.2021).

Сафина Л. М. Интертекстуальная диалогичность в поэзии Рината Хариса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 18 с.

Галиуллин Т. Акыл һәм хис берлеге шагыйре // Казан утлары. 2011. № 5. Б. 109–121.

Галиуллин Т. Бизмәндә – шигъри роман // Р. Харис Сайланма әсәрләр: 7 томда. 5 нче т.: драматик поэмалар, шигърь-роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Б. 271–287.

Гыйләҗев Ф. Ризасызлык: шигърьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. 127 б.

Зәһидуллина Д. Ф. Мәктәптә татар әдәбиятын укыту методикасы. Казан: Мәгариф, 2004. 367 б.

Нуруллин И. Габдулла Тукай. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 302 б.

Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. Казан: Мәгариф, 2005. 287 б.

Татар әдәбияты: рус телендә төп гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен туган тел буларак өйрәнүче укучылар өчен). 8 нче с-ф. Ике кисәктә. 1 нче кис. / Ф. Ф. Хәсәнова, Г. М. Сафиуллина, М. Я. Гарифуллина, Ә. Н. Сафиуллина. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2017. 175 б.

Татар әдәбияты тарихы: алты томда. 6 нчы т.: 60–90 еллар әдәбияты. Казан: Раннур, 2001. 543 б.

Хәсәнова Ф. Ренат Харис шигърияте. Казан: РИЦ «Школа», 2005. 260 б.

References

Galimullina, A. F. (2013). *Retseptsia poezii G. R. Derzhavina v tvorchestve sovremennykh poetov Respubliki Tatarstan* [Reception of G. R. Derzhavin's Poetry in the Works of Modern Poets in Tatarstan]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (32), pp. 277–280. (In Russian)

Galimullina, A. F., Meliketsian, V. Iu. (2018). *Rol' shkol'nogo uchebnika literatury pri izuchenii rasskaza V. G. Rasputina "Uroki frantsuzskogo" s ispol'zovaniem interaktivnykh metodov obucheniia* [The Role of School Literature Textbooks in Studying the Short Story "French Lessons" by V. G. Rasputin with the Use of Interactive Learning Methods]. *Tsennosti i smysly*. No. 5 (57), pp. 176–188. (In Russian)

Galiullin, T. (2011). *Akyl һәм хис берлеге шагыйре* [The Poet of Mind and Emotion]. *Kazan utlary*. No. 5, pp. 109–121. (In Tatar)

Galiullin, T. (2006). *Bizmәндә – шигъри роман* [We Have a Poetic Novel]. *R. Kharis Sailanma әсәрләр: 7 томда. 5 nche t.: dramatik poemalar, shigyr'-roman*. Pp. 271–287. *Kazan, Tatar. kit. nәshr*. (In Tatar)

Gыйләҗев, F. (2014). *Rizasyzlyk: shigyr'lar* [I Disagree: Poems]. 127 p. *Kazan, Tatar. kit. nәshr*. (In Tatar)

Khәsәnova, F. (2005). *Renat Kharis shigъriiate* [Poetry by Renat Harris]. 260 p. *Kazan, RITs "Shkola"*. (In Tatar)

Krylov, V. N. (2011). *Teoriia i istoriia russkoi literaturnoi kritiki: ucheb. posobie* [Theory and History of Russian Literary Criticism: A Textbook]. 124 p. *Kazan, Kazan. un-t*. (In Russian)

Kukarnikova, E. D. (2012). *Interpretatsiia teksta, smysl i ponimanie* [Interpretation of the Text, Meaning

and Understanding]. Tekst. Proizvedenie. Chitatel': Materialy mezhdunar. nauch.-praktich. konf. 3–4 iunia 2012 goda. Penza – Kazan' – Resht, Sotsiosfera, pp. 6–8. (In Russian)

Mokienko, O. P. *Germenevticheskii podkhod v obuchenii (na primere obucheniia literature)* [Hermeneutic Approach to Teaching (based on teaching literature)]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/germenevticheskii-podhod-v-obuchenii-na-primere-obucheniya-literature> (accessed: 12.04.2021). (In Russian)

Nurullin, I. (1979). *Gabdulla Tukai* [Gabdulla Tukay]. 302 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Otnoshenie k modernizmu i postmodernizmu v tatarskom literaturovedenii [The Attitude to Modernism and Postmodernism in Tatar Literary Criticism]. URL: https://studwood.ru/1423107/literatura/otnoshenie_k_modernizmu_i_postmodernizmu_v_tatarskom_literaturovedenii (accessed: 12.04.2021). (In Russian)

Rəmiyev, S. L., Babich Sh. M. (2005). *Əsərlər* [Works]. 287 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Safina, L. M. (2012). *Intertekstual'naia dialogichnost' v poezii Rinata Kharisa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*

[Intertextual Dialogicity in the Poetry of Rinat Haris: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 18 p. (In Russian)

Tatar ədəbiyatı tarikhy: alty tomda (2001) [History of Tatar Literature: In Six Volumes]. 6 nchy t.: 60–90 ellar ədəbiyatı. 543 p. Kazan, Rannur. (In Tatar)

Tatar ədəbiyatı: rus telendə töp gomumi belem biry oeshmalary öchen dāreslek (tatar telen tujan tel bularak öirənyche ukuchylar öchen) (2017) [Tatar Literature: A Textbook for Basic General Russian Education Institutions (for students who study Tatar as their native language)]. 8 nche s-f. Ike kisəktə. 1 nche kis. F. F. Khəsənova, G. M. Safiullina, M. Ia. Garifullina, Ə. N. Safiullina. 175 p. Kazan, Məgarif-Vakyt. (In Tatar)

Zahidullina, D. F. (2004). *Məktəptə tatar ədəbiyatın ukytu metodikasy* [Methods of Teaching Tatar Literature at School]. 367 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Zinin, S. A. (2004). *Vnutripredmetnye svyazi v izuchenii shkol'nogo istoriko-literaturnogo kursa* [Interdisciplinary Connections in the Study of the School History and Literary Course]. 239 p. Moscow, Russkoe slovo. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2021

Поступила в редакцию 15.05.2021

Каюмова Гелюся Фаридовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfar21@mail.ru

Мингазова Ляйля Ихсановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
a69@inbox.ru

Kayumova Gelyusya Faridovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfar21@mail.ru

Mingazova Liailia Ihsanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ila69@inbox.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-252-257
УДК 371.39

ШКАЛА ОЦЕНИВАНИЯ ДИЗАЙНА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ

© Алия Мифтахова

EVALUATION SCALE FOR THE DESIGN OF DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES FOR CHILDREN

Aliya Miftakhova

The use of digital resources in the learning process becomes a must for educators who strive to use most current instructional technologies and appeal to the needs and interests of young generations of learners.

Currently, teachers are faced with the choice of high-quality digital resources that could be implemented in the educational process, because the success of distance learning directly depends on this. This is especially true when it comes to digital tools for children. Unfortunately, not all educational materials, offered to young children, are developmentally appropriate, nor do they carry much educational value. Therefore, early childhood educators should have a tool that would provide them with a clear guidance on selecting and using the resources that would match their educational goals and benefit their learners' cognitive, psychological and physical development.

Based on the general principles of educational design and the study of Nielsen Norman Group Company, the research team has created an evaluation scale for assessing digital resources for children of preschool and primary school age. This scale enables educators to evaluate existing digital learning resources for young language learners in terms of content (various tasks for the formation and improvement of speech activities, presence/absence of digital characters, quality of the texts, font), interactivity (animation, games, instructional recommendations for parents, feedback) and form (multimodality of presenting information).

Keywords: digital educational resources, children of preschool and primary school age, assessment scale, pedagogical design.

Использование цифровых ресурсов в процессе обучения становится обязательным для преподавателей, которые стремятся применять самые современные образовательные технологии и апеллировать к потребностям и интересам молодых поколений учащихся.

В настоящее время преподаватели стоят перед выбором качественных цифровых ресурсов, которые можно было бы внедрить в образовательный процесс, ведь от этого напрямую зависит успех дистанционного обучения. Это особенно важно, когда речь идет о цифровых ресурсах для детей. К сожалению, не все учебные материалы, предлагаемые для маленьких учащихся, подходят для развития и несут большую образовательную ценность. Поэтому педагоги должны иметь инструмент, который давал бы им четкое руководство по выбору и использованию тех ресурсов, которые будут соответствовать их образовательным целям и способствовать когнитивному, психологическому и физическому развитию учащихся.

Основываясь на общих принципах педагогического дизайна и выводах, сделанных группой специалистов компании Nielsen Norman Group, исследовательская группа создала шкалу оценивания цифровых ресурсов для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Эта шкала позволяет педагогам оценивать существующие цифровые учебные ресурсы с точки зрения содержания (различные задачи по формированию и совершенствованию речевой деятельности, наличие / отсутствие цифровых символов, качество текстов, шрифт), интерактивности (анимация, игры, учебные рекомендации для родителей, обратная связь) и формы (мультимодальность представления информации).

Ключевые слова: цифровые образовательные ресурсы, дети дошкольного и младшего школьного возраста, оценочная шкала, педагогический дизайн.

В настоящее время цифровизация образовательного пространства становится необходимым условием для успешной реализации процесса обучения.

Актуальность темы создания и применения цифровых ресурсов обусловлена растущим количеством отечественных и зарубежных образовательных онлайн-платформ, а также увеличивающимся числом пользователей различных онлайн-ресурсов. Интерес к созданию, внедрению и применению онлайн-образовательных ресурсов проявляют как педагоги, методисты, преподаватели высшей школы, так и специалисты технического профиля: дизайнеры, программисты, инженеры и т. д.

Применение цифровых ресурсов в рамках изучения русского языка как иностранного неизбежно и необходимо в целях оптимизации, усовершенствования и модернизации образовательного процесса, в связи с чем в настоящее время необходимо решить вопросы создания, внедрения и последующего эффективного использования виртуальной образовательной среды. Также немаловажной предстает проблема оценки качества создаваемой информационной среды дистанционного обучения. Одной из первостепенных задач является разработка шкалы оценивания / экспертизы качества виртуального контента, так как алгоритмы создания языкового курса так или иначе описаны как педагогами-практиками, так и теоретиками-лингвистами.

По мнению М. В. Лапёнок, основными методами оценки качества виртуальных ресурсов является их апробация и экспертиза [Лапёнок, с. 134].

В интернете можно встретить огромное количество цифровых образовательных ресурсов для детей. Создание качественного виртуального контента должно основываться на правилах педагогического дизайна.

По определению А. Ю. Уварова, «педагогический дизайн – это систематическое (приведенное в систему) использование знаний (принципов) об эффективной учебной работе (учении и обучении) в процессе проектирования, разработки, оценки и использования учебных материалов» (цит. по: [Токарева, с. 79]). «Педагогический дизайн – это педагогический инструмент, когда учебные материалы и обучение становятся более привлекательными, эффективными, результативными» [Райсханова]. Знание основ педагогического дизайна и новых технологий позволит создавать цифровые образовательные ресурсы с учетом всех психологопедагогических требований.

От грамотно выполненного планирования (дизайна) цифрового образовательного ресурса зависят эффективность, результативность и возможность его применения.

Однако нет конкретных работ, посвященных особенностям педагогического дизайна электронных учебных ресурсов для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Большое значение в вопросах педагогического дизайна придается требованиям юзабилити (качественному показателю удобства и простоты использования сайта) и дизайну в целом.

Непосредственно вопросами дизайна и юзабилити сайтов для детей занимаются разработчики сайтов, дизайнеры. Так, в 2012 году специалисты компании Nielsen Norman Group, занимающиеся проектированием пользовательских интерфейсов, изучили интернет-привычки детей в возрасте 3-12 лет. На основе результатов пользовательского опыта был опубликован отчет на 399 страницах «UX Design for Children (Ages 3-12)», содержащих 156 рекомендаций по дизайну [NN/g Nielsen Norman Group]. В 2018 году, с целью обновить данный отчет, было проведено пользовательское тестирование в США и Китае, которое было направлено на выявление особенностей использования детьми разного возраста сайтов и приложений на ноутбуках и мобильных устройствах. Был сделан вывод о том, что дизайнеры при разработке приложений для детей должны учитывать физические возможности и ограничения целевых возрастных групп. Так, дети до 5 лет нуждаются в приложениях на устройствах с сенсорным экраном, в 6-8 лет развивающая моторика позволяет им выполнять простые команды на клавиатуре, щелкать мышкой или трекпадом ноутбуков. С 9 лет становятся возможными более продвинутые техники взаимодействия, а в возрасте 11 лет дети уже пользуются устройствами наравне со взрослыми, однако уровень их умственного развития и образования по-прежнему диктуют более простой общий пользовательский интерфейс.

Вопросами дизайна сайта для детей в России занимаются профессиональные дизайнеры, которые берут за основу разработки зарубежных коллег.

Опираясь на данные проведенных исследований, мы описали необходимые критерии оценки дизайна цифровых образовательных ресурсов по русскому языку как иностранному для детей. В дальнейшем, основываясь на критериях, предлагаемых в разработанной шкале, можно создавать качественные электронные обучающие ресурсы для детей дошкольного и младшего школьного возраста по русскому языку и культуре.

В интернет-пространстве существует множество ресурсов, которые с успехом можно интегрировать в процесс обучения детей русскому языку как иностранному. В игровой форме цифровые ресурсы позволяют сформировать и развить фонетические навыки, навыки аудирования, говорения и чтения, а также выучить лексику и грамматику.

Созданный для детей дошкольного и младшего школьного возраста цифровой образовательный ресурс по русскому языку и культуре в силу возраста пользователей должен отличаться от сайтов для взрослых людей. К сожалению, в настоящее время нет работ, которые бы полностью описывали создание эффективной модели образовательного сайта для маленьких пользователей.

Дети избирательно относятся к предлагаемым им веб-сайтам или приложениям. Они предпочитают использовать определенные сайты, которые кажутся им наиболее привлекательными. У них есть определенный стиль поведения, поэтому им нужен такой дизайн обучающего ресурса, который будет соответствовать их потребностям и сделает процесс обучения иностранному языку более эффективным.

Цифровой образовательный ресурс для детей должен быть интересным, привлекательным с точки зрения дизайна и в то же время качественным и эффективным. С точки зрения педагогического дизайна он должен представлять собой проект учебного процесса.

К сожалению, мы не встретили работы, содержащие конкретные рекомендации по разработке дизайна электронных учебных ресурсов для детей, которые помогли бы создать качественный контент.

Были попытки проанализировать цифровые образовательные ресурсы для школьников с точки зрения педагогического дизайна [Катханова]. Однако оценка коснулась только одной стороны вопроса разработки цифровых ресурсов – их графического исполнения. На основании проведенного анализа был сделан вывод о невысоком уровне художественно-педагогических качеств существующих цифровых ресурсов.

Основываясь на общих принципах педагогического дизайна и выводах, сделанных группой специалистов компании Nielsen Norman Group, мы предприняли попытку создать оригинальную шкалу оценивания дизайна обучающих программ и сайтов для детей дошкольного и младшего школьного возраста по русскому языку и культуре. Успешность обучения иностранным языкам детей напрямую будет зависеть не только от контента цифровых ресурсов, но и от правильного

оформления, проектирования его, так как у детей особое восприятие и познание мира.

Данная шкала позволит оценить существующие электронные обучающие ресурсы для детей с точки зрения содержания (различные задания на формирование и совершенствование видов речевой деятельности, наличие / отсутствие персонажей, качество предъявляемых текстов, шрифт), интерактивности (анимация, игры, методические рекомендации для родителей, возможность обратной связи), формы (мультимедальность представления информации); определить, насколько эффективно их использование в учебном процессе.

Шкала оценивания включает в себя оценочные средства, критерии оценивания и собственно оценку. Оценку предлагается осуществлять по параметрам «есть / нет», а также по шкале от 0-5 (если указанный параметр присутствует в анализируемом цифровом ресурсе) (см. табл. 1).

Таблица 1

Наименование оценочного средства	Шкалы оценивания
1. Контент (содержание)	5 баллов: соответствует всем критериям оценивания. Может иметь небольшие недочеты.
2. Внешний вид	3-4 балла: в целом соответствует критериям оценивания. Имеет недочеты, либо небольшая часть критериев не реализуется.
3. Структура и навигация	1-2 балла: частично соответствует критериям оценивания. Есть существенные недочеты. Большая часть критериев не реализуется.
4. Юзабилити	0 баллов – не соответствует критериям оценивания
5. Интерактивность	либо не реализуется.

1. Контент (содержание)

1.1. Соответствие содержания сайта цели

1.2. Текст. Для детей 3-5 лет использование знакомых слов и словосочетаний. Для детей 6-8 лет использование текста в небольшом объеме (5-10 предложений на одну страницу). Для детей 9-12 лет использование объемного текста (более 10 предложений). Наличие грамматических / орфографических / синтаксических ошибок. Соответствие содержания возрасту пользователей.

1.3. Герой (персонаж, выполняющий роль учителя, проводника). Есть главный герой или герои (не больше 3, желательно не одного пола).

Это узнаваемый мультипликационный или сказочный герой, животное либо новый (оригинальный) персонаж. Он соответствует указанной возрастной группе, вызывает положительные эмоции, доброжелателен. Возраст персонажа приближен к возрасту пользователя. Он интерактивен. Есть возможность изменять и персонализировать героя, дать ему имя, надеть голосом, выбирать элементы одежды, аксессуаров, цвета. Персонаж выражает эмоции (улыбка, плач, смех, огорчение, печаль, раздражение и др.) в зависимости от заданий.

1.4. Изображения. Изображения и рисунки содержат узнаваемые образы (животные, элементы природы, предметы домашнего интерьера, современные мультипликационные персонажи, члены семьи, сказочные персонажи). Изображаются активные, вызывающие у детей положительные эмоции движения персонажей: бег, танцы, прыжки. Все изображаемые предметы и действия тщательно продуманы и несут обучающий либо развлекающий характер.

1.5. Игры. Присутствуют обучающие / развивающие игры в необходимом для изучения темы количестве. Есть короткая, понятная инструкция по выполнению заданий в обучающих играх. В случае трудных заданий есть наглядная инструкция либо видеоинструкция. Игры интерактивные.

1.6. Звуки и музыка. Есть музыкальное сопровождение. Возможно наличие голоса за кадром (озвучивание заданий, слов поощрения или неудачи выполнения). Возможность выбора озвучивания задания мужским и женским голосом. Предусмотрены различные звуки для кнопок меню.

1.7. Видео. Наличие видеоконтента. Непродолжительные по времени мультфильмы. Обучающее видео. Качество видео отличное.

2. Внешний вид

2.1. Цветовая палитра.

2.1.1. Для детей 3-5 лет. Цвета яркие, насыщенные. Цветовая палитра веселая, не раздражающая глаза. Используются контрастные цвета. Доминирует один цвет: красный, синий или желтый. Дополнительные цвета, темные цвета и оттенки не используются. Количество цветов: до 5 (белый, черный и серый цвета не учитываются). Значение цвета соответствует содержанию контента.

2.1.2. Для детей 6-8 лет. Яркие глубокие цвета, насыщенные, не раздражающие глаз. Используются контрастные цвета. Доминирует один-два цвета. Используются те же основные цвета, что и для детей 3-5 лет, а также дополнительные. Наблюдается вариативность оттенков. Темные цве-

та и оттенки не используются. Количество цветов: до 5 (белый, черный и серый цвета не учитываются). Значение цвета соответствует содержанию контента

2.1.3. Для детей 9-12 лет. Цветовая палитра многообразная. Цвета не яркие, но насыщенные. Используются контрастные цвета. Сложные комбинации оттенков гармонично переплетаются между собой. Преобладает 1-2 цвета. Количество цветов: до 5 (белый, черный и серый цвета не учитываются). Значение цвета соответствует содержанию контента

2. 2. Типографика.

2.2.1. Гарнитура. Шрифт. Гарнитура читабельная в любом размере. Размер шрифта (12-16 ppt). Интервал используется обычный. Используются системные шрифты (Arial, Calibri, Trebuchet, etc.). Не используется CapsLock (заглавные буквы) для написания текста.

2.2.2. Текст. Нет отдельных слов в конце абзаца или страницы («вдова»). Нет висячих строк («сироты»). Выравнивание заголовка, подзаголовка или микротекста по центру. Выравнивание текста по левому краю. Длина строки для ПК – 55-65 символов. Длина строки (для мобильной версии) – 30-40 символов. Используются кавычки – елочки. Шрифт текста непрозрачный. Трекинг (межбуквенные пробелы) нормальный.

2.2.3. Оформление и цвет шрифта. Используется контрастная цветовая гамма для оформления фона и цвета шрифта. Цвет шрифта читаемый (не красный и не зеленый). Не используется мерцающий текст.

2.2.4. Графика и изображения. Присутствуют изображения и рисунки (формат JPEG, PNG и SVG). Рисунки крупные или среднего размера, четкие, цветные. Не более 6 крупных картинок на страницу сайта. Рисунки преимущественно объемные (3-D).

3. Структура и навигация

3.1. Структура сайта. Структура сайта простая, понятная, удобная, логичная. Четко выделяются разделы сайта и подразделы. Сайт содержит четкую ссылочную структуру. С главной страницы по ссылкам легко можно перейти на любую другую. Есть всплывающие окна, анимированные баннеры, интерактивные элементы.

3.2. Функциональность. Навигация. Навигация сайта понятная, простая, логичная. Меню располагается на видном месте. Каждый пункт меню содержит краткую информативную запись. Для призыва к действию вместо текста используются графические изображения. Выпадающее меню не используется. Количество пунктов меню не более 5.

4. Юзабилити

4.1. *Визуальная иерархия.* Иерархия (выделение главного объекта / ов) четко прослеживается. Иерархия между разными частями сайта показана с помощью цвета и размера текста или изображения, расстояния между ними. То есть главные объекты большего размера, заметные, яркие, выделяются на общем фоне, привлекают внимание. Объекты располагаются на достаточном большом расстоянии друг от друга. Разные контенты расположены далеко друг от друга, а похожие – рядом.

4.2. *Иконки меню.* Иконки меню понятные, логичные. Форма: прямоугольник с закругленными концами, круг. Содержание понятное: изображение или графика, графическое изображение с текстом либо только краткий текст. Кнопка анимированная (увеличивается при наведении на нее курсором или моргает) либо статичная.

4.3. *СТА-кнопки («Call-to-action» «призыв к действию»).* Есть кнопка «призыв к действию». Кнопки призыва к действию большие, выделяются на общем фоне, понятные и логичные, контрастируют с другими элементами дизайна (красного / зеленого цвета). Форма кнопки: прямоугольник с закругленными концами. Кнопки расположены на достаточном расстоянии между собой. Кнопка анимированная (увеличивается при наведении на нее курсором или моргает) либо статичная.

4.4. *Способ взаимодействия с устройствами.* Для детей 3-5 лет простые физические взаимодействия на сенсорных экранах (touchscreens). Для детей 6-8 лет сложные физические взаимодействия на сенсорных экранах, простые жесты взаимодействия на ноутбуках и ПК с использованием мыши, простое использование клавиатуры. Для детей старше 8 лет к вышеперечисленному добавляется трекпад ноутбуков.

5. Интерактивность

5.1. *Анимация.* Есть анимированные образы, персонажи, игры. Анимация хорошего качества, скорость средняя.

5.2. *Информация для родителей.* Есть информация для родителей о структуре и содержании ресурса. Сообщается, какого рода информацию встретит ребенок на сайте, говорится об ответственности, которую несет сайт.

5.3. *Реклама.* Нет рекламы или умеренное использование рекламного контента.

5.4. *Обратная связь.* Есть удобная обратная связь. Специальное окно для того, чтобы задать вопрос, либо указан адрес электронной почты разработчиков.

Итак, разработанная оценочная шкала позволяет педагогам-практикам, с одной стороны, оце-

нить существующие цифровые образовательные ресурсы для детей с целью выбрать наиболее эффективный педагогический инструмент. С другой – разработчики сайтов и дизайнеры на основании указанных критериев, предлагаемых в данной шкале, могут создавать качественные электронные обучающие ресурсы для детей дошкольного и младшего школьного возраста по русскому языку и культуре.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №17-29-09128.

Список литературы

Катханова Ю. Ф. Анализ цифровых образовательных ресурсов с точки зрения педагогического дизайна // Преподаватель XXI век. 2010. № 1 (4). С. 76–85.

Лапёнок М. В. Теоретические подходы и практическая оценка качества информационной среды дистанционного обучения // Педагогическое образование в России. 2012. №3. С. 134–139.

Райсханова Г. С. Педагогический дизайн образовательных ресурсов. URL: <http://econf.rae.ru/pdf/2015/07/4794.pdf> (дата обращения: 05. 2021).

Токарева А. В. Педагогический дизайн и пути его развития // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. №4-2. С. 78–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskii-dizayn-i-puti-ego-razvitiya> (дата обращения: 05.2021).

NN/g Nielsen Norman Group. URL: <https://www.nngroup.com/reports/children-on-the-web/> (дата обращения: 05.2021).

References

Katkhanova, Yu. F. (2010). *Analiz tsifrovyykh obrazovatel'nykh resursov s tochki zreniya pedagogicheskogo dizaina* [Analysis of Digital Educational Resources from the Point of View of the Pedagogical Design]. *Prepodavatel' XXI vek*. No. 1 (4), pp. 76–85. (In Russian)

Laponok, M. V. (2012). *Teoreticheskie podkhody i prakticheskaya otsenka kachestva informatsionnoi sredy distantsionnogo obucheniia* [Theoretical Approaches and Practical Assessment of the Quality of the Information Environment of Distance Learning] *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 3, pp. 134–139. (In Russian)

NN/g Nielsen Norman Group. URL: <https://www.nngroup.com/reports/children-on-the-web/> (accessed: 20. 05. 2021). (In English)

Raiskhanova, G. S. (2015). *Pedagogicheskii dizain obrazovatel'nykh resursov* [Pedagogical Design of Educational Resources]. URL: <http://econf.rae.ru/pdf/2015/07/4794.pdf> (accessed: 15. 05.2021). (In Russian)

Tokareva, A. V. (2008). *Pedagogicheskii dizain i puti ego razvitiia* [Pedagogical Design and the Ways of Its Development]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i*

problemy prakticheskogo primeneniia. No. 4–2, pp. 78–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

pedagogicheskiy-dizayn-i-puti-ego-razvitiya (accessed: 15. 05. 2021). (In Russian)

The article was submitted on 09.06.2021
Поступила в редакцию 09.06.2021

Мифтахова Алия Наилевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
almiftahova@mail.ru

Miftakhova Aliya Nailevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
almiftahova@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-258-263
УДК 372.881.111.1

РАЗРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА РАЗВИТИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ НАВЫКОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© Фарида Нугманова, Мария Кулькова

DESIGN AND IMPLEMENTATION OF THE CASE STUDY FOCUSED ON THE DEVELOPMENT OF METASUBJECT SKILLS OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN THE ENGLISH LESSON

Farida Nugmanova, Mariya Kulkova

This article characterizes the case study as an effective tool for the development of metasubject skills of high school students in the English lesson. The research considers various definitions of the case study, variable forms of cases in the projection of educational goals, defines the structural elements of cases and identifies the stages of work with them. The article presents the results of a pedagogical experiment with the use of the case study in the English lesson. This allowed us to gauge its effectiveness. The study developed methodological recommendations and determined the role of the teacher in a foreign language lesson based on the case study. We focused on the choice of the case topics that reveal everyday current problems of society in order to increase students' motivation. It is experimentally proved that the case study allows us to effectively systematize students' knowledge in a specific subject area, use the studied material in practice, comprehend real situations and think critically. The main methods of research are the methods of theoretical analysis of scientific literature and Federal Educational Standard II, the method of pedagogical modeling and experimental testing, the method of mathematical and statistical analysis of research results.

Keywords: metasubject approach, case study, foreign language, metasubject skills, intersubject communications, critical thinking, cognitive activity.

В статье представлена характеристика кейс-технологии как эффективного инструмента развития метапредметных навыков учащихся на уроке английского языка на старшем этапе обучения в школе. В работе рассмотрены различные дефиниции кейс-технологии, вариативные формы кейсов в проекции учебных целей, определены структурные элементы кейсов, выделены этапы работы с ними. Представлены результаты педагогического эксперимента с применением кейс-технологии, что позволило определить эффективность использования ее на уроке английского языка. В рамках исследования были разработаны методические рекомендации, определена роль преподавателя на уроке иностранного языка с применением кейсов. Отдельное внимание в работе уделено выбору темы кейсов, раскрывающих повседневные актуальные проблемы общества, с целью повышения мотивации учащихся. Экспериментальным путем доказано, что кейс-технология позволяет эффективно систематизировать знания учащихся в конкретной предметной области, применять изученный материал на практике, осмысливать реальные ситуации, мыслить критически. В работе использовался метод теоретического анализа научной литературы и федеральных государственных образовательных стандартов второго поколения (ФГОС-2), методы педагогического моделирования и опытной экспериментальной проверки, математико-статистического анализа обработки результатов исследования.

Ключевые слова: метапредметный подход, кейс-технология, иностранный язык, метапредметные навыки, межпредметные связи, критическое мышление, познавательная деятельность.

В настоящее время в системе российского образования наблюдается смещение образовательного вектора с простой передачи знаний преподавателем в сторону овладения учащимися определенных умений и навыков, ориентированных на организацию их активной, самостоятель-

ной познавательной деятельности. С введением Федеральных государственных образовательных стандартов второго поколения (далее – ФГОС-2) данные навыки и умения стали носить метапредметный характер в целях оптимизации ситуации с разрозненным изучением отдельных предметов. Метапредметные навыки представляют совокупность определённых умений учащегося, универсальных для всех сфер жизни человека и необходимых для дальнейшей успешной профессиональной деятельности в условиях быстро меняющегося общества [Коломиец, с. 65]. Формирование и развитие данных навыков необходимо для воспитания всесторонне развитой личности, конкурентоспособной на рынке труда.

Метапредметный подход на сегодняшний день является одним из ключевых в ФГОС-2 и направлен на обеспечение способности учащихся к самостоятельному усвоению знаний и умений средствами одного, нескольких или всех учебных дисциплин [ФГОС среднего общего образования, с. 7]. Метапредметный подход способствует формированию теоретического и практического мышления и позволяет осмысленно проследить процесс возникновения знания. В свою очередь, предмет «Английский язык» формирует хорошую базу для овладения метапредметными навыками, поскольку изучаемые темы относятся ко всем сферам общественной жизни, что позволяет выстраивать межпредметные связи с различными дисциплинами, такими как география, история, биология и т. д. [Дубинина, с. 20].

Применение традиционных методов обучения не всегда позволяет эффективно развивать метапредметные навыки учащихся, которые включают в себя обобщенные способы познавательной деятельности, такие как наблюдение, анализ, сравнение, применимые как на уроке, так и при решении задач на практике [Коломиец, с. 66]. В рамках настоящего исследования применяемая кейс-технология представляет эффективный инструмент развития метапредметных навыков.

Кейс-технология возникла в США в школе бизнеса Гарвардского университета, где студенты рассматривали сложные ситуации, в которых оказывались реальные организации и бизнес-корпорации, и продумывали различные пути выхода из кризиса [Лузан, с. 138]. В переводе с английского термин *case* означает «случай, ситуацию, обстоятельство, дело, историю, факт». Таким образом, кейс-технология представляет метод исследования, целью которого является изу-

чение конкретной ситуации, отдельного частного случая в условиях реальной действительности.

В зарубежных исследованиях отмечаются различные трактования кейс-технологии, в которых ведущим принципом выступает глубокое, детальное изучение события или проблемы в его естественной среде. В нашем исследовании мы отталкивались от определения К. Адельмана и Р. Стейка: «Кейс-технология является как процессом изучения проблемной темы, так и продуктом обучения, которая направлена на формирование и развитие у учащихся гибких навыков (*soft skills*), включающих коммуникативные навыки, способность находить альтернативные решения и делать правильный выбор» [Adelman, с. 3], [Stake, с. 136]. Она опирается на формирование у учащегося навыков самоорганизации, акцентирование сильных его сторон и развитие навыков социализации через практический опыт. Главное в данной технологии – это «сымитировать проблемную ситуацию в классе и поставить учащимся задачу найти из нее выход» [Coimbra, Oliveira Martins, с. 392]. Чаще всего решить проблему кейса можно несколькими способами, поэтому в ходе обсуждения учащимся предоставляется выбор лучшего из альтернативных вариантов решения проблемной ситуации. При защите своего проекта учащиеся должны четко аргументировать свой выбор. Ученик является активным участником учебного процесса, роль преподавателя же заключается в организации коллективной работы, оптимизации этапов планирования, разрешении проблемной ситуации, подведении итогов и оценке работы каждой группы [Social networks ecology: Socio-psychological phenomena..., с. 1583].

Кейсы разрабатываются и применяются на уроке в зависимости от учебных целей и задач. Представим классификацию С. Брукфилда, который выделяет следующие виды кейсов:

- 1) кейсы, направленные на развитие личностных качеств, таких как целеустремленность, коммуникабельность, инициативность, умение работать в команде, способность логически решать сложные ситуации;
- 2) кейсы, направленные на развитие умения разделять факты от предположений;
- 3) кейсы, направленные на развитие у учащихся умений в постановке целей и задач, формулировании стратегий для решения проблемной ситуации;
- 4) кейсы, направленные на приобретение опыта в умении правильно и четко аргументировать свою позицию, делать выводы только на основе фактов и прислушиваться к различным мнениям группы;

5) кейсы, направленные на развитие умения применять теоретические знания в практических целях [Brookfield, с. 20].

Таким образом, кейс-технология достаточно вариативна и способна подстроиться под любые цели и задачи, поставленные педагогом. В целом, зарубежные ученые подчеркивают эффективность данной технологии в формировании и развитии организационных и коммуникативных навыков учащихся. С помощью кейсов учащиеся глубже погружаются в предмет, совершенствуют свои навыки в проведении исследования [Meluch, Gettings, с. 121].

В России кейс-технология называется методом анализа ситуационных задач [Зайцев, с. 135]. Ситуационная методика обучения за последние годы стала востребованной в российской системе образования, а на уроке иностранного языка она чаще всего применяется с целью повышения уровня коммуникативных навыков. В связи с тем, что кейс-технология направлена на развитие всех видов речевой деятельности, ученые-методисты считают целесообразным применять ее на завершающем этапе работы с темой, при проведении контроля сформированности знаний и компетенций. Обучающиеся активно используют изученный лексико-грамматический материал при аргументации своей точки зрения, а преподаватель может оценить уровень сформированности речевых навыков обучающихся, уровень изученной лексики и грамматических структур [Панина, с. 101]. Роль преподавателя при проведении урока с использованием кейс-технологии заключается в организации коллективной работы, оптимизации этапов планирования разрешения проблемной ситуации, подведении итогов и оценке работы каждой группы.

В комплект кейса входят следующие структурные элементы: заданная проблемная ситуация (тема), основной план работы, карточки с критериями оценки работ, образцы результатов обсуждения в письменной форме [Долгоруков, с. 36]. Содержание и объем кейса зависят от цели обучения, уровня знаний и умений учащихся. При выборе темы и содержания урока английского языка с применением кейс-технологии преподавателю важно ориентироваться не на науку, а на повседневные проблемы, с которыми обычный человек сталкивается каждый день. С целью повышения мотивации к учению кейсы следует выбирать, исходя из актуальности темы, а также принимая во внимание возраст и уровень знаний обучающихся. Особенность работы преподавателя заключается не только в реализации своих способностей, но и их развитии. В частых случаях при подготовке урока иностранного языка с

применением кейс-технологии педагог выходит за пределы учебного пространства и выполняет сразу несколько функций – воспитывающую, организующую, исследовательскую [Лузан, с. 140].

Рассмотрим основные этапы работы с кейс-технологией на уроке иностранного языка в 11 классе, УМК «Spotlight», (учебно-методический комплекс) авторы О. В. Афанасьева, Д. Дули, И. В. Михеева, Б. Оби, В. Эванс, юнит «Travel» [Английский в фокусе, с. 138–148]. Тема кейса на уроке «Traveling during pandemic». Время реализации – 90 минут (2 урока).

1. Подготовительный этап – до начала занятий. Задачи этапа: конкретизировать цели и разработать ситуации для кейсов. Прежде всего необходимо определить, насколько целесообразно использовать кейс-технология на каждом этапе урока. Затем необходимо разработать план занятия и подготовить материалы для визуализации, приложения к кейсу. Особое внимание следует обратить на выбор темы. Нами была выбрана актуальная на сегодняшний день тема «Путешествия во время пандемии», что позволило повысить интерес и мотивацию обучающихся на уроке.

2. Ознакомительный этап – во время урока. Цель этапа: вовлечение в анализ реальной ситуации, выбор оптимальной формы преподнесения материала для ознакомления. На начальной стадии были подготовлены дискуссионные вопросы, а также аргументы и контраргументы, которые помогали управлять дискуссией в классе. Также были подготовлены материалы для визуализации, а именно фотографии природы России. Далее должно следовать слово преподавателя, в котором обозначается контекст предстоящей работы и обращается внимание обучающихся на актуализацию знаний по теме путешествия. На уроке была проведено подстановочное упражнение, направленное на проверку степени сформированности лексического материала.

3. Аналитический этап – начало обсуждения кейса. Цель этапа – проанализировать кейс в группе и выработать решение. На данном этапе происходит активное вовлечение студентов в индивидуальную работу в группах. Задача учителя – создать психолого-педагогическую атмосферу, побуждающую учащихся к обсуждению проблемной ситуации. Эффективность групповой работы обеспечивается применением специфических приемов, таких как первичная оценка содержания кейса, организация обсуждения ситуации с точки зрения выявления преимуществ и недостатков предлагаемого решения. Также при составлении программы учащиеся должны скон-

центрировать свое внимание на реальности воплощения их идей.

4. Итоговый этап – презентация групповых решений. Цель – представить и обосновать решение группы по кейсу. Обсуждение кейса невозможно без дискуссии. Учащиеся 11 класса обладают значительной степенью зрелости и самостоятельностью мышления, поэтому на уроке они сумели аргументировать свой выбор, обозначить и доказать свою точку зрения. На данном этапе преподаватель оценивает умение каждого участника группы работать в команде, активность дискуссии, общую атмосферу в группе и обоснованность вывода по кейсу. Важным моментом во время презентации является способность учеников толерантно и без предвзятости принимать чужие варианты решения проблемы [Панина, с. 98]. Преподаватель контролирует работу обучающихся посредством выбора типа презентации: мини-лекция, представление статистики, доклад с участием всех участников группы. Основные пункты дискуссии, решения проблемы должны быть зафиксированы учащимися. Это способствует быстрому накоплению опыта, учету возникших трудностей и обмену опытом между группами и обучающимися в целом.

5. Завершающий этап работы над кейсом заключается в подведении итогов. Итоги подводит как преподаватель, так и сами учащиеся с целью их активного вовлечения в процесс самооценки. Подведение итогов решения кейса осуществляется в виде обсуждения его среди учащихся в классе, после чего учитель дает оценку выводам подгрупп и отдельных участников, а также всему ходу дискуссии. Процесс обучения с использованием кейс-технологии позволяет формировать метапредметные навыки учащихся, которые они могут применить на практике в реальных жизненных ситуациях. К примеру, на данном уроке иностранного языка учащиеся использовали метапредметные связи, когда им понадобились знания по географии с целью построения более оптимального маршрута, а также креативное мышление и творческие способности при подготовке презентации проекта. Рефлексия показала, что уровень заинтересованности в изучении иностранного языка вырос, это способствовало повышению мотивации обучающихся к учению и активизации различных методов научного исследования.

Представим разработанные нами краткие методические рекомендации по формированию и развитию метапредметных навыков на уроке английского языка с применением кейс-технологии:

1. Необходимо заранее обозначить тему кейса, тем самым дав обучающимся время продумать четкую аргументацию с яркими примерами. Максимальная эффективность применения кейс-технологии будет достигнута в том случае, если при выполнении предварительной самостоятельной работы над кейсами обучающиеся будут придерживаться системного подхода.

2. Необходимо определить тематику кейса с учетом уровня знаний и возраста обучающихся. Ситуация должна быть актуальной и современной, способной повысить внутреннюю мотивацию учащихся к познавательной деятельности и иметь практико-ориентированный характер.

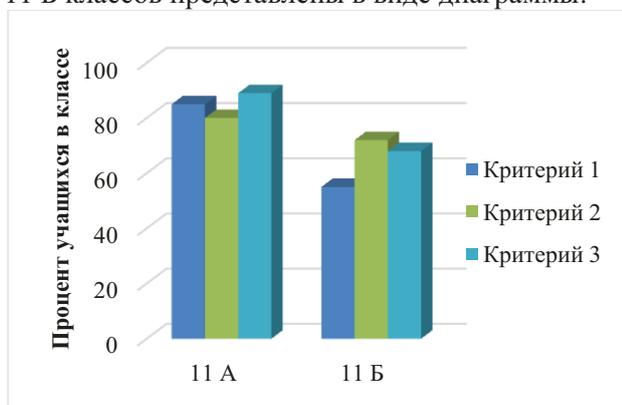
3. Целесообразно применять кейс-технологии на уроке иностранного языка на завершающем этапе работы с темой. Для актуализации имеющихся знаний важно на этапе знакомства с кейсом провести работу по повторению пройденного лексического и грамматического материала.

4. Внедрить межпредметные связи при составлении проблемных ситуаций. Тщательное продумывание кейса требует от преподавателя высокой квалификации с целью грамотной организации образовательного вектора на уроке и саморегуляции собственной деятельности.

В ходе экспериментальной проверки эффективности кейс-технологии была проведена серия уроков английского языка с применением исследуемой технологии для учащихся 11-ых классов по теме «Traveling during pandemic», УМК «Spotlight», авторы О. В. Афанасьева, Д. Дули, И. В. Михеева, Б. Оби, В. Эванс, юнит «Travel» [Английский в фокусе, с. 138–148]. Исследование проводилось на базе АНОО «Международная школа Казани». При проведении данного исследования были выделены следующие этапы эксперимента: констатирующий, формирующий и контрольный. На констатирующем этапе нами были проведены диагностическое тестирование и последующий его анализ с целью выявления общего уровня сформированности навыков по всем видам речевой деятельности. В ходе формирующего этапа эксперимента класс 11 А (25 человек) был выбран в качестве экспериментальной группы, класс 11 Б (25 человек) – в качестве контрольной группы; были проведены серии уроков английского языка с применением кейс-технологии. На контрольном этапе эксперимента проводилась защита проектов, что позволило верифицировать эффективность применения кейс-технологии и сравнить уровень сформированности метапредметных навыков по трем основным критериям. Критерий 1 – самостоятельное определение цели познавательной деятельности; кри-

терий 2 – умение логически верно выстраивать аргументацию собственной точки зрения; критерий 3 – умение использовать обобщённые способы познавательной деятельности (анализ, синтез, наблюдение, сравнение).

Результаты педагогического эксперимента с применением кейс-технологии учащихся 11 А и 11 Б классов представлены в виде диаграммы:

Результаты опытно-экспериментальной работы показали, что уровень сформированности метапредметных навыков в экспериментальной группе оказался выше в среднем на 20%. Мы наблюдали повышение процентного показателя критерия 1 на 30%, критерия 2 – на 8%, критерия 3 – на 21%. На основе полученных данных были сделаны следующие выводы. Кейс-технология позволяет эффективно систематизировать знания учащихся по предмету и применять изученный материал на практике, осмысливать реальные ситуации, критически мыслить. Данная интерактивная технология способствует развитию у учащихся самостоятельного мышления, умения четко аргументировать свою точку зрения, критически мыслить, ориентироваться в большом потоке информации, анализировать ее и находить различные способы решения задач в условиях выбора.

Список литературы

Афанасьева О. В., Дули Дж., Михеева И. В., Оби Б., Эванс В. Английский в фокусе. М.: Express Publishing: Просвещение, 2009. 245 с.

Долгоруков А. М. Case study как способ понимания // Практическое руководство для тьютера системы Открытого образования на основе дистанционных технологий. М.: Центр интенсивных технологий образования, 2002. С. 21–44.

Дубинина Г. А. Технология применения кейс-анализа в процессе обучения иностранному языку // Инновационные подходы в обучении иностранным языкам. М.: Рема, 2010. С. 20–22.

Зайцев В. С. Современные педагогические технологии: учебное пособие. В 2-х книгах. Книга 2. Челябинск: ЧГПУ, 2012. 496 с.

Коломиец О.М. Развитие педагогической деятельности преподавателя на основе кейс-технологии // Педагогика и психология образования, 2014. С. 64–69.

Лузан Е. Н. Кейс как образовательная технология // Вестник Брянского государственного университета, 2012. № 1. С. 137–140.

Панина Т. С. Современные способы активизации обучения: учеб. пособие для студентов. высш. учеб. заведений / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова; под ред. Т. С. Паниной. М.: Академия, 2008. 176 с.

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации, 2009. 38 с.

Adelman, C. Case study, methodology and educational evaluation: A personal view. In Case study evaluation: Past, present and future challenges (pp. 1–18). Emerald Group Publishing Limited, 2015.

Brookfield, S. The power of critical pedagogy for adult learning and teaching. Open University Press: McGraw- Hill Education, 2005, pp. 19–33.

Coimbra, M. N., & de Oliveira Martins, A. M. Case studying educational research: A way of looking at reality. American Journal of Educational Research, 1(9), 391–395, 2013.

Kurbanov R. A., Belyalova A. M., Gurbanov R. A., Ibragimova Y. E., Balanyuk L. L., Matvienko V. V., Kulkova M. A., Vagapov B. R. Social networks ecology: Socio-psychological phenomena and new means in communication system//EurAsian Journal of BioSciences. - 2019. Vol.13, Is.2. Pp1583–1587.

Meluch, A. L., & Gettings, P. E. Communication concepts in action: Best practices in case study pedagogy in the organizational communication course. Journal of Communication Pedagogy, 2, 2019, pp. 119–126.

Stake R. E. The art of case study research. London: Sage Publications Ltd.; 1995, pp. 135–140.

References

Adelman, C. (2015). *Case Study, Methodology and Educational Evaluation: A Personal View. In Case Study Evaluation: Past, Present and Future Challenges*. Emerald Group Publishing Limited, pp. 1–18. (In English)

Afanas'eva, O. V., Duli, Dzh., Mikheeva, I. V., Obee, B., Evans, V. (2009). *Angliiskii v fokuse [Spotlight]*. 245 p. Moscow, Express Publishing, Prosveshchenie. (In English)

Brookfield, S. (2005). *The Power of Critical Pedagogy for Adult Learning and Teaching*. Pp. 19–33. Open University Press, McGraw- Hill Education. (In English)

Coimbra, M. N., & de Oliveira Martins, A. M. (2013). *Case Studying Educational Research: A Way of Looking at Reality*. American Journal of Educational Research, No. 1(9), pp. 391–395. (In English)

Dolgorukov, A. M. (2002). *Case study kak sposob ponimaniia [Case Study as a Way of Understanding]*. Prakticheskoe rukovodstvo dlia t'iutera sistemy Otkrytogo obrazovaniia na osnove distantsionnykh tekhnologii. Pp. 21–44. Moscow. Tsentr intensivnykh tekhnologii obrazovaniia. (In Russian)

Dubinina, G. A. (2010). *Tekhnologiya primeneniia keis-analiza v protsesse obucheniia inostrannomu iazyku* [Technology of the Case Analysis Application in the Process of Teaching a Foreign Language]. Innovatsionnye podkhody v obuchenii inostrannym iazykam. Pp. 20–22. Moscow. Rema. (In Russian)

Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart srednego obshchego obrazovaniia (2009) Ministerstvo obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii. Pp. 7–8. Moscow. (In Russian)

Kolomiets, O. M. (2014). *Razvitie pedagogicheskoi deiatel'nosti prepodavatel'ia na osnove keis-tekhologii* [Development of Pedagogical Activity of the Teacher on the Basis of Case-Technology]. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniia. Pp. 64–69. (In Russian)

Kurbanov, R. A., Belyalova, A. M., Gurbanov, R. A., Ibragimova, Y. E., Balanyuk, L. L., Matvienko, V. V., Kulkova, M. A., Vagapov, B. R. (2019). *Social Networks Ecology: Socio-psychological Phenomena and New Means in Communication System*. EurAsian Journal of BioSciences. Vol. 13, Is. 2, pp. 1583–1587. (In English)

Luzan, E. N. (2012). *Keis kak Obrazovatel'naia Tekhnologiya* [Case as an Educational Technology].

Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 1, pp. 137–140, Bryansk. (In Russian)

Meluch, A. L., & Gettings, P. E. (2019). *Communication Concepts in Action: Best Practices in Case Study Pedagogy in the Organizational Communication Course*. Journal of Communication Pedagogy, 2, pp. 119–126. (In English)

Panina, T. S. (2008) *Sovremennye sposoby aktivizatsii obucheniia: ucheb. posobie dlia studentov. vyssh. ucheb. zavedenii* [Modern Ways of Activating Learning: A Textbook. A Manual for Students of Higher Educational Institutions]. T. S. Panina, L. N. Vavilova; pod red. T. S. Paninoi. 176 p. Moscow, Akademiia. (In Russian)

Stake, R. E. (1995). *The Art of Case Study Research*. London, Sage Publications Ltd, pp. 135–140. (In English)

Zaitsev, V. S. (2012). *Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii: uchebnoe posobie. – V 2-kh knigakh. – Kniga 2*. [Modern Pedagogical Technologies: A Textbook. In 2 Books. Book 2]. 496 p. Chelyabinsk, ChGPU. (In Russian)

The article was submitted on 13.04.2021

Поступила в редакцию 13.04.2021

Нугманова Фариды Илхамовна,
магистрант 2 курса,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faridanugmanova@yandex.ru

Кулькова Мария Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mkulkowa@rambler.ru

Nugmanova Farida Ilkhamovna,
2-year master's degree student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faridanugmanova@yandex.ru

Kulkova Mariya Alexandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mkulkowa@rambler.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-264-268
УДК 372.8.811.111

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СИНОНИМА ПРИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

© Людмила Свирина, Алсу Ашрапова

THE PROBLEM OF CHOOSING A SYNONYM WHEN VERBALIZING ONE'S COMMUNICATIVE INTENTION (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Lyudmila Svirina, Alsu Ashrapova

The article explores the methodological problem concerning the improvement of the English language learners' communicative competence, namely, their ability to choose a target language lexical unit from the synonymous series, the one, which would adequately verbalize the speaker's communicative intention, and, at the same time, improve their ability to adequately perceive the shade of the meaning, conveyed by a synonym in a specific situation of oral communication, or in a written context. Despite significant research conducted in the field of the relations between sense and meaning (Yu. D. Апресян, V. L. Zvegintsev, A. A. Zalevskaya, Ch. Fillmore, A. Wierzbicka et al.), the problem of choosing the right synonym remains relevant. Our analysis of the interpretations of English lexical units from the synonymous series "beautiful" demonstrates the difficulty of predicting the associations of a native speaker when perceiving or uttering a particular word or phrase due to insufficient linguistic or culturological experience of the language learner. The ethnospecific nature of the linguistic picture of the world and the worldview as a whole largely determine the meaning of each of the words that make up the synonymous series, and suggest special attention to the culturological component of the learners' communicative competence. The article examines the conditions that ensure the correct choice of a synonym when verbalizing a communicative intention and its adequate interpretation when perceived by an English learner.

Keywords: communicative intention, synonymous row, linguistic experience, cultural experience, forecasting associations.

Статья посвящена методической проблеме совершенствования коммуникативной компетенции изучающих английский язык, а именно умению выбрать иноязычную лексическую единицу из синонимического ряда, которая бы адекватно вербализовала коммуникативную интенцию говорящего, и одновременно умению адекватно воспринимать оттенок значения синонима в конкретной ситуации устного общения или письменном контексте. Несмотря на значительные исследования в области соотношения смысла и значения (Ю. Д. Апресян, В. Л. Звегинцев, А. А. Залевская, Ч. Филлмор, А. Вержбицкая и др.), проблема выбора синонимов остается актуальной. Анализ примеров интерпретации английских лексических единиц синонимического ряда «красивый» демонстрирует сложность прогнозирования ассоциаций носителя языка при восприятии или продуцировании того или иного слова или словосочетания в силу недостаточного лингвистического или культурологического опыта у изучающего язык. Этноспецифический характер языковой картины мира и мировосприятия в целом во многом определяют смысл каждого из слов, составляющих синонимический ряд, и предполагают особое внимание к культурологической составляющей коммуникативной компетенции. В статье рассматриваются условия, обеспечивающие корректный выбор синонима при вербализации коммуникативной интенции и её адекватной интерпретации при восприятии изучающим английский язык.

Ключевые слова: коммуникативная интенция, синонимический ряд, лингвистический опыт, культурологический опыт, прогнозирование ассоциаций.

Проблема, которую мы рассматриваем в данной статье, является одной из самых сложных при обучении английскому языку. Сложность ее

усугубляется и тем, что чем глубже мы изучаем иностранный язык, чем больше увеличивается словарный запас учащихся, тем сложнее стано-

вится выбор между удлиняющейся цепочкой слов-синонимов, которые мы можем использовать для обозначения какого-либо предмета или явления. Недостаточный лингвистический опыт учащихся и отсутствие языковой среды являются препятствием, мешающим сформироваться «чувству языка», интуитивно правильному словосочетанию и словоупотреблению, обусловленному контекстом, стилем и ситуацией. Более того, мы сталкиваемся с проблемой мировосприятия, характерного для иного этноса и отраженного в конкретной лексической единице.

Решение проблемы, безусловно, видится в приобретении лингвистического (и культурологического) опыта благодаря погружению в языковую среду через аудирование, чтение и просмотр видеоматериалов, через обучение умению выделять необходимые языковые единицы из контекста и организацию работы по запоминанию коллокаций, отражающих мировосприятие носителей английского языка и состав лексических значений слова, часто не соответствующих составу переводного слова родного языка в его основном значении: *strong tea* ('крепкий чай'), *firm handshake* ('крепкое рукопожатие'); *heavy rain* ('сильный дождь'), *heavy bag* ('тяжелая сумка'); *morning breaks* ('утро наступает'), *night falls* ('ночь наступает'), etc. Вопрос остается в том, как повысить эффективность учебной работы по усвоению оттенков значения синонимов в английском языке, поскольку мы здесь сталкиваемся не только с чисто языковыми, но и с культурологическими особенностями вербального оформления высказывания.

Одним из наиболее привлекательных направлений в области методических технологий является работа с лексическими блоками (lexical chunks) или формульным языком (formulaic language), которая обеспечивает усвоение коллокаций без анализа их составляющих, экономя усилия по грамматическому и лексическому оформлению фразы, гарантируя беглость и корректность речи при условии соответствия данной единицы конкретной коммуникативной ситуации [Свирина].

Однако вопрос в другом: как при восприятии текста и порождении собственного высказывания сделать правильный выбор в пользу именно того значения, которое адекватно отражает смысл коммуникативной интенции автора. Авторская коммуникативная интенция, помимо определенной информации, содержит отношение говорящего к содержанию устного или письменного высказывания. Устойчивое сочетание, как отмечают противники формульного подхода, неизменно сдерживает творческую составляющую

иноязычной коммуникации, ограничивая говорящего изученными формулами и искажая его коммуникативную интенцию. На раннем этапе обучения, когда запас активного словаря учащегося весьма ограничен, формульный язык является спасительным средством, позволяющим решить немудреные бытовые проблемы. Однако на более позднем этапе, когда возникает необходимость вникнуть в смысл сложных текстов научного, публицистического и художественного жанров или продуцировать речевое высказывание на «продвинутом» (upper-intermediate, advanced) уровне владения иностранным языком, необходим осознанный подход к выбору лексических единиц и их сочетаемости. Мы говорим о корректных с точки зрения носителя языка ассоциациях, которые вызывают используемые лексические единицы в определенном контексте и в определенном сочетании с другими лексическими единицами, о том моментальном ассоциативном образе, который произвольно возникает в голове слушающего или читающего при восприятии слова, будь то метаязык или визуальный образ.

В качестве примера рассмотрим варианты толкований понятия «красивый», с которым мы столкнулись при чтении произведения А. Кристи об Эркюле Пуаро:

There was no doubt that Michael Garfield was a very beautiful young man. He found it difficult to know whether he himself liked Michael Garfield or not. It is always difficult to know if you like anyone beautiful. You like beauty to look at, at the same time you dislike beauty almost on principle. Women could be beautiful, but Hercule Poirot was not at all sure that he liked beauty in men. He would not have liked to be a beautiful young man himself, not that there had ever been the least chance of that. (...) He had never been handsome or good looking. Certainly never beautiful [Christie, c. 275] (разрядка наша – Л. С., А. А.)

В рамках школьной программы учащиеся усваивают, что прилагательное *beautiful* характеризует женщин, а *handsome* – мужчин. Эпитет *good looking* может выразить позитивное отношение к внешности людей обоего пола. В данном художественном тексте оттенки значения более тонкие, так как все три слова передают отношение автора к мужской красоте.

Перевод, сделанный двадцатью студентами пятого курса отделения русской филологии КФУ, показал, что прилагательное *beautiful* однозначно воспринимается как *красивый*, но в русском языке оно описывает внешность как мужчин, так и женщин. И, следовательно, при продукции речи данными изучающими англий-

ский язык женоподобный оттенок красоты не будет учитываться, что в определенных случаях может быть негативно воспринято адресатом, носителем английского языка. Одна из студенток использовала слово *красавчик*, пытаясь точнее передать смысл авторских слов и отразить не совсем мужественный оттенок красоты.

Прилагательное *handsome* воспринимается как *привлекательный* (7 случаев) и *симпатичный* (5 случаев), что мало отражает мужской характер красоты, но было два варианта: *мужественный* и *интересный*. Мужественность не обязательно предполагает красивую внешность, а вот сочетание *интересный мужчина* привычно нашему уху, что подтверждает и «Словарь сочетаемости слов русского языка» [Словарь сочетаемости..., с. 207], хотя использование данного эпитета возможно и по отношению к женщине в случае, когда он характеризует её приятную внешность.

Слово *good-looking* получило наибольшее количество интерпретаций, наиболее популярным вариантом стало прилагательное *привлекательный* (6 случаев), но встречаются и *харизматичный*, *милый*, *очаровательный*, *с приятной наружностью*, *приятной внешности* и даже *хорошенький*.

Приводя данные примеры, мы не преследовали цель проследить точность перевода. В нашем случае перевод служит отражением восприятия иностранцами оттенков значения синонимичных лексических единиц английского языка, которые несут важную смысловую нагрузку, передавая как основную мысль, так и подтекст. Читатель должен был прочувствовать интуитивно негативное отношение знаменитого детектива к молодому человеку, несмотря на его красивую наружность. Примечательно, что студенты в большинстве своем не справились с задачей адекватного восприятия авторского замысла при описании внешности героя. Нюансы значения синонимов остались незамеченными.

Поскольку нашей задачей является поиск эффективной технологии усвоения синонимов в английском языке, обратимся к остающемуся неизменно привлекательным для методистов натуральному методу обучения иностранному языку: усваивать иноязычную лексику произвольно, таким же путем, как мы изучаем родной язык [Krashen]. Учащийся должен осознать, каким словом следует обозначить данный предмет или явление. Например, понять, как опишет понравившееся ему здание англоговорящий человек: *Magnificent?* (*Великоленное?*), *Imposing?* (*Впечатляющее?*), *Attractive?* (*Привлекательное?*), *Splendid?* (*Отличное?*)

Обязательным компонентом формирования устойчивого лексического навыка при усвоении синонимов является аутентичный текстовый материал, который дает образец использования лексической единицы в определенном контексте, демонстрируя его ситуативную обусловленность, регистр и оттенки значения, отражающие как менталитет носителей языка в целом, так и авторскую интенцию, в частности. Большую помощь может оказать лингвистический корпус языка, который дает образцы английской аутентичной речи. Обращение к материалам корпуса может быть дано как самостоятельное задание. Однако, поскольку контекст ограничивается рамками одной фразы, авторская интенция может быть представлена не в полной мере. Особую ценность в данном отношении представляет художественный текст, где понимание авторской интенции имеет приоритетное значение в осмыслении произведения.

Далее следует этап денотации. То есть, формируя адекватное понимание смысла лексической единицы (в нашем случае это синонимы слова *красивый*), мы должны описать изображения целого ряда молодых людей для того, чтобы с помощью трех синонимов: *beautiful*, *handsome*, *good-looking* – дать наиболее точную характеристику их внешности и понять, какие ассоциации вызывает каждое из этих слов в представлении носителя языка. Благо в нашем распоряжении сейчас неисчерпаемые интернет-ресурсы, позволяющие найти и показать учащимся необходимую нам наглядность.

Данный подход дает гарантию, что, столкнувшись в реальной практике с подобным предметом или явлением, изучающий иностранный язык даст ему адекватное описание и адекватно поймет обращенную к нему речь. Под адекватностью мы в данном случае понимаем произвольную ассоциацию, которую слово, используемое говорящим или пишущим, вызывает у носителя языка. Действительно, исследования, посвященные постижению смысла высказывания, подчеркивают, что для перевода текста на смысл необходим переход от вербальной формы слова к некоторому невербальному образованию, судить о котором можно только через обратное возвращение к слову. Но для этого необходима активизация внимания индивида через попадание в поле его зрения какого-либо языкового факта, требующего идентификации [Залевская, с. 157].

Формируя иноязычные лексические навыки, мы постоянно увеличиваем словарный запас наших учащихся, вводя в их активный и пассивный словарь новые способы обозначения известных

предметов и явлений, таким образом показывая их новые грани, выражающие различные оттенки отношения. Определяя первый минимальный словарный запас изучающего английский язык, Г. Пальмер назвал 300 слов [Пальмер]. По мнению автора естественного подхода С. Крешена, минимальный словарь составляет 500 слов [Krashen]. Безусловно, в данном случае речь не идет о синонимах. Базовый уровень обеспечивает выживание человека в иноязычной среде, позволяя пользоваться языком как средством общения для решения насущных повседневных проблем. Но если стоит задача беглого владения иностранным (английским) языком, то его уровень, по общепринятому мнению, в частности, определяется количеством синонимов, которые учащийся может подобрать к слову. Следовательно, вводя новую лексику, необходимо сопоставить новое слово с уже изученной синонимичной лексической единицей, показав особенности его функционирования и сочетаемости. Иначе мы видим, что даже в старших классах, готовясь к сдаче ЕГЭ, учащиеся плохо представляют разницу между сферами употребления прилагательных *little* и *small*, *big* и *large*, *ill* и *sick*, *interesting* и *exciting* и т. д. Комментируя сочетаемость прилагательного *interesting* в речи российских учащихся, британцы неизменно отмечают, что в цепочке синонимов *interesting*, *exciting*, *fun* изучающие английский язык часто делают ошибочный выбор в пользу *interesting* там, где идет речь о развлечениях и удовольствиях: данное слово преимущественно характеризует источник знаний, значение русского слова намного шире: «Playing with a kitten is fun (not interesting)».

Мы уже отмечали то, что условием корректности выбора синонима является учет его культурологической обусловленности. Этот фактор может оказаться решающим при рассмотрении оттенков значения, выражаемых данным словом. Так, понятие «леди» не обязательно предполагает высшее образование или аристократическое происхождение женщины, гораздо важнее манера поведения, отвечающая нормам, существующим в годах устоявшихся понятиях о достойном поведении ее. Главное – тот ассоциативный образ, который возникает в голове носителя языка при восприятии данного слова.

Хороший пример из комментариев В. Набокова дает А. Вержбицкая. Поэт рассматривает непере译имое русское слово *пошлый* (прилагательное) и его производные (существительные *пошлость*, *пошляк* и *пошлячка*):

The Russian language is able to express by means of one pitiless word the idea of a certain widespread defect for which the other three Europe-

an languages I happen to know possess no special term (цит. по: [Вержбицкая, с. 64]) (*На русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения*). Предлагая цепочку английских синонимов *cheap*, *sham*, *common*, *smutty*, *pink and blue*, *high falutin'*, *in bad taste*, знаток русской словесности не находит в них точного обозначения смысла, передаваемого русским словом.

Безусловно, слово многозначно и выбор правильного значения определяют контекст и ситуация общения. Однако при условии неоднозначной трактовки выбор делается в пользу привычной ассоциации. Так, обращение к аннотациям научных статей в области литературоведения показало, что они избилуют использованием слова *lyrics* в значении «лирика» и *peculiarities* в значении «особенности». Действительно, *lyrics* имеет одно из значений «лирика», но в первую очередь, особенно для молодого поколения, активно слушающего англоязычную песенную эстраду, это слово обозначает текст песен. В контексте, описывающем творчество поэта, может возникнуть ошибочное понимание содержания произведений автора. Поиск синонимичных способов выражения дает более нейтральное и точное определение жанра: «lyrical poetry». *Peculiarity* (особенность) является производным от слова *peculiar*, которое имеет несколько негативный оттенок значения – «своеобразный». Поэтому нейтральное сочетание *characteristic feature* («характерная черта») представляется более уместным.

Представленные в статье типичные примеры ошибочного словоупотребления показывают, что проблема выбора синонима остается актуальной, она особенно ярко подчеркивает необходимость учета культурологического фактора как одного из важнейших в формировании коммуникативной компетенции. В любом случае нейтрально окрашенная лексика предпочтительней в тех случаях, когда мы не уверены в точности вербализации своей коммуникативной интенции.

Возвращаясь к натуральному подходу в обучении иностранному языку, следует еще раз остановиться на важности пассивного периода, когда погружение в языковую среду посредством интенсивного чтения и аудирования закладывает и лингвистическую, и культурологическую основу иноязычного общения, так как языковые картины мира и мировосприятие в целом носят этноспецифический характер. Для иллюстрации к многочисленным примерам в научной и учебной литературе добавим название отверствия в иголке,

в которое вдевается нитка: «глаз» в английском языке, «ушко» в русском и «дырка» в татарском.

Особенности мировосприятия и отражаются в оттенках значения, передаваемых синонимическим рядом, каждое из слов будит особую ассоциацию, которая меняется со временем, осложняя жизнь тем, кто привык полагаться на значения, сохраненные в классической литературе прошлого и позапрошлого века. Поэтому заключительным условием корректного выбора должно быть постоянное внимание к изменениям, со временем происходящим в языке под влиянием социальных, политических и экономических перемен. Какой из синонимов вы бы выбрали, чтобы назвать человека «веселым»? – *Cheerful? Merry? Hilarious? Gay? Jolly? Funny? Happy?*

Список литературы

- Залевская А. А.* Текст и его понимание. Тверь, 2001. 177 с.
- Пальмер Г.* Устный метод обучения иностранным языкам / Сокр. пер. с англ. Ю. Г. Стрельцова; предисл. З. М. Цветковой. Москва: Учпедгиз, 1959. 165 с.
- Свирина Л. О.* Формульный язык и уровень иноязычной коммуникативной компетенции. // Филология и культура. Philology and Culture. 2019. № 1(55). С. 99–103.
- Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Изд. 2-е, исп. Москва.: Инст. рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1983. 708 с.
- Christie A.* *Hallowe'en Party*. Petersburg, КАРО, 2018, 275 p..
- Krashen S.* *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. English Language Teaching series. London: Prentice-Hall International (UK) Ltd., 1981. 202 p.
- Wierzbicka A.* Introduction // *Wierzbicka, A. Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese*. - New York: Oxford University Press, 1997. 328 p.
- References
- Christie, A. (2018). *Hallowe'en Party*. P. 275. Petersburg, КАРО. (In English)
- Krashen, S. (1981). *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. English Language Teaching series. 202 p. London, Prentice-Hall International (UK) Ltd. (In English)
- Pal'mer, G. (1959). *Ustnyi metod obucheniia inostrannym iazykam* [The Oral Method of Teaching Languages]. Sokr. per. s angl. Yu. G. Strel'tsova; predisl. Z. M. Tsvetkovoi. 165 p. Moscow, Uchpedgiz. (In Russian)
- Slovar' sochetaemosti slov russkogo iazyka* (1983) [Collocational Dictionary of the Russian Language]. Pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. Izd. 2-ye, isp. 708 p. Moscow, inst.rus.yaz. im. A. S. Pushkina. (In Russian)
- Svirina, L. O. (2019). *Formul'nyi iazyk i uroven' inoiazychnoi kommunikativnoi kompetentsii* [Formulaic Language and Foreign Language Proficiency]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 1(55), pp. 99–103. (In Russian)
- Wierzbicka, A. (1997). *Introduction*. *Wierzbicka, A. Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese*. 328 p. New York, Oxford University Press. (In English)
- Zalevskaia, A. A. (2001). *Tekst i ego ponimanie* [Text and Its Understanding]. 177 p. Tver'. (In Russian)

The article was submitted on 19.05.2021

Поступила в редакцию 19.05.2021

Свирина Людмила Олеговна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
l.o.svirina@yandex.ru

Ашрапова Алсу Халиловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
chudosun@list.ru

Svirina Lyudmila Olegovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
l.o.svirina@yandex.ru

Ashrapova Alsu Khalilovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
chudosun@list.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:
(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author
Организация / Organization
Страна / Country
Город / City
E-mail:
Наименование статьи / Title of article
Аннотация / Abstract
Ключевые слова / Keywords

Библиографический список оформляется следующим образом:

- Список литературы (по центру);
- труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);
- References (по центру);
- транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

– в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons“ was published in the journal “Russian Messenger“.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смыслового различия контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёлль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке.

Текст статьи.

Список литературы.

References.

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Примечания и библиографические ссылки

Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.

Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (от 01.01.2009).

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Пушкин, т. 2, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

Отсылки на архивы и рукописные собрания оформляются по общим правилам, указываются в квадратных скобках внутри текста статьи и вносятся в список литературы.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список литературы оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список литературы

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Iinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uchashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

**Транслитерация текста
(пошаговая инструкция)**

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант LC (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б.* Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: P'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

10. Итак, получаем следующий вариант:

P'inskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

11. Если указывается электронное издание, то дату обращения также надо перевести на английский язык (например, accessed: 24.02.2015).

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Для заметок

Для заметок

Подписано в печать 21.06.2021.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 32,1.
Тираж 1000 экз. Заказ 66/7

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

